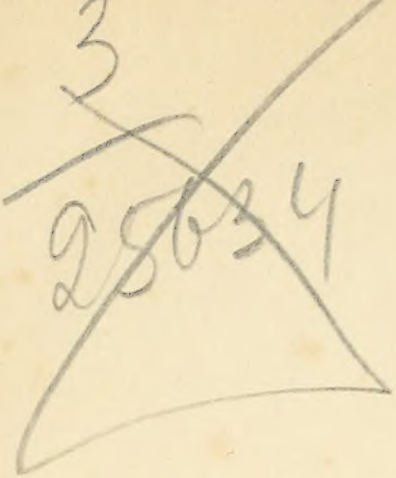
3 1761 08106693 8


3
28634

РУССКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ и НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

1892.

ЯНВАРЬ.

1. Экз.

Москва.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

I. РУССКІЙ ТУРИСТЪ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ ВЪ НАЧАЛѢ XVIII ВѢКА. Гл. I—IX. **А. Брикнера**..... 5

II. СТИХОТВОРЕНІЯ. **А. А. Фета**..... 39

III. МАХДИ СУДАНА И ЦАРСТВО ДЕРВИШЕЙ. **А. В. Елисѣева**..... 44

IV. РЕВНОСТЬ. (Изъ семейныхъ непріятностей, посвящается М. Н. К.....). Гл. I—XXII. **М. В. Крестовской**..... 89

V. СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ. Гл. VIII. **А. С. Ермолова**..... 159

VI. НОВАЯ САНДРИЛЬОНА. Романъ. (Изъ французскихъ нравовъ). Гл. I—IV. **Гр. Е. А. Саліаса**..... 213

VII. РАЗВОДЪ. (Современные нравы). **Альфонса Додэ**. Переводъ съ рукописи П. Гальперина-Каминскаго. Гл. I—III. 241

VIII. СТИХОТВОРЕНІЕ. **Гр. А. К. Толстаго**..... 291

IX. ХРИСТІАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ И РИМСКІЙ ЗАКОНЪ. (Въ теченіе двухъ первыхъ вѣковъ). **Ю. А. Кулаковскаго**.... 294

X. СТИХОТВОРЕНІЯ. **Кн. Э. Э. Ухтомскаго**..... 324

XI. САЛЛИ ДОУЗЪ. Романъ **Бретъ-Гарта**. (Переводъ съ рукописи. Ѳ. Д.). Прологъ. Гл. I—II..... 326

XII. ПАМЯТИ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА. **В. С. Соловьева**..... 352

XIII. НЕДОСЯГАЕМЫЯ ЗВѢЗДЫ. Разсказъ **Зудерманна**. (Переводъ съ нѣмецкаго)..... 357

XIV. ЛИТЕРАТУРНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ ВЪ СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ. Гл. I—III. **А. А. Борзенко**..... 384

XV. ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА. (Спеціальная корреспонденція.) Письмо I. **Г. Вельшингера**..... 404

XVI. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА. **С. Васильева**..... 420

XVII. МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. **Н. Д. Кашкина**..... 427

XVIII. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. Кончина Великаго Князя Константина Николаевича.—Общественныя работы, какъ помощь голодающимъ. — *Новое Время* и г. Дрейфусъ. — *Московскія Вѣдомости* и православіе. — Отчетъ оберъ-прокурора Св. Синода.—Переходъ въ православіе принца Кобургскаго.—Инцидентъ гг. Констана и Лора..... 429

XIX. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. **Л. Н. Воронова**..... 451

XX. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:

1) А. Рубинштейнъ. *Музыка и ея представители.* (Разговоръ о музыкѣ.) Изд. П. И. Юргенсона. 185 стр. **Н. Д. Кашкина**..... 470

2) I. Гей Лестренджъ: *Палестина подъ владычествомъ мусульманъ. Описаніе Сиріи и Святой Земли въ 650—1500 г. по средневѣковымъ арабскимъ географамъ.*—(Gay Lestrange's London *Palestine under the Moslems etc with maps and illustrations, published for the commitee of the Palestine Exploration Fund.* 1890). — П. А. Фонъ-Фрикенъ: *Итальянское искусство въ эпоху Возрожденія.* Часть первая. Москва 1891 г. **М. П. Соловьева**..... 476

3) Edouard Lockroy. *M. de Moltke, ses mémoires et la guerre future.* Paris. 1892. (Sixième edition). Эдуардъ Локруа. *Мольтке, его мемуары и будущая война.* Парижъ. 1892. (Шестое изданіе.) **Ѳ. А. Духовецкаго**..... 482

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РУССКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ и НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЯНВАРЬ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ
1892.

РУССКІЙ ТУРИСТЪ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ ВЪ НАЧАЛѢ XVIII ВѢКА.

I.

Князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ (1676—1727) принадлежалъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ политическихъ дѣятелей эпохи Петра Великаго. Въ качествѣ дипломата онъ во второй половинѣ этого царствованія и царю и отечеству оказывалъ существенныя услуги. Неоднократно иностранные государственные дѣятели, имѣвшіе дѣло съ Россіей, хвалили умъ и талантъ, опытность и политическій тактъ князя Бориса Ивановича. Онъ трудился какъ представитель интересовъ Россіи: то въ Римѣ, то въ Парижѣ, то въ Лондонѣ, но главнымъ образомъ въ Нидерландахъ, гдѣ онъ находился болѣе десятилѣтія. Особенно плодотворною его дѣятельность была въ то время, когда приходилось оканчивать Сѣверную войну. Не переставалъ онъ трудиться на пользу Россіи и во время краткаго царствованія императрицы Екатерины I.

Куракинъ, какъ дипломатъ, стоялъ несравненно выше русскихъ пословъ и посланниковъ эпохи царствованій первыхъ государей дома Романовыхъ. Въ нашей монографіи „Русскіе дипломаты-туристы въ Италіи въ XVII столѣтіи“ мы имѣли случай указать на неблагопріятное впечатлѣніе, производимое московскими дипломатами въ западной Европѣ, благодаря тому, что они были людьми очень мало образованными, что они не владѣли ни однимъ западно-европейскимъ языкомъ, что они

грубостью нравовъ, нарушеніемъ приличія, невѣжествомъ отличались невыгодно отъ той среды, въ которой имъ, въ качествѣ государственныхъ дѣятелей, приходилось вращаться въ разныхъ государствахъ. [1] Въ статьѣ о посольствѣ Менезеса въ Италію въ 1672 г. [2] мы указали на громадную разницу между русскими дипломатами въ точномъ смыслѣ, то-есть людьми въ родѣ Чемоданова, Лихачева, Желябужскаго и Петра Потемкина, и иностранцами, которые, находясь въ русской службѣ, порой были полезными тружениками въ области дипломатіи, какъ, напримѣръ, Менезесъ, Гордонъ, Виніусъ, Леффортъ и пр. Въ эпоху Петра удалось приготовить нѣкоторое число русскихъ людей, которые были въ состояніи не хуже иностранцевъ участвовать въ дѣлахъ государственныхъ и дѣйствовать въ качествѣ представителей Россіи въ западной Европѣ. Таковы были, напримѣръ, Матвѣевъ, Неплюевъ, Толстой, Долгорукій, Куракинъ и пр.

Главною школой русскихъ людей, оказавшихся впослѣдствіи дѣльными и опытными дипломатами, служили путешествія, предпринятыя ими съ цѣлью учиться, повидать свѣтъ, ознакомиться съ правами и общественными пріемами народовъ, превосходившихъ тогдашнюю Россію своею цивилизаціей. Не было случаевъ отправленія молодыхъ людей съ цѣлью приготовленія ихъ прямо къ дипломатической дѣятельности. За то путешествія, предпринятыя съ другими цѣлями, бывали условіемъ для позднѣйшей болѣе или менѣе успѣшной дипломатической карьеры, между прочимъ потому, что отправленные за границу молодые люди, благодаря пребыванію на Западѣ, учились языкамъ, успѣвали приглядѣться къ общественному и государственному строю въ чужихъ краяхъ и потому при случаѣ могли оказывать своему отечеству услуги въ области международныхъ сношеній. Такъ, напримѣръ, молодой Посниковъ, сынъ дьяка посольскаго приказа, отправленный въ Италію для обученія медицинѣ, сдѣлавшійся докторомъ философіи и медицины въ городѣ Падуѣ, не посвятилъ себя карьерѣ врача, но сдѣлался дипломатомъ. [3] Такъ Петръ Толстой, посланный за границу „для науки военныхъ дѣлъ“,

---

[1] См. особенно III главу нашей монографіи о туристахъ-дипломатахъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* т. CXXVIII, стр. 590 и слѣд.

[2] Русское посольство въ Италіи въ 1672 г. въ журналѣ *Новь* 1886, т. VII, № 2, стр. 231—246.

[3] См. мою статью „Врачи-иностранцы въ Россіи“, въ журналѣ *Новь* 1891. Т. XXXVII, № 3, стр. 163.

не сдѣлался военнымъ человѣкомъ, но въ качествѣ дипломата былъ впослѣдствіи очень полезнымъ дѣятелемъ. То же самое происходило съ Неплюевымъ, который, изучивъ въ Греціи, Италіи и Испаніи мореплаваніе и сдавъ послѣ возвращенія въ Россію экзаменъ по предметамъ навигаціи, не сдѣлался морякомъ, а въ качествѣ дипломата былъ отправленъ въ Константинополь. При всѣхъ этихъ случаяхъ знакомство съ итальянскимъ языкомъ, занимавшимъ видное мѣсто въ дипломатическихъ сношеніяхъ, особенно съ Оттоманскою Портой, было, какъ кажется, главнымъ условіемъ такой перемѣны карьеры и занятій.

То же самое случилось съ княземъ Б. И. Куракинымъ. Ему было двадцать лѣтъ и онъ былъ спальникомъ при дворѣ, когда онъ въ 1696 году, вмѣстѣ съ другими молодыми людьми, долженъ былъ отправиться въ Италію для обученія морскому дѣлу. Онъ нѣсколько недѣль пробылъ въ Венеціи, затѣмъ совершилъ двѣ поѣздки по Адріатическому морю, занимался математикой, астрономіей, навтикой, механикой и фортификаціей и получилъ отъ венеціанскаго правительства что-то въ родѣ диплома. Однако всѣ эти науки не состояли въ связи съ его позднѣйшею дѣятельностью на поприщѣ дипломатическомъ. За то ознакомленіе съ итальянскимъ языкомъ, которому онъ выучился въ совершенствѣ уже въ 1696—7 гг., было лучшимъ приготовленіемъ къ той роли, которую ему пришлось играть десятилѣтіемъ позже въ качествѣ дипломата въ Римѣ. [1]

Къ сожалѣнію, нѣтъ разсказа Куракина о впечатлѣніи, произведенномъ на него западною Европой и въ особенности Италіей, во время этой первой поѣздки его за границу. Еслибъ онъ составилъ разсказъ объ этомъ путешествіи, предпринятомъ съ учебною цѣлью или еслибы такой разсказъ, быть-можетъ составленный Куракинымъ, дошелъ до насъ, онъ безъ сомнѣнія не уступалъ бы значеніемъ другимъ разсказамъ современниковъ князя о сильномъ впечатлѣніи, которое на нихъ произвела западноевропейская цивилизація при *первомъ* пребываніи за границей. Шереметевъ, Матвѣевъ, Толстой, Неплюевъ и др. въ болѣе или менѣе подробныхъ журналахъ описывали свои впечатлѣнія, и эти

---

[1] Болѣе подробныхъ данныхъ о пребываніи Куракина въ Италіи въ девяностыхъ годахъ семнадцатаго вѣка мы не имѣемъ. Онъ лишь кратко упоминаетъ объ этомъ въ своей автобіографіи. См. „Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина“. СПб. 1890. Т. I, стр. 257.

путевыя замѣтки служатъ полезнымъ источникомъ при изученіи чрезвычайно важнаго въ исторіи Россіи вопроса о пользѣ вліянія Запада на русское общество и на государственныя учрежденія въ Россіи. Куракинъ былъ хорошимъ наблюдателемъ, не хуже только-что названныхъ авторовъ любопытныхъ журналовъ путешествій. Онъ умѣлъ учиться за границей всему возможному. Нѣтъ сомнѣнія, что уже во время перваго своего путешествія онъ успѣлъ пріобрѣсти довольно замѣчательную энциклопедическую эрудицію. О томъ, что̀ интересовало Куракина, на что̀ онъ обращалъ особенное вниманіе во время предпринятыхъ имъ путешествій, мы узнаемъ очень подробно изъ дневника и путевыхъ замѣтокъ князя, которыя относятся къ 1705—8 годамъ и которымъ посвящена наша статья.

„Дневникъ и путевыя замѣтки“ князя Б. И. Куракина были найдены очень недавно въ семейномъ архивѣ Куракиныхъ въ селѣ Надеждинѣ, Сердобскаго уѣзда, Саратовской губерніи, и напечатаны въ первой книгѣ „Архива князя Ѳ. А. Куракина“, издаваемаго М. Семевскимъ (стр. 101—240). Эти наброски туриста замѣчательны, какъ намъ кажется, въ культурно-историческомъ отношеніи. Подобно тому какъ такіе же разсказы другихъ русскихъ туристовъ того времени рельефно рисуютъ намъ значеніе непосредственнаго соприкосновенія русскихъ людей съ другими народами и ознакомленія ихъ съ бытомъ западной Европы, и сочиненіе князя Куракина о предпринятыхъ имъ разныхъ путешествіяхъ по Германіи, Италіи, Австріи и Голландіи заключаетъ въ себѣ разныя характеристическія черты, воспроизводящія умственную атмосферу въ началѣ XVIII вѣка.

II.

До разбора нѣкоторыхъ замѣчаній Куракина о предметахъ, которые обращали на себя вниманіе путешественника въ 1705—8 годахъ мы скажемъ нѣсколько словъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ были предприняты эти поѣздки, а далѣе мы укажемъ на итинерарій путешествій.

Князь Борисъ Ивановичъ, несмотря на чрезвычайную слабость здоровья, долженъ былъ, какъ многіе другіе дворяне, посвятить себя военной карьерѣ. До отъѣзда за границу онъ участвовалъ въ военныхъ операціяхъ. Такъ, напримѣръ, онъ присутствовалъ

при взятіи Шлюссельбурга осенью 1702 года и при взятіи Нарвы въ 1704 году. Во все это время онъ страдалъ разными болѣзнями, о которыхъ онъ довольно подробно говоритъ въ своей автобіографіи, напечатанной также въ первой книгѣ „Архива князя Ѳ. А. Куракина“. Онъ въ это время былъ въ чинѣ маіора и въ декабрѣ 1704 года, когда войско съ торжествомъ послѣ взятія Дерпта и Нарвы и другихъ успѣховъ возвратилось въ Москву, велѣ, какъ онъ самъ разсказываетъ въ своей автобіографіи, Семеновскій полкъ. Въ началѣ 1705 года болѣзни князя усилились, и онъ до весны употреблялъ разные способы лѣченія. Затѣмъ, однако, онъ долженъ былъ отправиться къ арміи, находившейся въ то время около Полоцка. Самъ Петръ изъ Москвы выѣхалъ въ Польшу 31 мая. [1] Вслѣдъ за нимъ поѣхалъ и Куракинъ. Побывавъ въ Смоленскѣ и Витебскѣ, Куракинъ пріѣхалъ въ Полоцкъ 27 іюня, гдѣ Петръ находился съ 12 іюня, 29 іюня князь Борисъ Ивановичъ участвовалъ въ банкетѣ, устроенномъ въ день апостоловъ Петра и Павла. [2] Изъ Полоцка Куракинъ выѣхалъ 3 іюля и прибылъ въ Вильну не раньше какъ 17, тогда какъ царь успѣлъ доѣхать до этого города уже 8 іюля. Во все это время здоровье князя было очень плохо, 29 іюля онъ „получилъ указъ ѣхать за море для лѣченія“, и тотчасъ же отправился въ путь, цѣлью котораго былъ Карлсбадъ. Онъ ѣхалъ чрезъ Тильзитъ въ Кенигсбергъ, оттуда моремъ въ Кольбергъ, затѣмъ чрезъ Берлинъ и Дрезденъ въ Богемію. Въ Теплицъ Куракинъ прибылъ 11 сентября, а въ Карлсбадъ 13. Лѣченіе тутъ продолжалось около мѣсяца. Выѣхавъ оттуда 11 октября, князь чрезъ Лейпцигъ, Галле, Ашерслебенъ, Минденъ и Везель направилъ свой путь въ Голландію, гдѣ онъ пробылъ довольно долго, а именно отъ 25 октября 1705 г. до конца мая 1706 года. И въ Голландіи князь лѣчился, обращался къ докторамъ, но его здоровье поправилось до того, что онъ могъ во все это время участвовать въ разныхъ увеселеніяхъ, побывать въ разныхъ городахъ Голландіи, осмотрѣть разныя достопримѣчательности края, собрать множество данныхъ о Голландіи и Англіи и вообще изучить бытъ и нравы въ Нидерландахъ. Особеннаго порученія

---

[1] Походный журналъ 1705 года, стр. 3.

[2] О происшедшемъ на другой день эпизодѣ съ монахами-уніатами (см. мою Исторію Петра Великаго, стр. 437) Куракинъ, къ сожалѣнію, не упоминаетъ.

онъ въ это время, какъ кажется, не имѣлъ и жилъ въ Голландіи въ качествѣ частнаго человѣка, туриста. Покинувъ Голландію въ концѣ мая. Куракинъ чрезъ Берлинъ, послѣ пребыванія въ Бреславлѣ, отправился въ Россію; 3 сентября онъ пріѣхалъ въ Москву. Не долго прожилъ въ Россіи и, пробывъ въ С.-Петербургѣ и въ Польшѣ, князь былъ въ самомъ началѣ 1707 года отправленъ въ Римъ въ качествѣ дипломата. Путь въ Римъ ему былъ чрезъ Вѣну, Венецію, Флоренцію. Въ Римѣ князь пробылъ отъ 20 марта до 10 октября, значитъ безъ малаго семь мѣсяцевъ. Затѣмъ онъ предполагалъ вернуться въ Россію, но на дорогѣ туда, во время пребыванія въ Вѣнѣ въ концѣ января 1708 года, получилъ отъ Головина письмо съ порученіемъ немедленно отправиться въ Гамбургъ, гдѣ онъ долженъ былъ оставаться нѣкоторое время, въ качествѣ дипломатическаго агента, но нѣкоторымъ образомъ „инкогнито“, то-есть „безъ характера“. Чрезъ Прагу, Дрезденъ, Лейпцигъ, Брауншвейгъ онъ поѣхалъ въ Гамбургъ, куда онъ прибылъ 21 февраля и гдѣ онъ оставался до 19 апрѣля. Отсюда онъ долженъ былъ отправиться въ Голландію, гдѣ началась его дипломатическая дѣятельность, продолжавшаяся до его кончины въ 1727 г. Нѣкоторыми замѣчаніями о пребываніи въ Нидерландахъ въ 1708 году оканчивается дневникъ путешествія, сообщенный г. Семевскимъ въ первой книгѣ „Архива князя Ѳ. А. Куракина“.

Вотъ внѣшній ходъ многосложныхъ поѣздокъ князя въ продолженіе этихъ трехъ-четырехъ лѣтъ. Нельзя не сожалѣть о томъ, что дневникъ Куракина почти вовсе не можетъ служить источникомъ для изученія политической исторіи этого времени. Князь о дѣлахъ, которыми онъ занимался въ Римѣ, въ Гамбургѣ, въ Голландіи, не говоритъ въ своемъ дневникѣ.

Впрочемъ, едва ли ему приходилось играть особенно важную роль въ Гамбургѣ. Что касается до Голландіи, то дневникъ прерывается скоро послѣ времени пріѣзда князя въ эту страну, и въ первое время пребыванія его въ Голландіи онъ вѣроятно не успѣлъ много сдѣлать въ области дипломатіи. За то его пребываніе въ Римѣ во всякомъ случаѣ не было лишено политическаго значенія. Онъ прямо имѣлъ дѣло съ папой и кардиналами-министрами, и въ этихъ переговорахъ затрогивались довольно важные вопросы обще-европейской политики. Такъ какъ обо всемъ этомъ ничего не сказано въ дневникѣ Куракина, мы считаемъ не лишнимъ заимствовать нѣкоторыя данныя о политической

миссіи князя въ Римѣ изъ *Исторіи Россіи* С. М. Соловьева. Тутъ сказано слѣдующее:

Петру хотѣлось заставить папу дѣйствовать въ Польшѣ противъ Станислава Лещинскаго, какъ возведеннаго на престолъ Карломъ, врагомъ католицизма. Куракинъ при этомъ случаѣ, въ аудіенціи у папы, выставлялъ на видъ, что Петръ не врагъ католицизма, что въ Московскомъ государствѣ позволено свободное исповѣданіе католической вѣры, что Петръ позволилъ строить католическія церкви и пр. За все это царь желаетъ, говорилъ Куракинъ, чтобы папа не признавалъ короля Станислава, а призналъ бы того, кто будетъ избранъ вольными голосами на сеймѣ.

Въ общихъ выраженіяхъ Куракину отвѣчали, что папа не признаетъ Станислава королемъ до тѣхъ поръ, какъ вся Рѣчь Посполитая не признаетъ его своимъ королемъ. На требованіе папы, чтобы царь далъ грамоту за своею рукой о свободномъ отправленіи римскаго богослуженія и построеніе римскихъ церквей въ Россіи, Куракинъ отвѣчалъ, что если захотятъ построить римскую церковь въ Москвѣ или въ какомъ-нибудь другомъ городѣ, то безъ сомнѣнія получатъ позволеніе и что царь не откажется дать и требуемую грамоту, но только послѣ войны и смотря потому, будетъ ли продолжаться къ нему доброе расположеніе папы. [1]

Таковъ былъ предметъ дипломатической миссіи Куракина въ 1707 году и, какъ видно изъ этого краткаго извлеченія изъ относящихся въ ней документовъ въ Московскомъ Архивѣ, онъ при этомъ случаѣ сумѣлъ держать себя ловко и правильно.

До аудіенціи у папы происходили между княземъ и сановниками папы долгіе споры на счетъ церемоніи при представленіи папѣ. Объ этихъ церемоніяхъ, о всевозможныхъ мелочахъ этикета подробно говорится въ журналѣ путешествія Куракина. Онъ описываетъ, въ какихъ формахъ соблюдались обычаи при сношеніяхъ дипломатовъ съ кардиналами, каковы дѣлаются визиты, какъ принимаются гости сообразно занимаему ими въ обществѣ положенію, въ какихъ экипажахъ выѣзжаютъ кардиналы и другія лица, каковъ штатъ у кардиналовъ, въ какомъ платьѣ должно бывать при извѣстныхъ болѣе или менѣе торжественныхъ случаяхъ и пр. (177—189). [2] О дѣлахъ, о политикѣ, объ успѣхѣ

---

[1] Соловьевъ, XV, стр. 227—228.

[2] Въ скобкахъ страницы перваго тома Архива князя Куракина.

своей дипломатической миссіи Куракинъ не говоритъ въ своемъ журналѣ, и развѣ только упомянуто о нѣкоторыхъ событіяхъ, касавшихся Рима въ это время. За то его особенно интересовали внѣшнія формы дипломатическаго искусства, правила свѣтскаго обращенія съ высокопоставленными лицами, частности того, что̀ называется „savoir faire“ и „savoir vivre“. Нѣтъ сомнѣнія, что Куракинъ, владѣвшій итальянскимъ языкомъ, одѣвавшійся въ западно-европейское платье и пріобрѣтшій общее образованіе, какъ уже было сказано, провзводилъ и въ Италіи, и въ Вѣнѣ, гдѣ онъ имѣлъ торжественную аудіенцію у императора Іосифа I (226—228), весьма благопріятное впечатлѣніе, въ противоположность къ прежнимъ московскимъ дипломатамъ въ родѣ Чемоданова, Лихачева и пр., которые и азіятскимъ платьемъ и невѣжествомъ, грубостью нравовъ и отсутствіемъ всякаго политическаго образованія вызывали смѣхъ и презрѣніе и скорѣе считались карикатурами дипломатовъ, чѣмъ настоящими государственными людьми.

III.

Сильное вліяніе западной Европы на князя Бориса Ивановича прежде всего при чтеніи его сочиненій обнаруживается въ довольно странной нестротѣ языка. Куракинъ уже во время первой поѣздки въ Италію до того привыкъ къ итальянскому языку, что постоянно мѣшалъ родной русскій языкъ съ итальянскимъ, писалъ иногда по-русски латинскимъ шрифтомъ, употреблялъ множество чужихъ словъ и пр. И полонизмовъ встрѣчается очень много въ сочиненіяхъ Куракина, и поэтому и издателю довольно часто приходилось подъ страницей указывать при помощи словаря Носовича на значенія нерусскихъ терминовъ, попадающихся массами въ бумагахъ Куракина. Особенно подробно изучалъ нестроту слога князя г. Шмурло, присоединившій къ своей статьѣ объ изданіи г. Семевскаго въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (февраль 1841 г.) очень полный и весьма тщательно составленный вокабулярій къ первому тому *Архива кн. Ѳ. А. Куракина.*

Укажемъ на эти чужіе элементы въ языкѣ Куракина, останавливаясь на нѣкоторыхъ примѣрахъ, прежде всего на разныя фразы въ русскомъ языкѣ, написанныя латинскомъ шрифтомъ.

Пребывая въ Голландіи 1 января 1706 г., онъ пишетъ „Nascalo scestago godu in Amsteldam“ (143). 24 января послѣ покупки парика съ усами сказано: „Paric sussami scernvi dan 20 guldenof“, а далѣе: „25 Genuaria o Amstiadame bil sneg velicoi tac scto nascetuert vipalo i obiscai (обычай) ezdiat v saniah s colocolci, a sani logoncoi“. На этой же страницѣ (149) встрѣчается цѣлый рядъ данныхъ о монетной системѣ въ Нидерландахъ и въ Италіи, а надпись надъ этими замѣчаніями: „O manete galanscoi s veneccoi“ (то-есть венецкой). Довольно курьезное впечатлѣніе производятъ и слѣдующія замѣтки (151) „Vesti mi poluscili iz Polszii, scto Carol scvedccai poscel mimo Grodni v Litvu,—butto nedav snami bataliu, scto nazi byli horosco (хорошо) preugotovleni c batalgi и (русскою буквою) scto esce mozem poluscit vedomosti; o tom dolzni pisat budem“, и дальше: „1706. 18 Fevrala. Caftan sei zdelan v Amsterdam ves sugna aglinskago. Posemu resonu zaplosceno 27 guldenof 13 stivirei, a sovsem stal 103 guldena 13 stiveri“. Въ мартѣ 1706 г. замѣчено (на стр. 154): „Christofor Braut poluscil pisma Alexandra Danilovica Menscicova esce vpervye“ и дальше: „Kupleno nozgnici (ножницы) francuscie smednimi naperstoscci (съ мѣдными напе́рсточки) a dano 45 stiveria, to budet naschih deneg 20 ал.“ (алтынъ—60 копѣекъ). Вотъ еще нѣкоторые случаи такой необычайной орѳографіи: „Agarcovu (Огаркову, то-есть слугѣ князя) dano cormovyh (кормовыхъ) deneg“ (стр. 164) или „Breslav budet od Cracova 20 mil, a esdy (ѣзды) verhom 4 dni ili 5 dnei, a Varsava „50 mil“ (169) или „u ivana izmailova vsial rucavici“ и т. под.

Довольно странными оказываются случаи употребленія русскихъ и латинскихъ словъ и буквъ въ перемѣшку, напримѣръ, „Princ Ghalicin i Lvof poehal v Angliu Aprelia 19 dnia i zdes zili stri nedegli. Signori Golovcini veniutr in Amserdam 25 aprela e non havevano reutito nicute novo da Polggnia“ (162); [1] или: „На Москвѣ sua Maesta ne byl—tolco carevisc ason (?) altesso byl въ Польшѣ съ послами, a sua maesta v peterburghu“: (171); или: „Coute Bratislaff grafu Piperu отъ цезаря презентовалъ перстень въ 12.000 florinoff“ (216); или: „Получили вѣдомость будто principe [2] Monscicovi rodilla sin“ (225); или

[1] „Головкины прибыли въ Амстердамъ и не слыхали ничего новаго изъ Польши.

[2] Вѣроятно „principessa“.

„Вольфенбитель гдѣ разыдуетъ (резидуетъ, то-есть имѣетъ резиденцію) principe Volfeubutel отъ дому ducaf Brunsvicaff (228) и т. под.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ журнала Куракинъ пишетъ по нѣскольку строкъ прямо на итальянскомъ языкѣ. Такова, напримѣръ, замѣтка отъ 6 февраля 1706 г. о побѣдѣ Карла XII (151), замѣтка отъ 31 января 1708 г. о разныхъ сановникахъ въ Австріи (225) и пр.

На каждомъ шагу князь употреблялъ чужія слова. Говоря о террорѣ послѣ Астраханскаго бунта, онъ замѣчаетъ, что былъ „московскій *емуе* (émoi); о празднованіи побѣды надъ Шведами сказано, что „*трумфовали*“ и благодарный молебенъ пѣли (109). Разсказывая о битвѣ при Гемауертсгофѣ, Куракинъ пишетъ, что объ этомъ *Кумеру* (т.-е. объ этомъ печальномъ событіи) узнали тогда-то (112). Торговлю онъ называетъ „публичною марканціей“; вмѣсто иностранцевъ онъ пишетъ о „форестирахъ“, вмѣсто удовольствія „плезиръ“. Слова, въ родѣ „куріозита“ (любопытная вещь), „дификульта“ и т. под., иногда у Куракина склоняются, что̀ производитъ странный эффектъ, такъ, напримѣръ, онъ упоминаетъ объ описаніи „выты“ отъ слова „vita“ (жизнь) (163). Въ Римѣ онъ пишетъ о „ребеліяхъ пополи римской“, то-есть о бунтахъ черни въ этомъ городѣ (190), о „водяныхъ жокахъ“, т.-е. о фонтанахъ, отъ слова „giuoco“ — игра; о Цицеронѣ сказано, что онъ „давалъ слеціони“, то-есть читалъ лекціи. „Народъ римскій не контентъ (то-есть не доволенъ, не радъ) быть подъ папою“; далѣе говорится о „ринфрешкахъ“, которыми угощаютъ дамъ и кавалеровъ, объ удовольствіи „смотрѣть антискита“, то-есть заниматься археологіей, осматривать коллекціи произведеній древняго искусства. Объ одномъ „прете“ (священникѣ) сказано, что онъ „великую естиму имѣлъ“, то-есть пользовался общимъ уваженіемъ; о школахъ, содержавшихся на счетъ французскаго короля, онъ замѣчаетъ, что тамъ „учутъ для артей (искусства) на шпезу короля“; городъ Прагъ онъ называетъ „меленколишнымъ“, то-есть скучнымъ. Альтона у него „мѣсто не офиртоковано“, то-есть тамъ нѣтъ фортификацій; послѣ многихъ путешествій князь очень радъ возвратиться „въ патрію“, то-есть въ отечество; въ Голландіи онъ жалуется на „умидиту аріи“, то-есть на сырость воздуха и т. д.

И прочіе труды князя Бориса Ивановича переполнены чужими словами, какъ-то: „уважъ“ трудъ, „потенціи“ державы,

„доместики“ прислуга, „опиніи“ мнѣнія, „голантъ“ любовникъ, „повоіръ“ власть, „супе“ ужинъ, „профиктъ“ выгода, „артофиціальный огонь“ фейерверкъ, „шаржи“ должности, постоянно употребляются слова въ родѣ „неглижировать“, „мепризировать“, „камповать“, „експликовать“ или въ родѣ „конфиденціи“, „консидераціи“, „десперациіи“, „конфузіи“, „оказіи“, „малькоптентъ“, „капабель“, „трезоры“, „авантажъ“, „говерноментъ“, „дебошп“, „амурныя интриги“, „бизакія гумору“ (то-есть странность права), „шато“ (дворецъ), „віямъ“ (путешествіе, отъ итальянскаго слова „viaggio“), „желузія“, „инфлюенція“, „прогрессы“, „ситуація“ и пр. и пр.

Очевидно до постояннаго пребыванія въ Голландіи Куракинъ по отношенію къ слогу находился особенно подъ вліяніемъ итальянскаго языка, тогда какъ послѣ, благодаря пребыванію въ Гагѣ, Лондонѣ и Парижѣ онъ болѣе привыкъ къ французскому языку, заимствуя изъ послѣдняго разныя слова и обороты.

Вообще князь, какъ кажется, интересовался иностранными языками. Не говоря уже о безчисленныхъ польскихъ словахъ, встрѣчающихся въ его сочиненіяхъ, онъ между прочимъ во время пребыванія въ Вильнѣ собиралъ литовскія слова, сравнивалъ ихъ съ русскими и даже переводилъ нѣкоторыя фразы съ одного языка на другой (см. стр. 109).

IV.

Нельзя сказать, чтобы князь Куракинъ во время своихъ путешествій по разнымъ странамъ западной Европы обращалъ особенное вниманіе на современныя политическія событія или на политическія учрежденія. Неоднократно онъ, правда, упоминаетъ во время пребыванія въ Италіи, Голландіи и проч., о нѣкоторыхъ фактахъ, относящихся къ Сѣверной войнѣ. За то онъ, какъ кажется, вовсе не слѣдилъ за событіями войны за испанское наслѣдство, хотя именно ко времени составленія имъ журнала путешествій 1705 — 8 гг. относятся очень важныя битвы при Рамильи, Турнѣ, Альмансѣ и Уденардѣ. Куракинъ упоминаетъ лишь объ одномъ изъ этихъ сраженій, а именно о битвѣ при Рамильи (163), въ которомъ было разбито на-голову французское войско подъ командой маршала Вилеруа (въ маѣ 1706 г.). О мѣстечкѣ Рамильи у Куракина впрочемъ не упомянуто, но

только сказано, что „баталія та была недалеко отъ Мастрихта въ двѣнадцати часахъ“, а далѣе сообщаются нѣкоторыя данныя о частностяхъ этого сраженія и о послѣдствіяхъ его. Но эти разсужденія о борьбѣ между Франціей и ея противниками могутъ считаться прямо исключеніемъ. Куракинъ во все это время развѣ только въ Римѣ былъ государственнымъ дѣятелемъ, да и тутъ онъ былъ дипломатическимъ агентомъ „безъ характера“. Въ другихъ мѣстахъ онъ, какъ кажется, былъ почти исключительно частнымъ человѣкомъ, занимался собственными дѣлами, лѣченіемъ, покупками нѣкоторыхъ предметовъ роскоши и проч. Поэтому онъ очень рѣдко имѣлъ дѣло съ государственными сановниками. Нельзя не сожалѣть о томъ, что онъ не оставилъ въ своихъ путевыхъ замѣткахъ ни одной характеристики замѣчательныхъ современниковъ. Онъ, какъ видно изъ его историческаго труда о Россіи въ 1682—94 годахъ (39—78) умѣлъ въ немногихъ чертахъ изображать значеніе и качества историческихъ лицъ. Въ журналѣ путешествій однако и даже по поводу личной встрѣчи съ императоромъ Іосифомъ I или съ папой ни слова не сказано о впечатлѣніи, произведенномъ на него этими лицами. Короля Прусскаго Фридриха I князь, кажется, не видалъ, но, осмотрѣвъ въ Берлинѣ великолѣпный дворецъ, онъ замѣчаетъ: „король Прусскій при дворѣ обходится во всемъ, какъ Французскій“ (117). Въ Голландіи, какъ можно думать, Куракинъ не имѣлъ случая лично познакомиться съ извѣстнымъ бургомистромъ Витзеномъ, но онъ пишетъ о немъ (135): „Вицинъ въ любви великое къ нашему государству имѣетъ и до котораго его величество въ бытность свою здѣсь вельми склоненъ былъ“.

Пребывая въ разныхъ странахъ, Куракинъ собиралъ свѣдѣнія о лицахъ, участвовавшихъ въ управленіи, и составлялъ списки такимъ лицамъ и присутственнымъ мѣстамъ; поэтому нѣкоторыя части его дневника имѣютъ, такъ-сказать, видъ статсъ-календаря. Таковы замѣтки: „Объ урядѣ (то-есть объ управленіи) княжества литовскаго“ (110), о прусскихъ сановникахъ въ Кенигсбергѣ (114), объ администраціи въ Голландіи (159), о „коллегіяхъ“ въ Римѣ (207—8) и т. под. Далѣе онъ составлялъ иногда списки провинціямъ, на которыя раздѣлялись посѣщаемыя имъ страны: на стр. 159 мы встрѣчаемъ таблицу всѣхъ странъ Европы съ обозначеніемъ главнаго города въ каждомъ государствѣ.

Для русскаго человѣка въ началѣ XVIII вѣка было нелегко

вдумываться въ государственный строй другихъ государствъ, составить себѣ понятіе о болѣе развитомъ государственномъ правѣ, изучать учрежденія конституціонныхъ монархій или республикъ. Тѣмъ интереснѣе статья объ Англіи, составленная Куракинымъ во время пребыванія въ Голландіи и озаглавленная такимъ образомъ: „Буду объявить о провинціи Англіи, что̀ могъ здѣсь провѣдать.“ Тутъ встрѣчаются замѣтки объ исповѣданіяхъ въ Великобританіи, о двухъ палатахъ, которыхъ князь обозначаетъ голландскими терминами („Гогоръ-гоусъ“ и „Лагъ-гоусъ“) и о кругѣ дѣятельности которыхъ онъ говоритъ подробнѣе. Замѣчанія о значеніи второй палаты и объ ограниченной власти Англійскаго короля свидѣтельствуютъ о способности князя Бориса Ивановича вникнуть въ самыя существенныя начала англійскаго государственнаго права (стр. 145).

Гораздо подробнѣе Куракинъ по случаю своей дипломатической миссіи въ Римѣ могъ ознакомиться съ учрежденіями Церковной области. Довольно тщательно изложены въ его журналѣ правила выборовъ папъ и какія тутъ происходятъ интриги и со стороны самихъ кардиналовъ, и со стороны представителей иностранныхъ державъ. О послѣднихъ сказано (стр. 196): „А обще всѣ послы смотрѣть универсальнаго интересу, чтобъ папу не выбрали умнаго и расторопнаго, и смѣлаго, и молодаго очень, и всегда желаютъ простаго“ и проч. Довольно любопытны замѣчанія Куракина о мѣрѣ раздраженія народа противъ правительства въ Римѣ, о случающихся часто въ этомъ городѣ безпорядкахъ, о желаніи нѣкоторой партіи въ Римѣ „быть подъ цесаремъ, или подъ кѣмъ иным, а чтобъ не подъ церковными“ и т. под. Тутъ князь Борисъ Ивановичъ оказывается хорошимъ наблюдателемъ, обнаруживаетъ смѣтливость и способность изобразить политическую атмосферу въ столицѣ папы. Благодаря связямъ съ разными государственными людьми, а именно близкому знакомству съ нѣкоторыми изъ кардиналовъ, Куракинъ могъ составить себѣ точное понятіе о политическомъ состояніи Церковной области, о борьбѣ различныхъ партій въ Римѣ, о склонности къ бунтамъ низшихъ классовъ общества, о недостаткахъ администраціи, находившейся въ рукахъ духовенства, о положеніи иностранныхъ дипломатовъ при папскомъ дворѣ, о политическомъ значеніи разныхъ знатныхъ фамилій въ Римѣ и проч.

Достойны вниманія также нѣкоторыя замѣчанія Куракина о государственныхъ учрежденіяхъ въ Нидерландахъ. Богатство этой

республики не могло не удивить князя. Пребывая въ Амстердамѣ, онъ пишетъ: „Сказываютъ, будто въ день приходитъ въ ратушу по 50 тысячъ ефимковъ, и такъ бы было въ годъ 18 милліоновъ и 250 тысячъ, и то ординаріи, а ежели положить съ накладами, для войны могутъ взять втрое столько или вчетверо, на надобность десятой деньги“ (131).

Довольно кратки и сравнительно не важны замѣчанія Куракина о судопроизводствѣ въ разныхъ странахъ Европы. Такъ, напримѣръ, онъ только мимоходомъ говоритъ объ устройствѣ суда въ Амстердамѣ (131). Подробно разсказываетъ князь о видѣнномъ имъ тѣлесномъ наказаніи нѣкоторыхъ преступниковъ въ Амстердамѣ, описывая частности экзекуціи, впрочемъ не особенно жестокой (148). Находясь въ Римѣ, Куракинъ узналъ кое-что объ ужасахъ инквизиціи, о страшныхъ наказаніяхъ, которымъ подвергались религіозные преступники. Замѣтки его о „Санто фиціи“, то-есть „Santo officio“, о духовномъ судѣ, не лишены интереса. Онъ разсказываетъ: „Есть такой домъ, гдѣ въ каморахъ сидятъ такъ узкихъ, только можно сидѣть. И во всю свою жизнь до смерти будетъ сидѣть. И станутъ его питать одни дотни (?), а все меньше давать, и такъ съ голоду уморятъ, высуша всякаго человѣка“ (213—214).

Особенно тщательно Куракинъ вездѣ изучалъ монетную систему. Его интересовало отношеніе денегъ одной страны къ деньгамъ другой уже потому, что онъ записывалъ всѣ свои расходы, сравнивая довольно часто цифры въ монетахъ иностранныхъ съ русскими деньгами. Далѣе онъ обращалъ вниманіе на кредитныя учрежденія, вексельное дѣло и проч. Въ Голландіи онъ написалъ особенную замѣтку объ этомъ предметѣ, въ заглавіи сказано: „А теперь покажемъ впреть для знанія здѣшныхъ векселевъ“ (147), гдѣ изложены частности техники дѣла при переводѣ денегъ. Все это въ Россіи сравнительно мало было развито, и поэтому учрежденія и пріемы въ области международнаго хозяйства въ большихъ размѣрахъ не могли не обращать на себя вниманія способнаго туриста. То же самое относилось и къ почтовымъ учрежденіямъ, существовавшимъ въ Россіи нѣкоторымъ образомъ на западноевропейскій ладъ съ 1664 года, но, разумѣется, въ Голландіи имѣвшимъ гораздо бо́льшіе размѣры. Вставленная княземъ статья „O posctah v'Amsterdame“ (158—159) свидѣтельствуетъ о любознательности князя въ отношеніи къ этому предмету.

Въ Италіи князь старался собрать подробныя свѣдѣнія о бого-

угодныхъ заведеніяхъ, о больницахъ, пріютахъ, воспитательныхъ домахъ и проч. (219). Этому предмету и прежніе русскіе путешественники, напримѣръ, Шереметевъ, посвящали особенное вниманіе очевидно потому, что ничего подобнаго въ такихъ размѣрахъ не существовало въ Россіи и не раньше, какъ уже послѣ этого, устраивались такія же учрежденія въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и проч., благодаря усиливавшемуся вліянію западной Европы на Россію.

V.

Куракинъ, пребывая за границей, имѣлъ случай изучать нравы общества, сравнивать типы разныхъ національностей между собой, наблюдать за характеромъ удовольствій, которымъ предавались люди занимавшіе болѣе высокую степень культуры. На каждомъ шагу онъ находилъ, что между Россіей и другими странами была во всѣхъ этихъ отношеніяхъ громадная разница. Многое, видѣнное имъ, чрезвычайно ему понравилось, и онъ не могъ не желать, чтобы Россія слѣдовала примѣру Запада.

Можно думать, что князь Борисъ Ивановичъ, отправляясь въ 1705 году въ Богемію, до того никогда не видалъ чего-либо похожаго на Теплицъ или Карлсбадъ. Въ Россіи не было въ то время минеральныхъ водъ, около которыхъ собирались бы путешественники изъ разныхъ странъ для лѣченія. Олонецкія „марціальныя“ воды, куда нѣсколько позже отправлялся неоднократно Петръ Великій для лѣченія, въ отношеніи къ удобствамъ для публики, во внѣшней обстановкѣ, въ мѣрѣ комфорта не имѣли ничего общаго съ Карлсбадомъ, гдѣ Куракинъ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за пріемами общежитія и гдѣ устраивались празднества, забавы и развлеченія и для больныхъ, и для здоровыхъ. Князь описываетъ подробно (120) способъ лѣченія въ Карлсбадѣ и дѣйствіе употребленія минеральныхъ водъ, упоминаетъ о гигіеническихъ правилахъ, соблюдаемыхъ паціентами, и далѣе онъ разсказываетъ о веселой жизни „посадскихъ“ людей города Карлсбада по воскресеньямъ, о стрѣльбѣ въ цѣль, о ресторанахъ и проч. „И при томъ полѣ“, пишетъ онъ, „сдѣланъ театрумъ, гдѣ играютъ тронтафль и иныя игры, и карты такъ видѣлъ много, что столовъ больше пятидесять, и гораздо богата и хороша лавка при томъ, гдѣ пьютъ чекуладъ, и чай, и кофе, и лимонаты, и тутъ бываетъ великой сходъ кавалеромъ.“

Чрезвычайно Куракину понравился обычай устраивать пикники. Изъ Карлсбада онъ ѣздилъ въ мѣстечко Шлакенвертъ, которое ему очень понравилось. Во время пребыванія въ Бреславлѣ пфальцграфъ, братъ императора Іосифа I, устроилъ особенное увеселеніе, описанное рельефно въ журналѣ князя. Онъ пишетъ: „Фальцъ-графъ дѣлалъ тріумфальныя ѣзды по водѣ на лодкахъ-чердакъ, гдѣ саженъ десяти, гдѣ собраніе дамъ и кавалеровъ, а на верху, надъ кровлею, за балясами, музыка, и потомъ надъ кровлею пирамида съ разными вертячими огнями; и та пирамида съ знамены и другими уборы, а въ той пирамидѣ не малое число трубачей. И весь трумфальный плотъ ѣздилъ по рѣкѣ, а тутъ обѣдали, играли и ночью танцовали... Тотъ чердакъ у фальсъ-графа гораздо былъ убранъ хорошо и богато, такъ что такой фигуры еще не видалъ, а по рѣкѣ будутъ плавать съ гребцами, на сторонѣ по двадцать пять персонъ и вкругъ все будетъ музыка, а снаружи весь убранъ верхушками, еловыми, лапками (?) и по угламъ, гдѣ отходы-чердачки также изъ елокъ убрана.“ О силѣ впечатлѣнія, произведеннаго всѣмъ этимъ на Куракина, свидѣтельствуетъ слѣдующее замѣчаніе: „Надобно и намъ изъ елокъ чердаки, пирамиды, иные всякіе уборы убирать“ (168).

Роскошь во внѣшней обстановкѣ города Амстердама также понравилась Куракину. Называя самыя лучшія улицы, онъ замѣчаетъ: „И всѣ тѣ улицы въ Амстердамѣ первыя и палаты на нихъ лучшія, и по обѣ стороны великія деревья при каналѣ на берегу и между тѣми фонари; только же тотъ обычай всегда имѣютъ во всемъ Амстердамѣ по всѣмъ улицамъ фонари, и на каждую ночь повиненъ каждый противъ своего дома ту лампаду жечь. А на тѣхъ улицахъ плезиръ или гулянье людямъ великое“ (131). Все это было новымъ для Куракина явленіемъ, какъ и зрѣлище публики, забавляющейся на льду. „Въ ту же мою бытность (въ Амстердамѣ) въ генварѣ такъ велики морозы были, что всѣ каналы замерли и вельми былъ плезиръ великъ въ Амстердамѣ, и выходятъ всѣ гулять съ женами и съ дѣтьми за ворота Утрехтскія для того, что многіе на конькахъ катаются по рѣкѣ Амстеру, а за другія ворота Лейденскія, за третія Гарлемскія. Итакъ все сряду завсе вкругъ всего Амстердама выходятъ и тотъ плезиръ катаются на конькахъ желѣзныхъ на двухъ ногахъ такъ рѣзко и хорошо, что неподобное дѣло. И обычай

такой имѣютъ: что многіе кавалеры катаются сами и дамы въ салазкахъ, а другихъ имскіе (ямскіе) возятъ“ (149).

Вообще много новаго, непзвѣстнаго въ Россіи, Куракинъ видѣлъ въ Голландіи, Италіи и пр. Онъ пишетъ: „Въ Гагѣ видѣлъ множественно каретъ кавалеровъ и всякихъ персонъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ—выѣзжаютъ въ каретахъ на окуръ (?), по вся дни, до обѣда и послѣ обѣда, и ѣздятъ до сумерокъ, а потомъ разъѣзжаются на осамлеи, или на балъ или кому куды угодно. И въ каретахъ богатство великое“ (136). Все это въ Италіи было еще роскошнѣе. Тутъ господствовали учтивость и утонченность въ обращеніи людей высшихъ сословій между собой. Куракинъ пишетъ о кардиналахъ: „Когда въ лѣтѣ пріѣзжаютъ уже которые въ конфиденціи, всегда подчиваютъ рипфрешками, какъ лимонатами, такъ и другими, а ежели въ зимѣ, чекулатомъ и прочими.“ Подробно князь описываетъ иллюминаціи и фейерверки въ Римѣ, причемъ сказано: „А каштель Санта Анжела убранъ такими жъ огнями, и потомъ на верху огни фортификаціальные; которая вся та потѣха называется girandola“ и пр. А дальше: „Всѣхъ дивертисментовъ въ Римѣ. Кранавалъ въ Римѣ только одна остатная недѣля; по курсу (Корсо) ѣздитъ въ машкарахъ и въ розныхъ одеждахъ. Лошадей по курсу пускаютъ скакать... Конверсаціони каждаго дни. Ѳеатри или по-французски балы, гдѣ танцуютъ въ домехъ принцевъ и другихъ персонъ. Серенады, то-есть музыка съ пѣвчими, на подобіе оперы, только что не въ театрумѣ—въ каморахъ... А по Петровѣ дни начинаютъ ѣздить по вечерамъ по пляцу гишпанскому. [1] И всегда всѣ кавалеры и дамъ съѣхавшихъ говорятъ, и дамы стоятъ въ каретахъ, которыя не хотятъ ѣздить по пляцу, а кавалеры, выходя изъ стерговъ, [2] изъ каретъ, ходятъ по пляцу и говорятъ подходя къ каретамъ съ дамами и также рипфрешками потчиваютъ. И потомъ разъѣзжаются въ полтора часа или преже по домамъ“ (201).

Особенно слѣдующая забава удивила князя Куракина: „Есть, называется пяца де нована, и въ мѣсяцѣ августѣ вся напускается изъ фонтановъ водою, и дѣлается какъ бы озеро вся та пяца.

---

[1] Piazza di Spagna близъ церкви ss. Trinita de Monti, съ великолѣпною „испанскою“ лѣстницей, окруженная дворцами и богатая разными памятниками.

[2] Sterzo—экипажъ.

И по той пяцѣ по водѣ ѣздятъ въ каретахъ, и забавы изъ того немалыя живутъ. И многіе кавалеры ѣздятъ въ колясках, которыя подѣланы гондулами, и въ такихъ много колясках ѣздятъ". И дальше: „И въ мѣсяцѣ іюлѣ и августѣ есть обычай такой въ Римѣ, что съѣзжаются принципы между собою и споруются поэтичными виршами, также и по знатнымъ улицамъ многіе на виршахъ поэтическихъ говорятъ и отвѣтство другъ другу даютъ, на которые споры многіе съѣзжаются и сходятся и слушаютъ, а то всегда бываетъ въ ночи". И еще: „Партикулярныя забавы ѣздить смотрѣть антикита, фабрикъ, церквей, полацъ, садовъ, какъ напславной садъ Бургезинъ [1] у самыхъ Польскихъ воротъ, которому коштуетъ, чтобы все было чисто и съ починками въ годъ 6.000 шкудовъ римскихъ" и пр. (197—202).

Понятно, что все это было новостью для русскаго туриста и что онъ находитъ большую разницу между гуляньемъ на Дѣвичьемъ Полѣ или въ Марьиной Рощѣ и увеселеніями аристократіи въ Италіи. Незадолго до этого знатныя женщины въ Московскомъ государствѣ не смѣли показываться въ публикѣ и ѣздили не иначе, какъ въ закрытыхъ со всѣхъ сторонъ колымагахъ. Свободное обращеніе кавалеровъ и дамъ между собою въ западной Европѣ бросалось въ глаза русскимъ путешественникамъ, и не даромъ объ этомъ явленіи упомянуто въ запискахъ Толстаго объ его пребываніи въ Польшѣ въ 1697 году, въ запискахъ А. А. Матвѣева о впечатлѣніи, произведенномъ на него Франціей вообще и Парижемъ въ особенности и пр. Также и Куракинъ подробно описываетъ обычай выѣздовъ герцогинь и княгинь въ Италіи: „А принцеши и дукеши, когда ѣздятъ, всегда повинны въ каретѣ сами однѣ сидѣть, а позади одна карета съ жентиломины. А ежели когда случится свойственникъ или кавалеръ знакомый, можетъ сидѣть въ той каретѣ напротивъ принципеши" (206).

Незадолго до посѣщенія Куракинымъ западной Европы вошли въ моду кофейныя, о такомъ „домѣ, гдѣ продаютъ кофе", упоминаетъ князь во время пребыванія въ Гагѣ (141). Совсѣмъ не понравился Куракану слѣдующій обычай, онъ пишетъ: „Въ Гамбургѣ есть погребъ, городовой называется, гдѣ продаютъ вина заказныя, какъ реншвинъ, мосель, алекантъ, сектъ, sopausi [2]

[1] Villa Borghese.

[2] Не испанское ли вино?

vein. И тутъ сходятся торговые пить; тутъ же на верху особая палатка, гдѣ сходятся сенатомъ дѣлать консиль и передъ всякаго побутили съ виномъ и сыру, итакъ пьютъ и о дѣлахъ совѣтуютъ. Самая глупость и непорядокъ и мужитство того городу“ (231).

Все это давало Куракину возможность составить себѣ понятіе о различныхъ городахъ и о характерѣ различныхъ народовъ. Иногда въ его журналѣ встрѣчаются сравненія; такъ, напримѣръ, онъ замѣчаетъ: „Лучшей плезиръ фористерамъ (forestiere—пріѣзжій) въ Голландіи—въ Гагѣ неже въ Амстердамѣ, а въ Амстердамѣ лутчее отъ всѣхъ купечество всякое“ и пр. (136). О Прагѣ онъ пишетъ: „Забавъ никакихъ нѣтъ и городъ меленколишной самой“ (228). Побывавъ въ Италіи, гдѣ столько было „забавъ“, князь не могъ не замѣтить разницы между Римомъ или Венеціей съ одной стороны и Прагой—съ другой.

Неоднократно Куракинъ хвалилъ чистоплотность Нѣмцевъ. Это качество поразило его сейчасъ же, какъ скоро онъ покинулъ Россію и Польшу. „Люди чисты“, замѣтилъ онъ въ своемъ журналѣ во время пребыванія въ Кенигсбергѣ (114). О Голландцахъ онъ говоритъ, что „народъ не пріемливъ, гораздо ласковы къ деньгамъ, такъ что одиножды мнѣ случилось: ѣхавъ на почтѣ и какъ почели перемѣнять лошадей и я вышедъ изъ коляски въ тотъ домъ и пришедъ въ поварню, посидѣлъ у огня, и потомъ, какъ ѣхать взяли съ меня четыре штываля: такъ къ форестерамъ грабительны, и потомъ за въѣздъ въ Голландію съ персоны берутъ по шести штивелей“ (127).

VI.

Не трудно было для князя Бориса Ивановича убѣдиться въ томъ, что между большими городами въ западной Европѣ и городами въ Россіи, не исключая Россіи, была громадная разница. Прежде всего ему, какъ и всѣмъ другимъ русскимъ путешественникамъ, бросалось въ глаза преобладаніе въ городахъ каменныхъ построекъ. Не даромъ онъ часто повторялъ замѣчаніе объ этомъ обстоятельствѣ. О Вильнѣ онъ пишетъ: „Въ городѣ всѣ палаты каменныя, двойнымъ, тройнымъ, есть и четверымъ жительствомъ; улицы всѣ камнемъ вымощены“ (110). О Кенигсбергѣ:

„Строеньемъ вельми хорошъ, все каменное, по обѣ стороны рѣки“ (113) и т. под.

Далѣе Куракинъ обращаетъ большое вниманіе на торговлю, на купцовъ и ремесленниковъ. Сообщивъ нѣкоторыя данныя о значеніи торговыхъ оборотовъ или, какъ онъ выражается, о „марканціи“ въ Кенигсбергѣ (114), онъ говоритъ о Берлинѣ: „Марканціи французской и итальянской не такъ, а марканціи публичной не такъ много, какъ въ Кенигсбергѣ“ (117). Подробно князь пишетъ о Лейпцигѣ: „Тутъ великая марканція и бываетъ въ годъ три феры (foire) или три ярманки, на которыхъ купечество славное живетъ со всей части Европы, какъ на прикладъ: изъ Франціи, изъ Голландіи, изъ Италіи и изъ другихъ, и также бываетъ съѣздъ великой кавалеромъ... а на той ярмонкѣ бываютъ великіе вексели во всю Европу и въ Индію, кому нужда брать куды денегъ, и другая ярмарка ей подобная во всей Германіи—Франкфуртѣ, который городъ близъ рѣки Рейна вольной городъ, и также въ томъ три разы въ годъ бываетъ.

„...И книгъ нѣмецкаго языка иныхъ нѣтъ такихъ нигдѣ, какъ тутъ и такъ по-нѣмецки нигдѣ не говорятъ хорошо, и справедливо, какъ въ Лейпцихѣ“ и пр. (125).

Въ Голландіи Куракину особенно понравились каналы, движеніе на нихъ судовъ, развитіе торговли. Онъ собиралъ свѣдѣнія о голландскихъ колоніяхъ, о компаніяхъ Вестъ-Индской и Остъ-Индской и о торговомъ и военномъ флотѣ. Его удивила биржа въ Амстердамѣ. Онъ пишетъ: „такая сдѣлана площадь, гдѣ сходятся торговые люди, каждаго для своей повинности, для торговыхъ дѣлъ, договариваться, и тутъ имѣютъ всегда сводъ или соединеніе торговъ, и такъ бываетъ всегда людей много, что на всей той площади люди ходятъ съ великою тѣснотой. Не сподѣваюся, нигдѣ такого сходбища торговаго какъ тутъ“ (132). О Ротердамѣ онъ разсказываетъ: „Портъ вельми хорошъ и великъ, а отъ моря разстояніе версты четыре или пять. И въ томъ городѣ такъ хороши каналы, что ни въ которомъ изо всей Голландіи, для того, что во всѣхъ каналахъ по всему городу входятъ корабли: такъ глубоки, и всякій выгружаетъ и нагружаетъ противъ своего дома и воротъ безъ всякой трудности и убытку. И народовъ аглинскаго, гишпанскаго и португальскаго больше, нежели въ Амстердамѣ. Въ томъ же городѣ во всей Голландіи пива славныя, которыя черны и красноваты и сладки вкусомъ;

только вездѣ называютъ лучшее пиво ротрадомское. А съ виду своего городъ не малой, только забавы ни малой кавалерамъ нѣтъ. Купцы гораздо богаты, и домы есть хорошіе и увеселительны" и пр. (140).

Очевидно Куракинъ намѣревался отправиться и въ Англію. У него въ журналѣ сказано: „И въ ту я свою бытность (въ Ротердамѣ) видѣлъ много яхтъ голанскихъ для того, что дукъ Мальбурхъ (Malborough) хочетъ ѣхать въ Англію и для него тотъ конвой присланъ нарошно и такихъ судовъ уборныхъ и богатыхъ мало видалъ что агленскіе суды. И той моей бытности назначено ѣхать одному каравану въ Англію и съ конвоемъ, на что я всеконечно того смотрѣлъ, чтобы съ тѣмъ флотомъ при помощи Божеской и мнѣ отъѣхать" (140). Куракинъ тогда въ Англію не поѣхалъ и оставался на материкѣ. Не раньше какъ въ 1710 году ему случилось побывать въ Англіи, [1] но путевыхъ записокъ его о пребываніи въ этой странѣ мы не имѣемъ.

Въ Германіи князю особенно понравился Бреславль; онъ пишетъ о немъ: „Мѣсто великое, въ которомъ много бываетъ, какъ купечества, такъ и кавалеровъ. Городъ не малой и веселой и довольство кавалеровъ и не только что тутошнихъ, и пріѣзжихъ, и всегда бываютъ асомблеи и другія всякія дѣла. И торги немалые всякихъ товаровъ и галентеріи, также лошадей, а каретъ и колясокъ легкихъ, сподѣваюся, что нигдѣ такъ сдѣлать не умѣютъ и дешево гораздо, а нашъ товаръ: юфтъ, воскъ, иное что" и пр. (167).

И во время пребыванія въ Гамбургѣ князь особенно интересовался торговлей этого города. Въ его журналѣ сказано: „Большая рѣка Elba подъ самымъ Гамбургомъ идетъ и великимъ величествомъ широты впала въ море въ пяти или въ шти миляхъ, по которой много острововъ. И корабли всякаго величества безъ труда до Гамбурга всходятъ. Также въ городѣ довольно каналовъ, прокопанныхъ по улицамъ, какъ и въ Голландіи. Товары всѣ имѣютъ въ домахъ своихъ больше нежели въ лавкахъ" и пр. (229).

Въ 1708 году Куракину случилось побывать и въ Бельгіи. Объ Антверпенѣ онъ пишетъ: „Мѣсто не малое, гдѣ пристань была славная въ Европѣ, и торги славные, какъ нынѣ въ Амстердамѣ. Только галанцы все-то у нихъ отняли, и никакихъ

[1] См. Арх. кн. Ѳ. А. Куракина I, стр. 288.

судовъ не пропускаютъ“ (235). Извѣстно, что Антверпенъ въ XVI вѣкѣ дѣйствительно занималъ самое видное мѣсто во всемірной торговлѣ; онъ пострадалъ сильно по случаю осады Испанцами въ 1585 году и еще болѣе вслѣдствіе того, что на основаніи вестфальскаго мира (1648) устье Шельды перешло въ руки Голландцевъ. Такимъ образомъ центръ тяжести всемірной торговли перешелъ изъ южныхъ Нидерландовъ въ сѣверные. Очень доволенъ былъ князь Борисъ Ивановичъ городомъ Брюсселемъ („Бруселесъ“): онъ хвалитъ тамошніе дворцы, сады, фонтаны и паркъ „или звѣринецъ“. О послѣднемъ сказано: „Въ которомъ мѣстѣ сходятся послѣ обѣда дамы и кавалеры, и принцеши прохаживаться. Однимъ праздничнымъ днемъ вдругъ видѣлъ, сподѣваюсь, больше 1.000 персонъ. Такъ могу молвить, что въ Италіи, въ Германіи такой променады не видалъ“ (236).

VII.

Уже въ Литвѣ и Польшѣ Куракина поразило богатство зданій, роскошь во дворцахъ вельможъ, прелесть садовъ, разведенныхъ въ итальянскомъ и французскомъ вкусахъ, произведенія скульптуры и живописи. Все это отчасти въ еще большей мѣрѣ служило предметомъ удивленія князя во время пребыванія послѣдняго въ Берлинѣ и Дрезденѣ, въ Италіи, Голландіи и пр.

Пребывая въ Вильнѣ, онъ видѣлъ каѳедральный костелъ, „внутри весь изъ мармуровъ убранъ, а снаружи изъ камня великаго бѣлаго—бѣлаго, старой работы“. Въ другомъ костелѣ тамъ же „все убрано власной работы гипсомъ“. Особенно удивила князя роскошь частныхъ домовъ. У одного пана строился въ то время домъ „самою модою власной и садъ самой власной и съ фонтаны, о которомъ домѣ сказываютъ, будто сталъ въ два и больше милліоновъ золотыхъ польскихъ, то-есть въ двѣсти или больше тысячъ рублевъ“ (110).

Въ другихъ мѣстахъ каменные мосты обращали на себя вниманіе князя. Онъ хвалитъ мосты въ Дрезденѣ (118) и въ Прагѣ (228). Особенно же онъ удивлялся роскошью конюшенъ и помѣщеній для каруселя. Въ Дрезденѣ его такъ поразили эти постройки, что въ довольно подробномъ изложеніи, какъ все сдѣлано, приложенъ рисунокъ, который и воспроизведенъ въ изданіи г. Семевскаго (118). Также онъ нарисовалъ во время пребыванія

въ Бреславлѣ планъ конюшни и манежа („большая палата, гдѣ учатъ“) епископа, причемъ замѣчено: „А внутри тѣхъ палатъ сдѣлано вельми хорошо, все штукатурно и письмами итальянской моды и такъ, молвлю, еще нигдѣ не видалъ такой стали“ (отъ нѣмецкаго слова „Stall“—конюшня); и далѣе: „А учатъ лошадей, какъ верховыхъ, такъ и каретныхъ, чтобъ она шла горделиво и умѣла прыгать. Привязавъ между двумя столбами наслабе и сзади стращаютъ бичомъ, и такъ она прыгаетъ“ (169).

Любопытно описаніе дворца принца Баденскаго въ Шлавенвертѣ близь Карлсбада: „Домъ не гораздо снаружи хорошъ, только жъ въ немъ гораздо хорошо и сдѣланъ четверогранно поземными палаты и всѣхъ вкругъ будетъ палатъ съ тридцать, а все убиты матеріями разными: камками, кожами, шпалерами, иными матеріями, а потолки—все гипсовые штукаторные и письма итальянскія на потолкахъ по мокрому левкасу писано и сдается такъ, какъ бы тканныя шпалеры, и самое богатство въ тѣхъ палатахъ тѣми письмами итальянскими. И въ томъ домѣ видѣли кабинетъ его или палатку ту, въ которой пишетъ и не сама мала будетъ: вдоль и поперекъ аршинъ пять, которая до самаго потолка убрана столярными досками и выписана вся та столярная работа, вся гладка безъ всякой рѣзьбы, самымъ будто хинскимъ письмомъ по черной землѣ и будто насѣчено золотомъ, а нѣкоторые столбы по синей или васильковой землѣ, а иные по дымчатой землѣ и такъ глянцъ приведенъ, какъ бы вся въ зеркалѣ. А та работа самая итальянская, сказываютъ, что стала въ четыре тысячи червонныхъ; а столъ и столы все такой же работы убраны, а сводъ штукатуркой съ письмомъ вышеявленнымъ итальянскимъ, а во всѣхъ палатахъ такъ прибрано, какими матеріями стѣны обиты, такими матеріями и стулы или кресла обиты. И при тѣхъ палатахъ видѣнъ садъ, гораздо хорошъ; сподѣваюсь, такого сада, сложеніемъ съ фонтанами, въ Германіи нѣтъ, для того видѣлъ я, будетъ одними садами въ Берлинѣ—королевской и одного графа также въ Дрезденѣ—садъ королевской и палаты, только тѣ всѣ сады хороши и велики, да безъ фонтанъ такихъ сильныхъ и натуральныхъ, а здѣсь такъ воды сильны, подобны итальянскимъ, какъ въ Римѣ, также и въ Флоренціи“ и пр. (122—123). Достойно вниманія особенно замѣчаніе Куракина объ оранжерейныхъ растеніяхъ въ Шлакенвертѣ и о „теплыхъ избахъ“, то-есть оранжереяхъ. Говоря о померанцахъ, цытронахъ, персикахъ, фикахъ и пр., князь пишетъ: „Я

видѣлъ, сентября 22 дня уже имшили (то-есть конопатили мхомъ) надъ тѣмъ садомъ избу, и такъ берегутъ, а въ нашихъ краехъ, я сподѣваюсь, быть тѣмъ деревьямъ, только чаю, что крыть надобно ранѣе недѣльми двѣмя, на прикладъ 1 сентября" (123).

О дворцѣ короля Прусскаго въ Берлинѣ и объ извѣстномъ паркѣ („Tiergarten") около этой столицы сказано въ журналѣ Куракина: „А при самомъ Берлинѣ, какъ ѣдешь до Шарлотенбурха, начнется роща, въ которой козы дикія и пные звѣри ходятъ въ загородъ, гдѣ и я могъ разомъ видѣть больше семидесятъ или ста. А въ Берлинѣ палаты короля Прусскаго гораздо хорошп, въ которыхъ уборъ видѣнъ самой богатой—сподѣваючись—такъ молвить, что еще такого дому и въ немъ убором не видалъ; особливо пишу за диво—два зеркала и въ рамахъ хрустальныхъ, думаю, и съ шпенгерами, аршинъ по шти, а ширина полтретья, которые дѣланы тутъ въ Берлинѣ" (170).

Въ Голландіи князю понравился близъ Гаги садъ графа Портланда; о немъ сказано въ журналѣ: „гораздо хорошъ, въ которомъ много видѣли остинскихъ деревъ—растутъ, и высыпные бугры и по нихъ преспекты; тутъ же нѣсколько фонтанъ" и пр. (163).

Лучшіе сады и дворцы Куракинъ видѣлъ въ окрестностяхъ Рима. Разсказъ объ этомъ въ журналѣ его довольно занимателенъ и отчасти отличается нѣкоторою наивностью, и потому мы воспроизводимъ его особенно для читателей, которые видѣли прелестныя виллы римскихъ вельможъ. „Изъ Риму поѣхали въ вилліажатуру (villeggiatura), на Фришкаты, то-есть одно мѣстечко при горахъ, отъ Рима 12 миль, кругомъ котораго въ тѣхъ горахъ многихъ принцовъ есть деревни, построенныя съ палатами великими и садами изрядными, а паче всего съ дивными фонтанами, играми водяными, которымъ подобно не можно быть на свѣтѣ, и также для добраго воздуха тотъ спасешь (spasseggiare—гулять) имѣютъ. И видѣли виллю князя Понфилія (Pamfili), которая называется Бельведере, въ которой видѣли предивныя жоки, или игры водяныя, водою органы играютъ два куранта, [1] да въ одной палатѣ, которая вся убрана музанкой, изъ разныхъ камушковъ сдѣлана гора каменная, по которой сидятъ 9 дѣвъ со флетами, которые играютъ же, а подъ горой органы и тѣ дѣвы играютъ однѣ и съ органами вмѣстѣ розныхъ

[1] „Courante"—старинный французскій танецъ.

два танца. Тутъ же съ приходу сдѣланъ одинъ звѣрь—чентавро, а по нашему полканъ, съ рогомъ, который трубитъ такъ громко, что слышитъ на три и на четыре версты по погодѣ, да одинъ человѣкъ сдѣланъ, который играетъ на флетахъ двѣ разныхъ игры; тутъ же большая о срединѣ фонтанна, которая дѣлаетъ розные виды и стрѣльбу отъ себя и другія многія игры, которыхъ не можно нигдѣ видѣть" (191) и пр.

Свѣтской живописи Куракину въ его отечествѣ едва ли приходилось видѣть; еще менѣе въ Россіи попадались произведенія ваянія. Немудрено поэтому, что такіе предметы обращали на себя вниманіе туриста и по характеру замѣчаній о нихъ въ журналѣ можно судить, что они производили довольно сильное впечатлѣніе. Въ Вильнѣ, въ одномъ монастырѣ, онъ видѣлъ образъ „вельми дивенъ, такъ написанъ, какъ бы живъ человѣкъ" (111). Въ Гагѣ ему понравились „палаты, гдѣ принимаютъ пословъ и сидятъ статы... И въ оной палатѣ видѣлъ сводъ сдѣланной и письма такъ предивны, что мало такъ видѣлъ" (136). О статуѣ Фридриха-Вильгельма, великаго курфирста, сказано кратко, что она „вырѣзана изъ камня" и стоитъ въ саду за дворцомъ въ Берлинѣ (117). Въ Ротердамѣ Куракинъ жилъ въ „аустеріи" (гостинницѣ), у самой той площади, гдѣ находилась статуя знаменитаго гуманиста Эразма. Не называя имени этого ученаго, князь пишетъ: „Сдѣланъ мужикъ, вылитой, мѣдной, съ книгой, на знакъ тому, который былъ человѣкъ гораздо ученой и часто людей училъ и тому на знакъ то сдѣлано" (140).

Упомянуто далѣе объ особенно изящномъ украшеніи нѣкоторыхъ домовъ. Такъ, напримѣръ, въ журналѣ сказано во время пребыванія Куракина въ Амстердамѣ: „Въ томъ же городѣ есть жидъ богатой, который у себя въ кабинетѣ мостъ намостилъ мрамуромъ, а по спаямъ все серебро положено" (136). О ратушѣ въ этомъ же городѣ сказано: „Внутри вся нарѣзана алебастромъ, и изъ алебастра штуки вырѣзаны, и одна штука вырѣзана, которая огорожена балясами, гдѣ вырѣзана скрипка и другія фигуры, работы гораздо хорошей" (132).

И свѣтской музыки было въ то время мало въ Россіи, такъ что и тутъ было много новаго въ западной Европѣ для русскаго путешественника. Въ Карлсбадѣ Куракинъ замѣтилъ въ своемъ журналѣ: „Обычай имѣютъ по вся дни играть объ осьмой съ рану на двухъ трубахъ—на ратушѣ, другая объ одинадцатой на штортахъ (?), третья пополудни о третей; ту музыку держатъ

отъ ратуши, а будетъ который кавалеръ похочетъ котораго часу играть, даетъ имъ заплату и будутъ играть. Особливо великіе люди дѣлаютъ—какъ имъ отъѣзжать, и садятся въ карету, то при самомъ томъ часѣ такъ дѣлаютъ, даютъ плату, то играютъ на всей мызыкѣ ажъ до самаго его выѣзда изъ города“ (121).

Слѣдующее описаніе музыки въ Амстердамѣ, вѣроятно, относится къ органу, или къ такъ-называемому „Glockenspiel“: „На ратушѣ часы большіе — обычай такой: каждаго понедѣльника самъ часовникъ на тѣхъ часахъ играетъ полчаса послѣ двѣнадцати. Какъ бьетъ разные куранты, руками и ногами, и то вельми трудно, такъ какъ я могъ видѣть однимъ случаемъ, что пришелъ въ великой потъ“ (136).

Любопытно описаніе духовной музыки въ Римѣ: „Въ великій постъ бываютъ ораторіи, которыхъ на свѣтѣ такъ другихъ подобныхъ не можетъ быть. Ораторіи, то-есть сложеніе, что съ виршеми на Страсти Христовы, и то поютъ и съ музикою, подобіемъ тѣмъ какъ бы опера, только она духовная и дѣлается въ церквахъ. Какъ и въ нашу бытность была въ церкви à sant Filipo Meri, подъ протекціей кардинала Памфилія. Потомъ напбольше всѣхъ дѣлаетъ и славную съ великимъ коштомъ кардиналъ Оттабоней. Такъ можно молвить, такой огромной музикѣ и компазиціи и такихъ инструментовъ на свѣтѣ лучше не можно быть, а наипаче какія дикія были выходки на трубахъ, что внезапу многою затменность даютъ человѣку“ (202).

И въ Вѣнѣ Куракину случилось слышать духовную музыку; однако, она не произвела на него столь сильнаго впечатлѣнія, какъ ораторіи въ Римѣ. Онъ пишетъ о богослуженіи, въ которомъ участвовалъ и самъ цесарь: „И пришедъ въ Капеллю. дали бенидикцію санти искимомъ (?) и потомъ музыка, не можно сказать, что такова была, какъ въ Италіи, однако-жъ хороша“ (223). Какъ видно, князь привыкъ сравнивать предметы, гдѣ что̀ лучше, гдѣ хуже. Такъ, онъ замѣтилъ, напримѣръ, во время пребыванія въ Брюсселѣ: „Опера французская и комедія. Хотя итальянскихъ и не дойдетъ, только гамбургской лучше. А комедія, сподѣваюся, лучше итальянскихъ“.

VIII.

Куракинъ не могъ быть хорошо приготовленнымъ туристомъ, который былъ бы въ состояніи вполнѣ цѣнить значеніе предметовъ, обращавшихъ на себя вниманіе князя во время его

пребыванія въ западной Европѣ. Въ Россіи и представители высшихъ классовъ общества не занимались науками и искусствами, тамъ не было школъ, въ которыхъ преподавались бы всеобщая исторія, или географія, или естественныя науки. Всѣ стоявшіе въ связи съ этими науками предметы были новостью для русскихъ путешественниковъ. Не было никакихъ свѣдѣній, помогавшихъ послѣднимъ сдѣлать правильную оцѣнку, напримѣръ, историческимъ памятникамъ, которые они видѣли на Западѣ. Когда въ Ротердамѣ Куракинъ увидѣлъ впервые памятникъ Эразма, онъ едва ли имѣлъ хотя бы малѣйшее понятіе о реформаціи въ Германіи, о гуманизмѣ, о значеніи филологіи и пр. Вообще онъ не могъ имѣть какого бы то ни было историческаго образованія. Вотъ почему въ журналѣ путешествія князя столь рѣдко говорится о предметахъ, напоминавшихъ какія-либо историческія событія. Исторія Рима, гдѣ Куракинъ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ, оставалась для него совсѣмъ неизвѣстною, и онъ ею, какъ кажется, нисколько не интересовался. Развѣ лишь, въ видѣ исключенія, онъ упоминаетъ объ историческихъ фактахъ. Такъ, напримѣръ, онъ пишетъ во время пребыванія въ Римѣ: „Домъ великаго и славнаго философа Чичерона и донынѣ цѣлъ и есть старые 7 саловъ или палатъ, гдѣ сказываютъ, что тутъ училъ народъ и давалъ слекціони“ (192). Затѣмъ другой, бросающійся въ глаза памятникъ: „Culiseo overa amfiscatro“, которая великая махина была сдѣлана отъ Нерона мучителя, фигурой овальною, вверхъ будетъ сажень пятнадцать, въ которыхъ имѣлъ разныхъ звѣрей, и для мучительства травилъ христіанъ тѣми звѣрями въ томъ дому“ (193). Кромѣ этихъ замѣчаній и нѣкоторыхъ другихъ о „Бахусовомъ гробѣ“, который князь видѣлъ въ одномъ изъ монастырей и о знаменитыхъ катакомбахъ близъ Рима, которыя онъ описываетъ нѣсколько подробнѣе (192), почти вовсе не попадаются замѣчанія такого рода.

За то въ Голландіи Куракину показали историческіе предметы, значеніе которыхъ онъ вполнѣ умѣлъ цѣнить, но эти предметы относились къ новѣйшему времени. Побывавъ на верфи Остъ-Индской компаніи, въ Амстердамѣ, князь Борисъ Ивановичъ замѣтилъ въ своемъ журналѣ; „И въ томъ дворѣ видѣлъ тотъ корабль, который дѣлалъ государь—называется *Петръ и Павелъ*, на которомъ уже ходили нѣсколько разъ въ Остиндію и назадъ возвратилися. Тутъ же отъ двора вышедъ, былъ у того мастера, который государя училъ, у котораго въ домѣ государь, приходя,

обѣдовалъ, и на которомъ стулѣ и столѣ кушалъ—тотъ и донынѣ стоитъ. И въ той палатѣ былъ, гдѣ всѣ спали на томъ дворѣ“ и пр. (134). И въ другомъ мѣстѣ Куракинъ вспомнилъ о пребываніи Петра въ Голландіи въ 1697—98 гг.: „Есть у одного торгова въ домѣ собрана галантирія монетъ древнихъ и всего свѣту, въ которомъ домѣ былъ и государь и подписалъ въ книгѣ: *Petr sde bivi—Петръ здѣсь бывый*... И та подпись переведена тремя языки и подписана по-латынѣ, по-галански, по-французски“ (136—137).

Какъ и другіе Русскіе, князь Куракинъ, получивъ духовное образованіе, съ особеннымъ вниманіемъ разсматривалъ предметы, относившіеся къ священной исторіи. Если мы не ошибаемся, князь къ такимъ предметамъ относился нѣсколько скептически, между тѣмъ какъ другіе русскіе туристы до Куракина, какъ кажется, нисколько не сомнѣвались въ подлинности показываемыхъ имъ предметовъ такого рода. Мы обращаемъ вниманіе читателей на слово „будто“ въ слѣдующихъ разсказахъ: „Въ Римѣ есть одно мѣсто, называется санта-санкторомъ, близъ San Givan Catellano (di laterano), гдѣ есть scala santa, по которой, будто, нашего Избавителя вели отъ Каіафы, и гдѣ капала кровь, въ тѣхъ мѣстахъ поставлены кресты мѣдные, которая, сказываютъ, что перенесена изъ Ерусалиму, которая есть изъ камню алебастру или мармура бѣлаго“ и пр. „И взошедъ вверхъ, есть одна каплица San Diovanni, и за алтаремъ тѣмъ есть одна камора заперта и запечатана, и никто въ нее не входитъ, которая называется Sangto Sangtorom. И сказываютъ, ежели кто намѣрится идти, только папа не можетъ самъ отправлять, и если будетъ, то ослѣпнетъ тотчасъ. А что въ томъ мѣстѣ—никто знать не можетъ“ (216). Яснѣе скептическое отношеніе проглядываетъ въ слѣдующей фразѣ, писанной въ Инсбрукѣ: „Есть тутъ собраніе вещей, домъ или галерія, въ которой будто есть веревка, на которой Іуда удавился. Хотя и видѣлъ ее, только вѣры не могу знать“ и пр. (222).

Съ особеннымъ любопытствомъ князь и въ Польшѣ и въ Италіи осматривалъ монастыри. Онъ упоминаетъ о „кляшторахъ“ іезуитскомъ, доминиканскомъ и бернардинскомъ близъ Витебска (103), о монастырѣ „базиліанскомъ“ близъ Полоцка (104), о конвентѣ „кармелитовъ босоногихъ“ въ мѣстечкѣ Глубокомъ (107), въ Римѣ онъ описываетъ подробно скандалы, происходившіе будто въ церкви „Geru Maria“ при папѣ Иннокентіи XII

(† 1700) и въ которыхъ оказались виноватыми францискапскіе монахи (204—205). Далѣе онъ собиралъ разныя свѣдѣнія о лютеранахъ, о квакерахъ, объ Евреяхъ въ Голландіи, о разныхъ религіозныхъ сектахъ и пр.

Въ Россіи не было академій, университетовъ; въ Германіи князь Куракинъ засталъ замѣчательныя учрежденія такого рода и довольно тщательно собиралъ данныя къ нимъ относящіяся. О Кёнигсбергѣ Куракинъ пишетъ: „Тутъ есть академія, въ которой бываетъ студентовъ напбольше по 700 человѣкъ“ (114). О Лейпцигѣ онъ говоритъ: „Славная академія въ Германіи пли, больше молвить, между лютеры. И бываетъ тысячъ по три и больше студентовъ—знатныхъ персонъ учатся гораздо много, не такъ чтобы княжьскихъ или другихъ подобныхъ, только персонъ пляхетныхъ“ (125). Объ „академіи наукъ“ въ Галле, то-есть объ университетѣ, учрежденномъ въ 1694 г., сказано: „Сказываютъ, будто нынѣ лучше Лейпцпха стала, только, какъ я могъ видѣть, сподѣваюся, не такъ, для того, что студентовъ и половины нѣтъ предъ Лейпцихомъ, только-жъ всѣ тѣ академіи славны въ тѣхъ мѣстахъ однемъ—способны лютерскаго закону, а наилучшія академіи въ имперіи или просто въ Германіи—въ Прагѣ и наукъ всѣхъ больше и справедливѣе“ (126). Во время пребыванія въ Прагѣ Куракинъ узналъ, что тамъ „студентовъ бываетъ человѣкъ 12.000“ (228). Подробнѣе сего князь пишетъ о Лейденскомъ университетѣ, хотя тутъ не упомянуто о числѣ учащихся. Въ лейденскомъ университетѣ, учрежденномъ въ 1575 году, процвѣтали занятія анатоміей. Изъ другихъ журналовъ русскихъ путешественниковъ мы знаемъ какъ сильно дѣйствовало на нихъ зрѣлище, какъ профессора анатоміи въ присутствіи студентовъ разрѣзывали трупы, объясняя подробно всѣ части человѣческаго тѣла. И Петръ былъ въ восторгѣ, видя тамъ же такое ученіе. Также и Куракинъ писалъ: „Въ ту свою бытность (въ Лейденѣ) у профессора Быдло видѣлъ анатомію надъ однимъ человѣкомъ мужеска полу, которова была голова отсѣчена, въ такомъ способѣ: въ одной палатѣ то тѣло вынето изъ гробу и положено на доску свинцовую; такъ та доска велика сдѣлана, какъ можно человѣку лежать, и края загнуты, какъ жаровни большія бываютъ желѣзныя; и тотъ дохтуръ Быдло, собравъ всѣхъ студентовъ той науки, и почелъ его разнимать причинныя вещи и оказывать жплы отъ рукъ и до ногъ, какъ и куды дѣйствуютъ. И при томъ оказованьѣ на всякое мѣсто тѣмъ студентамъ толкъ

даетъ и дастъ всѣмъ осматрпвать и руками ощуповать; а то все тѣло было въ спиртусахъ налито для того, чтобы духу не было смраднаго, и тутъ видѣлъ, какъ кожа человѣческая вельми толста, подобна бычачьей кожѣ, и самъ всѣ тѣ нужныя мѣста обрѣзывалъ и оказовалъ тотъ профессоръ Быдло, которой въ томъ своемъ дѣлѣ вельми славенъ. И весь тотъ человѣкъ былъ облубленъ кожей, только одно сало или жиръ съ мясомъ, а кожа вся снята и въ гробъ положена.—Въ томъ же дому у того профессора Быдло видѣлъ палату одну, въ которой ниже могъ гдѣ такихъ вещей видѣть натуральныхъ въ спиртахъ и бальзаматы.—Бальзаматы видѣлъ всѣхъ внутреннихъ членовъ человѣческа, какъ мужескихъ половъ, такъ и женскихъ: руки и ноги, внутренне, какъ составы и жилы, безъ костей, обальзованы и прибиты на доски, также и желудокъ, и сердце, и легкое, и ту перепонку, въ которой сердце лежитъ, и глаза вынетые и всѣ внутреннія жилы и кости и составы, такъ вельми дивная вещь, что нигдѣ могъ такой дяковинки видѣть, то сподѣваюсь, гдѣ бъ такъ было въ другомъ мѣстѣ того лутче было въ тѣхъ вещѣхъ сдѣлано и собрано, развѣ въ ту-жъ мѣру.—Потомъ видѣлъ бальзамныхъ младенцевъ... А въ спиртусахъ видѣлъ такихъ же младенцевъ въ склянницахъ стеклянныхъ, и плаваютъ въ томъ спиртусѣ и стоятъ такъ, хотя тысячу лѣтъ, не испортятся. Также и разныхъ животныхъ отъ гадовъ и звѣрей, какъ: крокодиловъ малыхъ, также въ спиртусахъ, и змѣй, и ехидновъ, и мартышки, и скорпіи и другіе всякіе ползущіе и на ногахъ ходячіе звѣри, въ склянницахъ и въ спиртусахъ, не токмо здѣшнихъ европскихъ и много наипаче оріентальныхъ остпнскихъ и вестпнскихъ и другихъ дальныхъ государствъ, со всего свѣта собранные. Желалъ бы о всемъ подлинно описать, токмо за временемъ скорымъ прекращаю, токмо всѣмъ, кому случится быть въ Голландіи, конечно, надобно быть въ Лейденѣ, и въ той академіи тѣ корі-узпта видѣть, изъ котораго виду, сподѣваюся, что многое придастъ увеселеніе“ (142—143).

Можно прямо сказать, что во всемъ журналѣ Куракина нѣтъ столь сильнаго выраженія восторга, какъ именно при этомъ случаѣ. Онъ особенно интересовался естественными науками, какъ видно и изъ подробнаго описанія солнечнаго затменія, которое Куракинъ видѣлъ въ Амстердамѣ. Къ описанію приложены имъ самимъ составленные рисунки (162).

IX.

Нѣтъ сомнѣнія, что князь Куракинъ во время своихъ путешествій по западной Европѣ располагалъ довольно значительными денежными средствами. Во многихъ мѣстахъ его журнала упомянуто о векселяхъ и переводахъ, о различныхъ суммахъ денегъ, которыя онъ получалъ. Можно думать, что расходы князя всюду были довольно крупными. Онъ путешествовалъ съ прислугой, довольно часто покупалъ разные предметы роскоши, останавливался въ лучшихъ гостиницахъ, одѣвался по новѣйшей модѣ, обращался къ врачамъ, пользовавшимся извѣстностью и проч. Въ то же время однако Куракинъ былъ, какъ кажется, хорошимъ хозяиномъ, и счетоводство въ его журналѣ занимаетъ очень видное мѣсто. Можно бы было на основаніи журнала князя составить прямо приходо-расходную книгу его; и этотъ, впрочемъ, довольно сложный трудъ далъ бы возможность взглянуть глубже въ исторію цѣнъ того времени и составить себѣ точное понятіе о мѣрѣ роскоши въ жизни русскаго вельможи, о пріемахъ потребленія того времени. На каждомъ шагу мы узнаемъ, сколько Куракину приходилось заплатить въ каждомъ данномъ случаѣ за проѣздъ изъ одного города въ другой, за ночлегъ, за обѣдъ и проч. Особенно тщательно Куракинъ записывалъ всѣ данныя, относящіяся къ вексельному курсу. Ему часто приходилось превращать русскія деньги въ нѣмецкія монеты, англійскій фунтъ стерлингъ въ голландскіе гульдены и проч. Понятно, что этотъ памятникъ могъ бы служить богатымъ источникомъ для исторіи хозяйства. Такъ какъ однако такое изслѣдованіе выходило бы изъ рамки нашего очерка, мы ограничиваемся указаніемъ лишь на нѣкоторыя данныя, проливающія свѣтъ на интересующій насъ вопросъ о вліяніи западной цивилизаціи на русскихъ людей въ началѣ XVIII вѣка. Мы постараемся отвѣтить на вопросъ: какіе расходы позволялъ себѣ князь Борисъ Ивановичъ съ цѣлью усвоить себѣ нѣкоторые пріемы западно-европейскаго образа жизни, на какіе предметы роскоши онъ обращалъ вниманіе, какія онъ покупалъ книги и прочія пособія для дальнѣйшихъ занятій изученія западно-европейскаго міра.

Нѣтъ сомнѣнія, что Куракинъ, во время пребыванія за границей, не былъ одѣтъ въ русское платье, а придерживался

моды, господствовавшей въ западной Европѣ. Ему часто приходилось заказывать принадлежности очевидно не русскаго костюма. И такіе расходы бывали довольно значительными. Такъ, напримѣръ, во время пребыванія въ Амстердамѣ записано въ журналѣ: „Іберія (Эверея) дѣлана двумъ людемъ, а стала обемъ верхніе кафтаны и камзолы 150 гульденовъ, и такъ придетъ на человѣка по 75 гульденовъ; а нашихъ денегъ будетъ рублевъ по 24 или по 25 рублевъ и вся въ 50 рублевъ" (145). За парикъ съ усами, купленный въ Амстердамѣ же, князь заплатилъ 9 гульденовъ: нѣсколько раньше онъ за парикъ „съ мѣшечкомъ" далъ 14 гульденовъ. Другія покупки въ Голландіи слѣдующія: „Куплено холсту остпискаго 50 аршинъ, а дано 45 гульденовъ... Рукавицы лосиныя куплены... двѣ душегрейки, шляпа... Галздуковъ и манжетъ на 12 гульденовъ; башмаковъ—на 18 гульденовъ... Сукна англійскаго 7 аршинъ за 45 гульденовъ" и проч. (150—151). Въ другомъ мѣстѣ, но почти въ то же самое время записано: „Купленъ парикъ русой, которой за печатью съ узлы мохнатыми, данъ 24 гульдена. Чулки черные, шолковые англинскіе 5 гульденовъ, другіе гарусные 3 гульденовъ". „Сдѣланъ бострокъ бѣлой снурованьемъ, изъ матеріи, которая называется сшапнелетъ—сталъ 10 гульденовъ". „Въ Гравенгагенѣ купленъ большой парикъ, данъ 43 гульдена, большой кавалерской". „Портупей тафтяной, голубой, данъ 2 гульдена, башмаки даны 3 гульдена. Въ Гагѣ, ежели кто похочетъ кавалерскихъ уборовъ покупать на приклатъ (то-есть, напримѣръ): портупеевъ, шляпъ, шпагъ, рукавицовъ, галздуковъ, башмаковъ, калпачковъ спальныхъ и выходныхъ, то надобно искать въ Гагѣ, или платье дѣлать, или рубашки" (152—156). Куракинъ покупалъ такихъ вещей много и часто, но всегда давалъ себѣ отчетъ о стоимости ихъ. Въ маѣ 1706 года записано въ его журналѣ: „Кафтанъ лутчей съ позоменты серебенами и за портупей, стало совсѣмъ 180 гульденовъ, то будетъ нашихъ денегъ 60 руб., а естьли съ провозомъ, можно положить и больше—70 руб." (165). Счеты портныхъ на голландскомъ языкѣ или вовсе не изданы г. Семевскимъ (стр. 151) или сообщены въ извлеченіи. Было неловольно покупать парпковъ; нужно было умѣть обращаться съ ними, содержать ихъ въ должномъ порядкѣ. О слугѣ Куракина сказано въ февралѣ 1706 года: „Учился Филька оправлевать парпковъ, дано 6 гульденовъ" (151).

Куракинъ покупалъ и другіе предметы роскоши, напримѣръ: „коробочку бѣленькую книжкою, насѣченую серебромъ гвоздп-

камп", „часы двои карманные, одни будто серебряные, другіе будто золотые", „коробочку бѣлую костяную" (141), „шпагу купилъ, что царевичу [1] подарить, черень агатовой въ оправѣ желѣзной, дана 20 гульденовъ, въ Гагѣ", „пистоли толстые рюли (?) утрехтскіе, даны 21 гульденовъ", и проч. (143—144). Вообще онъ интересовался предметами роскоши и привыкъ къ утонченности въ потребленіи. Въ его дневникѣ мы встрѣчаемъ опись всѣмъ лучшимъ сортамъ пива, которыхъ можно купить въ Голландіи, а затѣмъ слѣдуетъ предлинная таблица разнымъ винамъ, „Французскимъ и инымъ". Тутъ сказано подробно о каждомъ сортѣ, какого „колора" вино и откуда оно привозится. Перечитывается около 50 различныхъ сортовъ винъ (152—153).

Однако князь Борисъ Ивановичъ не ограничивался ознакомленіемъ съ такими предметами роскоши и сибаритизма. Его интересовали науки и литература, и въ его журналѣ неоднократно упоминается о покупкѣ предметовъ сюда относящихся. Укажемъ на нѣкоторые примѣры. „Купилъ въ Амстердамѣ два глоба, даны тридцать три гульдена, да книгъ разныхъ двадцать гульденовъ" (141). „Атласъ малый, данъ шесть гульденовъ, французскимъ языкомъ" (143). „Книга *Опера* (то-есть Опера, сочиненія) Бидлова о анатоміи, дана пять гульденовъ" (144) и пр. Въ 1708 году князь изъ Амстердама отправилъ на кораблѣ цѣлую массу своихъ вещей въ Россію. Списокъ этихъ предметовъ даетъ намъ возможность составить себѣ точное понятіе не только о богатомъ гардеробѣ Куракина, но также объ его библіотекѣ. Тутъ мы встрѣчаемъ возлѣ русскихъ книгъ (*Апостолъ*, *Тріодь*, *Псалтырь*, *Катехизисъ*) и иностранныя сочиненія: „Книга письменная—итальянская всѣхъ кардиналовъ. Всякія письма нужныя итальянскія, въ тетрадь за печатью. Парте (sic) et nova Atlas francese. Двѣ карты Италіи. Девять тетрадей письменныхъ французскаго диціонарія. Листъ гербовъ. Книга секретаріева. Въ шкатулѣ окованной тетрадь описанія della mia vita. Книжка зеленая нужныхъ записокъ въ шкатулѣ. За печатью—il breve al Papa et altri necessari letteri. Книга дицинаго (то-есть словарь), списокъ начатой на московской—итальянскаго, французскаго. Въ шкатулѣ жь послана монета золотая, другая серебряная папешскія, другія малая. Книга за печатью корриспонденціи римской. Книга за печатью корриспонденціи гамбургской. Книга за

[1] Куракинъ, первая супруга котораго была сестрой царицы Евдокіи, былъ такимъ образомъ дядей царевича Алексѣя Петровича.

печатью дѣлъ римскихъ.[1] Карта границъ хинскихъ съ Сибирью“ и пр. (237—238). А немногимъ позже Куракинъ, пребывая въ Вѣнѣ, писалъ къ Бранту въ Голландію съ просьбой купить для него „dictionario francese: Dixionair d'accademie Francese, in quatro tome“ и прислать „на вешнихъ корабляхъ“ (239).

Всѣ эти данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что князь Борисъ Ивановичъ умѣлъ воспользоваться пребываніемъ въ западной Европѣ для расширенія умственнаго кругозора, для собиранія свѣдѣній всякаго рода. Онъ умѣлъ учиться, заниматься. По мѣрѣ того, какъ его эрудиція, благодаря этимъ поѣздкамъ и сопряженному съ ними ученію, становилась болѣе глубокою и болѣе многостороннею энциклопедическою, онъ затѣмъ, занимая постъ русскаго дипломата въ Гагѣ, Лондонѣ и Парижѣ, могъ оказывать самыя важныя услуги своему отечеству. Роль посредника между Россіей и западно-европейскимъ политическимъ міромъ требовала общегуманнаго образованія, освобожденія отъ національныхъ предразсудковъ, способности вникнуть въ самую суть житья-бытья другихъ народовъ. Успѣхи Куракина въ отношеніи ко всему этому, какъ видно изъ его журнала, были значительными и безспорными.

Впрочемъ, пробывъ три года за границей, князь Борисъ Ивановичъ сильно желалъ вернуться въ Россію. Въ его письмѣ къ Аврааму Ѳедоровичу Лопухину изъ Гамбурга отъ 2 апрѣля 1708 года сказано: „Ей, не радъ житью злѣсь, и съ радостью радъ возвратиться въ патрію“ (233).

Однако Куракину не было суждено оставаться въ Россіи. Вернувшись туда въ 1708 году, онъ участвовалъ въ военныхъ событіяхъ, а между прочимъ, и въ Полтавской битвѣ, послѣ которой онъ былъ отправленъ ко двору Ганноверскому, а немногимъ позже началась его дѣятельность въ качествѣ русскаго резидента въ Гагѣ. Какъ кажется, онъ до своей кончины въ 1727 году не возвращался болѣе въ „патрію“.

Можно думать, что сохранились еще другіе журналы позднѣйшихъ путешествій князя Куракина. Объ его журналѣ во время пребыванія въ Парижѣ недавно было упомянуто княземъ Голицынымъ въ *Русской Старинѣ*. Когда же можно ожидать изданія этихъ записокъ, вѣроятно не уступающихъ богатствомъ содержанія памятнику, служившему предметомъ настоящаго очерка?

А. Брикнеръ.

[1] Послѣднія бумаги относятся очевидно къ дипломатической миссіи князя.

I.

Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Константиновичу.

Не сѣтуй, будто бы увяла
Мечта, встрѣчавшая зарю,
И что давно не призывала
Тебя богиня къ алтарю.

И самъ ты храмъ любвеобильный
И усладительной волной
Въ него влетаетъ зовъ всесильный,
Колебля сводъ его живой.

Пускай чредой неутомимой
Тѣснятся трудовые дни,
Но помнимъ мы, что тамъ незримый
Органъ безмолвствуетъ въ тѣни.

Когда затихнутъ на мгновенье
И блескъ, и шумъ, тогда лови
И миръ души, и вдохновенье,
И намъ запой слова любви.

II.

Нѣтъ, даже не тогда, когда стопой воздушной
Спѣша навстрѣчу мнѣ, улыбкой ты даришь
И, заглянувъ въ глаза, мечтѣ моей послушной
О беззавѣтности надежды говоришь.

Нѣтъ, чтобы счастію нежданному отдаться,
Чтобы исчезнуть въ немъ, спускаясь до дна,
Мнѣ нужно одному съ душой своей остаться,
Молчанье нужно мнѣ кругомъ и тишина.

Тутъ сердца говорятъ мнѣ каждое біенье
Про все, чѣмъ радостной обязанъ я судьбѣ,
И тихая слеза блаженства и томленья,
Скатясь жемчужиной, напомнитъ о тебѣ.

III.

Я слышу и судьбѣ я покоряюсь грозной.
Давно я самъ себѣ сказалъ: не прекословь;
Но предъ жертвою покорною и слезной
Зачѣмъ же замолчать совсѣмъ должна любовь?

Пусть радость хоть на мигъ не слышитъ порицанья,
Пусть завтра строгій чинъ все тотъ же, какъ вчера,
Но нынѣ страсть въ глазахъ и долгія лобзанья
И пламенныхъ надеждъ отважная игра.

IV.

Кляните насъ: намъ дорога свобода
И буйствуетъ не разумъ въ насъ, а кровь,
Въ насъ вопіетъ всесильная природа
И прославлять мы будемъ вѣкъ любовь.

Въ примѣръ себѣ пѣвцовъ весеннихъ ставимъ,
Какой восторгъ такъ говорить умѣть!
Какъ мы живемъ, такъ мы поемъ и славимъ,
И такъ живемъ, что намъ нельзя не пѣть.

V.

Мы встрѣтились вновь послѣ долгой разлуки.
Очнувшись отъ тяжкой зимы;
Мы жали другъ другу холодныя руки
И плакали, плакали мы.

Но въ крѣпкихъ незримыхъ оковахъ сумѣли
Держать насъ людскіе умы;
Какъ часто въ глаза мы другъ другу глядѣли
И плакали, плакали мы.

Но вотъ засвѣтилось надъ черной тучей
И глянуло солнце изъ тьмы,
Весна—мы сидѣли подъ ивой плакучей
И плакали, плакали мы.

А. Фетъ.

МАХДИ СУДАНА И ЦАРСТВО ДЕРВИШЕЙ.

Не разъ уже печатно мы указывали на ту страшную силу, которая мало-по малу выростаетъ на Востокѣ, грозя разлиться по всему мусульманскому міру, отъ предѣловъ Сахары до Индіи, Судана и Бухары, и подвигнуть его на борьбу съ цивилизаціей и міромъ, не признающимъ Магомета. На нашихъ глазахъ въ глубинѣ Чернаго материка совершаются событія, которыя не безразличны и для Европы, тѣмъ болѣе, что со времени вторженія ислама въ Африку тамъ не совершалось ничего болѣе грандіознаго. Никогда еще взоры всей Европы не были такъ пристально обращены на Африку и не столько потому, что тамъ зародились колоніальные интересы почти всѣхъ европейскихъ державъ, сколько по поводу новаго движенія, идущаго изъ глубины Чернаго материка и колеблющаго основы мусульманскаго міра. Темный материкъ, заснувшій со временъ Египта и Карѳагена и не надолго просыпавшійся при вторженіи полчищъ Амру, теперь пробуждается снова для новой жизни и сразу заявляетъ о своемъ пробужденіи: рабы, повидимому, перестаютъ быть рабами и возстаютъ предъ лицомъ самозванныхъ господъ, не знающихъ даже на чемъ обосновать свое право на господство. Разумѣется, только могучая сила религіознаго фанатизма могла возбудить дремлющія силы огромнаго материка и пробудить въ черномъ и цвѣтномъ населеніи его сознаніе человѣческой личности, попранной многовѣковымъ рабствомъ. Какъ во времена первыхъ калифовъ, религіозный пылъ могъ расшевелить древній семитическій міръ и огромныя пустыни Азіи и Африки, такъ и въ нашъ

цивилизованный вѣкъ, когда, повидимому, невозможны никакія чудеса, фанатичное ученіе Сиди-эс-Сенуси въ нѣсколько десятковъ лѣтъ успѣло охватить пол-Африки, Аравію и часть Средней Азіи. На глазахъ всего цивилизованнаго міра, слѣдившаго за этими событіями съ неослабнымъ интересомъ, но неоцѣнившаго вовремя всего ихъ значенія, совершилось дѣйствительное чудо, послѣдствія котораго неисчислимы не только для Африки, но и для всего цивилизованнаго міра. Мусульманскій міръ, потерявшій, повидимому, всю свою энергію и позволившій гяуру-Европейцу стать на грудь его твердою пятой, вдругъ сталъ пробуждаться, сбрасывать съ себя своего вѣковаго врага и требовать свободы, если не отъ рабства, то отъ ига чужеземцевъ. Ученіе Магомета, утратившее весь свой религіозный пылъ, вдругъ какъ бы получило новыя силы и воскресаетъ на нашихъ глазахъ со страстностью, напоминающею первые вѣка ислама. Изъ глубины Аравіи и Судана народившаяся новая сила ислама, почувствовавъ себя достаточно окрѣпшею, двигается къ периферіи, и всѣ движенія ея пока отмѣчены побѣдами.

Не прошло еще и десяти лѣтъ со времени появленія новаго пророка и самозваннаго посланника божія—махди, какъ на нашихъ глазахъ выросла обширная теократическая мусульманская имперія, подобной которой исторія не знаетъ уже давно и которая у воротъ Суакима ищетъ себѣ выхода въ океанъ. Весь египетскій Суданъ, до страны Великихъ Озеръ и верховьевъ Конго, часть независимаго Судана почти до озера Чадъ и обширныя пространства, лежащія между Краснымъ Моремъ, Абиссиніей и Ливійскою пустыней, входятъ въ эту имперію махдистовъ или дервишей. Съ каждымъ годомъ разрастается это теократическое царство, во главѣ котораго стоитъ самъ посланникъ божій—махди, и нѣтъ въ Центральной Африкѣ силы, которая могла его хотя сколько-нибудь задержать; предъ грознымъ махди уже бѣжали Англичане и войска хедива, пали султаны и царьки Вадая, Борну Багирми и другихъ негритянскихъ племенъ, осѣвшихъ на верховьяхъ Конго и Бѣлаго Нила; подъ обаяніемъ грознаго имени махди, осмѣливается противостоять вся юго-восточная Африка Европейцамъ; два года тому назадъ даже слабый Занзибаръ позволялъ себѣ задирать могущественную Германію, и еще на дняхъ гордые Нѣмцы потерпѣли жестокое пораженіе въ своихъ африканскихъ владѣніяхъ отъ толпы черныхъ дикарей, во главѣ которыхъ стояли эмиссары махди. Нѣсколько

далѣе мы укажемъ на рядъ выдающихся событій послѣдняго времени, въ которыхъ принимали дѣятельное участіе сторонники новаго ислама, а теперь ограничимся только указаніемъ на бунтъ Араби-паши въ Египтѣ, Суданское возстаніе и недавній разгромъ турецкихъ владѣній въ Іеменѣ. Окидывая общимъ взоромъ всѣ дѣянія послѣдователей новаго ислама, и особенно сторонниковъ махди, можно повѣрить словамъ его защитниковъ, утверждающихъ, что новый владыка мусульманства пришелъ въ міръ и собираетъ своихъ вѣрныхъ на борьбу съ невѣрными врагами; но не Турція, не Персія, не другое мусульманское государство, замышляетъ эту страшную борьбу противъ невѣрныхъ, ихъ силы, культуры, господства и значенія, а весь мусульманскій міръ, in toto проникнутый идеями сенусситовъ, выдвинувшихъ и Суданскаго махди.

„И Турки и христіане—это собаки одной породы, говоритъ постоянно махди Джербуба, повторяя будто бы слова Аллаха, слышанныя основателемъ святаго союза, и я ихъ поражу руками вѣрныхъ за одинъ разъ". „Правовѣрный Геджаса, какъ и Судана, мусульманинъ Джезирэ (Месопотаміи), какъ и вѣрный сынъ ислама, томящійся въ рабствѣ у москова (Русскихъ) Бедуинъ, Туарегъ, Занзибарецъ и Туркменъ—всѣ дѣти одного великаго ислама станутъ подъ знаменами махди, когда онъ соберется покорять міръ", такъ поучительно еще недавно говорилъ достопочтенный ахунъ Сиди-Акбаръ-бенъ-Салахъ въ одной изъ мечетей Каира, несмотря на то, что британское знамя развѣвалось на цитадели Моккатама.

Мы можемъ, конечно, отнестись нѣсколько иронически къ надеждамъ почтеннаго ахуна о покореніи міра сторонниками махди и почитателями ислама, но нельзя все-таки въ приведенныхъ двухъ цитатахъ не видѣть цѣлой программы, въ которой ярко намѣчается цѣль и конечныя задачи сенусситовъ. Какъ бы легко ни отнеслась Европа къ подготовляемому исподоволь на Востокѣ повсемѣстному возстанію, какъ бы она ни игнорировала силу мусульманъ, вдохновляемую религіознымъ фанатизмомъ, не надо забывать, какихъ усилій стоило Россіи справиться съ мюридизмомъ на Кавказѣ, а Франціи съ сенуссизмомъ въ Кабиліи. И тамъ, и здѣсь были небольшія, но крѣпко сплоченныя кучки фанатичныхъ бойцовъ, но и въ Кабиліи, какъ и на Кавказѣ, эти горсти абрековъ были сильны тою нравственною поддержкой, которую они получали ото всего остальнаго, казавшагося

индифферентнымъ, мусульманскаго міра: не забудемъ также, что основатели мюридизма принесли свои идеи изъ пустынь Аравіи за время своего паломничества, оттуда же и въ Алжиріи принесъ свой нравственно-религіозный кодексъ знаменитый Абдъ-эль-Кадеръ. Не особенно блистательно сражались и гордые Бритты съ полуобнаженными, часто почти безоружными толпами нарождавшагося въ Суданѣ махди. Не совсѣмъ безопасною и легкою борьбой представляется намъ поэтому и та будущая великая борьба, которую пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ затѣялъ въ сердцѣ своемъ Сиди-Магометъ-бен-Сенусси, которую завѣщалъ своему сыну великому махди Джербуба и всѣмъ послѣдователямъ своего ученія. Ту борьбу завѣщалъ покойный учитель лишь тогда, когда весь мусульманскій міръ проникнется идеями этой великой священной войны, когда въ различныхъ сектахъ и толпахъ ислампзма будетъ одно общее желаніе возстать на защиту вѣры и родной земли, когда будутъ подготовлены всѣ средства къ возможному успѣху и когда для дѣла настанетъ самый удобный моментъ: многаго изъ этого недоставало у махди Судана, рискнувшаго почти безъ подготовки ринуться на священную борьбу съ проклятыми гяурами и Египтомъ, управляемымъ этими послѣдними, и Магомедъ-бенъ-Ахмедъ умеръ, не достигнувъ того успѣха, на который онъ могъ разсчитывать, еслибы хотя еще немного повременилъ.

Разумѣется, та будущая борьба, которую замыслили сенусситы и выразителемъ которой явился махди Судана, не можетъ быть особенно страшною для Европы, которая давно уже перестала бояться Азіи, посылавшей на нее полчища полудикихъ номадовъ, но замалчивать ее во всякомъ случаѣ нельзя уже потому одному, что въ ней большее или меньшее участіе могутъ принять до ста милліоновъ мусульманъ. Не говоря уже объ Англіи и Россіи, державахъ наиболѣе заинтересованныхъ всѣмъ тѣмъ, что творится въ тайникахъ мусульманскаго міра, и Франція, и Италія, и даже Германія не могутъ отнестись безучастно къ той борьбѣ за исламъ, которую замышляютъ сенусситы. Особенно близко это новое движеніе, зародившееся въ исламѣ, должно касаться нашего отечества, имѣющаго много милліоновъ подданныхъ изъ мусульманъ. Не забудемъ и того, что агенты новаго ислама Сенусси появлялись не разъ и въ нашихъ предѣлахъ, и еще въ 1886 году мы указывали печатно, что посланцы могучаго союза пробирались въ Бухару и Самаркандъ; мы не

знаемъ, насколько успѣшна была ихъ миссія въ нашемъ Туркестанѣ, но это не мѣшаетъ намъ присматриваться внимательнѣе за тѣмъ, какъ отражаются религіозныя движенія Востока на нашемъ многочисленномъ мусульманскомъ населеніи.

Въ виду всего этого, и особенно интереса, возбуждаемаго различными африканскими событіями за послѣднее время, не лишнее нѣсколько остановиться на этомъ новомъ движеніи въ исламѣ, тѣмъ болѣе, что съ нимъ связаны близко надѣлавшая столько шуму экспедиція Стэнли, освобожденіе Эмина-паши, многія колоніальныя неудачи Европейцевъ за послѣднее время и вопросъ о существованіи недавно родившагося свободнаго государства—Конго: съ развитіемъ сенусситскаго толка связанъ вообще дальнѣйшій успѣхъ европейской пропаганды и культуры въ Африкѣ, не говоря уже о рабствѣ, которое въ Центральной Африкѣ въ лицѣ махди получило самаго могучаго защитника. Въ виду полнаго отсутствія на русскомъ языкѣ какихъ-либо свѣдѣній по этому первостепенному для всего Востока вопросу, намъ придется остановиться нѣсколько подробно не только на самомъ махди и его значеніи, но и на развитіи ученія Сенусси, вызвавшаго суданскаго пророка, рабствѣ и многихъ другихъ второстепенныхъ вопросахъ.

*

Прежде всего мы должны остановиться на вопросѣ, что такое представляетъ изъ себя махди, насколько появленіе его связано съ духомъ ислама вообще, и каково внутреннее содержаніе самой идеи о махди.

Если мы припомнимъ тотъ путь, которымъ создалась религія Магомета, заимствовавшая канву отъ обѣихъ религій единобожія-іудейства и христіанства, и перемѣшавшая съ нимъ не только первобытныя вѣрованія семитическихъ народовъ Аравіи, но и представленія, заимствованныя изъ религій древняго міра, то намъ не трудно будетъ догадаться, что идея о Спасителѣ много согрѣшившаго человѣчества, проходящая не только черезъ единобожіе, но и политеистическіе культы, должна была въ той или другой формѣ выразиться и въ исламѣ. Не говоря уже о Мессіи іудаизма, почти всѣ древнія религіи передней Азіи имѣли представленіе о грядущемъ избавителѣ человѣчества, который въ религіи Зороастра отлился въ форму, весьма напоминающую

и христіанское представленіе. Махди ислама есть своего рода Мессія юдаизма; Магометъ, заимствовавшій отъ этого послѣдняго четырехъ великихъ пророковъ, [1] предшествовавшихъ ему, и прибавившій къ нимъ еще Іисуса и самого себя, какъ послѣдняго посланника Божія, указалъ исламу на махди, какъ на святѣйшую личность, заключающую рядъ пророковъ ислама. Подобно тому, какъ каждый изъ этихъ послѣднихъ, превосходящій по святости своего предшественника, приносилъ съ собою новое и болѣе совершенное откровеніе, такъ и махди, какъ послѣдній пророкъ ислама, будучи выше самого Магомета, долженъ принести міру новый завѣтъ Аллаха и направить правовѣрныхъ на путь побѣды. Самое названіе махди поэтому есть руководитель или вождь, безъ котораго слабому человѣку, предоставленному собственнымъ силамъ, не найти истины и вѣрнаго пути. Хотя этотъ высокій эпитетъ можетъ быть приложенъ къ каждому изъ упомянутыхъ пророковъ ислама. но преимущественно онъ относится къ пророку послѣдняго откровенія, которому суждено закончить жизнь человѣческаго рода. По нѣкоторымъ версіямъ этому великому послѣднему пророку должно предшествовать второе пришествіе Іисуса, который убьетъ антихриста и всѣхъ Евреевъ, и обратитъ въ исламъ язычниковъ и христіанъ, будетъ соучастникомъ махди въ торжествѣ правой вѣры на землѣ, и вслѣдъ затѣмъ наступитъ судъ мертвыхъ и живыхъ.

Хотя Коранъ и не говоритъ о махди, но несомнѣнно, что самъ Магометъ возвѣстилъ о немъ, какъ о своемъ собственномъ потомкѣ; брошенная въ исламъ идея о будущемъ великомъ пророкѣ облетѣла весь мусульманскій міръ, и не разъ порождала явленія самозванныхъ пророковъ махди; этихъ послѣднихъ за двѣнадцать столѣтій существованія ислама въ различныхъ уголкахъ мусульманскаго міра появлялось множество, но изъ нихъ слѣдуетъ упомянуть лишь о нѣкоторыхъ, сыгравшихъ болѣе или менѣе крупную историческую роль.

Уже черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ смерти Магомета появился первый историческій махди въ Персіи, извѣстный болѣе подъ именемъ Магомета, сына Фатимы и Али; хотя онъ въ скоромъ времени и погибъ, но среди персидскихъ мусульманъ долго существовало убѣжденіе въ перевоплощеніи махди, явившееся отголоскомъ древнихъ иранскихъ солнечныхъ миѳовъ. Махди—чело-

[1] Адама, Ноя, Авраама и Моисея

вѣкъ умеръ, но не умерло его воплощеніе, какъ пророка; подобно зашедшему за горизонтъ солнцу, онъ только сокрылся на время и скоро вернется къ ожидающимъ его возвращенія вѣрнымъ. Извѣстное шіитское празднество въ честь Гуссейна и Алп, сопровождающееся кровавыми церемоніями даже у насъ на Кавказѣ, есть своего рода ожиданіе любимаго эмира Персіянъ, замѣняющаго имъ махди. Второй историческій махди явился также въ Персіи—этой родинѣ всевозможныхъ мусульманскихъ толковъ, сектъ и вмѣстѣ съ тѣмъ религіозныхъ легендъ. Махди этотъ былъ выдвинутъ для поддержанія правъ на калифатъ Абассидовъ и, между прочимъ, имѣлъ ту особенность, что выдавалъ себя за воплощеніе божества, являвшагося въ девятый разъ на землю въ человѣческомъ тѣлѣ въ образѣ того или другаго пророка; вѣчно покрытое лицо этого махди соотвѣтствовало поддержанію ореола перевоплощеннаго божества, вызывавшаго даже поклоненіе со стороны своихъ послѣдователей. Второй халифъ Альманзоръ очень неудачно возвелъ въ махди своего собственнаго сына, но народъ не могъ признать посланника божія въ потомствѣ, не происходящемъ прямо отъ Магомета. Махди долженъ былъ появиться въ прямой линіи имамовъ, и разъ она пресѣклась послѣ одиннадцатаго, то на малолѣтняго сына Гассана было перенесено званіе махди. Народъ не вѣрилъ его смерти и думалъ, что онъ сокрылся на время, дабы явиться въ міръ, когда на то придетъ пора. Ожиданіе пришествія махди въ Ираиѣ настолько сильно, что династія Софидовъ называла себя только намѣстниками великаго ислама, котораго нужно ожидать. Въ роскошныхъ дворцахъ Испаганп стояли всегда два великолѣпно осѣдланные коня—одинъ для махди, а другой—для его помощника Іисуса Христа.

Гораздо болѣе успѣха имѣли махди въ Африкѣ, гдѣ двое изъ нихъ успѣли основать даже свои династіи въ Египтѣ и Марокко; отъ самозваннаго пророка въ странѣ фараоновъ въ X вѣкѣ получила начало династія Фатимидовъ—одна изъ самыхъ славныхъ въ исторіи ислама; отъ махди Марокко въ XII вѣкѣ произошли Альмогады—завоеватели Испаніи. Какъ и въ Персіи, оба эти махди были выставлены сильными политическими партіями: махди Обендъ-Аллахъ, ставленникъ могущественной секты имамовъ, имѣлъ громадный успѣхъ на сѣверѣ Африки, гдѣ Берберы томились подъ игомъ арабскаго рабства; онъ овладѣлъ легко Тунисомъ, Алжиріей и Триполи, объявилъ тамъ калифомъ самого

Аллаха и основалъ городъ Махдіа. Одинъ изъ его преемниковъ овладѣлъ легко Египтомъ, построилъ городъ побѣды Каиръ и продолжалъ славно начатую династію Фатимидовъ, подчинившихъ себѣ Синай, Сирію и часть Ливійской пустыни. Идея воплощенія въ Египтѣ пошла еще далѣе появленія послѣдняго пророка; нѣкто сумашедшій Хакимъ объявилъ себя богомъ, и нашлись не меньшіе безумцы, которые повѣрили ему; вокругъ Хакима и его вдохновителя Дарози—персидскаго сектанта—собрались вѣрующіе, основавшіе культъ Хакима, не замершій и до сего дня. Безъ вѣсти пропавшій самозванный богъ послѣ трехъ лѣтъ своего апоѳеоза былъ объявленъ скрывшимся на время среди легіоновъ ангеловъ, и его пришествія вѣрные должны постоянно ожидать. Друзы Ливана сохранили культъ Хакима, не находящій послѣдователей въ странѣ фараоновъ, осчастливленной его посѣщеніемъ.

Махди Марокко, основавшій династію Альмогадовъ, былъ нѣкто Мохамметъ-бенъ-Ту-Мертъ, вынесшій изъ своего паломничества въ Мекку и Багдадъ особое вѣроученіе съ пантеистическимъ оттѣнкомъ, названное имъ Альмогадскою системой. Своею святою жизнью и примѣромъ онъ увлекъ многихъ въ свое вѣроученіе, училъ о скоромъ пришествіи махди и въ концѣ концовъ самъ объявилъ себя этимъ посланникомъ божіимъ. Удрученные арабскимъ игомъ, Берберы съ радостью шли за освободителемъ, и это движеніе было однимъ изъ счастливыхъ временъ для берберскаго народа. Сынъ и послѣдователь махди Абдъ-ал-Мамунъ, ставъ во главѣ Берберовъ, завоевалъ Марокко, а отсюда перешелъ въ Испанію, которою и овладѣлъ послѣ легкаго сопротивленія. Династія Альмогадовъ или послѣдователей ученія Ибнъ-Ту-Мерта царствовала на Пиренейскомъ полуостровѣ до XII столѣтія. Успѣхъ Альмогадовъ вскружилъ голову Берберамъ, и они, погруженные въ прежнее рабство, отыскивали повсюду махди, но онъ болѣе не являлся на сѣверѣ Африки, и не мудрено, что современные Берберы съ такою радостью примкнули къ числу послѣдователей Суданскаго махди.

Турки позднѣе Арабовъ, Персовъ и Берберовъ вышли на арену всемірной исторіи, но и они успѣли уже имѣть не одного своего махди. Самымъ извѣстнымъ изъ нихъ былъ махди 1666 года, явившійся при султанѣ Магометѣ IV, осаждавшемъ Вѣну. Турецкій махди былъ послѣдствіемъ общаго религіознаго движенія, поднятаго Евреями, ожидавшими въ этотъ годъ пришествія Мессіи

и получившими его въ лицѣ молодаго Еврея изъ Смирны Сабтаи-Зеви. Признанный всѣми раввинами Турціи и Европы, этотъ мессія уже мечталъ о возстановленіи царствія Божія и нисхожденіи небеснаго Іерусалима. Мусульманскій міръ весь взволновался при слухахъ о пришествіи мессіи Евреевъ, который, по мусульманской легендѣ, является въ родѣ антихриста, предвозвѣщающаго пришествіе махди. Имамы и улемы стали отыскивать новаго посланника Божія, котораго и отыскали въ Курдистанѣ во главѣ нѣсколькихъ тысячъ бойцовъ. Этотъ махди былъ схваченъ и представленъ султану, который оставилъ его у себя въ качествѣ пажа, какъ молодаго человѣка, чрезвычайно ему понравившагося. Нѣсколько позднѣе къ Магомету IV былъ представленъ и мессія Евреевъ Сабтаи Зеви. Умный султанъ узналъ сразу, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и предложилъ мессіи мѣсто привратника гарема, что̀ и было имъ принято съ великою радостью. Такимъ образомъ, Магометъ IV имѣлъ удовлетвореніе видѣть махди въ качествѣ лакея, а его предвозвѣстника антихриста въ роли швейцара. Нѣсколько позднѣе самозванный махди былъ умерщвленъ янычарами.

Помимо Обейдъ-Алеаха, не принадлежавшаго собственно Египту, этотъ послѣдній имѣлъ и своего собственнаго махди, явившагося въ тяжелую годину вторженія Французовъ въ 1799 году. Этотъ махди былъ еще большею игрушкой его ставленниковъ съ политическою цѣлью; поддерживаемый Турками, а отчасти и Англичанами, махди этотъ, пришедшій изъ пустынь Ливіи, пытался остановить успѣхи Французовъ, но вся отчаянная храбрость фанатиковъ была безполезна предъ тактикой и лучшимъ вооруженіемъ солдатъ Наполеона; послѣ пораженія отряда вѣрныхъ, окружавшихъ пророка, махди исчезъ и, какъ говорятъ, вознесся на небо, откуда пришелъ.

Пропуская длинный рядъ другихъ, менѣе извѣстныхъ махди Востока, мы приближаемся ко времени, когда появился современный махди Судана. Разбирая обстоятельства, сопровождавшія и предшествовавшія появленію махди въ томъ или другомъ уголкѣ Востока, мы видѣли, что эти самозванные посланники Божіи являлись всегда при условіяхъ вполнѣ благопріятствовавшихъ ихъ выдвиганію на арену исторіи. Чаще всего они появлялись во времена тяжелыя для правовѣрныхъ того или другаго района — въ эпоху политическихъ распрей, во время войнъ и чаще всего выдвигались какою-нибудь политическою

партіей или религіозною сектой. Тѣ или другіе агитаторы пользовались великимъ престижемъ имени махди и выдвигали ставленниковъ для своихъ цѣлей, которыхъ и достигали. Появленію настоящаго Суданскаго махди предшествовали и способствовали также многія обстоятельства, на которыхъ мы и должны остановиться нѣсколько подробнѣе, прежде чѣмъ описывать исторію послѣдняго махди и его блестящихъ успѣховъ. Мы должны съ особенною внимательностью остановиться на могущественнѣйшемъ религіозномъ союзѣ мусульманъ Сиди-эс-Сенусси, выдвинувшемъ Мохаммеда-Ахмеда изъ Донголы, а также на томъ печальномъ положеніи, которое представляли въ эпоху его появленія не только страна, народившая новаго махди, но и весь Востокъ, стонавшій подъ тяжелымъ игомъ Европейца.

* * *

Давно уже Европейцы, пользуясь слабостью народовъ и правителей Востока, стали тамъ хозяйничать, не справляясь ни съ желаніями, ни съ интересами его хозяевъ-мусульманъ; куда ни посмотришь въ настоящее время на Востокѣ, вездѣ Европейцы заняли первенствующую роль, вездѣ предъ ними стушевались исконные туземцы, ставшіе рабами или дойною коровой пришедшаго изъ Франгистана гяура. Достаточно назвать Турцію, Египетъ и Персію, не говоря уже объ Алжиріи и Тунисѣ, чтобы понять, какъ властно теперь распоряжаются Европейцы на Востокѣ, ставшемъ для него обѣтованною страной. Въ особенности эти благодѣянія со стороны незванныхъ культуртрегеровъ обрушились на Африку, ставшую общею колоніей почти для всѣхъ европейскихъ націй.

Если посмотрѣть на послѣднюю карту Африки, то мы увидимъ, что всѣ берега темнаго материка размежеваны между всѣми европейскими націями, исключая только Россіи да Швейцаріи. Даже Швеція имѣетъ свои африканскіе уголки, а континентальная маленькая Бельгія на бумагѣ овладѣла чуть не четвертью внутренней Африки. Какъ бы то ни было, Европа подѣлила Африку на сферы вліянія, не спросясь ея законныхъ хозяевъ или относясь презрительно къ ихъ правамъ, требованіямъ и стремленіямъ. Вся эта исторія колоніальнаго захвата Африки напоминаетъ извѣстную сказку о звѣряхъ, подѣлившихъ между собою медвѣдя, причемъ даже заяцъ заявляетъ свои права хотя

на медвѣжье ушко; но, къ сожалѣнію, медвѣдь пока еще не убитъ, и напрасно охотники, польстившись на легкую добычу, заранѣе подѣлили звѣря. А медвѣдь между тѣмъ не только живъ, но и шевелится, и даже успѣлъ поцарапать нѣкоторыхъ легкомысленныхъ охотниковъ. Послѣднія колоніальныя неудачи Нѣмцевъ, Французовъ (Дагомея), Итальянцевъ и Англичанъ доказываютъ, что въ глубинѣ темнаго материка появились новые факторы, которыхъ нельзя не принять во вниманіе и которыхъ нельзя устранить однѣми пустыми дипломатическими нотами, пугающими лишь тѣхъ, кто ихъ боится. Между тѣмъ, благодаря этимъ факторамъ, многія иллюзіи стали разрушаться сами собою, многое оказалось пуфомъ, прочныя колоніальныя и протекціонныя системы оказались зданіемъ, строеннымъ на пескѣ, самое обаяніе Европейца въ Африкѣ вдругъ какъ бы умалилось, туземецъ сталъ поднимать голову, грозить непрошеннымъ гостямъ, въ колонизаціонной горячкѣ произошелъ какой-то кризисъ, который не зависитъ отъ палліативовъ.

Изучая даже поверхностно исторію водворенія Европейцевъ въ различныхъ уголкахъ Африки, мы видимъ, что повсюду, несмотря на различіе туземцевъ и европейскихъ пришельцевъ всевозможныхъ національностей, примѣнялся одинъ и тотъ же принципъ, не признающій за аборигеномъ никакихъ человѣческихъ правъ, исключая права быть рабомъ и вьючнымъ скотомъ прихлаго хозяина, основывавшаго свои права на палкѣ и ружьѣ. Проникнутые такимъ презрительнымъ отношеніемъ къ цвѣтному туземцу Африки, приходили еще во времена незапамятныя бѣлые выходцы изъ Европы на берега темнаго материка: еще исторія древняго Египта знаетъ горделивыхъ пришельцевъ сѣвера Тамху, переплывавшихъ море для того, чтобы въ Африкѣ добывать себѣ золото, драгоцѣнности Востока и рабовъ; какъ на неистощимое и безконечное поле для обогащенія, на Африку и Ливію, смотрѣлъ и Римъ—властелинъ древняго міра. Даже Арабы, выходцы азіятскихъ пустынь, наводнившіе въ VII и VIII вѣкахъ сѣверную Африку, основали тамъ свои калифаты, превращая аборигеновъ не въ подданныхъ, а въ рабовъ: позднѣе здѣсь также хозяйничали послѣдніе завоеватели Востока Турки-Османы, такъ или иначе подчинившіе себѣ добрую четверть Африки.

Вслѣдъ за Турками пришли на порабощенный Востокъ и въ Африку жадные до наживы обитатели южной Европы. Въ темныя времена Среднихъ Вѣковъ рабъ былъ синонимомъ туземцевъ

Африки, потому что тамъ знали однихъ черныхъ невольниковъ, но не знали ихъ хозяевъ и господъ. Всякій, кто хотѣлъ имѣть рабовъ, могъ ѣхать въ Африку или, по крайней мѣрѣ, лишь оттуда получать невольниковъ, которыхъ не было уже тогда на европейскомъ континентѣ. Мы знаемъ, что, благодаря гуманности одного католическаго монаха, со временъ открытія Новаго Свѣта и его первой колонизаціи, Африка стала огромнымъ рынкомъ невольниковъ, славу котораго она отчасти сохраняетъ и до настоящей поры. Первые Европейцы, пришедшіе со временъ Римлянъ, Вандаловъ и Византійцевъ въ Африку, можно сказать, были торговцами рабовъ и посредниками въ позорившемъ свѣтъ невольничествѣ; Испанцы, Итальянцы, Французы, Англичане, Греки и даже Нѣмцы, приманиваемые огромною выгодой на берега темнаго материка, соревновали другъ другу въ дѣлѣ торговли черными рабами и развили ее до такихъ ужасающихъ размѣровъ, что содрогнулся весь цивилизованный міръ. „Большая часть Африки была превращена въ громадный паркъ для охоты на человѣка, и имя „бѣлый“ сдѣлалось у многихъ негритянскихъ племенъ синонимомъ людоѣда“; на окружности континента существовалъ рядъ станцій, служившихъ складочными мѣстами живаго товара. Мы знаемъ цѣной какихъ огромныхъ пожертвованій и трудовъ Европа и Америка достигли прекращенія невольничества, котораго въ корнѣ уничтожить невозможно и доселѣ.

Первые Европейцы—рабопромышленники были и первыми европейскими колонистами Африки. Первыя колоніи и факторіи различныхъ европейскихъ націй были и главными этапами, и спорными пунктами работорговли, охраняемыми нерѣдко правительственными войсками. Такое начало европейской колонизаціи Африки не могло положить твердаго основанія этой послѣдней, и не мудрено, что до настоящаго времени туземецъ темнаго материка смотритъ на колонизатора-Европейца, какъ на недавняго жестокаго плантатора и работорговца. Грубые культуртрегеры, по большей части подонки европейскаго общества, сплой вещей вытолкнутые изъ своей среды за море въ Африку, разумѣется, не могли и позднѣе поставить лучше дѣло на берегахъ темнаго континента. Правда, позднѣе, когда сами правительства различныхъ націй Европы обратили особенное вниманіе на свои африканскія колоніи, появились въ этихъ послѣднихъ и люди болѣе достойные поднять дѣло европейской цивилизаціи, но все-таки

число ихъ было долгое время такъ ничтожно, что не могло сильно вліять среди массы, парализующей ихъ благія начинанія.

Не всѣ колоніи Европейцевъ въ Африкѣ создались этимъ путемъ: Алжирія пріобрѣтена Франціей, напримѣръ, путемъ завоеваній, цѣной огромныхъ жертвъ и массы пролитой крови. На этой формѣ европейской колонизаціи, также не совсѣмъ гуманной, мы не будемъ останавливаться вовсе, потому что она еще менѣе можетъ быть признана правильною для твердой постановки вопроса о культурной колонизаціи среди совершенно не цивилизованнаго населенія. Путемъ мирнаго культурнаго завоеванія пріобрѣтено очень немного колоніальныхъ земель въ Африкѣ; еще менѣе колоній создано трудами рукъ земледѣльцевъ и фермеровъ, которые одни могутъ класть прочное основаніе всякому колонизаціонному дѣлу. Нѣмцы въ послѣднее время, быть-можетъ, въ подражаніе южноафриканскимъ боерамъ, задумали основать рядъ такихъ земледѣльческихъ колоній, но и они не сумѣли приложить нужнаго терпѣнія и труда для организаціи дѣла, которое всего труднѣе разрѣшается съ помощью ружей и штыковъ.

Всѣ неудачи европейской колонизаціи въ Африкѣ не могутъ быть отнесены на счетъ особаго роковаго вліянія африканскаго климата на человѣка, на чемъ настаиваютъ многіе экономисты и особенно парадоксальный философъ Нордау, называющій Африку, какъ и всѣ экваторіальныя страны, огромнымъ котломъ, переваривающимъ бѣлое человѣческое мясо: гораздо болѣе чѣмъ климатъ на эти неуспѣхи вліяютъ, помимо презрительнаго отношенія къ туземцу, полное незнаніе того матеріала и цемента, изъ котораго должны были бы строиться европейскія колоніи въ глубинѣ чернаго материка. Этимъ незнаніемъ туземца и объясняется тотъ фактъ, почему въ настоящее время почти во всей Африкѣ Европеецъ терпитъ неудачи, хотя, казалось бы, не бѣдному туземцу было противустоять человѣку высшей культуры, вооруженному, кромѣ знанія, еще скорострѣлками, золотомъ и кнутомъ.

Исконный обитатель Африки негръ, составляющій главную массу населенія темнаго материка, рожденъ, въ самомъ дѣлѣ, рабомъ, и остается въ этомъ рабствѣ отъ колыбели до могилы. „Негры, къ несчастію для нихъ, говоритъ Реклю, самые покорные и самые преданные изъ слугъ. У нихъ, какъ и у многихъ женщинъ, есть тотъ большой недостатокъ, что они готовы жертвовать собой за тѣхъ, кто ихъ угнетаетъ и презираетъ. На

черномъ континентѣ нѣтъ народа, который бы не имѣлъ своихъ невольниковъ, а у многихъ племенъ половина населенія состоитъ въ рабствѣ у другой половины". Рабство негра у себя на дому однако не составляетъ порабощенія соціальнаго или экономическаго, а заключается чаще всего въ личной зависимости отъ царька или князька, и во многихъ группахъ чернаго населенія настолько стало нормальнымъ явленіемъ, что оно его вовсе не тяготитъ. Въ огромномъ большинствѣ негритянскихъ племенъ черному человѣку живется все-таки довольно свободно, и хотя зависимость отъ царька всегда болѣе или менѣе ощутительна, но она не тяготитъ всей его жизни и даетъ достаточно личной свободы, хотя бы для лѣни и кейфа, къ которымъ такъ склоненъ недалекій по развитію чернокожій Африки. Рабство экономическое, не исключающее и личнаго подчиненія, вносимое въ Африку европейскими колонистами и цивилизаторами даже самаго послѣдняго времени, не облегчаетъ вовсе жизни чернаго человѣка, а только ухудшаетъ его положеніе.

При столкновеніи обоихъ этихъ противоположныхъ элементовъ представляются два случая, какъ исходные, одинаково отражающіеся печально на чернокожемъ человѣкѣ. Негръ становится или прямо рабомъ европейскаго колониста, отрываясь совершенно отъ родной сферы, или онъ, оставаясь въ этой послѣдней, такъ или иначе подпадаетъ подъ власть Европейца. Тутъ въ настоящее время, по словамъ филантроповъ и гуманистовъ, старающихся совершенно откреститься отъ позорящаго міръ рабства, этого послѣдняго, поддерживаемаго Европейцами, не существуетъ вовсе, но въ сущности для бѣднаго негра оно есть и останется долго, хотя и въ другой формѣ, когда ему приходится входить въ близкія сношенія съ бѣлымъ человѣкомъ. Считающій себя въ сравненіи съ негромъ чуть не божествомъ, бѣлый колонистъ, не признающій чернаго даже человѣкомъ, никогда не могъ отнестись къ этому послѣднему иначе, какъ къ рабу. Черный, не имѣя никакой возможности стать прямо въ оппозицію своему бѣлому хозяину, или даже пришельцу, распоряжающемуся властною рукой, никогда не могъ и пытаться возвыситься до того, чтобы въ чемъ-нибудь сравниться съ гордымъ Европейцемъ. Для него оставалась дилемма—или убить этого послѣдняго, или остаться рабомъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда это было возможно, и терпѣніе даже чернокожаго переходило всякій предѣлъ, негръ прибѣгалъ къ первому

радикальному средству: въ огромномъ же большинствѣ случаевъ онъ несъ почти безотвѣтно тяжелую лямку личнаго и соціальнаго рабства.

Долго негръ терпѣлъ всякія насилія, чинимыя на его собственной землѣ и, наконецъ, не выдержалъ и сталъ искать исхода; мусульманская пропаганда, указывавшая ему на исламъ, какъ на могучую поддержку, была какъ бы отвѣтомъ на эти стремленія, и вотъ почему давно уже исламъ не распространялся съ такою быстротой среди чернокожихъ Африки, какъ въ послѣднее время. Въ настоящее время мусульманская территорія занимаетъ почти половину темнаго континента, ставшая еще болѣе чѣмъ Аравія „страной вѣры“; она идетъ отъ Суэзскаго перешейка чрезъ пустыню до истоковъ Нигера и даже до Бенинскаго залива; къ юго-востоку почти вся окраина Африки стала страной ислама, навербовавшаго здѣсь многіе милліоны своихъ послѣдователей. „Магометанство въ Африкѣ притомъ, справедливо говоритъ Реклю, имѣетъ болѣе матеріальной связи нежели въ Европѣ и Азіи, гдѣ правовѣрные разсѣяны среди иновѣрныхъ населеній, раздѣлены пустынями и морскими проливами; въ Африкѣ исламу принадлежитъ пространство въ одномъ кускѣ болѣе обширное, чѣмъ Европа, и религія помогаетъ распространенію идей, нравовъ, обычаевъ и языка Арабовъ.“ Изо всѣхъ племенъ Африки чернокожіе притомъ оказались самыми ревностными мусульманами: по словамъ шейха Мохаммеда эль-Тунси, самыми ревностными пилигримами Мекки, напчаще впадающими въ религіозный экстазъ, являются негры, сравнительно недавно обращенные въ исламъ. Проповѣдниками ислама въ западной Африкѣ являются теперь не Арабы, хотя языкъ, который они употребляютъ и который въ Африкѣ служитъ главнымъ проводникомъ цивилизаціи, есть языкъ пророка. Миссію эту выполняютъ негриційцы различныхъ племенъ; въ качествѣ торговцевъ или промышленниковъ они обходятъ племена, обитающія на западныхъ берегахъ Африки до Бенинскаго залива. Лишь на востокѣ Африки мусульманская пропаганда ведется Арабами, и ведется, по правдѣ сказать, далеко не такъ прочно, какъ чернокожими миссіонерами. Негры, какъ народы, никогда еще не жившіе исторической жизнью и впервые призываемые къ ней исламомъ, являются самымъ подходящимъ матеріаломъ для пропаганды этого послѣдняго, имѣющаго донынѣ въ Центральной Африкѣ успѣхъ не меньшій, какъ въ первые вѣка ислама. Евро-

нейской колонизаціи поэтому въ настоящее время въ значительной части чернаго континента приходится имѣть дѣло не съ разрозненными, не имѣющими никакой связи цвѣтными племенами, а болѣе или менѣе компактною массой, связываемою религіознымъ фанатизмомъ въ первой стадіи его экстатическаго пыла. Исламъ объединяетъ болѣе или менѣе самыя разнородныя племена, среди которыхъ легко распространяются даже различныя секты и религіозные союзы; среди самыхъ дикихъ чернокожихъ народовъ идеи фанатика Синусси получили весьма значительное распространеніе, и новый суданскій махди образовалъ изъ негровъ многочисленные и храбрые полки. Чернокожіе при этомъ оказались самыми лучшими послѣдователями Магомета и борцами за Коранъ; въ то время, какъ настоящіе носители ислама—Арабы ослабѣли въ своемъ фанатизмѣ и ревности, Коранъ въ лицѣ нигриційскихъ племенъ нашелъ лучшихъ своихъ хранителей.

Если даже терпѣливые негры въ концѣ-концовъ не могли сносить ига рабства, наложеннаго на нихъ пришельцами сѣвера, будь то Европейцы или Турко-Египтяне, вызвавшіе своею невозможною системой управленія вооруженный бунтъ въ Суданѣ, то еще менѣе могли сносить это иго другія народности Африки, и въ особенности Арабы и Берберы, обратившіеся изъ повелителей чернаго континента въ угнетаемыхъ, и ставшіе предметомъ эксплуатаціи.

Болѣе интеллигентные и живые, свободолюбивые, одаренные бо̀льшимъ самосознаніемъ, съ болѣе опредѣленными воззрѣніями на жизнь и на природу, оба эти народа или расы, проникнутыя еще преданностью къ исламу, постоянно разжигающему ихъ страсти, возращенныя пустыней, всего менѣе способны подчиняться какому бы то ни было игу: личному, экономическому или даже политическому. Если еще въ отношеніи къ религіозному фанатизму Берберъ, болѣе трезво и критически смотрящій на вѣру и Коранъ, не стоитъ рядомъ съ Арабомъ, часто фанатикомъ до мозга костей, то по отношенію къ свободѣ личности и любви къ самостоятельности, какъ бы она ни была жалка, оба эти первенствующіе народа сѣверной Африки болѣе или менѣе сходятся между собой. Еще Арабъ можетъ относительно легко сносить то или другое иго, но Берберъ съ нимъ не примирится такъ легко. Правда, цѣпи насилія и рабства, народившагося не среди этихъ свободолюбивыхъ туземцевъ, а принесенные извнѣ,

навсели тяжелыми путами отчасти и на самихъ Арабахъ, еще недавно повелѣвавшихъ Африкой, но это иго и зависимость для нихъ далеко не такъ тяжки, какъ для чернокожихъ, и даже Берберовъ, не сломленныхъ самою арабизаціей. Арабъ, завоевавшій добрую четверть Африки болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ и сокрушившій могущество великаго Берберскаго царства, долженъ былъ, въ свою очередь, уступить свое мѣсто грубому Осману-Турку.

Свинцовою тяжелою тучей долго лежалъ Османъ на благословенныхъ берегахъ сѣверовосточной Африки и въ долинѣ Нила, служившихъ нѣкогда житницами древняго міра, но живучій туземецъ Магреба, Арабъ и арабизованный Берберъ, стоявшій всегда въ оппозиціи новому повелителю, мало-по-малу высвободился изъ тяжкаго гнета и основалъ рядъ полунезависимыхъ варварійскихъ владѣній по сѣверному берегу континента. Худо ли, хорошо ли они вели свои дѣла, но пришла пора, и почти вся Европа мало-по-малу хлынула волной по берегамъ Африки, неся съ собою дорогіе дары своей цивилизаціи, ненужные ни Арабу, ни Берберу, ни чернокожему дикарю. Не съ тупымъ равнодушіемъ и терпѣніемъ подобными тѣмъ, которыя проявили негры при столкновеніи съ Европейцами, встрѣтили этихъ послѣднихъ и Берберъ, и Арабъ. Исторія помнитъ еще многіе рыцарскіе походы Французовъ, Итальянцевъ и Испанцевъ на Варварійскіе берега и страшные разгромы береговъ южной Европы со стороны корсаровъ Мавританіи. Грозные корсарскіе корабли Средиземнаго моря плавали еще очень недавно, и лишь завоеваніе Алжиріи Французами положило конецъ корсарству. Не хватило у Арабовъ и Берберовъ матеріальной силы бороться съ грознымъ врагомъ, надвигавшимся съ сѣвера; они поняли, что эта недостаточность зависитъ отъ разрозненности мусульманскихъ силъ и прибѣгнули снова къ могучему нѣкогда средству—подогрѣванію религіознаго фанатизма путемъ образованія религіознаго союза, имѣющаго будто бы конечною цѣлью обновленіе ислама. Идеи фанатика Сенуссп, образованіе могучаго союза и появленіе махди—все это отвѣчало стремленіямъ и требованіямъ многочисленныхъ берберскихъ и арабскихъ группъ и потому нашло въ нихъ самую сильную поддержку; наиболѣе цивилизованные и энергичные Арабы стали во главѣ новаго движенія, тогда какъ Берберы, негры и суданскіе народцы составили его матеріальную силу.

Таково общее положеніе дѣла въ Африкѣ и отношеніе глав-

нѣйшихъ этнологическихъ группъ къ элементамъ европейской колонизаціи и невольнымъ проводникамъ ея, Египтянамъ, двинувшимся, по наущенію Европы, цивилизовать полудикій Суданъ. Еще до появленія махди и даже до времени могучаго развитія религіознаго союза Сиди-эс-Сенусси взаимное отношеніе туземцевъ Африки и непрошенныхъ колонизаторовъ Европы уже обрисовалось достаточно ясно и полно; не столько потребность въ очищеніи и обновленіи ислама вызвала новое религіозное движеніе, сколько тѣ политическія и экономическія отношенія, которыя образовались подъ вліяніемъ столкновеній религіозныхъ, этнографическихъ и культурныхъ группъ. Само по себѣ не рабство вызвало и волненія въ Суданѣ, которыя не сокрушили, а поддержали рабство, а тотъ невозможный режимъ, который отчасти при помощи Европейцевъ наложилъ Египетъ на Суданъ. Къ описанію этого режима мы теперь и переходимъ, предпославъ только одно общее замѣчаніе. То, что̀ совершилось и теперь совершается въ Суданѣ въ болѣе или менѣе грандіозныхъ размѣрахъ и въ меньшемъ во многихъ колоніальныхъ уголкахъ Африки въ самое послѣднее время, то рано или поздно покажется и въ другихъ уголкахъ мусульманскаго Востока, потому что тѣ же причины вызываютъ и одинаковыя слѣдствія при болѣе или менѣе однородныхъ факторахъ и матеріалахъ.

* * *

Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Судана Рихардъ Бухта замѣчаетъ справедливо, что хотя исходною точкой возстанія послужилъ религіозный фанатизмъ, вызванный всеобщимъ ожиданіемъ на Востокѣ махди въ началѣ XIV вѣка геджры, тѣмъ не менѣе оно никогда не достигло бы такихъ грозныхъ размѣромъ, еслибы фактическою подкладкой его не были соціальныя и политическія причины и многолѣтнее невозможное хозяйничество египетскихъ сатраповъ въ Суданѣ. Надо замѣтить, что огромныя страны, занятыя нынѣ махдистами и царствомъ дервишей, составляли самое недавнее и вмѣстѣ съ тѣмъ непрочное присоединеніе Египта. Въ двадцатыхъ годахъ этого столѣтія знаменитый хедивъ Мехмедъ-Али со свойственною ему энергіей и политическимъ тактомъ быстро успѣлъ присоединить къ своимъ владѣніямъ страны Кушъ, какъ назывался Суданъ во времена фараоновъ, пользуясь разладами между владѣтелями Мелеками, Сенаара, Кордофана и

Дарфура. Несмотря на многія неудачи, европейская тактика египетскихъ войскъ взяла верхъ надъ нестройными полчищами Суданцевъ, среди которыхъ эмиссары хедива поддерживали рознь и взаимную вражду. По завоеваніи Судана, для основанія столицы ея было выбрано очень удачное мѣсто при сліяніи Бѣлаго и Голубаго Нила, гдѣ устроенъ былъ укрѣпленный лагерь, изъ котораго въ скоромъ времени выросъ городъ Хартумъ—настоящая столица царства дервишей. Изъ этого крѣпкаго пункта Египтяне мало-по-малу распространили свои завоеванія въ глубинѣ Судана и едва ли скоро былъ бы положенъ предѣлъ этому движенію Египта въ область никому не принадлежащихъ земель, еслибы въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ они не получили грознаго отпора со стороны Судана и еще раньше со стороны Абиссиніи. За послѣднія двадцать лѣтъ съ 1861 года—появленія лжепророка завоеванія Египтянъ шли такъ быстро, что удивляли весь цивилизованный міръ. Овладѣніе Богосомъ и страной, лежащею у подножія африканскихъ Альпъ, дотолѣ принадлежавшихъ Абиссиніи, отодвиганіе египетскихъ границъ до экватора экспедиціей Беккера (1869 г.), завоеваніе Дарфура Циберъ-Рагамой (1874 г.), присоединіе всего Эритрейскаго побережья съ Суакимомъ и Массовой, уступленнаго Турками Измаилъ-пашѣ (1864 г.), экспедиція Гордона и Эминъ-бея (нынѣ паши), присоединившія экваторіальныя провинціи и страну великихъ озеръ, не говоря уже объ окончательномъ захватѣ Сенаара и области Баръ-Газаль,—все это слѣдовало такъ быстро, что Египетъ, становившійся огромною имперіей, не успѣвалъ проглатывать новыя присоединенія. Не надо забывать, что экспедиціи Беккера и Гордона, шедшія съ чисто завоевательными цѣлями, прикрывались филантропическою цѣлью подавленія торговли рабами въ Суданѣ. Какъ бы то ни было, Египетъ послѣ этихъ освободительныхъ экспедицій, а также походовъ Эмина Джесси, Стона, Прута и др. предъ появленіемъ махди представляется одною изъ величайшихъ монархій въ мірѣ, и хедивъ могъ себя считать владѣтелемъ не менѣе значительнымъ, чѣмъ султанъ, его законный сюзеренъ, давно потерявшій, впрочемъ, право этого своего лена.

Какъ и слѣдовало ожидать, прибытіе такихъ грубыхъ завоевателей, какъ Турко-Египтяне, даже предводительствуемыхъ европейскими вождями, не могло отразиться особенно благопріятно на различныхъ обитателяхъ Судана, чистокровныхъ Арабахъ, Нубійцахъ, неграхъ и другихъ цвѣтныхъ туземцахъ, еще не

забывшихъ своихъ властителей и царьковъ. Разнообразное населеніе можно было только сдерживать или желѣзною рукой или гуманнымъ отношеніемъ къ нимъ, на что всего менѣе способны были гокмадары или сатрапы Египта. Правленіе этихъ деспотовъ, управлявшихъ изъ Хартума многочисленными народами, было настолько жестоко, что когда Гордонъ, назначенный въ первый разъ губернаторомъ Судана (1874 г.), открылъ, по словамъ Буата, новую эру для Судана человѣчнымъ отношеніемъ къ несчастному и совершенно разоренному египетскими чиновниками народу, онъ только способствовалъ ослабленію тяжести тѣхъ цѣпей, которыя держали дотолѣ въ покорности всѣ покоренные народы Судана. Знаменитый впослѣдствіи герой Хартума сдѣлалъ ту ошибку, что примѣнилъ къ полудикому народу тѣ порядки и отношенія, которыя возможны лишь въ цивилизованной странѣ, и потому, разумѣется, несмотря на всѣ свои лучшія намѣренія и лихорадочную дѣятельность, только разрушилъ старые драконовскіе порядки, не успѣвъ ихъ замѣнить новыми уже по одному недостатку людей. Изъ школы Гордона вышли, между прочимъ, люди, получившіе скоро бо́льшую или меньшую извѣстность своими трудами на обширномъ пространствѣ новой египетской имперіи; въ числѣ ихъ мы укажемъ на Американца Шалье Лонга, совершившаго важную политическую и научную миссію къ Мтесѣ, королю Уганды, Француза Э. Линана, также изслѣдовавшаго область великаго озера Викторія Ніанца, Итальянца Джесси и Англичанина Люптона, бывшихъ одинъ за другимъ губернаторами Бахръ-эль-Газаля и, наконецъ, Нѣмца Dr. Шницера, извѣстнаго больше подъ именемъ Эминъ-паши.

Послѣ окончательнаго завоеванія Дарфура, совершеннаго при Гордонѣ, внезапно вспыхнувшій въ Кордофанѣ бунтъ богатаго негроторговца Сулеймана-Зебера мудира провинціи Шекка, имѣвшаго въ распоряженіи много вооруженныхъ рабовъ, далъ Египту возможность присоединить къ своимъ владѣніямъ богатую область Хахръ-эль-Газаль. Итальянецъ Джесси, посланный Гордономъ, быстро усмирилъ возстаніе и вырвалъ изъ рукъ работорговцевъ едва незахваченныя ими новыя владѣнія Египта. Этотъ бунтъ, такъ же, какъ и возстаніе въ Шенди племенъ Верхняго Нила, во время котораго живьемъ были сожжены Измаилъ-паша и его солдаты, показали Египту, чего они могутъ постоянно ожидать со стороны Судана, но, къ сожалѣнію, уроки прошли безслѣдно для хедива и администраторовъ Капра. Оставивъ Джесси

губернаторомъ вновь присоединенной области, Гордонъ продолжалъ дѣлать новыя пріобрѣтенія на югѣ, постоянно двигаясь по Нилу до Гондокора и Ладо, пока рядомъ военныхъ постовъ не обезопасилъ границъ Египта съ этой стороны. Увѣнчанный славой, Гордонъ возвратился въ Каиръ послѣ двухъ лѣтъ неустаннаго труда и борьбы, не зная, что червь уже подтачиваетъ зданіе, поставленное на непрочныхъ новыхъ столбахъ. Быть-можетъ административная способность и организаторскій геній Гордона поддержалъ бы зданіе египетскаго Судана, но уже въ 1879 году, послѣ паденія хедива Измаила, Гордонъ, уже три года управлявшій краемъ въ качествѣ генералъ-губернатора Судана, былъ отозванъ, и тогда сказалась непрочность всего того, что̀ создано было съ такими жертвами и трудами.

Реуфъ-паша, замѣстившій Гордона, разумѣется, вернулся къ старой системѣ сатраповъ въ Суданѣ, несмотря на то, что трое помощниковъ его по администраціи были изъ Европейцевъ. Предъ появленіемъ махди, Эминъ-паша управлялъ экваторіальными провинціями, Люптонъ-бей—страной Бахръ-эль-Газель и Слатинъ-бей—оазисомъ Дарфура. Но управленіе Европейцевъ, несмотря на всю ихъ гуманность, всегда не нравится на Востокѣ, привыкшемъ къ иной системѣ управленія; недовольство администраторами-Европейцами въ Суданѣ имѣло еще и другое основаніе, подрывавшее интересы массы богатыхъ и вліятельныхъ работорговцевъ и еще большаго количества людей, такъ или иначе заинтересованныхъ въ продолженіи развитія торговли рабами. Возстаніе работорговцевъ Сулеймана-Зебера, надѣявшагося сдѣлаться царемъ Фора-Бахръ-эль-Газаля, имѣло цѣлью, между прочимъ, свергнуть совершенно контроль Европейцевъ и сдѣлать страны эти поставщиками живаго товара; на сторону работорговцевъ, какъ наиболѣе сильную и вліятельную партію въ Суданѣ, сталъ и Мохаммедъ-Ахмедъ, провозгласившій себя махди Судана и мстителемъ невѣрнымъ гяурамъ за все то зло, которое они причинили правовѣрнымъ.

Не напрасно во многомъ Суданцы обвиняютъ Европейцевъ; нельзя отрицать того, что отчасти по наущенію различныхъ пришельцевъ изъ Европы Суданъ потерялъ свою независимость и обратился въ простую провинцію Египта. Даже кровавую баню въ Шенди, когда въ отмщеніе за смерть Измаилъ-паши было истреблено до пятидесяти тысячъ Суданцевъ, эти послѣдніе считаютъ послѣдствіемъ добраго совѣта, преподаннаго однимъ Евро-

нейцемъ Мохаммеду-бею-палачу, какъ прозванъ губернаторъ Кордофана. Со времени этого страшнаго происшествія еще въ три раза стало тяжелѣе то иго, которое Нубійцы хотѣли сбросить съ себя, и хотя Европейцы были въ этомъ не виноваты, тѣмъ не менѣе, большинство изъ Франковъ, проживавшихъ въ Хартумѣ и другихъ городахъ Судана, принадлежало къ такимъ подонкамъ общества, что репутаціи ихъ не могъ поднять даже Гордонъ. Суданцы судятъ объ Европейцахъ по тѣмъ образцамъ, которые они видали чаще другихъ. Извѣстный Брешъ, жившій нѣкоторое время въ Хартумѣ, въ концѣ сороковыхъ годовъ, такъ характеризуетъ европейскую колонію этой столицы Судана: „Это отверженцы своихъ націй, негодяи, плуты, мошенники и убійцы, торговля невольниками въ ихъ глазахъ совершенно невинное ремесло, многоженство и работорговля находятъ въ нихъ самыхъ пламенныхъ защитниковъ. Французъ Вессье отправлялъ по Нилу въ Каиръ цѣлые корабли невольниковъ, прикрывая ихъ флагомъ Франціи.“ Въ особенности насолили Суданцамъ Греки и Мальтійцы, на совѣсти которыхъ лежитъ множество позорнѣйшихъ дѣлъ. Не даромъ въ Египтѣ сложилась пословица, что „одинъ Арабъ по хитрости равенъ двумъ жидамъ, два Араба ни чуть не хуже одного Мальтійца, но чтобы было съ чѣмъ сравнить всю мерзость единственнаго Грека, для того необходимо соединить по меньшей мѣрѣ двухъ Мальтійцевъ“. Греческіе коммерсанты до самаго послѣдняго времени были наиболѣе усердными работорговцами, и даже теперь они ухитряются, обманывая строгій англійскій контроль, вести кое-какія дѣлишки по работорговлѣ при помощи махдистовъ Судана.

Еще болѣе чѣмъ Европейцы поработили Суданцевъ Египтяне, которыхъ „вѣрные“ сенусситы называютъ, какъ и Турокъ, такими же невѣрными собаками, какъ и ихъ учителей франковъ. Выше мы приводили слова почтеннаго улема относительно этого сравненія, намъ еще не разъ придется указывать на ту противоположность, которая является между приверженцами новаго ислама и тѣми, кто не примкнулъ еще къ религіозному союзу Сиди-хе-Сенусси. Быть-можетъ, тѣ налоги, которыми обложили при завоеваніи Суданцевъ Египтяне и ниже тѣхъ, что̀ взимали съ нихъ царьки Сенаара, Дарфура, Раджереса, Донголы и т. п., но самыя безобразныя требованія этихъ послѣднихъ не были такъ тягостны для бѣдныхъ Суданцевъ, какъ правильные изъ году въ годъ взимаемыя и увеличиваемыя подати, да много-

численныя взятки египетскимъ чиновникамъ, подарки властямъ и судьямъ и масса обязательнаго и притомъ даровaго труда. „Подати, взимаемыя Египтянами, говоритъ Бремъ, для начала пятидесятыхъ годовъ, пожалуй, и не велики, но для неимущаго населенія онѣ непомѣрно высоки и добываются слишкомъ безпощадно. На общественныя постройки сгоняютъ людей, не стѣсняясь никакими соображеніями, секвестрируютъ ихъ верблюдовъ и барки и пользуются ими для различныхъ цѣлей, часто не имѣющихъ ничего общаго съ государственными. Такъ гаремъ, построенный въ Хартумѣ для тогдашняго гекмадара на казенныя деньги, потребовалъ много даровaго труда со стороны массы Суданцевъ.“ Рахартъ Бухта замѣчаетъ справедливо, что солдатскій грубый режимъ, который Египетъ наложилъ на покоренный только-что Суданъ, былъ главною причиной всѣхъ суданскихъ волненій, начиная отъ катастрофы въ Шенди и кончая бунтомъ Махоммеда-бен-Ахмеда. Рядъ такихъ деспотовъ, какъ Измаилъ, Дефтердаръ Магомедъ-бей, Османъ-бей и тому подобныхъ правителей Судана сдѣлали настолько нетерпимымъ египетское владычество надъ этою страной, что съ нимъ не могъ бы примириться эту послѣднюю даже десятокъ гуманныхъ администраторовъ въ родѣ Гордона. Въ Суданѣ еще не забыли того, какъ Османъ-бей судьей или кади надъ народомъ поставилъ пушку, которою разстрѣливалъ тѣхъ изъ Суданцевъ, которые приходили съ жалобой на тиранію солдатъ. Со словъ одного Европейца Лингеса мы можемъ привести для иллюстраціи египетскаго управленія тѣ средства, которыя употребляли администраторы хедива для вымоганія податей и бакшишей себѣ и своимъ войскамъ. Когда не помогалъ одинъ правежъ и нещадное битье курбачемъ (кнутомъ изъ бегемотовой кожи) несчастныхъ Суданцевъ вѣшали за большой палецъ руки, клали обнаженными на раскаленный солнцемъ песокъ, рѣзали, кололи ихъ, отрѣзали у нихъ уши, а иногда замучивали и до смерти. Тѣми же способами нерѣдко изъ несчастныхъ Суданцевъ вымучивали себѣ не получаемое цѣлыми мѣсяцами жалованье и египетскіе чиновники и солдаты. Чтобы дать понятіе о количествѣ поборовъ съ полуголоднаго Суданца, которые взимались съ него Египтянами до освобожденія ихъ появленіемъ махди, приводимъ примѣръ, взятый у Р. Бухта. Когда суданскому крестьянину захочется отвезти хлѣбъ или другой продуктъ на базаръ, то вотъ какой рядъ пошлинъ ему придется уплатить: хотя онъ уже заплатилъ въ качествѣ земле-

дѣльца поземельную подать, а также и поголовную за себя и свое семейство, заплатилъ подать за саккіе (водочерпательное колесо для поливки поля, безъ чего невозможно земледѣліе), но при ввозѣ каждаго фунта сельскаго продукта онъ обязанъ платить еще ввозную пошлину при въѣздѣ въ городъ, рыночный сборъ при занятіи мѣста на базарѣ, извѣстный процентъ съ продажи и, наконецъ, вывозную пошлину, если продажа не состоится; помимо этого съ того же самаго крестьянина постараются получить въ свою пользу каждый изъ чиновниковъ, собирающихъ пошлину, караульные сторожа и каждый солдатъ, которому то заблагоразсудится. Немудрено поэтому, что въ Суданѣ нерѣдко бросались самыя плодородныя земли, и жители спасались въ горы отъ подобнаго систематическаго разоренія и дѣлались разбойниками. Торговля рабами и даже добываніе этихъ послѣднихъ, при всемъ рискѣ этого предпріятія, давали гораздо больше барышей, чѣмъ земледѣліе.

Египтяне, притомъ даже стоящіе на высшихъ ступеняхъ администраціи, не только не препятствовали, но всячески способствовали работорговлѣ; само правительство часть податей съ Судана взимало натурой рабами, которыхъ продавало съ выгодой въ Египтѣ; одно время торговля рабами составляла монополію правительства, которое кокетничало съ Европой, говорило о филантропіи, а само устраивало еще въ шестидесятыхъ годахъ до Беккера и Гордона спеціальныя военныя экспедиціи—„разуа“ или походы противъ язычниковъ и невѣрныхъ, то-есть настоящіе крестовые походы, кончавшіеся не всегда полономъ однихъ чернокожихъ, но и туземцевъ болѣе благородной крови. На невольникахъ египетское правительство и въ особенности его представители въ Суданѣ обдѣлывали прекрасныя коммерческія дѣла, а потому разныя филантропическія затѣи Европейцевъ очень и очень многимъ въ Египтѣ не нравились, какъ попытка лишить ихъ лучшаго барыша. Особенно поразили Суданцевъ казни нѣсколькихъ сотъ донголійскихъ работорговцевъ, произведенныя Джессп-пашой. Немудрено поэтому, что всѣ заинтересованные торговлей рабами примкнули къ махди, освобождавшему Суданъ отъ Турокъ, Европейцевъ, монополій и податей.

* * *

Что касается до самой торговли рабами въ Суданѣ, то предметъ этотъ настолько обширенъ, что потребовалъ бы цѣлой книги для болѣе или менѣе подробнаго его разсмотрѣнія, а потому мы ограничимся лишь самыми общими указаніями, необходимыми уже потому одному, что суданскія волненія во многомъ обязаны инициативѣ работорговцевъ и, въ свою очередь, задержали пресѣченіе этой гнусной торговли, къ чему уже были близки европейскіе гуманисты предъ появленіемъ самозваннаго махди. Возвращаясь изъ Судана въ Каиръ въ 1872 г., знаменитый Гордонъ могъ похвалиться дѣйствительно, что онъ уничтожилъ торговлю рабами или „чернымъ деревомъ", какъ ихъ называли, и не его вина была въ томъ, что правительство не хотѣло поддержать его благородныхъ стремленій и позволяло втихомолку продѣлывать то, что̀ уже стѣснялось дѣлать оффиціально и открыто. Египетъ, расширявшій свои владѣнія во имя гуманной идеи—положить конецъ невольничеству—развилъ его въ Суданѣ еще болѣе, чѣмъ то было до прихода Египтянъ.

Извѣстный Бремъ, посѣтившій египетскій Суданъ въ концѣ сороковыхъ годовъ—въ эпоху полнаго процвѣтанія въ немъ египетской администраціи при отсутствіи всякаго европейскаго контроля, засталъ работорговлю въ полномъ блескѣ правительственной антрепризы и посвятилъ этому вопросу много прочувствованныхъ строкъ. Подъ именемъ рабовъ или, по крайней мѣрѣ, людей, обреченныхъ на рабство. Египтяне привыкли понимать не однихъ негровъ, но и всѣхъ тѣхъ свободныхъ народовъ, которые не имѣли счастья войти въ предѣлы монархіи хедива и жили возлѣ границы египетскаго Судана. Страной рабовъ въ Африкѣ давно уже считался широкій поясъ земель, лежащихъ между 13—16° на сѣверѣ и идущихъ къ югу далеко за экваторъ: на всемъ этомъ обширномъ пространствѣ торговля людьми производилась, какъ мы видѣли, со времени отдаленной древности, и Египтяне не начали, а только болѣе или менѣе правильно организовали ее для областей не покореннаго Судана. „Несчастная участь быть продажнымъ товаромъ, говоритъ Бремъ, выпала на долю нѣкоторыхъ племенъ Абиссиніи, Галласовъ и различныхъ негритянскихъ народовъ, жившихъ въ области Бѣлой и Голубой Рѣки, возлѣ границъ Кордофана, Дарфура и страны Великихъ Озеръ. Первые поступали въ торговлю подъ именемъ Габеши или Абиссинцевъ, а всѣ остальные подъ общимъ именемъ Хабилъ-рабы. Война съ ними называется razzia." Нито-

ресно, что почти всѣ эти народы нѣсколько позднѣе вошли въ армію лже-пророка въ качествѣ самыхъ надежныхъ бойцовъ. По умственнымъ способностямъ всѣхъ этихъ рабовъ во время Брема раздѣляли на Абиссинцевъ, Дарфурцевъ, табійскихъ, шиллукскихъ и динхайскихъ негровъ и цѣнили болѣе или менѣе въ той же самой послѣдовательности. Невольницы всегда были дороже невольниковъ, такъ какъ красивѣйшія, особенно Абиссинки, отличающіяся нерѣдко красотой, шли въ гаремы всего Востока: окопленные цѣнились еще дороже, чѣмъ невольницы, и въ самомъ Хартумѣ, не говоря уже о другихъ городахъ Судана, еще въ семидесятыхъ годахъ [1] существовали спеціалисты, превращавшіе мальчиковъ въ евнуховъ, причемъ нерѣдко гибло, по словамъ Брема, до 25% несчастныхъ. Абиссинскій невольникъ вообще цѣнился и цѣнится дороже уже потому одному, что онъ обыкновенно статенъ и красивъ, да и добыть его труднѣе; и въ то время какъ красивая дочь Абиссиніи нерѣдко становится перломъ гарема и полновластною хозяйкой въ домѣ своего повелителя, абиссинскій рабъ чаще всего служитъ при гаремѣ въ качествѣ евнуха или „ара“.

Хотя законъ Магомета и не допускаетъ рабства, но это относится безусловно лишь къ народамъ, исповѣдующимъ исламъ, а не къ презрѣннымъ язычникамъ, противъ которыхъ мусульмане давно уже снаряжаютъ „рассуа“. Даже сравнительно недавно обращенные въ исламъ негрскіе царьки пользуются этою оговоркой и, не имѣя иной возможности поохотиться на рабовъ, какъ предпринявъ войну противъ сосѣдняго племени, еще непросвѣщеннаго Кораномъ, добываютъ себѣ достаточное количество невольниковъ. Для компромисса съ Кораномъ правовѣрные мусульмане оправдываютъ свое хищничество тѣмъ, что они, забравъ тѣхъ или другихъ язычниковъ, приблизили ихъ къ двери спасенія и дали имъ возможность благаго просвѣщенія. Растяжимая вообще мораль Корана сдѣлала то, что исламъ до настоящаго времени является самою сильною поддержкой рабства, а новый исламъ, выставившій суданскаго махди, еще большею его опорой. Природная лѣнь оріентала, древній обычай на Востокѣ имѣть рабовъ, нужда въ пополненіи многочисленныхъ гаремовъ невольницами, значительная выгода, доставляемая работорговлей, и многія другія причины поддерживаютъ невольничество, которое

[1] По собственнымъ свѣдѣніямъ добытымъ въ 1881 г.

нельзя уничтожить такъ просто и легко, какъ надѣялись гуманисты. Пока Востокъ останется на той стадіи культуры, въ которой онъ стоитъ до сего дня, пока не будетъ уничтожена полигамія, требующая постояннаго подвоза женщинъ, и пока не будетъ поколебленъ весь строй восточной жизни, до той поры онъ будетъ нуждаться въ рабахъ и поддерживать невольничество хотя бы путемъ религіозной войны, какъ то и доказало возстаніе въ Суданѣ. Рабство на Востокѣ нельзя уничтожить сразу одними гуманными распоряженіями, какъ то думали сдѣлать Беккеръ и Гордонъ, а лишь постепенно, начавъ съ уничтоженія полигаміи. Самъ Самуилъ Беккеръ, много потрудившійся для разрѣшенія этого вопроса убѣдился въ безполезности своихъ трудовъ, и еще въ 1872 г. заявилъ, что во всемъ Суданѣ у хедива, пишущаго указы противъ рабства, нѣтъ ни одного подданнаго, который такъ или иначе не былъ заинтересованъ въ поддержаніи торговли „черным деревомъ", то-есть черными людьми. Вотъ почему всѣ декреты хедива даже при всемъ его желаніи угодить Европѣ, настаивавшей на уничтоженіи постыднаго торга, оставались безъ послѣдствій; и негроторговцы предпочитали платить правительству по одному фунту стерлинговъ за каждую голову раба, чтобы только не покидать своего выгоднаго промысла. Египетъ всегда нуждался въ деньгахъ со временъ затѣй Мехмеда Али и никоимъ образомъ не могъ отказаться отъ такого солиднаго куша, такъ же какъ и его чиновники отъ прекраснаго бакшиша.

Махди Судана, поднявшій знамя возстанія въ Донголіи, прекрасно сознавалъ, что всѣ симпатіи нужнаго ему большинства лежатъ въ сторонѣ поддержанія торговли рабами и уничтоженія различныхъ стѣснительныхъ мѣръ придуманныхъ Беккеромъ и Гордономъ, а потому на своемъ знамени выставилъ, между прочимъ, и защиту постыдной торговли рабами. Одно изъ могущественнѣйшихъ суданскихъ племенъ Баггара, являющееся сторонникомъ махди, набрало среди негритянскихъ племенъ, доставлявшихъ ему невольниковъ, многія тысячи солдатъ и повело ихъ въ бой вмѣстѣ со своими бойцами противъ Англичанъ, пришедшихъ въ Суданъ съ освободительною цѣлью. Такимъ образомъ, подъ знаменами махди сражалось за поддержаніе работорговли много тысячъ чернокожихъ бойцовъ, которые дотолѣ вели постоянныя войны съ охотничьими отрядами—рассуа.

„Охота на рабовъ, говоритъ Времъ, это совершенно партн-

занская война. Съ обѣихъ стороны сражающіеся стараются превзойти другъ друга хитростью", несмотря на усовершенствованное оружіе и пушки, эти охоты на рабовъ далеко не всегда сходили счастливо и нерѣдко погибало въ походѣ солдатъ болѣе, чѣмъ удавалось поймать язычниковъ „для приближенія ихъ къ исламу". Охоты въ дѣвственныхъ лѣсахъ экваторіальной Африки, гдѣ такъ долго блуждалъ недавно Стэнли, стоили очень многихъ жертвъ, погибавшихъ не столько отъ скрытаго врага, сколько отъ лишеній, непривычнаго климата и убійственныхъ лихорадокъ. Попадавшіеся къ неграмъ солдаты подвергались страшнымъ истязаніямъ, но все это не останавливало охотниковъ за людьми и попрежнему до Беккера и даже до Гордона отправлялись казенные рассуа; позднѣе эти отряды снаряжались частными людьми — работорговцами, содержавшими цѣлыя шайки отчаянныхъ головорѣзовъ. Въ послѣднемъ видѣ рассуа удержались на границахъ Судана до самаго появленія махди.

Какъ только работорговцы достигали той или другой негритянской деревни и сокрушали ея сопротивленіе, никому уже не было пощады: убиваются старики, женщины, дѣти, даже домашнія животныя, деревня выжигается и масса плѣнныхъ, обремененныхъ цѣпями, привезенными съ собой охотниками на людей, и шейными рогатками, влачится въ рабство. Такъ поступается со всѣми встрѣченными деревнями, и счастливая экспедиція лишь тогда начинаетъ обратный путь, когда плѣнныхъ наберется достаточно; путь этого отряда обозначается трупами и пепелищами сожженныхъ деревень. Благодаря такому хищническому промыслу многіе уголки Судана были совершенно лишены населенія еще до Гордона, и многія племена черныхъ совершенно исчезли съ лица земли. Яркими словами описываетъ Бремъ прибытіе одной такой невольничьей партіи въ Хартумъ. „Всѣ мужчины были скованы, но женщины не носили узъ: между ними ползали на четверенькахъ дѣти. Несчастные безъ слезъ и безъ жалобъ лежали подъ палящими лучами солнца, устремивъ на землю безжизненный, словно окоченѣвшій, но безконечно жалостный взглядъ: кровь и гной сочились изъ ранъ мужчинъ. Они питались одною дуррой, то-есть пищей, которою насыщаются верблюды. У больныхъ матерей не было уже молока для грудныхъ ребятъ: на тѣхъ и другихъ кожа висѣла большими складками на костяхъ: ангелъ смерти парилъ надъ этими несчастными, которыхъ послѣднія силы возбуждаютъ грубые палачи ударами бича и

звуками музыки, подъ которую заставляютъ плясать.“ Весь забранный черный товаръ препровождается на невольничьи рынки, которые въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ существовали открыто во всѣхъ городахъ Судана и Египта, а съ тѣхъ поръ стали прятаться отъ глазъ постороннихъ, что̀ не означаетъ вовсе, чтобъ ихъ не существовало до сегодня. Въ мою бытность въ Верхнемъ Египтѣ въ 1881 году говорили о существованіи невольничьяго рынка въ самомъ Каирѣ, не говоря уже о Суакимѣ, Хартумѣ и Эль-Обендѣ. На эти рынки приходятъ всѣ тѣ, кто имѣетъ надобность въ невольникѣ или рабынѣ. Хозяинъ старается показать товаръ лицомъ, причемъ не стѣсняется совершенно раздѣвать рабовъ, несмотря на возрастъ или полъ, и заставляетъ ихъ принимать различныя положенія для того, чтобы показать всѣ статьи. На берегахъ Синайскаго полуострова въ 1881 году мы встрѣтили одного торговца невольницами и убѣдились, что гнусная торговля существовала на берегахъ Краснаго Моря такъ же точно, какъ и внутри Судана.

Хотя жестокое обращеніе съ рабами продолжается и послѣ того какъ они найдутъ себѣ господина, тѣмъ не менѣе, судьба ихъ все-таки сноснѣе, чѣмъ въ первое время рабства. „Негры, попавшіеся въ рабство дѣтьми или рожденные въ неволѣ, говоритъ Бремъ, легко забываютъ свое рабство, потому что не знали настоящей свободы. Многіе изъ магометанъ обращаются съ ними кротко, кормятъ и одѣваютъ ихъ, дѣлаютъ изъ нихъ почти членовъ семейства, словомъ, даютъ все кромѣ свободы. Но они и не тоскуютъ по этому, незнакомому для нихъ благу. Лишь одни безчеловѣчные господа, къ числу которыхъ принадлежатъ часто Европейцы, разлучаютъ родителей съ дѣтьми, чтобы продать этихъ послѣднихъ. Исламъ соединяетъ всѣ народности; негръ, принимающій права и обычаи своихъ новыхъ господъ, остается рабомъ только по имени, а принявшій мусульманство теряетъ даже прозвище раба, хотя ему и не возвращается свобода.“ Еще счастливѣе женщина рабыня, если красота доставила ей мѣсто въ гаремѣ, а судьба послала дѣтей; родивши сына своему господину, она сама становится совершенно свободною.

Но всѣ эти даже наиболѣе отрадные оазисы въ морѣ мрака, скорби и ужаса, которое представляетъ невольничество, не могутъ нисколько оправдать или обѣлить этого самаго ужаснаго дѣянія на землѣ. Среди возставшихъ туземцевъ Судана удивительнымъ образомъ сочетались двѣ группы населенія, одинаково

заинтересованныя въ дальнѣйшемъ развитіи невольничества; одна группа угнетателей работорговцевъ, заинтересованныхъ этою торговлей, какъ наиболѣе выгоднымъ предпріятіемъ и другая—племенъ доставляющихъ матеріалъ для работорговли, увлеченныхъ общимъ потокомъ подъ знамена всегда побѣдоноснаго махди. Нѣтъ сомнѣнія, что не взаимная привязанность соединяетъ обѣ эти совершенно различныя въ соціальномъ отношеніи группы, а нѣчто другое такъ же мало симпатичное, какъ и рабство. На половину обезлюденный безчисленными рассуа Суданъ выставилъ сотни тысячъ бойцовъ, не знающихъ куда и за что ихъ ведутъ въ бой, за что борются ихъ вожди во имя Божіе и новаго пророка Аллаха махди. Если по самымъ скромнымъ разсчетамъ въ періодъ высшаго развитія рабства страна или зона невольничества давала ежегодно не менѣе одного милліона рабовъ, изъ которыхъ до половины умирало ранѣе, чѣмъ становилось въ собственномъ смыслѣ рабами, а не товаромъ, то мы можемъ себѣ представить, насколько обезлюдѣла Африка за огромный періодъ работорговли, и что для нея нуженъ какой-нибудь исходъ изъ этого положенія, котораго ни въ какомъ случаѣ ей не дадутъ возстаніе и успѣхи махди. Благородный починъ англійскаго парламента, еще въ 1807 году провозгласившаго уничтоженіе рабства, поддерживаемый въ теченіе всего текущаго столѣтія многими благородными сынами Альбіона, такъ же какъ и всѣми европейскими націями, какъ мы видѣли, до сихъ поръ не привелъ къ желаемому результату, и еще недавно одинъ изъ энергичнѣйшихъ борцовъ противъ рабства кардиналъ Лавижери весьма пессимистически отнесся ко всему тому, что сдѣлала Европа по отношенію къ торговлѣ рабами. „На стыдъ и позоръ всему цивилизованному міру рабство существуетъ, и заботы всей Европы не могли его остановить; Европа заставила только скрыть лицевую сторону торговли рабами и тѣмъ поставила его въ условія, при которыхъ невозможенъ никакой контроль. Работорговля ведется теперь скрытно, но это не значитъ, что ея не существуетъ и что даже она уменьшилась въ размѣрахъ.“

Что надо сдѣлать для того, чтобъ уничтожить въ самомъ корнѣ рабство—вотъ вопросъ, который задаютъ себѣ филантропы уже давно. Разумѣется, всего менѣе можно надѣяться на тѣ обѣщанія Египта, который съ 1838 года отдѣлывался отъ требованія Европы одними словами и декретами, въ пользу которыхъ могли вѣрить лишь гуманисты, да люди ослѣпленные мишурнымъ блес-

комъ имперіи хедива. Мы не будемъ проповѣдывать крестоваго похода Европы противъ Востока изъ-за уничтоженія рабства, какъ то дѣлали уже черезчуръ увлекающіеся филантропы, но нельзя не признать, что единственнымъ радикальнымъ средствомъ для полнаго уничтоженія рабства было если не присоединеніе всего пояса земель, доставляющихъ рабовъ къ какому-нибудь европейскому государству, то, по крайней мѣрѣ, дѣйствительный и полный протекторатъ. Цѣпь миссіонерскихъ станцій и учрежденій, подобныхъ тѣмъ, которыя существуютъ уже въ странѣ Великихъ Озеръ и въ области Конго, много облегчила бы контроль европейскихъ чиновниковъ и помогла бы умиротворенію странъ, долго истекавшихъ кровью милліоновъ своихъ сыновъ. Возстаніе махди, запершее совершенно Суданъ даже для европейскихъ изслѣдователей, разумѣется, является самымъ сильнымъ препятствіемъ къ аннектированію страны рабовъ, а неудачные походы Англичанъ противъ суданскихъ мятежниковъ доказали, что выбить ихъ оттуда не легко. Съ основаніемъ могущественнаго царства дервишей въ Центральной Африкѣ, разрѣшеніе вопроса объ уничтоженіи невольничества отодвигается въ неопредѣленное будущее, еще не скоро Европа справится съ махди, а самъ онъ едва ли, по своей волѣ, удовольствуется только тѣми лаврами, которые пожалъ. Насколько безкорыстна была попытка Англичанъ сокрушить возрастающую силу махди, и насколько влекла ихъ въ Суданъ гуманная цѣль уничтожить рабство—мы не знаемъ (хотя и сомнѣваемся въ томъ), но все-таки Англія сдѣлала первую попытку, и не ея вина, что она тамъ такъ сильно обожглась. Мятежъ Судана—не мѣстное и даже не африканское только событіе, но явленіе историческое, которое такъ или иначе отразится на всемъ обширномъ пространствѣ мусульманскаго міра.

* * *

Исламъ—религія преимущественно воинствующая и всего болѣе приспособленная для завоеваній; съ первыхъ дней своего появленія религія Магомета пошла путемъ завоеваній и насилій, совсѣмъ иначе, чѣмъ религія Христа, проповѣдуемая устами скромныхъ галилейскихъ рыбарей. Въ короткое время исламъ захватилъ большую половину древняго міра, покорилъ сотни языческихъ народовъ и пронесъ Коранъ до Волги, земель Срединнаго Китая, въ глубину среднеазіятскихъ пустынь и даже на

острова Индѣйскаго океана; остановленный на своемъ побѣдоносномъ шествіи погромомъ подъ Пуатье, онъ не пошелъ въ Европу далѣе Пиренеевъ и Балканъ, но за то всѣ силы своей завоевательной пропаганды устремилъ на Африку, гдѣ и основалъ обширныя мусульманскія общины, составляющія нынѣ оплотъ всего мусульманства. Какъ религія воинствующая, исламъ постоянно ищетъ себѣ поля для новыхъ завоеваній и идетъ за ними за пустыни и моря. Въ исторіи географическихъ открытій исламъ занимаетъ почетное мѣсто, открывъ міру еще болѣе неизвѣстныхъ народовъ и земель, чѣмъ христіанство и буддизмъ. Почти половина Африки была открыта мусульманами прежде чѣмъ ее изслѣдовали Европейцы; до сихъ поръ еще много уголковъ на Востокѣ и въ особенности въ области чернаго континента, свѣдѣнія о которыхъ получены лишь благодаря мусульманскимъ источникамъ.

Такая воинствующая религія не можетъ никогда остановиться, она должна идти впередъ; остановка для нея гибельна, и потому исламъ, не находя себѣ мѣста въ Азіи и Европѣ, съ такою силой устремился въ Африку, что и до сихъ поръ совершаетъ значительныя завоеванія, но онъ за то оказался совершенно несостоятельнымъ для поддержанія обширныхъ монархій, которыя обязаны ему своимъ возникновеніемъ. Въ самомъ началѣ, словно передавая весь свой пылъ и энергію возникающимъ вновь мусульманскимъ государствамъ, исламъ придаетъ имъ невиданный блескъ и величіе, а потомъ не въ состояніи поддерживать даже ихъ болѣе или менѣе сносное существованіе. Идея религіозная въ мусульманскомъ мірѣ шла всегда рядомъ съ политическою, и самъ Магометъ со своею quasi божественною миссіей былъ и политическимъ главой всѣхъ послѣдовавшихъ за нимъ. Въ этомъ заключается значительная разница между соціальнымъ вліяніемъ ислама и на народы, принявшіе его: апостолы христіанства всегда оставались въ своемъ безконечномъ смиреніи „послѣднимъ изъ всѣхъ“, тогда какъ всѣ пропагандисты ислама являлись окруженными болѣе или менѣе значительными матеріальными силами во главѣ своихъ приверженцевъ. Калифы ислама усвоили этотъ двойной принципъ и всегда являлись главами правовѣрныхъ; почетный титулъ этотъ носили во время болѣе чѣмъ тысячелѣтняго существованія ислама многіе сильные властители Востока, нерѣдко мечемъ достигавшіе халифата и не имѣвшіе на то никакихъ правъ по рожденію. Султанъ Оттомановъ давно уже

сталъ халифомъ правовѣрныхъ, и никто до послѣдняго времени не осмѣливался оспаривать у него этого значенія, Сенусситы и Махди Судана первые объявили султана лишеннымъ этого титула, какъ не имѣющаго ничего общаго по происхожденію съ потомками Магомета. На счастье происходить отъ крови великаго пророка претендуютъ въ нѣкоторой мѣрѣ даже малѣйшіе властители мусульманскаго Востока, и это conditio sine qua non, поддерживаемое часто весьма сомнительными доказательствами, является своего рода верховнымъ правомъ на владычество и тронъ. Цари и первосвященники ислама халифы правовѣрныхъ должны памятовать вѣчно завѣтъ Корана о борьбѣ съ язычниками и гяурами до тѣхъ поръ, пока на землѣ не останется другихъ людей кромѣ мусульманъ. Властителямъ Востока давно уже пришлось покинуть гордую мысль о владычествѣ надъ міромъ невѣрныхъ, имъ въ пору было заботиться лишь о томъ, чтобы сохранить владѣнія мусульманъ. Религіозная борьба съ невѣрными для ислама стала невозможною уже давно, ее можно было вести развѣ съ небольшими и слабыми африканскими племенами, многимъ изъ которыхъ силой меча и навязанъ Коранъ. Волей-неволей исламъ остановился на пути новыхъ обширныхъ завоеваній, и вмѣстѣ съ тѣмъ не стало внутри его оживляющей силы, весь пылъ фанатизма, не имѣвшій возможности вылиться наружу, остался внутри самого ислама и излился въ безсильную ненависть къ невѣрнымъ и въ организацію многочисленныхъ религіозныхъ братствъ и орденовъ, изъ коихъ нѣкоторые имѣютъ цѣлью поддержаніе религіозной борьбы съ невѣрными, завѣщанной Магометомъ, но забытой халифомъ и наслѣдниками пророка. Несмотря однако на всѣ неудачи, идея панисламизма или верховнаго владычества ислама надъ міромъ еще жива и находитъ массу послѣдователей, ожидающихъ исполненія писанія. Всѣ религіозныя братства или ордена, о которыхъ мы будемъ сейчасъ говорить, не что иное, какъ органы, подготовляющіе въ тайнѣ это будущее торжество; девизъ всѣхъ идущихъ „по тропѣ истинной вѣры“ — борьба съ невѣрными и глухая ненависть къ нимъ, ненависть которую они могутъ скрыть, но которой не въ силахъ заглушить. Думая въ своемъ религіозномъ экстазѣ, что они вдохновляемы самимъ Аллахомъ, они стремятся всѣми силами къ борьбѣ съ невѣрными, будучи увѣренными, что того хочетъ Богъ, и что конечное истребленіе невѣрныхъ въ концѣ концовъ состоится—инмаллахъ (если это будетъ угодно Богу) Въ пользу этой борьбы работаютъ не только

проповѣдники и муллы всѣхъ мусульманскихъ націй во всѣхъ странахъ, но и многочисленные паломники, напоенные фанатизмомъ во время своего паломничества-хаджіаджь, и, наконецъ, самая пресса. Все стремится въ глубинѣ Востока къ тому, чтобъ открыть „джехадъ", священную борьбу съ невѣрными, обѣщающую торжество побѣдившимъ и рай Магомета погибшимъ отъ меча; трусамъ и лѣнтямъ, уклоняющимся отъ этой священной обязанности мусульманина, сыплются проклятія и угрозы будущихъ адскихъ мученій. Хуаны или братья-проповѣдники различныхъ сектъ и орденовъ облечены правомъ извѣщать вѣрныхъ о скоромъ пришествіи великаго махди, „господина времени", правой руки самого Аллаха, грядущаго въ міръ для конечнаго истребленія христіанъ. Помимо различныхъ орденовъ и паломниковъ, пропагандирующихъ священную борьбу, существуютъ особые арабскіе листки, посвященные пропагандѣ панисламизма и распространяемые многими тысячами во всѣхъ мусульманскихъ странахъ отъ Феца до Самарканда и отъ Стамбула до Тимбукту; агенты этого панисламизма есть даже въ Индіи, Китаѣ, Японіи и у насъ среди кавказскихъ, казанскихъ и средне-азіятскихъ мусульманъ.

Болѣе или менѣе подробное изученіе многочисленныхъ мусульманскихъ сектъ и орденовъ завело было насъ далеко въ глубь ислама, такъ какъ нѣтъ ни одного народа, исповѣдующаго коранъ, который бы не имѣлъ своихъ толковъ и сектъ. Оставляя въ сторонѣ шіитовъ съ ихъ многочисленными сектами, среди которыхъ всѣхъ извѣстнѣе бабизмъ, а также ордена и секты народовъ Передней Азіи, мы скажемъ нѣсколько словъ объ африканскихъ религіозныхъ орденахъ и остановимся въ особенности на религіозномъ союзѣ Сиди эс-Сенусси, выдвинувшемъ послѣдняго махди.

Однимъ изъ древнѣйшихъ орденовъ сѣверной Африки, имѣющихъ довольно много послѣдователей является Седдикіа, основанный еще тестемъ Магомета; всѣ остальные толки, секты и ордена имѣютъ большее или меньшее отношеніе къ Седдикіа, а многіе изъ него прямо и истекаютъ. Орденъ этотъ основанъ былъ для поддержанія въ чистотѣ основной догмы ислама и признаетъ имамомъ, какъ верховное политическое владычество, ниспосланнаго Богомъ пророка. Никто не имѣетъ права измѣнить ни одной іоты Корана. И самъ имамъ, какъ наслѣдникъ пророка, имѣетъ постоянное общеніе съ Аллахомъ черезъ Магомета, и отъ

него одного получаетъ указанія. Пророкъ, такимъ образомъ, по ученію адептовъ Седдикіа до сихъ поръ управляетъ міромъ мусульманъ чрезъ имама — лицо, получающее ореолъ святости и сверхъестественнаго могущества и творящее чудеса именемъ Магомета. Всѣ правовѣрные поэтому должны совершенно подчиняться волѣ и желанію имама, какъ самому Магомету, и быть въ рукахъ его послушнымъ орудіемъ для выполненія всѣхъ намѣченныхъ свыше цѣлей. Сенусситы, какъ мы увидимъ далѣе, сохранили этотъ основный принципъ ученія Седдикіа и пошли еще далѣе въ установленіи непогрѣшимости своего верховнаго главы. Нечего и указывать, какое могучее орудіе въ рукахъ мусульманскаго духовенства и особенно главы ордена или союза Седдикіа дается этимъ безусловнымъ послушаніемъ его многочисленныхъ сочленовъ. Предъ закономъ Корана всѣ люди равны, и никто не можетъ повелѣвать надъ себѣ подобными, власть эта принадлежитъ лишь тому, черезъ котораго говоритъ пророкъ. Разъ неизмѣняемъ законъ, данный черезъ Магомета, ничто въ сферѣ нравственной или религіозной не должно измѣняться, правовѣрный не долженъ заботиться о земномъ, онъ обязанъ цѣнить лишь чистоту своей вѣры и ученія.

Послѣ Седдикіа самымъ могущественнымъ африканскимъ орденомъ, насчитывающимъ много послѣдователей и въ передней Азіи, надо поставить орденъ Кадріа, основанный однимъ изъ величайшихъ святыхъ ислама Абдъ-эль-Кадеромъ. Въ противоположность предыдущему ордену адепты Кадріа, проникнутые уваженіемъ къ основателю христіанства, выше всего ставятъ милосердіе, терпимость и любовь къ ближнему; они не относятся такъ враждебно къ христіанамъ, и допускаютъ даже нѣкоторое общеніе съ мусульманами, заботясь лишь о томъ, чтобы жить мирно и творить дѣла милосердія. Въ этомъ орденѣ нѣтъ исключительнаго признаванія имамата.

Орденъ Хаделіа, подобно Седдикіа, проповѣдуетъ неуклонное повиновеніе шейху или своему духовному главѣ, котораго истинный правовѣрный долженъ ставить выше всѣхъ остальныхъ земныхъ властей. „Ты долженъ быть во власти твоего шейха, какъ трупъ въ рукахъ обмывающихъ“, гласитъ принципъ Хаделіа. Приверженцы этого ордена разсѣяны по всей сѣверной Африкѣ и даже въ Турціи, являясь повсюду въ оппозиціи законнымъ властямъ.

Орденъ Уледъ Сиди Шейхъ, нѣкогда довольно распростра-

ненный въ сѣверо-западной Африкѣ и дышущій ненавистью къ Европейцамъ и всему, исходящему отъ нихъ, надо поставить рядомъ съ Хаделіа; послѣ удара, нанесеннаго этому братству Французами въ Алжирѣ (1864), послѣдователей Сиди Шейха осталось немного, они скрылись въ Марокко, дающемъ пріютъ многимъ мусульманскимъ орденамъ, и оттуда, пользуясь своимъ огромнымъ вліяніемъ, продолжаютъ мутить умы правовѣрныхъ, возбуждая ихъ къ поголовному возстанію. Пропагандисты этой секты появились недавно въ Триполи и Египтѣ, гдѣ стали дѣйствовать за одно съ сенусситами.

Орденъ Зіанія, распространенный въ Сахарѣ, отличается, наоборотъ, большою терпимостью и относится довольно порядочно къ Европейцамъ; Хуаны или братья его служатъ лоцманами великой пустыни, провожая караваны и оберегая ихъ отъ вражескихъ нападеній. Такою же относительною терпимостью къ франкамъ отличается орденъ Баккаіа, распространяющійся въ западной части Сахары до самаго Тимбукту и оказавшій уже защиту нѣсколькимъ путешественникамъ, прибѣгавшимъ къ его покровительству.

Чтобъ окончить перечисленіе важнѣйшихъ религіозныхъ сектъ сѣверной Африки, мы должны указать еще на два враждебные къ Европейцамъ и, къ сожалѣнію, довольно распространенные, въ особенности въ Алжирѣ — ордена Рахманіа и Мохампедіа. Имѣя многочисленныхъ послѣдователей и пользуясь огромнымъ вліяніемъ, ордена эти принимали дѣятельное участіе во всѣхъ возстаніяхъ въ Алжирѣ и причиняли уже не мало непріятностей Европейцамъ на сѣверномъ побережьѣ Африки. Союзъ или братство Си Мула и Тайебъ, имѣющее своимъ центромъ Тангеръ, насчитываетъ до двадцати милліоновъ своихъ послѣдователей; самъ императоръ Марокко дрожитъ предъ скрытою силой этого могущественнаго ордена и признаетъ его халифа или главу за особу, стоящую скорѣй выше, чѣмъ ниже его величества. Представитель этого ордена Маккадемъ находится въ Капрѣ, а также въ настоящее время и въ Суданѣ.

Изъ орденовъ, наиболѣе распространенныхъ въ Египтѣ, особенно Верхнемъ, такъ же какъ и въ Суданѣ, надо упомянуть о братствѣ Деркауа, своего рода пуританъ ислама, слѣдующихъ точнымъ предписаніямъ Корана и презирающихъ блага сего міра; послѣдователей этого ордена можно отличить по одѣянію, составленному изъ разноцвѣтныхъ кусочковъ матеріи на подобіе

одежды арлекина, большимъ крупнозернистымъ четкамъ и длинному паломническому жезлу. Фанатизированные до экстаза братья ордена Деркауа принимаютъ дѣятельное участіе въ возстаніи Суданскаго махди, обязаннаго имъ во многомъ въ своихъ успѣхахъ: Хуаны Деркауа исполняютъ самыя важныя должности въ арміи лжепророка, управляютъ казной, завѣдываютъ дипломатическими сношеніями, наборами и т. п.

Разумѣется, всѣмъ этимъ перечисленіемъ мы далеко не исчерпали вопроса, потому что около главнѣйшихъ изъ упомянутыхъ орденовъ группируются второстепенные, его секціи, и подсекціи, отличающіяся другъ отъ друга мелочными притязаніями не интересными для Европейца, но имѣющими значеніе для такого ревностнаго мусульманина, какъ туземецъ Африки. Въ виду того, что почти каждый туземецъ сѣверной Африки принадлежитъ, по крайней мѣрѣ, хотя къ одному изъ этихъ орденовъ, а часто состоитъ членомъ и нѣсколькихъ союзовъ, то можно представить, какое огромное значеніе въ общемъ имѣютъ всѣ эти ордена, образующіе огромную и прекрасно организованную армію фанатизированныхъ бойцовъ. Къ счастью еще, эти различныя группы фанатиковъ, благодаря честолюбивымъ притязаніямъ ихъ шейховъ и мелочнымъ разногласіямъ, не образуютъ обширнаго и могущественнаго союза, а представляютъ отдѣльныя, а иногда даже враждебныя другъ къ другу группы. Религіозный союзъ Сиди эс-Сенусси, имѣющій не мѣстное, а панисламическое значеніе, начинаетъ мало-по-малу поглощать всѣ эти небольшіе союзы и ордена, которые спѣшатъ слиться съ этою могущественною группировкой для общей цѣли мусульманъ, и можно думать, что рано или поздно Сенусситы объединятъ различныя группы мусульманъ, еще дышущихъ ненавистью къ Европейцамъ, и образуютъ обширный и могущественный союзъ, который станетъ въ сильную оппозицію вліянію Европы на Востокѣ. Къ болѣе подробному описанію религіознаго союза Сиди эс-Сенусси мы теперь и переходимъ.

* * *

Начало религіозному союзу сенусситовъ положено въ 1835 г. нѣкимъ Сиди Могаммедъ бенъ'Али эс-Сенусси—алжирскимъ уроженцемъ, ведшимъ свой родъ отъ единственной дочери Магомета, Фатьмы. Прекрасно подготовленный къ роли проповѣдника и борца за нею, Сиди Могаммедъ уже во время своего паломниче-

ства въ Мекку началъ пропаганду новаго ученія, которое показалось на первое время настолько опаснымъ въ политическомъ отношеніи, что Сенусси пришлось покинуть городъ пророка; объясняя свое бѣгство изъ Мекки приказаніемъ, даннымъ свыше, Сиди Могаммедъ объявилъ, что отнынѣ пророкъ повелѣваетъ ему пронести его ученіе по всему мусульманскому міру и повсюду поставить обители вѣрныхъ, которыя служили бы опорой для новаго ислама. Съ удивительною страстностью новый проповѣдникъ повелъ дѣло своей пропаганды, его ученики и послѣдователи пошли по всѣмъ уголкамъ мусульманскаго міра, и, можно сказать, что ни одно новое ученіе не распространялось съ такою быстротой, какъ пропаганда идей Сенусси. Это объясняется съ одной стороны подготовленностью почвы, на которую падали сѣмена новаго ученія, а съ другой—простотой этого послѣдняго, основаннаго всецѣло на Коранѣ. Въ числѣ причинъ, особенно способствовавшихъ подготовленію почвы для развитія идей Сенусси, надо поставить указанныя нами выше—упадокъ основной доктрины ислама, отсутствіе могучихъ борцовъ за идею борьбы съ невѣрными и тяжелое иго Европейцевъ, такъ или иначе заполонившихъ весь Востокъ. Идеи Сенусси, представляющія возвратъ къ Корану и куфизму первыхъ вѣковъ ислама, выставляющія на первый планъ борьбу съ невѣрными и указывающія на имаматъ, какъ на единственную форму правленія, достойную мусульманскаго міра, все это пришлось близко сердцу правовѣрныхъ, и они поспѣшили послѣдовать за проповѣдникомъ обновленнаго или, скорѣе сказать, возстановленнаго въ прежнемъ видѣ ислама.

Всякій, желающій вступить въ союзъ сенусситовъ, прежде всего долженъ отречься отъ міра и отдать свою волю и себя самого въ полное распоряженіе союза. Онъ долженъ повиноваться одному владыкѣ мусумальнскаго міра, соединяющаго въ своей персонѣ не только значеніе религіознаго главы—халифа, но и политической власти; отъ почитанія другихъ авторитетовъ, даже падишаха и закона, онъ освобожденъ. Всякая роскошь и украшенія воспрещаются сенусситу; онъ долженъ принести ихъ въ жертву великой идеѣ, и только оружіе, которымъ онъ будетъ истреблять невѣрныхъ, можетъ украшать драгоцѣнными металлами и камнями. Запрещено сенусситу употребленіе не только вина, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже кофе и табаку; дозволяется употребленіе чая, но безъ сахара, приготовляемаго

проклятыми руками гяуровъ. Ненавидѣть гяура, будь-то христіанинъ или Еврей, не только не обращаться съ ними, но и не говорить — вотъ первый девизъ сенусситa; убивать, грабить и дѣлать всякія насилія гяуру, чѣмъ возможно вредить ему, его достоянію или семьѣ—великая заслуга для сенусситa; въ этомъ отношеніи ихъ ученіе сближается съ ученіемъ извѣстной секты гашишиновъ, предводимыхъ „старцемъ горы“, возникшей во времена крестовыхъ походовъ: такія подлыя убійства, какъ убіеніе европейскихъ путешественниковъ Дюпере, Бермана, Шарля Гюбера, Ришара, m-lle Тинне, цѣлой экспедиціи полковника Флаттерса и многихъ другихъ—все это подвиги, высоко цѣнимые сенусситами. „Не бойся копья Туарега, а глаза сенусситa“, говорили не разъ и мнѣ, когда я отправлялся въ область великой пустыни, занятой рядомъ дзауйя сенусситовъ. Для сенусситa, такъ же какъ и для іезуита, всѣ средства дозволены для достиженія одной великой цѣли—торжества ислама: „Ты долженъ всегда помнить цѣль, указанную Кораномъ, и ничто не должно тебя предъ нею остановить; для достиженія мщенія гяуру, ты можешь лгать ему и нарушать свою клятву, данную ему или его семьѣ, можешь дѣйствовать подкупомъ, измѣной, насиліемъ, даже честью своей дочери или жены. Ты весь долженъ дышать местью и ненавистью, и что бы ни сдѣлалъ бенсми Лиллахи—все сдѣлано будетъ во имя Божіе; годы грѣха простятся во имя минуты отомщенія. „При такой прямолинейности своего ученія, идущаго въ разрѣзъ съ принципами гуманизма и международными отношеніями, признаваемыми и на Востокѣ, не мудрено, что сенусситы ведутъ свои дѣла подъ покровомъ тайны и рѣдко выступаютъ открыто; даже между собою они опознаются посредствомъ особой молитвы: никакихъ наружныхъ отличій сенусситы не носятъ. Великая тайна облекаетъ всѣ предпріятія и начинанія Сенусситa, но за то ихъ невидимыя сѣти разставлены повсюду, и среди совѣтниковъ самого падишаха, вѣроятно, найдется не одинъ фанатикъ, пропитанный идеями Сенусси.

Готовясь къ будущей великой борьбѣ съ невѣрными—малая и частная борьба съ ними ведется постоянно и теперь—и пока собирая только свои силы, союзъ Сиди эс-Сенусси заботится также о пріобрѣтеніи матеріальныхъ средствъ. Каждый членъ братства обязанъ вносить ежегодно не менѣе двухъ съ половиной процентовъ со своихъ доходовъ въ кассу великаго союза помимо добровольныхъ пожертвованій и извѣстной части въ наслѣдствѣ,

которыя ему предоставляется удѣлить. Огромные склады союза принимаютъ во имя Божіе даже пожертвованія натурой и живьемъ: рабы, такъ же какъ и верблюды, бараны, быки и лошади, принадлежащіе союзу, отмѣчаются каленымъ желѣзомъ, и клейма съ именемъ Аллаха служатъ для нихъ лучшею защитой. Въ оазисахъ Сахары и Ливійской пустыни пасутся сотни и тысячи различныхъ животныхъ, посвященныхъ Богу и союзу, тамъ же сохраняются и огромные запасы, собранные въ имя Божіе.

Самая организація союза очень проста и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ пригодна, какъ для поддержанія многочисленныхъ послѣдователей, такъ и для дальнѣйшей пропаганды. Главнымъ связующимъ элементомъ обширнаго союза служатъ такъ-называемыя дзауйя или обители, являющіяся не только религіозными, но и политическими и организаціонными центрами; дзауйи сенусситовъ разбросаны въ настоящее время въ значительномъ количествѣ по всему Востоку,особенно африканскимъ областямъ. Изъ этихъ центровъ, куда сходятся временами для совѣщаній, общихъ проповѣдей и молитвъ всѣ вѣрные даннаго района, выходятъ совѣты и повелѣнія, исходятъ миссіонеры, сюда же стекаются всѣ пожертвованія и сборы съ сенусситовъ даннаго района. Дзауйя, такимъ образомъ, есть своего рода административный центръ, который сносится уже въ высшими духовными властями. Во главѣ дзауйи стоптъ моккадемъ или намѣстникъ великаго главы союза, руководящій всѣми дѣлами общины и не отверзающій устъ иначе, какъ для благословенія или наложенія проклятій на членовъ, нарушившихъ предписанія союза. Почти на такой же высотѣ, какъ моккадемъ, стоятъ ага и векиль, вѣдающій дѣла цѣлой области и исполняющій обязанности казначея и коммерческаго агента братства. Въ распоряженіи моккадема находится болѣе или менѣе значительное количество братьевъ и хуановъ, безпрекословно преданныхъ своему главѣ. Но какъ ни высоко въ глазахъ вѣрныхъ стоятъ моккадемы, аги и векили, они не что̀ иное какъ рабы предъ великимъ господиномъ—халифомъ или намѣстникомъ бога на землѣ. Такимъ былъ самъ основатель союза Сиди Мохаммедъ эс-Сенусси; послѣ смерти его халифомъ сенусситовъ сталъ сынъ его Сиди Мохаммедъ эль Махди, который былъ съ малолѣтства приготовленъ къ выполненію своей великой роли отцомъ. Всѣ моккадемы, векили и миссіонеры союза сносятся съ халифомъ посредствомъ особенныхъ гонцовъ, развозящихъ шифрованную почту, всегда хорошо спрятанную въ складкахъ платья, въ сѣдлѣ

и даже въ упряжи верблюдовъ и лошадей. Ежегодно въ праздникъ, соотвѣтствующій по значенію нашей Пасхѣ, халифъ созываетъ всѣхъ моккадемовъ къ себѣ въ своего рода синодъ, въ которомъ разспрашиваетъ ихъ о положеніи дѣлъ союза, его успѣхахъ пропагандъ и вмѣстѣ съ ними обсуждаетъ дальнѣйшія мѣры и предпріятія. Покрывало никогда не спадаетъ съ лица великаго намѣстника божія; никто изъ смертныхъ недостоинъ видѣть его, и сами моккадемы, давая отчетъ халифу, стоятъ предъ нимъ съ наклоненными головами.

Въ настоящее время столицей халифа сенусситовъ служитъ дзауйя Джербубъ, расположенный въ оазисѣ Сивахѣ, лежащемъ въ глубинѣ Ливійской пустыни въ тридцати дняхъ пути отъ берега моря. Мѣсто выбрано самое подходящее и безопасное относительно покушеній съ чьей-либо стороны; пустыня защищаетъ Джербубъ и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ возможность въ ея безконечномъ просторѣ спастись ото всякихъ преслѣдованій. Въ сторонѣ отъ цивилизованнаго міра и даже отъ турецкой власти, которой до сихъ поръ еще могутъ отчасти опасаться сенусситы, Джербубъ лежитъ въ оазисѣ, сплошь населенномъ послѣдователями халифа, на самомъ распутіи великихъ дорогъ, уходящихъ въ глубь Африки, тамъ, гдѣ скрещиваются пути Египта, Судана, Марокко, Алжиріи и Триполиса. Всѣ многочисленные караваны мусульманскихъ паломниковъ, двигающіеся изъ сѣверной Африки въ Мекку, проходятъ черезъ Джербубъ и тамъ осчастливленные благословеніемъ владыки сенусситовъ возвращаются по домамъ еще болѣе пронизанные фанатизмомъ. Такимъ образомъ въ Джербубѣ сходятся тайныя пружины со всего мусульманскаго міра; тутъ не только столица великаго союза, но и кладезь его духовнаго просвѣщенія, складъ богатствъ и оружія, заготовляемаго исподоволь для великой борьбы съ невѣрными, тутъ построены большіе магазины для храненія пожертвованій, тутъ же содержатся и многочисленныя стада животныхъ; нѣсколько десятковъ тысячъ ружей и нѣсколько маленькихъ пушекъ составляютъ арсеналъ Джербуба, а до тысячи отчаянныхъ фанатиковъ-добровольцевъ охраняютъ таинственный тронъ владыки Джербуба. Тутъ же поселено свыше двухъ тысячъ рабовъ негровъ, составляющихъ рабочую силу столицы, но всегда готовыхъ взять въ руки оружіе, по приказанію халифа. Но какъ ни силенъ владыка Джербуба, онъ всегда на-сторожѣ, словно боясь, чтобы какіе-нибудь шальные Европейцы не зашли и въ оазисъ, съ цѣлью разрушить

его столицу. Доступъ въ Джербубъ нелегко достигается даже для мусульманъ; Европейцу же совершенно невозможно проникнуть въ столицу сенусситовъ. Походы Англичанъ въ Суданъ, Французовъ въ преддверье Сахары — все это сильно тревожитъ владыку Джербуба, и онъ держитъ наготовѣ своихъ мехариновъ (верховыхъ верблюдовъ), чтобы при первомъ нашествіи гяуровъ или войскъ султана въ оазисъ Аммона или Сивахъ, бѣжать оттуда со всѣми своими приверженцами и собраннымъ добромъ на приволье необозримой Сахары, куда за нимъ не угнаться Европейцу. На всякій случай сенусситами уже опредѣлены оазисы въ глубинѣ великой пустыни, куда будетъ перенесена столица ихъ союза и тронъ ихъ владыки при его бѣгствѣ изъ Джербуба. Въ ожиданіи той или другой опасности, могущей угрожать столицѣ, десятки развѣдчиковъ постоянно рыщутъ вокругъ Джербуба и даютъ знать о каждой мелочи, могущей имѣть какое-нибудь значеніе. Прекрасно организованная почта, полиція и другія учрежденія придаютъ еще болѣе силы владыкѣ сенусситовъ, всегда знающему все, что̀ творится въ томъ или другомъ уголкѣ его обширной имперіи.

За какія-нибудь 50—55 лѣтъ существованія союза сенусситовъ, онъ сдѣлалъ такіе успѣхи, какихъ не достигалъ ни одинъ изъ орденовъ ислама, даже основанныхъ гораздо ранѣе. Число послѣдователей Сенусси въ настоящее время достигаетъ до нѣсколькихъ милліоновъ, а число отдѣльныхъ дзауй и до нѣсколькихъ сотъ, разбросанныхъ во всѣхъ странахъ мусульманскаго міра, преимущественно же въ сѣверной Африкѣ; еще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ союзъ располагалъ не менѣе какъ двумя стами дзауйа, раскинутыми между Меккой и побережьемъ Марокко. Съ каждымъ годомъ увеличивается могущество этого союза, и въ настоящее время владыку Джербуба можно считать во всякомъ случаѣ неограниченнымъ монархомъ цѣлой половины Африки, тянущейся отъ береговъ Средиземнаго моря до Уадая, Багирми и верховьевъ Конго. Власть этого тайнаго владыки правовѣрныхъ тѣмъ и сильна, что она дѣйствуетъ твердо и незамѣтно чрезъ десятки тысячъ своихъ агентовъ, не пренебрегающихъ никакими средствами для достиженія намѣченной цѣли. Но и помимо Африки, мало-по-малу увеличивается число дзауйа и въ Азіи; въ Аравіи теперь ихъ насчитывается не менѣе двадцати, въ Азіатской Турціи число дзауйа доходитъ до десятка; одиночныя станціи сенусситовъ, вѣроятно, есть и во всѣхъ другихъ уголкахъ Востока,

но собираніе свѣдѣній о нихъ въ виду скрытности сенусситскаго движенія настолько трудно, что поневолѣ приходится довольствоваться лишь отрывочными неполными и даже плохо провѣренными данными. Агенты сенусситизма доходили и до нашего Туркестана, и, быть-можетъ, работаютъ тамъ и нынѣ, но, къ сожалѣнію, наши власти очень много довѣряютъ мусульманамъ и не имѣютъ даже органовъ для того, чтобы слѣдить за тѣмъ, что проповѣдуется въ мѣстныхъ мечетяхъ и медрессе. Между тѣмъ вторженіе идей сенусситовъ въ среду нашихъ мусульманскихъ подданныхъ было бы по меньшей мѣрѣ нежелательнымъ уже по тому одному, что однимъ изъ главнѣйшихъ положеній новаго ислама является отрицаніе всякой иной власти, кромѣ той, которую представляетъ великій глава союза. Повсюду возрастанію силы сенусситовъ соотвѣтствовало уменьшеніе престижа свѣтской власти.

Таковы въ общихъ словахъ организація и развитіе могущественнаго ордена или союза сенусситовъ, пока еще дѣйствующаго тайно, но подготовляющагося выступить и болѣе открыто на политическую арену Востока. Какова конечная цѣль союза и чѣмъ пока проявилъ онъ свою дѣятельность на поприщѣ борьбы съ невѣрными,—вотъ вопросы, на которые мы должны отвѣтить прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изложенію нашей задачи.

Что конечною цѣлью сенусситизма, какъ и многихъ другихъ религіозныхъ братствъ и союзовъ мусульманъ, есть торжество ислама и борьба съ невѣрными, какъ средство для достиженія этого послѣдняго, въ этомъ сомнѣваться нельзя, да и сами сенусситы этого не скрываютъ. Всѣ средства дозволены для достиженія великой цѣли освобожденія мусульманскихъ земель и правовѣрныхъ народовъ отъ проклятыхъ франковъ, связавшихъ по рукамъ и по ногамъ всѣхъ властителей Востока. Долой гяуровъ, долой и тѣхъ, кто позволилъ пришельцу-франку сѣсть на землѣ, гдѣ царитъ Магометъ въ сердцѣ каждаго вѣрнаго и слава Корана на устахъ. Долой властителей и самого падишаха, которые не сумѣли сберечь цѣлости земель, врученныхъ имъ Аллахомъ. Махди Джербуба уже давно провозгласилъ себя падишахомъ и халифомъ-властителемъ правовѣрныхъ; этого титула онъ не хочетъ раздѣлять даже съ шерифомъ благословенной Мекки. Союзъ сенусситовъ—это огромная патріотическая лига, гдѣ число членовъ милліоны, гдѣ все дышетъ ненавистью къ чужеземцамъ, гдѣ каждый ребенокъ нафанатизированъ противъ гяура, куда повелѣнія

ниспосылаются отъ самого Аллаха чрезъ его намѣстника-халифа. Сенусситы являются наиболѣе подходящими носителями идеи панисламизма и гегемоніи Арабовъ въ исламѣ, которую вырвали у этихъ послѣднихъ очень мало сдѣлавшіе для ислама выходцы Турана османлы. Такая же ненависть къ Туркамъ, со стороны главы сенусситовъ какъ и къ христіанамъ, Евреямъ и язычникамъ, является весьма важнымъ фактомъ, придающимъ особенное политическое значеніе союзу эс-Сенусси. На Востокѣ понимаютъ хорошо, что могущество Турокъ рухнуло навсегда и султанъ, ставшій игрушкой въ рукахъ Европейцевъ, всего менѣе достоинъ носить званіе главы правовѣрныхъ. Престижъ императора османовъ упалъ въ настоящее время въ Африкѣ настолько, что даже въ такихъ турецкихъ провинціяхъ, какъ Триполи, представитель сенусситовъ играетъ гораздо болѣе важную роль, чѣмъ представитель султана. На развалинахъ падающей имперіи османовъ глава сенусситовъ надѣется основать свой новый халифатъ, подобный первымъ халифатамъ ислама; силой меча этотъ халифатъ долженъ будетъ доставить новое торжество исламу, и глава сенусситовъ считаетъ себя достаточно сильнымъ, чтобы въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ объявить новую борьбу за вѣру и торжество ислама.

Время это однако еще не настало; союзъ сенусситовъ еще не уловилъ въ свои сѣти всѣхъ правовѣрныхъ, какъ того ожидаютъ его хуаны, далеко не все готово, да и невѣрные еще очень сильны. Все это не смущаетъ вѣрныхъ, и они продолжаютъ втихомолку подготовлять будущее великое возстаніе: судя по всему тому, что̀ доселѣ сдѣлали сенусситы, можно думать, что они не сунутся зря въ огонь, а поведутъ эту борьбу со знаніемъ дѣла и тактики своего врага. Основатель союза, первый задумавшій въ грандіозныхъ размѣрахъ борьбу съ невѣрными, для болѣе вѣрнаго успѣха дѣла назвалъ своего сына и преемника громкимъ именемъ махди-посланника божія и воспиталъ его такъ, что настоящій глава сенусситовъ владыка Джербуба Сиди Мохаммедъ ель махди самъ вѣритъ въ свою божественную миссію, а всѣ окружающіе считаютъ его за великаго чудотворца и за лицо, находящееся въ постоянномъ общеніи съ Аллахомъ чрезъ пророка Магомета. Не только имя, но и пророческій [1] знакъ и многія другія данныя указываютъ вѣрнымъ на

[1] Круглое синеватое пятнышко между плечами, которое, по мусульманскому сказанію, носили и Моисей, и Христосъ, и Магометъ.

то, что въ сынѣ основателя союза они могутъ видѣть настоящаго посланника божія—махди. Настанетъ однако день, думаютъ самоувѣренные сенусситы, когда махди Джербуба, собравъ подъ свое знамя всѣхъ мусульманъ, въ качествѣ настоящаго указаннаго богомъ главы ислама, объявитъ священную войну, и тогда прежде всего рухнетъ имперія османовъ съ ея самозваннымъ халифомъ, каковымъ считаютъ сенусситы султана. Настоящій восточный вопросъ станетъ тогда предъ глазами христіанскаго міра, начавшись новою страшною Варѳоломеевскою ночью, уже предрѣшенною вожаками сенусситовъ! Избіеніе всѣхъ христіанъ и особенно Европейцевъ на Востокѣ въ одинъ назначенный день или ночь во всѣхъ уголкахъ мусульманскаго міра будетъ сигналомъ новой священной войны; ни броненосцы, ни дессанты, ни могущественные нынѣ на Востокѣ консулы, не спасутъ тогда отъ гибели обреченныхъ; уже теперь европейскіе консулы на Варварійскомъ побережьѣ не осмѣливаются выходить изъ дому послѣ заката солнца.

Въ ожиданіи этого роковаго часа объявленія священной войны, сенусситы, какъ мы уже говорили выше, ведутъ ее въ малыхъ размѣрахъ съ первыхъ годовъ образованія своего союза, и въ этомъ отношеніи уже успѣли принести много вреда Европейцамъ. Помимо цѣлаго ряда убійствъ европейскихъ путешественниковъ, сенусситы принимали дѣятельное участіе во многихъ возстаніяхъ въ Алжирѣ, Сенегамбіи, Триполи и Тунисѣ, они причиняли много затрудненій различнымъ начинаніямъ Европейцевъ въ сѣверной Африкѣ и наконецъ организовали возстанія въ Египтѣ и Марокко. Есть данныя думать, что настоящее возстаніе Ассировъ въ Аравіи, угрожающее турецкому владычеству въ Геджасѣ, есть тоже продѣлка рукъ сенусситовъ, умѣющихъ ловить рыбу въ мутной водѣ. Еще важнѣе участіе сенусситовъ въ возстаніи суданскаго лжепророка, къ которому мы теперь и переходимъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

А. Елисѣевъ.

РЕВНОСТЬ.

(Изъ семейныхъ непріятностей.)

Самая нелѣпая и самая несносная ревность — это женская ревность...

(Замѣчаніе знакомаго.)

(Посвящается М. Н. К.....)

I.

— Ну вотъ, Лизокъ, я принесъ тебѣ цѣлыя два извѣстія! сказалъ Сергѣй Михайловичъ своей женѣ, только-что вернувшись со службы.

Лизавета Петровна, привыкнувъ угадывать иногда суть дѣла безъ словъ, по одному выраженію лица мужа, торопливо и тревожно взглянула на него.

— Какія же? спросила она, пытливо вглядываясь въ него и видя на его лицѣ одновременно какъ бы и удовольствіе и смущеніе.

— Вопервыхъ, Клавдія Николавна уже въ Москвѣ и сегодня же выѣзжаетъ уже въ Петербургъ.

— А!.. сказала коротко Лизавета Петровна, и больше ничего не прибавила. Но по тону этого „а“ и по выраженію, мелькнувшему въ лицѣ жены, Сергѣй Михайловичъ сейчасъ же догадался, что она скорѣе недовольна, чѣмъ довольна этимъ извѣстіемъ, такъ обрадовавшимъ его.

Клавдія Николаевна была его старымъ другомъ и Сергѣй Михайловичъ считалъ ее, ея мужа (только-что умершаго, съ которымъ они были однокурсники) и всю ея семью самыми дорогими и близкими для себя людьми, послѣ своей собственной семьи. Но жена его, знавшая ихъ по его разсказамъ почти такъ же хорошо какъ и самъ онъ, лично не была еще съ ними знакома. Сугробины, незадолго предъ тѣмъ какъ Сергѣй Михайловичъ сдѣлался женихомъ, переѣхали въ Харьковъ, гдѣ Сугробинъ получилъ тогда хорошее назначеніе. Теперь овдовѣвъ, Клавдія Николаевна еще въ первый разъ за всѣ эти семь лѣтъ возвращалась съ дѣтьми въ Петербургъ.

— Надо будетъ завтра поѣхать встрѣтить ихъ... заговорилъ опять Сергѣй Михайловичъ, мелькомъ взглядывая на жену и ласково, какъ-то особенно ласково, обнялъ и поцѣловалъ ее.

— Конечно, сказала она.

— Послушай, Лизочекъ... заговорилъ онъ еще нѣжнѣе, прижимая ее къ себѣ и начиная вмѣстѣ съ ней ходить по комнатѣ изъ угла въ уголъ, что̀ онъ дѣлалъ всегда, когда немножко волновался.—Послушай, Лизочекъ, мнѣ бы очень хотѣлось, милая, чтобы... ты приняла ее какъ можно... привѣтливѣе, сердечнѣе... она теперь такъ несчастна... трехъ мѣсяцевъ нѣтъ еще вѣдь послѣ смерти Алексѣя... отъ знакомыхъ здѣшнихъ совсѣмъ уже отстала, родныхъ тоже у нея здѣсь никого, значитъ будетъ совсѣмъ одинока... Нашъ долгъ, милая, насколько возможно облегчить ей это тяжелое время...

— Конечно, конечно... сказала поспѣшно Лизавета Петровна,—отчего же, я ей очень рада... прибавила она чрезъ минуту точно успокоивая мужа. Но Сергѣй Михайловичъ, до тонкости изучившій жену, сейчасъ же подмѣтилъ искусственность этой любезности и невольно вздохнулъ про себя.

Онъ давно уже чувствовалъ, что въ женѣ его лежитъ какое-то странное, безпричинное недоброжелательство къ этимъ лучшимъ друзьямъ его молодости, и особенно къ самой Клавдіи Николаевнѣ, которую она, несмотря на отсутствіе ея, слегка даже ревновала къ мужу въ первые годы замужества, находя, что онъ уже черезчуръ высоко ставитъ ее и слишкомъ часто говоритъ о ней.

— Ну еще бы! отвѣчала она иногда на какое-нибудь замѣчаніе мужа, полушутя, полуискренно надуваясь на него,—еще бы, гдѣ же мнѣ это знать (или умѣть), вѣдь я не Клавдія Николавна!

И чувство это, на видъ какъ бы скорѣе только шутливое, было въ ней, вѣроятно, гораздо глубже, чѣмъ она думала даже сама, потому что Сергѣя Михайловича невольно поразило, какъ его Лиза, такая въ сущности добрая и отзывчивая, вдругъ такъ равнодушно отнеслась къ страшному горю, постигшему несчастную, обожавшую мужа, Клавдію Николаевну. Но онъ все-таки не терялъ надежды побороть въ ней со временемъ это досадное, огорчавшее его чувство предубѣжденія, и очень надѣялся на личное знакомство жены съ Клавдіей Николаевною.

По его мнѣнію, Клавдія Николавна была такая умная, милая и симпатичная женщина, которая не могла не располагать къ себѣ.

— Мнѣ очень бы хотѣлось, Лизочекъ, продолжалъ онъ, все ласковѣе пожимая руки жены,—чтобы вы сошлись съ ней... Тебѣ, моя дорогая, не слѣдуетъ забывать сколько они съ мужемъ сдѣлали для меня, когда я былъ при смерти боленъ. Вѣдь я тебѣ уже, кажется, нѣсколько разъ разсказывалъ, какъ они перевезли меня тогда изъ меблированныхъ комнатъ къ себѣ на квартиру и она, какъ родная сестра, холила за мной цѣлые два мѣсяца. Можетъ-быть, еслибы не они, я бы и не пережилъ тогда моего тифа... И вотъ, сударыня, закончилъ онъ полушутя, полусерьезно,—вамъ теперь представился отличный случай отблагодарить ее, въ свою очередь, за всѣ ея заботы и попеченія о вашемъ благовѣрномъ.

— Ну, конечно, конечно, вѣдь я уже сказала! нетерпѣливо прервала его Лизавета Петровна и, видимо желая перемѣнить разговоръ, спросила мужа:

— Ну, а другое какое-такое извѣстіе?

Сергѣй Михайловичъ вздрогнулъ и нахмурился, какъ человѣкъ, вспомнившій вдругъ что-то непріятное. Онъ даже не сразу отвѣтилъ.

— Да, протянулъ онъ какимъ-то страннымъ тономъ,—да, ну это уже совсѣмъ изъ другой оперы... Мнѣ предлагаютъ взять назначеніе въ Самаркандъ...

— Въ Самаркандъ! съ ужасомъ, не давъ ему почти докончить, воскликнула Лизавета Петровна, и вдругъ опустилась въ кресло и заплакала.

— Господи! да о чемъ же ты Лиза! вѣдь я же не взялъ еще этого мѣста, мнѣ его вѣдь только еще предлагаютъ! сказалъ растерявшійся Сергѣй Михайловичъ.

Но Лизавета Петровна плакала все сильнѣе и сильнѣе.

— Это ужасно... ужасно... въ Самаркандъ... говорила она всхлипывая.

Сергѣй Михайловичъ съ недоумѣніемъ постоялъ надъ женой и вдругъ нетерпѣливо передернулъ плечами и заходилъ опять по комнатѣ.

Онъ понялъ, что жена его расплакалась совсѣмъ не потому, что ему предложили мѣсто въ Самаркандъ; она, конечно, ни на минуту не вѣрила въ душѣ, чтобъ они дѣйствительно могли бы поѣхать туда, а плакала оттого, что завтра пріѣзжаетъ Клавдія Николаевна. Самаркандъ же явился только благовиднымъ предлогомъ расплакаться, какъ ей того захотѣлось съ первой же минуты, что онъ сказалъ о пріѣздѣ Клавдіи Николаевны. Но расплакаться явно отъ этой причины она стыдилась и, сдержавъ себя, придралась потомъ къ первому попавшемуся предлогу.

„И изъ-за чего!.. за что? что она ей сдѣлала?“

Онъ предчувствовалъ, что теперь предстоитъ цѣлый рядъ непріятныхъ сценъ, на которыя способны только женщины, когда онѣ заберутъ себѣ что-нибудь въ голову. Пожалуй это отразится и на его отношеніяхъ съ Клавдіей Николаевной, которая, какъ женщина умная, сейчасъ же, конечно, все замѣтитъ и сама поспѣшитъ отстраниться.

Жена продолжала плакать, а ему даже и успокаивать ее не хотѣлось и не хотѣлось тѣмъ болѣе, что это было обязательно для него. Онъ зналъ, что она ждетъ, чтобъ онъ утѣшалъ ее и не перестанетъ плакать, пока онъ дѣйствительно не начнетъ успокаивать ее.

— Да полно же Лиза! сказалъ онъ, пересиливая себя и подходя къ ней.—Вѣдь это же глупо наконецъ! Ну о чемъ ты плачешь! Какъ не стыдно! И онъ взялъ ея руку и поднесъ ее къ своимъ губамъ, хотя все въ немъ протестовало въ эту минуту противъ этихъ насильственныхъ ласкъ; надо было смягчить ее какъ-нибудь къ завтрашнему дню, чтобъ и завтра не повторилось что-нибудь подобное.

Но заплаканное лицо Лизаветы Петровны оставалось попрежнему хмуро и холодно. Она не отвѣтила на поцѣлуи мужа и молча сидѣла предъ нимъ, смотря куда-то въ сторону, мимо него.

„Да, говорила она себѣ,—да, вотъ онъ нарочно теперь задобриваетъ меня, чтобъ я любезнѣе приняла ту... а между тѣмъ, когда я заплакала, онъ только разозлился! Ему все равно, что

я плачу, что мнѣ тяжело, онъ только о себѣ думаетъ!.. О, я знаю его... такъ знаю...“

И Лизавета Петровна вырвала отъ мужа свою руку и снова заплакала.

— Ты прекрасно знаешь, раздраженно заговорила она, думая обмануть его въ истинной причинѣ своихъ слезъ, хотя и чувствовала въ душѣ, что онъ все равно догадался уже о ней,— прекрасно знаешь, что я ненавижу эту твою возлюбленную... провинцію! Я тебѣ еще до замужества ставила условіемъ нашего брака, чтобы мы никогда не уѣзжали изъ Петербурга! Тутъ у меня всѣ родные и знакомые... Наконецъ, ты самъ знаешь, какое здоровье у Сережи—его каждую недѣлю лѣчить приходится! И вдругъ въ Самаркандъ! Въ такую глушь, гдѣ даже порядочнаго доктора достать нельзя! И какое мы тамъ прекрасное образованіе ему дадимъ! Ни одинъ хорошій учитель туда не поѣдетъ!.. Это просто... просто недобросовѣстно по отношенію къ своей семьѣ... по отношенію всѣхъ обязанностей своихъ къ ней, брать такое мѣсто!..

— Да развѣ я взялъ его наконецъ! воскликнулъ, теряя снова терпѣніе Сергѣй Михайловичъ.—Вѣдь не могу же я запретить даже и другимъ предлагать мнѣ мѣста въ провинцію, только потому, что ты изволила будто бы ставить мнѣ какія-то условія, не уѣзжать никогда изъ Петербурга! Довольно и того, что я самъ не беру ихъ! И къ чему ты несешь весь этотъ вздоръ о Сережѣ, докторахъ какихъ-то, обязанностяхъ, воспитаніи и т. д. Къ чему все это? Развѣ нельзя сказать прямо, что ты не хочешь ѣхать туда, и довольно бы кажется; да, наконецъ, можешь успокоиться, я еще менѣе тебя, вѣроятно, расположенъ уѣзжать изъ Петербурга...

— Ну еще бы, еще бы, сказала Лизавета Петровна, вдругъ ядовито смѣясь,—еще бы, развѣ ты можешь быть расположенъ уѣзжать изъ него, когда сюда Клавдія Николавна изволитъ жаловать!

— Нѣтъ, это, наконецъ, изъ рукъ вонъ! воскликнулъ, потерявъ послѣднее терпѣніе, Сергѣй Михайловичъ и, круто повернувшись, ушелъ, сильно хлопнувъ дверью, въ свой кабинетъ.

— Ну вотъ, ну вотъ! сказала съ отчаяніемъ, смотря ему вслѣдъ Лизавета Петровна,—вотъ ужь начинается, начинается, я заранѣе была увѣрена, что стóитъ только этой госпожѣ пріѣхать, какъ это сейчасъ же начнется! Скверная женщина,

навѣрное дурная, нехорошая женщина, безъ сердца; это есть, есть такія женщины, которыя всѣмъ только несчастія приносятъ! Ну что же, конечно, она теперь совсѣмъ отобьетъ его отъ меня— онъ и теперь только и мечтаетъ что о ней. Можетъ - быть она и ѣдетъ нарочно только для того, чтобы женить его на себѣ! Что же, это теперь такъ легко, такъ часто дѣлается, что и удивляться нечему! Развестись ничего не стóитъ... Что же, очень, очень можетъ быть... Можетъ-быть она давно въ него уже влюблена была и только смерти мужа дожидалась.

— Кушать подано! сказала, входя, горничная Катя.

„Боже мой, развѣ я могу теперь кушать! Боже мой, Боже мой, ужь лучше мнѣ умереть раньше было, чѣмъ дожить до этого...“

— Не буду я кушать! сказала она вслухъ,—у меня мигрень сдѣлалась! Поди скажи барину, чтобъ онъ одинъ обѣдалъ. И Лизавета Петровна вмѣсто обѣда ушла въ свою темную спальню и заперлась тамъ.

II.

Сергѣй Михайловичъ пришелъ въ столовую съ сердитымъ лицомъ и, не глядя по сторонамъ, отодвинулъ свой стулъ и молча сѣлъ за столъ.

Катя налила ему супу и онъ все также молча принялся за него.

— А мама? спросилъ маленькій Сережа.

— У мамаши головка заболѣла! сказала Катя.

„И при людяхъ главное! подумалъ Сергѣй Михайловичъ,— всѣ видятъ, догадываются, чортъ знаетъ, что тамъ потомъ думаютъ и сплетничаютъ у себя по кухнямъ!“ Но понемногу, за ѣдой Сергѣй Михайловичъ началъ успокаиваться и раздраженіе его на жену нѣсколько уменьшилось.

Онъ не могъ не признать, что въ сущности они жили дружно и миролюбиво, если не считать разныхъ мелкихъ размолвокъ, которыя бываютъ между каждыми супругами. Но въ общемъ, у Лизаветы Петровны характеръ былъ скорѣе мягкій, чѣмъ капризный, а главное она была искренно и горячо привязана къ нему, такъ что Сергѣй Михайловичъ часто сознавалъ, не безъ чувства благодарности къ своей судьбѣ, что онъ вынулъ счастливый билетъ въ той рискованной лотереѣ, которая зовется бракомъ.

Онъ вспомнилъ это и теперь, взглянувъ послѣ жаркого на пустой стулъ жены, которую ему невольно стало жалко.

„Ну не глупо ли! сказалъ онъ себѣ, думая о ней, — лежитъ тамъ теперь голодная въ темной комнатѣ, навѣрное плачетъ къ тому же; только голова разболится еще пожалуй..“

— Ѣшь, ѣшь, Сережа, нечего размазывать! сказалъ онъ маленькому Сережѣ, замѣтивъ, что тотъ, пользуясь отсутствіемъ матери и разсѣянностью отца, не ѣлъ свою говядину, а устраивалъ изъ ея кусочковъ какія-то мудреныя фигурки.

„Нѣтъ и изъ-за чего главное? Ну, что та ей сдѣлала“, продолжалъ онъ, мысленно возвращаясь опять къ волновавшей его мысли о ревности жены къ Клавдіи Николаевнѣ.

Эта ревность всегда удивляла его, потому что Лизавета Петровна не только сама не видала никогда своей мнимой соперницы, но даже и Сергѣй-то Михайловичъ за всѣ эти семь лѣтъ всего два раза ѣздилъ въ Харьковъ, да и то проѣздомъ больше. И въ сущности Лизавета Петровна даже и не была очень ревнива, но какъ только рѣчь заходила о Клавдіи Николаевнѣ, она начинала волноваться и самый тонъ ея звучалъ враждебно и подозрительно. Лизавета Петровна не любила даже, когда мужъ получалъ письма отъ Сугробиныхъ, и, казалось, ревновала Сергѣя Михайловича не только къ Клавдіи Николаевнѣ, но даже и къ мужу ея.

А между тѣмъ разбирая самымъ тщательнымъ и добросовѣстнымъ образомъ свое чувство къ этой женщинѣ, которую дѣйствительно чрезвычайно любилъ и уважалъ, Сергѣй Михайловичъ не находилъ въ немъ ни тѣни какой бы то ни было виновности предъ женой. Пока онъ не завелся собственною семьей, семья Сугробиныхъ была для него какъ бы своею родною семьей. Когда онъ получилъ извѣстіе о смерти самого Сугробина, оно такъ взволновало и поразило его, что онъ хотѣлъ сейчасъ же ѣхать въ Харьковъ, чтобы только хоть чѣмъ-нибудь помочь и успокоить его вдову.

Но когда онъ сказалъ о своемъ намѣреніи Лизаветѣ Петровнѣ, она сдѣлала такое удивленное лицо и глаза ея такъ сразу потемнѣли, что Сергѣй Михайловичъ понялъ, что уѣхать будетъ совсѣмъ не такъ легко и просто, какъ ему это показалось въ первую минуту.

— Дѣлай, какъ хочешь! сухо сказала Лизавета Петровна, и какъ только она это сказала, онъ окончательно убѣдился, что именно такъ-то какъ хочетъ и не можетъ сдѣлать, несмотря на какъ бы выданную ему carte blanche.

— Ахъ, какъ это несносно! нетерпѣливо передернувъ плечами, сказалъ Сергѣй Михайловичъ, возмущаясь тѣмъ, что жена даже и въ такую тяжелую минуту не можетъ отрѣшиться отъ своей глупой ревности къ Клавдіи Николаевнѣ.

Но слова эти, а главное ихъ тонъ, оказались очень неосторожны и Сергѣй Михайловичъ не разъ потомъ раскаявался въ нихъ, потому что они только хуже подлили масла въ огонь и еще больше вооружали Лизавету Петровну противъ Клавдіи Николаевны. Лизавета Петровна ничего больше не сказала, но цѣлые два дня была такъ сильно не въ духѣ, что весь домъ ходилъ на цыпочкахъ.

Отъѣздъ Сергѣя Михайловича, понятно, не состоялся, да онъ и самъ бросилъ всякую мысль о немъ и думалъ больше о томъ, чтобы снова водворить въ своемъ домѣ тотъ миръ, при которомъ жилось такъ пріятно и покойно. Постепенно все вошло въ обычную колею и чрезъ нѣсколько дней Лизавета Петровна, убѣдившись, что Сергѣй Михайловичъ совершенно бросилъ мысль „летѣть зачѣмъ-то въ Харьковъ“, не только перемѣнила гнѣвъ на милость, но какъ бы въ награду за то стала еще внимательнѣе и заботливѣе къ мужу. Даже относительно Клавдіи Николаевны произошла какъ будто перемѣна къ лучшему. За это время выяснилось, что Клавдія Николаевна все распродаетъ и переѣзжаетъ съ дѣтьми обратно въ Петербургъ, такъ какъ оставаться въ Харьковѣ послѣ смерти мужа ей было слишкомъ тяжело.

По поводу этого переѣзда возникли разныя порученія къ Сергѣю Михайловичу и писемъ отъ Клавдіи Николаевны за эти два мѣсяца получилъ онъ больше, чѣмъ за предыдущіе два года. Онъ замѣчалъ, что каждый разъ, при полученіи имъ траурнаго конверта, жена слегка блѣднѣетъ и ее какъ-то передергиваетъ, но видимо, сдерживая себя, принимала равнодушный видъ и разспрашивала о чемъ пишетъ Клавдія Николаевна, скоро ли пріѣдетъ, здорова ли и т. д.

Хотя Сергѣй Михайловичъ, изучившій жену, мало вѣрилъ ея напускному равнодушію, но все-таки же надѣялся, что разъ принявшись, она выдержитъ себя и дальше, а со временемъ совсѣмъ примирится съ его старою пріятельницей и побѣдитъ свою враждебность и недовѣріе къ ней. Какъ вдругъ сегодняшняя вспышка!..

„Ужасно непріятно!“ думалъ Сергѣй Михайловичъ, наскоро допивая свой кофе,—„и какъ нарочно, наканунѣ самаго пріѣзда! Ну, пойду къ ней; что съ ними дѣлать, всѣ онѣ, эти женщины, одинаковы, Богъ ужь съ ней...“

И онъ всталъ изъ-за стола, торопливо поцѣловалъ Сережу и направившись къ спальнѣ, осторожно пріотворилъ дверь.

Въ комнатѣ было темно и только слабый свѣтъ лампады у божницы невѣрными тѣнями освѣщалъ потолокъ и углы комнаты.

— Лиза... тихо позвалъ онъ.

— Лиза?.. ты спишь?.. и понявъ, что жена все равно ему не отвѣтитъ, онъ тихонько и почему-то на цыпочкахъ, точно чувствуя себя въ комнатѣ больнаго, прошелъ за перегородку, гдѣ стояли постели.

Лизавета Петровна, закутавшись въ большой платокъ, молча лежала на постели. Сергѣй Михайловичъ сѣлъ подлѣ нея сбоку, на кончикѣ кровати, и отыскавъ ощупью въ темнотѣ ея руку, молча поцѣловалъ ее.

— Оставь, оставь меня, сказала всхлипывая Лизавета Петровна, и выдернувъ у мужа руки, какъ маленькая, запрятала опять ихъ подальше въ платокъ, чтобъ онъ не могъ достать ихъ.

— Ну, Лизокъ, ласково заговорилъ Сергѣй Михайловичъ, которому въ этой тихой, темной, слабо освѣщенной чуть тепляющеюся лампадой комнатѣ стало почему-то еще больше жаль жену.

— Ну, Лизокъ, сказалъ онъ, нѣжно наклоняясь надъ ней,— ну о чемъ ты милая?

Тогда услышавъ его знакомый, милый ей голосъ, который уже не раздраженно кричалъ на нее, а нѣжно и виновато звалъ ее, Лизавета Петровна снова заплакала и, высвободивъ руки изъ-подъ платка, вдругъ крѣпко обняла мужа.

— Ахъ Сережа, Сережа, еслибы ты зналъ, какъ я несчастна!.. сказала она прижимаясь къ его плечу и вспомнивая всѣ тѣ ужасныя, печальныя мысли, которыя довели ее даже до предположенія о разводѣ.

— Да отчего же, Лизокъ, ну отчего ты можешь быть несчастна! поразился Сергѣй Михайловичъ, не понимая отчего его счастливая, любимая и обезпеченная во всемъ жена можетъ вдругъ чувствовать себя несчастною.

Но ей стыдно было признаться ему въ своихъ нелѣпыхъ мысляхъ, да и теперь, когда онъ былъ тутъ, лаская и утѣшая ее, она и сама не вѣрила больше ни въ какія несчастья. Всѣ эти несчастья и бѣды, созданныя ея разгоряченнымъ воображеніемъ, рушились сами собой при первой его ласкѣ, и ей самой стало смѣшно и совѣстно за свои глупые страхи и слезы. Тогда она

засмѣялась, поцѣловала мужа съ повеселѣвшимъ лицомъ, и миръ былъ заключенъ.

Лизавета Петровна согласилась даже покушать потомъ, и Катя, отличавшаяся невозмутимо-равнодушнымъ лицомъ, снова накрыла для нея въ столовой приборъ и подала ей разогрѣтый супъ и жаркое.

Сергѣй Михайловичъ пошелъ вмѣстѣ съ женой и сидѣлъ все время, что она обѣдала, подливая ей вина и подкладывая кусочки повкуснѣе. Онъ обращался съ нею, какъ съ выздоравливающимъ больнымъ, но въ душѣ его еще оставалось недовольство противъ нея, хотя онъ и боялся выказать его ей даже нечаянно.

Теперь, когда они вышли изъ темной спальни въ свѣтлую столовую и первый порывъ жалости къ ней успокоился въ немъ, ему было досадно, что жена сама вздумала ни съ того, ни съ сего капризничать, а онъ между тѣмъ долженъ ухаживать за ней съ какимъ-то виновато-глупымъ видомъ, точно онъ и дѣйствительно провинился предъ нею въ чемъ-то.

— Ну... такъ что же... тебѣ предлагали на счетъ этого... ужаснаго Самарканда? спросила вдругъ краснѣя Лизавета Петровна.—Я такъ перепугалась, прибавила она краснѣя еще больше,—когда услыхала одно названіе его... что даже не успѣла разспросить тебя, какъ слѣдуетъ...

Ей захотѣлось опять вмѣсто настоящей причины своихъ слезъ выставить эту ложную, въ которую, она знала, что мужъ все равно не вѣритъ. Проще было бы совсѣмъ уже не поднимать этого вопроса, но что-то невольно тянуло ее къ нему и она не могла удержаться, чтобы вновь не завести объ этомъ рѣчи, хотя и знала, что лучше бы не заводить.

Сергѣй Михайловичъ поморщился.

„А впрочемъ, тѣмъ лучше! подумалъ онъ,—пускай сваливаетъ все на Самаркандъ, по крайней мѣрѣ она этимъ сама себѣ закроетъ возможность дѣлать дальнѣйшія сцены“...

— Ну нѣтъ ужь, сказалъ онъ вслухъ, — не будемъ больше никогда объ этомъ говорить... Еслибъ я зналъ, что ты такъ разстроишься изъ-за него, я бы лучше и не упоминалъ о немъ ничего...

— Нѣтъ отчего же... сказала краснѣя опять Лизавета Петровна.

Но такъ какъ въ эту минуту Лизавета Петровна докончила обѣдъ и встала, Сергѣй Михайловичъ тоже всталъ и обнявъ

жену, поцѣловалъ ее въ голову и руку, что̀ дѣлалъ всегда послѣ обѣда, хотя теперь обѣдала она, а не онъ.

„Ну все равно, заодно ужь“... сказалъ онъ себѣ, рѣшивъ всячески ухаживать сегодня за женой, чтобы только укрѣпить въ ней хорошее настроеніе къ завтрашнему дню.

— Не почитать ли тебѣ вслухъ что-нибудь? предложилъ онъ.

Чтеніе вслухъ очень любила Лизавета Петровна и терпѣть не могъ Сергѣй Михайловичъ. Они занимались имъ преимущественно только въ медовый мѣсяцъ, да за время первой беременности Лизаветы Петровны, когда Сергѣй Михайловичъ чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ. Потомъ это пріятное занятіе было почти совсѣмъ заброшено и являлось только въ исключительныхъ случаяхъ.

Лизавета Петровна сейчасъ же согласилась и, вся просвѣтлѣвъ отъ удовольствія, достала работу и сѣла у круглаго столика, на которомъ стояла лампа подъ зеленымъ абажуромъ.

Сергѣй Михайловичъ принесъ изъ своего кабинета новый, только-что полученный журналъ и, вздохнувъ про себя, сѣлъ въ кресло противъ жены.

„Нѣтъ, удивительныя эти женщины“, подумалъ онъ, приписывая, какъ всегда это дѣлаютъ почему-то мужчины, свойства своей жены и всѣмъ другимъ женщинамъ,—„удивительныя! Сами надуряютъ, накапризничаютъ и мы же потомъ еще за ними ухаживай, читай имъ тутъ вслухъ, утѣшай!.. Подумаешь онѣ и дѣйствительно больны были!“

III.

На другой день Сергѣй Михайловичъ проснулся съ непріятнымъ ощущеніемъ. Надо было ѣхать на вокзалъ встрѣчать Клавдію Николаевну и естественнѣе всего было бы конечно привезти ее и ея семью прямо къ себѣ домой. А между тѣмъ Сергѣй Михайловичъ чувствовалъ, что объ этомъ и рѣчи быть не можетъ. По настоящему Лизавета Петровна тоже могла бы поѣхать съ нимъ, встрѣтить такого стараго, близкаго друга его, какъ Клавдія Николаевна. Это было бы очень внимательно и любезно съ ея стороны, но Сергѣй Михайловичъ чувствовалъ, что и объ этомъ рѣчи тоже быть не можетъ и онъ поневолѣ сдѣлался не въ духѣ, а между тѣмъ надо было продолжать разыгрывать роль ухаживающаго супруга, потому что каждое неосторожное

слово или даже взглядъ могли повести къ новой совсѣмъ неудобной и нежелательной предъ пріѣздомъ сценѣ.

Лизавета Петровна еще лежала въ постели, когда, одѣвшись у себя въ кабинетѣ, Сергѣй Михайловичъ вошелъ къ ней проститься.

— Ну, я ѣду Лизокъ, до свиданья! сказалъ онъ подходя къ ней и цѣлуя ея руку.

— Ну до свиданья... сказала Лизавета Петровна. Она кажется тоже была не въ духѣ.—Не опоздай же къ завтраку!.. прибавила она съ легкимъ нетерпѣніемъ.

„Ну вотъ!“ подумалъ раздражаясь внутренно еще больше Сергѣй Михайловичъ. Но вслухъ онъ спросилъ мягко и нерѣшительно:

— Не привезти ли Лизочекъ... Клавдію Николавну... къ намъ сюда... хоть позавтракать... а то знаешь... съ дороги... въ гостинницѣ...

— Ахъ, Боже мой, зачѣмъ же ты мнѣ раньше объ этомъ не сказалъ! воскликнула точно обидѣвшись на что-то Лизавета Петровна,—у меня ничего даже не заказано! Вѣдь нельзя же такъ вдругъ объявлять предъ самымъ завтракомъ! Ты, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ хоть предупредить меня заранѣе, что привезешь ее...

— Ахъ да не привезу я, не привезу, успокойся пожалуста! съ прорвавшимся наконецъ раздраженіемъ перебилъ ее Сергѣй Михайловичъ и поспѣшно, боясь дальнѣйшихъ объясненій, вышелъ изъ комнаты.

„И къ чему, спрашивается, я ей читалъ вчера весь вечеръ, если она даже на такой пустякъ, какъ простой завтракъ, не хочетъ согласиться!“ съ сердцемъ спросилъ онъ себя, выходя съ подъѣзда на улицу.

Онъ сѣлъ на извозчика и по дорогѣ продолжалъ думать на эту тему все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ раздраженіемъ.

„Совсѣмъ какое-то крѣпостное состояніе, въ которое мы всѣ сами, какъ дураки, лѣземъ! Вѣдь не могу же я дѣйствительно прерывать и знакомства, и дружбу съ дорогими мнѣ людьми, только потому что имѣлъ глупость жениться и они не изволятъ, видите ли, нравиться моей супругѣ! И спрашивается, что̀ я за хозяинъ въ собственномъ домѣ, если даже позавтракать, кого хочу, не смѣю пригласить безъ разрѣшенія жены! Совсѣмъ въ наполеонъ какой-то на старости лѣтъ попалъ! А между тѣмъ всѣмъ постороннимъ нарочно въ глаза тычется:—Ахъ, мужъ!

Ахъ, онъ глава! Мужъ такъ любитъ! Мужъ такъ желаетъ! Комедіянки! Говорили бы ужь просто, безъ церемоніи: „мы молъ хотимъ, чтобы наши мужья такъ хотѣли!“ а то—мужъ глава!“

Сергѣю Михайловичу припомнилась его жена еще дѣвушкой, когда вся она была полна робкою, нѣжною покорностью ему, когда бывало по глазамъ старалась ловить его желанія и радостно вспыхивала, когда случалось угодить ему.

„И куда все это дѣвается потомъ изъ нихъ!“

Желанія въ добрыя минуты, положимъ, и теперь еще ловились; и теперь еще жена вскакивала иногда съ мѣста, чтобы подать мужу папиросы или чай; но это уже не была нѣжная покорность влюбленной дѣвушки, это былъ все тотъ же деспотизмъ рабы, которая стала сильнѣе своего господина.

„Сиди, не вставай!“ говорилъ торопливый, повелительный жестъ, которымъ она перехватывала налету намѣреніе мужа:—„Не вставай, не уходи отъ меня ни на минуту, я сама все тебѣ подамъ, все сдѣлаю, только сиди, не отходи отъ меня!..“

И Сергѣй Михайловичъ поневолѣ покорялся и сидѣлъ, предоставляя женѣ подавать себѣ туфли и папиросы, и все больше и больше подчиняясь ея ревнивой, вѣчно точно сторожащей его, какъ ему теперь казалось, любви, которая постепенно, незамѣтно и нѣжно, но все крѣпче и властнѣе окутывала его всего худшимъ изъ деспотизмовъ—деспотизмомъ женской любви.

„Да“, сказалъ онъ раздражаясь еще больше,—„гдѣ все это, гдѣ эти милыя дѣвическія линіи! Растолстѣла, валяется чуть не до двѣнадцати въ постели... и при этомъ еще вѣчное запугиваніе какими-то воображаемыми болѣзнями! Лицемѣрки!“

Сегодня ему даже не было жалко жены, какъ было жалко вчера, когда онъ, пообѣдавъ, вошелъ въ ея темную спальню, гдѣ она молча плакала, лежа на своей постели, и правильно ли, или неправильно, но все-таки же искренно страдала. Сегодня подъ вліяніемъ успѣвшагося раздраженія онъ не вѣрилъ ни ея слезамъ, ни страданіямъ, которыя, какъ ему теперь казалось, придумывались нарочно только для того, чтобы мучить его.

IV.

На вокзалѣ Сергѣй Михайловичъ не долго ждалъ прибытія поѣзда. Когда публика стала выходить изъ вагоновъ, онъ сразу увидѣлъ и узналъ знакомую, высокую фигуру Клавдіи Николаевны въ глубокомъ вдовьемъ траурѣ.

Онъ радостно и взволнованно бросился къ ней на встрѣчу. Она тоже еще издали увидала его, и чуть замѣтно улыбнувшись однѣми губами, пошла къ нему навстрѣчу и протянула ему свою большую, худую руку.

Но въ ту минуту, когда Сергѣй Михайловичъ схватилъ эту руку и крѣпко прижалъ ее къ своимъ губамъ, что-то дрогнуло въ ея печальномъ, всегда казавшемся Сергѣю Михайловичу особенно миломъ лицѣ, и она вдругъ заплакала.

— Дорогая моя... дорогая... сказалъ Сергѣй Михайловичъ, растерянно сжимая ея руки и чувствуя, какъ при видѣ ея слезъ, такихъ рѣдкихъ и новыхъ еще для него, и его собственное горло сжимается какою-то непривычною судорогой.

Онъ хотѣлъ сказать ей что-нибудь объ ея горѣ, о томъ, какъ оно поразило его, хотѣлъ сказать о томъ, что онъ попрежнему преданъ ей и ея семьѣ всею душой, но она слабо махнула ему рукой.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказала она нѣсколько сконфуженно, вытирая свои слезы,—не надо, я сама знаю... гдѣ же дѣти... няня?

Сергѣй Михайловичъ вспомнилъ о дѣтяхъ и увидѣлъ, что они стояли сзади матери съ пожилою, полною нянюшкой.

Они любопытными, веселыми глазами смотрѣли на него и на плачущую мать и старшая, красивая и очень похожая на мать дѣвочка узнала его и улыбнулась ему.

— Ахъ, Маня! воскликнулъ онъ, цѣлуя ея.—Боже мой, какъ выросла! и вдругъ со вздохомъ, самъ не зная для чего, прибавилъ:

— Да, молодое вотъ растетъ, а старое старится!..

Но замѣтивъ, что по успокоившемуся было лицу Клавдіи Николаевны при этихъ словахъ опять скользнула тѣнь, онъ спохватился и торопливо началъ разспрашивать ее о багажѣ.

— А карета? спросила она, улыбнувшись ему такою тихою, печальною улыбкой, что у Сергѣя Михайловича еще больнѣе сжалось за нее сердце. — Вы наняли? Ну и прекрасно, а то съ ребятами по этой погодѣ...

— Все, все готово! сказалъ онъ,—я еще вчера же со службы зашелъ въ знакомую гостиницу и приказалъ приготовить вамъ къ сегодняшнему дню два нумера.

— А вы съ нами? неувѣренно, смотря на него, спросила Клавдія Николаевна, и хотя она ничего больше не прибавила, но Сергѣй Михайловичъ понялъ, какъ тяжело оставаться ей одной въ первую же минуту и что она молча проситъ его ѣхать вмѣстѣ.

— Разумѣется, разумѣется! поспѣшно сказалъ онъ и тутъ же вспомнилъ, что жена просила его не опоздать къ завтраку.

„Ахъ, Господи!“ подумалъ онъ про себя, возмущаясь опять при мысли о своемъ крѣпостничествѣ, которое со вчерашняго дня сталъ чувствовать особенно сильно.—„Но вѣдь не могу же я въ самомъ дѣлѣ бросить такъ женщину! Могутъ завтракать и безъ меня... не большая бѣда!..“

И мысленно махнувъ на все рукой, онъ усадилъ въ карету Клавдію Николаевну и поѣхалъ вслѣдъ за ней на извозчикѣ.

V.

— Какъ же все это случилось, дорогая моя? спросилъ онъ у Клавдіи Николаевны часа черезъ полтора послѣ того, какъ они вернулись съ вокзала и остались, наконецъ, вдвоемъ.

Дѣти завтракали съ няней въ сосѣдней комнатѣ и Клавдія Николаевна нарочно перешла съ нимъ сюда, чтобы побыть немного наединѣ.

— Какъ случилось? машинально повторила она его слова и вмѣсто отвѣта о чемъ-то тяжело задумалась и молча разсматривала свою блѣдную, узкую руку, на пальцѣ которой, другъ подлѣ друга, блестѣли два одинаковыя обручальныя кольца.

— Какъ случилось? повторила она опять и, вздохнувъ, опустила руку.—Я думаю, это всегда болѣе или менѣе одинаково случается... Въ сущности я ждала этого уже почти годъ, съ того самаго дня, когда узнала... что у него эта, ужасная болѣзнь... и все-таки... все-таки, когда это, наконецъ, случилось, мнѣ показалось, что я никогда этого не думала и не ждала... Я думаю, что всегда такъ бываетъ... къ этому нельзя ни привыкнуть, ни приготовиться... Вполнѣ никогда не приготовишься, сказала она уныло и опять подняла свою руку и начала медленно, точно играя, передвигать на исхудавшихъ пальцахъ тускло блестѣвшія кольца.

Она не плакала уже, какъ заплакала въ первую минуту, увидѣвъ того человѣка, который былъ такъ друженъ съ ея покойнымъ мужемъ и который самое ее зналъ когда-то такою счастливою... Лицо ея теперь было почти спокойно и только въ углахъ рта и въ глазахъ закаменѣло какое-то новое, точно глубоко запрятавшееся въ себя скорбное выраженіе. Лицо это,

въ сущности, никогда не было красиво, а теперь, осунувшееся и пожелтѣвшее, оно казалось даже старѣе, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ. Но Сергѣй Михайловичъ всегда любилъ его и всегда находилъ его прекраснымъ тою внутреннею, духовною красотой, которая дается такъ немногимъ.

Онъ молча сидѣлъ противъ нея и машинально смотрѣлъ, какъ она передвигала свои кольца.

Ему захотѣлось знать подробности, чисто фактическія того, какъ „это“ случилось. Хотѣлось знать, какъ болѣлъ, что̀ говорилъ его покойный другъ, сознавалъ ли онъ, что умираетъ и т. д. Но онъ чувствовалъ, что Клавдія Николаевна все равно ихъ не разскажетъ и не потому, чтобъ именно до этого ей было больнѣе всего касаться, а потому, что всѣ эти подробности казались ей не важны. Все ея существо было поглощено однимъ главнымъ—сознаніемъ его смерти и предъ этимъ главнымъ, ужаснымъ фактомъ остальное все стушевывалось и не интересовало ее больше, какъ могло оно интересовать другихъ, тоже близкихъ покойнику, но менѣе ея любившихъ его людей.

— Да, повторила она въ третій разъ,—это всегда одинаково случается, и всегда одинаково застаетъ врасплохъ... и ужаснѣе всего, что всѣ, всѣ должны перенести это, всѣ въ свою очередь должны терять дорогихъ людей... и никого это не минуетъ... рано или поздно... и всѣ безсильны предъ этимъ... Вотъ у меня осталось трое дѣтей... по теоріи вѣроятности, они, конечно, должны пережить меня, но... очень можетъ-быть, что и они родились только для того, чтобъ я потеряла ихъ! И если они завтра же всѣ трое умрутъ... право, я кажется, уже не поражусь больше, чѣмъ тогда... Знаете, на первомъ примѣрѣ близкаго и дорогаго человѣка, какимъ былъ для меня... Дмитрій (она запнулась на его имени, точно ей трудно было его выговорить), это поражаетъ, страшно поражаетъ... а потомъ ужь ничто не поражаетъ, потому что все въ душѣ какъ-то измѣняется... и только думаешь: ну что-жъ, вчера—онъ, завтра—дѣти, потомъ я... или я сначала, а потомъ дѣти... Начинаешь какъ-то сознавать всю непрочность пребыванія здѣсь... начинаешь понимать, что все существуетъ для уничтоженія... и что это законъ, чрезъ который ничто не переступитъ... А раньше, когда былъ счастливъ и когда, главное, никто дорогой еще не умиралъ, это совсѣмъ какъ-то не замѣчалось и не сознавалось... И не думалось даже никогда...

— Да, конечно, это ужасно, сказалъ Сергѣй Михайловичъ, бережно беря ея руку и не зная чѣмъ бы успокоить ее или хоть отвлечь, по крайней мѣрѣ, отъ этихъ тяжелыхъ мыслей.

— Ужасно, сказалъ онъ,—но все-таки же къ чему такая полная безнадежность! Конечно, впечатлѣніе этого несчастья еще слишкомъ остро; я понимаю, что въ васъ все еще болитъ, но, Богъ дастъ, пройдутъ годъ, два, три и, если все будетъ благополучно, вы увидите... вы снова поздоровѣете и тѣломъ, и душой, снова полюбите жизнь и вернетесь къ ней, а главное, главное—опять повѣрите ей! Вѣдь не всегда же одни только страданія и бѣды, не все же смерть!.. Теперь, напротивъ, подлѣ васъ начнутъ распускаться свѣжія, молодыя жизни вашихъ дѣтей и они васъ исцѣлятъ, должны исцѣлить!

Но она печально, не вѣря ему, покачала головой.

— Нѣтъ, сказала она спокойно,—много значитъ также, когда это случается! Я не совсѣмъ точно выразилась, когда сказала, что до него не теряла близкихъ людей... Напротивъ, я въ одинъ годъ, въ промежутокъ какихъ-нибудь четырехъ мѣсяцевъ, потеряла и отца, и сестру. И, помню, также страшно скучала и плакала... Но то было совсѣмъ, совсѣмъ другое! Совсѣмъ не то... что̀ теперь! Тогда я въ минуты самаго страшнаго отчаянія не чувствовала того, что̀ чувствую теперь въ самыя спокойныя минуты! Тогда я инстинктомъ понимала, что это только они ушли, а я осталась, и несмотря на ихъ смерть, и на мое горе, все-таки же буду еще и жить, и радоваться, и любить!.. Но тогда мнѣ было 17 лѣтъ, а теперь 36, и тогда все было впереди, а теперь... все осталось позади... И съ его смертью какъ-то сама собой и для меня порвалась связь съ живою жизнью... Я живу, конечно, двигаюсь, ѣмъ, сплю, занимаюсь съ дѣтьми, словомъ, дѣлаю все то, что̀ дѣлала и при немъ, но теперь... теперь мнѣ все равно, дѣлать все это или не дѣлать, потому что во всемъ этомъ нѣтъ ни радости, ни цѣли, ни смысла даже, того смысла, который былъ во всемъ при немъ... Дѣлаешь такъ, по привычкѣ, и живешь по привычкѣ, а въ сущности... жить или не жить... тоже все равно...

— Нѣтъ, нѣтъ, это пройдетъ! воскликнулъ Сергѣй Михайловичъ, ужасаясь той безпросвѣтности отчаянія и апатіи, которыя развились въ душѣ его бѣднаго друга.—Это не можетъ не пройти! сказалъ онъ съ горячимъ убѣжденіемъ.

Онъ всталъ и началъ взволнованно ходить по комнатѣ, потому

что подъ вліяніемъ ея безнадежныхъ словъ и на него какъ бы пахнуло леденящимъ холодомъ смерти. И онъ сильный и здоровый ужаснулся этой неминуемой перспективѣ, о которой обыкновенно никогда не думалъ, и которая тѣмъ не менѣе ждала и грозила ему откуда-то издали, а можетъ-быть... можетъ-быть даже вблизи... И ему вдругъ стало какъ-то жутко и онъ поспѣшно всталъ. Но вставъ и заходивъ, онъ сейчасъ же почувствовалъ въ себѣ опять новый, успокоивающій приливъ жизни и радостнаго сознанія ея, и какое-то безотчетное удовольствіе отъ своихъ крѣпкихъ, упругихъ и увѣренныхъ шаговъ, которые лучше всего доказывали ему, что онъ еще молодъ, силенъ и здоровъ.

— Тридцать шесть! продолжалъ онъ съ увлеченіемъ, радуясь, что не поддался этому запугивающему сознанію смерти.—Что̀ такое это для человѣка! Мнѣ самому сорокъ, а между тѣмъ я чувствую еще всѣмъ существомъ, что жизнь прекрасна и полна смысла и цѣли во всемъ! Отъ самаго великаго и грознаго до самаго ничтожнаго своего проявленія! Да иначе и быть не могло бы, иначе не было бы смысла и въ самомъ существованіи міра!

— Да, сказала Клавдія Николаевна, какъ-то странно улыбаясь опять однѣми блѣдными губами,—да, конечно, это такъ кажется и должно такъ казаться, потому что иначе человѣчество было бы уже слишкомъ несчастно!.. Но послѣ того, какъ вы встанете лицомъ къ лицу со смертью, это уже перестаетъ такъ казаться и вы невольно утрачиваете вѣру въ осмысленность всего этого, потому что сама смерть прежде всего безмысленна, и не логична, и не справедлива! Потому что она сама дѣйствуетъ точно вопреки всѣмъ законамъ природы, потому что она вырываетъ людей не тогда, когда это было бы нужно и справедливо, а именно безсмысленно и несправедливо, и жестоко; разумная, управляемая свыше, природа не могла бы и не должна бы была такъ дѣйствовать! Но, конечно, до такого сознанія, быть-можетъ и неправильнаго, можно дойти только испытавъ это на своихъ близкихъ примѣрахъ... а отъ этого, конечно, упаси васъ Богъ...

Они оба замолчали. Сергѣй Михайловичъ чувствовалъ, что многое и многое могъ бы возразить на теорію Клавдіи Николаевны, но въ немъ какъ-то пропало оживленіе и желаніе спорить и убѣждать ее.

„Да, конечно, подумалъ онъ,—съ этой стороны она права, понять весь ужасъ смерти можно только потерявъ самаго близ-

каго, дорогаго человѣка; тогда, быть-можетъ, поневолѣ начнешь такъ думать и говорить".

И ему опять стало страшно, но уже не за себя, а за жену и за сына. Вѣдь и покойный Дмитрій Алексѣевичъ былъ еще молодъ и онъ былъ также полонъ этою обманчивою, непрочною жизнью, которая разрушается иногда въ одно мгновеніе! И ни молодость, ни здоровье не спасли его! Болѣзнь все-таки подкралась и унесла его...

Ему вспомнилось, что и у Лизаветы Петровны есть тоже какая-то внутренняя женская болѣзнь, отъ которой она стала лѣчиться послѣ своихъ вторыхъ, неудачныхъ родовъ и въ немъ поднялись страхъ за нея и жалость къ ней опять и горячее раскаяніе за то, какъ онъ осуждалъ ее сегодня утромъ.

Его потянуло домой въ здоровую атмосферу живой жизни, гдѣ не было пока еще ни смерти, ни горя и гдѣ даже самыя непріятности являлись только послѣдствіями все той же живой, бьющей ключемъ жизни.

— Итакъ, дорогая моя, сказалъ онъ подходя и цѣлуя руку Клавдіи Николаевны,—вы мнѣ позволите значитъ заѣхать за вами сегодня послѣ пяти часовъ, чтобы везти васъ къ намъ обѣдать? Жена будетъ такъ рада познакомиться съ вами, прибавилъ онъ стараясь не опустить глазъ,—она такъ давно хочетъ этого.

— Хорошо, сказала просто и спокойно Клавдія Николаевна и встала, чтобы проводить его.

— Хорошо, повторила она и хотя въ ея голосѣ не было при этомъ ничего печальнаго и грустнаго, но Сергѣй Михайловичъ невольно почувствовалъ, что ей дѣйствительно все равно, что̀ ни дѣлать, куда ни ѣхать.

VI.

Хотя Сергѣй Михайловичъ и опоздалъ къ завтраку (который давно уже былъ убранъ со стола), но за то онъ вернулся домой въ такомъ нѣжномъ, искренно-нѣжномъ настроеніи, что холодное, натянутое лицо Лизаветы Петровны поневолѣ смягчилось и она не только не выразила ему, какъ сбиралась, неудовольствія, но даже съ большимъ участіемъ начала разспрашивать его о Клавдіи Николаевнѣ.

Сергѣй Михайловичъ обнялъ жену и прижавъ къ себѣ ея

полный, слегка теплѣвшій подъ мягкими складками пеньюара, станъ, началъ ходить съ ней по кабинету, передавая свои впечатлѣнія.

Впечатлѣнія эти были такъ тяжелы и грустны, что до сихъ поръ на душѣ его осталось еще отъ нихъ что-то жуткое и болѣзненное.

Онъ ощущалъ странную, удивлявшую его самого радость, вернувшись къ себѣ домой, въ эти такъ знакомыя ему, уютныя, устланныя коврами комнаты, гдѣ горничная только-что затопила повсюду, печи и гдѣ, казалось, не было возможности для смерти и уничтоженія.

Ему пріятно было глядѣть послѣ желтаго, исхудалаго лица Клавдіи Николаевны на цвѣтущее, красивое лицо жены, полное жизни и любви къ нему; пріятно было прислушиваться къ долетавшему изъ дѣтской звонкому голосу Сережи, игравшему въ лошадки съ пяннымъ крестникомъ; пріятно было чувствовать подъ своею рукой теплый, мягкій станъ жены.

Во всемъ этомъ, и въ затопленныхъ печахъ, и въ тепломъ станѣ жены, и ея розовомъ лицѣ, и даже въ лошадкахъ Сережи, была все та же радостная, осязательная жизнь, сознавать которую было еще пріятнѣе, послѣ жуткаго страха смерти, нашедшаго на него было подлѣ блѣдной, окаменѣвшей фигуры Клавдіи Николаевны.

— Ахъ, Лизокъ, сказалъ онъ крѣпко цѣлуя жену и радуясь, что она стоитъ подлѣ него такая здоровая, свѣжая, смотря на него веселыми, такъ знакомыми и понятными ему глазами.— Да, Лизокъ, самое ужасное это все-таки же смерть жены или мужа! Знаешь, даже смерть дѣтей какъ-то блѣднѣетъ предъ этимъ. Я объ этомъ какъ-то никогда не думалъ прежде, въ голову просто не приходило... Но сегодня я въ первый разъ понялъ... какъ это ужасно, потерять дорогаго человѣка...

— Ужасно... сказала Лизавета Петровна содрогаясь, и лицо ея вдругъ поблѣднѣло и по немъ пробѣжало выраженіе ужаса и боли.

Они остановились другъ противъ друга и минуту молча, съ растроганнымъ выраженіемъ страха и нѣжности, смотрѣли одинъ на другаго. И оба вдругъ почувствовали какъ они въ сущности дороги другъ другу, и какъ страшно, и мучительно тяжело было бы одному изъ нихъ остаться безъ другаго...

— Ты не будешь больше ревновать меня къ ней? тихо и нѣжно цѣлуя жену, спросилъ Сергѣй Михайловичъ.

— Нѣтъ, сказала она также тихо, но твердо,—не буду... это такъ ужасно... и она крѣпко обняла мужа и прильнувъ головой къ его груди, съ восторгомъ чувствовала, какъ бьется его сердце и какъ онъ весь, живой, любящій и сильный, весь и душой, и тѣломъ принадлежитъ ей, и только одной ей...

VII.

Сергѣй Михайловичъ привезъ Клавдію Николаевну къ половинѣ шестаго, нарочно чтобъ они съ женой имѣли время немного познакомиться другъ съ другомъ, раньше чѣмъ сядутъ за столъ.

Услышавъ ихъ звонокъ Лизавета Петровна вышла въ переднюю на встрѣчу гостьѣ, и по ея нѣсколько смущенному, но улыбающемуся лицу Сергѣй Михайловичъ понялъ, что жена рѣшилась быть вполнѣ любезною.

— Вотъ Лиза, сказалъ онъ (тоже нѣсколько смущенно, потому что чувствовалъ, что представленіе это выходитъ какъ-то фальшиво и натянуто).—Вотъ, позволь тебя познакомить съ самымъ лучшимъ и дорогимъ другомъ моимъ (онъ хотѣлъ сказать „моей молодости“, но подумалъ, что это выйдетъ какъ-то неловко, точно онъ больше уже не признавалъ ея такимъ же другомъ).

— Очень пріятно... сказала съ улыбкой протягивая руку Лизавета Петровна и подумала про себя: „съ самымъ лучшимъ и дорогимъ другомъ!“

Но все-таки любезно повторила опять.

— Очень пріятно!

Дамы пожали другъ другу руки и вошли въ гостиную, гдѣ посреди комнаты стоялъ большой, круглый столъ, освѣщаемый высокою лампой подъ моднымъ, краснымъ абажуромъ, вокругъ котораго были разбросаны мягкія низенькія кресла и золотые стульчики.

— Садитесь пожалуйста... сказала Лизавета Петровна, подвигая гостьѣ одно изъ мягкихъ креселъ.

— Вы вѣроятно очень устали съ дороги?

— Да, очень, сказала односложно Клавдія Николаевна.

Тревожное смущеніе Сергѣя Михайловича успѣвалось. Ему не нравился весь тонъ этой встрѣчи; не нравилась любезная оффиціальная улыбка жены и ея фразы: „очень пріятно“

и „садитесь пожалуста“. Во всемъ этомъ не было ничего сердечнаго, простаго, чего желалъ Сергѣй Михайловичъ. Лизавета Петровна не сдѣлала даже ни одного движенія, чтобъ обнять и поцѣловать свою гостью, что̀ въ сущности было бы самымъ естественнымъ въ подобномъ положеніи и сразу дало бы всему иной тонъ.

А между тѣмъ, придраться было не къ чему, она была очень любезна и предупредительна, сама вышла къ нимъ на встрѣчу и даже подставила Клавдіи Николаевнѣ кресло.

Сергѣй Михайловичъ подавлялъ въ себѣ поднимающееся опять неудовольствіе на жену и только, со своей стороны, старался усиленною внимательностью сгладить эту противную ему и раздражавшую его любезность жены.

Онъ нарочно говорилъ громкимъ голосомъ, смѣялся и шутилъ, съ тѣмъ напускнымъ оживленіемъ, которымъ желалъ смягчить холодный тонъ жены, но искусственность котораго сейчасъ же чувствуется и только хуже еще всѣхъ замораживаетъ.

Лизавета Петровна, между тѣмъ, въ ожиданіи обѣда занимала гостью разными незначительными интересными только для женщинъ разговорами, которые онѣ однѣ умѣютъ вести:—о погодѣ, дѣтяхъ, болѣзняхъ, прислугѣ и т. д., и между прочимъ показывала Клавдіи Николаевнѣ груды лежавшихъ на столѣ альбомовъ.

Клавдія Николаевна отвѣчала на все тоже очень любезно, хотя большею частью односложно. Она вообще бывала неразговорчива съ новыми знакомыми, которые всегда немного какъ бы стѣсняли ее, но сегодня Сергѣй Михайловичъ находилъ, что она говоритъ даже охотнѣе и больше, сравнительно, чѣмъ онъ ожидалъ того по ея теперешнему настроенію.

Теперь она казалась много покойнѣе, чѣмъ была утромъ съ нимъ и даже улыбалась временами и только въ углахъ ея рта и въ выраженіи прекрасныхъ, потухшихъ глазъ чувствовалась все та же странная окаменѣлость и сосредоточенность на одной гнетущей мысли, которая поразила въ ней утромъ Сергѣя Михайловича. Но вдругъ, разсматривая одинъ изъ альбомовъ, она наткнулась на свою карточку, на которой она была снята еще въ первый годъ своего замужества, вмѣстѣ съ покойникомъ мужемъ. Когда она увидѣла ее, лицо ея побѣднѣло еще больше, въ глазахъ мелькнуло выраженіе боли и тоски и она судорожнымъ, рѣзкимъ движеніемъ отдернула руку отъ альбома и быстро захлопнула его.

Сергѣй Михайловичъ тоже невольно вздрогнулъ и смѣшался, поймавъ ея испуганный взглядъ и тотъ нервный жестъ, которымъ она захлопнула альбомъ.

„Ахъ, Боже мой, и къ чему она ей подсунула ихъ... точно нарочно право“... съ неудовольствіемъ на безтактность жены подумалъ онъ.

Но Лизавета Петровна, считавшая своею обязанностью сказать хоть нѣсколько словъ участія, по поводу удара постигшаго Клавдію Николаевну, нашла что это самый удобный моментъ.

— Да, начала она сочувственно, — ужасное несчастіе! Я воображаю, какъ вы были потрясены!

„Ахъ, къ чему она все это говоритъ!“ почти съ ужасомъ подумалъ Сергѣй Михайловичъ, стараясь выраженіемъ глазъ подсказать женѣ, что объ этомъ не слѣдуетъ говорить.

— Да, очень... холодно сказала Клавдія Николаевна и видимо не желая продолжать эту тему, обернулась къ Сергѣю Михайловичу и заговорила съ большимъ оживленіемъ, чѣмъ говорила все время.

— А вашъ мальчикъ? вы мнѣ обѣщали показать его!—Сергѣй Михайловичъ кажется очень нѣжнымъ отцомъ вышелъ? спросила она, обращаясь уже къ Лизаветѣ Петровнѣ.

— Да, ничего... сказала та съ кислою улыбкой и тоже какъ бы чѣмъ-то недовольная.

— Ахъ да, герой мой! гдѣ же въ самомъ дѣлѣ мой герой! громко воскликнулъ Сергѣй Михайловичъ, радуясь, что разговоръ перемѣнился.

— Сейчасъ, сейчасъ мы вамъ его доставимъ! сказалъ онъ и побѣжалъ въ дѣтскую за Сережей.

Когда онъ возвратился съ нимъ, одѣтымъ въ парадную курточку и съ тщательно расчесаннымъ проборомъ на боку, Клавдія Николаевна сейчасъ же привлекла его къ себѣ и съ печальною, задумчивою нѣжностью начала ласкать его.

— Какой онъ худенькій... сказала она, беря его за головку и всматриваясь въ его глаза.

Сережа краснѣлъ и сжался, теребя кренъ на ея рукавахъ, какъ это всегда дѣлаютъ дѣти въ минуты смущенія.

— Ничего! сказалъ весело Сергѣй Михайловичъ,—ничего, это пройдетъ, вотъ выростетъ, морякомъ будетъ! И онъ съ улыбкой взглянулъ на жену, къ которой въ присутствіи Сережи почти всегда чувствовалъ особенную, благодарную нѣжность. Но, взглянувъ на нее, онъ невольно смутился и замолчалъ.

Она смотрѣла на него злыми, насмѣшливыми глазами и съ какимъ-то точно угрожающимъ выраженіемъ на лицѣ.

„О чемъ она опять?..“ съ тоской предъ этими вѣчными сценами послѣднихъ дней подумалъ Сергѣй Михайловичъ и сейчасъ же въ силу тонкой изученности всей ея натуры, образовавшейся въ немъ за эти семь лѣтъ, онъ понялъ причину ея новаго раздраженія.

„А, говорили ея злые, насмѣшливые глаза,—а, такъ она не желаетъ говорить со мной объ этомъ!.. Я не имѣю, видите ли, касаться до святыя святыхъ ея души! Это только вамъ „самому лучшему, дорогому другу“ можно“.

„Ахъ, какъ это несносно, подумалъ, прочитавъ и переведя на слова ея взглядъ Сергѣй Михайловичъ.—Вѣдь была же въ ней и чуткость извѣстная и деликатность. Куда же все это дѣвалось теперь, когда это особенно нужно, съ этою несчастной“...

— Кушать подано! сказала Катя показываясь въ дверяхъ гостиной.

— Пожалуста... сказала Лизавета Петровна, любезно приподнимаясь и уступая гостьѣ дорогу, и слегка, одними кончиками пальцевъ, она дотронулась до таліи Клавдіи Николаевны, какъ это дѣлаютъ иногда женщины съ женщинами, желая выказать особенную любезность; но дотронувшись такъ до Клавдіи Николаевны, она обернулась на мгновеніе къ мужу и лицо ея опять сдѣлалось такимъ же злымъ и раздраженнымъ, какимъ было и за минуту назадъ.

VIII.

— Вы не будете на меня сердиться, если я на эти дни нѣсколько отниму отъ васъ Сергѣя Михайловича? спросила со слабою попыткой на шутку Клавдія Николаевна, прощаясь послѣ обѣда съ Лизаветой Петровной.

Лизавета Петровна вспыхнула и съ растерянным смущеніемъ взглянула на мужа.

— Ахъ пожалуста, отвѣтила она поспѣшно.—пожалуста...

— А то я, право, какъ въ лѣсу, сказала какъ бы оправдываясь Клавдія Николаевна,—нужно и квартиру искать и мебель покупать, а я такъ отстала отъ всего этого, что, право, если Сергѣй Михайловичъ мнѣ немножко не поможетъ, я буду совсѣмъ какъ безъ рукъ...

— Конечно, конечно! сказалъ крѣпко цѣлуя ея руку Сергѣй Михайловичъ,—я завтра же утромъ заѣду къ вамъ, и вы мнѣ поручите все, что̀ надо.

— Пожалуста... сказала Клавдія Николаевна.

Они стояли всѣ въ передней, куда вышли проводить Клавдію Николаевну и, подавая ей ротонду, Сергѣй Михайловичъ мелькомъ увидѣлъ въ зеркалѣ разстроенно улыбающееся лицо жены.

— Пожалуста, пожалуста, я буду очень рада, поспѣшно повторила она, опять поймавъ взглядъ мужа.

На прощанье дамы уже поцѣловались—тѣмъ своеобразнымъ дамскимъ поцѣлуемъ, которымъ обмѣниваются только женщины, прикладываясь щекой къ щекѣ другъ друга и дѣлая какое-то движеніе губами въ воздухъ.

Но все-таки же и это былъ уже шагъ впередъ и проводивъ Клавдію Николаевну, Сергѣй Михайловичъ вернулся въ гостиную и обнялъ жену.

— Ну, какъ она тебѣ понравилась? ласково спросилъ онъ.

Все время и за обѣдомъ и послѣ обѣда Лизавета Петровна была чрезвычайно любезна со своею гостьей, хотя все-таки и безъ малѣйшаго признака на ту сердечность, которой такъ хотѣлось Сергѣю Михайловичу. И потому онъ не хотѣлъ дѣлать ей теперь никакихъ ни замѣчаній, ни упрековъ, чтобы не испортить хуже доброе начало.

— Ничего... равнодушно сказала Лизавета Петровна, — ничего... у нея очень интересное лицо... что-то такое трагическое есть... Мнѣ кажется, она всегда такая была, даже и тогда еще, когда не вдовѣла и была счастлива... Это уже есть такія лица, въ которыхъ всегда точно страданіе какое-то чувствуется...

— Ахъ это вѣрно! это ты удивительно вѣрно опредѣлила! весь оживляясь, воскликнулъ Сергѣй Михайловичъ. Его поразила и та мѣткость, съ которою Лизавета Петровна опредѣлила характеръ лица Клавдіи Николаевны, а главное то безпристрастіе, съ которымъ она сдѣлала это опредѣленіе. Онъ зналъ по опыту, что женщины гораздо охотнѣе говорятъ про другую женщину, что она „хорошенькая“, чѣмъ то, что у нея „интересное“ лицо, въ которомъ чувствуется что-то особенное, отдѣляющее ее отъ другихъ женщинъ.

Это и поразило, и обрадовало его.

— Удивительно мѣтко опредѣлила ты ее, Лизокъ, повторилъ онъ съ удовольствіемъ и даже крѣпко поцѣловалъ жену.

„Ничего, подумалъ онъ про себя, — начало теперь сдѣлано, а послѣ и совсѣмъ все обойдется, можетъ-быть даже друзьями современемъ будутъ!“

Лизавета Петровна не отвѣтила на поцѣлуй мужа, но и не отвернулась отъ него. Выраженіе на ея лицѣ было самое обыкновенное, покойное, но въ душѣ она была совсѣмъ недовольна мужемъ.

И недовольна она была имъ не за то, что онъ признавалъ Клавдію Николаевну „самымъ лучшимъ, дорогимъ другомъ“ и не за то даже, что согласился посвятить ей все это время, а за то, что онъ согласился съ ея опредѣленіемъ физіономіи Клавдіи Николаевны.

Хотя дѣлая это опредѣленіе, Лизавета Петровна и хотѣла блеснуть предъ мужемъ безпристрастіемъ своего мнѣнія, но когда онъ съ такою живостью подхватилъ его, она вдругъ почувствовала себя обиженною.

Ея собственное лицо молодое и красивое, которымъ въ душѣ она была очень довольна, ничуть не было ни трагично, ни романтично; она прекрасно это сознавала и потому ей стало непріятно, что въ лицѣ Клавдіи Николаевны осунувшемся и желтомъ было все это.

Но мужу она ничего не сказала.

— Ну, а какъ же, ты значитъ не пойдешь эти дни на службу? спросила она незначительнымъ тономъ, и какъ бы нарочно для того, чтобы подчеркнуть незначительность своего вопроса, она остановилась на минуту предъ лампой и поправила на ней абажуръ.

— Да... ужь придется... пожертвовать денька два... три... сказалъ осторожно, косясь на жену, Сергѣй Михайловичъ,—тѣмъ болѣе, въ субботу кстати праздникъ, прибавилъ онъ тоже какъ будто равнодушнымъ тономъ,—значитъ всего какой-нибудь день, два, придется пропустить!.. Ну, что жь, этимъ ужь можно пожертвовать въ такомъ крайнемъ случаѣ...

— Да, конечно... холодно согласилась Лизавета Петровна.

„Крайній случай! сказала она себѣ съ негодованіемъ,—что же она умираетъ что ли! А вотъ когда я бывало просила его остаться, такъ онъ небось никогда не оставался! Даже въ мое рожденье, даже когда я больна бываю, даже въ день нашей свадьбы, никогда не соглашается пропустить, тогда сейчасъ же: „помилуй, ma chère, нельзя же изъ-за пустяковъ манкировать...“—А это

не пустяки! тутъ можно манкировать! Ахъ, всѣ они гадкіе, мерзкіе, эти мужчины! Для посторонней женщины изъ кожи рады лѣзть, чтобы только услужить, а для женъ! Ну вотъ еще, очень имъ нужны эти жены!..“

— Не почитать тебѣ, Лизочекъ? предупредительно спросилъ Сергѣй Михайловичъ. Его начинала тревожить, что жена такъ долго молча оправляетъ что-то на абажурѣ.

— Нѣтъ, не надо, сухо сказала она.

„Знаю, я знаю, съ презрѣніемъ подумала она,—это онъ нарочно меня задобрить хочетъ! Не надо мнѣ его чтенія.“

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, Лизочекъ, можетъ-быть почитать? сказалъ онъ съ безпокойствомъ вглядываясь въ хмурое лицо жены.

— Нѣтъ, нѣтъ не надо, у меня голова болитъ, я лучше лягу пойду.

— Ну, какъ хочешь, Лизокъ, а то бы я почиталъ, покорно, боясь больше настаивать, сказалъ Сергѣй Михайловичъ. Онъ замѣтилъ, что жена опять начала почему-то „взвинчиваться“, но на этотъ разъ даже и онъ не могъ угадать причину.

— Ну иди, Лизокъ, сказалъ онъ обнимая ее на прощанье,—а я приду къ тебѣ посидѣть.

Лизавета Петровна очень любила, чтобы мужъ сидѣлъ подлѣ ея постели, съ журналомъ или газетой въ рукахъ, когда она чувствовала себя нездоровою, но на этотъ разъ она даже и отъ этого отказалась.

— Ахъ, да не надо же, сказала она нетерпѣливо,—я тебѣ говорю, что у меня голова разболѣлась, я можетъ-быть засну...

— Ну, какъ хочешь, сказалъ пожимая плечами Сергѣй Михайловичъ, понявъ, что сегодня Лизаветѣ Петровнѣ все равно ничѣмъ не угодишь.

— Иди къ себѣ въ кабинетъ, сказала она мягче,—и занимайся чѣмъ хочешь! И, улыбнувшись мужу на прощанье какою-то блѣдною, видимо принужденною улыбкой, она подставила ему щеку для поцѣлуя и ушла къ себѣ.

„Заниматься въ кабинетѣ“ не всегда разрѣшалось Сергѣю Михайловичу, несмотря на то, что онъ очень любилъ это. Но и Лизавета Петровна въ свою очередь тоже любила сидѣть съ нимъ по вечерамъ. Она говорила, что это единственное время, когда она можетъ пользоваться его обществомъ и потому желала пользоваться имъ вполнѣ. Но кабинетъ мужа ей почему-то не нравился; она находила, что въ спальнѣ у нихъ гораздо уютнѣе,

и потому Сергѣй Михайловичъ долженъ былъ заниматься по вечерамъ на маленькомъ неудобномъ, рабочемъ столикѣ жены, къ чему онъ долго не могъ привыкнуть и къ чему въ концѣ-концовъ все-таки же привыкъ настолько, что давно уже пересталъ протестовать вслухъ.

„Ну, нѣтъ худа безъ добра! подумалъ онъ не безъ удовольствія,—по крайней мѣрѣ проработаю и проведу вечеръ у себя какъ хочу!“

IX.

Первые два дня прошли, сравнительно, благополучно.

Сергѣй Михайловичъ съ утра уѣзжалъ изъ дома, устраивалъ разныя дѣла Клавдіи Николаевны, съ исканіемъ квартиры и покупкой мебели и возвращался домой только къ обѣду, да и то съ опозданіемъ, такъ что обѣдать ему приходилось уже одному.

Лизавета Петровна была довольно спокойна, но Сергѣй Михайловичъ плохо довѣрялъ этому спокойствію, напоминавшему спокойствіе предъ грозой.

Она казалась какъ бы немного похудѣвшею и поблѣднѣвшею за эти дни и жаловалась на боль въ боку. Сережѣ тоже завязали для чего-то горло и объявили его на больномъ положеніи, хотя мальчикъ ни на что не жаловался и имѣлъ вполнѣ здоровый видъ.

Сама же она начала какую-то большую работу по канвѣ для ихъ деревенской церкви и просиживала за ней по цѣлымъ днямъ, что тоже было плохимъ признакомъ.

Сергѣй Михайловичъ не вѣрилъ ни Сережиному горлу, ни больному боку жены; онъ прекрасно понималъ, что все это продолженіе предыдущихъ сценъ, и потому рѣшилъ не поддаваться всѣмъ этимъ маленькимъ женскимъ хитростямъ и не оставлять Клавдію Николаевну одну въ ея хлопотахъ, хотя бы Лизавета Петровна и сама слегла въ постель и уложила бы даже Сережу. Онъ зналъ, что женѣ хочется теперь „страдать“ и потому она будетъ выискивать и придумывать себѣ эти страданія нарочно, а придумавъ, начнетъ искренно вѣрить въ нихъ и воображать себя несчастною женщиной. Но это было обычнымъ явленіемъ всегда, когда она считала себя оскорбленною мужемъ, а потому онъ уже привыкъ къ этому и не обращалъ боль-

шаго вниманія, хотя и старался дѣйствовать осторожнѣе и не подливать масла въ огонь.

— Ну что же, спросила она у него въ концѣ третьяго дня, съ очень замѣтнымъ уже нетерпѣніемъ,—наняли вы, наконецъ, квартиру?

— Нѣтъ еще, сказалъ онъ, предчувствуя, что „гроза“ сейчасъ разразится,—есть двѣ, три на примѣтѣ, но все не вполнѣ подходящія.

Лизавета Петровна немного помолчала. Сергѣй Михайловичъ тоже молчалъ и подготовлялся къ непріятной сценѣ.

— Что же эти поиски и еще недѣлю будутъ можетъ-быть продолжаться? спросила Лизавета Петровна, и лицо ея покрылось красными пятнами.

— Можетъ-быть! сухо сказалъ Сергѣй Михайловичъ. Онъ рѣшился не уступать ей на этотъ разъ и не безъ нѣкоторой внутренней тревоги и колебанія взялъ нарочно сухо-строгій тонъ, который яснѣе показалъ бы женѣ, что онъ не боится ее.

Лизавета Петровна опять немного помолчала, нервно играя вилкой.

— И все время ты и на службу ходить для этого не будешь? спросила она, раздѣляя каждое слово и смотря въ упоръ на мужа.

— И на службу все время ходить не буду! сказалъ, тоже, раздѣляя слова, но несмотря на жену, Сергѣй Михайловичъ.

— А... тихо проговорила Лизавета Петровна и вдругъ рѣзко швырнула отъ себя вилку и выскочила изъ-за стола.

— Ну такъ помни же себѣ это, помни! крикнула она со злобой и со слезами и бросилась въ свою комнату, которая всегда служила ей убѣжищемъ въ этихъ случаяхъ.

— Нечего мнѣ помнить и ничего я помнить не хочу и не буду! раздраженно крикнулъ ей вслѣдъ Сергѣй Михайловичъ.— Да, повторилъ онъ, какъ бы не довольствуясь тѣмъ, что уже сказалъ разъ эти слова,—да-съ, ничего я помнить не желаю и не буду!

На него вдругъ нашло страстное желаніе „возмутиться“. Возмутиться противъ того крѣпостнаго ига, которое добровольно переносилъ онъ вотъ уже семь лѣтъ. До сихъ поръ онъ обыкновенно отваживался на это только въ душѣ, но ему захотѣлось высказать это фактомъ самой женѣ такъ, чтобъ она поняла и почувствовала это. И что онъ и на службу будто бы не пойдетъ все это время, онъ сказалъ только для этого же;

раньше онъ, напротивъ, намѣревался со слѣдующаго же дня отправиться опять въ департаментъ, но когда Лизавета Петровна съ угрожающимъ видомъ спросила его объ томъ, онъ тутъ же рѣшилъ, что дѣйствительно не пойдетъ и нарочно станетъ посвящать Клавдіи Николаевнѣ еще болѣе времени, чтобы показать, наконецъ, что онъ можетъ и будетъ поступать такъ, какъ самъ хочетъ, а не такъ, какъ того требуетъ супруга!

Лизавета Петровна замкнулась въ своей комнатѣ и бросилась на кровать.

— Вотъ я знала, знала это! сказала она себѣ съ отчаяніемъ и съ торжествомъ въ то же время за то, что наперед угадывала все.—Я прекрасно это знала! И не то еще будетъ, не то! рыдая и точно нарочно съ наслажденіемъ бичуя самое себя, говорила она. И въ воображеніи ея замелькали опять длинный рядъ ссоръ, разводъ, процессъ и женитьба Сергѣя Михайловича на Клавдіи Николаевнѣ и т. д.

— Развѣ не ясно, что онъ влюбленъ въ нее! Развѣ я не видѣла тогда, какъ онъ смотрѣлъ на нее, какъ ловилъ и предупреждалъ каждое ея желаніе, каждый взглядъ! Да и она тоже, навѣрное тоже влюблена, иначе зачѣмъ было ей придумывать всю эту исторію съ переѣздомъ, да и теперь, этотъ наемъ квартиры, покупка мебели, все это, все нарочно, чтобы только держать его подлѣ себя! Ну и пусть, пусть... что же... я уйду... оставлю его, пускай... пускай.

Но при этой ужасной мысли, что она уйдетъ и разойдется съ мужемъ, чтобы не мѣшать его новой любви, ее охватила такая растроганная жалость къ себѣ и умиленіе предъ собственнымъ великодушнымъ поступкомъ и страданіями, что она еще больше расплакалась. Она мысленно представляла себѣ дальнѣйшія картины своего несчастія и счастія Сергѣя Михайловича и Клавдіи Николаевны, и картины эти все больше охватывали ее сознаніемъ своего глубокаго, безконечнаго благородства и великодушія, того благородства, на которое способны только женщины, и картины эти все больше и больше умиляли ее.

Она даже видѣла то лицо, какое будетъ у Сергѣя Михайловича въ то время, когда она скажетъ ему:

— Я вижу, Сергѣй, что ты любишь Клавдію Николаевну! Конечно, это страшное горе для меня, самое страшное, какое только было и будетъ въ моей жизни... Но... но я не хочу чтобы ты страдалъ изъ-за меня... Пускай лучше страдаю я, женщина;

мы на это созданы! Я не хочу держать тебя насильно! Нѣтъ, я слишкомъ люблю тебя для этого! Бери разводъ и женись на ней... и будь счастливъ! будь счастливѣе чѣмъ былъ со мной!.. А я... я не буду мѣшать тебѣ... я уйду...

Они будутъ стоять во время этого разговора въ его кабинетѣ, въ этой противной комнатѣ, которую она всегда ненавидѣла и которая всегда отнимала его у нея. Въ ней онъ всегда дѣлался для нея чужимъ и въ ней же они станутъ чужими и навсегда уже... У нея будетъ исхудалое, страдающее, блѣдное лицо (гораздо болѣе блѣдное и худое, чѣмъ теперь у Клавдіи Николаевны) и, говоря это, она едва будетъ держаться на ногахъ. Но все-таки же изъ гордости соберетъ послѣднія силы и не заплачетъ.

— Да, скажетъ она,—я уйду... будь счастливъ съ ней...

Но тутъ уже самъ Сергѣй Михайловичъ, рыдая, бросится предъ ней на колѣни и станетъ молить ее, чтобъ она не уходила и не оставляла его! Но... она уже не повѣритъ ему, не повѣритъ ни его любви, ни мольбамъ.

— Нѣтъ, скажетъ она твердо,—ты самъ не знаешь, чего просишь теперь! Это говоритъ въ тебѣ только минутное раскаяніе и жалость ко мнѣ, но я не хочу твоей жалости послѣ того, какъ ты такъ любилъ меня! Нѣтъ, я уйду, я знаю, что съ ней ты будешь счастливѣе... Начинай разводъ, я все беру на себя, потому что для меня теперь все равно не можетъ быть уже ни радости, ни счастья, ни любви, ни даже жизни!.. Да я знаю, что скоро умру! Я чувствую какъ болитъ моя бѣдная грудь и знаю, что это смерть... Помнишь, что говорилъ тебѣ докторъ послѣ моего воспаленія въ легкихъ! И вотъ это настало! Но я не боюсь, я съ радостью иду на встрѣчу смерти... Она дастъ мнѣ больше счастья, чѣмъ дала жизнь... Да я умру, я знаю, что умру...

Но тутъ жалость къ себѣ опять съ такою силой охватывала Лизавету Петровну, что она снова начинала рыдать.

— Да, мы оба уйдемъ и оба умремъ, и я, и Сережа... пусть ничто не напоминаетъ тебѣ о насъ и о томъ, что твое счастіе построено на нашемъ горѣ и смерти даже... Или нѣтъ, пусть лучше Сережа не умираетъ, а напротивъ, остается тутъ съ ними и всегда служитъ имъ живымъ укоромъ и напоминаетъ Сергѣю Михайловичу о томъ, какая прекрасная, благородная и любящая женщина умерла изъ-за него.

— Нѣтъ, пусть Сережа не умираетъ и тогда она скажетъ:— Мнѣ ничего уже не надо! Я скоро уйду туда, откуда никто

не приходитъ (нѣтъ этого тоже не надо лучше говорить, а то звучитъ какъ-то вульгарно и избито); лучше такъ сказать: я скоро уйду туда, гдѣ нѣтъ ни горя, ни страданій, ни земной, преступной любви и гдѣ Господь за все наградитъ меня... Но тебѣ останется нашъ Сережа!.. Люби его и научи его помнить и любить свою несчастную мать, которая умерла оттого, что слишкомъ любила его отца... и оттого, что была слишкомъ благородна для этой жизни, полной обмана и порока... Нѣтъ, этого тоже лучше не говорить, это само собой подразумѣвается...

И вотъ она умретъ—и Сергѣй Михайловичъ останется одинъ, и тоска по ней и раскаяніе такъ станутъ грызть его, что новая любовь покажется ему преступною и отвратительною, и онъ вырветъ ее изъ своего сердца, и не только никогда не женится и не влюбится опять, но всю жизнь будетъ страдать и тосковать, не находя ни въ чемъ себѣ больше ни радости, ни утѣшенія... И даже подъ конецъ поступитъ въ монастырь!

Тогда онъ уже будетъ сѣдымъ, всегда печальнымъ старикомъ, а Сережа станетъ красивымъ, милымъ, похожимъ на нее, юношей. И онъ призоветъ его, и скажетъ ему:

— Сынъ мой! Я не умѣлъ уберечь то прекрасное, нѣжное сокровище, которое Господь послалъ мнѣ въ лицѣ твоей святой матери! Но я собралъ всѣ свои силы, чтобы превозмочь свои страданія и воспитать тебя, потому что безъ нея и безъ отца ты былъ бы уже слишкомъ одинокимъ и безпомощнымъ. Но теперь я болѣе не нуженъ тебѣ и потому я могу осуществить мою давнишнюю мечту, которая явилась во мнѣ въ день смерти твоей матери. Я ухожу отъ этого міра, гдѣ съ ея потерей потеряна для меня всякая радость! Тамъ, въ монастырѣ, гдѣ ничто не будетъ мѣшать мнѣ думать и молиться о ней, я буду ближе къ ней! Тебѣ же я могу оставить только ея портретъ и ты по немъ уже видишь, какая это была чистая и прекрасная женщина! Она походила на нѣжный, весенній цвѣтокъ, который убиваетъ первый морозъ! Пусть же ея изображеніе всегда будетъ для тебя святыней; научи и своихъ дѣтей благоговѣть предъ ея памятью, какъ я научилъ этому тебя!

И онъ поступитъ въ монастырь, а Сережа повѣситъ ея портретъ предъ своею постелью и будетъ благоговѣть предъ ея памятью. А Клавдія Николаевна, еще гораздо раньше, выйдетъ замужъ за богатаго купца и Сергѣй Михайловичъ самъ убѣдится тогда, какъ ошибся въ ней и какая эта въ сущности была

черствая и ничтожная женщина. Тогда онъ убѣдится, что всѣ эти теперешнія ея страданія были просто напускными и фальшивыми, которыя она выдумывала нарочно для того только, чтобы казаться загадочнѣе и интереснѣе предъ этими дураками мужчинами, которые ничего не понимаютъ!

X.

Прошло однако часа полтора, два, а Сергѣй Михайловичъ все еще не приходилъ къ Лизаветѣ Петровнѣ, какъ приходилъ всегда въ этихъ случаяхъ.

Ей надоѣло сидѣть въ своей комнатѣ и плакать и хотѣлось, чтобы мужъ скорѣе пришелъ къ ней и уговорилъ ея не сердиться и выйти отсюда. Можетъ-быть онъ даже опять почитаетъ ей.

Ее безпокоило только немножко отчего все такъ тихо! Она прислушалась. Изъ кабинета не доносилось ни шаговъ, ни знакомаго кашля, ни шелеста переворачиваемыхъ страницъ. Изъ гостиной въ щель двери тоже не падало узенькой полоски свѣта. Очевидно тамъ было совсѣмъ темно.

— Что же это значитъ? съ неудовольствіемъ подумала Лизавета Петровна.

Ей наскучило строить въ воображеніи всѣ эти картины, которыя только что умиляли ее, а теперь начали казаться глупыми и нелѣпыми; отъ темноты же и слезъ ей хотѣлось спать, а спать было рано и подождавъ еще нѣсколько минутъ она потеряла наконецъ терпѣніе и вышла сама.

Въ гостиной, дѣйствительно, было темно и въ кабинетѣ тоже. Лизавета Петровна подумала, не заснулъ ли у себя на оттоманкѣ Сергѣй Михайловичъ и на цыпочкахъ, осторожно, чтобы не разбудить его, прошла туда.

Но кабинетъ былъ пустъ и на оттоманкѣ Сергѣя Михайловича не было.

— Да гдѣ жь онъ! Катя, Катя! закричала Лизавета Петровна, не зная, что думать. Обыкновенно Сергѣй Михайловичъ если уѣзжалъ по вечерамъ, то всегда заранѣе предупреждалъ и заходилъ непремѣнно проститься.

Катя пришла.

— Катя, гдѣ баринъ? съ безпокойствомъ, начиная и сама уже угадывать „гдѣ“, спросила ее Лизавета Петровна.

— Не знаю-съ! съ обычнымъ равнодушіемъ сказала Катя.

— Какъ не знаешь! да дома онъ или нѣтъ?

— Нѣтъ, ушли-съ, надѣли пальто и ушли!

— А, вотъ какъ! И давно онъ ушелъ?

— Да сейчасъ же послѣ обѣда; какъ покушали, такъ надѣли пальто и ушли.

— Ну хорошо, хорошо, можешь тоже идти! съ нетерпѣніемъ сказала Лизавета Петровна, которой вдругъ стало противно равнодушное, курносое лицо Кати.

Лизавета Петровна поняла, что Сергѣй Михайловичъ рѣшилъ „возмутиться!“ Она вспомнила, какъ онъ крикнулъ ей вслѣдъ, что ничего онъ помнить не желаетъ и не будетъ и догадалась, что онъ и ушелъ (конечно опять къ своей Клавдіи Николаевнѣ) только для того, чтобы показать ей, что не намѣренъ больше обращать на нее вниманія.

— Ну хорошо, хорошо, если такъ! сказала она опять сама съ собой и глаза ея опять блеснули угрозой ему. Ей захотѣлось взять и поѣхать сейчасъ тоже къ этой самой Клавдіи Николаевнѣ и накрыть тамъ мужа. Войти тихонько, сразу и сказать:

— А вы здѣсь! Я такъ и знала это, знала!

Но мысль эта сейчасъ же стала ей самой противна:

— Я не кухарка! сказала она съ брезгливою гримасой. — Но и оставаться тоже дома одной, въ этихъ темныхъ, пустыхъ комнатахъ, когда Сергѣй Михайловичъ на зло ей уѣхалъ—она тоже не хотѣла и придумывала какъ бы ей въ свою очередь наказать и уязвить его.

Вдругъ она вспомнила, что сегодня четвергъ, пріемный день ея старшей сестры, у которой всегда собиралось большое общество.

— Ну, такъ хорошо же! сказала она съ торжествомъ,—и я тоже поѣду и тоже нарочно, на зло ему, цѣлый вечеръ буду кокетничать со всѣми и особенно съ этимъ противнымъ Верлинымъ!

Верлинъ былъ молодой человѣкъ, давно уже слегка ухаживавшій за Лизаветой Петровной, котораго Сергѣй Михайловичъ терпѣть не могъ. Она видалась съ нимъ только у сестры и всегда, зная антипатію къ нему и къ его ухаживанію за ней мужа, обыкновенно очень снисходительнаго на этотъ счетъ, старалась держаться подальше отъ своего развязнаго поклонника. Но сегодня она, наоборотъ, рѣшила одѣться какъ можно болѣе къ лицу и все время кокетничать съ нимъ. Она велѣла Катѣ подать

себѣ новое, очень шедшее къ ней платье розоваго сукна съ золотымъ стеклярусомъ и зажечь предъ зеркаломъ всѣ свѣчи.

Когда она, наконецъ, завилась, причесалась и одѣлась, на что ушло больше часу, она съ удовольствіемъ взглянула на отраженіе своей красивой, въ мѣру полной, гладко обтянутой сукномъ фигуры и на свое разгорѣвшееся съ нервно блестящими глазами лицо и улыбнулась.

— Ну хорошо же! сказала она еще разъ мысленно мужу.

XI.

Лизавета Петровна вернулась домой только въ три часа; Сергѣй Михайловичъ давно спалъ.

Она отпустила Катю и тихонько, вся еще возбужденная отъ того нервнаго оживленія, въ которомъ провела вечеръ, вошла въ спальню и начала осторожно раздѣваться.

Теперь, когда она осталась одна со спящимъ мужемъ, въ этой такъ знакомой ей спальнѣ, полуосвѣщенной лампадой, она почувствовала себя провинившеюся, хотя еще часъ тому назадъ, въ ярко освѣщенныхъ комнатахъ сестры, среди смѣха и говора она чувствовала себя только хорошенькою женщиной, желающею немножко наказать и проучить своего виноватаго мужа.

Весь вечеръ она, какъ и хотѣла, кокетничала съ Верилиным, который, пріятно пораженный ея неожиданною любезностью, не отходилъ отъ нея и говорилъ ей тѣ невинныя по словамъ, но дурныя по затаенному смыслу ихъ вещи, которыя говорятъ нѣкоторыя мущины (не склонные по натурѣ къ уваженію женщины) тѣмъ хорошенькимъ женщинамъ, за которыми ухаживаютъ не безъ нѣкоторой надежды.

— Боже мой... сказала, снимая на ночь серьги и вспомнивая нѣкоторыя слова Верилина, Лизавета Петровна,—Боже мой, зачѣмъ онъ говорилъ мнѣ это, и зачѣмъ я, главное, слушала его.

Ей стало стыдно, когда она вспомнила какое было при этомъ лицо у Верилина и особенно выраженіе его глазъ, которые онъ не сводилъ съ маленькаго вырѣза ея корсажа. Она даже покраснѣла въ темнотѣ. Теперь ей было стыдно за то, что она позволила ему „такъ“ смотрѣть на себя и „такъ“ говорить съ собой, но тогда чѣмъ хуже онъ смотрѣлъ и чѣмъ циничнѣе говорилъ съ ней, тѣмъ больше она радовалась, потому что тѣмъ сильнѣе, ей казалось, она мститъ этимъ мужу.

Она чувствовала, что гадкіе глаза Верилина не только ласкаютъ взглядомъ ея шею, руки, грудь, но мысленно точно раздѣваютъ и разсматриваютъ ее, начиная съ этого голаго мѣстечка, подлѣ шеи, которое она инстинктивно, невольнымъ наклоненіемъ головы старалась закрыть отъ него.

Но когда она вспоминала, что Сергѣй Михайловичъ тоже сидитъ теперь у Клавдіи Николаевны и что она изъ-за него проплакала цѣлые два часа въ темной комнатѣ, а онъ даже не зашелъ къ ней проститься, она снова раздражалась и говорила себѣ:

— Пусть, пусть смотритъ, тѣмъ хуже ему (мужу)—пусть!

И снова поднимала голову и съ улыбкой выдерживала дерзкіе ласкающіе взгляды Верилина, хотя чѣмъ больше она улыбалась ему и чѣмъ смѣлѣе позволяла разсматривать себя, тѣмъ больше ненавидѣла его и тѣмъ противнѣе и гадливѣе казались ей эти глаза его. и его ротъ, и улыбка, и вся его фигура. Она почти съ ужасомъ вспомнила теперь, что пригласила его бывать у нихъ и даже просила его обѣдать къ себѣ въ это воскресенье. Нѣтъ, я пошлю ему записку, придумала она, что заболѣла или что-нибудь въ этомъ родѣ, но что только мы никакъ не можемъ принять его! Ахъ, Боже мой, Боже мой, и зачѣмъ я его приглашала!

Осторожно, боясь разбудить мужа, на котораго ей совѣстно было бы глядѣть, легла подлѣ него на свою постель Лизавета Петровна и тихонько, не смѣя двигаться, лежала съ открытыми глазами и горячими пятнами на лицѣ. Ей казалось, что все въ ней загрязнено нечистыми взглядами и прикосновеніями Верилина и хотѣлось плакать и просить у мужа прощенья.

Сергѣй Михайловичъ сдѣлалъ легкое движеніе во снѣ и открылъ глаза.

— А, ты ужь вернулась... сказалъ онъ машинально, увидѣвъ жену и закрылъ глаза, собираясь опять заснуть.

Но Лизавета Петровна, услышавъ его голосъ, почувствовала приливъ такого раскаянія, что не выдержала и вдругъ заплакала.

— Сережа... сказала она,—Сережа...

— Господи, чего тебѣ! съ нетерпѣніемъ спросилъ Сергѣй Михайловичъ, догадавшись по голосу жены, что она опять плачетъ.

— Чего тебѣ опять! сердито повторилъ онъ, невольно раздражаясь противъ жены, которая даже ночью не могла удержаться отъ сценъ.

— Сережа, сказала Лизавета Михайловна всхлипывая,—зачѣмъ ты уѣхалъ опять къ ней... зачѣмъ... и даже проститься не зашелъ...

— Господи, что̀ же это за наказанье! воскликнулъ Сергѣй Михайловичъ,—ни днемъ, ни ночью покою нѣтъ! Чего тебѣ надо отъ меня наконецъ! Чего ты мучаешь меня каждый часъ!

Сергѣй Михайловичъ вскочилъ и сѣлъ на постели, почти съ ненавистью смотря на плачущую жену.

Лизавета Петровна увидѣла, что онъ трясется отъ злости и перестала плакать, съ изумленіемъ слушая его дрожащій отъ волненія голосъ и не узнавала, и не вѣрила, что это голосъ ея мужа.

— Чего тебѣ, чего тебѣ! повторялъ онъ озлобленно.

— А такъ! вскрикнула она тоже съ негодованіемъ и мгновенно раскаяніе и сознаніе вины предъ нимъ смѣнилось снова злостью противъ него и страстнымъ желаніемъ мести.

— Такъ! вскрикнула она тоже вскакивая и тоже съ ненавистью смотря на него,—такъ ты безсовѣстный, безсовѣстный, безсовѣстный! Ты бѣгаешь къ своей любовницѣ и утѣшаешь ее въ какомъ-то небываломъ горѣ, которое вы оба нарочно придумали, чтобъ обманывать меня! такъ и я также, также буду! И я тоже была сегодня у Нади и видѣла тамъ Верилина, котораго ты ненавидишь, и говорила съ нимъ, и кокетничала, и онъ смотрѣлъ на меня и цѣловалъ мои руки и говорилъ мнѣ... И пусть смотритъ, пусть цѣлуетъ; пусть, пусть, пусть и я еще его любовницей тоже сдѣлаюсь, нарочно на зло тебѣ, чтобы ты не обманывалъ меня, я тоже буду обманывать тебя и издѣваться надъ тобой, какъ ты теперь надо мной! Слышишь, буду, буду, буду!

— Молчи! крикнулъ въ бѣшенствѣ Сергѣй Михайловичъ,—молчи!.. Онъ вскочилъ съ постели и ему захотѣлось избить своими руками эту женщину, которая вдругъ стала ему отвратительна и ненавистна...

Но онъ опомнился и страшнымъ усиліемъ воли сдержалъ себя. Онъ вспомнилъ, что эта ненавистная женщина—его собственная жена, его Лиза...

Но успокоиться совсѣмъ онъ не могъ,—она что-то кричала ему и при одномъ взглядѣ на ея изступленное, чужое, гадкое ему теперь лицо, ненависть снова охватывала и душила его и ему снова хотѣлось броситься на нее...

Тогда, чтобы не видѣть и не слышать ея, онъ схватилъ свое одѣяло и подушку и бросился къ себѣ въ кабинетъ.

Онъ смутно помнилъ потомъ, что она тоже кинулась за нимъ и схватила его за руки, но онъ грубо оттолкнулъ ее и захлопнулъ дверь...

XII.

Когда Сергѣй Михайловичъ очнулся, онъ уже лежалъ у себя на диванѣ и его била страшная, нервная лихорадка.

Ему казалось, что между тѣмъ мгновеніемъ, что онъ очутился здѣсь на оттоманкѣ и тѣмъ, что сейчасъ очнулся, прошло больше часу и все это время онъ былъ въ какомъ-то тяжеломъ забытьѣ.

Лобъ его былъ мокръ отъ холоднаго пота и зубы нервно стучали.

— Боже мой... сказалъ онъ съ трудомъ проводя холодною рукой по своему мокрому лбу, — Боже мой, что же это такое! что же это наконецъ!..

Ему припомнилась вся безобразная сцена между нимъ и женой, и чувство мучительнаго стыда и тоски поднялось въ немъ. За всю свою жизнь онъ не помнилъ въ себѣ такого страшнаго, все помутившаго въ немъ бѣшенства и такой мучительной ненависти къ кому-нибудь.

И вдругъ эту ненависть, это бѣшенство, возбудила въ немъ его собственная жена, которую онъ такъ любилъ и которая когда-то поднимала въ душѣ его самыя лучшія и благородныя чувства.

Ему мучительно было вспомнить, что онъ чуть не ударилъ ее, а между тѣмъ онъ сознавалъ и теперь, что ворвись она опять сейчасъ съ этимъ искаженнымъ лицомъ и тѣми отвратительными словами, которыя она кричала ему тамъ — чувства ненависти и бѣшенства опять поднялись бы въ немъ и онъ можетъ-быть... ударилъ бы ее...

— Но что же теперь дѣлать, что дѣлать! спрашивалъ онъ самого себя, съ ужасомъ думая о томъ, какъ они завтра встрѣтятся и взглянутъ другъ на друга.—„Любовница!“ вспомнилъ онъ съ отвращеніемъ. Да, неужели же она сама не понимаетъ, какъ это нелѣпо и пошло! И еслибъ онъ хоть на одну іоту чувствовалъ бы себя дѣйствительно влюбленнымъ въ Клавдію Николаевну, еслибъ она даже просто, какъ женщина, хоть сколько-

нибудь нравилась бы ему! Онъ дѣйствительно очень любилъ и уважалъ ее, но какъ дорогую ему сестру и любовь эта ни на каплю не мѣшала его любви къ женѣ, которую и сравнивать даже было нельзя.

— Но что же теперь дѣлать!.. Не поддаваться, не уступать? Но вѣдь можно не поддаваться и не уступать, когда подобная блажь не выходитъ изъ предѣла обыкновеннаго женскаго каприза, на который можно не обращать вниманія. Но когда женщина доходитъ до какого-то умопзступленія въ подобномъ капризѣ, тогда уже нельзя со спокойною совѣстью не обращать на это вниманія, потому что никогда не знаешь, чѣмъ это можетъ кончиться! Тутъ грозитъ опасность уже не семейному спокойствію, а чему-то гораздо большему! Если она сойдетъ съ ума и натворитъ съ собой чего-нибудь, или дѣйствительно бросптся со злости на шею этого Верплина, то тутъ уже не покой, а цѣлая жизнь и его, и ея, и ихъ ребенка будутъ исковерканы и испорчены навсегда. А кто можетъ поручиться, до чего можетъ дойти обезумѣвшая отъ ревности женщина!

— Боже мой, уѣхать бы что ли отсюда куда-нибудь! подумалъ Сергѣй Михайловичъ и вспомнилъ вдругъ о предложеніи взять мѣсто въ Самаркандѣ.

— Ну что же, сказалъ онъ себѣ—и это все-таки же лучше, чѣмъ такой адъ.

— Поѣду завтра къ Надеждѣ Петровнѣ, рѣшилъ онъ,—пусть поговоритъ, все-таки же старшая сестра и притомъ женщина съ женщиной всегда лучше сговорятъ... авось повліяетъ и образумитъ...

Сергѣй Михайловичъ заснулъ совсѣмъ ужь на разсвѣтѣ, и заснулъ тяжелымъ сномъ, въ которомъ дѣйствительность перепутывалась съ сновидѣніемъ и казалась еще хуже и безвыходнѣе. Но рано утромъ кто-то разбудилъ его. Сергѣй Михайловичъ открылъ глаза и съ удивленіемъ увидѣлъ Лизавету Петровну. Она стояла на колѣняхъ предъ его оттоманкой и плакала, спрятавъ голову въ его подушкахъ.

— Прости меня Сережа... говорила она, — я гадкая, низкая женщина... я виновата... но я не могу... я не могу...

Въ окно чуть брезжилъ слабый свѣтъ зимняго утра, и въ первую минуту Сергѣй Михайловичъ никакъ не могъ понять, почему жена стоитъ предъ нимъ на колѣняхъ и плачетъ, прося

въ чемъ-то простить его, а самъ онъ лежитъ не у себя въ спальнѣ, какъ привыкъ, а въ кабинетѣ на оттоманкѣ.

Ему мелькнула страшная мысль, не случилось ли какого-нибудь несчастія съ ними, или Сережей и онъ инстинктивно привсталъ и потянулся, пробуя не болитъ ли у него что-нибудь... Но въ эту минуту онъ вспомнилъ сразу всю ночную сцену и понялъ, почему плачетъ жена и проситъ простить ее.

— Прости меня, говорила она всхлипывая, я не буду... больше ревновать... я сама не знаю, что̀ со мной дѣлается... но я не могу... не могу... не сердись милый... я буду сдерживать... себя...

— Полно, Лизочекъ, полно... сказалъ онъ сконфуженно, и снова ему стало мучительно стыдно за ночное воспоминаніе и за то главное, что онъ чуть не ударилъ ее. И теперь ему было даже еще непріятнѣе и совѣстнѣе, потому что она сама же первая пришла къ нему и со слезами молила простить ее. И вмѣсто ненависти, въ душѣ его проснулась глубокая жалость и нѣжность къ ней, какъ къ большому больному ребенку. Онъ нѣжно ласкалъ и успокаивалъ ее; но ему все еще стыдно было смотрѣть на нее, и ей тоже вѣрно было еще стыдно, потому что она прятала на его груди свое заплаканное лицо и цѣловала его, несмотря на него.

— Полно, Лизочекъ, полно... сказалъ онъ опять, и поднявъ ее съ колѣнъ, заботливо окуталъ одѣяломъ ея босыя, озябшія ноги и старался согрѣть ее, видя, что она вся дрожитъ.

Онъ не зналъ, что̀ сказать ей, но ея искреннее раскаяніе и мольбы о прощеніи такъ трогали его, что ему становилось все стыднѣе за себя и все жальче ея. Онъ молча ласкалъ ее, прислушиваясь съ какимъ-то смущенно-виноватымъ чувствомъ къ ея лепету и всхлипываніямъ, напоминавшимъ жалкія всхлипыванія обиженнаго ребенка; онъ поражался, какъ могъ онъ, хотя бы на минуту, такъ сильно возненавидѣть ее, ее которая была въ сущности только продолженіемъ его же самого... И онъ внутренно упрекалъ и обвинялъ себя, давая себѣ слово быть впередъ терпѣливѣе и ласковѣе съ ней, и щадить насколько только возможно ея болѣзненную ревность, въ которой, какъ онъ убѣдился теперь, она не была даже виновата...

XIII.

Супруги помирились, но весь день испытывали другъ предъ другомъ какое-то странное не случавшееся послѣ прежнихъ ссоръ—чувство неловкости и стыда. Они были особенно внимательны и нѣжны одинъ къ другому и всячески старались загладить безобразное впечатлѣніе этой ночи, но въ то же время не могли не сознавать, что подобныя впечатлѣнія изглаживаются не часами, а мѣсяцами и даже годами...

Они избѣгали оставаться вдвоемъ и избѣгали встрѣчаться взглядами, потому что встрѣтившись, невольно краснѣли и спѣшили отвести глаза въ сторону; но въ то же время давно уже Сергѣй Михайловичъ не былъ такъ предупредительно нѣженъ къ женѣ и давно уже не была Лизавета Петровна такъ деликатно-застѣнчиво покорна мужу, какъ сегодня.

Они напоминали другъ другу время ихъ жениховства, только безъ той радостной, полной иллюзій и надеждъ влюбленности, какая была тогда.

Сергѣй Михайловичъ даже не пошелъ къ Клавдіи Николаевнѣ, хотя идти туда было необходимо тѣмъ болѣе, что младшая дѣвочка ея вчера что-то сильно расхворалась и напугала мать.

Онъ не пошелъ, хотя идти туда сегодня было бы безопаснѣе и покойнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, потому что Лизавета Петровна не только не сдѣлала бы сегодня за это сцены, но быть-можетъ сама предложила бы это. Но онъ чувствовалъ себя виноватымъ предъ женой и потому хотѣлъ быть вполнѣ деликатнымъ и великодушнымъ.

Лизаветѣ Петровнѣ дѣйствительно нѣсколько разъ хотѣлось сказать мужу, чтобъ онъ шелъ, но она тоже не рѣшалась произнести наболѣвшаго у нихъ обоихъ имени Клавдіи Николаевны и задѣть тѣмъ опять больное мѣсто.

Къ обѣду пришелъ одинъ знакомый, бывавшій у нихъ довольно рѣдко и ему обрадовался не только Сергѣй Михайловичъ, но и Лизавета Петровна. Она удержала его и послѣ обѣда, когда тотъ собрался было уходить.

— Нѣтъ, пожалуста, останьтесь, сказала она ему.—Вы у насъ такъ рѣдко бываете и мужъ вамъ всегда такъ радъ. Я не буду вамъ мѣшать, я буду сидѣть у себя, а вы съ нимъ идите въ кабинетъ, я вамъ и чай туда пришлю...

И она такъ привѣтливо смотрѣла на гостя, что тотъ поневолѣ согласился и остался.

Сергѣй Михайловичъ съ благодарностью улыбнулся женѣ и поцѣловалъ ея руку.

Онъ радъ былъ, что ему не нужно сидѣть вечеръ вдвоемъ съ женой, какъ онъ на то уже рѣшился, и не потому былъ радъ, что ему казалось это скучно и непріятно, какъ это казалось иногда, когда онъ долженъ былъ продѣлывать это насилуя себя, а все по той же неловкости, которую ощущалъ наединѣ съ нею съ сегодняшняго утра.

Въ одиннадцатомъ часу знакомый ушелъ, а Сергѣй Михайловичъ собрался было заняться немного своими бумагами, какъ вдругъ принесли записку отъ Клавдіи Николаевны.

Онъ былъ въ эту минуту, какъ разъ въ комнатѣ жены и Катя при ней подала ему ее.

— Что, что? тревожно, вся краснѣя, спросила Лизавета Петровна, замѣтившая, какъ по прочтеніи этой записки лицо Сергѣя Михайловича стало озабоченно.

— Катя... младшая дѣвочка ея... очень заболѣла... немного смущенно сказалъ онъ, нерѣшительно протягивая записку женѣ.

— Вотъ на прочти...

Лизавета Петровна задрожавшими руками взяла записку и быстро прочла про себя.

„Ради Бога, если возможно, пріѣзжайте сейчасъ же. Катѣ очень плохо. Я не знаю адресса ни одного порядочнаго доктора, а этотъ ничего, кажется, не понимаетъ. Пожалуста пріѣзжайте, простите, что я васъ все мучаю, но вы знаете сами, кромѣ васъ мнѣ не къ кому обратиться.. К. С.“

Лизавета Петровна прочла и лицо ея изъ робкаго, нѣжнаго и покорнаго, какимъ было весь день, стало взволнованнымъ и безпокойнымъ.

— Ты... поѣдешь? спросила она запинаясь.

— Конечно! сказалъ Сергѣй Михайловичъ и съ тревожною тоской подумалъ про себя:—вотъ сейчасъ... сейчасъ опять начнется... а можетъ-быть сегодня не будетъ...

— Нельзя же такъ оставить... сказалъ онъ мягко, какъ можно мягче.

Лизавета Петровна, работавшая что-то по канвѣ, молча

продергивала толстую шерстинку въ ушко иголки, но руки ея такъ дрожали, что шерстинка прыгала и не вдѣвалась.

„Боже мой, Боже мой...“ съ безпокойствомъ слѣдя за ея дрожащими руками, подумалъ Сергѣй Михайловичъ.

Онъ видѣлъ, что она борется между поднявшеюся опять ревностью и желаніемъ быть великодушною и деликатною.

„Не надо только и мнѣ раздражаться“, подумалъ Сергѣй Михайловичъ, предчувствуя, что ревность поборетъ въ женѣ великодушіе;—„буду терпѣливѣе... вѣдь она же невинновата... вѣдь это же взрослый ребенокъ...“ говорилъ онъ самому себѣ, повторяя всѣ тѣ аргументы, которыми оправдывалъ жену утромъ, но которые теперь казались ему почему-то уже не такими убѣдительными.

— А если... если у дѣвочки что-нибудь... заразительное? спросила, не глядя на мужа, Лизавета Петровна.

— Ну что-жь, тогда я не войду. Она въ другой комнатѣ, я только привезу доктора и уѣду...

Они опять оба замолчали и Лизавета Петровна продернула, наконецъ, свою шерстинку, но все лицо ея пошло красными пятнами. Сергѣю Михайловичу хотѣлось ѣхать скорѣе. Онъ понималъ, что въ такомъ положеніи каждый часъ дорогъ для бѣдной Клавдіи Николаевны, но у него не хватало духа разомъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій, проститься съ женой и уѣхать, и онъ продолжалъ молча ходить по комнатѣ и уговаривать себя не раздражаться и быть терпѣливѣе.

— Ну поѣзжай... сказала, наконецъ, тяжело дыша Лизавета Петровна.

Сергѣй Михайловичъ этого не ожидалъ и съ обрадованною благодарностью поднялъ голову и взглянулъ на жену. Но она вдругъ отбросила работу и лицо ея снова стало злымъ и непріятнымъ ему.

— Поѣзжай, поѣзжай, заговорила она зазвенѣвшимъ голосомъ,—только я нахожу, что это безсовѣстно съ ея стороны звать тебя къ себѣ, когда у нея въ домѣ можетъ быть дифтеритъ! Она должна бы была помнить, что у тебя есть свой ребенокъ и что ты женатый человѣкъ и не можешь рисковать изъ-за ея приказаній.

— Лиза! воскликнулъ съ упрекомъ Сергѣй Михайловичъ,—Лиза, опять?!

Но Лизавета Петровна забыла уже и свое раскаяніе, и обѣщаніе не ревновать и желаніе быть великодушною.

— Да, да, опять, опять! закричала она съ ненавистью,— и всегда будетъ это опять, потому что я ненавижу ее, ненавижу!..

— Лиза! воскликнулъ снова уже съ отчаяніемъ Сергѣй Михайловичъ, понявъ окончательно, что вся утренняя сцена и обѣщаніе все-таки ни къ чему не привели; но Лизавета Петровна не слушала и не хотѣла уже слушать его.

— Да, да, ненавижу и не хочу чтобы меня обманывали, и это безчестно и безсовѣстно звать къ себѣ женатаго человѣка, когда у нея дифтеритъ, и ты будешь убійцей собственнаго ребенка: но тебѣ это все равно, ты можетъ-быть только того и хочешь, потому что ты ни о комъ не помнишь и не думаешь, кромѣ нея, и ты также безчестенъ, какъ и она!..

— Нѣтъ, это чортъ знаетъ что̀ такое! воскликнулъ, тоже забывая свое желаніе быть терпѣливымъ и сдержаннымъ, Сергѣй Михайловичъ, и выбѣжавъ въ переднюю, схватилъ свое пальто и такъ хлопнулъ дверью, что все въ домѣ задрожало.

XIV.

„Къ чему, къ чему я все это говорила?“ съ ужасомъ сказала самой себѣ Лизавета Петровна, когда услышала, что входная дверь за мужемъ захлопнулась и онъ уѣхалъ.

И ей стало страшно и жалко, что она снова добровольно разрушила ихъ прекрасное примиреніе, послѣ котораго они нѣсколько часовъ подъ рядъ такъ были нѣжны другъ къ другу и такъ любили одинъ другаго! А теперь опять все испорчено и, быть-можетъ, даже уже непоправимо.

— Ну и пускай! сказала она, не желая слушать того внутренняго голоса, который подсказывалъ ей, что такимъ путемъ она только хуже оттолкнетъ отъ себя мужа и, быть-можетъ, дѣйствительно потеряетъ его.

Она сознавала все это и все-таки же не могла и даже не хотѣла сдерживать себя.

Лизавета Петровна долго ходила по темной гостиной и то благоразумно успокоивала себя, увѣряя, что въ сущности ничего нѣтъ и ревновать не изъ-за чего, то забывая благоразуміе, снова возбуждала самую себя противъ мужа.

Часа черезъ два посыльный изъ гостиницы принесъ ей записку, въ которой Сергѣй Михайловичъ писалъ, что у дѣвочки оказалось воспаленіе въ легкихъ, заразительнаго ничего нѣтъ, но что сама Клавдія Николаевна такъ плоха, что онъ не рѣшается оставить одну, а потому вернется домой поздно и проситъ не ждать его и постелить ему въ кабинетѣ.

— А! вотъ какъ, вотъ какъ, даже ужь въ кабинетѣ! Ну хорошо же, хорошо! сказала со слезами Лизавета Петровна.

XV.

Вернувшись домой Сергѣй Михайловичъ былъ очень доволенъ, что жена исполнила его просьбу и не дожидалась его, какъ онъ того боялся. До утра онъ думалъ заснуть и, набравшись свѣжихъ силъ, успокоиться снова и не поддаваться такъ легко раздраженію. Онъ вовсе не хотѣлъ ссориться опять съ женой и упрекалъ себя за то, что не сдержался-таки предъ своимъ уходомъ. Напротивъ, онъ надѣялся, что несмотря на послѣднюю вспышку, подъ вліяніемъ новой бѣды, постигшей несчастную Клавдію Николаевну, жена сама смягчится и ему удастся убѣдить ее выказать, со своей стороны, хоть какое-нибудь участіе къ его бѣдному другу.

У него составился проектъ взять на это время двухъ остальныхъ здоровыхъ дѣтей Клавдіи Николаевны къ себѣ, потому что въ гостиницѣ они только мѣшали трудно больной дѣвочкѣ. Но, понятно, безъ разрѣшенія Лизаветы Петровны онъ даже не рѣшился предложить это Клавдіи Николаевнѣ.

— Завтра я съ Лизой переговорю... и Богъ дастъ, мы это устроимъ... Главное – надо быть какъ можно ласковѣе; лаской съ ней въ сущности всего можно добиться... жаль только, что я не выдержалъ сегодня характера... это, пожалуй, теперь немножко помѣшаетъ... ну да авось какъ-нибудь устроится... но какъ все это тяжело, какъ тяжело.

„Да тяжела ты шапка Мономаха!“ подумалъ онъ, невольно вздыхая и стараясь поудобнѣе примоститься на своемъ жесткомъ диванѣ, на которомъ ему съ непривычки казалось очень неловко.

Но когда на утро онъ вошелъ къ женѣ, она вдругъ вскочила и такъ отбросилась отъ него въ сторону, что Сергѣй Михайловичъ невольно остановился въ дверяхъ.

— Уйдите, уйдите, уйдите! задыхающимся голосомъ закричала Лизавета Петровна и замахала на него руками.

„Что съ ней“? съ удивленіемъ подумалъ Сергѣй Михайловичъ.

— Уйдите, уйдите, я вамъ говорю! опять закричала она, вся трясясь отъ волненія и еще сильнѣе замахала на него руками.

Сергѣй Михайловичъ съ недоумѣніемъ пожалъ плечами и вышелъ.

„На вы ужь пошло! плохо дѣло!“ подумалъ онъ, вспоминая взбѣшенное лицо жены и ея задыхающійся голосъ.

— Да ужь тутъ, конечно, никакія разумныя объясненія невозможны! сказалъ онъ себѣ и ему еще въ первый разъ за все это время стало непріятно, что Клавдія Николаевна пріѣхала и нарушила весь его семейный покой, и снова его потянуло уѣхать куда-нибудь подальше.

— Нѣтъ, безъ Надежды Петровны видно не обойдешься! Ну поѣду, рѣшилъ онъ,—авось хоть она какъ-нибудь урезонитъ!

XVI.

Надежда Петровна была замужемъ за очень богатымъ человѣкомъ; она была хорошенькая, немного полная, женщина, больше всего на свѣтѣ любившая ѣздить за границу и шить новыя платья.

Она съ участіемъ и удивленіемъ выслушала разсказъ Сергѣя Михайловича и охотно согласилась переговорить съ сестрой.

— Это удивительно! сказала она съ недоумѣніемъ,—она всегда была такая благоразумная.

— Да вотъ поди же! сказалъ Сергѣй Михайловичъ, пожимая плечами,—самъ не понимаю что съ ней сдѣлалось, никогда этого не было! И вѣдь, главное, было бы изъ-за чего ревновать-то.

Надежда Петровна велѣла закладывать карету и приготовить себѣ другое платье.

Когда Надежда Петровна пріѣхала къ сестрѣ, Лизавета Петровна сразу догадалась, что Сергѣй Михайловичъ просилъ ее быть посредницей между ними и помирить ихъ, и сразу же сказала себѣ, что оба они, и Сергѣй Михайловичъ и Надежда Петровна, очень въ этомъ ошибутся.

Она сухо поздоровалась съ сестрой и рѣшила дать почувствовать, что она совсѣмъ напрасно вмѣшивается въ это дѣло.

Надежда Петровна немножко смутилась сухимъ пріемомъ и

нѣсколько минутъ проговорила о постороннихъ вещахъ, придумывая, какъ бы удобнѣе начать щекотливый разговоръ.

— А меня, Лиза, Сергѣй Михайловичъ приглашалъ къ тебѣ! начала она, наконецъ.

— Я это прекрасно знаю! насмѣшливо сказала Лизавета Петровна.

Надежда Петровна удивилась.

— Развѣ онъ тебѣ уже говорилъ? спросила она, думая, что супруги уже и безъ нея успѣли какъ-нибудь помириться.

— Ничего онъ мнѣ не говорилъ, я сама знаю! Всѣ, всѣ они всегда такъ, надѣлаютъ подлостей, а потомъ забѣгаютъ подслуживаться къ роднымъ! Всѣ! съ презрѣніемъ къ мужчинамъ вообще, которыхъ всѣмъ ненавидѣла въ эту минуту, сказала Лизавета Петровна.

Но Надежда Петровна къ мужчинамъ ненависти пока не чувствовала и не понимала въ чемъ тутъ подлость.

— Да какія же тутъ подлости? Я не знаю... сказала она.

— Да, ты не знаешь, но я-то знаю! Онъ нарочно забѣжалъ къ тебѣ впередъ, разсказалъ, что я безумная и несносная женщина, разцѣловалъ у тебя ручки и упросилъ тебя быть „ангеломъ примирителемъ!“ А ты сейчасъ же растаяла и вообразила, что онъ правъ и несчастенъ, а я кругомъ виновата и только мучаю его страдальца!

— Совсѣмъ я не растаявала и ничего не воображала! обидчиво сказала Надежда Петровна,—но только, конечно, если...

— Ахъ не говори, не говори! раздраженно воскликнула Лизавета Петровна,—ну что ты мнѣ скажешь?! Что? что я дурю? что я все это просто выдумала? что никакой измѣны нѣтъ? и т. д., т. д.! Да я сама все это безъ тебя знаю!..

— Такъ о чемъ же ты тогда! удивилась Надежда Петровна.

— Ахъ оставь пожалуйста, „о чемъ же?“ передразнила Лизавета Петровна сестру, которая въ эту минуту положительно была ей противна и своимъ посредничествомъ, и новымъ шурчащимъ платьемъ и своимъ краснымъ, недоумѣвающимъ лицомъ.

— О чемъ! да развѣ измѣна важна! Да еслибъ онъ этою нашею Катей что ли... вздумалъ въ одинъ прекрасный день увлечься ну... ну и все тамъ такое, да ей-Богу, я ни одной минуты не волновалась бы и не мучилась! просто отказала бы ей сейчасъ же, а его, конечно, распекла бы, но только такъ, изъ принципа больше! А тутъ? тутъ совсѣмъ другое, тутъ хуже чѣмъ простая измѣна или

минутное увлеченіе! Тутъ у меня его всего, понимаешь, всего отнимаютъ! Съ тѣхъ поръ какъ она пріѣхала, я для него на третій планъ сошла; у него чрезъ пять словъ на шестое ея имя на языкѣ: она его въ три дня такъ своему вліянію подчинила, какъ я въ три года не могла! Ты послушай, какимъ тономъ, съ тѣхъ поръ какъ она тутъ, онъ со мной разговаривать началъ! Я слова о ней сказать не смѣю, онъ сейчасъ же въ благородное негодованіе приходитъ: какъ я, моими глупыми, нечистыми устами смѣю касаться такой святой „страдающей“ женщины!

Говоря это, Лизавета Петровна взволнованно ходила по комнатѣ, радуясь, что нашелся, наконецъ, слушатель, предъ которымъ она могла излить всю свою желчь и досаду, а Надежда Петровна сидѣла и молчала, не зная что̀ сказать на все это.

Надежда Петровна вообще не умѣла вести долгихъ разговоровъ. Она умѣла носить свои платья и шляпы, умѣла эффектно войти въ гостиную и прелестно улыбнуться, умѣла перебрасываться коротенькими фразами о бенефисахъ и первыхъ представленіяхъ въ Михайловскомъ театрѣ, но говорить помногу и подолгу положительно и не умѣла и не любила.

Но все-таки она сознавала, что должна сказать что-нибудь, потому что обѣщала это Сергѣю Михайловичу.

— Я право не знаю, заговорила она, пользуясь минутною паузой сестры,—что̀ тебя все это такъ волнуетъ! Это такъ естественно... пріѣхала старая знакомая...

— А я не хочу никакихъ старыхъ знакомыхъ! воскликнула Лизавета Петровна.—знаю я этихъ старыхъ знакомыхъ!

— Да какъ же такъ если онѣ у него уже были! изумилась Надежда Петровна.

— Какое мнѣ дѣло, что они прежде были! Я не хочу, чтобъ они теперь были! Для меня все въ немъ одномъ, для меня нѣтъ никакихъ знакомыхъ...

— Какъ нѣтъ?

— Да, нѣтъ! потому что если я выѣзжаю иногда и знакомлюсь, то только для него, потому что онъ этого хочетъ, а еслибъ онъ этого не хотѣлъ, такъ мнѣ бы самой ничего не надо было! Я всю жизнь могу провести только съ нимъ и съ Сережей, и еслибъ онъ потребовалъ этого, то я сейчасъ же, безо всякаго колебанія и сожалѣнія, откажусь не только отъ одной какой-нибудь знакомой, но даже и отъ всѣхъ! И потому я и отъ него имѣю право требовать того же!

— Да, но какъ же все-таки такъ, совсѣмъ вдругъ безъ знакомыхъ! окончательно переставая понимать сестру, сказала Надежда Петровна.

Лизавета Петровна сама почувствовала, что зашла, кажется, уже слишкомъ далеко и на минуту замолчала.

— Я и не говорю, чтобы совсѣмъ безъ знакомыхъ... сказала она запинаясь,—но я только не хочу, чтобъ эти знакомыя дѣлались для него ближе и дороже жены... Я не хочу, чтобъ изъза нихъ онъ пренебрегалъ мной...

Надежда Петровна опять немножко помолчала, стараясь добросовѣстно припомнить всѣ тѣ аргументы, которые приводилъ ей Сергѣй Михайловичъ въ свое оправданіе, и съ большею убѣдительностью повторить ихъ, въ свою очередь, сестрѣ.

— Пренебрегаетъ! сказала она пожимая плечами, — мы всѣ знаемъ, какъ онъ тебя любитъ (это тоже была одна изъ фразъ сказанныхъ ей Сергѣемъ Михайловичемъ)... но это такъ естественно, пріѣхала старая знакомая, одна, въ такомъ ужасномъ положеніи, съ дѣтьми, никого знакомыхъ, онъ имъ всѣмъ обязанъ, натурально желаетъ отблагодарить... И теперь къ тому же еще этотъ ребенокъ опять заболѣлъ...

— Да, да вотъ еще этотъ ребенокъ! быстро воскликнула Лизавета Петровна, обрадовавшись, что вспомнила еще одно, совсѣмъ было упущенное ею, обвиненіе противъ мужа.

— Этотъ ребенокъ! Да развѣ это не подлость, не безчестно и съ его и съ ея стороны! Проводить ночи возлѣ дифтеритнаго ребенка, когда у него свой есть и такой слабый, такой болѣзненный къ тому же!

— Какъ дифтеритъ? развѣ тамъ дифтеритъ? съ тревогой спросила Надежда Петровна.

— Конечно, дифтеритъ!

— Да какъ же, вѣдь онъ мнѣ, кажется, говорилъ, что у дѣвочки крупозное воспаленіе въ легкихъ!

— Ахъ онъ все лжетъ! конечно, дифтеритъ, навѣрное дифтеритъ!

— Это странно! съ неудовольствіемъ сказала Надежда Петровна, начиная не на шутку трусить,—зачѣмъ же онъ мнѣ говорилъ, что просто воспаленіе...

— Ахъ, да какъ же ты этого не понимаешь! Конечно для того, чтобъ его меньше обвиняли за то, что онъ рискуетъ заразить собственнаго ребенка!

Надежда Петровна положительно начинала сожалѣть, что впуталась въ эту исторію. И дифтеритъ, и такое непріятное настроеніе у сестры и Бризакъ ее теперь напрасно ждетъ! Пожалуй такъ и платье ко вторнику не поспѣетъ! Но все же она чувствовала, что совсѣмъ не успѣла въ своемъ обѣщаніи „урезонить“ сестру и потому со слабою надеждой на успѣхъ рѣшила сдѣлать послѣднюю попытку.

— Конечно, сказала она съ безпокойствомъ взглянувъ мелькомъ на часы,—конечно, это очень непріятно, если дифтеритъ и я про это ничего не могу сказать... Но въ отношеніи всего другаго... мнѣ кажется ты напрасно такъ безпокоишься... я увѣрена, что тутъ ничего нѣтъ подозрительнаго, опаснаго... и потомъ, право милая, всѣ ужь мужья одинаковы... мой Ѳедоръ Николаевичъ...

Но Лизавета Петровна съ раздраженіемъ перебила ее.

— Ахъ пожалуста не говори мнѣ о своемъ Ѳедорѣ Николаевичѣ, твой Ѳедоръ Николаевичъ накуралеситъ, накуралеситъ. а потомъ подаритъ тебѣ новую карету или брилліантовую брошь, ты и успокоишься!

— Что же, ты хочешь сказать, что онъ меня подкупаетъ этимъ что ли! обиженно спросила Надежда Петровна.

— Ничего я не хочу сказать; только ты же сама двадцать разъ говорила, что тебѣ всегда очень выгодно бываетъ, когда твой Ѳедоръ Николаевичъ ухаживаетъ за кѣмъ-нибудь, потому что тогда онъ и къ тебѣ гораздо щедрѣе и любезнѣе становится! Не ты ли, помнишь, говорила, что онъ тебѣ позволилъ въ прошломъ году всю зиму въ Парижѣ прожить только потому, что самъ ухаживалъ тутъ въ это время за какою-то Эрмой Жюльенъ; а когда въ позапрошломъ году ты больна даже была и всѣ доктора тебя на воды посылали, такъ онъ тебѣ ни копѣйки не далъ и сказалъ, что все это глупости, потому что самъ тогда ни за кѣмъ не ухаживалъ! Развѣ ты сама этого не говорила?

— Ну, что жь, говорила, со слезами почти призналась Надежда Петровна,—но съ твоей стороны очень дурно... что ты мнѣ теперь говоришь объ этомъ... и въ такой формѣ...

— А мой мужъ, продолжала Лизавета Петровна, не обращая никакого вниманія на оскорбленный видъ сестры,—мой мужъ не имѣетъ средствъ откупаться отъ меня такимъ образомъ, да еслибъ и имѣлъ, такъ я все равно не позволила бы этого, потому что мнѣ онъ самъ нуженъ, а не его брилліанты и заграницы!..

— Нѣтъ... ты сегодня въ такомъ настроеніи, сказала поднимаясь и окончательно обидѣвшись Надежда Петровна,—что я лучше уѣду... и я очень сожалѣю, что послушалась Сергѣя Михайловича и пріѣхала... чтобы наслушаться оскорбленій.

— Конечно, тебѣ не его слѣдовало бы слушать, а меня. Кажется ты *мнѣ* вѣдь сестра, а не ему и онъ нарочно, я увѣрена, все это придумалъ, чтобы поссорить насъ! Онъ воображаетъ, что такимъ путемъ всѣхъ на свою сторону переведетъ! О я его знаю, отлично знаю! съ желчнымъ торжествомъ воскликнула Лизавета Петровна, которая въ эту минуту готова была надѣлить мужа всѣми пороками и только радоваться тому, что ихъ у него такъ много.

— Вѣдь я-то ужь его достаточно знаю! злорадно повторила она.

Но въ эту минуту вошелъ самъ Сергѣй Михайловичъ.

Увидѣвъ его, Надежда Петровна сдѣлала еще болѣе оскорбленное лицо, а Лизавета Петровна опять какъ и утромъ поспѣшно отшатнулась отъ него въ сторону, какъ отъ чего-то ужаснаго.

Сергѣй Михайловичъ вторично за этотъ день поздоровался съ Надеждой Петровной. По ея оскорбленному виду онъ понялъ, что ея вмѣшательство ничуть не помогло и не урезонило жену. Да онъ въ сущности мало и надѣялся на это, а обратился къ ней только потому, что Надежда Петровна была здѣсь единственная родственница жены и что вообще сестры жили дружно.

Но на всякій случай, если визитъ Надежды Петровны подѣйствовалъ, то онъ думалъ, что при ней легче будетъ примириться съ женой и уговорить ее взять на это время дѣтей Клавдіи Николаевны, и нарочно вернулся со службы пораньше.

— Вотъ я говорила съ Лизой, сказала ему обиженно Надежда Петровна,—но она осталась на своемъ и вдобавокъ заподозрѣла меня въ самыхъ ужасныхъ вещахъ...

„Не приревновала ли ужь и къ этой?“ мелькнуло въ головѣ Сергѣя Михайловича, который всегда съ особеннымъ удовольствіемъ цѣловалъ ручки своей хорошенькой невѣстки.

— Очень сожалѣю, очень сожалѣю... машинально сказалъ онъ, не зная еще и самъ, какого тона ему теперь держаться.

— Да, продолжала Надежда Петровна все съ тѣмъ же обиженнымъ видомъ,—она сказала, что мужъ подкупаетъ меня заграницей и брилліантовыми брошками...

— Брилліантовыми брошками? спросилъ Сергѣй Михайловичъ, ничего не понимая.

— Да, брилліантовыми брошками и каретами!

„О чемъ онѣ? ничего не понимаю!“ думалъ совсѣмъ сбитый съ толку Сергѣй Михайловичъ.

Онъ видѣлъ только, что вмѣсто умиротворенія устроилъ кажется только дамскую ссору и вдобавокъ самъ еще въ нее попался.

Но тутъ заговорила сама Лизавета Петровна.

— Потому что я васъ попросила бы никого въ это дѣло не вмѣшивать и не забѣгать къ моимъ роднымъ съ жалобами на меня! и она окинула мужа грозно-презрительнымъ взглядомъ.

„Ахъ Боже мой, когда же все это кончится!“ съ тоской опять подумалъ Сергѣй Михайловичъ.

— Ни къ кому я не забѣгалъ и не жаловался! сказалъ онъ, помня свое намѣреніе взять дѣтей Клавдіи Николаевны и потому стараясь говорить мягче.

— Нѣтъ жаловались! жаловались! И я не хочу, чтобы вы лѣлали меня басней всего города! Если вы лѣлаете подлости, то не сваливайте, по крайней мѣрѣ, своей вины на другихъ! Нечего прикидываться волкомъ въ овечьей шкурѣ!

— Скажи на милость, Лиза, чего ты хочешь, наконецъ! рѣшительно спросилъ Сергѣй Михайловичъ, чувствуя, что опять поневолѣ начинаетъ раздражаться

— Чего я хочу! сказала Лизавета Петровна и мгновеніе помолчала, точно обдумывая, чего же она въ самомъ дѣлѣ хочетъ.

— Я хочу развода! сказала она рѣшительно.

— Боже мой! воскликнула съ ужасомъ Надежда Петровна.

— Что за чушь! нетерпѣливо сказалъ Сергѣй Михайловичъ.

— Нѣтъ не чушь, а я хочу и требую развода! еще тверже повторила Лизавета Петровна.

„Боже мой, неужели же, неужели разводъ!“ подумала она, ужасаясь сама своимъ словамъ. Еще за минуту она не только не хотѣла развода, но даже и сама не ожидала, что произнесетъ это ужасное слово. Но разъ произнеся его, она уже не хотѣла отрекаться отъ него и не желала, чтобъ его принимали за какую-то глупую шутку.

„Вѣдь вотъ, вотъ, я говорила, вѣдь говорила, припомнила она про себя,—что эта женщина добьется-таки того, чтобы развести насъ, вотъ такъ и вышло, такъ и вышло по моему!“

— Да, повторила она опять какъ можно тверже, чтобы мужъ

ни на одну минуту не могъ бы подумать, что она говоритъ это только „такъ“.—Да, я требую развода!

Сергѣй Михайловичъ пожалъ плечами и усмѣхнулся, какъ усмѣхаются взрослые на наивный капризъ ребенка.

— Поди-ка ко мнѣ герой! сказалъ онъ сыну, увидѣвъ, что маленькій Сережа заглядываетъ въ гостиную изъ дверей столовой.

Сережа подбѣжалъ къ отцу и, обхвативъ его шею рученками, любопытными глазами осматривалъ большихъ; но Лизавета Петровна вдругъ стремительно бросилась къ нему и, оттолкнувъ мальчика отъ отца, крѣпко прижала его къ себѣ, точно защищая отъ чего-то.

— Не смѣйте прикасаться къ нему! закричала она,—не смѣйте, вы его заразите! Или быть-можетъ вы нарочно и дѣлаете это, чтобы заразить его! Уйди, Сережа, уйди и скажи, чтобы тебя всего вымыли и переодѣли и не смѣй всю эту недѣлю подходить къ отцу!

— Хоть бы ты ребенка-то не вмѣшивала! съ укоромъ сказалъ Сергѣй Михайловичъ.

— Нѣтъ буду, буду вмѣшивать, пускай знаетъ, какой у него отецъ! Пускай всѣ знаютъ.

— Уйди Сережа! разсерженно крикнулъ Сергѣй Михайловичъ мальчику, который все еще не шелъ и смѣющимися, лукавыми глазками смотрѣлъ то на мать, то на отца, которые ссорились и забавляли его этою ссорой.

Сергѣй Михайловичъ самъ взялъ его за руку и выведя его въ столовую, крѣпко заперъ за нимъ дверь. Онъ зналъ по многимъ опытамъ, что когда женщина начинаетъ говорить: „пусть не слѣдуетъ, пусть захвораю, пусть умру, а все-таки же сдѣлаю по своему!“ то тутъ уже невозможны никакіе разумные доводы, потому что, вопреки всякой очевидности, все-таки она сдѣлаетъ по своему на зло всѣмъ и всему.

„Ахъ, Боже мой, я положительно опоздаю къ Бризакъ!“ подумала Надежда Петровна, съ безпокойствомъ вынимая свои маленькіе модные часики и убѣждаясь, что уже шестой часъ.—„Но все же я поѣду, можетъ-быть мы выберемъ еще что-нибудь при огнѣ для вечера... пусть ихъ ссорятся, это такъ непріятно, никогда больше не буду слушаться этого противнаго Сергѣя Михайловича.“

— Ну я поѣду! сказала она, поднимаясь и улыбаясь по привычкѣ тою обворожительною улыбкой, которая такъ красила ее.

Сестры сухо простились, а Сергѣй Михайловичъ вышелъ въ переднюю проводить невѣстку.

— Простите, ради Бога, что такъ подвелъ васъ, сказалъ онъ, цѣлуя ея унизанную брилліантами и бирюзой ручку,—я думалъ, что она постѣснится хоть при васъ...

— Ничего, ничего... что̀ дѣлать... нѣтъ ли тутъ... особенной причины... не... беременна ли она, краснѣя и конфузясь сама отъ своего вопроса, спросила Надежда Петровна.

— Никакихъ причинъ, просто дурь какая-то нашла!

— А то это бываетъ... иногда, въ такихъ случаяхъ... Ну до свиданія... желаю вамъ помириться...

И давъ еще разъ поцѣловать свою хорошенькую ручку, Надежда Петровна поспѣшно вышла на лѣстницу.

— Къ Бризакъ! да скорѣе какъ можно! сказала она своему кучеру.—Положительно не понимаю, зачѣмъ я ѣздила! Теперь только платье изъ-за этого навѣрное ко вторнику не поспѣетъ! съ раздраженіемъ подумала она, садясь въ карету.

Когда Сергѣй Михайловичъ, проводивъ ее, вернулся въ гостиную, жена попрежнему, со скрещенными на груди руками, ходила по комнатѣ. Онъ хотѣлъ, не глядя на нее, пройти мимо въ свой кабинетъ, но она остановила его.

— Я съ вами, Сергѣй Михайловичъ, не шутила, когда говорила о разводѣ! сказала она дрожащимъ, но твердымъ голосомъ.— И повторяю снова, въ послѣдній разъ, что между нами все кончено и я требую развода!

— И отлично! сказалъ со злостью Сергѣй Михайловичъ и прошелъ въ свой кабинетъ, а Лизавета Петровна все съ тѣмъ же гордымъ видомъ ушла къ себѣ.

Сергѣй Михайловичъ переодѣлся и попробовалъ почитать предъ обѣдомъ газету. Но чтеніе положительно не клеилось у него сегодня и онъ самъ съ трудомъ вникалъ въ то, что̀ читалъ.

— Пообѣдать бы что̀ ли скорѣе, да уѣхать куда-нибудь! подумалъ онъ, удивляясь, что уже четверть седьмаго, а обѣдъ все еще не поданъ.

— Катя, крикнулъ онъ, услышавъ, что горничная проходила за чѣмъ-то по гостиной.— Катя, что̀ же обѣдъ?

— Какой обѣдъ? спросила Катя, какъ бы не понимая даже совсѣмъ этого слова.—Сегодня барыня никакого обѣда не заказывали, равнодушно прибавила она,—велѣли только для малень-

каго барина котлетку сжарить, да супцу немного, да людямъ еще, а больше никакого обѣда нѣтъ.

„Чортъ знаетъ, что̀ такое!“ съ удивленіемъ подумалъ Сергѣй Михайловичъ, никакъ этого не ожидавшій.

— Ну такъ скажите же вашей барынѣ, что я въ трактиръ ушелъ обѣдать, сказалъ онъ съ негодованіемъ,—и постель мнѣ опять въ кабинетѣ постелите!

XVII.

Прошло два дня. Сергѣй Михайловичъ попрежнему спалъ въ кабинетѣ на диванѣ и обѣдалъ въ ресторанѣ. Остальное, свободное отъ службы время проводилъ большею частью у Клавдіи Николаевны, дѣвочка которой все еще была трудно больна. Съ женой они почти не встрѣчались. Сергѣй Михайловичъ не дѣлалъ больше попытокъ къ примиренію съ нею, потому что чрезъ два часа послѣ этихъ примиреній возобновились бы ссоры. Онъ рѣшилъ терпѣливо переждать это время „болѣзненной полосы“, какъ онъ мысленно объяснялъ себѣ поведеніе жены.

А пока Сергѣй Михайловичъ былъ даже очень доволенъ, что они не видаются и не говорятъ другъ съ другомъ; при томъ настроеніи, какое было теперь у Лизаветы Петровны, это въ сущности былъ единственный способъ избѣгнуть новыхъ сценъ. Сергѣй Михайловичъ отдыхалъ, пользуясь, какъ могъ, своею кратковременною свободой.

Онъ чувствовалъ себя господиномъ своего времени и своихъ желаній, могъ идти куда хочетъ, сидѣть гдѣ хочетъ, дѣлать что̀ хочетъ и никто не требовалъ отъ него отчета, и не смотрѣлъ на него строго допрашивающими глазами.

Одно только было непріятно — тотъ разгромъ, который воцарился въ ихъ домѣ. Сережа не учился, не гулялъ, бѣгалъ въ грязной курточкѣ; обѣдъ попрежнему (за исключеніемъ супца и котлетки для Сережи) не готовился, комнаты не прибирались, лампы не зажигались, а гдѣ зажигались, тамъ коптили и воняли; на всей мебели наросъ густой слой пыли, двери изъ коридора въ кухню не затворялись и весь домъ пропахъ чадомъ горѣлаго масла и жаренаго лука, а Катя, переставшая почему-то считать выполненіе всѣхъ этихъ мелочей своею обязанностью, ходила равнодушнѣе, чѣмъ когда-либо; изъ кухни же доносились громкіе,

безцеремонные голоса и смѣхъ прислуги, которыхъ раньше никогда не бывало слышно. Словомъ, въ домѣ царилъ такой безпорядокъ, что можно было подумать, что и Лизавета Петровна и Сергѣй Михайловичъ, по крайней мѣрѣ, на цѣлую недѣлю въ Москву уѣхали.

Лизавета Петровна тоже больше пропадала гдѣ-то. Сергѣй Михайловичъ догадывался, что она ѣздитъ къ роднымъ и пріятельницамъ и разсказываетъ къ вящшему тѣхъ удовольствію, что они разводятся. Нельзя сказать, чтобъ это было обычнымъ пріемомъ Лизаветы Петровны; обыкновенно она съ постороннимп бывала даже скорей сдержанна и скрытна на счетъ своихъ семейныхъ дѣлъ. Но на этотъ разъ Сергѣй Михайловичъ чувствовалъ, что это такъ.

Онъ конечно ни на одну минуту не принималъ въ серьезъ ея заявленіе о разводѣ и не вѣрилъ, чтобъ и жена серьезно задумала такую глупость; но во всякомъ случаѣ отношенія ихъ настолько обострились и усложнились, что и онъ со своей стороны придумывалъ и искалъ того исхода, который лучше всякаго другаго разрѣшилъ бы это глупое положеніе.

„Положительно лучше всего все-таки уѣхать бы отсюда куда-нибудь: это по крайней мѣрѣ сразу бы все распутало!“ думалъ онъ—и за послѣдніе дни нѣсколько разъ разспрашивалъ знакомыхъ и сослуживцевъ о Самаркандѣ, объ условіяхъ тамошней жизни, о нравахъ туземцевъ и т. д., и все больше и больше призадумывался о переходѣ туда, хотя сначала мысль объ этомъ показалась ему невозможною.

Его удивляло, что прошло уже три дня, а жена все еще не дѣлала никакихъ шаговъ къ примиренію. Обыкновенно его обязанность была „приходить мириться“; но теперь положеніе было таково, что Сергѣй Михайловичъ, несмотря на всю свою мягкость и уступчивость, не могъ сдѣлать этого, не поступаясь уже черезчуръ сильно своимъ самолюбіемъ.

На третій день они было встрѣтились въ гостиной съ Лизаветой Петровной, и притомъ такъ глупо, что Сергѣю Михайловичу долго еще послѣ того было и досадно и смѣшно вспоминать эту встрѣчу.

Они оба одновременно вышли изъ своихъ комнатъ въ гостиную и увидѣвъ другъ друга, поспѣшно отшатнулись назадъ къ дверямъ своихъ комнатъ, но отшатнувшись оба сейчасъ передумали и, какъ ни въ чемъ не бывало, прошли мимо другъ друга.

„Поклониться... или не кланяться“... мелькнуло въ головѣ Сергѣя Михайловича, когда онъ, пропуская впередъ жену, немного пріостановился давая ей дорогу. Но Лизавета Петровна сумрачно сдвинула брови и быстро прошла мимо, не взглянувъ даже на мужа, съ тѣмъ гордо презрительнымъ видомъ, какой явился у нея за послѣдніе дни.

„Ну и не надо, коли не желаетъ!“ сердито подумалъ Сергѣй Михайловичъ и спокойно прошелъ въ переднюю.

— Фу, какъ глупо! сказалъ онъ себѣ, самъ не зная смѣяться или сердиться на все это,—съ собственною женой ужь не кланяюсь, да живя еще на одной квартирѣ! Совсѣмъ какой-то идіотизмъ! Нѣтъ надо, наконецъ, это какъ-нибудь покончить!

XVIII.

Но Лизавета Петровна совсѣмъ не была склонна принять эту встрѣчу такъ философски спокойно.

Она забыла, зачѣмъ шла въ столовую, вбѣжала назадъ въ свою комнату и заплакала.

— Это ужасно, ужасно!.. говорила она себѣ, припоминая холодное, чужое лицо мужа, когда она проходила мимо него. Она хоть и не смотрѣла на него, но тѣмъ не менѣе видѣла и инстинктивно чувствовала выраженіе его лица.

Лизавета Петровна могла говорить и думать о разводѣ и желать даже его, но она не могла выносить такое холодное, чужое лицо у своего мужа.

Въ глубинѣ души, въ той глубинѣ, относительно которой она притворялась, что и сама даже не знаетъ и не видитъ ее, она не вѣрила этому разводу, не желала его, знала, что чрезъ нѣсколько дней все само собой благополучно окончится (и даже именно тогда, когда она сама этого пожелаетъ) и они снова счастливо и мирно заживутъ съ ея Сережей. Въ этой же глубинѣ души она знала также и то, что Клавдія Николаевна ей ничуть въ сущности не опасна и что Сергѣй Михайловичъ совсѣмъ въ нее не влюбленъ, да и не влюбится даже никогда. Но вѣдь это все таилось въ такой глубинѣ души, которую будто бы она и сама даже не видѣла и не знала; наружно же она убѣждала и себя и другихъ, что между ней и мужемъ все кончено, что онъ любитъ другую, которая въ нѣсколько дней разрушила все

ихъ счастье и что потому для нихъ, то-есть для нея, Лизаветы Петровны и для ея мужа ничего, кромѣ развода, не остается.

„У него нѣтъ ко мнѣ даже жалости, даже состраданія, даже уваженія!“ говорила она себѣ послѣ своей встрѣчи съ мужемъ въ гостиной.—„Даже простой вѣжливости. И это онъ, который такъ любилъ, такъ баловалъ меня всегда! Вѣдь развѣ было когда-нибудь, чтобъ онъ цѣлые три дня не шелъ мириться со мною! Разумѣется, она ему запретила! И какъ онъ смотрѣлъ на меня, какъ смотрѣлъ! Развѣ не съ ненавистью, не съ презрѣніемъ!

„Она прямо ведетъ къ тому, чтобы такъ вооружить его противъ меня, чтобъ у него не было даже ни сознанія вины предо мной, ни укоровъ совѣсти, ничего кромѣ безумной любви къ ней и ненависти ко мнѣ! По настоящему они даже и развода не заслуживаютъ, но она все-таки изъ гордости дастъ его. Пускай ихъ наслаждаются, а она не желаетъ навязывать себя насильно!“

Но Надежда Петровна и всѣ родные положительно не одобряли ея рѣшенія разводиться и уговаривали ея успокоиться и не торопиться въ такомъ важномъ шагѣ.

— Мало ли что̀ бываетъ! говорили ей въ утѣшеніе,—нельзя же изъ-за всего разводиться сейчасъ!

Но Лизавета Петровна этимъ не утѣшалась и не успокоивалась. Она находила, что у другихъ можетъ бывать что̀ угодно, ей до этого нѣтъ дѣла, а у нея не должно быть ничего подобнаго. Больше всѣхъ возмущалась ея идеей Надежда Петровна. Она даже прямо сказала, что разводъ скандалъ.

— Я бы лучше умерла, сказала она,—чѣмъ развелась! Это такой скандалъ, что никто послѣ этого не станетъ бывать у тебя!

— Вотъ это мило! съ негодованіемъ воскликнула Лизавета Петровна,—меня оскорбили, мнѣ измѣнили и я же еще опозорена буду и у меня бывать не будутъ! Да послѣ этого я сама ни у кого бывать не желаю! Не будутъ бывать только потому, что я порядочная женщина и не хочу служить ширмой для романовъ моего супруга, а честно предоставляю ему разводъ и свободу!

— Это все равно, сказала Надежда Петровна, которая не понимала, да и не хотѣла понимать всѣхъ этихъ тонкостей,—это все равно, я знаю только, что въ обществѣ всегда на разводокъ смотрятъ такъ, что въ настоящихъ порядочныхъ домахъ ихъ не принимаютъ!

— Значитъ и ты меня перестала бы принимать, еслибъ я развелась?

Надежда Петровна не ожидала такого вопроса и не приготовилась къ нему. Она сконфузилась, но обижать сестру не хотѣла и уже намѣревалась было сказать, что онѣ сестры и потому правило это до нихъ касаться не можетъ, но вдругъ вспомнила, какъ сестра не постѣснилась сказать ей, что мужъ подкупаетъ ее брилліантами и снова обидѣлась на нее.

„Отчего же мнѣ ей не сказать этого, она же сказала“, подумала она.

— Конечно, сказала она вслухъ,—потому что Ѳедоръ Николаевичъ...

— Ахъ, оставь пожалуста своего Ѳедора Николаевича! вспыльчиво перебила ея Лизавета Петровна,—ты всегда приплетаешь его, когда не слѣдуетъ!.. А если ты меня тогда отказываешься принимать, такъ я у тебя теперь не желаю больше бывать!

И Лизавета Петровна гордо поднялась.

— Очень жаль... сказала вспыхивая и нѣсколько растерявшись Надежда Петровна. Она совсѣмъ не хотѣла сейчасъ же разсориться съ сестрой окончательно,—очень жаль... только это странно Лиза, я тебѣ ничего кажется не сдѣлала! Вѣдь я не виновата, что твой мужъ вздумалъ ухаживать за этою барыней!..

— Ты виновата, разумѣется, не въ его ухаживаніи, а въ своемъ отношеніи ко мнѣ!

— Да какое же такое у меня отношеніе къ тебѣ?

— Такое, что я предпочитаю лучше совсѣмъ прекратить бывать у тебя!

Лизавета Петровна не захотѣла поцѣловаться съ сестрой на прощанье и уѣхала.

— Нѣтъ, сказала Надежда Петровна послѣ ея отъѣзда,—она право съ ума сошла! съ мужемъ разводится, у меня бывать не хочетъ! Что̀ съ ней?

Послѣ этого Лизавета Петровна почувствовала себя еще болѣе одинокою, несчастною и всѣми покинутою. Ей вдругъ опротивѣлъ и Петербургъ, и всѣ родные, и знакомые жившіе тутъ, и въ первый еще разъ за всю свою сознательную жизнь она почувствовала, что съ удовольствіемъ уѣхала бы совсѣмъ отсюда куда-нибудь.

Она вспомнила о предложенномъ Сергѣю Михайловичу въ Самаркандъ мѣстѣ и хотя самое слово „Самаркандъ“ какъ будто пугало ее, но она все-таки стала думать о немъ и припоминать разсказы одного знакомаго полковника, который три года прожилъ

въ Ташкентѣ и очень хвалилъ его, увѣряя, что живутъ въ сущности тамъ гораздо веселѣе, чѣмъ тутъ.

„Конечно, это такая глушь... съ сомнѣніемъ раздумывала Лизавета Петровна,—но все-таки же это лучше, чѣмъ такая мука здѣсь! Главное онъ тогда сейчасъ же бы вышелъ изъ-подъ ея вліянія и разводиться бы не надо было... что жь такое, что глушь, за то они будутъ тамъ первыя лица въ городѣ, все будетъ группироваться вокругъ нихъ и зависѣть отъ нихъ. Это даже очень пріятно. Во всякомъ случаѣ, гораздо пріятнѣе быть первыми въ Самаркандѣ, чѣмъ 9391 въ Петербургѣ. Тогда бы она посмотрѣла, какъ эта глупая, чванная Надина вздумала бы „не принимать ее!“ Теперь, говоря правду, благодаря богатству, они со своимъ супругомъ всегда немножко важничали предъ нами, но тогда роли очень бы перемѣнились! Тогда они небось сейчасъ же начали бы распинаться въ любезности и запискиваніяхъ. Что же такое, что Сергѣй Михайловичъ не богатъ, за то онъ дѣлаетъ отличную карьеру и современемъ будетъ очень важнымъ лицомъ, быть-можетъ даже министромъ, а Ѳедоръ Николаевичъ всю жизнь останется только простымъ биржевымъ дѣльцомъ. Навѣрное имъ тамъ дадутъ прекрасную квартиру, вѣроятно отдѣльный домъ, садъ, кругомъ горы, синее небо, караваны верблюдовъ, Туркмены въ пестрыхъ халатахъ, пальмы, восточные базары... Что же все это очень не дурно, и ново, и оригинально... и матеріи шелковыя тамъ говорятъ очень дешевы, можно даже и бѣлье будетъ шелковое сдѣлать...

„Но, конечно, Богъ вѣсть согласится ли еще Сергѣй Михайловичъ! Да хоть бы онъ самъ и согласился, такъ *та* ему навѣрное не позволитъ! Что она, дура что ли, чтобы выпускать его изъ-подъ своего вліянія... Въ сущности это былъ бы лучшій способъ узнать, кого онъ все-таки же больше пока еще любитъ—ее, жену свою, или Клавдію Николаевну! Если онъ не согласится, то это будетъ прямое доказательство его отношеній къ ней...“ Самаркандъ съ его пальмами, верблюдами синимъ небомъ и шелковыми матеріями все больше и больше начиналъ манить воображеніе Лизаветы Петровны и чѣмъ больше казалось ей, что мужъ не согласится ѣхать туда и чѣмъ больше казалось это, тѣмъ больше хотѣлось ей теперь ѣхать туда!

Она рѣшила прямо предложить ему на выборъ или Самаркандъ или разводъ! Если онъ хоть немного еще любитъ ее, то конечно, можетъ пожертвовать для нея и этимъ гнилымъ Петербургомъ и своею возлюбленною Клавдіей Николаевной.

XIX.

Часовъ около восьми вечера раздался рѣзкій, сильный звонокъ, какимъ могъ звонить только хозяинъ дома, и чрезъ минуту Лизавета Петровна дѣйствительно услышала въ гостиной знакомые торопливые шаги мужа.

— Сейчасъ же пойду и предложу ему! съ волненіемъ сказала она себѣ, чувствуя въ той глубинѣ души своей, которую она не хотѣла видѣть, радость, что нашла, наконецъ, предлогъ пойти къ нему, говорить съ нимъ, глядѣть на него, дѣлать все то, чего такъ долго добровольно лишала себя.

Но въ кабинетъ она вошла съ строгимъ, надменнымъ выраженіемъ на лицѣ, которымъ инстинктивно маскировала свою внутреннюю радость.

Сергѣй Михайловичъ въ пальто и цилиндрѣ стоялъ, нагнувшись подлѣ письменнаго стола и искалъ что-то въ ящикѣ. Увидѣвъ жену, онъ поднялъ на мгновеніе голову и сердито взглянулъ на нее, но сейчасъ же отвернулся и продолжалъ молча, какъ бы не замѣчая ея присутствія, искать что-то въ столѣ. Лизавета Петровна поняла, что онъ вернулся на минуту, только чтобы взять что̀ ему было нужно.

„Но онъ можетъ и остаться...“ подумала она, раздражаясь его спѣшнымъ, игнорирующимъ ея присутствіе, видомъ.

— Я пришла переговорить съ вами! начала она, но Сергѣй Михайловичъ, найдя должно-быть то, что̀ искалъ, торопливо захлопнулъ ящикъ и мелькомъ, строгими глазами, взглянулъ на жену.

— Ну мнѣ теперь некогда, сказалъ онъ рѣзко, и Лизавета Петровна успѣла замѣтить, что лицо его очень блѣдно и взволнованно,—у Клавдіи Николаевны дочь умираетъ и задерживаться тутъ разными объясненіями я теперь не могу.

И онъ потушилъ свѣчу и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Лизавета Петровна такъ была поражена, что даже не нашлась что̀ сказать. Поражена была не тѣмъ, что у Клавдіи Николаевны дочь умираетъ (этому она не вѣрила, и знала, что это все тоже кокетство только Клавдіи Николаевны и новыя выдумки для того, чтобъ удерживать подлѣ себя Сергѣя Михайловича); она поражена была и тѣмъ, какъ онъ осмѣлился отвѣчать ей, когда она сама первая пришла къ нему.

Теперь Лизавета Петровна окончательно убѣдилась, что все кончено между ней и мужемъ и что другая совсѣмъ завладѣла имъ.

И ей опять стало такъ горько и такъ жалко себя, что захотѣлось умереть и даже какъ можно скорѣе умереть.

— Онъ любитъ ее, потому что она представляется предъ нимъ несчастною и страдающею; такъ я же буду втрое несчастнѣе ея и втрое сильнѣе страдать! Что̀ ему разводъ, когда онъ такъ влюбленъ въ нее, да и мнѣ самой на что̀ этотъ разводъ; нѣтъ пусть я умру! пусть умру! Я знаю что̀ для этого дѣлать!..

И она вернулась въ свою комнату, надѣла шляпу и самыя тоненькія бальныя бронзовой кожи туфельки.

— Катя, крикнула она, выходя въ переднюю,—дай мнѣ ротонду, я тоже ухожу...

Катя подала ротонду.

— А калоши? спросила она, думая, что барыня забыла о нихъ.

Лизавета Петровна покраснѣла и сконфузилась.

„Ахъ противная! подумала она съ сердцемъ,—и что ей за дѣло.“

Она наскоро придумала предлогъ выслать Катю на минуту изъ передней, а сама, какъ школьница, проворно стащила калоши съ ногъ, засунула ихъ подальше подъ шкафъ и поспѣшно, не дожидаясь возвращенія Кати, вышла на улицу.

XX.

Лизавета Петровна прогуляла такъ больше часу въ самомъ мрачномъ и угнетенномъ настроеніи и когда вернулась домой, ноги ея были совсѣмъ мокрыя и холодныя.

Она украдкой, тихонько отъ Кати, которой въ душѣ стыдилась, переобулась, и съ злорадствомъ къ мужу, котораго такъ „ужасно“ наказала и съ жалостью къ себѣ и своей ранней, преждевременной смерти, въ которой теперь была убѣждена, говорила:

— Пусть, пусть!

Спать она легла очень рано, потому что ей казалось, что лихорадка уже началась; она радовалась ей и нарочно поддавалась ознобу. Когда она стала раздѣваться и ложиться въ постель, то подумала, что больше уже не встанетъ съ нея и ей опять захотѣлось и радоваться, и плакать, и повторять свое:

— Пусть, пусть!

Но вспомнивъ, что забыла перекрестить на ночь Сережу, Лизавета Петровна пошла къ нему въ дѣтскую и долго со слезами и умиленіемъ крестила его, думая, что быть-можетъ уже въ послѣдній разъ благословляетъ его.

— Прощай мой бѣдный мальчикъ, говорила она ему, еще больше жалобя самое себя своими словами,—прощай, у тебя уже не будетъ больше мамы... Тебя некому будетъ любить безъ нея...

И она такъ разстроилась, что чуть не дошла до истерики.

Ожидая у себя жаръ, она велѣла приготовить себѣ на ночь морсъ и поставить стаканъ на столикѣ подлѣ кровати, куда заодно ужь на всякій случай положила и градусникъ.

Съ вечера Лизавета Петровна долго не могла заснуть. Она все прислушивалась не заболѣло ли у нее уже что-нибудь и не начался ли уже жаръ. Она мысленно представляла себѣ удивленіе и испугъ Сергѣя Михайловича и всѣхъ домашнихъ, когда завтра утромъ ее найдутъ безъ памяти и въ бреду; а потомъ, черезъ нѣсколько дней на четвертой страницѣ *Новаго Времени* появится маленькое объявленіе въ траурной каемкѣ, по срединѣ котораго будетъ напечатано ея имя... И видѣла пораженныя лица своихъ знакомыхъ, читающихъ это маленькое объявленіе... Потомъ и паннихиды... всѣ пріѣзжаютъ съ заплаканными, взволнованными лицами, тихо шепчутся, распрашиваютъ, какъ это случилось, когда, долго ли страдала... И съ выраженіемъ той осторожности, благоговѣнія и страха, съ которымъ и она сама прикладывалась, бывало, къ умершимъ знакомымъ, подходятъ къ ней и робко цѣлуютъ ея руки...

А она лежитъ, вся вытянувшись, холодная, съ восковымъ, строгимъ лицомъ... И Сергѣй Михайловичъ не можетъ видѣть этого спокойнаго, мертваго лица, которое еще недавно съ такою любовью улыбалось ему... Какъ это у Некрасова кажется есть:

Забудусь—ты передо мной
Стоишь жива и весела;
Глаза блистаютъ, локонъ вьется
И звонкій смѣхъ твой раздается
Больнѣе слезъ въ душѣ моей...

И его также будетъ преслѣдовать ея живой образъ и знакомый голосъ, котораго онъ уже никогда не услышитъ... Кругомъ цвѣты, свѣчи...

А потомъ гробъ ея закроютъ, поднимутъ и вынесутъ на

рукахъ изъ этой самой квартиры, гдѣ она когда-то была такъ счастлива.

И всѣ жильцы выйдутъ на лѣстницу и будутъ смотрѣть, какъ гробъ ея тихо сносятъ при печальномъ, хватающемъ за душу пѣніи: „Со святыми упокой!..“

Но при этой картинѣ Лизавета Петровна снова не могла удержаться отъ рыданій и ей становилось страшно и жутко, когда она думала, какъ этотъ гробъ опустятъ въ могилу, зароютъ мерзлою землей и всѣ уйдутъ, а она останется одна, совсѣмъ одна...

И погода теперь такая скверная, то морозъ, то снова таетъ; навѣрно и туда сквозь землю проходитъ и въ гробъ просачиваться будетъ...

— Ужасно, говорила она со страхомъ и отвращеніемъ,—но мнѣ нѣтъ другаго выхода... ужь лучше лежать въ мокромъ гробу, чѣмъ такъ мучиться... Тогда, по крайней мѣрѣ, и онъ будетъ мучиться...

Часамъ къ тремъ она все-таки же заснула и спала довольно хорошо, хотя видѣла много сновъ и часто просыпалась, а просыпаясь, каждый разъ все сейчасъ же прислушивалась къ самой себѣ и думала:—не началось ли?..

Но кажется еще ничего не начиналось. Былъ маленькій жарокъ и какъ будто знобило, но можетъ-быть просто такъ, ночью только кажется.

— Къ утру начнется... говорила она себѣ и снова засыпала.

Утромъ, какъ только она проснулась, первою мыслью ея было:

— Въ памяти ли я?

Она была увѣрена, что въ той или другой формѣ, но „это“ уже непремѣнно должно было начаться и тяжело дыша, слабо пріоткрыла глаза и оглядѣлась кругомъ, ища нѣтъ ли уже подлѣ нея кого-нибудь. Но никого не было и рѣшительно... она была въ памяти... повидимому ничего не начиналось.

— Неужели же ничего не будетъ? спросила она, почти не вѣря собственному самочувствію.

Она попробовала приподняться, осторожно протянула ноги, дотронулась до груди и бока, ища въ себѣ хоть какой-нибудь боли, но у нея положительно ничего не болѣло и она вполнѣ свободно могла и двигаться и дышать.

Тогда ей стало досадно и совѣстно предъ самой собой.

— Боже мой! сказала она со стыдомъ, — неужели ничего не будетъ...

Ей попался на глаза стаканъ съ морсомъ и градусникъ, который она заранѣе приготовила для себя; она вся ярко вспыхнула и вскочивъ начала поспѣшно одѣваться. Но когда встала, то почувствовала, что у нея начался сильный насморкъ.

„Только насморкъ!“ подумала она съ негодованіемъ и ей стало такъ стыдно и досадно на себя за то, что она дѣлала всѣ эти пошлыя глупости, что она сама себѣ показалась какою-то жалкою, ничтожною дѣвченкой.

XXI.

Сергѣй Михайловичъ вернулся домой уже въ одиннадцатомъ часу утра, чтобы только переодѣться и ѣхать на службу.

Онъ чувствовалъ себя совсѣмъ разбитымъ и утомленнымъ, и не столько безсонною ночью, сколько напряженнымъ состояніемъ послѣднихъ дней и особенно этихъ послѣднихъ сутокъ, что онъ провелъ вмѣстѣ съ Клавдіей Николаевной подлѣ умирающей дѣвочки.

Они оба не сомкнули ни на минуту глазъ, ожидая каждую минуту конца. Его поражало сколько страстной энергіи и силы было еще въ измученной и убитой Клавдіи Николаевнѣ. Она не плакала, не жаловалась и даже не молилась, но сухіе, горящіе глаза ея не отрывались ни на минуту отъ пожелтѣвшаго личика дѣвочки.

Сергѣй Михайловичъ не привыкъ къ картинамъ смерти, болѣзней и страданій, и тѣмъ сильнѣе дѣйствовала на него эта борьба жизни и смерти въ маленькомъ организмѣ.

Но къ утру дѣвочка не умерла, какъ ожидалъ онъ, а ей сдѣлалось положительно лучше и пріѣхавшій докторъ сказалъ, что это была ночь кризиса и что теперь есть полная надежда на выздоровленіе.

Сергѣй Михайловичъ вздохнулъ съ облегченіемъ и поѣхалъ домой. Онъ готовъ былъ, несмотря ни на что, служить всѣмъ чѣмъ только возможно своему бѣдному другу, готовъ былъ бы снова, еслибы пришлось, проснживать съ ней ночи подлѣ больныхъ дѣтей ея, чтобы только хоть какъ-нибудь облегчить ея положеніе; но онъ не могъ не сознаться, что все это очень тяжело. Съ одной стороны эти безобразныя, какъ бы дѣйствительно совсѣмъ разрушившіяся отношенія съ женой, а съ другой—такое

же томительно напряженное состояніе здѣсь. Онъ желалъ теперь только одного—чисто физическаго отдыха и чувствовалъ все яснѣе и сильнѣе, что положительно былъ бы радъ уѣхать отъ всего этого подальше. Онъ понялъ, что жена никогда не примирится съ его отношеніемъ къ Клавдіи Николаевнѣ и поэтому ему всегда, значитъ, придется жить между двухъ огней, подъ вѣчнымъ страхомъ сценъ и ссоръ, и непремѣнно, въ концѣ-концовъ испортитъ совсѣмъ свои отношенія или съ женой или съ Клавдіей Николаевной.

— Нѣтъ, сказалъ онъ себѣ, возвращаясь домой съ тяжелою головною болью,—нѣтъ, какъ она себѣ тамъ хочетъ, а я мѣсто въ Самаркандѣ возьму! Пусть не ѣдитъ, если не хочетъ небось, проживетъ одна нѣсколько мѣсяцевъ, все равно не выдержитъ, пріѣдетъ тоже... А я больше такъ положительно не могу, этакъ ни работать, ни жить нельзя...

Подъѣхавъ къ дому, онъ вспомнилъ, что вчера жена приходила къ нему объясняться, и невольно болѣзненно поморщился отъ перспективы этого объясненія, отъ котораго не ждалъ ничего ни новаго, ни хорошаго.

„Э, все равно“, рѣшилъ онъ мысленно, махнувъ рукой на всѣ свои колебанія,—„все равно, сейчасъ же пойду къ ней и объявлю, что рѣшилъ ѣхать...“

XXII.

Лизавета Петровна слышала, какъ Сергѣй Михайловичъ, покашливая на ходу, прошелъ чрезъ гостиную въ свой кабинетъ.

Этотъ его кашель, такъ знакомый ей, почему-то волновалъ и трогалъ ее всѣ послѣдніе дни. Всякій разъ, услышавъ его, какое-то доброе, растроганное чувство подымалось въ ней и ей хотѣлось пойти къ мужу и прижаться со слезами къ его груди.

Но она не давала овладѣть собой этому чувству, сейчасъ же тушила его въ себѣ и снова нарочно раздражала себя противъ мужа.

Но сегодня она не стала „взвинчивать“ себя.

Все утро она чувствовала себя смущенною и сконфуженною и со стыдомъ вспоминала свою вчерашнюю выходку, окончившуюся насморкомъ. Ей казалось, что всѣ догадываются о ней и

смѣются за ея спиной, и она старалась сидѣть у себя въ комнатѣ, чтобы только никого не видѣть и ни съ кѣмъ не говорить.

Когда же она услышала изъ своей комнаты, что Катя по всему дому ищетъ ея калоши, она вспыхнула и испугалась, какъ напроказившая школьница.

— Вотъ чудеса-то! громко сказала Катя Сережиной боннѣ,— нигдѣ барыниныхъ калошъ не найду!

— Вѣрно ихъ Мурзикъ куда-нибудь затащилъ! отвѣтила бонна.

Мурзикъ была маленькая собаченка, у которой дѣйствительно была скверная привычка затаскивать старые туфли и калоши.

— Боже мой, почти съ ужасомъ вспомнила Лизавета Петровна,—вѣдь я такъ и оставила ихъ подъ шкапомъ!

И ей стало страшно, что Катя сейчасъ войдетъ къ ней и спроситъ у нея объ этихъ злосчастныхъ калошахъ и тогда она такъ растеряется, что окончательно выдастъ себя и всѣ поймутъ, что она сама же засунула ихъ подъ шкапъ.

Но Катя къ ней не вошла, а заподозривъ дѣйствительно Мурзика, начала искать калоши подъ всѣми шкапами и комодами и найдя наконецъ, пошла и высѣкла Мурзика.

Все это было и глупо, и смѣшно, и Лизавета Петровна начала сознавать сама, что зашла слишкомъ далеко со всею этою исторіей, которая надоѣла уже и ей самой, но она понимала, что выйти разомъ изъ этого глупаго, ею самою же созданнаго положенія не такъ легко, а выйти съ достоинствомъ совсѣмъ трудно.

Она готова была признать про себя, что натворила много глупостей и сама все раздула; но она не могла признать все это предъ мужемъ и пойти къ нему съ повинной. Ей казалось, что это уронитъ ее въ его глазахъ, и она окончательно утратитъ надъ нимъ всякую власть и вліяніе.

Былъ единственный исходъ—предложить миръ, не теряя своего достоинства,—это заставивъ его принять этотъ миръ только подъ извѣстнымъ условіемъ, такъ чтобъ онъ чувствовалъ, что его прощаютъ, а не у него просятъ это прощеніе.

И въ воображеніи Лизаветы Петровны опять замелькали синее небо, пестрые халаты, верблюды и заискивающая любезность Надинъ...

А главное тамъ не будетъ Клавдіи Николаевны.

Она сидѣла, съ волненіемъ прислушиваясь къ шагамъ и голосу мужа, доносившимся чрезъ запертую дверь ея комнаты. Ей хотѣлось распахнуть эту противную, запертую дверь и броситься

къ нему—такъ она соскучилась по немъ. Вдругъ шаги его послышались въ гостиной и остановились подлѣ ея двери. Сердце Лизаветы Петровны забилось еще сильнѣе и радостнѣе, но она нахмурила брови и сдѣлала строгіе, гордые глаза.

— Можно войти? спросилъ голосъ Сергѣя Михайловича.

Лизавета Петровна отвѣтила не сразу. Она чувствовала, что голосъ ея задрожитъ и выдастъ ее, а она не хотѣла этого, потому что его голосъ былъ спокойный и холодный, показавшійся ей почти чужимъ и непріятнымъ.

— Можно... проговорила она съ трудомъ.

— Вы желали говорить со мной вчера о чемъ-то? спросилъ входя Сергѣй Михайловичъ тѣмъ строгимъ, сухимъ тономъ, который нарочно усвоилъ себѣ съ женой за это время для того, чтобы лучше показывать ей, что не боится ея и не намѣренъ уступать ей по обыкновенію.

— Да желала... тоже сухо, не глядя на него, отвѣтила Лизавета Петровна. Она не смотрѣла на него, но видѣла всю его фигуру и лицо такъ знакомыя ей и радовалась про себя, что онъ тутъ подлѣ нея и она можетъ, если захочетъ, смотрѣть на него и говорить съ нимъ.

— Да желала... повторила она нервно распутывая какой-то мотокъ съ шерстями,—я желала... предложить вамъ... ѣхать въ Самаркандъ...

— Въ Самаркандъ! спросилъ изумленный Сергѣй Михайловичъ почти не вѣря своимъ ушамъ.—„Что это! не ловушка ли какая-нибудь съ ея стороны?..“ подумалъ онъ недовѣрчиво вглядываясь въ нее.

— Я знаю, знаю, заговорила волнуясь все больше Лизавета Петровна,—я знаю, что вы не захотите этого... и не рѣшитесь оставить... вашъ Петербургъ... но я все-таки рѣшилась предложить вамъ это, какъ... какъ послѣднее условіе моего примиренія... и если вы... хоть сколько-нибудь дорожите еще вашею семьей, то вы поѣдете... хотя я знаю, что вы нисколько этимъ не дорожите и конечно не поѣдете... Но я дѣлаю послѣднюю попытку...

— Да напрасно вы это думаете! Я самъ хотѣлъ предложить вамъ то же самое! сказалъ Сергѣй Михайловичъ не совсѣмъ увѣренно, потому что все еще не понималъ хорошенько, дѣйствительно жена серьезно предлагаетъ ему это, или это опять только какая-нибудь новая выходка ея.

— Вы? спросила изумляясь въ свою очередь Лизавета Петровна,—да какъ же вы говорили, что никогда не оставите Петербурга?

— Да вѣдь и вы говорили, что въ провинцію, а особенно въ такую глушь, какъ Самаркандъ, никогда не поѣдете?

Лизавета Петровна вспыхнула и отвернулась.

— Я! сказала она съ неудовольствіемъ. — Я совсѣмъ другое дѣло! У меня слишкомъ измѣнились обстоятельства.

— И мои обстоятельства слишкомъ измѣнились! невольно улыбнувшись, сказалъ Сергѣй Михайловичъ.

„Что же это, недовѣрчиво думала Лизавета Петровна,—что же это значитъ? И ему такъ легко уѣхать... и опять не видѣть ея цѣлые годы...“

Они оба молча и подозрительно вглядывались другъ въ друга, не вѣря искренности одинъ другаго... И вдругъ обоимъ имъ стало смѣшно и весело отъ чего-то, точно какая-то тяжесть упала наконецъ съ ихъ плечъ...

„И неужели же все прошло?“ спросила себя Лизавета Петровна радостно смотря на мужа,—все это ужасное, что было...

„Но что было? Вѣдь ты же сама знаешь, что ничего и не было!“ Ничего кромѣ твоей собственной ревности! сказалъ вдругъ голосъ изъ той глубины ея души, въ которую она не хотѣла заглядывать. И ей захотѣлось радоваться и смѣяться, но вмѣсто того она заплакала и не выдержавъ больше, бросилась къ мужу и крѣпко прижалась къ его груди.

— Поѣдемъ Сережа, ради Бога... поѣдимъ... сказала она всхлипывая.

Сергѣй Михайловичъ тоже обнялъ жену, но не съ тою радостною готовностью, съ какою бывало дѣлалъ это послѣ прежнихъ ссоръ, а какъ-то по новому, спокойно и покровительственно, какъ старшіе цѣлуютъ младшихъ, прощая ихъ за что-нибудь.

— Конечно поѣдемъ, сказалъ онъ, — я и самъ очень радъ этому... радъ. Ну и не стыдно тебѣ, Лиза? прибавилъ онъ съ ласковою насмѣшливостью приподнимая ея голову.

Лизавета Петровна вздрогнула и смутилась. Она поймала этотъ новый снисходительно-покровительственный тонъ: онъ поразилъ и встревожилъ ее.

„Что же это, подумала она почти съ сердцемъ, что же, вѣдь прощенъ не онъ, а точно я.“

Видимая побѣда осталась какъ бы за ней; онъ принялъ ея

условія и согласился ѣхать, а между тѣмъ она чувствовала себя побѣжденною и вдругъ поняла, что власть и первенство какъ-то сами собой перешли на его сторону.

„Ты сама въ этомъ виновата, сказалъ опять голосъ изъ глубины ея души, ты слишкомъ натягивала струны... и онѣ лопнули, и теперь роли ваши измѣнились...“

„Но я не хочу этого, не хочу и не допущу!“ сказала она себѣ съ негодованіемъ и ей захотѣлось опять сейчасъ же возмутиться и показать мужу, что онъ жестоко ошибается и что она все-таки даже и теперьне позволитъ мѣнять ему эти роли.

Но она взглянула на мужа и... и не возмутилась... возмутиться было нельзя; это чувствовалось во всемъ, во всей его фигурѣ, а главное въ его глазахъ, въ глазахъ, которыми онъ бывало такъ тревожно и неувѣренно глядѣлъ на нее...

„Боже мой, но что же мнѣ дѣлать!“ почти съ ужасомъ спросила себя она.

„Ничего, покориться... сказалъ голосъ.

„Покориться... покориться... мысленно повторила она. — Ну хорошо, покорюсь пока... А что если это не пока?.. Если это уже навсегда такъ останется... Что если теперь дѣйствительно утрачена всякая власть и вліяніе надъ нимъ...“

Лизавета Петровна не хотѣла вѣрить этому, а между тѣмъ чувствовала, какъ между ней и мужемъ порвалось что-то, даже несмотря на это послѣднее примиреніе.

Ей стало страшно, она заплакала еще сильнѣе и крѣпче прижалась къ мужу...

Чрезъ мѣсяцъ они уѣхали въ Самаркандъ.

Мар. Крестовская.

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ.[1]

VIII.

Еще о климатѣ черноземной полосы Россіи.—Культурныя мѣры для борьбы съ засухой.

Въ предыдущей статьѣ мы говорили о настоящемъ печальномъ положеніи нашей черноземной полосы и указывали на то, что главнымъ факторомъ плодородія въ ней является вода, въ отсутствіи или при недостаточности которой всѣ прочія благопріятныя условія и даже самыя энергическія усилія человѣка не могутъ привести къ желаемымъ результатамъ. Но не слѣдуетъ думать, что весь вопросъ сводится къ одной только *засухѣ*, въ смыслѣ отсутствія дождей, къ одной только недостаточности атмосферныхъ ниспаденій. Нѣтъ, какъ ни мало еще изученъ климатъ нашей черноземной полосы и какъ ни недостаточны тѣ данныя, которыми можно пользоваться для его характеристики, приходится сказать, что вопросъ гораздо сложнѣе. Болѣе того, если взять среднія цифры атмосферныхъ осадковъ въ предѣлахъ черноземной полосы и притомъ не только за весь годъ, но даже за одни только наиболѣе важные для растительности весенніе и лѣтніе мѣсяцы, то, какъ это повидимому ни странно, окажется, что влаги ниспадаетъ довольно, и развѣ только немногимъ меньше, чѣмъ въ такихъ мѣстностяхъ Имперіи, которыя никогда на засуху не жаловались, а скорѣе, наоборотъ, страдаютъ отъ избытка влажности. Въ предыдущей статьѣ мы говорили о наблюденіяхъ,

[1] См. №№ 2 и 10 *Русскаго Обозрѣнія*, 1891 г.

производимыхъ на нашихъ метеорологическихъ станціяхъ, состоящихъ въ завѣдываніи Главной Физической Обсерваторіи, наблюденіяхъ, результаты которыхъ ставятъ, по отношенію къ количеству ниспадающей влаги, Петербургъ и Воронежъ, Самару и Ревель въ одну линію. Но указывая на эту кажущуюся странность, мы, конечно, отнюдь не имѣли въ виду усомниться въ достовѣрности этихъ данныхъ, а только хотѣли показать, что однѣми абсолютными цифрами, и притомъ средними, выведенными за много лѣтъ, вопросъ о метеорологическихъ условіяхъ земледѣлія вовсе не разрѣшается, что эти данныя освѣщаютъ только одну сторону вопроса, и потому не имѣютъ достаточнаго практическаго значенія, не отвѣчаютъ на множество запросовъ нашего сельско-хозяйственнаго дѣла. Въ то же время мы выражали сожалѣніе по поводу того, что эти запросы до сихъ поръ почти игнорируются нашею метеорологическою наукой, которая держитъ себя слишкомъ далеко отъ этой чисто практической области, значеніе которой въ нашей государственной жизни, однако, всего лучше показалъ нынѣшній тяжелый годъ. Въ настоящей статьѣ мы имѣемъ въ виду охарактеризовать нѣсколько подробнѣе, на основаніи имѣющихся данныхъ, то, что̀ извѣстно о климатѣ черноземной полосы, установить связь между климатическими и хозяйственными ея условіями, выяснивъ по возможности и то, чего намъ недостаетъ для полнаго установленія этой связи. Въ предыдущей статьѣ мы главнымъ образомъ остановились на томъ, что̀ должно и можетъ быть сдѣлано для улучшенія естественныхъ условій русскаго земледѣлія. Какъ ни важенъ, какъ ни жгучъ этотъ вопросъ для экономической и даже для государственной жизни Россіи, все же разрѣшеніе этого вопроса есть дѣло будущаго, хотя, надо надѣяться, для блага нашего отечества и не очень отдаленнаго. Въ настоящее время мы имѣемъ въ виду заняться разсмотрѣніемъ того, что̀ можетъ быть сдѣлано, что̀ дѣлается уже теперь для того, чтобы совладать съ наличными условіями, чтобы парализовать ихъ вредныя стороны, чтобъ имѣть возможно болѣе шансовъ успѣха и при настоящихъ неблагопріятныхъ для земледѣлія климатическихъ условіяхъ. Какъ бы эти условія ни были страшны, даже гибельны въ извѣстные годы, какъ въ настоящемъ, надо искать способовъ теперь же съ ними бороться и къ нимъ приспособляться. Стремиться къ ихъ улучшенію нужно,—это одна изъ главныхъ задачъ нашихъ въ настоящее время, но нельзя складывать рукъ, нельзя терпѣ-

ливо ждать временн, когда это улучшеніе совершится, такъ какъ пока солнце взойдетъ, роса глаза выѣстъ. Жить надо сейчасъ, а потому и работать надо сейчасъ, въ надеждѣ на лучшее будущее, но нельзя признавать себя побѣжденнымъ, пока не исчерпаны, пока не испытаны всѣ способы борьбы, которые уже теперь въ нашихъ рукахъ.

Въ недавно вышедшей брошюрѣ, подъ заглавіемъ: *Главныя черты климата черноземныхъ областей Россіи*, г. Барановскій, ассистентъ при каѳедрѣ метеорологіи Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, сдѣлалъ краткій сводъ накопившихся по этому вопросу данныхъ и обработалъ разсѣянный въ разныхъ источникахъ метеорологическій матеріалъ, относящійся къ климату нашего черноземнаго района. Для характеристики климата черноземной области, г. Барановскій взялъ главнымъ образомъ тѣ метеорологическіе элементы, которые имѣютъ наиболѣе существенное значеніе въ жизни растеній, а именно: температуру воздуха, атмосферные осадки и влажность. Заключенія, къ которымъ онъ приходитъ по отношенію къ *температурѣ*, состоятъ въ томъ, что на всемъ протяженіи центральной черноземной полосы среднія температуры какъ лѣта, такъ и растительнаго періода, вездѣ почти однѣ и тѣ же, или весьма близки между собой, между тѣмъ какъ среднія годовыя и прочихъ временъ года представляютъ значительное различіе. Въ сѣверной окраинѣ чернозема, по направленію съ юго-запада на сѣверо-востокъ, температура лѣта и растительнаго періода нѣсколько понижается, но гораздо менѣе, чѣмъ годовая и прочихъ временъ года. Въ южной окраинѣ, по направленію къ сѣверо-востоку, температура лѣта и растительнаго періода также измѣняется менѣе чѣмъ годовая и другихъ временъ года. При сравненіи центральной черноземной полосы съ ея окраинами оказывается, что температура года и всѣхъ временъ его въ сѣверной окраинѣ ниже, а въ южной выше, чѣмъ въ центральной полосѣ.

Что касается *осадковъ*, то оказывается, что въ центральной черноземной полосѣ, какъ и на сѣверной и южной окраинахъ ея, преобладаютъ лѣтніе дожди, но въ южной окраинѣ суммы осадковъ убываютъ по направленію къ юго-востоку. Затѣмъ, какъ годовое, такъ и во всѣ времена года, количество осадковъ въ центральной черноземной полосѣ меньше, чѣмъ въ сѣверной окраинѣ ея, и больше, чѣмъ въ южной. Такое же отношеніе

замѣчается въ распредѣленіи *числа дней съ осадками*, такому же закону слѣдуетъ и *относительная влажность*.

Въ общемъ, колпчество осадковъ, ниспадающихъ во всей черноземной полосѣ какъ въ теченіе календарныхъ весны, лѣта и осени, такъ и въ тѣ мѣсяцы, которые приходятся на растительный періодъ,—апрѣль—октябрь,—а въ южной окрайнѣ—мартъ—ноябрь, не можетъ считаться сколько-нибудь недостаточнымъ или неблагопріятнымъ для растительности. Такъ, въ черноземной полосѣ приходится осадковъ по временамъ года:

	Сѣв. окр.	Центр. юж.	Юж. окр.
Зима.....	87,0 мм.	76,4 мм.	58,9 мм.
Весна.....	109,2 —	102,5 —	82,0 —
Лѣто.....	179,4 —	168.5 —	119,1 —
Осень.....	126,8 —	110,7 —	90,1 —
За весь годъ...	502,4 мм.	458,4 мм.	350,1 мм.

Изъ этого количества на растительный періодъ—съ апрѣля по октябрь (а въ южной окраинѣ съ марта по ноябрь) приходится:

351,3 мм. 320,6—271,0.

Или, въ процентахъ всего количества выпадающей въ теченіе года влаги: 70%, 70%, 77%.

Отсюда видно, что, съ одной стороны, колпчество влаги, выпадающей въ черноземной полосѣ, какъ за весь годъ, такъ и въ отдѣльныя времена, далеко не мало и съ другой стороны, распредѣленіе этой влаги именно такое, какое нужно для растеній. Слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія, на безводіе въ этихъ мѣстностяхъ Россіи, казалось бы, нѣтъ основанія жаловаться. А между тѣмъ засухи есть, и хлѣба то тамъ, то здѣсь, не въ одномъ году, такъ въ другомъ, погибаютъ отъ недостатка влажности и землевладѣльцы жалуются на невозможность веденія хозяйства, и рѣки мелѣютъ и пересыхаютъ. Въ чемъ же тутъ дѣло и отчего зависитъ это странное на первый взглядъ противорѣчіе?

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что вышеприведенныя данныя, главнымъ образомъ заимствованныя изъ упомянутаго уже нами въ статьѣ о современныхъ метеорологическихъ условіяхъ русскаго земледѣлія труда г. Вильда „Объ осадкахъ въ Европейской Россіи“, представляютъ собою *среднія* цифры за болѣе или менѣе продолжительный рядъ лѣтъ,—среднія, скрадывающія всякія крайности, имѣющія особенное значеніе для сельскихъ

хозяевъ; до какой степени эти крайности по отдѣльнымъ годамъ бываютъ значительны, можно видѣть изъ того, что, напримѣръ, въ Воронежѣ, въ маѣ мѣсяцѣ, при средней для этого мѣсяца, имѣющаго наиболѣе важное значеніе для растительности, цифрѣ осадковъ въ 50,6 мм., въ 1881 году выпало 118,7 мм., а въ слѣдующемъ 1882 году всего 12,9 мм., то-есть въ первомъ случаѣ на 134% болѣе, а во второмъ на 75% менѣе противъ нормальнаго количества; въ Сердобскѣ, Саратовской губерніи, при средней за три весенніе мѣсяца (мартъ, апрѣль, май) цифрѣ осадковъ въ 84,0 мм. въ неурожайный 1880 годъ выпало всего 11,5 мм., то-есть на 86% менѣе, а въ 1877 году за тѣ же три мѣсяца выпало 167,3 мм., то-есть на 100% болѣе противъ нормальнаго количества.

Вовторыхъ, необходимо имѣть въ виду, что большая часть наблюденій, послужившихъ для вывода приведенныхъ выше среднихъ, заканчивается 1882 и только нѣкоторыя 1885 годомъ, слѣдовательно, въ нихъ не входятъ послѣдніе годы, во время которыхъ метеорологическія условія были особенно неблагопріятны въ предѣлахъ черноземной полосы. Втретьихъ, наконецъ, надо замѣтить, что данныя, послужившія для этихъ выводовъ, относятся весьма часто къ совершенно различнымъ годамъ и даже десятилѣтіямъ; такъ, напримѣръ, для Орла взяты наблюденія за два періода — съ 1842 по 1845 годъ и съ 1860 по 1863 годъ—новѣйшихъ наблюденій нѣтъ; для Рязанской губерніи наблюденія съ 1871 г. по 1882 г.; для Казанской губерніи — съ 1857 г. по 1876 г.; для Полтавы — съ 1871 г. по 1877 г.; для Курска—съ 1842 г. по 1859 г.; для Пензы—съ 1865 г. по 1878 г., для Самары — съ 1859 г. по 1877 г. и т. п. Очевидно, что при такихъ условіяхъ данныя для характеристики настоящихъ климатическихъ условій черноземной полосы и въ особенности для сужденія о тѣхъ измѣненіяхъ въ нихъ, которыя могли произойти въ послѣдніе годы, далеко недостаточны и что была бы въ высшей степени желательна дальнѣйшая разработка новѣйшихъ наблюденій такого же рода, которыя пока имѣются только въ видѣ сыраго матеріала въ публикуемыхъ главною физическою обсерваторіей отчетахъ.

Однако уже и приведенныя выше данныя могутъ служить для нѣкоторыхъ небезынтересныхъ выводовъ въ отношеніи естественныхъ условій русскаго земледѣлія и тѣхъ культурныхъ мѣръ, которыя могутъ повести къ обезпеченію урожайности

нашихъ полей. Именно, изъ этихъ данныхъ видно, что, по крайней мѣрѣ въ среднемъ, количество влаги, выпадающей съ неба въ теченіе періода растительной жизни нашихъ культурныхъ хлѣбовъ, вполнѣ достаточно для ихъ успѣшнаго произрастанія. И, если, тѣмъ не менѣе, въ предѣлахъ черноземной полосы не только въ исключительно сухіе годы, но болѣе или менѣе постоянно, жалуются на засуху, то это зависитъ не столько отъ недостатка атмосферныхъ выпаданій, сколько отъ другихъ причинъ, которыя и требуютъ внимательнаго разсмотрѣнія. Здѣсь мы точно также можемъ эти причины только намѣтить, такъ какъ подробное изученіе ихъ выходило бы за рамки нашей настоящей статьи. Такъ, напримѣръ, необходимо обратить вниманіе на число дней съ осадками и на количество влаги, выпадающей съ каждымъ отдѣльнымъ дождемъ. Въ этомъ отношеніи оказывается, что въ сѣверной части черноземной полосы дождливыхъ дней въ году значительно больше, чѣмъ въ средней и въ особенности южной ея частяхъ. Именно, въ первой насчитывается въ теченіе года 133 дня съ осадками (дождемъ и снѣгомъ), во второй—102 дня, а въ третьей только 81 день. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на каждый дождливый день приходится въ первой полосѣ всего около 38 мм. выпадающей влаги, а во второй и третьей—43 – 45 мм.: слѣдовательно, въ первой атмосферныя выпаденія распредѣлены равномѣрнѣе, дожди чаще, но они за одинъ разъ менѣе обильны, а, слѣдовательно, почва имѣетъ возможность лучше удержать и впитать въ себя выпадающую влагу. Между тѣмъ, въ другихъ частяхъ черноземной полосы часть воды не успѣваетъ впитаться въ почву, а стекаетъ съ полей въ ложбины, овраги и рѣки, пропадая безъ пользы для растительности. Еще рѣзче эта разница по отношенію къ мѣстностямъ, лежащимъ за предѣлами черноземнаго района. Такъ въ Москвѣ, при средней цифрѣ годовыхъ осадковъ въ 536 мм., насчитывается 170 дней съ осадками, въ С.-Петербургѣ, при цифрѣ осадковъ въ 470 мм., дней съ осадками 156, въ Новгородѣ при 480 мм.—173 дня и т. д. На каждый день съ осадками приходится въ Москвѣ 31 мм., въ С.-Петербургѣ 30 мм., а въ Новгородѣ только 28 мм. Отсюда ясно, что внѣ черноземной полосы, съ одной стороны, число дней съ осадками абсолютно больше, чѣмъ въ предѣлахъ черноземнаго района, а съ другой—на каждый день съ осадками приходится выпадающей влажности сравнительно менѣе, слѣдовательно, влага распредѣлена равномѣрнѣе, болѣе благопріятно

для почвы и растительности, чѣмъ въ предѣлахъ черноземной полосы, причемъ въ послѣдней чѣмъ далѣе на югъ, тѣмъ условія въ этомъ отношеніи хуже.

Для большей наглядности сопоставимъ всѣ вышеприведенныя данныя въ формѣ таблицы, добавивъ къ нимъ данныя о количествѣ осадкомъ, ниспадающихъ въ растительный періодъ (апрѣль—октябрь) въ трехъ избранныхъ нами пунктахъ нечерноземной полосы:

	Общее колич. осадковъ.	Въ томъ числѣ въ растит. періодѣ.	Общее число дней съ осадками	На одинъ день съ осадк. приход. влаги.
Сѣв. нечерн. пол.				
С.-Петербургъ . .	470,5 мм.	337,4 мм.	156	31
Новгородъ	480 „	331,7 „	173	28
Москва	536 „	367 „	170	30
Среднее.	495,5 мм.	345,4 мм.	166	30
Черноземн. пол.				
Сѣв. окр.	502 мм.	351,3 мм.	133	38
Центр. часть. . .	458 „	320,6 „	102	45
Южн. окр	350 „	271,0 „	81	43,2
Среднее.	437 мм.	314,0 мм.	105	42

Изъ этихъ данныхъ вполнѣ очевидно, что главная разница, въ отношеніи атмосферныхъ ниспаденій, между черноземною и нечерноземною частями Европейской Россіи, не въ общемъ количествѣ годовыхъ осадковъ, въ отношеніи которыхъ нечерноземная часть превышаетъ черноземную только на 13%, и даже не въ количествѣ осадковъ, приходящихся на растительный періодъ, по отношенію къ которымъ разница въ пользу первой только на 10%, но въ общемъ числѣ дней съ осадками, которыхъ въ нечерноземной части Имперіи на 60% болѣе, чѣмъ въ черноземной, а равно въ количествѣ влаги, ниспадающей въ каждый отдѣльный день, въ отношеніи котораго, наоборотъ, черноземная полоса превышаетъ нечерноземную на 40%. Точно также и въ отношеніи колебаній въ количествѣ влажности по годамъ разница между отдѣльными годами никогда не бываетъ такъ значительна въ предѣлахъ сѣверной нечерноземной полосы, какъ въ предѣлахъ черноземной. Такъ, если взять данныя за болѣе или менѣе одинаковый періодъ лѣтъ (12) по С.-Петербургу, Москвѣ, Воронежу, Кіеву, Лугани и Сердобску, то окажется, что въ первыхъ двухъ разница между наиболѣе сырыми и наиболѣе

сухими годами, принимая нормальную среднюю цифру за 100%, не превышаетъ 56% (maximum—137%, minimum—81%), между тѣмъ какъ въ названныхъ пунктахъ черноземной полосы разница доходитъ до 83% (maximum повышается иногда до 150% противъ нормальной цифры, minimum падаетъ до 67%). Эти цифры еще болѣе подтверждаютъ сказанное выше, именно, что не столько отъ абсолютнаго недостатка влажности страдаетъ наша черноземная область, сколько отъ неравномѣрнаго ея распредѣленія, какъ въ предѣлахъ одного года, такъ и еще болѣе отъ одного года къ другому. Эти выводы въ высшей степени важны, потому что они даютъ указанія въ отношеніи тѣхъ средствъ, къ которымъ долженъ прибѣгать черноземный хозяинъ въ видахъ пользованія тою влагой, которую ему посылаетъ небо, то крайне скудно, то въ избыткѣ, но въ общемъ все же достаточно для его сельско-хозяйственныхъ цѣлей и нуждъ. Кромѣ того, эти же цифры указываютъ, что, помимо вопроса о количествѣ ниспадающей влаги, должны быть и другія метеорологическія явленія, вліяющія неблагопріятнымъ образомъ на условія земледѣлія въ черноземной полосѣ.

Въ чемъ же эти явленія заключаются? Прежде всего тутъ надлежитъ обратить вниманіе на высокую температуру лѣтнихъ мѣсяцевъ и еще болѣе на чрезвычайно жгучіе лѣтніе, попреимуществу юго-восточные, вѣтры, которые приносятъ къ намъ раскаленный воздухъ средне-азіятскихъ степей, не успѣвающій охладиться во время быстраго прохожденія надъ сравнительно узкимъ Каспійскимъ моремъ. Эти вѣтры и приносимый ими горячій сухой воздухъ обусловливаютъ усиленное испареніе влаги изъ почвы и дѣлаютъ то, что даже послѣ сильныхъ ливней, въ изобиліи выпавшая влага не успѣваетъ впитаться въ почву на сколько-нибудь значительную глубину, и очень скоро опять уносится въ воздухъ, прежде чѣмъ растенія могли въ достаточной степени ею воспользоваться. Самыя высокія температуры, которыя наблюдались въ Россіи, приходятся на губерніи юго-восточныя, гдѣ термометръ нерѣдко и иногда втеченіе цѣлаго ряда дней повышается до 32°, 33°, иногда даже до 35° R. въ тѣни. Но такъ какъ въ то же время небо большею частью бываетъ совершенно безоблачно, то подъ палящими лучами солнца температура на солнцѣ повышается до 45—50 и болѣе градусовъ. Въ ночное же время пониженіе температуры бываетъ сравнительно незначительное, а ниспаденія росъ иногда въ теченіе

цѣлыхъ недѣль вовсе не замѣчается. Страшная сухость воздуха ведетъ за собой испареніе послѣднихъ остатковъ влаги изъ почвы; въ отсутствіи почвенной влаги растенія не могутъ почерпать потребнаго имъ, не только для своего развитія, но и для поддержанія жизни количества воды; надземные органы ихъ, отдавая воздуху сквозь поры и устьица листовой поверхности запасъ влаги, ранѣе въ нихъ накопленной, вянутъ, хирѣютъ, а иногда и совершенно вымпаютъ. Такъ какъ растенія обладаютъ различною въ этомъ отношеніи живучестью и способность ихъ черпать и задерживать влагу неодинакова, то между растеніями идетъ какъ бы настоящая борьба за влагу. Сорныя травы, какъ наиболѣе живучія и выносливыя, въ этой борьбѣ обыкновенно остаются побѣдителями, заглушая болѣе нѣжныя культурныя растенія. Вотъ отчего въ сухіе годы поля обыкновенно зарастаютъ лебедой, которая находитъ для себя достаточно влаги въ то время, когда пшеница или рожь погибаютъ отъ недостатка влаги. Только въ исключительно сухіе годы, какъ нынѣшній, отсутствіе влаги бываетъ такъ велико, что и для лебеды не находится достаточно ея запаса. Тогда въ поляхъ, какъ говорится, „ни хлѣба, ни лебеды“, и это, конечно, годы самые ужасные и для земледѣлія, и для земледѣльца...

Кромѣ отсутствія потребной растеніямъ влажности, весьма сильное, хотя пока еще далеко не изслѣдованное дѣйствіе производитъ на нихъ избытокъ солнечнаго свѣта; слишкомъ интенсивное, какъ и недостаточное освѣщеніе вредно отражаются на жизненныхъ процессахъ растеній и уменьшаютъ ихъ урожайность. Къ сожалѣнію, на большей части метеорологическихъ станцій вовсе не производится наблюденій надъ напряженностью солнечнаго луча и опредѣляется только облачность неба, да и то на глазъ. Сельскіе хозяева считаютъ особенно вреднымъ для растеній иногда выпадающіе лѣтомъ дожди при яркомъ солнечномъ освѣщеніи. Затѣмъ, есть цѣлый рядъ подмѣченныхъ сельскими хозяевами явленій, сущность которыхъ однако не объяснена и которыя наукой до сихъ поръ совершенно игнорируются. Таковы прежде всего разныя вредныя *росы*, которымъ хозяева приписываютъ иногда плохой урожай растеній. Роскошно развившіяся растенія нерѣдко вдругъ блекнутъ, подсыхаютъ, завязь не даетъ плода—*вредная роса пала*, говорятъ въ подобныхъ случаяхъ хозяева, но что̀ это за роса такая и отчего зависитъ ея вредное дѣйствіе — никто хорошенько не знаетъ. Впрочемъ, слѣдуетъ

замѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ хозяева приписываютъ здѣсь такія явленія, которыя ничего общаго съ росой не имѣютъ. Такова, напримѣръ, такъ называемая *красная роса*, подъ именемъ которой понимаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хлѣбную *ржавчину*, или *ржу*, появляющуюся на хлѣбахъ вслѣдствіе размноженія паразитнаго грибка „Puccinia graminis“. Но установить связь между появленіемъ ржавчины и засухой невозможно, такъ какъ она, наоборотъ, сильнѣе поражаетъ хлѣба въ сырые годы, нежели въ сухіе, а также чаще обнаруживается въ долинахъ и на низинахъ, близъ рѣчекъ, озеръ и болотъ, нежели на сухихъ возвышенностяхъ. Наибольшій вредъ ржавчина приноситъ хлѣбамъ, появляясь во время ихъ цвѣтенія, и въ особенности поражаетъ пшеницу и овесъ. Впрочемъ, и многія другія растенія страдаютъ отъ различныхъ видовъ ржавчины; такъ, она составляетъ причину такъ называемой болѣзни подсолнечника, на которомъ размножается особый паразитный грибокъ „Puccinia Helianthi“. Однако, едва ли всѣ случаи поврежденія хлѣбовъ и другихъ культурныхъ растеній, приписываемые вреднымъ росамъ, могутъ быть объяснены появленіемъ на нихъ паразитныхъ организмовъ, такъ какъ иногда подобныя поврежденія обнаруживаются при условіяхъ, исключающихъ возможность подобнаго объясненія.

Еще губительнѣе дѣйствуютъ на растенія такъ называемые *захваты*, или *запалы*, или *мгла*, или *помоха* (помха), или *юй*. Подъ этими названіями понимаются въ разныхъ мѣстахъ различныя явленія, и наоборотъ, иногда одному и тому же явленію дается въ разныхъ мѣстамъ различное названіе, хотя всѣ они имѣютъ между собою очень много общаго. Подъ *захватомъ*, или *запаломъ* разумѣется чрезвычайно быстрое, несвоевременное подсыханіе, созрѣваніе хлѣба на корню, ранѣе полнаго налива зерна, которое получается при этомъ тощимъ, щуплымъ, морщинистымъ и крайне легковѣснымъ, хотя и не теряющимъ своей всхожести. Всего вѣроятнѣе предположить, что захватъ является послѣдствіемъ жгучаго юго-восточнаго вѣтра, который подсушиваетъ, какъ бы поджариваетъ стебель, колосъ и зерно, препятствуя поступленію въ него подлежащаго количества питательныхъ веществъ, вслѣдствіе несвоевременнаго прекращенія жизненной дѣятельности растенія. Юго-восточный вѣтеръ въ жаркіе и сухіе годы дуетъ очень часто иногда и раннею весной, но дѣйствія его бываютъ особенно губительны именно въ періодъ налива или созрѣванія зерна. Когда этотъ вѣтеръ дуетъ весной, онъ только

способствуетъ крайне быстрому таянію снѣга и слишкомъ скорому обсыханію почвы; позднѣе—онъ задерживаетъ нормальное развитіе полевыхъ растеній, препятствуетъ ихъ кущенію и т. п., усиливая и безъ того пагубное дѣйствіе засухи. Но только со второй половины іюня, когда наступаетъ время налива зерна, начинается его наиболѣе губительное дѣйствіе. Тутъ онъ производитъ свои опустошенія, большею частью внезапно, иногда въ 2—3 часа и разомъ сводитъ почти на нѣтъ всѣ надежды земледѣльца. Отъ дѣйствія захвата болѣе всего страдаетъ пшеница, какъ озимая, такъ и яровая, менѣе—рожь, овесъ и гречиха, а въ иные годы, какъ въ 1891 г., и просо, несмотря на то, что просо представляетъ собою одно изъ растеній, наилучше противустоящихъ засухѣ. Въ мѣстностяхъ безлѣсныхъ случаи захвата чаще и они губительнѣе, чѣмъ въ мѣстахъ, защищенныхъ отъ юго-восточнаго вѣтра лѣсными насажденіями.

Мгла или *помоха* дѣйствуетъ на растенія почти такъ же, какъ захватъ, но только вліяніе ея проявляется рѣзче и обнаруживается болѣе рѣзкими наружными признаками. Мгла *палитъ* хлѣба, какъ выражаются хозяева,—она сушитъ растенія, наиболѣе поражая ихъ зеленыя части, жжетъ листья, какъ бы огнемъ, причемъ дѣйствія ея проявляются не только на полевыхъ растеніяхъ, но даже и на деревьяхъ. Вліяніе ея на урожай не менѣе губительно, чѣмъ вліяніе захвата, съ которымъ она очень часто смѣшивается. Замѣчательно, однако, что мгла большею частью идетъ полосами, иногда очень широкими, захватывая цѣлыя поля, иногда, напротивъ того, очень узкими, въ нѣсколько саженъ, причемъ направленіе ея нерѣдко можно бываетъ прослѣдить на хлѣбахъ, на травѣ, на деревьяхъ по выжженнымъ, пожелтѣвшимъ или покраснѣвшимъ, свернувшимся, какъ бы отъ дѣйствія огня, листамъ.

Мгла появляется въ знойное время, большею частью во второй половинѣ іюня или въ началѣ іюля, иногда вскорѣ послѣ выпавшихъ дождей, въ томъ случаѣ, если вслѣдъ за ними наступаетъ очень жаркая погода. Часто мгла проявляется въ видѣ сухаго, иногда очень густаго тумана, сквозь который едва проглядываетъ блѣдно-красный солнечный шаръ безъ лучей, а небо, при полномъ отсутствіи облаковъ, имѣетъ мрачный, сѣроватый оттѣнокъ. Такой туманъ стоитъ иногда по нѣсколько дней; случается, что онъ появляется съ восходомъ солнца и исчезаетъ къ полудню. Наибольшій вредъ мгла наноситъ хлѣбу во время

его цвѣтенія или налива зерна, причемъ отъ нея, какъ и отъ захвата, наиболѣе страдаютъ пшеница и овесъ. Всего замѣчательнѣе то, что, какъ уже сказано, мгла не уничтожаетъ посѣвовъ сплошь, а портитъ ихъ круговинами или полосами. Нерѣдко на одной и той же десятинѣ часть хлѣба повреждена, а другая часть остается нетронутою. Иногда мгла повреждаетъ больше хлѣбъ, растущій на высокихъ мѣстахъ, иногда, наоборотъ, растущій на низинахъ, особенно около воды и притомъ на земляхъ солонцоватыхъ, сухихъ, на которыхъ хлѣба и безъ того бываютъ хуже и съ меньшимъ запасомъ жизненной силы. Впрочемъ, по замѣчанію хозяевъ, никакая обработка, никакое состояніе хлѣбовъ не можетъ предохранить ихъ отъ произведенныхъ этимъ явленіемъ опустошеній, хотя и наблюдаютъ, что въ однихъ мѣстахъ оно повторяется чаще, въ другихъ рѣже. Условія, сопровождающія это явленіе, далеко еще не выяснены и самыя формы, въ которыхъ они обнаруживаются, часто бываютъ весьма различными. Такъ, считаютъ, что при вѣтрѣ мгла почти не замѣтна и не вредна; наоборотъ, мгла дѣйствуетъ всего опустошительнѣе при тихой погодѣ и совершенно безоблачномъ, но въ то же время подернутомъ какъ бы туманною пеленой, небѣ. Можно было бы подумать, что вредныя послѣдствія этого явленія для растительности обусловливаются свѣтовыми причинами, но этому предположенію, повидимому, противорѣчитъ его прихотливый, случайный характеръ—обусловливающій поврежденіе полей не сплошь, а полосами, иногда очень узкими и притомъ извилистыми, или же круговинами. Степень производимаго мглой поврежденія хлѣбовъ зависитъ, кромѣ, конечно, обширности охваченнаго ею пространства, отъ того времени, когда это явленіе обнаруживается. Въ Самарской губерніи, которая, какъ и все нижнее Поволжье, наиболѣе отъ него страдаетъ, хозяева считаютъ, что если мгла появляется во второй половинѣ іюня, то-есть въ періодъ цвѣтенія пшеницы, то они теряютъ до 50% урожая; при появленіи мглы въ первой половинѣ іюля потеря на урожаѣ составляетъ до 30%, позже, во второй половинѣ іюля—не болѣе 15%. Замѣчаютъ также, что съ уничтоженіемъ лѣсовъ мгла появляется чаще и охватываетъ бо́льшія пространства. Вотъ какъ описываетъ, напримѣръ, князь В. И. Васильчиковъ въ извѣстной статьѣ своей *Черноземъ и его будущность* [1] наблюдавшееся имъ однажды появленіе мглы:

[1] *Отечеств. Зап.*, 1876 г., № 2.

„Въ іюнѣ мѣсяцѣ, при удушливомъ юго-восточномъ вѣтрѣ, ко мнѣ налетѣла мгла, столь часто посѣщающая сельскихъ степныхъ хозяевъ. Она прорвалась черезъ мой садъ, вдоль по широкой аллеѣ, случившейся ей на пути, *обожгла* мои молодыя вишневыя деревья, перелетѣла черезъ прудъ, *опалила* на той сторонѣ свеклу въ серединѣ засѣяннаго тамъ поля, коснувшись крайнихъ десятинъ, уперлась въ далѣе лежащій лѣсъ, обожгла опушку и исчезла въ глуши лѣсонасажденія. Ясно, что не будь этого лѣса, мгла полетѣла бы далѣе и продолжала бы свое опустошеніе. Еслибы въ юго-восточной части моего имѣнія былъ лѣсъ, то мгла эта остановилась бы за нимъ и не посѣтила бы ни моихъ вишенъ, ни моей свеклы.“

Итакъ, вотъ явленіе, хорошо знакомое всѣмъ хозяевамъ степной черноземной полосы и въ то же время не только не объясненное наукой, но, можно сказать, даже непзвѣстное ей. Ни отсутствію влаги, ни жарѣ, ни вѣтру, ни лучамъ солнца нельзя приписать тѣхъ опустошеній, которыя мгла производитъ, хотя несомнѣнно вмѣстѣ съ тѣмъ, что она проявляется только при наличности большей части этихъ условій. Профессоръ Костычевъ, который, какъ извѣстно, много занимался изслѣдованіемъ различныхъ вопросовъ нашего черноземнаго хозяйства, сообщалъ мнѣ, напримѣръ, что, по его мнѣнію, мгла, проявляющаяся обыкновенно въ формѣ сухаго тумана, представляетъ, можетъ-быть, не что̀ иное, какъ тончайшія частицы раскаленной пыли, которая приносится юго-восточнымъ вѣтромъ издалека, быть-можетъ, изъ средне-азіятскихъ степей, и что было бы весьма интересно изслѣдовать обожженные, свернувшіеся подъ ея вліяніемъ листья растеній и подсушенные колосья, чтобъ убѣдиться, нѣтъ ли на нихъ пыльнаго налета, по которому можно было бы судить о степени достовѣрности этого объясненія. Академикъ Миддендорфъ, въ своемъ извѣстномъ описаніи Ферганской области, говоритъ о случающихся тамъ *лёсовыхъ туманахъ*, представляющихъ не что̀ иное, какъ поднявшіяся на воздухъ частицы лёсовой пыли, которая можетъ вѣтромъ переноситься на огромныя разстоянія, накаляясь подъ жгучими лучами палящаго солнца. А что знойный воздухъ средне-азіятскихъ степей можетъ къ намъ долетать черезъ Каспійское море, черезъ обнаженныя ото всякой растительности прикаспійскія степи—въ этомъ едва ли есть основанія сомнѣваться. Вѣдь даже въ такихъ мѣстахъ, какъ Астраханскія степи, были лѣса, уничтоженные

недавно, на памяти нынѣ живущаго поколѣнія. Вотъ что̀, напримѣръ, говоритъ Ѳ. К. Арнольдъ въ извѣстномъ сочиненіи своемъ *Русскій лѣсъ:* [1]

„Есть въ Астраханской губерніи громадная площадь, примѣрно во 12 [illegible].0. 0 десятинъ, подъ названіемъ *Нарынь-пески*, на которой еще сорокъ лѣтъ тому назадъ былъ такой лѣсъ, что при проѣздѣ черезъ него нужно было перевьючивать верблюдовъ: теперь же отъ этого лѣса остались только куртины, которыя и назвать-то лѣсомъ нельзя. На вырубкахъ пасутъ скотъ, который разрыхляетъ песчаную почву, дѣлаетъ ее подвижною, и сыпучіе пески представляютъ серьезную опасность для окружающей обрабатываемой мѣстности; куртины же не защищаютъ въ настоящее время отъ этой опасности.“

Весьма естественно, что когда на мѣсто обширнаго, тѣнистаго лѣса, задерживавшаго въ себѣ влагу, укрѣплявшаго почву и подпочву и составлявшаго защиту отъ вѣтра—образовалась раскаляемая солнцемъ голая песчаная пустыня, надъ которой свободно проносится жгучій вѣтеръ, не встрѣчая себѣ никакой преграды; когда воздухъ уже не насыщается, какъ прежде, влажностью, проносясь надъ лѣсомъ, а напротивъ, только, такъ-сказать, вбираетъ въ себя облака мельчайшей песчаной пыли, которую онъ затѣмъ переноситъ на громадныя пространства,—то климатъ и ближайшихъ и даже болѣе отдаленныхъ мѣстностей измѣняется и естественныя условія земледѣлія съ каждымъ днемъ становятся хуже, а вмѣстѣ съ тѣмъ учащаются и разнаго рода гибельныя для земледѣлія явленія.

Съ тѣхъ поръ, какъ съ уничтоженіемъ лѣсовъ не стало защиты отъ вѣтровъ, сила ихъ увеличилась, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличились и вредныя ихъ послѣдствія для сельскаго хозяйства. Такъ, не далѣе какъ минувшимъ лѣтомъ, по нѣкоторымъ уѣздамъ губерній Орловской, Курской, Харьковской, Полтавской и Екатеринославской прошелъ необычайной силы циклонъ, который произвелъ страшныя опустошенія: вырвалъ съ корнемъ цѣлые лѣса, разрушилъ множество строеній, мельницъ, сорвалъ мосты, причемъ пострадало не мало народа и т. п. Такой же циклонъ имѣлъ мѣсто въ юго-восточной Россіи, гдѣ отъ него пострадали многія лѣсныя дачи, напримѣръ, удѣльнаго вѣдомства. Но даже оставляя въ сторонѣ такія исключительныя явленія, какъ

[1] Томъ I, стр. 145.

циклоны, нельзя не упомянуть о вредномъ для полевой культуры вліяніи вѣтровъ, которое заключается въ такъ называемомъ *выдуваніи* сѣменъ, молодыхъ растеній и самой почвы. Во время лѣтнихъ засухъ постоянно приходится наблюдать обширныя пространства, покрытыя густымъ слоемъ пыли, которая мѣстами скопляется на подобіе зимнихъ сугробовъ, особенно если почва легкая, песчаная. Иногда при этомъ, на мѣстахъ наиболѣе подверженныхъ дѣйствію вѣтра, уносится весь верхній, разрыхленный пахотный слой, вплоть до самой подпочвы, корни растеній обнажаются и подсыхаютъ. О песчаныхъ заносахъ, покрывающихъ нерѣдко многія сотни десятинъ плодородной земли и превращающихъ луга и пахотныя земли въ лишенные всякой растительности пустыри—мы уже говорили. Лишенная верхняго растительнаго слоя почва становится вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе доступною вымыванію весенними и дождевыми водами,—отчего разростаются и распространяются овраги. Вымываемая земля уносится водой и отлагается въ нижней части овраговъ, въ рѣкахъ и прудахъ, обусловливая ихъ обмелѣніе и даже совершенное высыханіе. Особенно вредное вліяніе имѣютъ сильные лѣтніе ливни, которые не только содѣйствуютъ размыванію почвы, но производятъ и непосредственное истощеніе пахотнаго слоя, унося изъ него массу полезныхъ питательныхъ составныхъ частей. На эту вредную сторону ливней обратилъ особенное вниманіе г. Филипченко въ статьѣ своей *Защита почвы отъ истощенія*.[1] Сила вымывающаго дѣйствія дождя зависитъ, съ одной стороны, отъ условій его ниспаденія, а съ другой—отъ характера почвы. Значительное количество дождя, выпадающаго въ короткій промежутокъ времени, вымываетъ изъ почвы несравненно больше составныхъ частей, чѣмъ то же количество дождя, но выпавшее въ теченіе бо́льшаго времени. Наши южные ливни въ этомъ отношеніи гораздо болѣе вредятъ почвѣ, чѣмъ сѣверные затяжные мелкіе дожди. Не всѣ вещества вымываются почвой въ одинаковомъ количествѣ, повидимому наиболѣе всего вымывается веществъ, заключающихъ въ себѣ наиболѣе цѣнную составную часть почвы—*азотъ;* затѣмъ слѣдуютъ щелочи, известь и т. п. Въ отношеніи азота можно считать доказаннымъ, говоритъ г. Филипченко, что его вымывается изъ почвы дождями болѣе, чѣмъ сколько поступаетъ въ снимаемые урожаи. Особенно

[1] *Земледѣльческая Газета*, 1888 г., №№ 17, 18 и 19.

значительны эти потери на поляхъ, имѣющихъ болѣе или менѣе замѣтные склоны, по которымъ вода, послѣ сильнаго ливня, бѣжитъ иногда цѣлыми потоками, оставляя послѣ себя глубокія водороины, которыя постепенно переходятъ въ овраги. Само собою разумѣется, что съ тѣхъ поръ, какъ у насъ землевладѣльцы, а еще болѣе крестьяне, распахали не только всѣ луга и выгоны, но даже и склоны овраговъ и балокъ—подобное разрушительное дѣйствіе ливней стало еще болѣе значительнымъ, а мѣстами принимаетъ и прямо угрожающій характеръ. Бороться съ этимъ зломъ можно только категорическимъ воспрещеніемъ дальнѣйшей распашки такихъ склоновъ, обязательнымъ ихъ залуженіемъ, а еще лучше—обсадкою ихъ лѣсомъ, но объ этомъ, къ сожалѣнію, никто у насъ не думаетъ и никакихъ мѣръ противъ истощенія такимъ путемъ нашихъ почвъ не принимается.

Изъ сказаннаго видно, что насколько недостатокъ влаги вреденъ для земледѣлія въ годы чрезмѣрно сухіе, настолько и избытокъ ея при неравномѣрномъ ниспаденіи можетъ быть неблагопріятенъ не только для воздѣлываемыхъ растеній, но и для самой почвы. А эти именно условія мы и встрѣчаемъ въ предѣлахъ нашей степной черноземной полосы, съ ними прежде всего приходится считаться хозяину, и успѣшная борьба съ ними, умѣнье съ ними совладать, несомнѣнно составляютъ главное условіе успѣшнаго веденія хозяйства въ этой области Россіи, которая можетъ считаться богатою лишь постолько, посколько вода будетъ служить цѣлямъ человѣка и находиться въ его рукахъ.

Что же можетъ сдѣлать сельскій хозяинъ для того, чтобы воспользоваться тѣмъ количествомъ влаги, которая дается ему природой? На первомъ планѣ тутъ, конечно, должно быть поставлено сбереженіе и сохраненіе влаги—путемъ образованія запрудъ и искусственнаго орошенія полей и луговъ накопленною такимъ образомъ водой. За этимъ слѣдуетъ лѣсоразведеніе, при посредствѣ котораго можетъ быть увеличено количество ниспадающихъ съ неба дождей и увеличенъ запасъ влаги въ почвѣ и въ воздухѣ. Но ни о лѣсоразведеніи, ни объ орошеніи мы пока говорить не будемъ, имѣя въ виду посвятить этимъ вопросамъ отдѣльныя статьи. Здѣсь мы остановимся поэтому только на разсмотрѣніи тѣхъ культурныхъ пріемовъ, при помощи которыхъ хозяинъ можетъ наилучшимъ образомъ использовать естественно притекающую или ниспадающую на его поля воду, пріемовъ, отъ которыхъ, какъ мы увидимъ ниже, въ значительной степени

зависитъ успѣшность земледѣлія. Конечно, въ годы такого страшнаго бездождья, какъ 1891, когда въ теченіе долгихъ недѣль и мѣсяцевъ природа изнывала отъ жажды и небо не посылало ни единой капли дождя, когда земля просохла болѣе, чѣмъ на аршинную глубину, когда пзсякли пруды, колодцы и источники, когда раскаленный воздухъ и жгучіе вѣтры словно огнемъ выжигали и землю, и растенія—едва ли какими-либо культурными пріемами, кромѣ одного орошенія, возможно было бы противодѣйствовать засухѣ. Но такіе годы до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, благодаря Бога, составляли исключенія, повторялись не болѣе двухъ-трехъ разъ въ столѣтіе. Какъ ни измѣнились къ худшему естественныя условія нашего земледѣлія, нѣтъ еще достаточно основаній утверждать, что теперь подобныя необычайныя явленія сдѣлаются нормальными—это было бы гибелью не только для русскаго земледѣлія, но, можно сказать, и для Россіи. При обычныхъ же условіяхъ земледѣлія въ степной части нашей черноземной полосы, въ той области ея, которая всего болѣе и всего чаще терпитъ отъ засухъ и привыкла съ ними бороться, существуетъ цѣлый рядъ частью уже усвоенныхъ хозяевами, частью только испытываемыхъ ими мѣръ, которыя могутъ обѣщать сельскимъ хозяевамъ хорошіе результаты. Въ интересахъ русскаго земледѣлія было бы крайне важно, чтобъ эти мѣры были подвергнуты возможно тщательному изученію и чтобы тѣ изъ нихъ, которыя оказываются наиболѣе удачными, получили возможно широкое распространеніе. Подробное описаніе всѣхъ подобнаго рода культурныхъ пріемовъ, конечно, завлекло бы насъ слишкомъ далеко и было бы едва ли умѣстно на страницахъ не спеціально сельскохозяйственнаго журнала. Но мы постараемся только, такъ-сказать, привести общую характеристику этихъ мѣръ и указать то направленіе, котораго слѣдуетъ держаться сельскимъ хозяевамъ при обработкѣ почвы и воздѣлываніи растеній въ мѣстностяхъ наиболѣе страдающихъ отъ засухъ. Многое, въ этомъ отношеніи, еще остается выработать, но кое-что дознано уже, испытано и доказало свою полную пригодность и теперь.

Извѣстно, что потребность культурныхъ растеній въ водѣ, способность ихъ противостоять засухѣ, какъ и другимъ неблагопріятнымъ климатическимъ условіямъ, далеко неодинаковы. Различныя растенія поглощаютъ изъ почвы и испаряютъ сквозь листья въ воздухъ весьма различныя количества влаги, которая притомъ

черпается имп изъ различныхъ почвенныхъ слоевъ, въ зависимости отъ глубины проникания ихъ корней. Кромѣ того, тутъ имѣютъ значеніе и величина листовой поверхности, и густота стоянія растенія, и степень развѣтвленія его корней и, наконецъ, индивидуальныя, такъ-сказать, особенности различныхъ растеній. При этомъ необходимо имѣть въ виду еще и то обстоятельство, что хотя всѣ вообще растенія, поглощая изъ почвы различныя количества влаги, дѣйствуютъ на почву иссушающимъ образомъ, самая степень этого иссушающаго дѣйствія различна. Земля густо заросшая растеніями, особенно образующими сплошной дернъ, какъ, напримѣръ, лугъ, степь или залежь, всего менѣе поглощаетъ ниспадающей съ неба воды, потому что плотная поверхность такой земли препятствуетъ водѣ проникать вглубь, и большая часть ея остается на поверхности, стекаетъ при малѣйшей покатости или испаряется обратно въ воздухъ. Въ то же время такая почва всего болѣе теряетъ влаги, которая испаряется при посредствѣ густо растущихъ на ней растеній: подъ слоемъ степнаго дерна почва всегда болѣе суха, и это иссушающее дѣйствіе степной растительности проникаетъ иногда на довольно большую глубину. Напротивъ того, рыхлая поверхность совсѣмъ свободнаго отъ растеній пароваго поля, или поля, занятаго рѣдко стоящими растеніями, какъ, напримѣръ, картофелемъ, свекловицей, кукурузой, подсолнечникомъ, поглощаетъ наибольшее количество ниспадающей воды и всего лучше ее сохраняетъ, такъ какъ естественное физическое испареніе влаги изъ самой почвы гораздо меньше того физіологическаго процесса испаренія влаги растеніями, такъ-называемой транспираціи, которое отнимаетъ у почвы, покрытой растеніями, запасъ заключающейся въ ней влаги и всего болѣе ее иссушаетъ. До какой степени различно въ этомъ отношеніи дѣйствіе разныхъ растеній, можно судить изъ того, напримѣръ, что, какъ показали изслѣдованія, расходъ воды для полученія одного пуда сухаго вещества составляетъ: [1]

Для кукурузы	233	пуда
„ яровой пшеницы	359	„
„ гороха	369	„
„ проса	410	„
„ подсолнечника	490	„

[1] Среднее изъ наблюденій Гельригеля и Вольни.

Для гречихи	508	пуда
„ овса	538	„
„ ячменя	542	„
„ рапса	624	„
„ горчицы	813	„

и т. д. Уже эти цифры показываютъ, какимъ растеніямъ слѣдуетъ отдавать предпочтеніе въ мѣстностяхъ, страдающихъ отъ засухъ. Кукуруза, яровая пшеница, горохъ, просо и подсолнечникъ стоятъ тутъ на первомъ планѣ, что̀ вполнѣ согласно и съ наблюденіями нашихъ практическихъ хозяевъ. Такъ, даже въ настоящемъ исключительномъ году, кукуруза, подсолнечникъ и яровая пшеница, особенно разновидность ея, извѣстная подъ названіемъ кубанки, наилучше выдержали засуху. Горохъ и просо если во многихъ мѣстахъ и погибли, то не столько отъ засухи, сколько отъ другихъ причинъ, горохъ—отъ выѣданія цвѣта и листа мошкарой, просо—отъ юго-восточнаго вѣтра и т. п. Но кромѣ абсолютнаго количества поглощаемой растеніями влаги, нужно принимать въ соображеніе и густоту стоянія растеній, а также величину ихъ листовой поверхности. Кукуруза, подсолнечникъ растутъ рѣдко, рядами; между отдѣльными растеніями оставляются значительные промежутки, поверхность почвы во время роста ихъ пропахивается или подвергается ручной обработкѣ, для ея разрыхленія и удаленія сорныхъ травъ (на долю которыхъ тоже достается немалое количество воды); а при этихъ условіяхъ расходъ воды еще болѣе уменьшается. Такимъ образомъ, кукуруза и подсолнечникъ, сами потребляя менѣе воды, чѣмъ бо́льшая часть другихъ культурныхъ растеній, вмѣстѣ съ тѣмъ способствуютъ накопленію воды въ почвѣ, а слѣдовательно подготовляютъ хорошія условія и для слѣдующихъ за ними растеній. Такое же дѣйствіе имѣютъ и другія пропашныя растенія, картофель, свекловица и т. п. Между тѣмъ, такія растенія, какъ рапсъ, горчица, а также злаковыя травы, напримѣръ, тимофеевка, извлекаютъ изъ почвы массы воды, иссушаютъ ее и тѣмъ создаютъ для послѣдующихъ растеній худшія условія. Извѣстно, что по правиламъ плодосмѣна рапсъ считается хорошимъ предшествующимъ растеніемъ для пшеницы, а между тѣмъ у насъ пшеница послѣ рапса часто не удается. Причина этого ясна—рапсъ поглощаетъ слишкомъ много воды, и слѣдующая за нимъ пшеница можетъ въ сухіе годы не найти достаточнаго запаса влажности въ почвѣ. Но въ годы, изобилующіе влагой, рапсъ можетъ

и самъ дать превосходный урожай, и даже до нѣкоторой степени сохранить влагу въ почвѣ, потому что, покрывая ее своею густою листовою поверхностью, онъ предохраняетъ верхній слой почвы отъ непосредственнаго испаренія влаги. Такое же дѣйствіе производитъ и гречиха, а также вика, которыя иногда вредны, а иногда полезны для послѣдующихъ культуръ, въ зависимости отъ того, было ли лѣто сухое или сырое.

Но, за симъ, есть растенія густолиственныя, испаряющія громадныя количества влаги изъ почвы, какъ, напримѣръ, люцерна, которыя тѣмъ не менѣе выдерживаютъ засуху превосходно, впрочемъ, при томъ только условіи, если почва для нихъ надлежащимъ образомъ приготовлена, а именно вспахана на достаточную глубину. Это зависитъ отъ того, что люцерна, при соотвѣтственныхъ свойствахъ почвы и подпочвы, пускаетъ свои корни на громадную глубину, иногда въ нѣсколько десятковъ футовъ и, слѣдовательно, получаетъ возможность черпать влагу изъ наиболѣе глубокихъ, нижнихъ слоевъ, въ которыхъ запасы ея неисчерпаемы. Намъ лично случилось наблюдать такого рода явленіе: въ сухіе годы люцерна растетъ туго, какъ будто чахнетъ и почти не развивается; затѣмъ вдругъ, безъ дождя, безо всякой видимой причины, какъ бы оживаетъ, зеленѣетъ и быстро идетъ въ ростъ—это значитъ, что корни ея достигли до глубокаго влажнаго подпочвеннаго слоя, откуда получили возможность черпать потребную имъ воду. При такихъ свойствахъ люцерна составляетъ незамѣнимое кормовое растеніе для нашихъ страдающихъ отъ засухъ мѣстностей, и можно только настойчиво рекомендовать разведеніе ея нашимъ степнымъ хозяевамъ.

Упомянутыя выше растенія—кукуруза и подсолнечникъ, имѣютъ еще и другія драгоцѣнныя свойства для нашихъ степныхъ, сухихъ и малоснѣжныхъ мѣстностей. Извѣстно, что высокіе стебли этихъ растеній, послѣ уборки головокъ подсолнечника и початковъ кукурузы, обыкновенно оставляются на полѣ до слѣдующей весны. Стебли эти задерживаютъ снѣгъ и препятствуютъ сдуванію его вѣтромъ, вслѣдствіе чего земля изъ-подъ кукурузы или подсолнечника лучше пропитывается влагой и даетъ хорошіе урожаи другихъ растеній, даже болѣе требовательныхъ на влагу. Воздѣлываніе кукурузы у насъ, къ сожалѣнію, еще слишкомъ мало распространено и почти исключительно сосредоточено на крайнемъ югѣ и юго-западѣ, въ губерніяхъ Бессарабской, Подольской, Кіевской, Херсонской, Екатеринославской, Таврическ-

ской и на Кавказѣ; между тѣмъ она несомнѣнно могла бы быть воздѣлываема гораздо сѣвернѣе ея настоящаго распространенія, въ губерніяхъ: Полтавской, Харьковской, Воронежской, Саратовской, Самарской, Астраханской. Правда, кукуруза боится весенникъ и осенникъ заморозковъ, но есть чрезвычайно скороспѣлые сорта ея, которые несомнѣнно могли бы акклиматизироваться въ этихъ губерніяхъ, гдѣ уже не разъ были дѣлаемы удачныя попытки разведенія кукурузы, оставленныя главнымъ образомъ за недостаткомъ сбыта, а отчасти и по незнакомству мѣстныхъ жителей съ культурой этого растенія.

Помимо распространенія такихъ растеній, какъ кукуруза и подсолнечникъ, которыя столь удачно противустоятъ засухѣ, нужно обратить вниманіе на тѣ *сорта* различныхъ растеній, которые уже приспособились къ извѣстнымъ благопріятнымъ условіямъ и которые, при перенесеніи въ мѣстности, гдѣ эти условія менѣе рѣзко выражены, могутъ дать тѣмъ лучшіе результаты. Таковы южно-русскія яровыя пшеницы — кубанка, бѣлотурка, арнаутка; венгерскія озимыя—банатка, тейсская и т. под., которыя лучше другихъ сортовъ выносятъ засуху. Таковы южно-русскіе сорта ячменя, которые можно переносить въ мѣстности болѣе сѣверныя, гдѣ засухи менѣе упорны и продолжительны, чѣмъ на югѣ. Наоборотъ, для предохраненія полей отъ гибельнаго вліянія заморозковъ и зимнихъ холодовъ, слѣдуетъ обращаться къ растеніямъ, заимствованнымъ изъ болѣе сурового климата.

Далѣе, съ точки зрѣнія борьбы съ засухой, сбереженія и использованія влаги, имѣютъ громадное, можно сказать, рѣшающее значеніе способы и сроки обработки земли, время и способы посѣва. Въ этомъ отношеніи, какъ мы увидимъ ниже, нашимъ черноземнымъ хозяевамъ приходится идти самобытнымъ путемъ, такъ какъ выработанные на западѣ и въ нечерноземной полосѣ Россіи пріемы, считающіеся тамъ наиболѣе совершенными, нѣкоторымъ образомъ классическими, оказываются для нихъ не только непригодными, но иногда даже вредными. Несомнѣнно, что эта непримѣнимость западно-европейскихъ пріемовъ обработки почвы въ нашихъ страдающихъ отъ недостатка влажности мѣстностяхъ послужила одною изъ главныхъ причинъ недовѣрія нашихъ хозяевъ къ агрономической наукѣ, къ такъ называемому хозяйничанью по агрономіи. И дѣйствительно, многое тутъ приносило такіе сюрпризы, предъ которыми и самой агрономіи приходилось становиться втупикъ, пока суть дѣла не была

выяснена и не было досканально дознано, въ чемъ заключается корень ошибки. Оказалось, что суть дѣла именно въ водѣ, что нѣмецкому, какъ и вообще западному и сѣверному хозяину о водѣ нечего заботиться, онъ можетъ смотрѣть на нее, какъ на факторъ, всегда присутствующій, нерѣдко даже въ вредномъ избыткѣ; у насъ же прежде всего и болѣе всего черноземному хозяину приходится думать о водѣ, такъ какъ безъ нея все прочее сводится къ нулю. Нѣтъ воды — нѣтъ и урожая, а будетъ дождь, будетъ и урожай. Но такъ какъ дождь далеко не всегда бываетъ, особенно тогда, когда онъ всего нужнѣе, то, значитъ, нужно поставить дѣло такимъ образомъ, чтобы по возможности была вода и безъ дождя. Достигнуть этого хотя и трудно, но можно, и многіе хозяева уже путемъ многолѣтняго опыта дошли до того, что знаютъ, что и какъ нужно и чего не нужно дѣлать, чтобы добиться желаемаго результата. Многому, конечно, остается научиться, многое приходится еще испытывать и тутъ, однако, первые шаги уже сдѣланы и путь намѣченъ, путь чисто практическій, но согласный и съ научными основами земледѣлія. Агрономія можетъ вновь поднять голову и освободиться отъ незаслуженныхъ упрековъ—не ея вина, если агрономическую науку смѣшали съ нѣмецкою практикой земледѣлія и сдѣлали первую отвѣтственною за непримѣнимость къ нашимъ условіямъ — второй.

Намъ, конечно, невозможно здѣсь вдаваться въ техническія подробности полевой культуры и потому мы остановимся только на тѣхъ главнѣйшихъ основаніяхъ, которыя необходимо имѣть въ виду при установленіи соотвѣтственныхъ нашимъ условіямъ пріемовъ обработки полей и посѣва растеній. Прежде всего мы напомнимъ сказанное выше о томъ, что земля, занятая растеніями, испаряетъ гораздо болѣе влаги, нежели земля не покрытая, и, наоборотъ, что земля, свободная отъ растеній, удерживаетъ, впитываетъ въ себя гораздо болѣе влаги, нежели земля, покрытая густою растительностью или сплошнымъ дерномъ. Соотвѣтственно этому, земля вспаханная, разрыхленная, какъ, напримѣръ, поверхность пароваго поля, поглощаетъ и сохраняетъ въ себѣ гораздо болѣе воды, нежели земля степная, луговая, нежели нераспаханное жнивье, или заросшій густою сорною растительностью паръ.

На этомъ принципѣ основаны два культурные пріема, имѣющіе громадное значеніе въ мѣстностяхъ, страдающихъ отъ

лѣтняго бездождья и вообще отъ неравномѣрнаго распредѣленія влаги, — черный паръ и возможно ранняя распашка пара съ весны.

Извѣстно, что подъ *чернымъ паромъ* понимаютъ паръ, распаханный съ осени и затѣмъ весной подвергаемый повторной поверхностной обработкѣ для уничтоженія появляющейся на немъ сорной растительности и для поддержанія его поверхности въ рыхломъ состояніи. Вспаханная подъ осень поверхность чернаго пара имѣетъ возможность гораздо болѣе, чѣмъ уплотненная земля изъ-подъ яроваго хлѣба, и еще болѣе изъ-подъ травы,— напитаться осеннею влагой. За симъ, съ первыми лучами весенняго солнца, черная поверхность пара скорѣе нагрѣется, скорѣе отойдетъ и будетъ, слѣдовательно, точно также имѣть возможность поглотить большее количество весенней влаги. Кромѣ того, и въ теченіе лѣта она будетъ въ состояніи лучше сохранить въ себѣ, какъ запасенную съ осени и весны, такъ и ниспадающую лѣтнюю дождевую влагу, такъ какъ, вопервыхъ, какъ мы уже говорили, физическое испареніе влаги изъ разрыхленной почвы меньше, чѣмъ изъ почвы уплотненной, а вовторыхъ, отсутствіе сорной растительности устранитъ и еще болѣе значительную потерю влаги черезъ надземные органы растеній, путемъ такъ-называемой транспираціи. При такихъ условіяхъ запасъ влаги въ почвѣ ко времени посѣва озимыхъ хлѣбовъ будетъ гораздо значительнѣе, чѣмъ еслибы земля вовсе не была вспахана, или вспахана поздно, или покрыта обильною сорною растительностью, которая хотя и защищаетъ нѣсколько верхній слой почвы отъ горячихъ лучей лѣтняго солнца и дѣлаетъ его на видъ болѣе влажнымъ, но за то высасываетъ влагу изъ болѣе глубокихъ слоевъ. Независимо отъ этого, даже согрѣвающее дѣйствіе лучей солнца на поверхность почвы имѣетъ свое полезное вліяніе, такъ какъ при поддержаніи влажности въ болѣе глубокихъ слояхъ теплота содѣйствуетъ тѣмъ химическимъ процессамъ, которые происходятъ въ отдыхающей почвѣ и имѣютъ послѣдствіемъ возстановленіе ея производительныхъ силъ.

Оставленіе почвы на осень, зиму, весну и лѣто въ черномъ пару есть пріемъ, который уже доказалъ, по опытамъ многихъ изъ нашихъ хозяевъ практиковъ, свою полную цѣлесообразность въ предѣлахъ нашей черноземной полосы. За него энергически высказался И. І. Шатиловъ въ своихъ замѣчательныхъ статьяхъ *Обработка пароваго поля въ центральныхъ черноземныхъ уѣздахъ*

Россіи,[1] которыя представляютъ результатъ многолѣтнихъ наблюденій въ извѣстномъ селѣ Моховомъ, Тульской губерніи, Новосильскаго уѣзда. Къ одинаковымъ заключеніямъ въ отношеніи пользы чернаго пара пришелъ и хозяинъ болѣе южной мѣстности Кременчугскаго уѣзда, Полтавской губерніи, князь В. Кудашевъ, посвятившій вопросу о культурныхъ мѣрахъ для борьбы съ засухой весьма обстоятельный докладъ, сдѣланный имъ въ полтавскомъ обществѣ сельскаго хозяйства и напечатанный in extenso въ газетѣ *Гражданинъ* (№№ 279—283 за 1891 годъ). Польза чернаго пара подтвердилась наблюденіями, произведенными на Опытномъ Полѣ Полтавскаго сельскохозяйственнаго общества, въ отчетѣ котораго можно найти цѣлый рядъ въ высшей степени интересныхъ и доказательныхъ по этому предмету данныхъ. Въ пользу чернаго пара для юга (а также для сѣвера Россіи, хотя по совершенно инымъ причинамъ) высказался и такой авторитетъ въ области агрономіи, какъ профессоръ Стебутъ; ту же мысль поддерживаютъ профессоръ Костычевъ, профессоръ Шишкинъ и многіе другіе. Наконецъ, черному пару главнымъ образомъ обязана высокая производительность земледѣлія въ нѣмецкихъ меноннитскихъ колоніяхъ, въ Таврической губерніи, на рѣкѣ Молочной, въ Самарской губерніи и т. п.

Впрочемъ, черный паръ встрѣчаетъ и противниковъ, къ числу которыхъ принадлежитъ упомянутый выше А. Е. Филипченко, и именно съ точки зрѣнія приведеннаго нами вреднаго вымывающаго вліянія весенней влаги и лѣтнихъ ливней на разрыхленную паровую почву. Г. Филипченко полагаетъ, что земля, находящаяся въ пару, болѣе подвержена размыванію и потерѣ полезныхъ составныхъ частицъ, вслѣдствіе выщелачиванія ихъ водами, нежели болѣе плотная, не вспаханная земля и потому рекомендуетъ занятіе пара растеніями, хотя и поглощающими влагу изъ почвы, но дающими за то хозяину обильный кормовой матеріалъ, а также обогащающими почву азотомъ, какъ мотыльковыя растенія, на воздѣлываніи и запашкѣ которыхъ въ видѣ зеленаго удобренія основана такъ-называемая *сидерація*. Однако, какъ ни представляется сидерація въ теоріи привлекательною и полезною, она, по опытамъ многихъ нашихъ черноземныхъ хозяевъ, не только не оправдала возлагавшихся на нее ожиданій, но принесла прямой вредъ, именно вслѣдствіе чрезмѣрнаго

[1] *Земледѣльческая Газета*, 1889 года.

производимаго ею осушенія почвы. Князь Кудашевъ, практическимъ наблюденіямъ котораго нельзя въ этомъ случаѣ не придавать особаго значенія, прямо предостерегаетъ начинающихъ хозяевъ отъ увлеченія посѣвами на паровыхъ поляхъ различныхъ растеній для цѣлей сидераціи, зеленаго удобренія, оттѣненія почвы и т. п. „Растенія эти, помѣщенныя въ паровомъ полѣ въ періодъ подготовки его къ посѣву озими, не только отнимаютъ у хозяина всякую возможность произвести всѣ необходимыя манипуляціи по обработкѣ почвы въ цѣляхъ сбереженія почвенной влаги, но и забираютъ ее всю сполна, со всѣми ея готовыми растворами, сами, своею корневою дѣятельностью, для удовлетворенія насущныхъ потребностей собственнаго своего развитія и существованія." На эту опасность воздѣлыванія паровыхъ растеній въ мѣстностяхъ, страдающихъ отъ засухъ, неоднократно приходилось указывать и намъ; если, тѣмъ не менѣе, воздѣлываніе такихъ растеній, какъ клеверъ, люцерна и т. п., которыя увеличиваютъ запасъ азота въ почвѣ, и можетъ быть признано весьма полезнымъ, то во всякомъ случаѣ необходимо, чтобы земля изъ-подъ нихъ не поступала непосредственно послѣ вспашки подъ озимый посѣвъ, а подъ яровое, или еще лучше, чтобы послѣ осенней вспашки такая земля пролежала въ черномъ пару, для накопленія въ ней въ теченіе цѣлаго года новаго запаса влаги.

По наблюденію г. Шатилова, польза чернаго пара еще увеличивается и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и производительное дѣйствіе удобренія, если навозъ на паровое поле вывезти и запахать съ осени, или даже зимой. „Осеннюю вывозку навоза съ немедленною вслѣдъ запашкой", говоритъ г. Шатиловъ въ упомянутой выше статьѣ, „можно считать по нашимъ мѣстамъ самою лучшею, и подобнымъ образомъ удобренная земля болѣе всего обезпечиваетъ будущій урожай озимой пшеницы, подъ которую она назначается. Поэтому достигнуть того, чтобы бо́льшая часть полей удобрялась такимъ образомъ, должно быть тѣмъ *идеаломъ*, къ которому надо стремиться каждому средне-русскому черноземному хозяину." Въ случаѣ невозможности вывозки и запашки всего навоза съ осени, можно вывозить его и зимой, складывая въ небольшія кучи на поляхъ; на мѣстахъ, не имѣющихъ слишкомъ значительной покатости, нѣтъ основанія при этомъ опасаться потери полезныхъ составныхъ частей навоза, такъ какъ онѣ успѣютъ впитаться въ почву вмѣстѣ съ снѣговою водой. Однако, при этомъ все же требуется вывозка навоза въ нѣсколько

большемъ количествѣ противъ осенней вывозки, такъ какъ часть все-таки пропадаетъ. Наконецъ, нѣкоторыми рекомендуется даже разстилка навоза зимой по снѣгу. При таяніи снѣга навозъ покроетъ землю болѣе или менѣе сплошнымъ слоемъ, часть составныхъ частей его даже до запашки впитается въ землю, а прикрытая имъ земля еще лучше и дольше сохранитъ весеннюю влажность. Вообще прикрытіе почвы слоемъ не только навоза, но даже соломы, древесною листвой, торфомъ и т. п. веществами составляетъ пріемъ въ высшей степени полезный для предохраненія ея отъ чрезмѣрнаго высыханія. Подъ такимъ покровомъ почва долго сохраняетъ влажность и рыхлость и скорѣе достигаетъ столь необходимой для успѣшнаго произрастанія хлѣбовъ спѣлости. Мѣстами въ Россіи, напримѣръ въ Вятской губерніи, прикрытіе поля соломой практикуется даже крестьянами, хотя, впрочемъ, съ совершенно иными цѣлями. Именно, тамъ прикрываются соломой поля, засѣянныя ячменемъ, для предохраненія молодыхъ всходовъ отъ весеннихъ утренниковъ и слишкомъ жаркихъ солнечныхъ лучей, которые дѣйствуютъ на нихъ губительно, особенно если жаркіе дни перемежаются съ слишкомъ холодными ночами, какъ это часто тамъ бываетъ, и результаты отъ подобнаго пріема получаются самые удовлетворительные.

Въ мѣстностяхъ, страдающихъ отъ засухъ, разстилка по полю слоя соломы должна приносить результаты еще лучшіе. Къ тому же соломы бываетъ иногда въ нашихъ хозяйствахъ такъ много, что ее положительно некуда дѣвать; извѣстно, что солома гороховая, рапсовая, льняная, гречишная, которая въ кормъ скоту совершенно не идетъ, а иногда даже и ржаная и пшеничная, въ нашей степной полосѣ въ урожайные годы иногда просто сжигается. Между тѣмъ этимъ способомъ ей можно найти вдвойнѣ полезное употребленіе, такъ какъ, независимо отъ сохраненія влажности въ почвѣ, она еще и удобритъ ее всѣми своими составными частями и, слѣдовательно, до нѣкоторой степени замѣнитъ навозъ. Князь Кудашевъ сообщаетъ, что онъ получалъ этимъ способомъ изумительные урожаи, до 245 пудовъ зерна съ десятины.

Вспашка земли подъ зиму составляетъ пріемъ не менѣе важный для полей, предназначенныхъ подъ яровые. Этотъ пріемъ, какъ извѣстно, гораздо болѣе распространенъ, нежели осенняя вспашка пароваго поля, но только въ помѣщичьихъ хозяйствахъ. Крестьяне же рѣдко поднимаютъ осенью землю изъ-подъ

озими, а большею частью оставляютъ ее непаханною до весны, пользуясь ею для пастьбы сельскаго стада, весной же иногда прямо разбрасываютъ сѣмена по непаханному полю, довольствуясь одною только запашкой сѣменъ. Въ южныхъ губерніяхъ, какъ извѣстно, даже и этого нѣтъ, а практикуется такъ-называемый посѣвъ наволокомъ, причемъ сѣмена только поверхностно задѣлываются бороной или буккеромъ. Осенній взметъ жнивья имѣетъ весьма существенное значеніе для накопленія влаги въ почвѣ; что же касается до весны, то въ весеннее время многократной вспашки поля слѣдуетъ избѣгать, потому что каждая подобная вспашка, особенно въ сухую погоду, только напрасно сушитъ землю. Съ осени же, чѣмъ раньше будетъ сдѣланъ взметъ, тѣмъ лучше, чтобъ успѣть воспользоваться тепломъ, такъ какъ въ теплое время и въ присутствіи потребнаго количества влаги въ землѣ скорѣе и лучше могутъ совершиться тѣ химическіе и физическіе процессы разложенія и соединенія ея составныхъ частей, которые имѣютъ такое важное значеніе для ея производительности. Ранняя вспашка жнивья одинаково полезна во всѣхъ климатахъ; за границей нерѣдко приступаютъ къ ней даже не дожидаясь уборки сноповъ съ поля, пашутъ между копнами, чтобы дать землѣ больше времени для упомянутыхъ выше процессовъ. У насъ раннему взмету препятствуетъ обыкновенно необходимость пастьбы скота на жнивьяхъ, въ особенности тамъ, гдѣ нѣтъ степныхъ или луговыхъ отавъ или спеціальныхъ выгоновъ: крестьяне же, какъ сказано, большею частью и вовсе не могутъ, по той же причинѣ, приступить къ этой работѣ, да едва ли и сознаютъ ея необходимость.

Такъ какъ періодъ осеннихъ работъ у насъ гораздо короче, чѣмъ въ Западной Европѣ, то не только для двойной перепашки жнивья, какъ тамъ, не хватаетъ времени, но не всегда бываетъ возможно вспахать все жнивье даже одинъ разъ. При этихъ условіяхъ весьма трудно, принимая во вниманіе обычныя рабочія силы нашихъ хозяйствъ, разсчитывать на распашку съ осени и того поля, которое предназначается въ будущемъ году подъ озимь, а потому введеніе чернаго пара, въ особенности на пространствѣ цѣлаго поля, хотя можетъ-быть и составляетъ идеалъ, но идеалъ весьма трудно осуществимый. Вслѣдствіе этого, большая часть будущаго пароваго поля, а обыкновенно и все поле, пускается подъ зиму нераспаханнымъ. Тогда заботы хозяина должны быть направлены къ тому, чтобы какъ можно раньше поднять

паръ весной, такъ какъ отъ *возможно ранней распашки пара* опять зависитъ сбереженіе и накопленіе въ немъ влаги. По удостовѣренію г. Шатилова, съ которымъ безусловно согласны и наши личныя наблюденія, въ теченіе долгихъ лѣтъ, въ предѣлахъ нашей степной полосы, черноземъ обыкновенно только и бываетъ влаженъ и отъ этого рыхлъ и мелкозернистъ, въ періодъ отъ 25 апрѣля и по 25 мая, пока еще не вся весенняя снѣговая влага испарилась изъ почвы. Послѣ этого періода вспаханное паровое поле высыхаетъ настолько сильно, что даже послѣ обильныхъ дождей, при пахотѣ получаются крупные комки, не поддающіеся иногда и многократной бороньбѣ; на уплотненныхъ же скотомъ парахъ такихъ комковъ еще больше и они плотнѣе. „Вотъ почему", говоритъ далѣе г. Шатиловъ, „у насъ такъ важно кончить взметъ пароваго поля къ 20-мъ числамъ мая или, самое позднее, къ 5—6 іюня. Между тѣмъ обыкновенно начинаютъ возить навозъ только Петровками, вслѣдствіе чего, при мало-мальски необлагопріятныхъ условіяхъ погоды, и получаются столь скудные урожаи озимыхъ. При подобныхъ позднихъ взметахъ всѣ весенніе дожди и грозы, имѣющіе такое большое вліяніе на естественное обогащеніе разрыхленной почвы, для гладкихъ непаханныхъ, да притомъ еще утоптанныхъ скотомъ паровъ, пропадаютъ совершенно, не оставляютъ послѣдствій. Навозъ, вывезенный во второй половинѣ іюня, при болѣе или менѣе сухомъ лѣтѣ, до сѣва совершенно не успѣваетъ перепрѣть. Вывезенный же съ осени или зимой навозъ, запаханный до 1 мая, не говоря уже о запаханномъ съ осени, успѣваетъ перепрѣть почти весь ко времени двойки, потому что при ранней пашнѣ было захвачено еще много весенней влаги и навозъ попалъ въ самыя благопріятныя для своего разложенія условія. Поэтому самая раціональная вывозка и залѣжка навоза заключаются въ томъ, чтобы позднѣе 25 мая не оставалось въ хозяйствѣ незапаханнаго навоза; слѣдовательно и лѣтнюю вывозку навоза надо производить такъ, чтобъ она была закончена къ этому сроку."

Черноземъ представляетъ собою почву, очень легко поддающуюся обработкѣ и которую можно хорошо распахать любымъ орудіемъ, даже обыкновенною крестьянскою сохой, если только наблюдать за тѣмъ, чтобы работа была произведена съ должнымъ тщаніемъ. Понятно, что чѣмъ лучше будутъ пахотныя орудія, тѣмъ совершеннѣе окажется самая обработка, но урожайность поля при условіяхъ нашей черноземной полосы зависитъ не столько

отъ большей или меньшей степени совершенства механической его обработки, сколько отъ *своевременности ея* и отъ *соотвѣтствія различныхъ пріемовъ и сроковъ обработки метеорологическимъ условіямъ даннаго года*. При своевременности обработки и посѣва, урожай можетъ быть если не вполнѣ, то въ значительной степени обезпеченъ. Между тѣмъ это именно простое правило своевременности всѣхъ пріемовъ культуры весьма часто не соблюдается нашими землевладѣльцами и, можно сказать, никогда не соблюдается крестьянами, которые отлично сознаютъ нераціональность поздней обработки паровъ, но не въ состояніи ее ускорить, вслѣдствіе крайне неблагопріятныхъ для успѣшности земледѣлія условій общиннаго землевладѣнія и необходимости пастьбы сельскаго скота на парахъ, за совершеннымъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было другихъ выгоновъ. Впрочемъ, по удостовѣренію г. Шатилова, въ послѣдніе годы многія деревни, купившія земли, или разбившія свои земли на недѣлимые ежегодно участки, стали гораздо ранѣе пахать пары и даже кое-гдѣ вывозятъ зимой навозъ на подобныя земли: слѣдовательно замѣчается въ этомъ отношеніи нѣкоторый прогрессъ и въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Переходимъ теперь къ вопросу объ обработкѣ почвы, главнымъ образомъ опять-таки съ точки зрѣнія сохраненія и накопленія въ ней влаги и затѣмъ приведенія почвы въ состояніе такъ-называемой спѣлости. Вовсе не касаясь вопроса о тѣхъ орудіяхъ, при помощи которыхъ техническая обработка почвы можетъ быть доведена до возможно высшей степени совершенства, такъ какъ это вопросъ, который въ разныхъ случаяхъ рѣшается различно и зависитъ отъ самыхъ разнообразныхъ и чисто мѣстныхъ условій, мы остановимся прежде всего на вопросѣ о *глубинѣ паханія* и затѣмъ о тѣхъ пріемахъ обработки и разрыхленія различныхъ почвенныхъ слоевъ, которые всего лучше могутъ довести почву до состоянія спѣлости и притомъ безъ потери, а напротивъ, съ возможнымъ накопленіемъ въ ней влаги. Воспользовавшись наблюденіями г. Шатилова въ отношеніи сроковъ распашки паровъ, мы теперь обратимся къ опытамъ другаго южно-русскаго хозяина, г. Умпссы, въ отношеніи вопроса о глубинѣ распашки. Путемъ двѣнадцатилѣтнихъ наблюденій въ уѣздѣ Елисаветградскомъ, Херсонской губерніи, г. Умпсса давно уже пришелъ къ тому заключенію, что возможно глубокая, 7—8 вершковая плужная пахота всего болѣе содѣйствуетъ накопленію

влаги въ почвѣ и, тѣмъ не менѣе, ему пришлось испытать много разочарованій прежде. чѣмъ удалось выработать надлежащіе пріемы такой обработки. Именно, сначала оказалось, что хотя влаги въ глубоко вспаханной почвѣ дѣйствительно накопляется больше, но пользуются ею не хлѣба, а сорныя травы, которыя иногда развиваются съ такою страшною силой, что совершенно заглушаютъ посѣянный хлѣбъ. Кромѣ того, слишкомъ глубокая пахота иногда временно уменьшала плодородіе почвы, потому что выводила на поверхность слои недостаточно разложившіеся, не достатно вывѣтрившіеся, которые только постепенно пріобрѣтаютъ способность къ производству хорошихъ урожаевъ. Наблюденіями же другаго весьма компетентнаго изслѣдователя, проф. Костычева, [1] было указано, что почва слишкомъ разрыхленная теряетъ влаги болѣе, высыхаетъ быстрѣе, нежели почва, вспаханная на меньшую глубину и у которой разрыхленъ только верхній поверхностный слой, а нижній—сохранилъ свое естественное плотное строеніе. Г. Костычевъ предложилъ и вполнѣ правдоподобное объясненіе этого явленія, которое подтверждалось установившеюся практикой большинства нашихъ степныхъ хозяевъ и, повидимому, противорѣчило совѣтамъ агрономовъ о пользѣ глубокой обработки именно съ цѣлью поддержанія влажности въ почвѣ. Наблюденія г. Костычева показали ему, что при одинаковомъ состояніи верхняго, поверхностнаго слоя почвы и, слѣдовательно, при одинаковомъ содержаніи воды въ этомъ слоѣ, дождевая вода проходитъ до одинаковой глубины, независимо отъ того, насколько глубока пахота. Изслѣдованія показали далѣе, что между почвою разрыхленною и плотною связь капиллярныхъ скважинъ, по которымъ движется вода, уничтожается. Изъ плотнаго нижняго слоя въ верхній, рыхлый, вода или совсѣмъ не передается, или передается очень медленно и въ небольшихъ количествахъ. Поэтому верхній рыхлый слой высыхаетъ независимо отъ находящихся подъ нимъ плотныхъ слоевъ: послѣдніе могутъ быть въ значительной степени влажными и въ то время когда верхній слой будетъ сухъ. Болѣе того, при мелкой пахотѣ разрыхленный верхній слой служитъ какъ бы покровомъ болѣе плотному, глубокому слою и предохраняетъ находя-

[1] См. рядъ статей проф. Костычева въ журналѣ *Сельское хозяйство и лѣсоводство* за 1886 годъ, подъ общимъ заглавіемъ *По вопросу объ обработкѣ и удобреніи черноземныхъ почвъ.*

щуюся въ немъ влагу отъ испаренія. Равномѣрно же разрыхленный на бо́льшую глубину слой почвы подъ вліяніемъ сильной засухи высыхаетъ на всю эту глубину, вслѣдствіе чего для растеній создаются при этомъ условія даже худшія, чѣмъ при пахотѣ мелкой. Но наблюденія г. Умпссы разъяснили это кажущееся противорѣчіе и установили, по нашему мнѣнію, болѣе правильную точку зрѣнія на этотъ вопросъ. Отсылая читателей къ прекрасной статьѣ г. Умпссы *Влага и глубокая обработка почвы*,[1] мы здѣсь приведемъ только главнѣйшія изъ объясненій г. Умпссы и его выводы. „Подъ почвой у насъ", говоритъ г. Умпсса, „нѣтъ грунтовой влаги, которая бы доставляла почвѣ въ сухое время капиллярную воду для поддержанія роста растеній до наступленія дождей. Грунтовая вода повсюду слишкомъ удалена отъ поверхности почвы, а потому вода эта не можетъ оказать благотворнаго вліянія на урожай, подобнаго тому, какое она имѣетъ въ лѣсистыхъ губерніяхъ и почти повсюду въ Западной Европѣ. Глубокая обработка почвы восполняетъ этотъ недостатокъ. Поле, глубоко вспаханное, поглощаетъ всю ту влагу, которая на него осаждается въ разныхъ видахъ и во всѣ времена года: изъ получаемой влаги почва ничего не отдаетъ рѣкамъ и самый ничтожный процентъ отдаетъ воздуху, въ противоположность мелко обработанной почвѣ, изъ которой вода быстро испаряется и легко стекаетъ въ рѣки. Влага, поступающая въ глубоко вспаханную почву, насыщаетъ сухой грунтъ, лежащій непосредственно подъ ней. Почва, правда, отъ этого теряетъ влагу, но за то подъ ней скоро образуется какъ бы резервуаръ влаги. Грунтъ, будучи очень плотенъ, весьма медленно пропускаетъ воду въ ниже-лежащіе слои и потому постоянно остается влажнымъ, и эта влажность замѣняетъ собою ту грунтовую сырость, которая образуется отъ близкихъ подземныхъ ключей въ другихъ мѣстностяхъ. Почва, глубоко вспаханная и затѣмъ смоченная дождями, въ первый же годъ, въ силу своей тяжести слегается до такой степени плотности, при которой капиллярность начинаетъ дѣйствовать благопріятно, такъ что при засухахъ влага изъ грунта легко переходитъ въ почву."

Г. Умпсса подтверждаетъ свои слова прямыми наблюденіями, изъ которыхъ оказывается, что подпочва даже на значительной глубинѣ всегда сырѣе подъ тѣми полями, которыя вспаханы

[1] *Земледѣльческая Газета*, 1888 г., №№ 35 и 36.

глубоко, суше подъ вспаханными мелко и всего болѣе суха подъ степью или выгонами. Мелко вспаханный и разрыхленный слой почвы подъ вліяніемъ сильной сушн и жаровъ легко распушается, теряетъ всякую связность и насквозь прогрѣвается солнечными лучами. Именно, вслѣдствіе рѣзкаго перехода почвы изъ нижнаго плотнаго въ верхнее чрезмѣрно разрыхленное состояніе притока въ этотъ верхній слой капиллярной влажности снизу нѣтъ совсѣмъ, но такъ какъ этотъ слой прогрѣтъ насквозь и въ немъ отъ высыханія образуются широкія пустоты, то испареніе идетъ изъ нижняго плотнаго слоя сквозь верхній разрыхленный почти такъ же, какъ непосредственно въ воздухъ. А такъ какъ въ почвѣ плотной капиллярность дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ въ почвѣ разрыхленной, то очевидно, что въ общемъ почва при такихъ условіяхъ теряетъ влаги болѣе; происходитъ постоянный притокъ воды изъ болѣе глубокихъ слоевъ въ болѣе мелкіе, а оттуда вода испаряется въ атмосферу и, такимъ образомъ, потеря влаги распространяется на бо́льшую глубину. При болѣе же глубокой вспашкѣ, то-есть при вспашкѣ на 7—8 вершковъ, разрыхленіе никогда не можетъ быть такъ значительно, какъ при пахотѣ болѣе мелкой, такъ какъ уже отъ одной тяжести вспаханнаго слоя нижнія его части будутъ слеживаться и до извѣстной степени уплотняться, переходъ отъ болѣе плотныхъ къ болѣе разрыхленнымъ слоямъ будетъ болѣе постепенный, въ дѣйствіи волосности не будетъ такого перерыва, какъ при мелкой пахотѣ, въ верхнемъ слоѣ будетъ постоянно поддерживаться надлежащая сырость, необходимая для питанія корней растеній. Въ то же время общая потеря влаги будетъ меньше, потому что въ силу болѣе рыхлаго состоянія почвы волосные каналы будутъ шире, а, слѣдовательно, волосность будетъ дѣйствовать слабѣе. Такимъ образомъ, при глубокой пахотѣ весь вспаханный слой будетъ болѣе равномѣрно пропитанъ влагой, но потеря этой влаги черезъ испареніе въ воздухъ будетъ меньше. Влажная почва будетъ меньше прогрѣваться солнцемъ и не пріобрѣтетъ чрезвычайно вреднаго для растительности пылеобразнаго строенія. Если замѣчаніе проф. Костычева о томъ, что при сильномъ дождѣ всякая разрыхленная съ поверхности глубоко или мелко вспаханная почва поглощаетъ одинаковое количество влаги, совершенно справедливо, то почва, разрыхленная на бо́льшую глубину, должна лучше удерживать въ себѣ влагу и менѣе ее испарять. Кромѣ того, въ глубоко разрыхленной почвѣ корни растеній

могутъ распространяться на бо́льшую глубину и въ сухое время извлекать потребное имъ количество влаги съ бо́льшаго пространства почвеннаго слоя, что̀ также весьма важно для успѣха культуры.

Однако при глубокой вспашкѣ почвы необходимо соблюдать нѣкоторыя условія для того, чтобы такая вспашка не принесла болѣе вреда, чѣмъ пользы. Такъ, для противодѣйствія упомянутому выше чрезмѣрному развитію сорныхъ травъ, заглушающихъ хлѣбные посѣвы и извлекающихъ влагу изъ почвы, необходимо производить отъ времени до времени перепашку поверхностнаго слоя почвы. Далѣе, слѣдуетъ избѣгать чрезмѣрнаго разрыхленія почвы, такъ какъ на почвѣ слишкомъ рыхлой, пылеобразной, растенія развиваются дурно, поэтому глубокую вспашку нужно производить не каждый годъ, а черезъ извѣстные сроки, различные для разныхъ почвъ и мѣстностей. Такъ, г. Умисса полагаетъ, что поднимать почву глубоко слѣдуетъ разъ въ семь или десять лѣтъ и притомъ по возможности осенью, такъ какъ она при этомъ съ перваго же года, отъ дождей, снѣга и собственной своей тяжести уплотняется настолько, что дождевая и капиллярная вода, воздухъ и корни растеній встрѣчаютъ въ ней наиболѣе благопріятныя для своего распространенія условія. Другіе находятъ, что глубокую вспашку нужно повторять чаще, черезъ каждые 3—4 года, и притомъ не осенью, а весной. Цѣлину или твердые залежи поднимать сразу на бо́льшую глубину не слѣдуетъ, такъ какъ нижній, не вывѣтрившійся еще слой, смѣшиваясь съ верхними вывѣтренными, дѣлаетъ почву менѣе плодородною и временно понижаетъ урожаи. Производить глубокую пахоту надо въ такое время, когда земля сыра, а ни какъ не въ сухое время, и въ этомъ отношеніи приходится держаться порядка какъ разъ обратнаго тому, который предписываютъ нѣмецкіе агрономы. Именно, по ихъ ученію необходимо сперва вспахать мелко, а потомъ уже во второй разъ перепахать на надлежащую глубину. Такъ у насъ и стали было дѣлать нѣкоторые агрономы при обработкѣ паровъ, но результатъ вышелъ самый плачевный. Именно, оказалось, что послѣ первой мелкой вспашки или взмета верхній слой почвы очень скоро просыхаетъ, можно сказать, насквозь. Если затѣмъ, въ сухое же время, когда работа вообще легче, чѣмъ въ сырое, перепахать почву вторично, уже какъ слѣдуетъ, на бо́льшую глубину, то это будетъ значить—перевернуть верхній высохшій слой и уложить его въ глубь,

а на мѣсто его вывести на поверхность сушить болѣе глубокій слой, въ которомъ влага еще сохранилась. Слѣдовательно, такимъ способомъ достигается цѣль какъ разъ обратная той, которая должна быть преслѣдуема при глубокой обработкѣ: вмѣсто удержанія влаги въ почвѣ, почва, напротивъ того, просушивается, сначала съ поверхности, а потомъ и въ глубинѣ. Не такими ли ненормальными пріемами обработки объясняются тѣ неудачные случаи глубокаго паханія, о которыхъ упоминаетъ проф. Костычевъ въ своихъ статьяхъ? На дѣлѣ же при нашихъ условіяхъ слѣдуетъ поступать совершенно иначе: именно, сначала вспахать возможно глубже, на 7—8 вершковъ, причемъ для облегченія работы можно развѣ только сперва вылущить верхній травянистый слой, который лучше перепрѣетъ при мелкой вспашкѣ, нежели если сразу уложить его глубоко. Затѣмъ пахать глубоко слѣдуетъ не иначе, какъ въ сырую погоду, раннею весной или подъ осень, когда почва всего скорѣе можетъ пропитаться влагой. Далѣе, всю послѣдующую обработку и разрыхленіе почвы производить только съ поверхности, вершка на $2\frac{1}{2}$—3, но никакъ не болѣе. Такое поверхностное разрыхленіе весьма важно: для предупрежденія образованія коры и заплыванія почвы—въ сырое время; для уменьшенія испаренія влаги изъ почвы въ сухое время, такъ какъ испареніе сильнѣе изъ почвы слежавшейся, нежели рыхлой, и для уничтоженія сорныхъ травъ, которыя необходимо запахивать по мѣрѣ ихъ прорастанія, чтобы не дать забрать силу особенно такимъ изъ нихъ, съ которыми потомъ трудно будетъ бороться хлѣбнымъ растеніямъ, какъ, напримѣръ, пырей, нѣкоторые бурьяны, осотъ и т. п.: наконецъ, для усиленія способности почвы поглощать водяные пары изъ воздуха, такъ какъ это поглощеніе оказывается тѣмъ болѣе значительнымъ, чѣмъ болѣе разрыхленъ и пористъ верхній слой почвы. На эту сторону дѣла обращаетъ особенное вниманіе Розенбергъ-Ипшинскій въ извѣстномъ своемъ сочиненіи *Практическое земледѣліе*. „Причина того, что наши почвы мало содержатъ влаги въ сухое время“, говоритъ этотъ компетентный авторъ, „заключается въ томъ, что хозяева вообще мало заботятся о поддержаніи пористости въ верхнемъ слоѣ почвы. При помощи разрыхленія почвы пористость ея увеличивается въ значительной степени, а вмѣстѣ съ тѣмъ возростаетъ и ея способность поглощать водяные пары.“ Вопросъ о способности почвъ поглощать водяные пары изъ воздуха и скоплять, сгущать ихъ,

на извѣстной глубинѣ, при извѣстной степени рыхлости и проницаемости почвы для воздуха, были особенно подробно разработаны г. Колесовымъ, который посвятилъ этому вопросу весьма обстоятельную статью. [1] Это сгущеніе водяныхъ паровъ въ глубинѣ почвы г. Колесовъ приравниваетъ къ образованію росы на поверхности почвы и основываетъ на этомъ цѣлую теорію такъ-называемаго имъ *воздушнаго орошенія*, которому онъ придаетъ особенное значеніе именно у насъ, гдѣ, при недостаткѣ атмосферныхъ выпаденій, необходимо научиться наилучшимъ образомъ воспользоваться тѣмъ запасомъ влажности, который присутствуетъ въ атмосферѣ. „Для успѣшнаго развитія растеній“, говоритъ г. Колесовъ, „все равно, гдѣ произойдетъ охлажденіе и сгущеніе воздушныхъ водяныхъ паровъ: въ верхнихъ ли частяхъ атмосферы, въ видѣ облаковъ и тучъ, изъ которыхъ пойдетъ дождь и напоитъ землю; или же оно произойдетъ въ порахъ почвы на нѣкоторой глубинѣ отъ поверхности и почва также увлажнится. Хозяева еще не придумали способовъ для привлеченія дождевыхъ облаковъ и задержанія ихъ подъ своими полями, когда то́ бываетъ нужно. Напротивъ, воздушному орошенію каждый можетъ и долженъ пособлять всѣми зависящими отъ него средствами. Средство же для этого одно: атмосферному воздуху должны быть открыты двери внутрь почвы, въ ея промежутки и поры. Говоря опредѣленнѣе, хозяинъ при всякихъ культурахъ долженъ заботиться, чтобы верхній слой его почвы былъ по возможности рыхлый.“

Но и при разрыхленіи верхняго слоя почвы надо быть очень осторожнымъ и строго согласоваться какъ съ состояніемъ почвы, такъ и съ погодой. Такъ, надо по возможности избѣгать частаго переворачиванія почвы, а производить рыхленіе такими орудіями, которыя только разбиваютъ верхній уплотнившійся слой, а не переворачиваютъ его и особенно не выводятъ наружу болѣе глубокихъ, а слѣдовательно и болѣе влажныхъ слоевъ. Но и подобной операціи не слѣдуетъ производить слишкомъ часто, особенно въ жаркое время, чтобы не разрыхлить почвы чрезмѣрно, не распушить ее, что́ очень вредно для растеній и что́ ведетъ къ тому, что въ случаѣ наступленія сильныхъ дождей на поверхности образуется кора, почва клёкнетъ, а сквозь эту кору влага внутрь

[1] «Потребность растеній въ водѣ и источники почвенной влаги», *Вѣстникъ Русскаго Сельскаго Хозяйства*, 1890 г. №№ 22–24.

не проникаетъ. Наконецъ, даже самое разрыхленіе почвы на бо́льшую глубину можно производить не плугами, а такъ-называемыми почвоуглубителями и т. п.

Вообще, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ проф. Костычева, что у насъ многіе хозяева при обработкѣ земли слишкомъ держатся принятыхъ по обычаю, или по чему-либо иному, сроковъ для каждой работы и не придаютъ достаточнаго значенія состоянію земли и внѣшнимъ атмосферическимъ условіямъ. Точно также и въ способахъ пахоты въ одномъ и томъ же имѣніи изъ году въ годъ господствуетъ однообразіе, несмотря на разницу въ состояніи почвы и въ погодѣ. Принято, напримѣръ, метать паръ на 4—5 вершковъ, такъ его и мечутъ ежегодно; принято двоить на ту же или нѣсколько бо́льшую глубину—и опять изъ года въ годъ дѣлается это одинаково. Такое однообразіе, конечно, значительно облегчаетъ трудъ и заботы хозяина о своей землѣ, но оно нерѣдко ведетъ къ тому, что несвоевременнымъ и неумѣстнымъ примѣненіемъ того или другаго пріема обработки земля портится вмѣсто того, чтобъ улучшиться, и уменьшаются шансы будущаго урожая. Вотъ почему весьма трудно дать на этотъ счетъ какія бы то ни было общія, всегда и вездѣ одинаково примѣнимыя указанія. Выше мы сказали, напримѣръ, что послѣ первой глубокой вспашки послѣдующая обработка должна быть только мелкая. Однако, бываютъ случаи, когда, въ видахъ того же увеличенія запаса влажности въ почвѣ, не только можно, но даже слѣдуетъ поступать обратно. Такъ, можно прямо рекомендовать глубокую двойку сейчасъ послѣ дождей, когда почва сыра сверху, но еще не успѣла глубоко промокнуть и когда путемъ болѣе или менѣе глубокой вспашки можно выворотить наружу часть нижняго сухаго слоя или даже весь этотъ слой. При этомъ двоеніе произведетъ на почву такое же дѣйствіе, какъ хорошій дождь, потому что уложенная внизъ сырая рыхлая земля будетъ предохранена отъ высыханія, а наружу будетъ выведенъ слой земли и безъ того сухой, который въ случаѣ продолженія дождливой погоды можетъ въ свою очередь напитаться влагой гораздо скорѣе, чѣмъ еслибъ онъ оставался на своемъ мѣстѣ внизу. При такихъ условіяхъ глубокое двоеніе безусловно полезно. Во всякихъ же другихъ случаяхъ, въ особенности когда наверхъ приходится выводить влажную землю, а внизъ заворачивать сухую, хозяинъ долженъ прежде всего рѣшить вопросъ — не принесетъ ли глубокое двоеніе одинъ вредъ, вмѣсто пользы. Этимъ вопросомъ

наши хозяева обыкновенно вовсе не задаются, а между тѣмъ, что̀ можетъ быть естественнѣе и неопровержимѣе того положенія, что далеко не всякое переворачиваніе земли представляется полезною и разумною работой.

Итакъ, чтобы поставить почву въ наилучшія для обезпеченія ея урожайности условія, особенно при тѣхъ своеобразныхъ климатическихъ вліяніяхъ, съ которыми намъ приходится считаться, нужно не простое механическое исполненіе работы, а сознательное, внимательное отношеніе къ дѣлу, нуженъ *уходъ* за почвой, направленный къ тому, чтобы довести ее ко времени посѣва до того состоянія, при которомъ посѣянное зерно и выросшее изъ него молодое растеніе встрѣчали бы всѣ наиболѣе благопріятныя для своего развитія условія. Это состояніе почвы носитъ названіе *спѣлости* и отличается даже нѣкоторыми внѣшними, видимыми на глазъ опытнаго хозяина, признаками.

Вопросу о спѣлости почвы придаютъ особенное значеніе хозяева-практики, тогда какъ тѣ ученые, которые больше видятъ почву въ лабораторныхъ банкахъ, съ этимъ состояніемъ ея мало знакомы, а нѣкоторые даже и совсѣмъ его отрицаютъ. Приводимъ, поэтому, прежде всего то описаніе спѣлости почвы, которое даетъ г. Шатиловъ, и отчасти дополнимъ его описаніемъ князя Кудашева...[1] „Признаки спѣлости почвы“, говоритъ И. І. Шатиловъ, „весьма характерны. Спѣлая почва имѣетъ пушистый, вздутый видъ, и вздутость эта на черноземѣ не только кажущаяся, но и дѣйствительная, въ чемъ легко убѣдиться при помощи такъ-называемой мѣрной палки; воткнутая, напримѣръ, въ четырехвершковую пашню, она въ это время покажетъ глубину въ $4\frac{1}{2}$ — 5 вершковъ. Далѣе, всѣ комки, оставшіеся на пашнѣ отъ двойки и скородьбы, ко времени спѣлости почвы совершенно утрачиваютъ угловатыя формы; они, наоборотъ, имѣютъ округлые абрисы и, кромѣ того, бóльшая часть ихъ оказывается потрескавшимися (если только съ обработкой не опоздали), такъ что стóитъ взять такой комокъ въ руки, тронуть его ногой или палкой, чтобъ онъ окончательно разсыпался.“ Спѣлая почва,

[1] Желающимъ ближе ознакомиться съ вопросомъ о спѣлости почвы можемъ еще указать на сочиненія: Розенберга-Липинскаго, *Практическое земледѣліе*, С.-Петерб., 1888 года, и Лера *Спѣлость пашни*, С.-Петерб., 1872 года, и также на статьи гг. Умпесы, Карпенко и Трухановскаго въ газетѣ *Сельскій Хозяинъ*, въ которыхъ можно найти много практическихъ наблюденій на этотъ счетъ.

по словамъ князя Кудашева, пріобрѣтаетъ связность, отдѣльныя почвенныя частицы между собою какъ бы сливаются, превращаются въ однообразную, рыхлую, но въ то же время и связную массу. На почвѣ спѣлой или близкой къ спѣлости ясно отпечатываются слѣды ногъ, колесъ, какъ на порошѣ послѣ только что выпавшаго и влажнаго снѣга. Она не осыпается, не пушится, какъ слишкомъ разрыхленная, лишенная влажности земля. При спѣлости почвы самая поверхность ея, толщиной до $^1/_4$ вершка, бываетъ свѣтлокорпчневаго или сѣроватаго цвѣта, тогда какъ весь остальной обработанный слой несравненно темнѣе; чѣмъ толще свѣтлый слой, тѣмъ менѣе спѣла почва, и наоборотъ.

Розенбергъ-Ипшинскій, въ упомянутой выше книгѣ *Практическое Земледѣліе*, даетъ слѣдующую характеристику спѣлой почвы, которая весьма близко сходится съ изложеннымъ описаніемъ ея. Спѣлость почвы характеризуется, по его словамъ, тѣмъ, что почва получаетъ значительно большій объемъ, болѣе темный цвѣтъ, надлежащую степень влажности, особенный запахъ и тонкую эластичную рыхлость, какую не въ состояніи сообщить ей никакая механическая обработка. Далѣе, цитируемый авторъ приводитъ и объясненіе всѣмъ сказаннымъ свойствамъ спѣлой почвы. Увеличеніе объема почвы обусловливается развитіемъ газовъ при процессахъ разложенія составныхъ частей почвы, которые разъединяютъ почвенныя частицы. Болѣе темный цвѣтъ почвы зависитъ отъ бо́льшаго разложенія органическихъ веществъ и отъ сгущенія на ихъ поверхности частицъ воды. Надлежащая степень влажности есть естественное послѣдствіе механической рыхлости (пористости) почвы, причемъ излишняя влага въ короткое время испаряется или уходитъ въ болѣе глубокіе слои; если же погода суха, то эта степень влажности обусловливается обычнымъ поглощеніемъ водяныхъ паровъ рыхлою почвой. Особенный своеобразный запахъ влажной рыхлой почвы, находящейся въ состояніи спѣлости, зависитъ отъ быстраго разложенія въ ней органическаго вещества. Наконецъ, нормальная степень рыхлости обусловливается взаимодѣйствіемъ всѣхъ упомянутыхъ процессовъ. Въ настоящее время обращено еще вниманіе на связь, существующую между спѣлостью почвы и развитіемъ въ ней микроорганизмовъ, играющихъ столь видную роль въ дѣлѣ возстановленія производительныхъ силъ почвы. Когда всѣ эти благопріятныя условія химическаго и физическаго состоянія почвы наступаютъ одновременно съ наиболѣе благопріятнымъ въ

данной мѣстности моментомъ для посѣва.—шансы урожайности наибольшіе, но нужно умѣть ихъ добиться, ихъ уловить и не упустить самаго подходящаго для посѣва времени, такъ какъ послѣ, въ случаѣ наступленія жаркой или сухой погоды, или сильныхъ дождей, или холодовъ,—состояніе почвы можетъ легко измѣниться къ худшему.—она или вновь высохнетъ, или чрезмѣрно слежится, или заплыветъ. И чѣмъ, такъ-сказать, капризнѣе, чѣмъ непостояннѣе условія погоды, тѣмъ важнѣе уловить надлежащій моментъ для посѣва. Каждый черноземный хозяинъ знаетъ, что иногда отъ двухъ-трехъ дней разницы во времени посѣва получается на одной и той же почвѣ, при одинаковой обработкѣ и при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ—разница въ урожаѣ, иногда поразительная.

Переходимъ теперь къ вопросу *о времени* и о *способахъ производства посѣва*, какъ главнѣйшихъ, на ряду съ пріемами подготовки почвы къ посѣву, условіяхъ урожайности полей въ предѣлахъ нашего черноземнаго района. Тутъ опять у иностранцевъ учиться нечему, а приходится до всего доходить своимъ умомъ, чутко слѣдя за всѣми условіями погоды и за степенью влажности и спѣлости почвы. Вопросъ о *своевременности посѣва* имѣетъ почти такое же, а по мнѣнію многихъ хозяевъ-практиковъ, даже еще большее значеніе, чѣмъ вопросъ о своевременности и цѣлесообразности обработки почвы, и притомъ значеніе одинаковое, какъ для озимыхъ, такъ и для яровыхъ хлѣбовъ. Но только, какъ мы увидимъ ниже, для яровыхъ хлѣбовъ труднѣе установить общія правила, большую роль играютъ случайныя обстоятельства, которыя предвидѣть невозможно, въ родѣ поздняго весенняго заморозка, ранней засухи и т. п.

Извѣстно, что въ Западной Европѣ, гдѣ зима наступаетъ гораздо позднѣе, чѣмъ у насъ, и въ распоряженіи хозяина гораздо больше времени для надлежащей обработки почвы, озимый посѣвъ производится гораздо позже и продолжается гораздо дольше, чѣмъ у насъ. Такъ, къ производству озимаго посѣва тамъ приступаютъ съ конца сентября или начала октября и нерѣдко растягиваютъ его до начала ноября. У насъ въ западныхъ губерніяхъ и въ Царствѣ Польскомъ сѣютъ въ первой половинѣ сентября; на сѣверѣ Россіи и вообще въ нечерноземной полосѣ, гдѣ зима наступаетъ ранѣе, чѣмъ на югѣ, къ посѣву приступаютъ съ половины августа; на крайнемъ югѣ—тоже около этого времени и даже нѣсколько позднѣе, въ двадцатыхъ числахъ того

же мѣсяца. Въ центральной же черноземной полосѣ и на сѣверной окраинѣ степной полосы, то-есть тамъ, гдѣ засухи всего губительнѣе, озимый посѣвъ производится гораздо ранѣе,—въ первой половинѣ августа и даже начиная съ послѣднихъ чиселъ іюля. Многіе лучшіе хозяева въ этомъ районѣ считаютъ необходимымъ приступать къ посѣву съ 25—28 іюля и стремятся, по возможности, закончить его къ 6—10 августа; посѣвъ отъ 10 до 15 августа считается уже позднимъ, а послѣ 20 августа избѣгаютъ сѣять, развѣ при особенно благопріятныхъ условіяхъ погоды. Все дѣло тутъ опять-таки въ томъ, чтобы, по возможности, уловить дожди и воспользоваться необходимою для произрастанія сѣменъ влагой при благопріятной, то-есть еще достаточно теплой, погодѣ. Весьма важенъ и дорогъ тутъ бываетъ каждый день, такъ какъ нерѣдко разница одного дня въ посѣвѣ уже замѣтно отражается на урожаѣ. Если пропустить надлежащее время для посѣва, то послѣ и отъ сырости можетъ не быть проку, если станетъ погода холодная, съ вѣтрами, и особенно если начнутся ранніе осенніе морозы.

При нормальныхъ, а не исключительныхъ, какъ въ два послѣдніе года, условіяхъ погоды въ средней черноземной полосѣ, во второй половинѣ іюля, около Ильина дня, обыкновенно бываютъ грозы и дожди. Къ этому времени, при надлежащихъ пріемахъ обработки почвы пары должны быть уже совершенно приготовлены къ посѣву, и если почва достигла надлежащей степени спѣлости, то самое лучшее посѣва и не откладывать. Однако и всего озимаго посѣва въ это время въ одинъ пріемъ производить не слѣдуетъ, потому что если осень будетъ сырая и теплая, то хлѣбъ можетъ перерости и пойти въ трубку. Но въ случаѣ, если погода продолжаетъ стоять благопріятная, то медлить нечего и надо стараться въ первыхъ же числахъ августа весь посѣвъ закончить, потому что во второй половинѣ августа и въ началѣ сентября,—такъ-называемое бабье лѣто,—опять большею частью наступаютъ жары и сушь. Если молодые всходы успѣли укорениться и раскуститься, то они эту осеннюю засуху перенесутъ хорошо, въ противномъ случаѣ опасность довольно велика, особенно если въ почвѣ влажности мало. Незначительные дожди, увлажняющіе только верхній слой почвы, могутъ вызвать проростаніе сѣменъ, но корешки молодыхъ растеньицъ, углубляясь въ почву, встрѣтятъ тамъ сухой слой, а солнце и вѣтеръ скоро унесутъ и поверхностную влагу. Если зеленя не засохнутъ

совершенно, что̀ бываетъ сравнительно весьма рѣдко, то во всякомъ случаѣ не разовьются, не раскустятся, а будутъ торчать изъ земли слабыми, завострившимися, рѣдкими былинками. Если зеленя въ такомъ видѣ дождутся морозовъ и пойдутъ въ зиму, то можно считать, что шансовъ на хорошій урожай озимыхъ въ будущемъ году уже весьма мало. Хотя и существуетъ извѣстная поговорка: „осень—всклочу, а весна,—какъ я захочу“, поговорка, означающая, что успѣшный урожай зависитъ не столько отъ осени, сколько отъ весны, но она вѣрна лишь въ томъ отношеніи, что самые лучшіе съ осени всходы могутъ весной погибнуть и не принести ничего. Наоборотъ, плохіе осенніе всходы оставляютъ уже весьма мало надежды на будущее, и такой посѣвъ можно заранѣе считать на три четверти погибшимъ. Исправленіе весной плохихъ съ осени, и даже совсѣмъ не взошедшихъ, посѣвовъ хотя и случается, но крайне рѣдко, лишь при исключительно благопріятной, теплой и влажной веснѣ. Но стóитъ только зимѣ быть малоснѣжною, веснѣ раннею, жаркою и сухою, съ перемежающимися холодами и заморозками, какъ въ 1891 году, чтобъ урожай оказался погибшимъ окончательно и безповоротно.

Такъ какъ успѣшность развитія съ осени озимыхъ посѣвовъ зависитъ главнымъ образомъ отъ возможности обезпеченія имъ необходимаго запаса влаги, и такъ какъ въ теченіе августа и въ началѣ сентября, когда растенія еще могутъ пользоваться необходимымъ имъ тепломъ, влажности бываетъ нерѣдко слишкомъ мало,—цѣлый августъ, напримѣръ, иногда проходитъ безъ дождей,—то въ послѣднее время явилась даже мысль, впервые, сколько намъ извѣстно, въ печати высказанная г. Филипченко, поставить озимые посѣвы, и именно рожь, въ такое положеніе, чтобъ они могли воспользоваться не только осеннею, но даже и лѣтнею влагой, начиная посѣвъ еще раньше, — въ концѣ и даже въ половинѣ іюня. Для этого предложено обратиться къ извѣстному сорту ржи, которая носитъ названіе Ивановской и которая отличается тѣмъ, что, какъ бы рано она ни была посѣяна, она въ то же лѣто не идетъ въ трубку и не даетъ колоса. Своевременно же посѣянная Ивановская рожь можетъ въ первый годъ дать хорошій укосъ сѣна, которымъ на плодородной почвѣ не умаляется сборъ зерна въ слѣдующемъ году. Въ сѣверной Россіи мѣстами прибѣгаютъ даже къ смѣшанному посѣву Ивановской ржи со льномъ или ячменемъ, которые могутъ

быть убраны на сѣмя, въ то время какъ рожь даетъ обильный кормъ. Предлагаемый способъ посѣва ржи — не осенью, а въ первой половинѣ лѣта, представляетъ ту выгоду и удобства, что онъ можетъ быть растянутъ на продолжительный періодъ времени, можетъ быть произведенъ исподоволь, въ наиболѣе благопріятные для него моменты; успѣшность всходовъ не будетъ въ роковой зависимости отъ случайной погоды нѣсколькихъ дней: дальнѣйшій ростъ зеленей будетъ вполнѣ обезпеченъ условіями погоды іюля мѣсяца. Какъ бы ни были сухи лѣто и осень, все же за долгій періодъ роста этой ржи, до наступленія морозовъ, ей будетъ достаточно времени набраться влаги, использовавъ выпадающіе за это время хотя бы и рѣдкіе дожди. Если она въ первый годъ даже и не дастъ большаго роста и обильной зелени, то все же успѣетъ развиться, раскуститься и укорениться настолько, чтобъ урожай ея будущимъ лѣтомъ могъ считаться болѣе или менѣе обезпеченнымъ ото всѣхъ случайностей осени, зимы и весны.

Въ отношеніи яровыхъ хлѣбовъ, ранніе посѣвы столь же важны, какъ и въ отношеніи озимыхъ, но тутъ больше случайности, больше опасности въ особенности отъ морозовъ, которые могутъ совершенно погубить молодые всходы такихъ растеній, какъ ленъ, просо, рапсъ, горохъ и т. п. Поэтому многіе хозяева, чтобы по возможности обезопасить себя отъ такихъ случайностей, производятъ яровой посѣвъ не въ одинъ, а въ два и даже три пріема. И дѣйствительно, въ зависимости отъ характера весны удаются лучше иногда ранній, иногда средній, а иногда,—хотя гораздо рѣже—и самый поздній посѣвы. Но и тутъ, въ особенности для такихъ растеній, которыя мороза почти не боятся, какъ овесъ, яровая пшеница,—возможно ранній посѣвъ во влажную почву даетъ всего болѣе шансовъ на хорошій урожай. Въ отношеніи овса всѣмъ извѣстна поговорка, гласящая, что его нужно сѣять „въ грязь". Для нѣкоторыхъ кормовыхъ травъ, которыя нуждаются въ громадномъ количествѣ влаги для одного проростанія зерна, какъ клеверъ, люцерна, возможно ранній посѣвъ даже безусловно необходимъ, причемъ клеверъ, какъ извѣстно, рекомендуютъ сѣять даже по снѣгу.

На ряду со временемъ посѣва имѣетъ весьма важное значеніе способъ производства этой работы и именно, главнымъ образомъ, *глубина задѣлки сѣмянъ*. Къ сожалѣнію, до послѣдняго времени на эту сторону дѣла наши хозяева обращали слишкомъ мало

вниманія и совсѣмъ не выяснили многихъ относящихся до этого вопроса условій; лучшіе хозяева заботились о томъ, чтобы вмѣсто обычнаго ручнаго посѣва въ разбросъ, съ задѣлкой сѣменъ сохой, ввести посѣвъ машинный, разбросными сѣялками, съ задѣлкой сѣменъ разнаго рода запашниками, а затѣмъ и посѣвъ рядовой. Извѣстно, что одно время увлеченіе рядовыми сѣялками было у насъ очень велико и результаты иногда получались дѣйствительно блестящіе, но тѣмъ печальнѣе потомъ были случаи разочарованія, случаи полной неудачи усовершенствованнаго рядоваго посѣва, при сравнительно благопріятныхъ результатахъ обыкновеннаго ручнаго. Причины этихъ неудачъ долго оставались загадкой для хозяевъ, но тѣмъ не менѣе рядовой посѣвъ во многихъ имѣніяхъ, особенно для озимыхъ хлѣбовъ, былъ если не совсѣмъ оставленъ, то значительно сокращенъ. Только въ самое послѣднее время удалось отыскать объясненіе этому странному на первый взглядъ явленію, представлявшему какъ бы торжество рутинной практики надъ раціональною агрономіей, которая и тутъ встрѣтилась съ неожиданнымъ и непонятнымъ для нея сюрпризомъ. Оказалось, что при посѣвѣ вопросъ заключается не въ томъ только, чтобы зерно было уложено возможно равномѣрно, прикрыто одинаковымъ слоемъ земли, въ равномъ одно отъ другаго разстояніи и т. п., что̀ наилучше достигается при рядовомъ посѣвѣ, а въ томъ еще, чтобы зерно было уложено на такую глубину, которая всего болѣе обезпечивала бы успѣшность его прозябанія и развитія молодаго растенія. Между тѣмъ эта глубина должна быть различною при разныхъ условіяхъ погоды и при разномъ содержаніи влажности въ почвѣ. Оказалось, что разбросный посѣвъ, съ задѣлкой сѣменъ обыкновенною сохой, которая вездѣ признавалась самымъ несовершеннымъ для этого орудіемъ, именно потому, что она укладываетъ зерна на разную глубину и, слѣдовательно, ставитъ ихъ въ неодинаковыя для ихъ развитія условія, всего болѣе обезпечиваетъ, если не наибольшую возможную высоту урожая, то наибольшее его постоянство при самыхъ различныхъ условіяхъ. Оказалось, что сошная запашка зерна представляетъ собою нѣчто въ родѣ страхованія урожая, такъ какъ въ извѣстные, именно сырые годы, даютъ наилучшіе результаты зерна, уложенныя мелко, въ сухіе—наоборотъ, зерна, уложенныя глубоко и имѣющія возможность воспользоваться для своего развитія подпочвенною влагой; наконецъ, въ годы среднихъ метеорологическихъ условій, не слиш-

комъ сухіе и не слишкомъ сырые, наплучше развиваются зерна, попавшія на среднюю глубину. Между тѣмъ, при посѣвѣ рядовомъ, при которомъ всѣ зерна равномѣрно укладываются на одинаковую глубину, по желанію хозяина, или глубоко, или мелко, всѣ они стоятъ въ одинаковыхъ условіяхъ развитія. Къ сожалѣнію, до послѣдняго времени связь между глубиной посѣва съ одной стороны и условіями погоды и влажности—съ другой не только не была въ достаточной мѣрѣ выяснена, но, можно сказать, и совсѣмъ не принималась во вниманіе, вслѣдствіе чего и могли получаться тѣ, указанные выше, противорѣчивые результаты, при сравненіи рядоваго посѣва съ разбросным, задѣланнымъ сохой. Такъ, если посѣвъ былъ произведенъ въ сырую землю и если вслѣдъ за посѣвомъ стояла влажная, дождливая погода, то однообразный мелкій посѣвъ давалъ наилучшій урожай,—рядовой посѣвъ могъ дать такіе результаты, какихъ никогда нельзя было получить отъ посѣва разброснаго съ сошною задѣлкой сѣменъ. То же могло быть и въ томъ случаѣ, если при сухой погодѣ и при посѣвѣ во влажную почву всѣ сѣмена оказывались уложенными одинаково глубоко,—тутъ опять рядовой посѣвъ значительно превосходилъ обыкновенный разбросный. Но стоило только условіямъ послѣ посѣва измѣниться,—стоило наступить жаркой сухой погодѣ, чтобы, при мелкой укладкѣ зерна, молодыя растеньица оказывались въ самыхъ неблагопріятныхъ для ихъ развитія условіяхъ, и наоборотъ, при наступленіи сырой погоды оказывались въ неблагопріятныхъ условіяхъ зерна, уложенныя глубоко. При такихъ условіяхъ, рядовой посѣвъ далеко уступалъ разбросному, задѣланному сохой, который заранѣе удовлетворялъ всѣмъ возможнымъ условіямъ погоды, укладывая зерна на различную глубину.

Въ послѣднее время вопросъ о наилучшей при нашихъ атмосферныхъ условіяхъ глубинѣ посѣва былъ подробно изученъ, путемъ цѣлаго ряда практическихъ наблюденій въ полѣ, однимъ русскимъ изслѣдователемъ, г. Топорковымъ, въ Кіевской губерніи, въ отношеніи озимой пшеницы, и тѣ заключенія, къ которымъ онъ пришелъ, настолько интересны, что мы считаемъ нужнымъ обратить на нихъ особенное вниманіе сельскихъ хозяевъ.

Наблюденія г. Топоркова [1] показали, что бо́льшая или меньшая

---

[1] *О глубинѣ укорененія и кущенія озимой пшеницы.* С. Топоркова. Москва 1891.

устойчивость и даже самая жизнь озимой пшеницы во время осеннихъ и весеннихъ засухъ, а также въ періодъ низкой зимней температуры, находятся въ тѣсной зависимости отъ глубины посѣва и укорененія ея, причемъ весьма важное значеніе имѣетъ мѣсто нахожденія такъ-называемаго узла кущенія и укорененія, составляющаго центръ стеблевыхъ почекъ и корней. Извѣстно, что послѣ того какъ зерно попало въ землю и впитало въ себя потребное для проростанія количество воды, происходитъ развитіе корневой почки, корешка, затѣмъ развиваются стеблевая почка — перышко и боковые зародышные корни, которые питаютъ растеніе въ первое время его жизни. Вслѣдъ за этимъ, въ зависимости отъ того, мелко или глубоко посѣяно зерно, на той или другой части стебля первичнаго побѣга развивается почка, дающая вторичный побѣгъ. Эта стеблевая почка въ случаѣ мелкаго залеганія зерна образуется непосредственно надъ зерномъ, при залеганіи же глубокомъ она развивается большею частью на нѣкоторомъ разстояніи отъ зерна и на нѣкоторой глубинѣ отъ поверхности почвы. Мѣсто развитія стеблевой почки, дающей вторичный побѣгъ, служитъ центромъ, изъ котораго исходятъ послѣдующіе побѣги, пускающіе по мѣрѣ своего развитія главные корни, питающіе растеніе въ теченіе всей дальнѣйшей его жизни, корни же зародышевые и часть первоначальнаго стебля, расположеннаго между зерномъ и узломъ, въ большинствѣ случаевъ отмираютъ въ ту же осень, или послѣдующею весной.

При нормальныхъ условіяхъ питанія растенія и при наличности достаточнаго запаса влаги въ почвѣ, мелкая задѣлка сѣменъ оказывается болѣе благопріятною для первоначальнаго развитія молодаго растенія, потому что оно скорѣе начинаетъ жить при посредствѣ главныхъ корней, развивающихся изъ стеблеваго узла. При болѣе же глубокомъ залеганіи растеніе, стремясь поднять узелъ ближе къ поверхности почвы, тратитъ большой запасъ питательныхъ веществъ на образованіе той части впослѣдствіи отмирающаго первичнаго стебля, которая идетъ отъ корня къ узлу, и выступаетъ на поверхность болѣе слабымъ, до нѣкоторой степени уже истощеннымъ. Вотъ отчего всѣ заграничные научные авторитеты, наблюдавшіе растенія въ нормальныхъ условіяхъ развитія и въ почвѣ достаточно снабженной влагой, единогласно рекомендуютъ мелкій посѣвъ, на глубину не болѣе 2½ сантиметровъ. Однако, по опытамъ извѣст-

наго германскаго ученаго Вольни, при очень сухой погодѣ, наплучшіе результаты оказались при глубинѣ посѣва въ 5 сант. и даже еще глубже. На такую нормальную глубину посѣва, въ $2^1/_2$—3 сантиметровъ, разсчитана и бо́льшая часть западно-европейскихъ рядовыхъ сѣялокъ, очевидно, имѣющихъ въ виду преимущественно условія мѣстнаго земледѣлія. Между тѣмъ, то, что составляетъ на Западѣ исключеніе изъ общаго правила—болѣе удачный исходъ глубокаго посѣва, у насъ, по крайней мѣрѣ, въ мѣстностяхъ, страдающихъ отъ засухъ, какъ и въ Америкѣ (гдѣ для посѣва строятся сѣялки, укладывающія зерно гораздо глубже европейскихъ).—представляется, можно сказать, общимъ правиломъ. И дѣйствительно, наблюденія г. Топоркова показали, что чѣмъ глубже будетъ лежать подъ поверхностью почвы узелъ кущенія и укорененія озимой пшеницы, который, какъ уже сказано, представляетъ собою центръ стеблевыхъ почекъ и корней, чѣмъ въ болѣе глубокихъ и влажныхъ слояхъ почвы будутъ распространяться корни, тѣмъ менѣе будутъ эти корни, защищенные сверху болѣе толстымъ слоемъ земли, страдать отъ жгучихъ, сухихъ, а потомъ и отъ холодныхъ осеннихъ вѣтровъ; тѣмъ, наконецъ, надежнѣе въ теченіе зимы сохранятся расположенныя около узла почки, могущія даже въ случаѣ надобности и при наступленіи благопріятныхъ условій дать новые побѣги на замѣну старыхъ, погибшихъ отъ мороза или иныхъ причинъ.

Отсюда нельзя не сдѣлать слѣдующихъ, весьма важныхъ для нашего южно-русскаго земледѣлія выводовъ, къ которымъ приходитъ и г. Топорковъ въ своемъ замѣчательномъ трудѣ:

При наличности благопріятныхъ для развитія озимой пшеницы условій, какъ-то: при достаточномъ количествѣ влаги въ почвѣ и равномѣрномъ распредѣленіи дождей, а также при отсутствіи рѣзкихъ колебаній погоды очень жаркихъ или очень холодныхъ вѣтровъ и т. п., не слѣдуетъ прибѣгать къ посѣвамъ глубже $2^1/_2$—3 сантиметровъ, такъ какъ при такой глубинѣ получается въ этихъ случаяхъ наиболѣе выгодное для первоначальнаго и для послѣдующаго развитія растенія расположеніе стеблеваго узла. Между тѣмъ, при недостаткѣ влаги во время посѣва, какъ и при опасеніи послѣдующей засухи, то-есть при условіяхъ, наичаще встрѣчающихся въ нашей черноземной полосѣ, растеніе при мелкомъ посѣвѣ попадаетъ въ положеніе совершенно иное. Верхній слой почвы оказывается уже во время произвостства посѣва либо болѣе сухимъ, нежели слои болѣе глубокіе,

либо всего скорѣе рискующимъ потерять влагу при послѣдующемъ наступленіи жаровъ и засухи. Поэтому приходится укладывать зерно на бо́льшую глубину въ такой почвенный слой, въ которомъ оно было бы болѣе обезпечено влагой, какъ во время проростанія, такъ и впослѣдствіи. Г. Топорковъ опредѣляетъ наивыгоднѣйшую глубину посѣва при этихъ условіяхъ въ 6—8 сантиметровъ, то-есть въ два-три раза глубже, чѣмъ въ предыдущемъ случаѣ. Въ виду нашихъ рѣзкихъ климатическихъ условій, выражающихся въ частомъ высыханіи и быстрыхъ колебаніяхъ температуры верхняго слоя почвы, а также вслѣдствіе того, что послѣ появленія всходовъ центръ тяжести развитія пшеницы перемѣщается къ узлу укорененія и кущенія, мы должны, слѣдовательно: вопервыхъ, глубоко сѣять, что̀ необходимо для проростанія зерна и полученія всходовъ, а, вовторыхъ, стараться получить такую форму всходовъ, при которой узелъ кущенія и укорененія былъ бы расположенъ сравнительно глубоко въ такомъ слоѣ почвы, который болѣе обезпеченъ влагой для развитія главныхъ питающихъ корней и въ то же время достаточно доступенъ проникновенію воздуха къ корнямъ растенія; послѣднее достигается посѣвомъ въ достаточно разрыхленную почву. Еслибы послѣ проростанія пшеницы всѣ всходы получились съ мелко расположенными узлами кущенія, то съ наступленіемъ сухой и вѣтряной погоды, при которой верхній слой почвы сильно высыхаетъ, укорененіе пшеницы было бы невозможно, а потому она не кустилась бы, или кустилась бы слабо, вслѣдствіе недостаточнаго притока влаги и питательныхъ веществъ, доставляемыхъ слабо развитыми зародышевыми корнями. При частомъ же замерзаніи или оттаиваніи, а также при сильномъ охлажденіи въ морозы верхняго слоя почвы, узелъ кущенія и укорененія, этотъ главный центръ жизни пшеницы, подвергался бы риску погибнуть вслѣдствіе такого неблагопріятнаго его положенія.

Рядомъ наблюденій и опытовъ было выяснено, что глубина расположенія стеблеваго узла прежде всего зависитъ отъ глубины укладки сѣменъ, но затѣмъ и при равной глубинѣ посѣва она можетъ быть различною въ зависимости отъ различныхъ причинъ, а именно: отъ качества сѣменъ—крупныя здоровыя сѣмена даютъ результаты лучшіе, нежели мелкія и тощія; отъ состоянія почвы—на хорошо обработанной, свободной отъ комьевъ и сорныхъ травъ почвѣ узелъ кущенія лежитъ глубже; отъ степени отѣненія—всходы, расположенные въ тѣни, выносятъ

узелъ ближе къ поверхности, нежели всходы, растущіе при полномъ доступѣ свѣта: точно также при ясной солнечной погодѣ стеблевой узелъ образуется глубже, нежели при пасмурной погодѣ и облачномъ небѣ.

Соотвѣтственно этому, глубина задѣлки сѣменъ должна измѣняться въ зависимости ото всѣхъ вышеназванныхъ условій. При *раннемъ посѣвѣ*, не позже начала августа, когда есть полное основаніе ожидать благопріятной и ясной погоды и есть въ то же время вѣроятіе болѣе или менѣе продолжительной осенней засухи, *слѣдуетъ прибѣгать къ глубокой укладкѣ зерна*, на 5—8 сантиметровъ, съ цѣлью полученія всходовъ съ глубокимъ расположеніемъ узла укорененія. При *посѣвахъ среднихъ* по времени, когда болѣе шансовъ къ наступленію вслѣдъ за посѣвомъ погоды перемѣнной и облачной, *слѣдуетъ держаться средней глубины посѣва* въ 3—5 сантиметровъ; наконецъ, при *посѣвахъ самыхъ позднихъ*, когда предвидится наступленіе послѣ посѣва очень большой облачности, выражающейся въ сплошныхъ массивныхъ осеннихъ облакахъ, которыя сильно затѣняютъ поверхность почвы, а также и холоднаго сыраго времени, *необходимо примѣнять посѣвъ наиболѣе мелкій*, въ 1—3 сантиметра, такъ какъ при сказанныхъ условіяхъ никогда нельзя получить всходовъ съ глубокимъ узломъ кущенія. Точно также *глубина посѣва* должна зависѣть и отъ *расположенія поля*. На крутыхъ сѣверныхъ склонахъ, въ глубокихъ долинахъ, а также на участкахъ, окруженныхъ высокимъ лѣсомъ, гдѣ всходы получаютъ недостаточное количество свѣта, посѣвъ долженъ быть болѣе мелкій, чѣмъ на ровныхъ поляхъ или на южныхъ склонахъ, которые въ теченіе цѣлаго дня получаютъ наибольшее количество солнечныхъ лучей.

Наблюденія, сдѣланныя г. Топорковымъ въ крайне неблагопріятную для озимыхъ посѣвовъ весну 1891 года, показали, что всходы съ глубиной узла кущенія менѣе 1 сантиметра погибли отъ морозовъ, всходы же съ узломъ, расположеннымъ глубже, уцѣлѣли и пошли въ ростъ. Точно также особенно пострадали тѣ посѣвы, которые были задѣланы мелко подъ борону или претерпѣли большое затѣненіе, напримѣръ, на части поля, окруженной деревьями и гдѣ глубина узла кущенія была наименьшею и гдѣ они притомъ не были защищены достаточно глубокимъ снѣжнымъ покровомъ.

Итакъ, вотъ цѣлая серія данныхъ, которая даетъ полную

разгадку причинъ неудачи у насъ во многихъ случаяхъ самаго совершеннаго, съ общепринятой точки зрѣнія, рядоваго посѣва, при однообразно глубокой или однообразно мелкой задѣлкѣ сѣменъ; эти же причины объясняютъ и успѣхъ первобытнаго, сохой задѣланнаго разброснаго посѣва, при которомъ глубина задѣлки сѣменъ бываетъ одновременно различная и удаются, смотря по условіямъ почвы, температуры, свѣта и влажности, то глубоко, то мелко уложенныя сѣмена. Отсюда видно, что, какъ и по отношенію къ обработкѣ почвы, *не внѣшнее совершенство пріемовъ посѣва обезпечиваетъ урожайность полей, но соотвѣтствіе этихъ пріемовъ съ условіями почвы, погоды и свойствами воздѣлываемыхъ растеній.*

Сказанныя наблюденія сдѣланы у насъ пока только надъ озимою пшеницей, но весьма вѣроятно, что подмѣченные факты распространяются въ той или другой мѣрѣ и на остальные хлѣба. Было бы въ высшей степени важно, чтобы подобныя же изслѣдованія произведены были и по отношенію къ другимъ растеніямъ, какъ озимымъ, такъ и яровымъ. Весьма возможно, что по отношенію къ яровымъ хлѣбамъ, въ особенности къ тѣмъ изъ нихъ, для которыхъ польза возможно ранняго посѣва уже констатирована, какъ овесъ или яровая пшеница, окажется при нашихъ условіяхъ наиболѣе полезною и сравнительно глубокая задѣлка сѣменъ. Когда это будетъ дознано и практическія наблюденія въ полѣ подтвердятъ справедливость этихъ апріорныхъ заключеній, хозяева получатъ возможность и въ дѣлѣ посѣва другихъ растеній, кромѣ озимой пшеницы, руководствоваться столь же вѣскими указаніями и обезпечивать себѣ надлежащими пріемами посѣва и задѣлки сѣменъ наибольшую урожайность полей при всякихъ напередъ болѣе или менѣе предвидимыхъ условіяхъ. Быть-можетъ, придется для этого приспособить надлежащимъ образомъ сѣялки и обработку почвы вести такъ, чтобъ она удовлетворяла различнымъ требованіямъ различныхъ растеній, но во всякомъ случаѣ путь для этого уже намѣченъ и отъ хозяина зависитъ выработать цѣлый рядъ культурныхъ пріемовъ, наиболѣе соотвѣтствующихъ тѣмъ условіямъ, среди которыхъ ему приходится работать.

—

Для большей ясности повторимъ теперь въ видѣ краткихъ положеній тѣ главнѣйшія заключенія и выводы, къ которымъ мы пришли въ настоящей и въ предыдущихъ статьяхъ нашихъ,

какъ по отношенію къ естественнымъ условіямъ земледѣлія въ предѣлахъ черноземнаго района и преимущественно въ той части его, которая нынѣ наиболѣе пострадала отъ неурожая, такъ и по отношенію къ мѣрамъ для улучшенія этихъ условій вообще и въ частности для борьбы съ засухой и другими неблагопріятными климатическими явленіями, характеризующими эту обширную область.

1) Вслѣдствіе истребленія лѣсовъ и связаннаго съ нимъ оскудѣнія водъ на поверхности русской земли, климатъ центральной, южной и восточной части черноземнаго района въ послѣдніе годы постепенно измѣняется къ худшему. Измѣненіе это наглядно выражается:

а) въ болѣе частыхъ и упорныхъ засухахъ, которыя охватываютъ большіе, чѣмъ прежде, районы и продолжаются долѣе;

б) въ болѣе сильныхъ и болѣе позднихъ, чѣмъ прежде, весенникъ, болѣе ранникъ осенникъ заморозкахъ, отъ которыхъ не обезпеченъ теперь ни одинъ мѣсяцъ въ году;

в) въ болѣе сильномъ и продолжительномъ повышеніи температуры не только въ лѣтніе, но и въ весенніе и осенніе мѣсяцы;

г) въ меньшемъ количествѣ ниспадающаго въ зимнее время снѣга и меньшей вслѣдствіе этого высотѣ и постоянствѣ снѣговаго покрова;

д) въ болѣе раннемъ наступленіи весны, быстромъ таяніи снѣговъ, сильномъ, но менѣе продолжительномъ, чѣмъ прежде, половодіи;

е) въ быстромъ, послѣ схода снѣговъ и открытіи весны, наступленіи жаркой и сухой погоды, смѣняемой возвратами холодовъ;

ж) въ большемъ постоянствѣ и большей силѣ жгучихъ лѣтнихъ юго-восточныхъ вѣтровъ, проникающихъ изъ-за Каспія все далѣе и далѣе въ глубь центральной области Россіи.

2) Тѣ наблюденія, которыя производятся на нашихъ метеорологическихъ станціяхъ и особенно та разработка этихъ наблюденій, которая до сего времени была исполнена, недостаточны для характеристики климатическихъ условій черноземнаго района, преимущественно съ точки зрѣнія интересовъ земледѣлія. Недостаточность эта заключается въ слѣдующемъ:

а) новѣйшія данныя, начиная съ 1882—1885 годовъ, преимущественно по вопросу объ осадкахъ, послѣ капитальнаго труда г. Вильда, почти совсѣмъ не подвергались разработкѣ и груп-

пировкѣ, по крайней мѣрѣ, для большей части черноземнаго района, за исключеніемъ юго-западной ея части (труды профессора Клоссовскаго).

б) Не дѣлается наблюденій надъ важными съ сельскохозяйственной точки зрѣнія ночными заморозками, не производится опредѣленія минимальныхъ и максимальныхъ температуръ, не измѣряется не только количество ниспадающей росы, но даже не регистрируются и дни, когда она ниспадаетъ или отсутствуетъ. Не дѣлается наблюденій надъ напряженностью солнечнаго освѣщенія. Не измѣряется высота снѣжнаго покрова, ни глубина промерзанія почвъ, ни степень влажности различныхъ почвенныхъ слоевъ и т. п.

в) Число метеорологическихъ станцій въ предѣлахъ черноземнаго района весьма недостаточно, и притомъ происходятъ нерѣдкіе перерывы въ наблюденіяхъ въ одной и той же мѣстности, вслѣдствіе чего лишь для весьма немногихъ пунктовъ имѣются данныя за продолжительный періодъ времени.

3) На основаніи имѣющихся данныхъ, климатическія условія черноземной области Имперіи, съ сельскохозяйственной точки зрѣнія, характеризуются слѣдующими особенностями:

а) Общее количество влажности, ниспадающей какъ въ теченіе цѣлаго года, такъ и въ растительный періодъ, въ среднемъ за цѣлый рядъ лѣтъ не можетъ быть признано недостаточнымъ для растительности и полевой культуры.

б) Ниспаденія осадковъ по отдѣльнымъ годамъ представляетъ крайне рѣзкія колебанія противъ средняго нормальнаго размѣра, далеко превышающія таковыя же колебанія внѣ черноземнаго района.

в) Число дней съ осадками гораздо менѣе значительно въ предѣлахъ черноземной области, чѣмъ внѣ ея.

г) На каждый день съ осадками приходится гораздо болѣе ниспадающей влаги, вслѣдствіе чего дожди въ предѣлахъ черноземнаго района имѣютъ неблагопріятный для растительности и для самой почвы характеръ ливней.

д) Лѣтняя температура достигаетъ весьма высокихъ maximum'овъ, которые повышаются по направленію къ юго-востоку, при чрезвычайной напряженности солнечныхъ тепловыхъ и, конечно, также и свѣтовыхъ лучей.

е) Высокая лѣтняя температура, а также и жгучіе юго-восточные вѣтры до чрезвычайности усиливаютъ испареніе влаги изъ

почвы и весьма неблагопріятно дѣйствуютъ на растительность и полевую культуру.

ж) Вѣроятно въ связи съ означенными юго-восточными вѣтрами находятся губительно дѣйствующія на растительность, но недостаточно еще изученныя явленія, извѣстныя въ разныхъ мѣстахъ подъ разными названіями—захвата, мглы, помохи и т. п.

з) Въ весеннее и осеннее время, а въ отдѣльные годы даже и въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, весьма часты рѣзкіе переходы отъ высокой температуры къ низкой, нерѣдко обусловливающіе гибельные для растительности ночные заморозки.

и) Недостаточность, въ отдѣльные годы, атмосферныхъ ниспаденій и чрезвычайно сильное испареніе влаги изъ почвы, обусловливаютъ значительное пониженіе грунтовыхъ водъ, обмелѣніе рѣкъ, озеръ и прудовъ, изсякновеніе источниковъ и т. п.

і) Атмосферныя ниспаденія значительнѣе и чаще надъ пространствами, покрытыми лѣсомъ, надъ рѣчными бассейнами, низинами и вообще надъ такими мѣстами, которыя сосредоточиваютъ въ себѣ влагу; другими словами—земная влага притягиваетъ къ себѣ влагу небесную.

4) Для улучшенія столь неблагопріятныхъ нынѣ съ земледѣльческой точки зрѣнія естественныхъ условій средней, южной и восточной части черноземнаго района, требуется осуществленіе въ ближайшемъ будущемъ нижеслѣдующихъ, такъ-сказать, коренныхъ мѣръ:

а) Лѣсоохраненіе, лѣсовозобновленіе, лѣсоразведеніе. Въ частности — успленное охраненіе и возобновленіе лѣсовъ въ верховьяхъ и по теченію рѣкъ, защита отъ лѣсопстребленія, облѣсеніе и укрѣпленіе летучихъ песковъ; обсадка деревьями всякаго рода большихъ и малыхъ водныхъ площадей, особенно въ предѣлахъ степной безлѣсной полосы. Облѣсеніе юго-восточной части Россіи и прикаспійской низменности, для огражденія центральной полосы отъ гибельныхъ юго-восточныхъ вѣтровъ.

б) Привлеченіе, разысканіе и сбереженіе воды. Охрана и разчистка рѣчныхъ источниковъ. Задержаніе снѣговой воды устройствомъ запрудъ въ степныхъ низинахъ, оврагахъ и балкахъ. Искусственное созданіе прудовъ и всякаго рода болѣе или менѣе обширныхъ водоемовъ, при условіи изданія закона о пользованіи водами. Артезіанскіе колодцы.

в) Искусственное орошеніе полей и луговъ.

5) Впредь до осуществленія изложенныхъ выше коренныхъ

мѣръ, направленныхъ къ улучшенію естественныхъ условій русскаго земледѣлія, въ рукахъ сельскаго хозяина уже и теперь находятся нижеслѣдующія культурныя мѣры для борьбы съ засухой и другими неблагопріятными климатическими вліяніями:

а) Расширеніе посѣвовъ наиболѣе выносливыхъ къ засухѣ растеній, содѣйствующихъ вмѣстѣ съ тѣмъ сохраненію влаги въ почвѣ, вслѣдствіе сравнительно меньшаго поглощенія ими воды: кукурузы, яровой пшеницы, проса, подсолнечника; растеній корнеплодныхъ: картофеля, свекловицы; кормовыхъ травъ: люцерны, отчасти эспарцета.

б) Перенесеніе растеній, приспособившихся къ болѣе сухому климату, съ юга въ болѣе сѣверныя мѣстности, и растеній, привычныхъ къ климату болѣе холодному, съ сѣвера на югъ.

в) Поддержаніе посѣвовъ въ возможной чистотѣ и уничтоженіе сорныхъ травъ, которыя ведутъ съ культурными растеніями энергическую борьбу изъ-за влаги и заглушаютъ послѣднія, отнимая у нихъ питательныя вещества, влагу и свѣтъ.

г) Возможное увеличеніе и сбереженіе влаги въ почвѣ, съ примѣненіемъ нижеслѣдующихъ культурныхъ пріемовъ: черный паръ, возможно ранняя распашка пара съ весны, возможно ранній взметъ жнивья съ осени подъ зябь.

д) Вывозка и задѣлка навоза съ осени или раннею весной. Зимняя вывозка навоза, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и растилка его зимой по снѣгу. Прикрытіе поверхности земли слоемъ соломы, для уменьшенія потери влаги отъ испаренія.

е) Глубокое паханіе, на 6—8 вершковъ, одинъ разъ въ нѣсколько лѣтъ, съ поверхностнымъ затѣмъ разрыхленіемъ земли, какъ для увеличенія количества влаги въ почвѣ, такъ и для уничтоженія сорныхъ травъ.

ж) Строгое согласованіе всѣхъ пріемовъ обработки почвы со свойствами почвы и условіями погоды. Своевременность и цѣлесообразность всѣхъ подобнаго рода пріемовъ, преимущественно съ точки зрѣнія сохраненія и накопленія влаги въ почвѣ.

з) Надлежащее наблюденіе за почвой и уходъ за нею, въ видахъ достиженія, ко времени посѣва, такъ-называемой, спѣлости почвы.

и) Возможно раннее производство озимаго посѣва. Разведеніе Ивановской ржи, которая можетъ быть высѣваема въ первой половинѣ лѣта и, слѣдовательно, воспользуется всею лѣтнею и осеннею влагой.

і) Возможно ранній посѣвъ яровыхъ хлѣбовъ, не боящихся

весеннихъ морозовъ, и разновременный посѣвъ другихъ яровыхъ растеній, для обезпеченія ихъ противъ возможныхъ случайностей погоды.

к) Измѣненіе глубины укладки сѣменъ при посѣвѣ, въ зависимости отъ свойствъ почвы, условій погоды и расположенія полей. Болѣе глубокая задѣлка зерна при раннихъ посѣвахъ, особенно въ сухую землю, и при вѣроятности послѣдующей засухи; болѣе мелкая—при посѣвахъ позднихъ, при сырой погодѣ и во влажную землю. Болѣе глубокая задѣлка зерна при посѣвахъ яровыхъ, съ принятіемъ въ соображеніе индивидуальныхъ свойствъ отдѣльныхъ растеній. Строгое согласованіе пріемовъ посѣва и задѣлки сѣменъ—рядовыми сѣялками и разнаго рода запашниками, съ изложеннымп выше основными принципами.

Изо всего сказаннаго можно, казалось бы, вывести то окончательное заключеніе, что какъ ни печальны тѣ естественныя условія, съ которыми приходится имѣть дѣло хозяину черноземнаго района, какъ ни ухудшаются даже годъ отъ году эти условія,—положеніе земледѣлія въ этой обширной области Россіи, однако, не можетъ и не должно считаться безнадежнымъ. Не ожидая даже того времени, когда примѣненіемъ изложенныхъ выше коренныхъ мѣръ человѣку удастся побѣдить самую природу и возстановить въ ней прежнее счастливое сочетаніе естественныхъ условій, въ рукахъ сельскаго хозяина уже и теперь цѣлый рядъ вполнѣ раціональныхъ и дѣйствительныхъ средствъ, при помощи которыхъ онъ можетъ болѣе или менѣе успѣшно бороться, какъ съ засухой, такъ и съ многими другими неблагопріятными метеорологическими явленіями, отъ которыхъ нынѣ всецѣло зависитъ урожай или недородъ воздѣлываемыхъ имп растеній. Чѣмъ болѣе эти культурные пріемы будутъ изучены, чѣмъ сознательнѣе и энергичнѣе хозяинъ будетъ ихъ примѣнять при тѣхъ или другихъ условіяхъ даннаго года, тѣмъ болѣе у него будетъ шансовъ достигнуть успѣха въ этой непрестанной борьбѣ его съ силами внѣшней природы. Не подлежитъ сомнѣнію, что, слѣдуя этимъ путемъ, человѣкъ въ концѣ концовъ сумѣетъ ихъ болѣе или менѣе кореннымъ образомъ видоизмѣнить, или подчинить ихъ себѣ, или заставить ихъ служить своимъ цѣлямъ и нуждамъ, послѣ того какъ онъ самъ ихъ надлежащимъ образомъ изучитъ и найдетъ средства приспособиться къ тѣмъ изъ нихъ, измѣненіе которыхъ навсегда останется внѣ его власти.

А. Ермоловъ.

НОВАЯ САНДРИЛЬОНА.

Романъ.

(Изъ современныхъ французскихъ нравовъ.)

> ...La marraine ne fit que toucher Cendrillon avec sa baguette, et en même temps ses habits furent changés en des habits d'or et d'argent...
>
> ...Elle se leva et s'enfuit aussi légèrement, qu'aurait fait une biche. Le prince la suivit, mais ne put l'attraper. Elle laissa tomber une de ses pantoufles de verre, que le prince ramassa...
>
> *Perrault.*

I.

Черезъ рѣку широкую, извилистую, быстро идущую въ крутыхъ, зеленѣющихъ берегахъ, перекинулся сѣткой легкій, красный мостъ. Издали онъ кажетъ игрушкой, забавой, капризомъ какого-либо затѣйника богача. Масса тонкихъ жердочекъ и палочекъ, хитро и замысловато переплетающихся и ярко выкрашенныхъ, безъ перилъ на верху, безъ устоевъ и пролетовъ внизу, кажетъ простою, огромною паутиной, которую соткалъ на солнцѣ между двухъ береговъ какой-нибудь гигантъ-паукъ. И издали положительно кажетъ, что довольно одного удара вихря, чтобы сбросить и разнести безслѣдно эту висящую въ воздухѣ надъ рѣкой красную паутину.

Да, издали! Но вблизи эта паутина—громадное сооруженіе. И не просто гигантъ-паукъ сработалъ это, а иной богатырь создалъ. Этотъ богатырь—разумъ людской.

Но богатырь нашего времени, который пересталъ уноситься за облака, который уже не летаетъ на крылатомъ конѣ по поднебесью въ поискахъ за царевной-красотой, а довольствуется земными помыслами и похотями... У него новый богъ,— здѣсь, у себя, на землѣ, которому онъ поклонился. Польза и злато! Все—для пользы, а за злато—все!..

Это искусное сооруженіе—желѣзнодорожный мостъ, соединяющій два берега рѣки, а на нихъ двѣ маленькія станціи... а затѣмъ и два городка и, наконецъ, двѣ столицы, и два царства, и два народа... И когда-нибудь, скоро, онъ соединитъ двѣ части свѣта...

Мостъ этотъ перекинулся черезъ рѣку на „Сѣверной желѣзной дорогѣ“, протянувшейся лентой отъ Новаго Вавилона, Парижа, до границы Франціи и чужихъ предѣловъ.

На скатахъ крутыхъ береговъ, густо заросшихъ травой и полевыми цвѣтами, нѣтъ ни дорогъ, ни тропинокъ... Зданій или какого-нибудь крупнаго строенія поблизости тоже нѣтъ, только въ одномъ концѣ моста стоитъ сторожевой домикъ около двухъ заставъ, которыя преграждаютъ шоссе, идущее черезъ полотно желѣзной дороги. По мосту этому ходитъ и носится взадъ и впередъ, молніей, съ берега на берегъ, лишь одно почти сказочное чудовище или апокалипсическій звѣрь, или позднѣйшее исчадіе ада—дьяволъ девятнадцатаго вѣка—паровозъ. Много злата и много зла развозитъ онъ по міру, но злата меньше, зла больше... Злато разсыпается и улетучивается, а зло остается, глубокіе корни пускаетъ, пышно разцвѣтаетъ и скороспѣлые плоды даетъ.

Въ ясный и жаркій день предъ сумерками подъ самымъ мостомъ, въ прохладной тѣни, упавшей на зеленый берегъ отъ громаднаго сооруженія, въ свѣжей и душистой травѣ лежала на спинѣ и сладко спала дѣвочка лѣтъ пятнадцати... Крайне смуглыя, плотныя руки съ темно-синими жилками, оголенныя по плечи отъ засученныхъ ради жары рукавовъ, закинуты подъ голову; немного растегнутый воротъ платья обнажаетъ смуглую, матово-желтую шею и грудь. Бѣлый воротничекъ, приметанный на живую нитку къ вороту платья, оторвался съ краю, отсталъ и, то порщась вверхъ, шевелится отъ ея сильнаго, но ровнаго дыханія... Сѣренькое платье изъ дешевой матеріи, безукоризненно чистое, но поношенное, плотно облегаетъ безъ складокъ изящное и миніатюрное тѣло дѣвочки. Это платье слишкомъ износилось, измылось, и, какъ бы простая кисейка, даже какъ бы дымка,

обвиваетъ полудѣтскую грудь, станъ и протянутыя ноги. Изъ-подъ платья высунулись поношенныя, но свѣжо вычищенныя ботинки съ безобразно высокими, сбитыми каблуками и съ двумя дырами на одной изъ нихъ у большаго пальца и на подъемѣ... Чулки ярко бѣлы, но кой-гдѣ искусно заштопаны.

Лицо дѣвочки оригинально красивое, правильно овальное, сухое, поразительно смугло, но замѣчательно чисто и свѣжо. Румянецъ на щекахъ явился теперь отъ сна и жары и исчезнетъ тотчасъ при пробужденіи... Вокругъ маленькой головки разсыпались на подложенныхъ рукахъ и на травѣ, густою массой, крючковато вьющіеся кудри черныхъ, какъ смоль, волосъ.

Около нея въ травѣ брошены—простенькая соломенная шляпка, пучекъ полевыхъ цвѣтовъ, перевязанныхъ полинялою лентой, и школьная корзинка, гдѣ три истрепанныя книжки: молитвенникъ, грамматика и ариѳметика. Вокругъ спящей хлопотливо и, уже давно, прыгаетъ кузнечикъ, и даже два раза сидѣлъ и качался на ея ровно колыхающейся груди и водилъ усами, будто разглядывая и обнюхивая ее. Удивительнымъ ли казалось ему, что̀ это за существо появилось тутъ, въ его царствѣ, или она, улегшись здѣсь, помѣшала ему, заслонивъ собой его жилище, родной шестокъ, гдѣ, быть-можетъ, ждетъ его семья. Двѣ бѣлыя бабочки тоже долго вились надъ ней, порхая и играя надъ ея лицомъ и сложенными подъ головой руками...

Уже около получасу дремлетъ здѣсь дѣвочка... Она встала ранёхонько, уже сбѣгала за три версты въ школу, потомъ справила разныя порученія матери по лавкамъ и по знакомымъ въ сосѣднемъ мѣстечкѣ Тріэль и устала...

Но вотъ гдѣ-то вдали, на горизонтѣ, послышался глухой гулъ... потомъ замеръ, потомъ раздался снова, ближе и громче, и сталъ все приближаться.

Скоро гулъ превратился въ непрерывный грохотъ, все болѣе и болѣе оглушительный, будто разсыпающійся каменьями по всей окрестности... Раздались острые, рѣзкіе, пронзительные свистки... Наконецъ, пронесся страшный, грохочущій громъ, который, казалось, глубоко проникалъ въ нѣдра земли, отъ котораго сразу будто притаилась вся живая тварь кругомъ, содрогнулся и затрепеталъ мостъ, и отозвалась стономъ дотолѣ мирно катившаяся внизу рѣка.

Дѣвочка очнулась, открыла яркіе черные глаза и лицо ея тотчасъ же выразило крайній испугъ... Въ одно мгновенье вско-

чила она на ноги. Въ нѣсколько прыжковъ сильныхъ и ловкихъ какъ бы дикая серна взлетѣла она на гору—пространство шаговъ въ десять, — и очутилась на выѣздѣ съ моста, гдѣ были заставы, а поодаль небольшой сторожевой домикъ.

Она тревожно глянула на поѣздъ...

Паровозъ шипѣлъ, выпуская паръ съ боковъ и будто звѣрь на двухъ бѣлыхъ крыльяхъ, съ двумя тусклыми глазами, упертыми въ землю, громыхалъ и несся, но казалось... стоитъ на мосту саженяхъ въ трехъ отъ нея!

Дѣвочка въ два скачка перемахнула полотно желѣзной дороги. Но когда она была на второй парѣ рельсовъ, за ней пахнуло вѣтромъ, а поѣздъ уже взвизгнулъ на первой парѣ, и мчась покрылъ то мѣсто, гдѣ она только-что проскользнула.

Дѣвочка быстро нагнулась, взяла съ земли свернутый красный флагъ, обернулась и выпрямившись, высоко подняла съ нимъ руку.

Это была ея служба: signaler le train, т.-е. объявлять путь свободнымъ.

Машинистъ съ сѣдою бородой все видѣлъ, перегнулся съ тендера въ сторону дѣвочки и, поднявъ руки со злобно сжатыми кулаками, отчаянно крикнулъ:

— Проклятое созданіе! Каждый разъ!..

Но поѣздъ былъ уже далеко... Дѣвочка словъ не слыхала.

Машинистъ обернулся къ кочегару, нагнувшемуся у угля съ лопатой, и взволнованно прибавилъ:

— Несчастный ребенокъ! Sacré nom de nom...

— Toujours—Elzà Gazelle? усмѣхнулся тотъ равнодушно.

— Да. Эльза! И прозвище газели не поможетъ. Увидите. Не нынче, завтра будетъ раздавлена. Et une belle enfant — вотъ обида. Этого оставить нельзя. Сегодня сдѣлаю формальный докладъ на бумагѣ. Словесно нашихъ чертей шефовъ и су-шефовъ не проймешь.

Дѣвочка видѣла однако угрожающій жестъ машиниста и грустно задумчивымъ взоромъ своихъ красивыхъ черныхъ глазъ будто непріязненно провожала вдаль поѣздъ, который, какъ сказочный змѣй, хрипя и обрызгивая землю злобною пѣной, извивался желѣзнымъ туловищемъ и ускользалъ по зеленой равнинѣ.

— Пожалуется на станціи опять, подумала дѣвочка, которую машинистъ назвалъ такъ же, какъ ее звалъ tout le pays—весь околотокъ...

Настоящее ея имя было Louise-Anna-Elzire Caradol, но всѣ

звали ея уменьшительнымъ третьяго имени: Эльзà. И всегда въ силу привычки всѣ какъ бы безсознательно прибавляли прозвище, Богъ вѣсть когда и кѣмъ, но мѣтко данное. Прозвище это: „газель“ вполнѣ шло къ дѣвочкѣ съ оригинальнымъ типомъ лица совершенно чуждымъ средѣ ея.

Во всей ея фигурѣ сухощаво крѣпкой, граціозно сильной, въ дико блестящихъ глазахъ, всегда будто непріязненно и недовѣрчиво взирающихъ на людъ, во всѣхъ нервно быстрыхъ, будто пугливыхъ, но страстныхъ движеніяхъ, въ легкой, но рѣзкой поступи, въ порывистыхъ, но мягкихъ и красивыхъ изгибахъ тѣла, сказывался именно дикій горный звѣрокъ—газель.

II.

Поѣздъ исчезъ за холмомъ, но гулъ длился еще съ минуту и вдругъ послѣ долгаго свистка замеръ сразу. Поѣздъ остановился на маленькой станціи за полторы версты отъ моста и сторожеваго домика. Эльза между тѣмъ отворила настежь обѣ заставы на шоссе, пересѣкающее желѣзнодорожное полотно, и ломовой извощикъ, дожидавшійся проѣзда, двинулся съ мѣста.

Огромная и длинная фура на двухъ почти саженныхъ колесахъ, нагруженная мѣшками съ мукой и запряженная красивымъ толстогрудымъ першерономъ, будто зашипѣла, давя въ порошокъ щебень, густо разсыпанный по шоссе. Сильный, сѣрый въ яблокахъ, рабочій конь съ громаднымъ хомутомъ, украшеннымъ сверкающими мѣдными бляхами и голубымъ мохнатымъ мѣхомъ, мощно и какъ-то даже важно, безъ малѣйшихъ усилій, шагнулъ на рельсы. За возомъ двинулся молодой малый въ синей блузѣ съ бичемъ въ рукахъ. Картузъ его былъ сдвинутъ на затылокъ, а на загорѣломъ лицѣ, потномъ и лоснящемся, было бросающееся въ глаза выраженіе безсмысленнаго самодовольства и безпечной дерзости. Вздернутый толстый носъ, маленькіе сѣрые глаза, прищуренные вдобавокъ отъ солнца, схваченные виски и широкія скулы и, наконецъ, большой ухмыляющійся ротъ съ недостающими зубами—все сразу производило отталкивающее впечатлѣніе. Когда фура переѣхала рельсы, блузникъ крикнулъ на першерона и конь сталъ сразу. Онъ подошелъ къ Эльзѣ, сдѣлалъ шутя бичемъ накараулъ, какъ бы ружьемъ и затѣмъ выговорилъ рѣзко, будто бросилъ слова:

— Bonjour Gazelle.

— Bonjour monsieur Philippe, отозвалась дѣвочка сухо и не смотря на него.

— А вѣдь когда-нибудь вы попадете подъ поѣздъ, прыгая какъ вотъ сейчасъ.

Дѣвочка не отвѣтила.

— Все еще сердитесь, газель?

Она снова промолчала, но покосилась на свой домикъ.

— Silence complet! насмѣшливо воскликнулъ Филиппъ.—Ей-Богу, подумаешь преступленье. На то хорошенькія дѣвченки и существуютъ, чтобъ ихъ цѣловали. Онѣ очень это любятъ, а только прикидываются, что обижены.

— Вотъ вы съ такими и водитесь, а меня оставьте! вымолвила Эльза вполголоса и глядя въ землю.

— Jamais! И я васъ хочу предупредить, газель, что оно было въ первый разъ, но не въ послѣдній. Всякій разъ, что я буду проѣзжать здѣсь, я буду васъ цѣловать.

Эльза вскинула на блузника свои опущенные глаза, и взглядъ ея вдругъ загорѣлся, большіе черные глаза, казалось, стали еще больше и еще чернѣе.

— Ни разу этого больше не будетъ! медленно, но твердо выговорила она и съ презрѣніемъ смѣрила молодаго малаго. Въ голосѣ ея прозвучалъ такой горделивый гнѣвъ, что блузникъ расхохотался насмѣшливо и сталъ крутить усы.

— Скажите, съ кѣмъ вы добровольно и сладко цѣлуетесь? Я бы хотѣлъ видѣть этого счастливчика.

Эльза не отвѣтила и, повернувшись, тихо пошла къ дому, но чутко прислушивалась, двигается ли онъ за ней.

Малый, самодовольно ухмыляясь, шагнулъ къ фурѣ, хлопнулъ бичемъ, вскрикнулъ: Ohé! и лошадь зашагала по шоссе. Нѣсколько разъ обернулся онъ назадъ, на заставу, и видѣлъ, что дѣвочка не входитъ въ домикъ.

Эльза ждала, и когда блузникъ былъ далеко, она вернулась на полотно, спустилась снова подъ мостъ, гдѣ въ попыхахъ оставила шляпку, корзинку съ книгами и цвѣты.

Собравъ все, она вернулась наверхъ, сѣла въ тѣни куста на траву, около одной изъ заставъ, и стала было перебирать и перевязывать цвѣты, но чрезъ минуту она бросила букетъ и легла на траву. Подсунувъ снова руки подъ голову, она протянулась на

спинѣ и широко раскрывъ свои умные, выпуклые глаза, съ сѣнью длинныхъ рѣсницъ, устремила ихъ въ далекое, голубое небо.

— Какъ тамъ хорошо, просторно, тихо! тотчасъ же и какъ бывало всегда, подумала она.

И она задумалась, потомъ вздохнула протяжно и еще глубже задумалась, забывъ вполнѣ все окружающее. Черныя брови начали потихоньку сдвигаться, и рѣзкая складка, какъ бы чуждая юному лицу, легла между тонкихъ бровей, придавъ полудѣтскимъ чертамъ его не просто угрюмое и озабоченное, а почти страдающее выраженіе.

Но вскорѣ лицо снова просвѣтлѣло въ новой полудремотѣ, напавшей противъ воли. Минуты двѣ дышала она ровно и спокойно, но вдругъ, будто отъ толчка, снова открыла глаза. Внутренняя безсознательная тревога, привычка быть озабоченною, разбудила ее.

„Пора скоро опять запирать заставы“, будто сказалъ ей кто-то во снѣ.

Она прислушалась чуткимъ и привычнымъ ухомъ, не слыхать ли свистковъ идущаго поѣзда. Но все было тихо и безмолвно въ окрестности. Только вдали, на станціи, однообразно и протяжно безъ перерыва гудѣлъ нагрѣвавшійся паровозъ, да на рѣкѣ пищали кулики, прыгая по песчаному берегу, да еще гдѣ-то въ густой травѣ, полусожженной солнцемъ, трещали невидимые кузнечики.

Наконецъ, раздался стукъ экипажа и конскій топотъ. Появилась соломенная колясочка съ элегантною дамой и мальчикомъ, правившимъ парой лошадокъ пони, и, шибко промелькнувъ чрезъ заставы и чрезъ рельсы, умчалась далѣе...

— La comtesse d'Hauteville... подумала дѣвочка, но пользуясь, что укрыта кустомъ, не двинулась поклониться. Она сладко зѣвнула нѣсколько разъ, вынула руки изъ-подъ головы, потянулась и, наконецъ, лѣниво поднявшись, сѣла. Масса волосъ нависла черными лохмами на лобъ и щеки. Эльза нехотя, медленными движеніями, попробовала было собрать волосы на затылкѣ въ пучекъ, но ленты не было. Она поглядѣла около себя, увидѣла свой букетъ, перевязанный лентой, и осталась будто въ раздумьѣ: устроить волосы и разстроить букетъ, или остаться такъ, а букетъ цвѣтовъ не разорять. Она отбросила опять лохматые кудри за спину, надѣла шляпку и взяла корзинку и цвѣты.

— Надо идти домой, шепнула она, но не двинулась, а заду-

малась, и долго просидѣла неподвижно... И постепенно взглядъ снова потускнѣлъ отъ раздумья, лицо стало опять озабочено, даже слегка грустно. Правая рука между тѣмъ почти безсознательно обрывала лепестки маргаритки, торчавшей изъ букета... Она гадала и почти машинально повторяла слова гаданья собственнаго изобрѣтенія.

— Умру. Скоро. Не скоро. Сейчасъ. Никогда. Умру. Скоро...

Послѣдній бѣленькій лепестокъ сказалъ: „Никогда“. Она поникла головой и вздохнула.

„Надо домой! думалось ей.—Какъ прежде хорошо было всегда дома. А теперь?“

Теперь только и хорошо, когда поутру, наскоро и молча напившись кофе, ускользнетъ она изъ дому и побѣжитъ въ школу за три версты, которую держатъ, обучая всему, монахини. У нихъ хорошо. Les soeurs добрыя. Только одна между ними злая. И то отъ болѣзни, какъ говорятъ... И подольше старается она отсутствовать изъ дому у этихъ soeurs, монахинь. Когда есть какой предлогъ, до сумерекъ не заглядываетъ она домой. И каждый разъ бранится „онъ“ грубымъ голосомъ. И каждый разъ угрюмо пробурчитъ она что-нибудь въ отвѣтъ, поворачиваясь къ нему спиной.

— Избить бы тебя разъ хорошенько! Rodeuse et radoteuse! бранится онъ. — Ну, да, вотъ погоди, скоро тебя посадятъ за настоящее занятіе. Довольно болтаться. Ты ужь не маленькая! И долго бранится онъ на всѣ лады. Онъ, который еще недавно былъ чужой человѣкъ въ ихъ домѣ, простой рабочій, наемникъ, взятый за десять франковъ на ихъ харчахъ. А теперь? Теперь il fait le maitre... Онъ заставляетъ ее замѣнять себя—signaler le train, даже ночью, даже въ слякость и холодъ. А мать молчитъ...

Знакомые часто говорятъ ей про него, называя его: „Le bon ami de ta mère“.

И это названіе рѣжетъ ей ухо, звучитъ обидой. Почему? Она сама не знаетъ. Быть-можетъ потому, что это оскорбляетъ дорогую ей память покойнаго отца. А между тѣмъ, это лишь глупое ребячество. Всѣ говорятъ ей, что она по малолѣтству и простотѣ судитъ мать и „его“—несообразно глупо.

— Ainsi va le monde! говорятъ ей.

Старшая сестра ея, красавица, живетъ у пожилаго холостяка господина Грожана не прислугой и не хозяйкой; онъ ее зоветъ женой, но въ меріи они не были. Другая сестра ея пропала безъ

вѣсти, уйдя изъ дому вскорѣ послѣ смерти отца. Говорятъ, она болтается въ Парижѣ... Она забыла и мать, и ее Эльзу, и братишку Этьена, котораго очень любила прежде. Это стыдно. А они всѣ говорятъ: Quoi, donc. Ainsi va le monde!

Разные нахалы, проѣзжіе чрезъ полотно дороги, часто среди бѣлаго дня, а въ особенности вечеромъ, когда она отворяетъ имъ заставы, ловятъ ее, чтобы насильно расцѣловать. По большей части, будучи всегда на-сторожѣ, она спасается, какъ настоящая газель, ловкимъ прыжкомъ въ сторону... Догнать же ее и поймать—напрасный трудъ. Не даромъ заслужила она свое прозвище. Когда она жалуется на этихъ нахаловъ, всѣ смѣются.

— Дѣло простое! Le grand mal. Таковъ свѣтъ...

А она и вѣритъ и не вѣритъ имъ всѣмъ. Неужели весь свѣтъ таковъ... А какъ же отецъ покойный говаривалъ совсѣмъ не то... Мала она была, когда онъ былъ еще живъ и обожалъ ее... Но все-таки многое она помнитъ...

И часто задумывалась такъ Эльза-Газель и терялась въ догадкахъ и противорѣчіяхъ, спорила сама съ собой, и уставала душевно, и отчаивалась...

Все, что было въ ней отъ природы, еще не опредѣлилось, не выработалось, не окрѣпло... и въ борьбѣ съ окружающимъ смолкало, будто уступало. Но затѣмъ вдругъ снова шевелилось и прорывалось негодуя... И запуганная дѣвочка, и энергическая дѣвушка,—сказывались теперь въ ней равно, одновременно, поочереди. Ребенкомъ она перестала быть или переставала, а женщиной еще не стала.

III.

Поѣздъ, пролетѣвшій черезъ мостъ и остановившійся у станціи, простоялъ три минуты. Человѣкъ десять пассажировъ сошли на платформу. Все это были обыватели мѣстечка Теріэль и даже личные знакомые начальника станціи и всѣхъ служащихъ. Только одна дама, франтовски одѣтая, была никому не извѣстна... Одинъ изъ пріѣзжихъ отдалъ багажный билетикъ молодому блузнику и вымолвилъ:

— Фредерикъ, тутъ мои пустыя корзины въ багажѣ... Оставь покуда у себя... Я какъ-нибудь заѣду и возьму.

— Что вамъ безпокоиться, г. Бретейль, я и самъ довезу на

фурѣ, какъ поѣду ввечеру... Мнѣ нужно къ Грожану. Ему громадную посылку въ два пуда сдать надо...

— Ну, ладно, отвѣчалъ пріѣхавшій, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, но моложавый на видъ, одѣтый въ коричневый плисовый пиджакъ уже нѣсколько поношенный.

Это былъ уроженецъ и обитатель Теріэля, владѣлецъ дома и небольшой земли, которая вся была подъ огородомъ и фруктовыми деревьями. Бретейль былъ торговецъ овощами и фруктами, которые давали ему и его семьѣ очень порядочныя средства къ жизни. Овощи сдавались на станціи и шли въ Парижъ товаромъ, фрукты онъ самъ отвозилъ въ магазинъ, поставщикомъ котораго былъ уже нѣсколько лѣтъ.

Фредерикъ, малый двадцати трехъ лѣтъ, съ добрымъ и глуповатымъ лицомъ, былъ служащій на станціи при багажномъ отдѣленіи. Онъ былъ извѣстенъ своею простоватостью, но за благодушіе и готовность всегда всякому услужить—усерднаго малаго всѣ любили... Только молодыя дѣвушки окрестности относились къ нему свысока, ибо онъ былъ чрезвычайно дуренъ собой, мѣшковатъ въ движеніяхъ, да къ тому же Альзасецъ по происхожденію и, слѣдовательно, говорилъ съ очень смѣшнымъ акцентомъ.

Бретейль зашелъ въ служебную комнату начальника станціи, но того не оказалось; онъ былъ еще на платформѣ, хотя поѣздъ уже скрылся изъ виду. Бретейль поздоровался съ двумя служащими... Одинъ считалъ деньги, вырученныя за продажу нѣсколькихъ билетовъ. Другой игралъ пальцами на телеграфномъ аппаратѣ и вдругъ расхохотался звонко.

— Что вы? обернулся къ нему кассиръ.

— Да вотъ у Альфонса просилъ фрачную пару одолжить на одинъ вечеръ, чтобъ отправиться въ четвергъ на балъ... Ну, отвѣчаетъ мошенникъ, что всего не можетъ дать... Фракъ и жилетъ пришлетъ съ кондукторомъ курьерскаго поѣзда, а панталоны не можетъ прислать и отвѣчаетъ, что они...—И покосившись на вошедшаго въ комнату Бретейля, телеграфистъ смолкъ.

Товарищъ его подошелъ къ аппарату, взялъ бумажную ленту въ руки и, прочтя знаки, началъ тоже смѣяться. Бретейль вышелъ въ противоположныя двери и пошелъ повидаться съ пріятелемъ, продавцомъ газетъ, у котораго онъ бралъ старые нумера.

— Вы ему скажите, чтобъ онъ вамъ все-таки панталоны прислалъ... На нашемъ балу сойдетъ... говорилъ между тѣмъ

кассиръ.—А то и просто надѣньте свои клѣтчатыя... Прослывете хоть за Англичанина.

Телеграфистъ запгралъ пальцами и затѣмъ чрезъ нѣсколько минутъ получивъ отвѣтъ, снова началъ хохотать. Между тѣмъ кассиръ выглянулъ въ окно на платформу и увидѣлъ начальника станціи, который весело разговаривалъ съ незнакомою, изящно одѣтою дамой.

— Кто эта такая? Пріѣзжая? удивился онъ.—Посмотрите съ кѣмъ это г. Куртуа любезничаетъ... Хорошенькая женщина... И какъ одѣта. Quel chien—во всемъ.

— Diable, diable... Прелестная! воскликнулъ телеграфистъ.— И къ намъ? У насъ этакихъ пассажировъ по одной въ годъ бываетъ. C'est louche...

Между тѣмъ станціонный начальникъ подалъ руку франтихѣ и повелъ ее къ себѣ.

— Господа... Стаканъ воды à madame... сказалъ онъ, вводя даму въ горницу.—Присядьте покуда.

Онъ указалъ ей на деревянную скамью. Телеграфистъ бросился за водой въ сосѣднюю горницу.

— О, да... Я устала... выговорила дама аффектированно и жеманясь.

Между тѣмъ, сходивъ за газетой къ пріятелю, Бретейль вернулся и не входя вглядывался пристально въ пріѣзжую сквозь пріотворенную дверь. Онъ видѣлъ эту даму еще въ Парижѣ не вдалекѣ отъ вокзала. Она, обгоняя его, быстро пронеслась мимо него въ колескѣ вмѣстѣ съ какимъ-то господиномъ уже пожилыхъ лѣтъ въ сѣромъ complet. Кучеръ ихъ почти оглушилъ его хлопаньемъ бича, такъ какъ пѣшеходовъ на улицѣ было много, а экипажъ двигался быстро... Затѣмъ на платформѣ вокзала онъ издали опять видѣлъ, какъ она сѣла въ первый классъ, а ея спутникъ, повидимому, важное лицо, остался предъ вагономъ до самаго отхода поѣзда. Когда поѣздъ пошелъ и вагонъ Бретейля двигался мимо господина въ сѣромъ платьѣ, Бретейль увидѣлъ въ петличкѣ его пиджака, а равно и на снятомъ пальто, которое онъ держалъ въ рукѣ, красныя ленточки Почетнаго Легіона. Къ тому же это были не бантики, а кружочки... Господинъ былъ не просто кавалеръ—chevalier, а officier—офицеръ, а можетъ-быть и командоръ ордена.

И вдругъ эта дама его сошла съ поѣзда въ это же захолустье, въ Теріэль...

„Любопытно, diantre... Кто такая?“ думалъ онъ теперь, глядя на красивую женщину, которая сѣла и любезничала съ начальникомъ станціи.

И Бретейль заднимъ ходомъ прошелъ во дворъ, гдѣ его ждала лошадь, а мальчишка-сынъ дремалъ въ телѣжкѣ.

Дама, удивившая всѣхъ, была въ сѣромъ шелковомъ платьѣ, отдѣланномъ стеклярусомъ, съ голубымъ бантикомъ на шеѣ, который оттѣнялъ ея свѣтлое и дерзко оживленное лицо. Шляпка затѣйливая и вычурная была совсѣмъ на затылкѣ, причемъ кружево, перья, розовая птичья голова съ крыломъ, ленты, тюль и тотъ же черный стеклярусъ—все перепуталось на шляпкѣ, которую за всѣми этими украшеніями было даже не видно. Шляпка, собственно говоря, какъ бы не существовала или вся состояла изъ одной хитрой отдѣлки. На груди дамы блестѣли тонкая, золотая цѣпочка и эмалевые маленькіе часы, прицѣпленные къ брошкѣ съ крупнымъ изумрудомъ въ pendant къ такимъ же серьгамъ. На рукѣ былъ большой браслетъ съ модным oeil de chat, а на пальцахъ широкой и плоской руки сіяло нѣсколько мелкихъ колецъ и одинъ перстень—крупный бриллiантъ съ рубинами, изображавшими цвѣтокъ. Въ рукахъ дамы былъ сѣрый пледъ, маленькій красный сакъ-вояжъ изъ сафьяна, зонтикъ и вѣеръ.

Бѣлокурые волосы, безпорядочно завитые и взбитые хохломъ, топырились на головѣ, спутываясь съ отдѣлкой шляпы, и затѣмъ падали на лобъ почти до самыхъ бровей. Дерзкіе, большіе, сѣрые глаза были едва замѣтно подсурмлены, а на лицѣ, щекахъ и шеѣ виднѣлась розовая пудра. Сильный запахъ духовъ наполнялъ комнату съ ея появленіемъ.

Быстро оглядѣвшись и окинувъ всѣхъ, она усѣлась откинувшись развязнымъ движеніемъ на спинку скамьи и небрежно бросила на полъ свой пледъ и сакъ.

— Oh, vrai, je suis éreintée! Право, надорвалась, воскликнула она.—Эти путешествія не по мнѣ. Я ненавижу путешествовать. Я не понимаю, какъ Англичане вѣкъ свой странствуютъ... Что же вы стоите. Садитесь. Tenez... Il y en a pour deux... Потѣснимся. Я этого не боюсь. quant aux hommes!

Она передвинулась на край скамейки тѣмъ же быстрымъ и рѣзкимъ движеніемъ. Станціонный начальникъ поблагодарилъ, но не сѣлъ.

— Не желаете... такъ стойте. Вы упрямецъ. Какъ васъ зовутъ?

— Куртуà, сударыня...

— Фамилія вамъ не къ лицу... Vous n'êtes pas courtois...

— Это вѣчный каламбуръ на мой счетъ. Хоть мѣняй имя!

— Oh, quelle chaudière... Это не лѣто, это адъ... Но у насъ, въ Парижѣ, еще жарче... Въ театрахъ нельзя бывать. Вчера я была въ Буффъ... Задохнулась.

Кассиръ, давно бросивъ свое занятіе, робко глядѣлъ пріѣзжей прямо въ лицо и улыбался подобострастно.

„Хорошенькая, чортъ побери!“ думалъ онъ. „И въ Теріэль?.. Къ кому? Новая владѣлица какого-нибудь замка въ окрестности или виллы... Но лошадей никакихъ на дворѣ нѣтъ. Какъ же она отправится отсюда.“

Телеграфистъ, по фамиліи Багетъ, принесъ въ рукѣ стаканъ воды, полный до краевъ, и подалъ.

— Она мнѣ вреда не причинитъ? спросила дама, смѣясь и озорно глядя въ глаза красиваго молодаго человѣка.

— Нѣтъ. Я чистой налилъ, наивно отвѣтилъ этотъ, смущаясь.

Она взяла переполненный стаканъ двумя пальчиками и шаловливо закидывая голову назадъ, выговорила:

— Можно? но не дожидаясь отвѣта, она сплеснула треть воды на полъ...

— У насъ вода хорошая! объявилъ начальникъ станціи.—Кто ее попьетъ, насъ сейчасъ полюбитъ. Лучше вашей парижской.

— Не смѣйте обижать Парижъ! топнула она ножкой и начала пить воду медленно, кончиками губъ и маленькими глотками, какъ еслибъ это былъ ликеръ.

Вода съ мокраго стакана капала ей на платье, перчатки и вѣеръ, лежавшіе на колѣняхъ.

— Вы измочитесь...

— Важность какая! отозвалась она.

Покуда она пила, телеграфистъ, стоя предъ ней, такъ же какъ и кассиръ, недоумѣвающимъ взглядомъ мѣрилъ ее съ головы до ногъ.

„Qui diable ça peut-être?“ думалъ онъ. Увидя, наконецъ, красивый плэдъ дамы брошеннымъ на полу, онъ нагнулся, чтобы поднять его. Она презрительно глянула на него.

— Оставьте... Какой нервный...

— Я желаю всячески служить вамъ, умильно глядя на нее, отозвался тотъ.

— Voyez moi ça... Quelles blandices... Туда же...

— Полъ грязенъ, затоптанъ, будто извинился онъ.

— Наплевать... Je m'en fiche... Полъ не мой. Меня имѣли глупость заставить его взять. Въ эту жару! Ну, и пускай измарается въ грязи... Ну берите стаканъ. Довольно. Я боюсь схватить горловую жабу. Что я тогда буду дѣлать въ вашей глуши, въ этой дырѣ. Околѣвать?!

— Мы васъ по своему вылѣчимъ!.. усмѣхнулся Куртуа, перемигиваясь съ остальными молодыми людьми.

Дама замѣтила пролитую на колѣняхъ воду и обтерла ее перчатками. Затѣмъ она распахнула вѣеръ, сѣла нога на ногу, откачнулась снова назадъ на спинку скамьи и, высунувъ носокъ лайковой ботинки, начала качать ногой.

— Ну, теперь... Voyons... Говорите... Какъ же я доберусь въ Теріэль. Я не могу пѣшкомъ идти. Я умру на дорогѣ, тутъ два километра до города,—и она разсмѣялась,—до деревни, хотѣла я сказать... Voyons... Будьте милы. Скажите, какъ же я доберусь.

— Надо это устроить! Я сейчасъ пойду, соображусь, сказалъ Куртуа.

— Вамъ надо въ Теріэль? спросилъ кассиръ.

— Вы глухи?.. Я десять разъ это сказала.

— Въ самый, то-есть Теріэль, въ мѣстечко или въ окрестность его.

— О! Онъ невыносимъ. ce blanc-bec... со своими разспросами! воскликнула дама.—Да, да, да, сударь... въ Теріэль! Въ самый Теріэль.

— Надо послать туда попросить лошадь и телѣжку... Другаго средства нѣтъ. А покуда вы у насъ подождите... сказалъ Куртуа.

Аппаратъ зазвонилъ... Телеграфистъ быстро сѣлъ за него и, разобравъ депешу на бумажной лентѣ, обратился къ начальнику...

— Странно, сказалъ онъ...—Такой дамы адресатки у насъ нѣтъ. Депеша въ мѣстечко Теріэль и госпожѣ Розѣ Дюпре.

— Какъ же мы ее отправимъ? спросилъ Куртуа озабоченно.

Громкій хохотъ дамы заставилъ обоихъ обернуться на нее.

— Вы божественны... господа желѣзнодорожники. Это дѣтская наивность. Честь имѣю представиться... Роза Дюпре. Депеша мнѣ. Это мой тиранъ. C'est mon imbécile... Онъ не можетъ часу прожить безъ меня... Его зовутъ—г. Годріонъ. Чтобы выходила веселая фамилія, я его часто зову — Monsieur Gaudriole. Ну, давайте. Что онъ тамъ выдумываетъ...

Телеграфистъ хотѣлъ писать.

— Не надо. Говорите, что̀ тутъ.

— О, только четыре слова.

И онъ прочелъ: „Подтверждаю требованіе возвратиться завтра“. Эрнестъ.

— C'est ça. Я такъ и ожидала... Ну, онъ ошибся въ разсчетахъ. Я завтра назадъ не поѣду... L'imbecile думаетъ, что здѣсь есть кому за мной приволокнуться... Въ этой дырѣ? Онъ ревнивъ, какъ Турокъ... Ну-съ. А я все-таки не знаю, какъ я поѣду...

— Бретейль тоже изъ Парижа сейчасъ пріѣхалъ, вспомнилъ кассиръ. Онъ вѣрно на лошади отправляется домой.

— Отлично, воскликнулъ Куртуà.—Онъ еще не уѣхалъ? Сбѣгайте скорѣе. Скажите ему, что онъ доставитъ въ Теріэль прехорошенькую женщину. Его злюка жена его побьетъ за нее.

Кассиръ выбѣжалъ.

Телеграфистъ быстро переписалъ депешу и подалъ ее дамѣ.

— Зачѣмъ. Мнѣ не нужно! отозвалась она.

— Это моя обязанность... Бросьте... но возьмите.

— Vous m'embêtez!

Молодая женщина взяла депешу, задумалась и улыбнулась. Потомъ она сморщила брови и шепнула: Comme cela se trouve.

— Г. Бретейль... спросила она?—Вы сказали Бретейль.

— Да. Это нашъ бывшій мэръ, старожилъ Теріэля, объяснилъ Куртуà.

— Я пойду сама его найду. Гдѣ мои картоны. Ахъ, да, тамъ... Спасибо за воду и за все... До свиданія, дѣти мои.

Женщина поднялась, быстро собрала свои вещи и, шумя юпками и трэномъ по полу, вышла изъ комнаты на платформу.

— Ну, мой милый, выговорилъ Куртуа телеграфисту,—умрите, но узнайте мнѣ сегодня въ мѣстечкѣ, кто эта... волшебница... Надѣюсь, что это... ne coute pas les yeux de la tête.

— Une vraie Parisienne! восторженно замѣтилъ телеграфистъ Багетъ.

— Vous voulez dire—une femme de Paris! усмѣхнулся Куртуà.

IV.

Бретейль, усѣвшись въ свою маленькую телѣжку около сына, задержался, разговаривая съ Альзасцемъ Фредерикомъ, котораго онъ любилъ. Этотъ спросилъ про Парижъ.

— Что̀ Парижъ? говорилъ онъ.— Чорта ему сдѣлается. Всё стоитъ на своемъ мѣстѣ, avec son gros ventre—со своимъ бездоннымъ чревомъ, которое съѣдаетъ почти все, что̀ родится во всей Франціи. Все мы, провинціалы, ему за его деньги отдаемъ, отъ быковъ и барановъ, до качановъ и редиски... Все... Все жретъ этотъ звѣрь. Всѣ наши продукты... до дочерей включительно—пожираетъ онъ.

— Хотѣлъ бы я тамъ побывать! простовато ухмыляясь, проговорилъ Фредерикъ.

— Э... не совѣтую... Это заразное мѣсто для молодаго человѣка. А впрочемъ, вы, mon garçon, такой благоразумный, что вамъ можно. Ступайте.

— Все не могу собраться, г. Бретейль.

— Чего же собираться. Далеко-ль тутъ. Всего два часа ѣзды...

— Времени нѣтъ. Да и какъ-то... ей Богу... Страшно...

— Поѣдемте со мной какъ-нибудь. Я вамъ весь городъ покажу.

Фредерикъ помолчалъ и хотѣлъ снова что-то спросить, когда на подъѣздѣ раздался голосъ кассира.

— Будьте столь добры, г. Бретейль, подвезите даму въ Теріэль.

— Охотно... Кого же это?.. Красивую даму, что̀ я видѣлъ?.. Кто она?

— Я не знаю. Хорошенькая женщина—это я знаю... Но кто она и къ кому—не знаю...

— Въ самый Теріэль. Къ намъ она...

— Да...

— Странно! Кто-жь бы это, къ кому? выговорилъ Бретейль, и прибавилъ сынишкѣ:—слѣзай, пѣшкомъ добѣжишь, голубчикъ. Скажите, что я готовъ, но моя телѣжка тряская.

Кассиръ повернулся, чтобъ идти, но тотчасъ столкнулся въ дверяхъ съ выходящею дамой.

— А, вотъ и вы, сказалъ онъ.—Г. Бретейль говоритъ, что очень радъ подвезти такую прелестную женщину.

— Которую онъ даже и не видалъ еще?.. отозвалась франтиха и прибавила:—Ну. Держите все это. Вотъ такъ... Уроните. Ахъ, какъ вы неловки.

И сунувъ пледъ, зонтикъ, сакъ-вояжъ и два картона, пришедшіе багажомъ, въ руки молодаго человѣка, женщина ловко подобрала юпки и быстро сбѣжала по ступенямъ подъѣзда. Онъ послѣдовалъ за ней.

— Г. Бретейль... здравствуйте! крикнула она, весело подбѣгая къ нему.

— Здравствуйте, вымолвилъ этотъ, недоумѣвая.

— Срамъ какой... Oh c'est bien mauvais. Не узнавать старыхъ знакомыхъ.

Бретейль, обернувшись прямо къ женщинѣ, внимательно глядѣлъ во всѣ глаза, удивляясь, и наконецъ воскликнулъ:

— Чтобъ меня чортъ побралъ, если я васъ узнаю... Но голосъ? Голосъ? Sac-à-papiers!.. Знакомый голосъ.

— Мѣсто, г. Бретейль... Очищайте мѣсто давнишней пріятельницѣ, которую вы, старый срамникъ, узнавать не хотите...

Бретейль передвинулся въ телѣжкѣ. Она, смѣясь, легко вскочила на подножку, но зацѣпила за что-то оборкой и платье затрещало... Цѣлый клокъ былъ вырванъ и повисъ, а подъ нимъ блеснула въ широкой дырѣ бѣлая юпка...

— Ай... вскрикнулъ кассиръ...—Ваше платье! C'est fait.

— О, такова судьба всѣхъ моихъ платьевъ... Это упрямилось двѣ недѣли и вотъ, наконецъ-то, рѣшилось разорваться. Ну, давайте вещи... Кладите въ ноги. Спасибо. Цѣлую васъ. Ну-съ, все готово, г. Бретейль...

Буржуа хлопнулъ бичемъ и отъѣхалъ отъ вокзала. Онъ сидѣлъ все полуобернувшись и съ недоумѣніемъ глядѣлъ въ лицо сосѣдки.

Она смѣялась и, нагибаясь, подставляла ему свое лицо.

— Ближе... Ближе, „рара“ Бретейль. Хорошенько разглядите.

— Чтобы меня чортъ побралъ, если я узнаю! восклнкнулъ тотъ снова.

— Онъ васъ сейчасъ уберетъ.. потому что вы сейчасъ меня узнаете. Подумайте. Догадайтесь.

— Чего думать! Я уже думалъ, даже голова затрещала отъ догадокъ... Вы изъ Теріэля. У насъ я васъ зналъ или гдѣ въ другомъ мѣстѣ?

— Разумѣется здѣсь... Да ну, скорѣе... Это глупо. Неужели я такъ постарѣла... Ну-ка вспомните, кто васъ сердилъ одною пѣсенкой съ такимъ припѣвомъ.—И она запѣла звонко:

Follichon! Chon! Chon!
Monsieur le cochon!
Follichonette—
Mam'zelle cochonnette!

— А-а!! заоралъ вдругъ Бретейль и, бросивъ бичъ въ ноги, круто остановилъ лошадь и близко нагнулся къ самому лицу своей спутницы.—Какъ? Это ты! Невозможно! Какъ это ты! La petite Mariette! Marie Caradol?!

— Да. Вами ненавидимая когда-то Марьетта, которую вы бывало, гдѣ ни попадись, били и сѣкли больно...

— А кто у меня въ пустырѣ постоянно воровалъ все, и груши, и абрикосы... Какъ? Ты? Марьетта?.. Да что жь ты сдѣлала, чтобы такъ измѣниться? Sacrebleu!.. Ah, sacrebleu! Une grande dame, s'il vous plait...

Бретейль качнулъ головой и снова двинулъ лошадь шагомъ.

— Я все та же, г. Бретейль. Была la petite, а стала теперь la grande Mariette... Я люблю это имя, и мнѣ жаль иногда, что я не могу носить его... Я называюсь теперь иначе, и фамилія у меня другая.

— Зачѣмъ?..

— Такъ принято dans le monde... Своихъ именъ и фамилій никто не носитъ. Развѣ какая-нибудь дѣвченка въ магазинѣ, или горничная, привратница... Nous autres... Impossible... C'est mal vu.

— Ты къ сестрѣ, стало-быть... Прямо. Къ матери послѣ...

— Да.

— Сколько лѣтъ какъ ты удрала отсюда? Вѣдь давно... Очень...

— Три года... Скажите, она постарѣла, моя мать ..

— Да. Нѣтъ. Не знаю, право... По моему, все тоже.

— А что́ сестра и братъ?

— Эльза прыгаетъ и плачетъ... Le gars выросъ и поумнѣлъ...

— Отчего плачетъ?

— По отцѣ... Вы обѣ забыли бѣднаго Луи, а Эльза помнитъ и любитъ отца, какъ еслибъ онъ вчера умеръ. Скажи-ка... Мать тебя ожидаетъ?

— Нѣтъ. Я хотѣла ей сдѣлать сюрпризъ.

— Да, ужь сюрпризъ... Она упадетъ на полъ отъ неожиданности... А это... Это все... Фу, ты! Voyez moi ça... Это. Это. И это... Matin!

И Брейтель тыкалъ пальцемъ на браслетъ, кольца, часы, серьги...

— Что́ же ты дѣлаешь? Ты не замужемъ, конечно.

— Parbleu! отозвалась Марьетта обычнымъ отвѣтомъ женщинъ ей подобныхъ.

— Ну, то-то же! Я такъ и думалъ. Стало-быть, у тебя

господинъ, который все оплачиваетъ. Un monsieur... pour les pots cassés. Неужели этотъ, который тебя привезъ и посадилъ въ вагонъ. Un décoré. Съ Легіономъ въ петлицѣ.

— А вы почемъ знаете? удивилась она.

— Я васъ обоихъ видѣлъ на вокзалѣ въ Парижѣ. Что же онъ—военный, депутатъ, журналистъ...

— Нѣтъ. Онъ банкиръ... но мѣтитъ въ депутаты.

— Банкиръ. Это хорошо. Стало-быть, и очень богатъ... Бонапартистъ? Буланжистъ?

— Нѣтъ... И даже не республиканецъ!.. Онъ видите ли... Все вмѣстѣ. Un peu de tout. Онъ себя называетъ: un transigeant.

— Молодецъ! Отчего же у него орденъ?

— О, этого добра у него много. У него еще три разныхъ ордена. Японскій, мексиканскій и пармскій...

— Четыре... Mat-tin... Вотъ что значитъ не стѣсняться обстоятельствами. Un transigeant?! Это стало-быть оппортунистъ послѣдняго фасона. Эдакій обязательно всегда попадетъ въ парламентъ... или въ тюрьму! сострилъ Бретейль и разсмѣялся.

— Да. Кромѣ этихъ орденовъ, онъ скоро получитъ еще турецкую звѣзду.

— За что же онъ эти ордена получаетъ?

— За что... Какъ за что?.. Такъ!.. Вѣдь это покупается.

— И это тоже теперь покупается? Здравствуйте? Oh, les gredins! Oh, Paris! On finira par acheter le bon Dieu. И помолчавъ Брейтель прибавилъ: надолго ты къ сестрѣ?

— Не знаю... Mon imbécile приказалъ ворочаться скорѣе. Даже сейчасъ телеграмму мнѣ прислалъ... Вотъ... И женщина показала депешу.

— Teriel. Rose Dupré! прочелъ Бретейль адресъ...—Такъ ты ужь не Марьетта, а Роза!.. Дюпре, а не Карадоль! Какъ же тебя звать теперь?

— О, здѣсь я Марьетта... Я хочу быть Марьеттой. Отдохнуть. Броспть на время mon nom de guerre... Подышать свободно. C'est si bon,—быть на родинѣ, съ чувствомъ произнесла она...—Вотъ они мои милыя поля, вонъ лѣсочекъ, гдѣ я зайцевъ пугала. А вотъ домикъ кузнеца. Вонъ и лавочка, куда меня всегда гоняла мать за кофе и сахаромъ... Глядите... Глядите... Вонъ и вашъ садъ. Ахъ, какъ все разрослось... А это чей же домъ. Вонъ энтотъ, большой?

И съ восторженнымъ лицомъ, оглядываясь кругомъ себя ожив-

леннымъ взоромъ, молодая женщина болтала, разспрашивала, охала, удивлялась и поминутно восклицала:

— Неужели Берта еще не замужемъ? Впрочемъ, вѣдь она такъ дурна.—Какъ! Бѣдная Клера умерла. Отчего? Неужели этотъ проходимецъ Баптистъ командуетъ надъ моею матерью?! А гдѣ Жоржъ, Пьеръ, Сюзанна... Бѣлокуренькая Nini жива ли? Ninon Брейтель, ваша племянница.

— Да. Нини—слава Богу. Братъ бѣдный умеръ, и я теперь опекуномъ у Нини.

— И выросла она?.. Вѣдь ей теперь должно-быть ужь шестнадцать лѣтъ.

— Пятнадцать съ половиной.

— Она хорошенькая? Ninon Брейтель въ отца и обѣщала быть прелестною.

— Право, не знаю... По моему, нѣтъ. Она на моську смахиваетъ... Un caniche. Ей-Богу.

— Какъ можно! Нини скорѣе ангельчикъ, съ золотыми волосами, воскликнула женщина.

Телѣжка въѣхала между тѣмъ въ единственную улицу маленькаго мѣстечка съ однообразными, сѣрыми каменными домами подъ крутыми и остроконечными крышами. Всюду торчали длинныя дымовыя трубы, кой-гдѣ были садики съ зеленью, кой-гдѣ высились стройные тополи или огромные столѣтніе каштаны широко распускали густыя вѣтви, далеко бросая прохладную тѣнь.

Почти на краю улицы, важно, зажиточно и богато высился большой домъ — и въ два этажа — единственный во всемъ мѣстечкѣ.

— Это Грожанъ?.. спросила молодая женщина. Какъ выстроился?!

— Да... Каковъ домъ... Диво...

— Для васъ... Да... А въ Парижѣ онъ бы считался ничѣмъ. Une masure,—сарай съ задняго двора.

— Мы не Парижъ!.. Да Грожану плевать на твой Парижъ. Онъ и тамъ—захочетъ—можетъ дворецъ выстроить. Страшно богатѣетъ! Да, про него не сложишь пословицы: „Gros Jean comme devant...“ Онъ и фамилію свою передѣлалъ и теперь пишетъ Graujant. Прежде его графъ Отвиль—знаешь, нашъ мѣстный богачъ и депутатъ,—графъ звалъ Грожана прежде: „Mon bonhomme“, а онъ его—господинъ графъ; а теперь Отвиль говоритъ ему: „Mon cher monsieur“, а Грожанъ говоритъ графу просто: monsieur d'Hauteville. Да. Онъ уже не тотъ. А вѣдь онъ прежде

за тобой ухаживалъ, Марьетта, больше чѣмъ за твоею сестрой. При твоей ловкости пожалуй бы и женился...

— Мужикъ... Какая находка!.. воскликнула женщина презрительно.

— Лучше бы было... чѣмъ такъ-то...

— Отчего? Я счастлива. У меня все есть...

— Да. Все. Покуда. Молодость не вѣчно длится, какъ разъ наступитъ...

— Старость... Да. А она развѣ вѣчно длится. И она коротка, если ее сократить—въ молодости. На всѣ лады.

— Надо знать куда дѣваться подъ старость. Откладываешь ты?..

— Есть мнѣ время философствовать! разсмѣялась она.

— А надо думать, ma petite... Надо откладывать ежедневно что-нибудь—про черный день.

Женщина пожала плечами и, не отвѣтивъ, отвернулась.

— Всѣ вы такъ... Эхъ, Марьетта, видалъ я и прежде тебя такихъ, какъ ты... А спроси гдѣ онѣ?.. Въ вертепахъ. Сталобыть, и ты не думаешь о будущемъ. Нѣтъ?

— Глупый вопросъ, господинъ Бретейль, извините. Я успѣю еще прежде этой моей старости сто разъ умереть... И потомъ... Право это здѣсь такія вещи могутъ еще на умъ идти, а въ Парижѣ—нѣкогда.

V.

Наступили сумерки, а затѣмъ быстро смѣнились ночью, темною, теплою и тихою.

Въ домѣ желѣзнодорожнаго сторожа, завѣдующаго заставами, свѣтился огонекъ. Домъ этотъ былъ просторнѣе верстовыхъ домиковъ, но все-таки невеликъ.

Прямо съ крыльца дверь вела въ чистую горницу, съ асфальтовымъ поломъ, гдѣ стояли большой обѣденный столъ, широкій шкафъ съ посудой за стеклянными дверками, одно кресло, обитое клеенкой, и нѣсколько стульевъ. Большіе часы въ углу, съ хрипливо-звенящимъ боемъ, были единственнымъ украшеніемъ горницы. Предъ входною дверью, у противоположной стѣны, былъ глубокій и высокій каминъ, который топился только мѣсяца два въ году и лишь въ самую глубокую и суровую зиму. На двухъ окнахъ висѣли снѣжно-бѣлыя занавѣски изъ кисейки и стояли горшки съ зеленью и цвѣтами.

Отсюда было двѣ двери. Одна вела въ маленькую спальню съ большою кроватью, комодомъ и двумя стульями, другая въ просторную и свѣтлую кухню, съ плитой подъ большимъ колпакомъ. Здѣсь на стѣнахъ была развѣшена кухонная утварь и посуда, разнообразная, ярко блестящая и въ большомъ количествѣ, не соотвѣтствующемъ, казалось бы, всей обстановкѣ квартиры.

Изъ спальни шла наверхъ маленькая лѣстница, крутая, съ большими ступенями, и вела въ крошечную каморку, аршина въ четыре, гдѣ стояло лишь двѣ кровати, одна небольшая, другая дѣтская. Между ними былъ маленькій столикъ и стулъ. На стѣнѣ свѣтилось металлическое Распятіе, а рядомъ вписѣло въ рамкѣ лубочное изображеніе Sacré Coeur.

Въ растворенныхъ дверяхъ плакаровъ, или стѣнныхъ шкафовъ, виднѣлось весьма немного носильнаго платья и бѣлья. Это была комната Эльзы съ братишкой, веселая и удобная лѣтомъ, но совершенно холодная зимой, такъ какъ топки въ ней не было.

Едва только наступилъ вечеръ, Эльза зажгла керосиновую лампочку и освѣтила главную, привѣтливо чистую комнату, съ ярко блестящимъ поломъ и снѣжно-бѣлыми стѣнами.

Дѣвочка уже давно вернулась въ домъ и теперь сидѣла въ углу кухни на низенькой скамеечкѣ. Это было ея любимое мѣсто, особенно въ часы предъ ужиномъ.

Она сидѣла согнувшись на скамейкѣ, а на колѣняхъ ея лежалъ, поджавъ лапки, навостривъ уши и щуря глаза, большой темно-сѣрый кроликъ, ея единственный пріятель на свѣтѣ.

Кролика, котораго дѣвочка окрестила именемъ „Коко“, уже годъ какъ пользовался сердечнымъ ухаживаніемъ своей госпожи и положительно зналъ и понималъ, что онъ очень любимъ. Онъ жилъ въ сарайчикѣ, гдѣ хранились дрова, и когда Эльза отворяла дверку и звала его, онъ кидался къ ней на встрѣчу и, становясь на заднія лапы, тотчасъ тянулся къ ней на колѣни, гдѣ бывало при теплѣ очень покойно и уютно, а при стужѣ вдобавокъ и очень тепло. Впрочемъ, всю зиму кроликъ прожилъ въ горницѣ на верху и мерзнулъ меньше, чѣмъ сама его госпожа съ братомъ.

Еще болѣе, чѣмъ днемъ, утомленная Эльза сидѣла теперь молча, задумчиво глядѣла на полѣнья и уголья подъ висящимъ на цѣпи чугуномъ, гдѣ дымился le pot-au-feu. Она машинально гладила своего Коко по спинѣ, изрѣдка начиная ласкательное движеніе руки съ головы, причемъ прижимала его

торчащія уши и заставляла закрывать глаза. Около дѣвочки сидѣлъ на стулѣ, не доставая ногами до полу и болтая ими, мальчуганъ лѣтъ семи, ея братишка и главный любимецъ, ради котораго она пожертвовала бы не только кроликомъ, но и собой. Отецъ, умирая, сказалъ ей кратко:

— Le gars...

Но потухавшіе глаза его досказали все остальное и многое. Они поручали ей мальчика, заповѣдывая любить его, защищать, и какъ бы замѣнить мать...

И теперь для Эльзы le gars сталъ идоломъ, но защищать его не приходится. Мать любитъ единственнаго сынишку попрежнему, а „онъ“, бывшій работникъ въ домѣ и просто Баптистъ, а нынѣ Monsieur Baptiste, относится къ мальчику равнодушно, не любитъ, но и не притѣсняетъ.

Семилѣтній здоровый и сильный мальчикъ, смышленый и умный, не по лѣтамъ степенный и сурово-разсудительный, былъ внѣшностью, если не нравомъ, двойникъ сестры. И Эльза и Этьенъ были равно въ отца лицомъ, а потому и похожи другъ на друга. Эльза и нравомъ была живой портретъ покойнаго Луи Карадоля. Мальчикъ отличался отъ отца и сестры только синими глазами и хладнокровіемъ, которые унаслѣдовалъ отъ матери, но за то былъ такой же смуглый, съ такою же курчавою черною шапкой волосъ на головѣ, какъ и отецъ. Со временемъ, какъ думала Эльза, когда у Этьена будутъ усы и бородка, онъ будетъ точь-въ-точь отецъ. Лишь бы нравомъ и пыломъ не подражать ему отцу, а быть скорѣе въ мать, тихую и слабовольную. Тогда не повторится съ Этьеномъ того, что̀ бывало съ отцомъ за всю его жизнь и что̀, наконецъ, привело къ страшной катастрофѣ.

Сестра и братишка давно уже молча сидѣли вдвоемъ въ кухнѣ, въ ожиданіи прихода Баптиста, чтобы садиться за ужинъ. Оба были голодны и часто невольно прислушивались ко всякому звуку на дворѣ. „Не онъ-ли?“ Въ первой горницѣ уже былъ накрытъ столъ чистою коричневою скатертью съ красными разводами, и стояли три прибора, стеклянный кувшинъ съ сидромъ и бутылка простаго краснаго вина „le petit bleu“. Хозяйка, ихъ мать, была въ другомъ концѣ домика, въ углу своей спальни, и сидѣла при свѣчѣ, нагнувшись надъ швейною работой. Женщина, низенькая и полная, казалась на видъ лѣтъ подъ сорокъ, но въ дѣйствительности ей было уже 47 лѣтъ.

Анна Карадоль, Фламандка родомъ, свѣтловолосая, была когда-то

очень красивая блондинка съ сіяющими, кроткими, синими глазами и прелестнымъ, снѣжно-бѣлымъ цвѣтомъ лица. Но теперь она сохранила только намеки на прежнюю красоту. Лицо было смуглое или коричневое. Но не такое какъ у Эльзы. Дѣвочка удивляла всякаго своею свѣжею, нѣжною смугловатостью и матовымъ отблескомъ лица и шеи. У вдовы была смуглость старости, желтизна огрубѣлой кожи. И если щеки Эльзы напоминали кожу позлощеннаго солнцемъ яблока или персика, то щеки ея матери смахивали на коричневый сафьянъ. Морщинъ у вдовы было еще мало, только сѣточки вокругъ глазъ и на вискахъ по прозвищу pattes d'oies, но глаза, прежде красиво-кроткіе, теперь казались тусклыми и безжизненными.

Анна Карадоль, давно болѣзненная, со смерти мужа стала еще болѣе прихварывать, но на особый ладъ. Болѣзнь выражалась не страданіями и болями, а чрезвычайною лѣностью, безстрастіемъ и равнодушіемъ ко всему, а изрѣдка періодическимъ полнымъ упадкомъ силъ и сонливостью. Тогда она лежала не вставая съ постели и, собираясь умирать, жаловалась на все, на всѣхъ, на весь міръ Божій, въ особенности на старшихъ дочерей, бросившихъ ее, но равно и на Эльзу съ Этьеномъ, якобы не любящихъ и не почитающихъ ее.

Единственный человѣкъ, котораго женщина не упрекала ни въ чемъ, котораго страстно любила, но отчасти теперь боялась—былъ прежній ея наемникъ Баптистъ Виганъ, а теперь... ея любимецъ и повелитель. Личность темная, загадочная и по меньшей мѣрѣ человѣкъ себѣ на умѣ, былъ опредѣленъ мѣстными жителями особымъ словомъ: un sournois. Еслибы въ околоткѣ спросили у кого бы то ни было, способенъ ли Баптистъ Виганъ на преступленіе, на воровство и грабежъ или убійство, то всякій бы отвѣтилъ:

— On en sait rien!

И дѣйствительно, никому не было извѣстно, кто и откуда родомъ этотъ пришелецъ, говорящій по-французски съ легкимъ иностраннымъ акцентомъ и ни разу не обмолвившійся ни единымъ словомъ о родинѣ и своемъ вѣроисповѣданіи. Одни считали его Корсиканцемъ, другіе—Полякомъ, третьи—Евреемъ.

Прошло еще около часу напрасныхъ ожиданій. Баптистъ не являлся. Глаза мальчугана, а равно и его сестры, все чаще косились на pot-au-feu и его пахучій, ноздри щекочущій дымокъ...

— Dis donc, la fille... Что же ужинать? вымолвилъ наконецъ Этьенъ своимъ суровымъ голосомъ, совершенно не дѣтскимъ.

— Скажи, поди, матери. Тебѣ она дастъ, отозвалась Эльза.

— А ты?

— Я буду дожидаться...

Мальчикъ ничего не отвѣтилъ и не двинулся.

— La bonne femme, небось сама тоже голодна, вымолвилъ онъ снова, называя и мать и сестру на деревенскій ладъ.

Эльза хотѣла отвѣтить, но за растворенным окномъ раздались на дворѣ дальніе удары бича и стукъ колесъ... Дѣвочка спустила кролика съ колѣнъ, лѣниво поднялась съ мѣста и двинулась вонъ. Не успѣла она взять со стѣны большой ключъ, висѣвшій на гвоздѣ, и дойти до выходной двери изъ дома, какъ подъ окнами уже раздался громкій голосъ:

— La barrière, s'il vous plait!

— Voila! Voila! угрюмо и машинально крикнулъ мальчуганъ, не оборачиваясь къ окну и даже не двинувшись на стулѣ. Привычное слово обычнаго отклика, которое онъ слышитъ постоянно, и самъ часто повторяетъ, вырвалось у него почти безсознательно. Вдобавокъ, давно ожидаемый ужинъ не выходилъ изъ головы.

Эльза, добѣжавъ, отворила своимъ ключемъ обѣ заставы и пропустила черезъ полотно кабріолетъ съ какимъ-то господиномъ. Переѣхавъ рельсы, проѣзжій пріостановилъ однако лошадь и обернулся къ ней съ вопросомъ:

— Скажите мнѣ, mon enfant, какъ мнѣ проѣхать въ замокъ Отвиль.

Эльза объяснила подробно дорогу и всѣ повороты, но прибавила, качая головой:

— Если вы не здѣшній и никода не бывали въ Отвилѣ, то вы не проѣдете ночью. Тутъ вѣдь километра два...

— А нѣтъ ли кого меня проводить? Вы бы вотъ со мной доѣхали, а назадъ живо добѣжите пѣшкомъ.

— Я не могу. Я при заставахъ.

— Я вамъ дамъ un Napoléon, рѣшительно заявилъ незнакомецъ.

— Какъ?! воскликнула Эльза.

— Да. Une pièce de vingt francs.

Эльза стояла въ нерѣшительности и колебалась.

„Быть-можетъ за это время никто не проѣдетъ? Или Баптистъ вернется уже... Наконецъ, мать можетъ выдти. Даже Этьенъ можетъ отворить и затворить заставы. Двадцать вѣдь франковъ?!“

И Эльза вдругъ рѣшилась, заперла заставы и кликнула брата, чтобы передать ему ключъ.

— Согласны, дитя мое? съ радостью спросилъ проѣзжій.

— Извольте, сударь...

Этьенъ былъ уже на крыльцѣ и какъ-то важно переваливаясь, руки въ карманахъ панталонъ, лѣниво шелъ на зовъ сестры. Проѣзжій между тѣмъ досталъ сигару и зажегъ спичку...

Огонекъ освѣтилъ всѣхъ мерцающими лучами. Проѣзжій, пожилой человѣкъ, съ просѣдью въ усахъ и бородѣ, въ фѣтрѣ съ широкими полями, медленно раскурилъ сигару. Затѣмъ онъ скосилъ глаза на стоящую близь кабріолета дѣвочку и вдругъ дернулъ рукой со спичкой ближе къ ея лицу.

— Diable! изумленно вырвалось у него. Спичка потухла, но онъ тотчасъ же зажегъ другую, снова поднесъ ее къ лицу Эльзы и произнесъ какъ бы недоумѣвая:

— Но вы очаровательны! Vous etes belle à ravir! Это въ секунду видно. Въ глаза бросается.

Эльза попятилась отъ свѣта и сразу насупилась... Глаза ея блеснули непріязненно.

— Кто вы такая, дитя мое?.. быстро спросилъ незнакомецъ при наступившей снова темнотѣ.

— Я здѣсь... Вотъ, при заставахъ...

— Съ родными?

— Съ матерью и братомъ.

— Живете здѣсь? Стало-быть васъ всегда здѣсь можно найти?..

— Да-съ. Всегда.

— Отлично! почти съ радостью воскликнулъ онъ.—Ну съ... Садитесь. Дорогой мы съ вами рѣшимъ дѣло. Очень важное дѣло, дите мое. Ну, что же вы? Садитесь...

Эльза отступила еще на шагъ и выговорила сдержаннѣе и суше:

— Я не могу... Заставы надо...

Но она запнулась, не зная, что сказать. Она никогда не лгала. А сказать теперь правду было невозможно. Это правда—была боязнь ѣхать за двѣ версты ночью съ незнакомцемъ, который ее нашелъ красивою. Не имѣй онъ неосторожности это высказать—она бы не побоялась ѣхать проводить его и прибѣжать домой.

— Вы не хотите?.. удивился проѣзжій.—Но вѣдь сейчасъ вы соглашались?

— Я васъ не знаю. Вы не здѣшній...

— Въ первый разъ отъ роду здѣсь. Я изъ Парижа въ гости на мѣсяцъ къ графинѣ Отвиль. Но не въ этомъ дѣло. А въ томъ, что вѣдь сейчасъ... Сейчасъ вы соглашались. Ah, bigre. Понимаю! весело воскликнулъ онъ.—Я ахнулъ отъ вашего прелестнаго личика. Вотъ что! Понимаю! Ну, вы ошибаетесь, ma chère enfant... Во мнѣ ахнулъ не волокита, а артистъ, скульпторъ... Вы не знаете, что такое скульпторъ? Ну вотъ скоро узнаете. Такъ и быть, я одинъ доберусь до Отвиля. Но завтра же я буду здѣсь и мы рѣшимъ важное дѣло съ вашею матушкой. A bientot, ma future Psyché.

Незнакомецъ хлопнулъ бичемъ, двинулся, и скоро кабріолетъ исчезъ среди тьмы ночи.

— Что онъ сказалъ? Ce drole! выговорилъ Этьенъ, приблизясь къ сестрѣ.—Псише? что это такое?

— Не знаю... А жаль, что онъ зажегъ спичку. Двадцать франковъ! Nous n'avons pas de chance, mon gars! вздохнула Эльза.

— Двадцать франковъ?! Вѣдь онъ ихъ не давалъ, а только обѣщалъ! угрюмо отозвался мальчуганъ, держа и топыря руки въ карманахъ своихъ панталонъ, точь въ-точь какъ бы какой пожилой и степенный буржуа.

— Онъ бы не обманулъ. Не изъ такихъ... Поймп, глупый... Вѣдь un Napoléon! Страхъ. Сколько бы я тебѣ на это сладкихъ пирожковъ накупила въ Теріэлѣ.

— Пирожковъ?! Вотъ кабы поужинать поскорѣе... проворчалъ Этьенъ.

Братъ и сестра вернулись тихо въ домъ въ раздумьѣ, онъ объ ужинѣ, а она о потерянныхъ изъ-за боязни деньгахъ. И какія деньги? Какихъ у нея еще никогда заразъ въ рукахъ не бывало. А зачѣмъ онъ ахнулъ и сказалъ, что она красива. Она ненавидитъ тѣхъ, кто ей говоритъ это. Ненавидитъ и боится потому, что почти всѣ говорящіе это—тотчасъ же потомъ пристаютъ съ противными шутками и съ поцѣлуями.

Едва только Эльза вошла въ домъ и собиралась разсказать матери о разговорѣ съ проѣзжимъ и его предложеніи, какъ на крыльцѣ раздались шаги.

Въ домъ вошелъ молодой красивый малый и бросилъ на стулъ форменный картузъ, на которомъ изъ мѣдныхъ буквъ стояло слово: Nord. Это былъ Баптистъ.

Онъ злобно глянулъ на Эльзу и быстро прошелъ къ женщинѣ въ спальню.

— Ну, рѣшай... Что̀ дѣлать? Je n'y tiens plus вскрикнулъ онъ. Опять непріятности изъ-за лѣни и неаккуратности проклятой дѣвчонки. Грозятся, наконецъ, отнять заставы.

— Что̀ же еще? тихо отозвалась Анна.

— Толкомъ тебѣ говорятъ! Опять она опоздала. Не была вовремя на мѣстѣ и опять скакала козой подъ паровозомъ! Я же не могу не отлучаться. Не хочу, наконецъ! Если нельзя положиться въ пустякахъ на дѣвчонку ея лѣтъ, такъ на что̀ же она годна.

И Баптистъ долго, крича и бранясь, разсказывалъ, какъ получилъ вновь строгій выговоръ за Эльзу. Анна упорно молчала, а Эльза сидѣла въ сосѣдней горницѣ, насупясь и понурившись...

Она давно не слушала, что онъ кричалъ, а думала: „Неужели всегда такъ будетъ?“

Наконецъ она очнулась отъ его о̀крика. Онъ стоялъ уже надъ ней съ поднятыми кулаками.

— Если ты еще разъ меня подведешь, maudit négrillon, я тебя исколочу палкой. Отдую до полусмерти...

Эльза вскочила съ мѣста и поблѣднѣла отъ гнѣва.

„Негритенокъ“ — было самое оскорбительное для нея слово. Кровная обида, наносимая не только ей, но и памяти покойнаго отца.

Анна, опасаясь послѣдствій стычки, быстро появилась изъ своей комнаты, чтобъ удержать любимца или дочь.

Но въ то же мгновенье на дворѣ снова раздались хлопанье бича и громкій крикъ:

— La barrière s'il vous plait!

Эльза двинулась, дрожащими отъ гнѣва руками взяла со стѣны ключъ и медленно вышла. Она была блѣдна и тяжело дышала...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Гр. Салiасъ.

РАЗВОДЪ.

(Современные нравы.)

(Перевод съ рукописи **П. Гальперина-Каминскаго.**)

I.

Со времени развода Режиса де-Фагана прошло всего двѣ недѣли.

Было воскресное утро. Де-Фаганъ съ нетерпѣніемъ смотрѣлъ въ окно своей новой холостой квартиры, поджидая дочерей. По рѣшенію суда, отецъ могъ видѣться съ дѣтьми два воскресенья въ мѣсяцъ, и первое изъ этихъ воскресеній приходилось въ описываемый нами день.

Въ кучѣ женскихъ писемъ, полученныхъ въ продолженіе двадцати лѣтъ этимъ модным водевильнымъ писателемъ, мало было такихъ, которыя взволновали бы его такъ сильно, какъ слѣдующая простая записка, полученная имъ наканунѣ:

„Дорогой папа!

„Мы будемъ въ Пасси завтра утромъ, съ десятичасовымъ поѣздомъ. Mademoiselle оставитъ насъ на бульварѣ Босежуръ, у 37 № и пріѣдетъ за нами ровно въ девять часовъ вечера. Уважающая и многолюбящая тебя дочь

„Роза де-Фаганъ“.

И внизу, еще неровнымъ почеркомъ, подпись младшей сестры: „Ninette“.

И вотъ, томимый безпокойствомъ, онъ ждалъ ихъ теперь, спрашивая себя: пріѣдутъ ли онѣ на самомъ дѣлѣ, или же, въ послѣднюю минуту, хитрая и лукавая мать, или эта непроницаемая

„Mademoiselle“, не придумаютъ какой-либо предлогъ, чтобъ оставить дѣвочекъ дома.

Не то, чтобъ онъ сомнѣвался въ привязанности своихъ дѣтей, нѣтъ, но онѣ были еще такъ молоды! Розѣ минуло только-что шестнадцать лѣтъ, а Нинѣ не было еще и двѣнадцати! Какъ могли такія юныя существа противустоять враждебному вліянію? Къ тому же, оставивъ монастырь только со времени развода, онѣ находились въ полной власти матери и гувернантки.

Да и адвокатъ говорилъ ему: „Борьба неравная, мой бѣдный Режисъ, у васъ всего два дня въ мѣсяцъ, чтобы поддержать любовь вашихъ дочерей къ вамъ!“

Ну что жъ! Съ умѣніемъ и эти два дня могутъ быть достаточны для отца, чтобы сохранить сердце его дорогихъ дѣвочекъ. Но за то ужь эти два дня, безъ плутовства, безъ мелкихъ ухищреній, они должны быть его, во что бы то ни стало.

Охватываемый все большею тоской, по мѣрѣ того, какъ приближался назначенный часъ, болѣе взволнованный этимъ свиданіемъ, чѣмъ когда-либо и какимъ-либо другимъ, любовнымъ или дѣловымъ, де-Фаганъ то возбужденно ходилъ по комнатѣ, то высовывался, перегибаясь всѣмъ своимъ большимъ туловищемъ, въ окно и смотрѣлъ то на ту, то на другую сторону тихаго, зеленѣющаго загороднаго бульвара.

— Здравствуй, папа... Вотъ и мы!..

— Вы? Но откуда же вы вошли?...

Съ лихорадочнымъ безпокойствомъ слѣдя за часами, за приходомъ поѣздовъ, карауля и высматривая прохожихъ, идущихъ по бульвару, съ одной стороны котораго пролегало защищенное рѣшеткой полотно желѣзной дороги, а съ другой стояли элегантные отели, онъ и не замѣтилъ ихъ пріѣзда.

И вдругъ онѣ выростаютъ изъ маленькихъ сѣней, онѣ тутъ, предъ нимъ! Въ эти два-три мѣсяца разлуки дѣвочки, казалось ему, и выросли и возмужали.

Снимая съ нихъ кофточки и круглыя шляпы, отдѣланныя перьями, руки его дрожали. Дѣвочки, со своей стороны, чувствовали себя стѣсненными новымъ положеніемъ. Конечно, отецъ оставался попрежнему отцомъ, ихъ веселымъ, милымъ папой, такъ хорошо забавлявшимъ и подбрасывавшимъ ихъ на колѣняхъ, когда онѣ были еще дѣтьми; но это уже не былъ мужъ ихъ матери. Вотъ почему онѣ чувствовали какую-то непзъяснимую перемѣну, и это чувство отражалось въ ихъ наивно-удивленномъ взглядѣ.

Однако, неловкость эта мало-по-малу исчезла во время осмотра квартиры, еще незнакомой дѣтямъ, комнаты которой, наполненныя свѣтомъ яснаго майскаго дня, выходили окнами однѣ на бульваръ, другія въ маленькій садикъ отеля, сливавшійся съ зеленью сосѣднихъ садовъ.

Почти повсюду была новая мебель. Только въ рабочемъ кабинетѣ дѣти узнали старыя полки для книгъ, да большой письменный столъ, у котораго заботливый отецъ велѣлъ изъ предосторожности округлить концы.

Сколько воспоминаній при видѣ мельчайшихъ подробностей этой тяжелой мебели, этихъ ящиковъ въ мѣдной оправѣ!..

— Помнишь ли, Нинетта, тотъ разъ, когда мама...

Но Нинетта, эта маленькая Нинетта, много живѣе и смышленѣе старшей сестры, однимъ многозначительнымъ взглядомъ прерываетъ начатый разсказъ.

Дѣло въ томъ, что отпуская дочерей къ отцу, бывшая M-me де-Фаганъ, нынѣ г-жа Равò, по своей дѣвичьей фамиліи, строго наказывала дѣтямъ, въ случаѣ нескромнаго допроса со стороны отца, не давать ему никакихъ разъясненій насчетъ ея настоящаго образа жизни и будущихъ проектовъ. Зная разсѣянность и легкомысліе Розы, она дала свои наставленія главнымъ образомъ Нинеттѣ, смазливенькое личико которой, съ проницающими мышиными глазками и герметически замкнутымъ выраженіемъ рта, оправдывало вполнѣ оказанное ей довѣріе.

Но возможно ли, чтобы въ столь короткое время г-жа Равò могла забыть гордый и благородный характеръ де-Фагана и допустить мысль, что отецъ заставитъ шпіонить за матерью собственныхъ дочерей?

Конечно, трудно допустить полное равнодушіе къ существованію человѣка, съ которымъ пришлось жить общею жизнью въ продолженіе многихъ лѣтъ, дѣлить съ нимъ горе, радости, переносить ежедневныя столкновенія; но Режисъ де-Фаганъ такъ желалъ и старался позабыть обо всемъ этомъ поскорѣе, что избѣгалъ даже произносить имя своей прежней жены.

Дѣвочки тоже скромно умалчивали о прошломъ. Въ общемъ чувствовалась натянутость, вѣяло холодомъ, разговоръ прерывался продолжительными молчаніями...

Но войдя въ спальню, обѣ дѣвочки невольно вскрикнули отъ удивленія, при видѣ узкой, маленькой, желѣзной кровати отца, безъ занавѣсокъ, настоящее студенческое ложе. Роза и Нинетта

переглянулись и та же мысль пробѣжала въ ихъ дѣтскихъ головкахъ. Онѣ вспомнили о тѣхъ рождественскихъ и новогоднихъ утрахъ, когда онѣ, забравшись на большую постель отца съ матерью, съ заспанными личиками, взъерошенными волосами, въ длинныхъ ночныхъ сорочкахъ, обмѣнивались съ родителями поцѣлуями и подарками.

О многомъ еще говорили глаза Розы и Нины при видѣ нѣкоторыхъ портретовъ исчезнувшихъ изъ дома улицы Лафитъ и вписѣвшихъ тутъ, надъ изголовьемъ отцовской кровати. Вопервыхъ, большая акварель Бенара, гдѣ онѣ представлены въ шесть и десять лѣтъ, держа другъ друга за руку, въ волнахъ кисеи, съ высокими англійскими рукавами, въ костюмахъ à la Greenaway; затѣмъ портретъ матери де-Фагана, нарисованный пастелью, въ овальной рамкѣ, подъ стекломъ. Онѣ никогда не знали этой бабушки, но лишь отзывались о ней, какъ о женщинѣ строгой, о да! очень строгой.

Сколько разнородныхъ мыслей роилось въ этихъ юныхъ головкахъ! Какое разногласіе находили онѣ въ идеяхъ, въ людяхъ, въ вещахъ ихъ окружавшихъ, когда-то столь связныхъ, нынѣ разсѣянныхъ, какъ послѣ пожара или кораблекрушенія! И какъ все это сложно для ихъ молодыхъ головокъ, при томъ отсутствіи послѣдовательнаго сужденія, характеризующаго юношескій возрастъ!

Но вотъ отецъ ввелъ ихъ въ столовую, въ широко раскрытыя окна которой весело глядѣло солнце и доносился изъ сада душистый запахъ цвѣтовъ.

На изящно накрытомъ столѣ у дѣтскихъ приборовъ красовались два свѣжіе букета — особенное вниманіе со стороны г-жи Гюлэнъ.

— Г-жа Гюлэнъ? вопросительно сказала Нина, и ея маленькіе, круглые глазки загорѣлись любопытствомъ.

— Это моя домовая хозяйка... она живетъ въ первомъ этажѣ со своимъ маленькимъ сыномъ и старою няней.

— Случай поухаживать для папы... легкомысленно проговорила Роза, поправляя завитки предъ маленькимъ ручнымъ зеркаломъ.

Де-Фаганъ грустно взглянулъ на нее. Одно изъ тѣхъ глупыхъ выраженій такъ свойственныхъ ея матери. Однако, изъ двухъ дочерей его, Роза по наружности менѣе походила на г-жу Равò; ея длинный нѣсколько согнутый станъ, цвѣтъ лица, напоминающій креолку, серьезное и вмѣстѣ сантиментальное выраженіе въ чертахъ,—все это напоминало типъ ея отца.

— Мнѣ не до ухаживаній, дорогое дитя, проговорилъ онъ съ легкимъ упрекомъ въ голосѣ,—и я увѣренъ, что бѣдная г-жа Гюлэнъ такъ же далека отъ этой мысли, какъ и я; но она очень нѣжная мать и зная, что сегодня утромъ дѣвочки мои навѣстятъ меня, нарвала цвѣтовъ, чтобы доставить имъ удовольствіе.

Лакей, вошедшій съ яичницей съ грибами, любимымъ блюдомъ Нинетты, былъ встрѣченъ радостнымъ восклицаніемъ:

— Вотъ и Антипъ! здравствуй Антипъ!

Весь красный, тоже озадаченный неожиданностью положенія, Антипъ въ замѣшательствѣ пробормоталъ:

— Желаю здравствовать, барышни...

Антипъ служилъ у де-Фагана уже много лѣтъ. Это былъ малый неотесанный, съ прямыми жесткими волосами надъ крошечнымъ лбомъ. Его несравненная глупость бѣсила „Madame“ и отчасти благодаря антипатіи къ послѣднему его супруги, отчасти и потому, что Антипъ былъ въ сношеніяхъ съ кухней улицы Лафитъ, черезъ которую можно было получать ежедневныя извѣстія о дѣтяхъ, Режисъ оставилъ его у себя и послѣ развода.

Это знакомое лицо пріятно подѣйствовало на дѣтей; они сдѣлались живѣе и сообщительнѣе и весело принялись за завтракъ. И что за прелесть этотъ завтракъ, каждое блюдо котораго серьезно обсуждалось между Фаганомъ и его лакеемъ, стараясь припомнить, любитъ ли барышня Роза горошекъ съ сахаромъ или безъ онаго? Шоколатный или ванилевый кремъ предпочитаетъ Нина и т. д.

Подъ вліяніемъ всевозможныхъ вкусныхъ, лакомыхъ блюдъ и новыхъ весеннихъ нарядовъ, дѣвочки пустились въ болтовню и, воодушевляясь все болѣе и болѣе, окончательно забывали материнскія наставленія, особенно Роза, которой Нинетта, спохватившись, дѣлала украдкой разные знаки. Такимъ образомъ, и помимо своего желанія, де-Фаганъ узналъ, что въ прошлую пятницу „кузенъ“ возилъ ихъ въ Opéra-Comique и хотя слово „кузенъ“ было одно изъ запрещенныхъ, однако Роза не могла удержаться, чтобы не произнести его.

Во избѣжаніе этихъ нескромныхъ, хотя и невольныхъ разоблаченій, за которыя при возвращеніи имъ досталось бы отъ матери, де-Фаганъ старался говорить о вещахъ совершенно постороннихъ: о монастырѣ, который виднѣлся изъ оконъ, о

прекрасныхъ садахъ его: не жалѣли ли онѣ о счастливыхъ дняхъ проведенныхъ за стѣнами этого монастыря, не тянуло ли ихъ снова туда?...

— О нѣтъ! единодушно отвѣтили онѣ.

— Почему же, дорогія мои? Прежде, помнится, вы такъ рады были возвратиться туда...

Онѣ не рѣшались отвѣтить, не смѣя сказать ему то, что̀ самъ онъ отлично зналъ.

Дѣло въ томъ, что со времени развода родителей домашняя жизнь ихъ совсѣмъ измѣнилась. Прежде—вѣчныя ссоры въ ихъ присутствіи, въ которыхъ часто мать брала ихъ въ свидѣтельницы, обращаясь къ нимъ со словами:

— Слышите дѣти, какъ отецъ вашъ позволяетъ себѣ говорить со мною?

— Сударыня, вы забываетесь предъ вашими дочерьми! говаривалъ въ свою очередь отецъ.

Чтобъ избавить дѣтей отъ подобныхъ домашнихъ сценъ, ихъ отдали въ монастырь; но какъ только бракоразводный процессъ былъ рѣшенъ и отецъ удалился изъ дому, мать, какъ бы внезапно охваченная избыткомъ нѣжности, довольно плохо согласовавшейся, впрочемъ, съ ея жесткою, капризною натурой, взяла дочерей обратно изъ монастыря. Казалось, она хотѣла завоевать расположеніе дѣвочекъ.

Mademoiselle тоже старалась смягчить насколько возможно строгость и сухость своихъ обязанностей дуэньи и наставницы.

Эта перемѣна была замѣтна даже въ ихъ туалетахъ. До сихъ поръ мать занималась только собой, тратила на свои туалеты нужныя время и деньги: теперь же, при видѣ этихъ двухъ модныхъ вишенокъ вмѣсто тѣхъ двухъ дѣвочекъ, въ простенькихъ форменныхъ платьяхъ, съ приглаженными волосами, которыхъ присылали ему по субботамъ изъ монастыря, де-Фаганъ понялъ, что эта женщина, которая до сихъ поръ такъ мало была матерью, старалась сдѣлаться ею теперь, и не изъ любви къ дѣтямъ, а просто изъ низкой зависти, изъ желанія раздражать и мучить своего прежняго мужа. Но зачѣмъ теперь растравать себя? Не были ли его дочери съ нимъ, на цѣлый день, до самаго вечера?

Послѣ завтрака онъ долженъ былъ свезти ихъ въ Théâtre Français, гдѣ давали одну изъ новыхъ пьесъ, имъ еще незнакомую. Подумайте только, какое счастье! Сидѣть на лучшихъ

мѣстахъ и слушать, какъ лучшіе парижскіе артисты разыгрываютъ пьесу, авторъ которой вашъ отецъ! И, конечно, не г-жа Равò, даже вмѣстѣ со своею Mademoiselle, въ состояніи была бы доставить имъ такое развлеченіе. Послѣ театра предполагалось катанье въ Булонскомъ лѣсу, затѣмъ обѣдъ въ одномъ изъ модныхъ ресторановъ. Вотъ еще удовольствіе, которое мать не могла бы доставить имъ, развѣ только еслибы „кузенъ“ сопровождалъ ихъ.

И право, какое блаженство самимъ заказывать лакею самыя необыкновенныя блюда и слышать, какъ кругомъ шепотомъ произносятъ: „Режисъ де-Фаганъ и его двѣ дочери“, съ этимъ чисто парижскимъ любопытствомъ ко всему выдающемуся. Затѣмъ, съ наступленіемъ сумерокъ, отправиться пѣшкомъ, прижавшись къ отцу, по пустыннымъ, благоухающимъ дорожкамъ Булонскаго лѣса, мимо бѣлѣющихъ озеръ, и добраться, наконецъ, до Пасси и бульвара Босежуръ, гдѣ ихъ ждала карета Mademoiselle; вотъ что̀ можно было назвать прекрасно проведеннымъ днемъ!

Эта разнообразная программа, сулившая имъ такъ много заманчивыхъ удовольствій и вкусный, оживленный завтракъ, совсѣмъ одушевила блѣдныхъ маленькихъ Парижанокъ, на щечкахъ которыхъ вспыхнулъ яркій румянецъ.

Въ полуоткрытое окно вѣялъ теплый вѣтерокъ, напоенный запахомъ розъ и фіалокъ; на верхушкѣ стараго вяза свистѣлъ безъ умолку дроздъ, замѣченный между вѣтвями сосѣднихъ деревьевъ любопытнымъ взоромъ Нины.

Вдругъ чистый, дѣтскій голосокъ послышался изъ сада:

— Сойдите внизъ поиграть со мной; хотите?

То былъ голосъ маленькаго Морриса Гюлэнъ, прелестнаго мальчугана лѣтъ девяти-десяти, съ нѣжнымъ отливомъ кожи лица и прекрасными, длинными локонами рыжеватаго оттѣнка. Онъ припрыгивалъ на лужайкѣ предъ домомъ, съ помощью коротенькаго костыля, чтобы не утруждать больной ноги.

Г-жа Гюлэнъ сидѣла тутъ же и читала книгу. Услышавъ приглашеніе Морриса, она подняла голову по направленію къ окнамъ де-Фагана и, замѣтивъ Нину, на губахъ ея, еще свѣжихъ и молодыхъ, заиграла добрая улыбка.

— Не забудь, что мы ѣдемъ въ театръ, Нинетта, закричала вслѣдъ сестрѣ Роза, какъ бы раздраженная этимъ легкомысленнымъ новымъ знакомствомъ Нины. Но дѣвочка была уже въ саду и не слышала ея.

— Что̀, еслибъ и намъ спуститься? спросилъ отецъ.—Ты увидишь, это прелестная женщина...

Но Роза отказалась наотрѣзъ. Она не знала этихъ людей!..

И въ голосѣ молодой дѣвушки, сидѣвшей облокотившись у окна возлѣ отца, слышалась зарождающаяся антипатія къ г-жѣ Гюлэнъ, антипатія, проглядывавшая также въ томъ пристальномъ, критическомъ взглядѣ, которымъ она осматривала туалетъ и слѣдила за манерами молодой женщины.

Между тѣмъ г-жа Гюлэнъ держала себя очень просто: туалетъ ея состоялъ изъ полутраурнаго платья и большой садовой шляпы, отдѣланной бѣлыми кружевами и бантомъ изъ лиловыхъ лентъ, какъ разъ подъ цвѣтъ тѣхъ присовъ, что̀ цвѣли на лужайкѣ предъ домомъ.

II.

Вслѣдствіе сближенія, происшедшаго отъ сходства ихъ положеній, между писателемъ и его сосѣдкой завязалась неопредѣленная, неподдающаяся еще анализу, дружба, зародились симпатіи.

Они провели весь этотъ вечеръ вдвоемъ, въ маленькой гостиной перваго этажа. Ребенокъ спалъ, вдали шумѣлъ Парижъ, на бульварѣ было тихо и безлюдно; лишь отъ времени до времени слышался лай сторожевыхъ собакъ, да внезапно проходившій поѣздъ потрясалъ до основанія стѣны дома. Вдругъ старинные стѣнные часы, давнишняя фамильная принадлежность, пробили десять и г-жа Гюлэнъ тихо засмѣялась, отрывая нитку вышиванія своими бѣлыми зубами.

— Чему вы смѣетесь? спросилъ Режисъ съ тѣмъ присущимъ всякому мужчинѣ невольнымъ безпокойствомъ, когда онъ внезапно поставленъ въ тупикъ какою-нибудь дѣтски-лукавою выходкой этого столь загадочнаго существа, называемаго женщиной.

Она остановила на немъ свои большіе голубые глаза, поражавшіе своимъ яснымъ и чистымъ взоромъ и смѣло выдѣлявшіеся на этомъ прекрасномъ лицѣ со вполнѣ развитыми и рѣшительными чертами почти тридцатилѣтней женщины.

— Я смѣюсь, отвѣтила она,—оттого, что пробило десять часовъ, что сегодня вечеромъ вы опять не выйдете и что для Режиса де-Фагана это престранное времяпровожденіе!

Фаганъ улыбнулся въ свою очередь.

— Какою же предполагали вы себѣ жизнь писателей?.. Не считаете ли вы ихъ за прожигающихъ жизнь свѣтскихъ франтовъ, ищущихъ сильныхъ ощущеній въ оргіяхъ, въ ночныхъ похожденіяхъ?

Полина Гюлэнъ молчала съ минуту, какъ бы въ нерѣшительности.

— Я думаю, сказала она наконецъ,—я думаю о томъ, что дѣлается за кулисами, о возможныхъ ловушкахъ и искушеніяхъ, которыми онѣ переполнены... Да, еслибъ я была замужемъ за однимъ изъ васъ, мнѣ было бъ очень страшно.

— Страшно?.. но кого же бояться? Ужь не актрисъ ли? Вотъ ужь!..

И драматургъ, какъ опытный въ этомъ дѣлѣ наблюдатель, сталъ говорить о той притворной, дѣланной сторонѣ жизни этихъ странныхъ особъ, съ заученными фразами и приличными случаю чувствами; постоянно сохраняющихъ ихъ театральную выправку, какъ говорящія куклы свой разъ заведенный механизмъ.

— Актрисы!.. Но если у нихъ когда и бываетъ настоящій порывъ страсти, если и вырвется искреннее „люблю“, онѣ тотчасъ же примѣтятъ это съ тѣмъ, чтобы въ ближайшей комедіи повторить его предъ публикой съ тою же нечаянною искренностью, съ тѣмъ же выраженіемъ... Эти милыя существа, съ сердцемъ вѣчно на ладони, никогда ни въ чемъ не отказываютъ своимъ „petits amis“... Надо видѣть, что̀ дѣлается въ коридорахъ и ложахъ актрисъ и актеровъ, когда они одни, безъ директора и автора пьесы, надо слышать, что̀ говорится тамъ—настоящій балаганъ ярмарочныхъ комедіантовъ. Что̀ привлекательнаго можетъ найти здѣсь, если только онъ не неопытный птенецъ, всякій порядочный человѣкъ?..

Г-жа Гюлэнъ слушала все это очень внимательно, хотя съ виду казалось была весьма занята разложенною на колѣняхъ работой.

— Хорошо, сказала она,—оставимъ вопросъ объ актрисахъ, хотя вы здѣсь очевидно нѣсколько преувеличиваете. Но какое множество другихъ искушеній встрѣчаетъ человѣкъ выдающійся, всѣмъ извѣстный, знаменитый писатель! Салонныя почитательницы, анонимныя обожательницы, безчисленныя незнакомки, любящія васъ издали и пишущія вамъ о томъ.

— Ну и этого сорта особы далеко не такъ привлекательны и опасны, возразилъ Режисъ.—Вопервыхъ, пишутъ-то все тѣ же

полдюжины какихъ-нибудь истеричныхъ, или иностранокъ, собирающихъ автографы. Двадцать разъ провѣрялъ я это съ моими друзьями и литературными собратами, и что же всегда оказывалось? Ихъ неизвѣстныя вздыхательницы были также и моими.

Полина подняла голову.

— Однако, вѣдь можетъ же случиться, что женщина, растроганная хорошею пьесой или только-то прочитанною прекрасною книгой, возымѣетъ желаніе поблагодарить автора.

— Что же, можетъ-быть она и напишетъ, но если она обладаетъ тонкимъ чувствомъ, она письма не пошлетъ. Попробуйте доказать мнѣ противное, сказалъ Режисъ, глядя на нее въ упоръ.

— О, я несообщительна...

Стонъ ребенка прервалъ ее; она поспѣшно вышла въ сосѣднюю комнату и черезъ минуту воротилась, спокойно усѣвшись у своего рабочаго столика.

— Онъ такъ неспокоенъ сегодня, замѣтила она, понизивъ голосъ.

— Итакъ, продолжалъ Режисъ тоже полушепотомъ, что придавало ихъ разговору болѣе интимный характеръ, — итакъ вы представляли себѣ Режиса де-Фаганъ искателемъ приключеній, виверомъ... Между тѣмъ, жизнь, которую я веду въ настоящую минуту, именно та, которую я мечталъ найти въ своей семьѣ. И вотъ именно эта лѣнь моя къ выѣздамъ, любовь къ домосѣдству, больше всего возстановили противъ меня жену, и это-то и было первоначальною причиной нашего разрыва. А кто виноватъ? Въ двадцать восемь лѣтъ, извѣстный на всѣхъ сценахъ, какъ драматургъ, пресыщенный всѣми удовольствіями, которыя только способенъ дать театръ, я какъ разъ женюсь на женщинѣ, которая безъ ума отъ первыхъ представленій, бенефисовъ и актерскихъ билетовъ... Мнѣ говорили о какомъ-то дѣдушкѣ Равò, нажившемъ деньгу тѣмъ, что шилъ и отдавалъ на прокатъ разные театральные костюмы, дѣлалъ парики, и т. п. По всей вѣроятности, весь этотъ ложный блескъ, эта мишура, полѣйствовали на ея бѣдный маленькій мозгъ. Представьте какое выходитъ недоразумѣніе: человѣкъ женится съ цѣлью уйти отъ окружающей его подѣльной, ложной жизни, хочетъ устроить очагъ свой, но не по театральному образцу; жена, напротивъ, выходитъ замужъ изъ-за громкаго имени, чтобъ имѣть возможность фигурировать на всѣхъ генеральныхъ репетиціяхъ и на первыхъ страницахъ газетъ.

— Жестокое недоразумѣніе, дѣйствительно, проговорила г-жа Гюлэнъ, но въ голосѣ ея и въ честномъ, и открытомъ лицѣ чувствовалось недовѣріе.

Фаганъ отлично понялъ это и, стараясь убѣдить ее, продолжалъ:

— Конечно, уступалъ я, какъ болѣе влюбленный; въ то время я дѣйствительно былъ влюбленъ, и не изъ-за пустой славы и громкаго имени, какъ она. Каждый Божій день, въ продолженіе многихъ лѣтъ, меня таскали на всевозможные парижскіе спектакли; мы были настоящими членами того отвратительнаго „Tout-Paris“, появляющагося всюду, подобно странствующимъ комедіянтамъ и даже хуже ихъ, потому что для насъ не существовало отдыха.

Мы постоянно фигурировали на всѣхъ первыхъ представленіяхъ всѣхъ парижскихъ театровъ. Я замѣчалъ, какъ лысѣли головы неизмѣнно сидѣвшихъ въ первыхъ рядахъ креселъ критиковъ; видѣлъ какъ рѣзче обозначались морщины на лицахъ моихъ постоянныхъ сосѣдей или vis-à-vis, и я слышалъ, какъ жена моя говорила:

„— А, m-me X. перемѣнила брилы у своей розовой шляпы, воображая, что она сойдетъ за новую“; или: „Посмотри, какъ измѣнились и постарѣли супруги X.“ Во время антрактовъ, лорнируя залъ, она продолжала перебирать чуть ли не всѣхъ присутствующихъ сколько-нибудь выдающихся личностей, дѣлая о каждомъ свои замѣчанія, повторяя всѣ скандалы и скандальчики, которые ходятъ по Парижу въ продолженіе зимняго сезона и которые составляютъ пикантную сторону парижскихъ удовольствій. Достаточно долго велъ я эту жизнь, наконецъ она наскучила и опротивѣла мнѣ такъ, что я предпочелъ разводъ подобному существованію.

Г-жа Гюлэнъ недовѣрчиво покачала головой.

— Однако, сказала она,—разсказывали о какой-то исторіи...

— Ахъ, да!.. Когда меня застали въ гостиницѣ Испанія, о чемъ писали во всѣхъ газетахъ... Сознайтесь, что это вы на основаніи этихъ розсказней составили себѣ обо мнѣ столь лестное мнѣніе. А что скажете вы, если я открою вамъ, что все это было заранѣе обдумано и условлено съ моею женой?

— До сихъ поръ только три человѣка знали объ этой комедіи, продолжалъ онъ:—бывшая г-жа де-Фаганъ, я и совѣтникъ де-Мальвиль... Вы знаете его?.. спросилъ онъ, замѣтивъ движеніе

сдѣланное Полиной при этомъ имени; она молча кивнула головой въ знакъ согласія.

И безъ дальнѣйшихъ перерывовъ, какъ бы спѣша, Режисъ разсказалъ невеселую исторію своихъ супружескихъ невзгодъ.

— Хотя мы до нельзя опротивѣли другъ другу, это все-таки не было бы достаточною причиной для развода.

„Намъ необходимъ рѣшительный шагъ“, говорилъ женѣ другъ ея, совѣтникъ Мальвиль, отчаянный музыкантъ, разбирая съ ней въ четыре руки послѣднюю партитуру Вагнера,—„какой-нибудь скандалъ съ яснымъ доказательствомъ супружеской невѣрности, и я берусь за ваше дѣло.“

— Быть-можетъ, не теряя времени въ долгихъ поискахъ, я нашелъ бы требуемыя Мальвилемъ доказательства въ отношеніяхъ г-жи де-Фаганъ съ кузеномъ Ла-Постеролемъ, молодымъ чиновникомъ при государственномъ совѣтѣ: но двѣ причины удерживали меня отъ этого: вопервыхъ, та снисходительность, съ которою я допустилъ водвореніе интимныхъ отношеній кузена въ нашемъ домѣ, часто поручая ему самъ сопровождать дочерей моихъ въ гости, въ театръ, чтобы самому избавиться отъ скучныхъ выѣздовъ: затѣмъ настоящая, главная причина—наши дочери, ихъ будущность, замужество. Въ этомъ случаѣ, если мужчина сдѣлаетъ проступокъ — свѣтъ всегда проститъ, если же женщина нарушитъ свой долгъ — она покрываетъ стыдомъ всю семью и налагаетъ неизгладимое пятно и на дѣтей. Вотъ почему я согласился взять на себя вину и позволилъ захватить меня съ поличнымъ, при обстоятельствахъ вамъ уже извѣстныхъ.

— И господинъ Мальвиль согласился на эту комедію? воскликнула г-жа Гюлэнъ.

— Я вижу, что вы не совсѣмъ хорошо знакомы съ этимъ ярымъ симфонистомъ, заблудившимся среди магистратуры и вполнѣ равнодушнымъ ко всему, что̀ не касается Бетховена или Вагнера. Очень услужливый однако, потому что дѣло это надѣлало ему хлопотъ не менѣе, чѣмъ намъ: то приставъ не являлся вовремя, то сообщница моя не приходила на свиданіе: надо было начинать все съизнова. Нельзя себѣ представить ничего смѣшнѣе этихъ супруговъ, назначающихъ rendez-vous на противоположномъ концѣ Парижа, чтобы снова условиться о днѣ и часѣ, когда давно желанный фактъ будетъ, наконецъ, констатированъ. Для этихъ свиданій была выбрана отдаленная тѣнистая часть аллеи, ведущей къ Обсерваторіи. Въ этомъ уединенномъ углу города насъ,

конечно, никто бы не встрѣтилъ, что̀ было особенно необходимо. Подумайте, не смѣшно ли въ самомъ дѣлѣ видѣть людей, затѣявшихъ процессъ о разводѣ, прогуливающихся рядомъ, совѣтуясь, комбинируя планъ ихъ взаимнаго освобожденія! Я, который отыскиваю необыкновенныя, новыя положенія для моихъ произведеній, съ трудомъ придумалъ бы что-нибудь оригинальнѣе!

— Въ понедѣльникъ, непремѣнно, гостиница Испанія; да смотрите, чтобы принцесса ваша была тамъ! говорила мнѣ, разставаясь, жена, дружески пожимая мнѣ руку.

— Въ понедѣльникъ, дорогая, непремѣнно! отвѣчалъ я ей не менѣе чистосердечно и рѣшительно.—И дѣйствительно, въ слѣдующій понедѣльникъ утромъ, въ гостиницѣ Испанія, приставъ накрылъ меня...

— Съ Ами Ферà, изъ Водевиля, сказала г-жа Гюлэнъ, стараясь улыбнуться,—пропустите подробности, онѣ мнѣ извѣстны.

— Не совсѣмъ... газеты не все разсказали. Бѣдняжка Ами Ферà конечно и не подозрѣвала ожидавшаго ее пробужденія, и, хотя она не изъ щепетильныхъ, однако мнѣ было досадно на себя за то, что вмѣшалъ ее въ это непріятное приключеніе, которымъ, я зналъ, будетъ занятъ весь Парижъ. И вотъ, рано утромъ, внезапный ударъ кулакомъ въ дверь, сопровождаемый словами „откройте во имя закона“, заставилъ ее вскочить въ ужасѣ.

— Мой мужъ! воскликнула она,—мы пропали...

— Какъ это, вашъ мужъ?..

— Да, я замужемъ... простите, что не сказала вамъ объ этомъ раньше.

Признаюсь, я провелъ нѣсколько непріятныхъ минутъ, не зная о чьемъ проступкѣ шла рѣчь—о моемъ, или объ ея? Къ счастью неизвѣстность эта продолжалась недолго. Вслѣдствіе разсказаннаго происшествія, я былъ присужденъ выдавать г-жѣ де-Фаганъ ежемѣсячную пенсію въ полторы тысячи франковъ, оставить ей дѣтей, съ тѣмъ условіемъ, что они будутъ пріѣзжать ко мнѣ черезъ воскресенье. Все это тяжело, но я увѣренъ, что въ близкомъ будущемъ мать будетъ присылать дѣвочекъ чаще, особенно когда онѣ подрастутъ, и всякій разъ, какъ она пожелаетъ избавиться отъ нихъ.

— Ахъ, не говорите мнѣ больше о разводѣ... это недостойная, низкая комедія!.. И г-жа Гюлэнъ отложила въ сторону работу, такъ какъ руки дрожали у ней отъ овладѣвшаго ею волненія.

— Однако я обязанъ разводу своимъ счастьемъ. Онъ избавилъ меня отъ ужаснѣйшаго созданія...

— О, г. де-Фаганъ! возможно ли говорить такъ о женщинѣ, единственный проступокъ которой состоялъ въ томъ, что она не сумѣла вполнѣ понять васъ. Это просто несходство характеровъ, недоразумѣніе.

— Нѣтъ, сударыня, дѣло гораздо важнѣе. Помните, я часто говорилъ вамъ, какъ мнѣ нравится въ васъ эта прямота и чистосердечіе во взглядѣ и въ рѣчи? Вы должны, слѣдовательно, понять, что то, что до крайности раздражало меня въ этой женщинѣ, это была именно ея лживость; ложь изъ любви къ искусству, врожденная ложь; ложь изъ тщеславія, проявляющаяся во всемъ: въ манерѣ держать себя, въ интонаціи голоса, ложь настолько нераздѣльно и артистически согласованная со всѣми ея дѣйствіями, что я не въ состояніи былъ отличить правды ото лжи.—Чему ты смѣешься такъ громко? спросилъ я ее однажды вечеромъ, ужиная послѣ оперы въ отдѣльномъ кабинетѣ ресторана.—„Чтобъ рядомъ подумали, что намъ очень весело“, былъ отвѣтъ.—Вся ея натура въ этихъ словахъ. Я не помню, чтобъ она когда-нибудь говорила собственно для человѣка, находящагося предъ ней; нѣтъ, всегда для кого-нибудь другаго, только-что вошедшаго, или для лакея служившаго намъ, наконецъ даже для прохожаго, вниманіе котораго ей хотѣлось почему-то привлечь. Вдругъ, въ присутствіи десяти человѣкъ она начинала говорить растроганнымъ голосомъ, съ влажными глазами: „О мой Режисъ! Помнишь, Баромейскіе острова... Первые дни нашего медоваго мѣсяца!..“ Острововъ этихъ мы не знали и никогда тамъ не бывали. Представьте себѣ мое удивленіе!

— Въ сущности, безобидная слабость, пробовала объяснить г-жа Гюлэнъ.

— Да, возразилъ Фаганъ,—но подъ конецъ это надоѣдаетъ, бѣситъ. Подумайте, спрашивать у подруги жизни: „Откуда ты возвратилась? Что дѣлала?“ И знать, что въ отвѣтахъ ея нѣтъ ни слова правды, что тысячу случайностей докажутъ вамъ, что она солгала, и это такъ себѣ, безо всякой надобности, да съ такимъ упорствомъ, противъ котораго безсильны всѣ просьбы и доказательства. О, ея визгливый голосокъ! „Но увѣряю тебя!.. это такъ... это ты ошибаешься...“ или „это ты меня обманываешь!..“ Грустно то, что съ годами ложь до того въѣдалась въ нее, что становилась даже опасною, какъ для меня, такъ и для

другихъ. На людей, недолюбливающихъ ее, она сочиняла самыя невозможныя и ужасныя выдумки, которымъ, въ концѣ концовъ, она начинала вѣрить сама. И все это говорилось такъ благоразумно, скромно, что никакъ нельзя было узнать въ ней невропатки, развѣ только по какому-нибудь машинальному движенію, напримѣръ, дерганіе двумя пальцами банта или ленты въ продолженіе двухъ часовъ сряду. Свѣтъ вѣритъ всѣмъ пошлымъ розсказнямъ, и потому вредъ, который можетъ принести обществу такое адское созданіе—невообразимъ. Сколько разъ на свѣтскихъ обѣдахъ, изъ-за корзинъ цвѣтовъ, стоявшихъ на столѣ, наблюдалъ я за моею женой.—Что говоритъ она? думалъ я,—что сочиняетъ опять и какой ядъ подливаетъ своему сосѣду это маленькое чудовище, такъ хорошо причесанное и разодѣтое? Скоро однако я не замедлилъ самъ сдѣлаться ея жертвой. Въ свѣтскихъ салонахъ стала извѣстна исторія съ какою-то шведскою развратною особой шестнадцати, семнадцати лѣтъ, которая будто бы свела меня съ ума, и до того, что я возненавидѣлъ жену и дѣтей, и способенъ былъ на все. „Если я умру на дняхъ, говорила эта женщина, носившая мое имя,—если я умру, вы будете знать, кто убилъ меня.“

— О, это ужасно! воскликнула г-жа Гюлэнъ съ возмущеніемъ.

— Ужасно, конечно... И потомъ вы начинаете замѣчать тотъ пріемъ, который вамъ дѣлаютъ знакомые, ихъ косвенные намеки и совѣты, сокрушенные или негодующіе взгляды, устремленные на нее, на меня... Защищаться? Я даже и не пробовалъ. Кого мнѣ было увѣрять, что я не зналъ никакой Шведки, развратной или нѣтъ, и что вся эта супружеская драма есть не что иное, какъ произведеніе больнаго воображенія истеричнаго существа. Я покорился и продолжалъ показываться въ театрахъ и на вечерахъ въ этой оригинальной маскѣ Синей-Бороды, вмѣстѣ съ несчастною жертвой, вздыхающею около меня, бросая кругомъ умирающіе взгляды. Ея подруги знали объ ея несчастьѣ и, несмотря на отвращеніе высшаго парижскаго общества къ разводу, всѣ хоромъ совѣтовали ей развестись.

„Нѣтъ... говорила несчастная жертва,—нѣтъ, я буду такъ жить до конца, до смерти, для моихъ дочерей!..“

— Въ сущности у нея, какъ и у меня, не было для этого необходимыхъ доказательствъ, и еслибы не совѣтникъ де-Мальвиль...

Крикъ ребенка, сильнѣе прежняго, прервалъ разговоръ. Мать

быстро вышла въ дѣтскую и черезъ нѣкоторое время вернулась въ гостиную. Въ ея прекрасныхъ глазахъ читался испугъ, а лицо было очень блѣдно.

— Что съ нимъ? спросилъ де-Фаганъ.

— Ничего, или почти ничего—обычный кошмаръ, отъ котораго онъ вдругъ просыпается съ этимъ болѣзненнымъ крикомъ.. съ этимъ крикомъ ужаса...

Ея бѣдный маленькій Морисъ, такой нервный, такой слабый! Она стала говорить о немъ, объ его здоровьѣ, о той ранѣ, что была у него на колѣнкѣ.

— Что это у него, отъ рожденія? спросилъ де-Фаганъ, тронутый ея глубокимъ материнскимъ безпокойствомъ.

— Нѣтъ, несчастный случай... когда онъ былъ еще совсѣмъ маленькимъ...

Она замолчала, поглощенная тяжелыми воспоминаніями.

III.

— Нѣтъ, мои дорогія, нѣтъ, мои милыя дѣвочки, то, что вы просите—невозможно. Не настаивайте же, это было бы мнѣ такъ непріятно.

Настаивать! Это совсѣмъ не было въ ихъ разсчетахъ.

Послѣ отказа отца, Нина взяла книгу, а Роза модный журналъ, и ихъ нѣжныя, открытыя дѣтскія личики мгновенно приняли замкнутое жесткое выраженіе. Онѣ погрузились въ молчаливое созерцаніе, лишь отъ времени до времени бросая искоса коварный взглядъ, наблюдая исподтишка за происходившимъ.

Предъ де-Фаганомъ сидѣли теперь не двѣ дѣвочки, а двѣ женщины, съ тѣмъ ангельскимъ упорствомъ женщины, которое доводитъ мужчину до высшей степени раздраженія. Бѣдный отецъ волновался, старался втолковать этимъ маленькимъ головкамъ серьезныя причины своего отказа, — отказа въ дополнительной субсидіи г-жѣ Равò.

— Вѣдь въ эти семь мѣсяцевъ, говорилъ онъ,—съ тѣхъ поръ, какъ я разошелся съ вашею матерью, не посылалъ ли я вамъ исправно двѣ тысячи франковъ вмѣсто назначенныхъ полутора тысячъ?

И вдругъ этого было мало, у него просили еще; тогда какъ все состояніе-то его заключалось лишь въ доходахъ съ театра.

Онъ не жаловался теперь, потому что годъ былъ хорошъ и піесы его не сходили съ репертуара; но достаточно одного каприза публики, чтобы доходы его значительно уменьшились. Да и потомъ надо же подумать о приданомъ Розы.

— Притомъ, дорогія мои, продолжалъ онъ,—я нахожу, что вы взялись исполнить пренепріятное порученіе, особенно для воскресенья, когда вы пріѣзжаете, чтобы повидаться съ вашимъ отцомъ; въ одно изъ моихъ бѣдныхъ воскресеній. Развѣ не могли прислать мнѣ Mademoiselle или, что̀ еще лучше, письмо, на которое я отвѣтилъ бы?

— Но, отецъ, сказала Нина, не поднимая глазъ съ книги,— намъ не давали никакого порученія... мы просили у тебя эту маленькую прибавку для насъ самихъ.

— На нашъ туалетъ... прибавила нерѣшительно Роза, высовываясь изъ-за журнала, закрывавшаго ее на подобіе ширмы.

Ихъ туалетъ?.. Но тотъ излишекъ, что̀ посылался имъ ежемѣсячно, и былъ именно предназначенъ на ихъ туалетъ, а ужь, конечно, не на туалетъ ихъ матери; а дѣвушки ихъ положенія и возраста должны были довольствоваться этою суммой. И онъ пустился въ подробности расходовъ на платья, бѣлье, обувь, повторяя, самъ того не замѣчая, одну изъ прежнихъ скучныхъ семейныхъ сценъ, съ тою только разницей, что теперь ему приходилось имѣть дѣло съ двумя женщинами вмѣсто одной. Отвѣты слѣдовали тонкіе и мѣткіе у младшей, застѣнчивые и кроткіе у старшей, которая, между прочимъ, ссылалась на предстоящую въ ихъ кругу свадьбу.

— Какая свадьба? спросилъ де-Фаганъ, внезапно поднявъ голову.

Какъ не былъ быстеръ взглядъ Нинетты, брошенный въ сторону легкомысленной старшей сестры, Фаганъ поймалъ его налету и поблѣднѣлъ до самыхъ губъ.

— Понялъ!.. сказалъ онъ шипящимъ жесткимъ голосомъ,— да, отлично понялъ... Г-жа Равò выходитъ вторично замужъ... Впрочемъ, это ея дѣло.

— За кого же? Можно узнать?.. За кузена? не такъ ли?

Яркая краска, залившая щеки дѣвочекъ, ихъ смущенный видъ отвѣтили ему яснѣе словъ, что онъ не ошибся, и раздраженіе его увеличилось. Не изъ ревности къ своей бывшей женѣ, конечно, онъ такъ волновался; объ этомъ не могло быть и рѣчи, но изъ ревности къ дочерямъ; изъ-за ихъ сближенія съ этимъ

Ла-Постеролемъ, баловавшемъ и дарившемъ ихъ съ цѣлью завоевать расположеніе этихъ кокетливыхъ и лакомыхъ попугайчиковъ. Уже и прежде это было ему непріятно и заставляло страдать его. Что же будетъ теперь, когда всѣ они станутъ жить вмѣстѣ, когда Ла-Пастероль будетъ имѣть на нихъ права отчима, а впослѣдствіи своими заботами и постояннымъ присутствіемъ сдѣлается для нихъ болѣе отцомъ, чѣмъ онъ самъ? Эта мысль бѣсила его еще больше, когда ему приходило въ голову, что ихъ могутъ увезти куда-нибудь далеко отъ Парижа.

— Ну ужь это!.. ужь это!.. Онъ захлебывался отъ гнѣва и размахивалъ своими длинными руками съ грозно-сжатыми кулаками.

Но вспышки де-Фагана, этого креола, уроженца Бурбонскаго острова, какъ циклоны, были бурны, но и кратковременны. Швырнувъ въ сторону нѣсколько стульевъ и хлопнувъ двумя, тремя дверьми, онъ успокоился и, усѣвшись въ свое большое американское кресло, какъ по обыкновенію, попросилъ Розу сыграть что-нибудь на роялѣ, купленномъ нарочно для нея. У Розы къ несчастью была мигрень. О, такая сильная мигрень!

— Ну, Розочка, самые пустяки... два, три такта изъ Шопена или Мендельсона...

— Мнѣ очень жаль, папа... но право не могу...

Это было сказано беззвучнымъ голосомъ, недопускающимъ возраженій. Отецъ не сталъ настаивать,—съ мигренью не спорятъ.

— Ты не идешь внизъ играть съ Морисомъ? обратился онъ къ Нинѣ.

— Нѣтъ... не сегодня, я слишкомъ устала.

Она сидѣла ухватившись обѣими руками за книгу, наклонивъ надъ ней упрямый лобъ, уткнувъ своенравный подбородокъ въ маленькій мужской воротничекъ, и видно было по ея лицу, что ни нѣжные упреки отца, ни умоляющіе взгляды, которые бросалъ въ окно маленькій калѣка, съ грустью бродившій по саду со своимъ костылемъ, ничто не могло поколебать ея рѣшенія. Въ продолженіе всего дня Фаганъ наталкивался на скверное расположеніе духа дочерей, въ которомъ ясно проявлялось вліяніе отсутствующей матери, вліяніе тѣмъ болѣе опасное, что оно было неосязаемо. И стоило ли, право, разволиться, если приходилось опять имѣть тѣ же столкновенія, тѣ же домашнія сцены, продолжающіяся съ такимъ отчаяннымъ упорствомъ?

Во время этого жалкаго нескончаемаго дня онъ строчилъ г-жѣ Равò письмо за письмомъ и тутъ же рвалъ ихъ одно за другимъ, находя ихъ то слишкомъ умѣренными, то слишкомъ ѣдкими. Наконецъ, когда дѣвочки, холодно поцѣловавъ его, собрались уѣзжать домой съ ожидавшею ихъ внизу Mademoiselle, Фаганъ передалъ Розѣ нѣсколько строкъ на имя ихъ матери, въ которыхъ онъ просилъ свиданія съ ней на слѣдующій день утромъ.

IV.

На той же аллеѣ Обсерваторіи, гдѣ они вмѣстѣ обсуждали нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ способы развода, де-Фаганъ ждалъ, не безъ нѣкотораго любопытства, свою ex-супругу. Во время одинокихъ вечеровъ, думая о ней, онъ старался представить себѣ ея лицо; но за неимѣніемъ какого-либо портрета, онъ не въ состояніи былъ возстановить на память ея черты, нѣкоторыя изъ нихъ какъ бы увеличились въ ущербъ другимъ и, въ общемъ, изображеніе ея потеряло прежнюю ясность: оно изгладилось изъ его сердца.

Когда онъ издали завидѣлъ ее въ аллеѣ, шелестя своею коричневою юпкой по сухимъ листьямъ, лежавшимъ кучами, она показалась ему выше, чѣмъ онъ воображалъ ее. Въ то время какъ она съ любопытствомъ замѣчала его нѣсколько пополнѣвшую стройную фигуру, розоватый цвѣтъ лица, оттѣненный тонкимъ усомъ и слегка серебрившимися на вискахъ волосами, онъ, со своей стороны, былъ пораженъ тою перемѣной, которая произошла въ ея лицѣ отъ волосъ, перешедшихъ изъ пепельныхъ въ самый яркій рыжій цвѣтъ.

Это была совершенно новая красота съ теплымъ колоритомъ итальянской живописи, который красиво оттѣнялъ глаза и придалъ кожѣ свѣжесть и бѣлизну усовершенствованную, быть-можетъ, легкою ретушью.

Одѣта она была съ тѣмъ же совершенствомъ, какъ и прежде, съ тою разницей, что въ особѣ ея замѣчалось неуловимое кокетство, свойственное женщинѣ, которая любитъ и желаетъ быть любимою; это придавало ей особенную прелесть, къ которой присоединялись еще развязность и самоувѣренность независимой женщины, пріобрѣтенныя г-жой Равò въ эти нѣсколько мѣсяцевъ.

„Однако разводъ ей весьма къ лицу“, подумалъ Фаганъ и тутъ же приступилъ къ объясненію.

— Почему не предупредили меня объ этой свадьбѣ? началъ онъ рѣшительнымъ тономъ, — вѣдь мы условились же на счетъ этого?

Она попрежнему улыбнулась своею красивою, лукавою улыбкой, косясь изъ-за полуоткрытыхъ вѣкъ, какъ шпіоны бернскихъ крестоносцевъ.

— Богъ мой? вѣдь еще ничего не рѣшено...

Она до сихъ поръ колебалась; благоразумно ли это было? Что онъ объ этомъ думалъ?..

— Вы знаете меня, дорогой Фаганъ, знаете также Ла-Пастероля... Что посовѣтуете вы мнѣ?..

Она говорила тономъ искренней дружбы, и даже, идя съ нимъ рядомъ по аллеѣ, по привычкѣ хотѣла было взять его подъ руку. Де-Фаганъ сдѣлалъ движеніе въ сторону и во избѣжаніе отвѣта на эти, по его мнѣнію, неумѣстные вопросы, напомнилъ ей условія развода: „Никогда не оставлять Парижа и не увозить дѣтей далеко отъ него“.

Голосъ его задрожалъ отъ злости при этихъ словахъ.

Она живо успокоила его... Ея дочери оставять Парижъ!.. Во всякомъ случаѣ не съ ихъ матерью и не изъ-за этой свадьбы! Ла-Постероль, въ качествѣ чиновника государственнаго совѣта, не имѣлъ намѣренія уѣхать изъ Парижа, гдѣ находились всѣ его интересы, всѣ дѣла; тѣмъ болѣе, что вскорѣ онъ надѣялся быть совѣтникомъ. Да и она была слишкомъ Парижанка, чтобы разстаться съ этимъ городомъ. Эти послѣднія слова болѣе всего убѣдили де-Фагана. Онъ, дѣйствительно, не могъ себѣ представить, чтобы г-жа Равò была въ состояніи ужиться гдѣ-нибудь въ провинціи, безъ театровъ, скачекъ и всевозможныхъ выставокъ, куда идутъ, чтобы видѣть и себя выставлять.

Она снова заговорила о своемъ Ла-Постеролѣ, о выгодахъ предстоящей свадьбы и т. д. Онъ равнодушно слушалъ ее, даже почти давалъ одобрительные совѣты.

Но вотъ сталъ накрапывать грозившій съ утра дождь, тонкій, пронизывающій осенній дождь.

Они открыли дождевые зонты, но чрезъ минуту, находясь слишкомъ далеко другъ отъ друга, чтобы говорить, она закрыла свой и пошла рядомъ съ Фаганомъ, разговаривая про дочерей.

Еслибъ она рѣшилась на вторичный бракъ, ея новое поло-

женіе доставило бы дѣвочкамъ новыя связи въ обществѣ, и онѣ могли бы сдѣлать хорошія партіи. Старшей вѣдь минуло уже шестнадцать лѣтъ; а могла ли выдать ее замужъ женщина разведенная, одинокая, стѣсненная поэтому въ выѣздахъ и пріемахъ. Уединеніе ея впослѣдствіи могло неблагопріятно отразиться на жизни дѣтей.

— Да и самъ вы, Режисъ, неужели не чувствуете одиночества?

Она говорила все это полушепотомъ, прижимаясь къ нему все ближе, чтобъ укрыться подъ его зонтикомъ отъ усиливавшагося дождя. Въ водяной мглѣ исчезла аллея, съ ея вѣковыми деревьями, исчезла и прекрасная группа Карпо, изображающая земной шаръ, поддерживаемый пятью бронзовыми женщинами въ полуоборотѣ, съ тонкими, нервными ногами. Отъ времени до времени съ боковыхъ скамеекъ подымалась и проходила мимо уединенная пара, бросая въ сторону разведенныхъ супруговъ бѣглый взглядъ, сопровождаемый легкою, но многозначительною улыбкой.

И дѣйствительно, возможно ли было угадать—зачѣмъ они здѣсь и чѣмъ были другъ для друга?

Мало-по-малу, подъ размягчающимъ вліяніемъ осенняго утра и неожиданнымъ оборотомъ разговора, о которомъ де-Фаганъ уже мечталъ для театра, онъ сталъ внимательнѣе вслушиваться въ ея голосъ, хотя и зналъ, что за нимъ скрывалась ложь и лукавство.

Несмотря на ея слова: „дайте мнѣ совѣтъ“, оказывалось, что она сама же совѣтовала, и какъ умно! Увѣщевала его жениться, въ свою очередь, не кончать жизнь въ одиночествѣ, увѣряя, что онъ будетъ отличнымъ мужемъ для другой, съ характеромъ и вкусами болѣе подходящими ему.

Заинтересованный такимъ оборотомъ разговора, онъ любезно, почти весело, поддерживалъ бесѣду.

— Какъ жаль, что г-жа Гюлэнъ... вдругъ сказала она.

— Г-жа Гюлэнъ?..

— Да, ваша домовая хозяйка...

Лукавая улыбка подернула углы ея рта.

— Вы знакомы съ ней? спросилъ онъ, вздрогнувъ.

— Достаточно, чтобы знать насколько она подходитъ къ вашему идеалу.

— Тогда что же значитъ это „какъ жаль?“

— Конечно, какъ жаль, что она не вдова!

И, замѣчая его изумленный видъ, прибавила:

— Вы сказали дѣтямъ, что она вдова, а она вѣдь только разъѣхалась съ мужемъ.

— Откуда вы это знаете?..

— Моя полиція! засмѣялась она торжествующимъ, злорадным смѣхомъ.

Онъ равнодушно пожалъ плечами, какъ бы желая выразить этимъ, что подробности о г-жѣ Гюлэнъ и ея вдовствѣ нисколько его не интересовали.

И они снова стали ходить, не говоря другъ другу ни слова.

Но усилившійся дождь и шумная толпа веселыхъ студентовъ, хлынувшая изъ школы фехтованія, вполнѣ уничтожили всю прелесть этого оригинальнаго свиданія и, взявъ первыхъ попавшихся извощиковъ, ex-супруги разъѣхались.

Почему возвращался онъ съ этого свиданія съ стѣсненнымъ, болѣзненно сжатымъ сердцемъ? Вѣдь онъ былъ увѣренъ, что дѣти его не выйдутъ изъ Парижа, что свадьба эта не измѣнитъ его спокойнаго, счастливаго существованія. Можетъ то было воспоминаніе или сожалѣніе, вызванное въ немъ этою помолодѣвшею, перекрашенною въ рыжій цвѣтъ блондинкой, съ этимъ запахомъ „verveine“, когда-то столь любимымъ? О нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Достаточно было одной ея фальшивой улыбки, чтобы сразу уничтожить произведенное впечатлѣніе, какъ бы удивленія предъ неожиданностью ея перемѣны и напомнить ему долгіе годы страданій и постояннаго возбужденія. Что же тогда? Какая тоска душила его?

Послѣ тысячи увертокъ и ухищреній, въ концѣ концовъ онъ долженъ былъ сознаться, что причиной этой тоски было извѣстіе о замужествѣ его друга г-жи Гюлэнъ. И гдѣ-то далеко въ его воображеніи, какъ бы въ глубинѣ длинной аллеи, представился ему образъ Полины Гюлэнъ, ея нѣсколько короткая талія, красивые широко открытые глаза и этотъ успокаивающій видъ честности и доброты во всемъ ея существѣ, составлявшій такой полный контрастъ съ только-что покинувшею его женщиной.

Очевидно въ продолженіе этого времени въ сердцѣ его зарождались неясныя еще желанія, о которыхъ онъ и самъ не подозрѣвалъ и которыя вдругъ, какъ бы ударомъ грома, были разсѣяны этими простыми словами: „Г-жа Гюлэнъ замужемъ!“

Но, вопервыхъ, правда ли это? Не было ли это одною изъ романическихъ сплетенъ, до которыхъ г-жа Равò была такая

мастерица? Онъ сталъ вдумываться, и ему показалась страннымъ осторожность его сосѣдки относительно ея мужа, покойнаго или нѣтъ, тогда какъ во всемъ остальномъ они были такъ откровенны другъ съ другомъ. Затѣмъ ему припомнились нѣкоторыя слова, невзначай сказанныя Морисомъ, надъ которыми онъ и прежде не разъ задумывался. Но съ какою цѣлью подобный обманъ, отнимавшій у этого правдиваго, честнаго существа лучшую и главную его прелесть? Онъ, который съ такимъ довѣріемъ относился къ ней! Значитъ всѣ женщины лживы? Не надо было вѣрить ни одной изъ нихъ, не придавать словамъ ихъ даже значенія свидѣтельства малаго ребенка предъ судомъ? Онъ возвращался къ себѣ съ цѣлымъ роемъ бѣшеныхъ, противорѣчивыхъ мыслей и съ рѣшеніемъ немедленно объясниться.

Пріѣхавъ домой онъ узналъ, что у г-жи Гюлэнъ сидѣлъ докторъ, извѣстный хирургъ, приглашенный ею на консиліумъ, такъ какъ колѣнка маленькаго Мориса очень безпокоила ее эти дни.

Позавтракавъ, де-Фаганъ отправился внизъ спросить о здоровьѣ мальчика, но его не приняли. Горничная Анна, выпянчившая мальчика, показалась въ дверяхъ съ покраснѣвшими глазами и объявила ему, что рѣшено было сдѣлать больному ребенку операцію, что приступятъ къ ней завтра, что весь домъ занятъ приготовленіями и что госпожа ея не хотѣла никого видѣть. Тогда онъ предложилъ свои услуги на завтрашній день, чтобы держать ребенка или дежурить ночью у его кровати. Г-жа Гюлэнъ прислала сказать, что очень благодаритъ его, но что ей ничего не надо.

Какъ далеко была отъ него въ ту минуту эта прелестная женщина! Поглощенная мыслью, что ребенокъ ея въ опасности, какъ мало думала она о немъ! Какое ничтожное мѣсто занималъ онъ въ сердцѣ этой матери!

V.

Нѣтъ, не милыя ласки маленькаго Мориса, не тѣ очаровательныя слова ребенка, которыми удивляютъ насъ дѣти, чуть ли не заставляя думать, не упали ли они къ намъ съ какой-нибудь волшебной планеты, гдѣ говорятъ тѣмъ чуднымъ языкомъ, въ которомъ одинаково чувствуется и примитивная наивность и какъ бы глубокая мудрость опыта; нѣтъ, одно это не возбудило бы въ сердцѣ бѣднаго Режиса той жгучей боли, которую онъ

чувствовалъ при мысли о возможной опасности, угрожающей сыну, еслибы не мать и страданія матери, о которыхъ онъ не переставалъ думать.

Черезъ Антипа онъ узналъ, что происходитъ нѣчто серьезное, очень серьезное; говорили о раздробленіи костей, о разрывѣ связокъ колѣнки, о необходимости операціи.

Съ наступленіемъ рѣшительной минуты, Режисъ сталъ осторожно ходить по комнатѣ, съ безпокойствомъ прислушиваясь къ малѣйшему шуму въ первомъ этажѣ, какъ будто дѣло шло объ его собственныхъ дочеряхъ. По временамъ онъ въ волненіи останавливался у окна, лихорадочно барабаня по стеклу своими дрожащими пальцами.

Вдругъ, среди осенняго ненастья и бурныхъ порывовъ свистѣвшаго вѣтра, отъ которыхъ съ трескомъ качались старые вязы, онъ увидалъ въ аллеѣ сада человѣка, лѣтъ сорока, коренастаго, съ краснымъ цвѣтомъ лица, усы щеткой, въ туго застегнутомъ рединготѣ. Какъ и самъ де-Фаганъ, онъ казался озабоченнымъ; онъ смотрѣлъ напряженнымъ взглядомъ на окно высокой комнаты нижняго этажа, гдѣ хирурги трудились надъ операціей.

Видъ ли этого человѣка, среди бури съ непокрытою головой, какъ бы у себя дома, или его взглядъ, исполненный тоскливаго ожиданія, но де-Фаганъ тотчасъ подумалъ: „Это отецъ... это мужъ...“

Онъ тотчасъ же окончательно убѣдился въ этомъ при видѣ г-жи Гюлэнъ, поспѣшно спустившейся со ступеней террасы, въ домашнемъ пеньюарѣ, съ распущенными волосами. Она подбѣжала къ этому человѣку съ сіяющимъ выраженіемъ лица и стала разсказывать ему о чемъ-то очень быстро, вѣроятно о благополучно сдѣланной операціи. Разсказывая, она приподняла руки, придерживая ими мелкіе локоны развѣвавшихся волосъ. Тогда, порывистымъ движеніемъ, человѣкъ этотъ хотѣлъ обнять ея круглый, гибкій станъ, но, увернувшись отъ него и съ сердцемъ тряхнувъ отрицательно два-три раза головой, молодая женщина, не оборачиваясь, устремилась по направленію дома и исчезла въ дверяхъ его.

О да! то былъ, безъ сомнѣнія, ея мужъ! По одному движенію, сдѣланному имъ, чтобъ обнять ее, де-Фаганъ узналъ въ немъ мужа, еще молодаго и страстнаго, какъ въ первый день женитьбы.

И Фаганъ не переставалъ думать о немъ.

Во время завтрака, пока Антипъ служилъ за столомъ, онъ старался навести справки, но, по обыкновенію, лакей не былъ въ состояніи дать ему на этотъ счетъ какое-либо свѣдѣніе.

— Красные волосы? усы щеткой?.. Нѣтъ, онъ ничего не слыхалъ о подобномъ человѣкѣ.

А вотъ на счетъ операціи ему были извѣстны всѣ мельчайшія подробности: количество бинтовъ и губокъ, всеобщій страхъ при недостаткѣ хлороформа, хладнокровіе матери, ободрявшей окружающихъ, когда всѣ теряли голову, разговоръ его на эту тему былъ неисчерпаемъ.

— Но все же, если баринъ желаетъ знать о томъ господинѣ, онъ пойдетъ спросить у Анны или у кухарки...

— Я строго запрещаю тебѣ это, несчастный! прервалъ его Фаганъ, ужаснувшись передъ глубиной пропасти, въ которую могла его ввергнуть непроходимая глупость этого болвана.

Полонъ грустныхъ думъ, онъ отправился въ Vaudeville, гдѣ повторялась въ тотъ вечеръ его пьеса. Но какова же была его радость, когда, садясь въ наемную карету на станціи Пасси, онъ замѣтилъ того, котораго называлъ уже „мужемъ“, взбиравшимся легкою поступью на верхушку конки. „Значитъ онъ не оставался у г-жи Гюлэнъ?..“ промелькнуло у него въ головѣ. Въ этотъ день артисты Водевиля не разъ подумали: „Однако писатель нашъ въ хорошемъ расположеніи духа!“

„Какъ чудесно играютъ сегодня актеры!“ думалъ въ свою очередь де-Фаганъ.

Но каково было его разочарованіе, когда, вернувшись домой, Антипъ объявилъ ему важно и самодовольно, что, молъ, тотъ баринъ, о которомъ вы спрашивали и который гулялъ въ саду безъ шляпы...

— Ну, что же?

— Это, должно-быть, близкій родственникъ г-жи Гюлэнъ, онъ только-что возвратился и будетъ у нихъ обѣдать. И было бы не удивительно еслибъ онъ остался ночевать, потому что Анна говоритъ...

— Э, да что мнѣ за дѣло будетъ ли этотъ человѣкъ обѣдать, ночевать или нѣтъ...

Бѣдному Фагану такъ „мало было до этого дѣла“, что онъ не дотронулся до своего обѣда и затѣмъ, въ продолженіе всего вечера, не въ состояніи былъ заняться ни работой, ни даже

чтеніемъ. Изъ головы его не выходила мысль: „останется ли этотъ человѣкъ ночевать?“ И если останется, какъ допустить, чтобы мужъ этого лучезарнаго созданія (Фаганъ уже не сомнѣвался, что то былъ мужъ), чтобъ этотъ мужъ могъ спокойно и равнодушно оставаться подъ однимъ кровомъ такъ близко отъ нея? Какъ предположить, чтобы сама мать, при видѣ своего ребенка внѣ опасности, счастливая и довольная, не простила бы отцу всѣ его проступки?

Мысль эта заставляла его блѣднѣть отъ злости, тогда какъ предстоящая свадьба г-жи Равò съ Ла-Постеролемъ ни мало не смущала его. Дѣло въ томъ, что онъ не любилъ болѣе своей прежней жены и боготворилъ г-жу Гюлэнъ. Теперь сомнѣній въ этомъ не было.

Но что̀ дѣлать тогда? Оставаться въ этомъ домѣ? Продолжать ихъ тѣсныя дружественныя отношенія? Это было бы слишкомъ тяжело; усиленное біеніе сердца было ему въ томъ порукой. Значитъ приходилось уйти, покинуть этотъ тихій, уединенный домъ, такой удобный для работы, съ его длинными вечерами, одушевленными пріятнымъ сосѣдствомъ матери и ребенка?..

Вдругъ непривычный шумъ въ нижнемъ этажѣ вывелъ его изъ этихъ размышленій. Слышались поспѣшные шаги, глухой споръ, нѣсколько ударовъ звонка, шумъ опрокинутой мебели... Вскочивъ на ноги при первой тревогѣ, Фаганъ бросился на лѣстницу, гдѣ газъ былъ уже потушенъ. Почти одновременно внизу открылась дверь и, при свѣтѣ лампы, которую Анна держала дрожащими руками, Режисъ увидалъ того же мужчину съ бѣшенствомъ и угрозами направлявшагося къ выходу. На порогѣ онъ обернулся и, сжавъ кулаки, изрыгая ужасныя ругательства, хлопнулъ дверью и выскочилъ на улицу. Горничная старательно заперла за нимъ дверь, изъ предосторожности задвинувъ даже засовы. Фаганъ, стоявшій на верху лѣстницы, молча смотрѣлъ на происходившую сцену. Съ минуту онъ раздумывалъ на что̀ рѣшиться, и вдругъ, какъ бы уступая непреодолимому желанію, бросился внизъ, прямо въ гостиную г-жи Гюлэнъ.

Она сидѣла на кончикѣ дивана съ распущенными волосами и растереннымъ взглядомъ, освѣщенная лишь керосиновымъ пламенемъ огня, горѣвшаго въ каминѣ.

— Войдите, войдите... сказала она, протягивая ему дрожащія, поледенѣлыя руки.

— Вы звали... я пришелъ... прошепталъ онъ.

— Мнѣ было такъ страшно... еще тише сказала она.

Чтобы не утруждать ее нескромными вопросами, онъ ограничился спросить о здоровьѣ Мориса.

— Онъ спитъ, дорогой малютка... къ счастью не проснулся, ему дали столько хлороформу!

— Значитъ операція удалась?

— Сверхъ всякаго ожиданія.

Въ это время вошла Анна съ лампой и освѣтила гостиную яркимъ свѣтомъ.

— Теперь онъ не войдетъ! сказала она, — дверь заперта на замокъ и засовы задвинуты. А, г. де-Фаганъ! прибавила она замѣтивъ сосѣда,—въ такомъ случаѣ мы можемъ быть покойны.

Когда они остались одни, Полина придвинула свое кресло къ столу и легкимъ движеніемъ пригласила Фагана сѣсть по другую сторону. Оправившись немного отъ испуга, она быстро привела въ порядокъ растрепавшіеся волосы и складки своего шерстянаго пеньюара, отдѣланнаго пышными кружевами.

— Вы, конечно, никогда не отгадали бы, кто этотъ мужчина... да, тотъ человѣкъ, что̀ сейчасъ вышелъ отсюда...

— Вашъ мужъ, вѣроятно.

— Вы узнали это?

— Мнѣ было бы пріятнѣе узнать это отъ васъ.

— Выслушайте же меня, сказала она.

И на томъ же мѣстѣ, при томъ же отдаленномъ лаѣ собакъ и свистѣ поѣздовъ, въ той же уютной, маленькой гостиной, гдѣ онъ незадолго предъ тѣмъ разсказывалъ о своемъ семейномъ несчастіи, де-Фаганъ узналъ печальную исторію ея замужества.

Десять лѣтъ тому назадъ, выйдя замужъ въ Гаврѣ за коммиссара тамошняго порта, она принуждена была разъѣхаться съ нимъ послѣ четырехъ лѣтъ замужества. Но какое надо было имѣть терпѣніе, чтобы выжить эти четыре года съ подобнымъ человѣкомъ! Не то, чтобъ онъ былъ золъ, о нѣтъ! ни развратенъ, ни игрокъ, какъ столько другихъ среди этой лихорадочной жизни портовыхъ городовъ. Но онъ былъ до такой степени ревнивъ, такъ грубъ и бѣшенъ во время вспышекъ, повторявшихся ежедневно и которыхъ невозможно было избѣжать, при всемъ стараніи, даже самой осторожной, самой некокетливой женщинѣ!

Если она танцовала на балу, при возвращеніи—сцена, и какая!.. То изъ-за туалета, который предъ отъѣздомъ подвергался однако строгому контролю — вѣчно высокій воротъ и длинные

рукава,—то изъ-за манеры держать себя, кланяться, вальсировать. Если она не танцовала — опять ссора: какую роль Бартольда его заставляли играть, усѣвшись съ видомъ жертвы между фресками!

Ахъ, бѣдная женщина, съ какимъ ужасомъ думала она о приближающихся оффиціальныхъ празднествахъ, на которыя тоскалъ ее съ собой мужъ! Но не на однихъ только выѣздахъ и вечерахъ наблюдалъ онъ за ней; нѣтъ, ежедневно она должна была отдавать ему отчетъ о сдѣланныхъ визитахъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ и со всѣми подробностями и именами встрѣченныхъ людей.

Контроль этотъ преслѣдовалъ ее до глубины ея духовнаго существа. „О чемъ ты думаешь? Скорѣй, говори же!“ Ему надо было знать ея мысли даже во время сна; каждое утро онъ требовалъ подробный разсказъ о видѣнномъ снѣ, дѣлая сцену, если по несчастью онъ не фигурировалъ въ немъ.

Въ продолженіе четырехъ лѣтъ, прожитыхъ съ этимъ человѣкомъ, она не помнила ни одной ночи, проведенной безъ слезъ, криковъ, бранн и угрозъ, послѣ которыхъ онъ валялся у ея ногъ и, рыдая, умолялъ простить его.

Я прощала четыре года и, можетъ-быть, изъ гордости, изъ жалости и стыда, также изъ-за нашего сына, я протерпѣла бы еще нѣкоторое время; но однажды вечеромъ—тутъ голосъ ея понизился, сдѣлался жесткимъ, какъ бы голосъ другой женщины—однажды вечеромъ, во время одной изъ своихъ вспышекъ, усомнившись даже въ томъ, что нашъ маленькій Морисъ его сынъ, этотъ подлый человѣкъ вырвалъ его изъ моихъ рукъ и съ такою силой бросилъ ребенка на полъ... Ахъ мой бѣдный малютка!..

Съ этого дня ни слезы его, ни просьбы, ни угрозы убить себя и меня, ничто не могло поколебать моего рѣшенія. Я перестала быть его женой, подала просьбу о формальномъ разъѣздѣ, и мы разстались. [1]

Немедленно оставивъ Гавръ, я уѣхала съ ребенкомъ въ Парижъ къ моей матери, вдовѣ, которая уже нѣсколько лѣтъ жила

---

[1] Separation de corps par jugement означаетъ, по французскимъ законамъ, не окончательный разводъ (divorce), а лишь юридическое констатированіе факта прекращенія совмѣстнаго сожительства супруговъ.

(Примѣчаніе переводчика.)

въ этомъ домѣ. По ея настоянію и совѣту, я рѣшилась также прослыть вдовой въ той средѣ, гдѣ мы должны вращаться и жить. Парижское общество недовѣрчиво относится къ женщинѣ, оставившей мужа, тѣмъ болѣе, что ничто не доказываетъ, кто правъ, кто виноватъ, развѣ только если станутъ наводить особенныя справки. На взглядъ моей дорогой матери, эта предосторожность особенно могла быть мнѣ полезною, когда ея не станетъ и я останусь одна; и я должна сознаться, что мое мнимое вдовство не разъ оказало мнѣ услугу.

Фаганъ сдѣлалъ движеніе, какъ бы протестуя и поспѣшилъ освѣдомиться о томъ, что̀ такъ долго тревожило его.

— Однако вы не пользуетесь правами, данными вамъ закономъ, если мужъ вашъ бываетъ у васъ? сказалъ онъ.

— Сегодня онъ въ первый разъ пріѣхалъ сюда, отвѣтила г-жа Гюлэнъ, поднявъ на него свой ясный взоръ.—Каждое первое число Новаго Года Анна даетъ ему извѣстія о насъ, но никогда, до сегодняшняго утра, мы не видались съ нимъ. Позвала я его сегодня не столько изъ-за операціи, послѣдствія которой могли быть очень опасны, сколько изъ-за нѣкоторыхъ условій нашего разъѣзда. Да, совѣтникъ Мальвиль...

— Мальвиль? вагнеріанецъ моей жены?

— Онъ самый. Въ то время онъ былъ президентомъ гаврскаго суда и, подобно моему мужу, ярымъ любителемъ музыки. Часто они вмѣстѣ играли въ квартетахъ, и хотя процессъ и былъ рѣшенъ де-Мальвилемъ въ мою пользу, что̀ и не могло быть иначе, однако отцу предоставлено было право руководить воспитаніемъ сына, начиная съ десятилѣтняго возраста его до конца его образованія. Морису скоро будетъ десять лѣтъ и при мысли, что я должна буду разстаться съ нимъ, что быть-можетъ его запрутъ въ какой-нибудь лицей, далеко отъ меня, при одной мысли этой сердце мое разрывалось.

— Я просила моего мужа пріѣхать сюда, надѣясь, что онъ сжалится надъ маленькимъ страдальцемъ и оставитъ мнѣ его еще на нѣкоторое время для ухода за больною ногой. При видѣ его волненія сегодня утромъ, когда онъ робко поцѣловалъ полумертваго, блѣднаго ребенка, я надѣялась успѣть въ моемъ намѣреніи... Вечеромъ онъ возвратился и пожелалъ остаться на ночь, здѣсь, въ гостиной, чтобъ ухаживать за нашимъ малюткой, говорилъ онъ, въ случаѣ, еслибъ я устала. Онъ говорилъ такъ отцовски нѣжно, клялся оставить мнѣ сына, насколько я

этого пожелаю... вы видите, ему постелили здѣсь постель; я же, въ сосѣдней комнатѣ, съ полуоткрытою дверью, прилегла возлѣ моего малютки... И вдругъ, несчастный осмѣлился... и еслибы не мое отчаянное сопротивленіе...

— Подлецъ! воскликнулъ Фаганъ и губы его поблѣднѣли. Но ея собственное негодованіе успокоило его.

— Въ этотъ моментъ ко мнѣ воротилась вся моя ненависть и, не знаю откуда, сила оттолкнуть и прогнать его, грозя поднять весь домъ и позвать на помощь. Клянусь, этотъ человѣкъ никогда болѣе не приблизится ни ко мнѣ, ни къ своему ребенку!

— Вамъ законъ даетъ на это право; но относительно ребенка?..

— До его десяти лѣтъ остается еще три мѣсяца... Если его колѣно все еще будетъ болѣть, я надѣюсь получить отъ суда отсрочку, если же онъ, напротивъ, выздоровѣетъ или въ случаѣ, еслибъ отецъ прибѣгнулъ къ помощи своего Мальвиля, я возьму моего мальчика и спрячусь съ нимъ на концѣ свѣта.

Долгое, тревожное молчаніе послѣдовало за этими угрозами бѣгства и разлуки. Казалось, мысли ихъ съ тоской утопали въ пространствѣ.

— Право, почему бы не развестись окончательно? вдругъ проговорилъ Фаганъ, какъ бы думая вслухъ.—Послѣ перваго рѣшенія въ вашу пользу, ничего нѣтъ легче, какъ...

— Да какое въ томъ преимущество?..

Онъ весь поблѣднѣлъ.

— Возможность вторично выйти замужъ и найти въ человѣкѣ полюбившемъ васъ законнаго защитника для васъ и Мориса...

— Выйти замужъ!.. О! мнѣ кажется, что относительно замужества опытъ мой уже сдѣланъ... да къ тому же всѣ родные мои, вѣрующіе католики; моя дорогая мать называла разводъ святотатствомъ и я сама, воспитанная въ такихъ понятіяхъ... Но, кстати о разводѣ, быстро прервала она себя,— видѣли вы вашу жену? Совсѣмъ забыла спросить васъ объ этомъ.

— Да, я видѣлъ ее.

— И безъ волненія?

— Безъ малѣйшаго; бывшая любовница, случайно встрѣченная на поворотѣ улицы...

— Вотъ что разводъ сдѣлалъ изъ брака, прошептала Полина, вся порозовѣвъ при мысли, что свиданіе съ женой не доставило удовольствія Режису.—Но увѣрены ли вы, что не произвели

на нее впечатлѣнія? продолжала она,—настаиваетъ ли она попрежнему на своихъ новыхъ проектахъ?

— Болѣе чѣмъ когда-либо. Только теперь, когда я увѣренъ, что дочери мои не выѣдутъ изъ Парижа, я право въ восхищеніи отъ этого брака, который дѣлаетъ невозможнымъ всякое сближеніе между мною и этою женщиной. Видите, насколько положеніе мое лучше вашего. Предположите, что вы разведены, г. Гюлэнъ, женившись вторично, могъ бы устроить себѣ новую семью и, по всѣмъ вѣроятіямъ, оставилъ бы васъ обоихъ въ покоѣ.

— Да, вы правы, тихо сказала она, углубленная въ размышленія,—вы дѣйствительно правы... но я никогда не разведусь, это невозможно, невозможно.

VI.

Уже съ нѣкоторыхъ поръ афиши Водевиля возвѣщали о предстоящемъ представленіи новой піесы де-Фагана. О ней говорилось во всѣхъ театрахъ, кружкахъ и на пріемныхъ дняхъ; въ министерскихъ канцеляріяхъ и бульварныхъ кафэ. Столъ моднаго водевилиста былъ уже заваленъ такимъ несмѣтнымъ количествомъ писемъ съ просьбами билетовъ на первое представленіе, что было бы мало и трехъ залъ, чтобы вмѣстить этихъ даровыхъ зрителей.

Какъ-то утромъ въ одно изъ воскресеній, когда дочери дѣлали ему свой обычный визитъ, онъ, смѣясь, показалъ имъ эту громадную кучу писемъ съ просьбами о входныхъ билетахъ.

— Ахъ да, отецъ, сказала быстро Нина,—мама очень желала бы имѣть ложу на генеральную репетицію.

— Хорошо, сказалъ Фаганъ нахмурившись, какъ это съ нимъ всегда бывало, когда онѣ заговаривали о своей матери.—Хорошо, но съ условіемъ: въ этотъ вечеръ я хочу, чтобы вы были со мной, а не съ ней.

Роза съ ея обыкновеннымъ добродушіемъ хотѣла было сказать „ничего нѣтъ легче“, но взглядъ сестры остановилъ ее. Въ то же время вздернутый носикъ Нинетты возразилъ:

— Но, дорогой отецъ, ты забываешь, что каждую минуту тебя будутъ вызывать на сцену и за кулисы, и намъ придется тогда оставаться однимъ.

— Я и объ этомъ подумалъ, отвѣтилъ Фаганъ.—Мы возьмемъ съ собой г-жу Гюлэнъ.

— Г-жу Гюлэнъ? Ни за что!..

Вскочивъ на ноги, съ искаженнымъ лицомъ, Роза, эта кроткая, хорошенькая Роза, продолжала задыхающимся голосомъ:

— Нѣтъ, ужь это нѣтъ! Не надо и думать объ этомъ...

Ни за что на свѣтѣ не показалась бы она публично съ этою особой...

Отецъ не разсердился. Въ этомъ бурномъ порывѣ узналъ онъ свою кровь, свою расу, весь свой родной островъ и старался лишь удержать невольную улыбку.

— Эта особа, какъ ты называешь ее, мое дорогое дитя, женщина вполнѣ достойная уваженія, и я не знаю, кто и съ какою цѣлью такъ возстановилъ тебя противъ нея. Да, къ тому же, какъ могла ты подумать, ты, моя большая, моя безцѣнная Роза, какъ могла ты подумать, что отецъ вашъ позволитъ вамъ быть въ обществѣ женщины, которая не была бы воплощенною честностью.

Но Роза была непреклонна.

— Все, что ты хочешь, говорила она,—но не это. Я предпочитаю, и сестра моя также, отказаться отъ этой репетиціи, чѣмъ присутствовать на ней съ...

Онъ не далъ ей докончить фразы.

— Отлично, дѣти мои, сказалъ онъ.—Репетиція моя обойдется безъ васъ, и, не имѣя никакой причины приглашать на нее будущую г-жу Ла-Постероль, прошу васъ передать ей, чтобъ она не разсчитывала на ложу.

Онъ особенно былъ сердитъ на мать, догадываясь, что ревность Розы была дѣломъ ея рукъ. И дѣйствительно, г-жа Равò, которую Нина съ точностью увѣдомляла о возраставшей дружбѣ де-Фагана и его сосѣдки, умѣло воспользовалась мельчайшими подробностями ея разсказа съ цѣлью вооружить дѣтей противъ отца и Полины Гюлэнъ.

Такъ какъ по приказанію доктора, маленькій Морисъ все еще долженъ былъ лежать неподвижно въ своей колясочкѣ, то Фаганъ часто каталъ его въ ней съ песчаной площадки, что̀ предъ домомъ, до тѣнистаго круга, подъ большія деревья, или носилъ его на рукахъ, что̀ было подъ силу только одному Фагану. Онъ осторожно бралъ маленькаго страдальца, вытянувшагося во время болѣзни, а бѣдный ребенокъ, въ своей курткѣ изъ вязаной матеріи, съ бѣлымъ воротникомъ, довѣрчиво прислонялъ бѣлокурую, блѣдную головку къ плечу своего большаго друга.

Когда Нина описывала эти интимныя сцены, мать, хорошо знавшая слабыя струнки своихъ дочерей, обращалась къ Mademoiselle, своей вѣчной наперсницѣ, и говорила ей настолько громко, чтобы быть услышанною дочерьми:

— Увидите, онъ усыновитъ этого ребенка и оставитъ моимъ бѣднымъ дѣвочкамъ только то, что̀ нельзя будетъ у нихъ отнять!..

Съ тѣхъ поръ m-lle Ninette, молодая особа, уже очень разсчетливая, возненавидѣла маленькаго Морпса и такъ явно, что бѣдный мальчикъ не смѣлъ не только просить ее играть съ нимъ, но не рѣшался даже взглянуть на то окно, въ которомъ прежде поджидалъ ея появленія. Относительно Розы, вполнѣ равнодушной къ денежнымъ интересамъ, пускались въ ходъ другія уловки. Страстная и въ особенности очень ревнивая, она приходила въ негодованіе при мысли, что посторонняя женщина занимала въ сердцѣ отца ея столько же мѣста, какъ и она сама. Однако, одна вещь нравилась ей въ г-жѣ Гюлэнъ, это—ея религіозность, мѣшавшая ей развестись съ мужемъ, несмотря на то, что семейная жизнь ея была очень несчастна. Пребываніе въ монастырѣ оставило въ сердцѣ и мысляхъ молодой дѣвушки нѣкоторыя религіозныя чувства и понятія, и потому находила такое рѣшеніе похвальнымъ, что̀ и высказывала въ присутствіи матери.

— Ну вотъ, посмѣивалась г-жа Равò и, Mademoiselle, хотя и была Англичанка и протестантка, смѣялась вмѣстѣ съ ней.— Знаемъ мы этихъ святошъ... Ихъ религія воспрещаетъ имъ разводъ, но это все, что̀ она имъ и воспрещаетъ...

И M-lle Роза, какъ истая современная Парижанка, якобы ничего незнающая, понимала отлично значеніе словъ и твердо была убѣждена, что Полина Гюлэнъ любовница ея отца, оттуда и ея негодованіе противъ отца за предложеніе оставаться съ ней въ одной ложѣ.

И вотъ опять воскресенье испорчено!

Одно изъ тѣхъ хорошихъ воскресеній, когда отецъ привозилъ всевозможныя лакомства, отыскивая ихъ во всѣхъ углахъ Парижа; припоминалъ самыя изысканныя меню для ужина и превращалъ столъ въ прекрасный цвѣтникъ, стараясь въ то же время забавить остроумнымъ разговоромъ своихъ милыхъ дѣвочекъ, которыхъ такъ мало суждено ему было видѣть и ближе узнать!..

На этотъ разъ онъ расердился на нихъ не на шутку, и это

небывалое обстоятельство, казалось, подтверждало клевету г-жи Равò. „Сильно же было вліяніе сосѣдки на этого отца, обыкновенно столь уступчиваго!“ думали дѣвушки.

Онъ, со своей стороны, смотрѣлъ на прелестные туалеты, обрамлявшіе сердитыя личики, и припоминалъ всѣ жертвы, сдѣланныя для нихъ, особенно послѣднюю, эту прибавку денегъ, на которую онъ согласился, не подумавъ, не разсчитавъ предварительно.

Въ то же время изъ сада доносился скрипъ колясочки, катившейся по песку, и милый голосъ этой кроткой и совершенной Полины, заботы и несчастія которой ему были извѣстны и противъ которой дѣти его были такъ жестоки.

Въ первый разъ со времени установленія воскресныхъ визитовъ, де-Фаганъ и его дочери не знали, какъ бы имъ скорѣе окончить этотъ день. Наконецъ, раньше условленнаго часа, Антипъ отвезъ Розу и Нину домой.

— Желаете ли, чтобъ я отобѣдалъ съ вами? спросилъ г-жу Гюлэнъ бѣдный отецъ, и когда онъ разсказалъ ей причину своей ссоры съ дѣтьми, вмѣсто благодарности онъ получилъ одни лишь упреки.

— Какъ можете вы сердиться на вашихъ дочерей за то, что онѣ ревнуютъ ваши дружественныя отношенія къ Морису и ко мнѣ?.. Ничего нѣтъ естественнѣе этого, другъ мой... Вопервыхъ, я даже и не поѣду на вашу репетицію. Развѣ возможно мнѣ оставить моего маленькаго больнаго? Какъ ни преданна мнѣ Анна, однако, возможно ли поручить ей ребенка на цѣлый вечеръ? Да и потомъ такъ тяжело у меня на сердцѣ, столько горя впереди! Подумайте, мнѣ чуть ли не приходится желать, чтобы ребенокъ мой остался увѣчнымъ... Это ужасно!.. Но если онъ выздоровѣетъ, отецъ возьметъ его у меня... И вы хотите, чтобъ я ѣхала въ этотъ театръ попробовать разсѣяться? О нѣтъ! возьмите дочерей вашихъ съ вами въ ложу, а возвратившись, приходите сообщить мнѣ, насколько вы остались довольны успѣхомъ вашей піесы. Обѣщаю вамъ ждать васъ здѣсь.

Все, что̀ она говорила, было чистосердечно, исходило изъ глубины ея существа; онъ понималъ это, вѣрилъ ей, а потому и сдѣлалъ по ея совѣту.

Въ день генеральной репетиціи, вечеромъ, когда г-жа Равò, сопровождаемая женихомъ своимъ, Ла-Постеролемъ, и какимъ-то знакомымъ, входила въ одну изъ ложъ авансцены, съ видомъ

женщины, привыкшей къ этимъ торжествамъ, авторъ піесы усаживалъ въ одной изъ ложъ бенуара дочерей своихъ, подъ присмотромъ ихъ неподвижной чопорной Англичанки. Полуосвѣщенный залъ театра имѣлъ какой-то фантастическій видъ. Тамъ и сямъ, въ разныхъ ярусахъ ложъ виднѣлись темныя, шушукающіяся группы критиковъ, почитателей автора, меломановъ, модистокъ, портнихъ и другихъ театральныхъ завсегдатаевъ. Отъ времени до времени въ полуоткрытую дверь развѣвалась розовая лента „ouvreuses“, расхаживавшихъ въ ярко освѣщенныхъ коридорахъ.

— Ну, мнѣ кажется, сойдетъ... шепталъ Фаганъ, высовывая изъ-за сіяющихъ личекъ дочерей свою голову, съ видомъ приговореннаго къ смерти, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и безсмысленнымъ взглядомъ, какъ будто рѣчь шла объ его первой театральной попыткѣ.

— Сойдетъ ли... да ты послушай... отвѣчала Нина, не переставая апплодировать въ концѣ втораго акта, когда всѣ разсѣянныя по залу группы соединились въ шумной всеобщей овація. Въ ясныхъ глазахъ Розы блестѣли слезы, а наверху гжа Равò, освѣщенная свѣтомъ рампы, нисколько не стѣсненная своимъ фальшивымъ положеніемъ, также то апплодировала, то, перегнувшись за балюстраду ложи, шумно обмахивалась вѣеромъ и восклицала съ видомъ знатока: „А! очень хорошо... премило“, то, наконецъ, многозначительно и одобрительно улыбалась въ сторону играющихъ артистовъ, какъ будто она еще была женой автора...

Быть женой автора въ день успѣха и овацій!—вотъ что̀ можетъ разжечь женское тщеславіе!

— Ужь, конечно, ея Ла-Постеролю никогда не доставитъ ей ничего подобнаго, ни ей, ни ея дочерямъ...

Такъ думалъ Режисъ де-Фаганъ, и тріумфъ его былъ бы полонъ, еслибы въ тѣни своего бенуара онъ могъ бы встрѣтить тихую, успокаивающую улыбку Полины Гюлэнъ.

Послѣ третьяго акта, піеса, состоявшая всего изъ четырехъ, шла съ возраставшимъ успѣхомъ. Фаганъ, опьяненный своимъ торжествомъ, которымъ люди никогда не пресыщаются, захотѣлъ дать дочерямъ своимъ полное и незабвенное удовлетвореніе ихъ тщеславію. Одкрывъ дверь ложи, де-Фаганъ принялъ въ присутствіи дочерей знакомыхъ и друзей, просителей, провинціальныхъ директоровъ, иностранныхъ корреспондентовъ, спѣшившихъ перевести новое произведеніе знаменитаго автора и перенести

его на свои отдаленныя сцены. По временамъ появлялись коробки конфетъ и цвѣты для барышень, протягивались руки, изъ коридора слышались поздравленія, и въ то же время Роза и Нина, ошеломленныя отцовскимъ успѣхомъ, принимали, со своей стороны, справедливую дань восторговъ ихъ красотѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, онѣ были такъ хороши, эти дѣвочки, меньшая съ смѣющимися глазами и розоватымъ оттѣнкомъ лица, старшая, съ томнымъ наклономъ головки, съ атласисто-матовою кожей креолки.

— Мои дочери... съ гордостью говорилъ Режисъ.

И при видѣ этихъ двухъ Парижаночекъ, разодѣтыхъ на удивленіе, всѣ эти бульварные франты, журналисты, биржевики съ темпераментомъ игроковъ, говорили съ завистью между собой: При такихъ двухъ фетишахъ кому не повезетъ!

Вдругъ многочисленные почитатели, окружавшіе торжествующаго автора, разступились предъ туалетомъ, бьющимъ на эффектъ; это была г-жа Равò, порывавшаяся впередъ съ протянутою рукой. Пробравшись къ Режису, она товарищески потрясла его руку и сказавъ:

— Мило, дружокъ мой, Фаганъ, очень мило, восхищенно улыбнулась въ сторону дочерей и прошла дальше, оставивъ всѣхъ въ недумѣніи отъ этой, столь странной, столь неожиданной выходки, различно комментируемой въ корридорахъ бенуара. Одни видѣли въ этомъ поступкѣ слѣдствіе необдуманнаго восторга, сильнаго увлеченія искусствомъ, пренебрегавшимъ даже приличіями; другіе, и Режисъ въ ихъ числѣ, тотчасъ же признали въ ней тотъ родъ свѣтскихъ женщинъ, въ погонѣ за рекламой жаждущихъ быть всюду замѣченными, играть во что̀ бы то ни стало роль на всѣхъ празденствахъ.

— Очень мило, дружокъ мой Фаганъ, смѣясь повторялъ онъ, когда, усадивъ дочерей съ гувернанткой въ карету, онъ шелъ пѣшкомъ домой, чтобъ этою длинною прогулкой въ свѣтлую, холодную, земную ночь, успокоить нѣсколько напряженность нервовъ. И онъ невольно вспоминалъ тѣ вечера, когда онъ возвращался домой съ женой послѣ неудавшейся піесы. Какъ она сердилась, какимъ ядовитымъ смѣхомъ бичевала она и автора, и его произведеніе! Какъ презрительно пожимала плечами, если у него оставались еще кое-какія надежды! Затѣмъ, на другое утро, когда приносили газеты, кучи этихъ колкихъ и лживыхъ листовъ, съ какимъ торжествомъ отыскивала она самый скверный изъ нихъ,

чтобы показать ему самыя ѣдкія строки, самые оскорбительные отзывы. О, этотъ „спутникъ жизни!“ Теперь, сколько ни аппло дируй, сколько ни восхищайся, а ея „дружокъ“ Фаганъ въ восторгѣ, что возвращается одинъ, свободный, подъ этимъ звѣзднымъ небомъ и съ мыслью, что ex-супруга внѣ себя отъ злости, при видѣ его безспорнаго, небывалаго и много обѣщающаго успѣха.

VII.

Спустя нѣсколько недѣль послѣ представленія въ Водевилѣ, когда имя автора еще красовалось на афишахъ, а портретъ его выставленъ былъ въ витринахъ, газеты возвѣстили о торжественномъ бракосочетаніи maître des requêtes [1] при государственномъ совѣтѣ г-на Ла-Постероля съ г-жею Равò. Два министра были свадебными свидѣтелями жениха; со стороны невѣсты—два академика, изъ которыхъ одинъ послужилъ уже свидѣтелемъ при ея первомъ бракѣ, лѣтъ восемнадцать тому назадъ. Изобиліе хорошенькихъ женщинъ и красивыхъ туалетовъ. Послѣ церемоніи молодые принимали у себя дома въ улицѣ Лафитъ.

— Кромѣ шутокъ, говорила г-жа Гюлэнъ своему жильцу, сидѣвшему у нея въ тотъ вечеръ,—то, что произошло сегодня, такъ-таки нисколько васъ не затронуло?

Онъ поклялся ей, что нѣтъ.

— А! какъ хотѣлъ бы я, чтобы вы тоже были свободны!.. прибавилъ онъ, нѣжно взглянувъ на нее.—Конечно, я лишенъ моихъ дочерей, но надѣюсь, что г-жа Ла-Постероль будетъ относиться съ меньшею строгостью къ рѣшенію суда, чѣмъ то дѣлала бывшая г-жа Равò, и, вы увидите, дѣти мои будутъ посѣщать меня чаще прежняго... Разводъ, увѣряю васъ, разводъ, вотъ единственный исходъ. Но г-жа Гюлэнъ отрицательно качала головой съ печальною улыбкой, доказывавшею, что убѣжденіе ея непоколебимо.

Какъ бы то ни было, предположенія Режиса насчетъ учащенія визитовъ дочерей его оправдывались. Роза и Нина стали чаще прибѣгать на бульваръ Босежуръ, не довольствуясь своими двумя воскресными посѣщеніями. То старшая сестра, то младшая, гуляя съ Mademoiselle, неожиданно являлись къ отцу и располагались у него часа на два, и хотя Роза и продолжала дуться

[1] Докладчикъ.

на сосѣлей, за то Нинетта сама заявляла теперь желаніе спуститься внизъ, чтобы побѣгать въ саду съ маленькимъ Морисомъ, который начиналъ ходить безъ костылей.

— Странно, говорилъ этотъ простакъ Антипъ старой служанкѣ нижняго этажа,—странно, но никто не выбьетъ мнѣ изъ головы, что прежняя барыня моего барина подсылаетъ дочерей шпіонить за нимъ и вашею хозяйкой.

И дѣйствительно, чтобы замѣтить это, не требовалось большой проницательности. Но Режисъ де-Фаганъ, этотъ тонкій наблюдатель человѣческаго сердца, столь вѣрно схватывавшій разнородныя явленія общественной жизни, подобно многимъ своимъ собратамъ, вкладывалъ всю свою эту наблюдательность, все свое знаніе человѣческаго сердца въ свои художественныя творенія, оставаясь мало опытнымъ, почти безоружнымъ въ своихъ столкновеніяхъ повседневной, дѣйствительной жизни. Поэтому онъ не замѣчалъ и надзора, учрежденнаго надъ нимъ и Полиной Гюлэнъ, надъ свойствомъ и послѣдствіями ихъ отношеній и цѣль котораго ему вскорѣ стала извѣстна.

Однажды утромъ, принимаясь рано за работу, къ нему вошла Нинетта съ туго завязанною вуалеткой, изъ-подъ которой выглядывали ея хитрые глаза и покраснѣвшій отъ зимняго холода вздернутый носикъ; одна изъ ея рукъ была засунута въ карманъ жакетки, въ другой она держала зонтикъ, которымъ размахивала по сторонамъ. Во всей ея особѣ было что-то рѣшительное и хитрое, что̀ старило ее и увеличивало сходство съ матерью. Окинувъ быстрымъ взглядомъ кабинетъ и убѣдившись, что они были одни, она начала:

— Намъ предстоитъ большая непріятность, дорогой отецъ. Вообрази, что кузенъ,—онѣ оставили это эпитетъ за Ла-Постеролемъ—назначенъ префектомъ въ Корсику.

— И онъ принимаетъ назначеніе? воскликнулъ Фаганъ, который однимъ сильнымъ толчкомъ своихъ длинныхъ ногъ отбросилъ кресло на два метра отъ стола.

Маленькая шляпка съ перьями наклонилась въ знакъ согласія.

— И ваша мать допустила это? Вѣроятно, она забыла наши условія!..

Нужно было видѣть съ какимъ достоинствомъ, съ какимъ серьезнымъ видомъ отвѣчала Нинетта!

— Наша мать должна была пожертвовать собой для будущ-

ности своего мужа... Хотя Аяччіо префектура второстепенная, однако, ради кузена, она возвышена въ перворазрядныя.

Въ его года это прекрасное положеніе.

Она право была достойна кисти художника! Сидя на кончикѣ низкаго кресла и водя зонтикомъ по узорамъ ковра, она изрѣдка и вскользь бросала взглядъ на отца, дабы лучше судить объ эффектѣ своихъ словъ. Онъ понялъ, что ее послали къ нему, вмѣсто старшей сестры, слишкомъ добродушной и прямой, потому что отъ него желали добиться, вѣроятно, чего-нибудь очень важнаго, и вдругъ, при видѣ этой хитрой маленькой кумушки, гнѣвъ вспыхнулъ въ немъ, какъ будто онъ находился въ присутствіи своей прежней жены.

— Пусть г-жа Ла-Постероль слѣдуетъ за своимъ мужемъ на край свѣта, мнѣ все равно!.. Но мнѣ обѣщали и клялись, что дочери мои не выѣдутъ изъ Парижа... Этого никогда отъ меня не добьются, никогда.

И онъ подтвердилъ свои слова грознымъ ударомъ кулака по письменному столу,—дѣйствіе выражающее чаще всего слабохарактерность и неустойчивость. Но M-lle Ninette очень спокойно замѣтила ему, что мать ея была далека отъ мысли увезти ихъ съ собой, что она, напротивъ, предупредила ихъ, ее и ея сестру, что онѣ попрежнему будутъ помѣщены въ монастырѣ, откуда и будутъ ѣздить къ нему черезъ воскресенье.

— Только видишь ли ты, мой дорогой папа, при этомъ морганіе и быстрый взглядъ исподтишка,—намъ очень грустно обѣимъ покинуть маму, и мы пришли просить тебя, оставить ей одну изъ насъ, Розу или меня, кого ты пожелаешь, тѣмъ болѣе, что кузенъ недолго пробудетъ въ Аяччіо... министръ обѣщалъ ему...

И маленькій голосокъ ея, какъ крикъ жаворонка, подымался выше, дѣлаясь все громче и громче, быстрѣй и быстрѣй, такъ что закрывъ глаза, Режисъ могъ вообразить себя въ обществѣ бывшей г-жи де-Фаганъ, лѣтъ десять тому назадъ, когда, разсуждая съ ней, онъ заранѣе чувствовалъ себя побѣжденнымъ этимъ забрасываніемъ словъ и неустаннымъ упрямствомъ жены.

— Я увижу! Я объ этомъ подумаю! сказалъ онъ, вставая.

— Дѣло въ томъ, что вѣдь время не терпитъ; не позднѣе трехъ дней назначеніе кузена должно появиться въ правительственномъ органѣ.

— Въ такомъ случаѣ, дитя мое, сказалъ онъ,— ты и сестра твоя, вы получите отвѣтъ мой завтра утромъ.

VIII.

Ла-Постероль, поселившійся въ Корсикѣ три мѣсяца тому назадъ, слылъ за лучшаго префекта, когда-либо посланнаго въ Аяччіо республиканскимъ правительствомъ. Онъ былъ обязанъ этимъ лестнымъ отзывомъ нестолько своимъ административнымъ качествамъ, сколько очаровательному тріо Парижанокъ,—женѣ и его двумъ падчерицамъ, жившимъ вмѣстѣ съ нимъ въ домѣ префектуры. Любезныя улыбки этихъ дамъ, постоянно выходившихъ и выѣзжавшихъ вмѣстѣ, пѣшкомъ, въ экипажѣ, верхомъ, ихъ безукоризненные туалеты,—все это окончательно обворожило городъ. Во время этихъ прогулокъ, хорошенькія, черноглазыя сигарщицы, съ яркими платочками на головахъ, сбѣгались съ „большой улицы“ посмотрѣть на нихъ, провожая ихъ восхищенными взглядами и восклицаніями. Эти жители юга такъ сильно чувствуютъ красоту! Кромѣ того, префектъ дѣлалъ большіе пріемы, и его субботніе вечера, которымъ придавало еще болѣе блеску присутствіе стоявшей на якорѣ эскадры, эти безпрерывныя празднества не только одушевляли общество Аяччіо и жителей сосѣднихъ городовъ, съѣзжавшихся къ префекту, но оживляли также и гостиницы, наполняя ихъ пріѣзжими, доставляя работу портнихамъ и цвѣточницамъ, словомъ, весь островъ былъ необыкновенно оживленъ и жители его съ признательностью произносили имя Ла-Постеролей...

Однажды, въ прекрасный субботній зимній вечеръ, одинъ изъ тѣхъ чудныхъ корсиканскихъ вечеровъ, напоминающихъ по мягкости и теплотѣ воздуха наши майскіе вечера во Франціи, когда въ саду префектуры стали зажигать разноцвѣтные фонари и флотская музыка приготовлялась играть, для обычныхъ танцевъ на пескѣ, среди благоухающихъ апельсинныхъ деревьевъ, Роза, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, въ своемъ бѣломъ бальномъ платьѣ, бѣгала туда-сюда, разыскивая г-жу Ла-Постероль. Наконецъ, она нашла ее въ маленькомъ салонѣ, съ гостями, доканчивавшими послѣобѣденный кофе. Она позвала дрожащимъ движеніемъ руки.

— Прочти это, сказала она, подавая ей распечатанное письмо.

При первомъ только видѣ почерка, по декольтированной атласистой шеѣ г-жи префекторши пробѣжала дрожь.

— Оно только-что пришло? спросила мать шепотомъ, читая письмо.

— Сію минуту... его принесъ лакей изъ гостиницы... онъ на дворѣ ждетъ отвѣта.

Совершенно спокойная съ виду, опахиваясь вѣеромъ, мать все продолжала читать, хотя записка была не изъ длинныхъ. Вотъ все, что̀ было въ ней сказано:

„Жду дочерей моихъ въ гостиницѣ Франція, на Алмазной площади, чтобы повидать и поцѣловать ихъ. Если не позже какъ черезъ полчаса дѣтей здѣсь не будетъ, я самъ явлюсь за ними въ префектуру.

„Режисъ де-Фаганъ.“

Безпомощное „что̀ дѣлать?“ сорвалось съ карминовыхъ губъ префекторши.

— Бѣдный папа! прошептала въ то же время Роза.

— Ну, и жалѣй его! сказала мать тономъ исполненнымъ такой злобы и ненависти, что Ла-Постероль, выходившій изъ маленькаго салона на встрѣчу подъѣхавшему адмиралу, остановился какъ вкопаный. Онъ прочелъ записку изъ-за плеча жены, сохраняя при этомъ администраторское спокойствіе, выдавая свое волненіе лишь чуть замѣтнымъ нервнымъ движеніемъ длинныхъ, блѣдныхъ пальцевъ гладившихъ бакенбарды.

— Пусть Mademoiselle отведетъ ихъ скорѣй и безъ шума, скомандовалъ онъ въ полголоса.—Относительно того, что̀ онѣ должны сказать, вы такъ же хорошо это знаете какъ и я: присутствіе г. де-Фагана въ Аяччіо дѣлаетъ наше положеніе невыносимымъ.

Едва успѣлъ онъ кончить, какъ на крыльцѣ сада блеснули золотые галуны и шитая золотомъ фуражка.

— А! адмиралъ... любезно привѣтствовалъ его Ла-Постероль и его ораторскій голосъ съ интонаціей свѣтскаго человѣка былъ заглушенъ звуками духовыхъ инструментовъ музыки военнаго корабля *Redoutable*, заигравшей *Марсельезу*.

Вскорѣ начался балъ, и въ то время какъ звуки вальса, вылетавшіе изъ ярко освѣщенныхъ салоновъ, терялись въ душистыхъ аллеяхъ сада, барышни де-Фаганъ, накинувъ темныя шубки на открытыя бальныя платья, украдкой пробрались со своею Англичанкой, вдоль стѣнъ высокихъ темныхъ зданій, на площадь Алмаза. Въ тотъ вечеръ, освѣщенная ослѣпительнымъ свѣтомъ луны, отражавшейся въ колыхающемся вдали морѣ, разсы-

наясь по поверхности его мріадами алмазныхъ блестокъ, площадь эта вполнѣ оправдывала свое названіе.

Въ этомъ волшебномъ освѣщеніи рѣзко выдѣлялся черный силуэтъ человѣка, яростно ходившаго взадъ и впередъ по асфальту пустынной площади

Какимъ образомъ Режисъ де-Фаганъ рѣшился отпустить своихъ дочерей? И почему обѣихъ, тогда какъ у него просили только одну. Это случилось вслѣдствіе совѣта г-жи Гюлэнъ, послѣ визита Нинетты.

— Предположите, говорила она,—что одна изъ вашихъ дочерей останется въ монастырѣ, какъ вамъ это и предлагаютъ; вдали отъ сестры и матери, съ единственнымъ развлеченіемъ видѣть васъ черезъ воскресенье: дочь ваша будетъ считать себя жертвой, а васъ своимъ палачомъ. Нѣтъ, ужь если эта женщина, несмотря на всѣ свои обѣщанія, оставляетъ Парижъ, увозя съ собою или Розу или Нину,—оставьте лучше ей обѣихъ. Будьте отцомъ, страдающимъ вдали отъ дѣтей своихъ, пользуйтесь выгодами разлуки, миражемъ дали, отдаленія. Привязанность дѣтей вашихъ отъ этого только увеличится, а г-жа Ла-Постероль, еще сохранившая красоту, да притомъ и кокетка, замужемъ за человѣкомъ моложе ея, быть-можетъ первая попроситъ васъ избавить ее отъ дочерей, а эти, со своей стороны, не преминутъ сказать вамъ: „Бери насъ поскорѣй обратно“.

Такимъ образомъ дѣвочки уѣхали, обѣщая писать отцу разъ въ недѣлю. Въ началѣ письма приходили аккуратно, нѣжныя, полныя тѣхъ изліяній, которыя издали такъ мало стóятъ, въ письмахъ этихъ заключалась также подробная хроника праздниствъ, въ которыхъ онѣ принимали участіе, говорилось о прибытіи эскадры, о визитахъ *Redoutable*. Эти письма были цѣлыя произведенія словесности, которыя счастливый отецъ возилъ по всему Парижу, показывая ихъ въ своемъ клубѣ и въ фойе театровъ. Затѣмъ Нинетта стала писать одна, Роза сопутствовала своему отчиму въ одной изъ его ревизіонныхъ поѣздокъ по острову; на слѣдующей недѣлѣ письма вовсе не послѣдовало; вмѣсто него пришла депеша съ извѣстіемъ, что Нина вывихнула себѣ ногу при осмотрѣ броненосца. Еще мѣсяцъ—ни депеши, ни письма, только короткая записка отъ Mademoiselle, въ которой говорилось, что Нина дѣлала маленькое путешествіе въ Сардинію, а Роза схватила лихорадку. Въ концѣ концовъ отецъ разсердился и погрозилъ пріѣхать, въ случаѣ если ему немедленно не напи-

шутъ; а такъ какъ ему не отвѣтили, онъ теперь былъ тамъ, дрожа отъ гнѣва, размахивая сжатыми кулаками и строя проекты примѣрной мести, если ровно въ десять часовъ дочери его не пришли бы...

— Добрый вечеръ, дорогой отецъ...

— А! мои дѣтки, какъ я радъ!..

И бѣдный отецъ принялъ дѣтей своихъ съ распростертыми объятіями, прижимая ихъ къ сердцу и лицу, влажному отъ слезъ... Его Нинетта, его Роза! онѣ были съ нимъ, онъ держалъ ихъ, прижимая къ груди...

Къ чему теперь жалобы и упреки?.. У нихъ были такія убѣдительныя причины.

— Еслибы ты зналъ...

— Ты не вообразишь себѣ...

— Спроси Розу...

— Нина можетъ сказать тебѣ...

Забравъ каждая по рукѣ и сжавъ его съ двухъ сторонъ, онѣ увели его вонъ изъ города, на широкую безлюдную площадку, окаймленную съ одной стороны моремъ, съ другой — садами виллъ и фамильными памятниками, бѣлѣвшими на темномъ склонѣ холмовъ, а за ними слышались тяжелые, мужскіе шаги Mademoiselle, державшейся на разстояніи позволявшемъ ей не проронить ни слова изъ разговора отца съ дѣтьми.

Теперь уже Нина нѣжно бранитъ его за сдѣланную неосторожность, за этотъ внезапный пріѣздъ... Какой скандалъ, когда въ городѣ узнаютъ о присутствіи перваго мужа г-жи префекторши!..

— Подумай, папочка, въ какое положеніе ты ставишь маму...

Голосъ Нинетты—ей еще не исполнилось пятнадцати лѣтъ—такъ авторитетно звучитъ, рука ея съ такою силой нажимаетъ руку „папочки“, что этотъ послѣдній начинаетъ въ самомъ дѣлѣ чувствовать себя виновнымъ.

— А для насъ, для моей сестры и меня, продолжаетъ плутовка, дѣлаясь смѣлѣе по мѣрѣ того, какъ она замѣчаетъ, что слабѣетъ отецъ,—какое невозможное положеніе!.. Никто здѣсь, или почти никто не знаетъ правды, маму считаютъ вдовой, а насъ сиротами.

Де-Фаганъ началъ было протестовать.

Эта манера вычеркивать его изъ живыхъ оскорбляетъ, язвитъ его...

Но у Нинетты на все есть отвѣтъ.

— Ты понимаешь, въ этой странѣ жителямъ непзвѣстны наши театральныя знаменитости... здѣсь такъ во всемъ отстали... Ты не можешь себѣ представить, какъ смотрятъ здѣсь на разводъ!.. Этого было бы достаточно, чтобы разстроить свадьбу Розы...

На этотъ разъ отецъ не выдержалъ. Какъ! Роза выходитъ замужъ, а онъ ничего объ этомъ не знаетъ?.. Но, нѣжно опершись на руку отца, старшая дочка живо успокоиваетъ его. Она вѣдь еще не замужемъ! Одинъ господинъ, нѣкто Ремори, помощникъ прокурора въ Бастіи, ухаживаетъ за ней. Онъ сынъ президента парижскаго суда; нельзя желать лучшей семьи... Этотъ бракъ желателенъ Ла-Постеролю, въ особенности оттого, что по всѣмъ вѣроятіямъ это положило бы прекращеніе враждебнымъ отношеніямъ Бастіи и Аяччіо,—магистратуры и администраціи. Однако ничего еще не рѣшено, и г. Ремори, отецъ, живущій въ Парижѣ, долженъ былъ вскорѣ оффиціально просить ея руки у де-Фагана, если этотъ скандалъ — присутствіе его въ Корсикѣ — не повлечетъ за собой громкаго разрыва.

— Но не будетъ никакого скандала, говоритъ отецъ, тронутый смущеніемъ своей большой Розы.—Неужели онъ уже настолько завладѣлъ твоимъ сердцемъ, этотъ прокуроръ?..

И такъ какъ вмѣсто отвѣта Роза, казалось, готова была заплакать, онъ сталъ утѣшать ее, усадивъ на большой камень на краю дороги, усѣвшись возлѣ нея. Нина съ другой стороны его и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ Mademoiselle, на часахъ освѣщенная луннымъ свѣтомъ.

— Послушайте, мои дорогія, заговорилъ онъ, нѣжно держа въ своихъ рукахъ маленькія ручки дочерей,—сознаюсь, поступокъ мой неосторожепъ. Но все это легко поправимо. Въ гостиницѣ Франція меня не знаютъ, имя мое еще непзвѣстно, я могу замѣнить его другимъ, остаться здѣсь дней пять, шесть, не показываясь никуда, съ условіемъ, что каждый вечеръ вы будете приходить сюда и мы будемъ дѣлать вмѣстѣ таинственную прогулку, подъ присмотромъ Mademoiselle, какъ вотъ теперь.

— Но что же ты будешь дѣлать днемъ? сказала Роза, тронутая этою глубокою привязанностью безъ тѣни эгоизма.—Еще еслибъ я могла запереться съ тобой.

— Ты не подумала сестра? живо прервала ее Нинетта.—Возможно ли, чтобы насъ видѣли входящими въ гостиницу, насъ такъ хорошо всѣ знаютъ здѣсь!

— Нѣтъ, нѣтъ, дѣти мои, не безпокойтесь о томъ, что я буду дѣлать днемъ. Я постараюсь чѣмъ-нибудь заняться, отправлюсь на рыбную ловлю въ открытое море, вмѣстѣ съ рыбаками. Я всѣмъ буду доволенъ, только чтобы вечеръ мнѣ провести съ мои дѣвочками, бесѣдовать съ ними предъ этимъ волшебнымъ горизонтомъ... Здѣсь такъ прекрасно чувствуешь себя, такъ хорошо... а! мои безцѣнныя...

И въ самомъ дѣлѣ, подобный вечеръ щедро вознаграждалъ его за долгіе мѣсяцы тоски и одиночества. Нинетта сидѣла у него на колѣняхъ, Роза около, опершись на его плечо, предъ ними серебристое, безпредѣльное море разстилалось вдоль береговъ и ласкало ихъ своими тяжелыми пѣнящимися волнами. Въ открытомъ морѣ мерцалъ маякъ Кровожадныхъ островковъ, [1] вспыхивая то зеленымъ, то краснымъ огонькомъ; прозрачныя мелкія тѣни душистыхъ апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ трепетали подъ теплымъ дыханіемъ ночнаго вѣтерка и паденіе спѣлыхъ фруктовъ, срывавшихся съ вѣтвей, заставляло вздрагивать собесѣдниковъ.

— Слышите... какъ будто кто-то ходитъ... тамъ... нѣтъ вонъ тамъ... И всѣ трое принимались смѣяться, ближе и крѣпче прижимаясь другъ къ другу.

IX.

Записавшись подъ выдуманнымъ именемъ въ гостиницѣ Франція, отецъ провелъ весь слѣдующій день въ своей комнатѣ и вышелъ изъ нея только съ тѣмъ, чтобы взять ванну. Въ дверяхъ этого заведенія, не отличавшагося многочисленными посѣтителями, какъ то бываетъ въ большинствѣ южныхъ городовъ, онъ столкнулся съ молодымъ щеголемъ, вооруженнымъ свѣтлымъ шелковымъ зонтикомъ, держа на сворѣ почти безшорстую собаку, величиной съ крысу.

— Чортъ возьми! да это де-Фаганъ!.. Э! какъ поживаешь, моя кочерыга, моя знаменитая старина! Встрѣтиться здѣсь!.. ну, ужъ диковина!... Celle-là est d'un caviar!..

Де-Фаганъ, принужденный прятаться и стѣсненный подобнымъ пріемомъ, поспѣшилъ увести подальше этого молодаго болтуна, одного изъ членовъ-корреспондентовъ парижскаго клуба „Hannetons“ и который

[1] *Les Sanguinaires.*

игралъ однажды второстепенную роль въ одной изъ сценъ де-Фагана, дававшейся въ помѣщеніи клуба. Отсюда и эти короткія отношенія, эти „моя кочерга“, „моя знаменитая старина“, которые вдали отъ бульварнаго „argot“ показались Режису жалко-смѣшными.

— Прошу васъ, баронъ, отецъ молодаго Рушуза былъ баронъ, и сынъ заимствовалъ у него охотно и титулъ и многое другое,— я здѣсь подъ строжайшимъ инкогнито и вы очень обяжете меня.

— Молчаніе и скромность, старый дружище. А! такъ вотъ оно что̀... соображаю... Г-жа Ла-Постероль... значитъ дѣвицы, живущія въ префектурѣ... Поздравляю васъ дрожайшій... ваши дочери настоящія сирены... и еслибы пиковая дама не общипала меня дочиста, я посватался бы за младшую... Положимъ, оно немного зелено, но я обожаю недоспѣлые фрукты...

О, какимъ невыразимымъ взглядомъ окинулъ отецъ этого коренастаго, толстогубаго баронета, съ желтымъ, рыбьяго жира, цвѣтомъ лица и манерами англійскаго кучера, въ огненно-красномъ галстукѣ, изъ котораго выглядывала огромныхъ размѣровъ булавка, изображавшая громадную свиную голову!

„Это мужъ для Нинетты!“ Однако, нуждаясь въ скромности этого джентльмена, Фаганъ подавилъ свое негодованіе и освѣдомился только, для чего онъ пріѣхалъ въ Корсику?

— Чтобъ отдохнуть на лонѣ природы, любезный... послѣ того, какъ меня очистили на „grands prix“. Мой старикъ отправилъ меня снова надсматривать надъ лѣсами и водами, заброшенными мною по смерти мамаши; и вотъ я здѣсь, въ этой разбойничей странѣ, чуть ли не на вѣчныя времена, со ста франками мѣсячныхъ, которые отваливаетъ мнѣ казна, съ тѣмъ, впрочемъ, что̀ удается мнѣ раздобыть по вечерамъ въ клубѣ здѣшнихъ голяковъ и, право, у нихъ легко разживешься... Къ счастію, у меня остались брилліанты старушки, да потомъ я привезъ съ собой Фирмена, бывшаго клубнаго егеря, а онъ такъ тароватъ на выдумки, что уже никакъ не уморитъ голодомъ своего хозяина. Приходите же какъ-нибудь на дняхъ позавтракать съ нами, вонъ тамъ, видите эту большую бараку?..

И онъ указалъ кончикомъ своего зонтика на высокій домъ въ итальянскомъ вкусѣ, съ остроконечною крышей, на самомъ концѣ гавани.

— Пять комнатъ во второмъ этажѣ, продолжалъ онъ,—съ потолками вышиной съ колонну Вандомъ. Къ услугамъ моимъ уже

названный Фирменъ и кухарка Серафима, прелестная жена какого-то погонщика лошаковъ въ Иль-Руссѣ; она слыветъ за лучшую пѣвунью въ Аяччіо. Между нами... тутъ голосъ барона понизился и съ отвратительнѣйшимъ, пошлымъ видомъ онъ разсказалъ, что надѣется вскорѣ пріобрѣсти благосклонность Серафимы, которая разрѣшила ему сопроводить ее въ баню, гдѣ счастливый ея хозяинъ и поджидалъ ее.

..„Излишне говорить вамъ, что я буду держаться подальше отъ этого субъекта“, писалъ, возвратясь въ гостиницу, де-Фаганъ милой г-жѣ Гюлэнъ, которой онъ сообщалъ подробности о своемъ путешествіи. Но какъ ошибался онъ! Заточенный въ душной комнатѣ, по желанію дочерей своихъ, или скорѣе по волѣ ихъ матери, требовавшей, чтобъ онъ никогда не показывался днемъ, непроходимая скука и гнетущая тоска скоро овладѣли имъ, застилая мысли густымъ туманомъ и лишая возможности и думать и работать. Вставалъ онъ поздно; съ открытою книгой садился онъ къ окну, карауля въ щель притворенныхъ ставень входящіе въ гавань пароходы и неаполитанскія парусныя лодки, разсѣкавшія воздухъ своими бѣлыми крыльями; наконецъ, послѣ тощихъ завтрака и обѣда, пропущенныхъ безъ аппетита, въ девять часовъ вечера, де-Фаганъ отправлялся на обычное мѣсто, гдѣ онъ встрѣчался съ дочерьми. И потому, когда дня черезъ три послѣ его встрѣчи съ Рушузомъ, молодой баронетъ явился къ нему съ новенькою игрой картъ въ карманѣ и любезно предложилъ ему партію, въ двадцать франковъ ставку, де-Фаганъ, одержавшій въ молодости не одну побѣду на зеленомъ полѣ, ради скуки, принялся за игру...

Сдѣлать триста льё, переправиться черезъ море, жить на этомъ прекрасномъ, живописномъ, благоухающемъ островѣ и сидѣть въ душной комнатѣ, съ закрытыми ставнями, за нескончаемою карточною игрой съ баронетомъ Рушузомъ, будучи Режисомъ де-Фаганомъ, знаменитымъ драматическимъ писателемъ театровъ Français и Vaudeville—положеніе хоть куда!

Къ шести часамъ являлся Фирменъ въ черномъ съ головы до ногъ, чистый, опрятный, со стаканомъ вишни для барина,

который, выпивъ воду и ставя стаканъ на подносъ, неизмѣнно говорилъ своему величественному лакею, многозначительно потирая большой палецъ объ указательный:

— Одолжи... нѣсколько золотыхъ...

Бѣднаго барона неудача такъ и преслѣдовала, но онъ утѣшался тѣмъ, что терпѣлъ пораженія отъ руки знаменитаго писателя, что̀ было не малою честью, а затѣмъ разсчитывалъ отыграться въ баккара, въ его клубѣ голяковъ.

Но за то вечеромъ, гуляя подъ руку со своими дочерьми, при этой волшебной декораціи, которою онъ не могъ налюбоваться, де-Фаганъ забывалъ всю пошлость проведеннаго дня. Всегда первый на мѣстѣ свиданія, онъ усаживался гдѣ-нибудь за скалой у берега моря, прислушиваясь къ шуму приближающихся мелкихъ шаговъ, къ подавленнымъ взрывамъ смѣха и веселой болтовнѣ своихъ дѣвочекъ въ восхищеніи отъ этихъ таинственныхъ, романическихъ встрѣчъ.

— Настоящее любовное свиданіе, шептала Нинетта.

— Значитъ одинъ влюбленный на двухъ? отвѣчала Роза.

— Даже на трехъ... съ нами еще Mademoiselle.

Вдругъ показывался отецъ; подымались сдержанные крики ужаса, потомъ долгіе поцѣлуи и начиналась болтовня въ полголоса, разсказы о проведенномъ днѣ, о визитахъ, о костюмахъ, которые шились къ предстоящему костюмированному балу, назначенному въ префектурѣ въ послѣдній день карнавала. Нинетта наряжалась инфантой изъ Веласкеца, съ прямыми свѣтлыми, атласными юпками; Роза должна была изобразить благородную Венеціянку, съ волосами выкрашенными въ яркій рыжій цвѣтъ.

— А я такъ и не увижу васъ, ворчалъ бѣдный Фаганъ, рѣшившійся пуститься въ обратный путь черезъ недѣлю, какъ разъ въ послѣдній день карнавала. — Мнѣ право хочется отложить поѣздку и отправиться со слѣдующимъ пароходомъ.

Онъ проговорилъ это нерѣшительно, отъѣздъ его уже былъ разъ отложенъ. Но Нинетта, всегда вооруженная материнскимъ приказомъ и наставленіями, незамѣтно отклонила его отъ этого проекта. Къ чему эта отсрочка? Вѣдь онъ не могъ присутствовать на балу, онѣ также не должны были входить въ его комнату въ костюмахъ.

— Да и потомъ, не сегодня—завтра, могутъ узнать, что ты здѣсь, и это надѣлаетъ намъ много хлопотъ и непріятностей, продолжала Нинетта, стараясь окончательно склонить его къ

отъѣзду.—Ты долженъ уѣхать, папочка, вѣдь на дняхъ президентъ Реморп явится просить у тебя руку твоей дочери и вѣдь не Антинъ же...

— Хорошо, хорошо, я уѣду, заговорилъ отецъ и рѣзкій голосъ его смягчился, когда онъ почувствовалъ на рукѣ своей прикосновеніе свѣжихъ губокъ Розы, безмолвно благодарившей его.

„О! да она любила его безъ притворства и гримасъ, думалъ отецъ;—Нина тоже любила его, но вѣдь она все еще находилась во власти матери и этой невозмутимой Англичанки, этой отчаянной салютистки, смотрѣвшей съ пренебреженіемъ на него съ перваго дня своего появленія въ ихъ семействѣ, какъ на скептика, работавшаго на погибель душъ, развращавшаго сердце своими театральными произведеніями.

Но на нѣжность его Розы не подѣйствовалъ ни этотъ душеспасительный ядъ, ни клевета матери, ничто не поколебало ея привязанности къ отцу; онъ чувствовалъ, что она его навсегда, и въ сердцѣ его былъ уголокъ, принадлежавшій ей одной, были вещи, которыя онъ берегъ для нея одной.

Однажды вечеромъ, когда Нина и гувернантка были далеко отъ нихъ, онъ попробовалъ заговорить съ Розой о г-жѣ Гюлэнъ, объ ихъ тѣсной, благородной дружбѣ.

— Ты плохо поняла ее, дочь моя, увидишь, когда-нибудь ты лучше узнаешь ее...

Роза слушала его молча, устремивъ глаза вдаль, какъ бы поглощенная созерцаніемъ разноцвѣтныхъ огоньковъ, мерцавшихъ на верхушкѣ маяка.

— Знаешь, еслибъ она была вдовой, какъ я это думалъ прежде, — я вѣроятно женился бы на ней... Это огорчило бы тебя?..

— О да! прошептала молодая дѣвушка, сдерживая свой порывъ.

— Почему же?

— Потому что, чувствовать другую, новую женщину между отцомъ моимъ и мной, другую, чѣмъ мама...

— Однако, твоя мать вышла же замужъ... и у васъ, около нея, есть другой мужчина, не твой отецъ...

— О, это совсѣмъ не то... или, по крайней мѣрѣ, я не чувствую того же...

Фаганъ улыбнулся полусердито.

— Значитъ мать твоя имѣла право выйти замужъ, а я не

долженъ жениться? Ты обрекаешь меня на вдовью жизнь, на одиночество, между тѣмъ сама выходишь замужъ, затѣмъ сестра твоя... У всѣхъ васъ будетъ свой очагъ, исключая меня... Вотъ чисто женское сужденіе...

Роза прижалась къ нему.

— Что жь дѣлать? Я ревнива... Эта г-жа Гюлэнъ... я возненавидѣла ее съ перваго же дня... О! я возненавидѣла ее, какъ твою... какъ твоего друга. Подумай, что бы было, еслибъ она сдѣлалась твоею женой!

Онъ хотѣлъ было отвѣтить ей, но подошла Нинетта, и они заговорили о другомъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Альфонсъ Додэ.

Посланіе къ Лонгинову о Дарвинизмѣ.[1]

Я врагъ всѣхъ такъ-называемыхъ вопросовъ.

N. N.

Если у тебя есть фонтанъ заткни его.

Козьма Прутковъ.

Правда-ль это, что я слышу?
Молвятъ òвамо и семо,
Огорчаетъ очень Мишу
Будто Дарвина система.

Полно, Миша, ты не сѣтуй:
Безъ хвоста.....
Такъ тебѣ обиды нѣту
Въ томъ, что̀ было до Потопа.

Всходъ наукъ не въ нашей власти,
Мы ихъ зерна только сѣемъ,
И Коперникъ вѣдь отчасти
Разошелся съ Моисеемъ.

Ты жь еврейское преданье
Съ видомъ нянюшки лелѣя,
Ты-бъ ужь долженъ въ засѣданьи
Запретить и Галилея.

[1] Посланіе это написано было по поводу слуха о запрещеніи у насъ сочиненій Дарвина. М. Н. Лонгиновъ отвѣчалъ также стихотвореніемъ, оканчивающимся слѣдующею строфой:

Виновенъ предъ тобою
Я безо всякихъ винъ,
Досель не тронутъ мною
Былъ господинъ Дарвинъ.

Ред.

Если-жь ты допустишь здраво,
Что вольны въ наукѣ мнѣнья,
Твой контроль съ какого права
Былъ-ли ты при сотвореньи?

Какъ и что творилъ Создатель,
Что считалъ онъ болѣ кстати,—
Знать не можетъ предсѣдатель
Комитета о печати.

Почему-бъ не понемногу
Введены во бытіе мы?
Иль не хочешь-ли ужь Богу
Ты предписывать пріемы?

Ограничивать такъ смѣло
Всесторонность Божьей власти,
Вѣдь такое, Миша, дѣло
Пахнетъ ересью отчасти.

Вѣдь подобные примѣры
Подавать не осторожно,
И тебя за скудость вѣры
Въ Соловки сослать-бы можно.

Да и въ прошломъ нѣтъ причины
Намъ искать большаго ранга,
И по мнѣ шматина глины
Не знатнѣй Орангъ-утанга.

Но на мигъ, положимъ, даже
Дарвинъ глупость поретъ просто,—
Вѣдь твое гонянье гаже
Всякихъ глупостей разъ во сто.

Нигилистовъ что-ли знамя
Видишь ты въ его системѣ?
Но, святая сила съ нами,
Что̀ межь Дарвиномъ и тѣми?

Грязны, неучи, безстыдны,
Самомнительны и ѣдки,
Эти люди, очевидно,
Наровятъ въ свои-же предки

Въ нихъ не знамя, а прямое
Подтвержденье дарвинизма
И сквозятъ въ ихъ дикомъ строѣ
Всѣ симптомы атавизма.

А что въ Дарвина идеи
Оба пола разубраны,
Это бармы архіерея
Вздѣли тѣ же обезьяны.

Чѣмъ же Дарвинъ тутъ виновенъ?
Вѣрь мнѣ, гнѣвъ въ себѣ утиша,
Изъ-за взбалмошныхъ поповенъ
Не гони его ты, Миша.

И еще тебѣ одно я
Здѣсь прибавлю, многочтимый,
Не китайскою стѣною
Отъ людей отдѣлены мы.

Съ Ломоносовымъ наука,
Положивъ у насъ зачатокъ,
Проникаетъ къ намъ безъ стука
Мимо всѣхъ твоихъ рогатокъ,

Льетъ на міръ потоки свѣта
И слѣдя, какъ въ тьмѣ лазурной
Ходятъ Божіи планеты
Безъ инструкціи цензурной,

Кажетъ намъ, какъ та же сила,
Все въ иную плоть одѣта,
Въ область разума вступила,
Не спросясь у комитета.

Брось-же, Миша, устрашенья:
У науки нравъ не робкій,
Не заткнешь ея теченья
Ты своей дрянною пробкой.

Гр. А. Толстой.

ХРИСТІАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ И РИМСКІЙ ЗАКОНЪ.

(Въ теченіе двухъ первыхъ вѣковъ). [1]

Для предстоящей бесѣды избралъ я предметъ не изъ области моей непосредственной спеціальности, но изъ другой, всѣмъ намъ равно близкой и важной для всѣхъ: изъ исторіи нашей религіи. Христіанская церковь и грозный Римъ, стоящіе въ рѣзкомъ противоположеніи, гоненія и страданія христіанъ, ихъ смерть за вѣру, мученики, сожигаемые на кострахъ, предаваемые на растерзаніе дикимъ звѣрямъ, всѣ эти образы близки и знакомы намъ съ дѣтскихъ лѣтъ; съ нихъ начинается для большинства изъ насъ знакомство съ прошлыми судьбами человѣчества, это наши первые уроки исторіи...

Въ этой знакомой всѣмъ намъ, непосредственно важной и близкой для всѣхъ насъ области, неустанно и непрерывно работаетъ пытливая мысль человѣческая въ заботѣ уяснить истину, раздѣлить между событіемъ и вымысломъ, понять и представить фактъ въ его подлинной дѣйствительности. Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій нашего вѣка ученая литература по этимъ вопросамъ непрерывно возрастаетъ въ количествѣ, углубляясь въ смыслѣ изощренія методовъ изслѣдованія, обогащаясь и въ самыхъ способахъ привлеченія новаго матеріала. Раскопки въ развалинахъ римскихъ катакомбъ, критическое изученіе житій святыхъ и мучениковъ, всесторонній разборъ историческихъ свидѣ-

[1] Публичная лекція, читанная въ Университетѣ Св. Владиміра 8 декабря, 1891 года.

тельствъ, удачныя открытія новыхъ письменныхъ памятниковъ, лучшее и болѣе глубокое уразумѣніе политическаго и общественнаго строя того государства, въ нѣдрахъ котораго развивалось христіанство,—все это вмѣстѣ взятое даетъ жизнь, энергію, силу и бодрость ученой работѣ сотенъ людей. Не одни частные факты и детали измѣняютъ свой видъ въ этой совокупной работѣ многихъ и многихъ людей разныхъ національностей и разныхъ языковъ; въ значительной мѣрѣ измѣняется также и общая постановка вопросовъ, и само цѣлое нашего знанія о томъ далекомъ прошломъ христіанской церкви въ нѣкоторыхъ существенныхъ чертахъ предстаетъ въ иномъ свѣтѣ. Подтвержденіе этому надѣюсь я представить въ изложеніи избраннаго мною для этой лекціи вопроса.

Я имѣю въ виду уяснить вопросъ о такъ-называемыхъ „гоненіяхъ“, ограничивъ его хронологически предѣлами первыхъ двухъ вѣковъ нашей эры. Въ ученой литературѣ нѣтъ единства во взглядахъ по этому вопросу и, слѣдуетъ прибавить, широко распространены, въ особенности у насъ, нѣкоторыя существенныя недоразумѣнія и неточныя представленія. Выясняя вопросъ о „гоненіяхъ“ за указанный періодъ времени, тѣмъ самымъ надѣюсь показать, какъ и почему могло распространяться христіанство въ римскомъ мірѣ подъ охраной общихъ законовъ.

Мое разсмотрѣніе должно по необходимости начаться съ характеристики, въ самыхъ общихъ чертахъ, политическаго строя древняго міра въ пору начала христіанства. Опредѣливъ затѣмъ отношеніе Рима къ религіи того народа, въ нѣдрахъ котораго зародилось христіанство, я постараюсь выяснить тѣ условія римскаго правоваго строя, въ силу которыхъ возможны были съ одной стороны—не только самое существованіе, но и повсемѣстное распространеніе, ростъ и процвѣтаніе христіанства, а съ другой—кровавое преслѣдованіе исповѣдниковъ Христа.

Въ ту пору, когда зачиналось въ мірѣ христіанство, весь бассейнъ Средиземнаго моря составлялъ одну великую державу. Создалъ ее Римъ своимъ оружіемъ. Римская имперія имѣла огромную военную силу, прекрасно организованную и объединенную; она имѣла администрацію, которая тогда еще не сложилась въ точныя и ясныя формы, но тѣмъ не менѣе удовлетворяла своему назначенію; она имѣла идеи, державшія въ единствѣ этотъ римскій міръ. Римъ былъ въ этой державѣ ферментомъ политиче-

скаго единства. Его государственныя идеи и его создававшіяся въ теченіе вѣковъ формы государственнаго строя держали въ единствѣ этотъ міръ; и это единство было крѣпко, хотя ему недоставало того момента, который мы, теперешніе люди, неразрывно соединяемъ съ понятіемъ государства, а именно: народности. Римъ никогда не былъ народомъ въ нашемъ смыслѣ слова, и если онъ приблизился къ этому, то лишь отчасти, и лишь спустя нѣсколько столѣтій.

Понятіе народности замѣнялось другимъ, отвлеченнымъ для той поры и очень широкимъ, а именно: понятіемъ принадлежности къ римской государственной общинѣ, званіемъ римскаго гражданина, civis Romanus. Многообразные пути открыты были для пріобщенія къ римской civitas: дарованіе этого званія императоромъ цѣлымъ общинамъ свободныхъ людей, цѣлымъ городскимъ республикамъ и даже племенамъ во всемъ составѣ ихъ свободнаго населенія, сообщеніе его отдѣльнымъ лицамъ и рядомъ съ этимъ—пріобрѣтеніе его путемъ освобожденія на волю изъ рабства, совершеннаго любымъ римскимъ гражданиномъ, въ издавна узаконенныхъ и опредѣленныхъ формахъ. По римскимъ представленіямъ, это обширное, разсѣянное по всему лицу имперіи гражданство и составляло *государство*. Болѣе многочисленное населеніе, въ средѣ котораго жило это государство, пребывало, по идеѣ, во власти этого государства. Съ теченіемъ времени эти отношенія должны были вмѣстѣ съ процессомъ административнаго объединенія имперіи, раскрытіемъ и устраненіемъ идеи самодержавія римскаго императора превратиться въ понятія сословій, но то было дѣло будущаго.

Если въ нашихъ современныхъ воззрѣніяхъ государство и религія суть понятія вполнѣ точно и ясно различаемыя и въ современной намъ дѣйствительности дѣлаются попытки совершенно обособить эти два факта, то въ древнемъ мірѣ было это совершенно иначе. Религія была по существу тождественна съ государствомъ. Она была его выраженіемъ въ иной сферѣ понятій. У Римлянъ религіозныя понятія были нерасторжимо связаны и переплетены съ понятіями политическаго порядка. Достаточно указать на учрежденіе *auspicia*, на неотдѣлимость римской организаціи государственной власти отъ этого религіознаго принципа. Но, по самымъ основнымъ чертамъ римскаго народнаго духа, римская религія имѣла мертвый характеръ. Искони выражалась она внѣшнимъ образомъ во множествѣ точно и ясно

опредѣленныхъ формъ, культовъ, обычаевъ и обрядностей; она застыла въ нихъ, и самая внѣшность стала ея сущностью. Теоретической догмы и своего вѣроученія не имѣлъ древній Римъ. Ни число боговъ не было ограничено, ни самые образы ихъ не были опредѣлены. Въ догмѣ не сознавалось потребности. Когда же въ нѣкоторыхъ умахъ она просыпалась, то ее удовлетворяла философія. Не имѣя въ запасѣ народнаго сознанія своей миѳологіи, Римляне, въ пору воздѣйствія на нихъ греческой образованности, позволили своимъ богамъ слиться съ греческими. Знакомясь позднѣе съ богами другихъ народовъ, они свободно отождествляли чужихъ боговъ со своими. Государство крѣпко держалось за исконную религію; но, по самой ея сущности, съ вѣрностью ей могъ мириться самый широкій синкретизмъ. Двери римскаго Олимпа были широко открыты; въ права сената, какъ они осуществлялись въ жизни, входило признаніе новыхъ боговъ и установленіе въ честь ихъ новыхъ религіозныхъ церемоній и обрядовъ. Боги всѣхъ народовъ могли мирно уживаться съ римскими и смѣшиваться съ ними въ общіе образы. Когда, еще во II вѣкѣ до Р. Х., въ Римъ стали проникать религіи съ рѣзко выраженнымъ національнымъ характеромъ, какова, напримѣръ, египетская, то въ началѣ какъ бы чувствуется сознаніе диспаратности этого новаго пришельца: сенатъ повелѣлъ разрушить храмъ Изиды въ Римѣ; [1] но прошло немного времени, и уже въ началѣ имперіи и эта религія съ ея оргіастическимъ началомъ распространяется и уживается въ Римѣ. Если и существуетъ идея, что для римскаго гражданина обязательна и вѣра въ римскихъ боговъ, то ею нисколько не исключается возможность почитанія со стороны даннаго гражданина даннаго новаго бога. Преслѣдованій за вѣру не знаетъ Римъ за все существованіе республики.

Религіозность, въ нашемъ смыслѣ этого слова, была совершенно чужда просвѣщенному и правящему классу римскаго общества въ послѣдній вѣкъ республики и въ началѣ имперіи. Религія была *учрежденіемъ*, неразрывно связаннымъ съ государственными формами быта; но какъ такая, она исчерпывалась исполненіемъ установленныхъ обрядовъ. Нарушеніе обряда или неуваженіе къ нему—такова была сущность понятія преступленія противъ религіи. Дѣйствія подобнаго рода могли повлечь за

[1] Valer. Max. 2, 3, 4.

собою преслѣдованіе: но для этого не было ни особаго трибунала, ни особой формы процесса, ни особаго спеціальнаго органа власти для возбужденія самаго преслѣдованія. Въ высшей степени характерно для выясненія римскихъ воззрѣній въ этой сферѣ то, что въ языкѣ латинскомъ нѣтъ особаго общаго термина для обозначенія преступленія противъ религіи. Позднѣйшіе Римляне, христіанскіе писатели, постарались дать значеніе таковаго слову sacrilegium; но въ римскомъ правѣ слово это постоянно имѣетъ простой и узкій смыслъ, а именно: воровство, совершенное въ храмѣ или вообще относящееся къ священному предмету. [1] Если не было слова, то не было, значитъ, и самаго понятія.

Императору Тиберію принадлежитъ знаменитое слово: deorum iniuriae dis curae. [2]

При такомъ характерѣ религіи и религіозныхъ воззрѣній и установленій римскаго государства совершенно понятно полное равнодушіе государственной власти къ религіямъ народовъ, подвластныхъ имперіи. Никакой органъ государственной власти въ центрѣ имперіи не проявлялъ заботы и вниманія къ вопросу объ этихъ религіяхъ, подчиненныхъ римской власти племенъ и народовъ. Религіи эти не исключали римской, какъ не исключала ихъ римская религія. Безразличіе государственной власти къ этому вопросу давало возможность сливаться и смѣшиваться всѣмъ этимъ религіямъ съ римскою, объединяться и отождествляться съ римскими всѣмъ этимъ богамъ. Религіи эти не требовали о себѣ заботы государства и не призывали вообще къ себѣ его вниманія. Если же случалось, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ выяснялись съ теченіемъ времени для Рима противныя римскому религіозному сознанію формы культа, каковы, напримѣръ, человѣческія жертвоприношенія у Галловъ и въ Африкѣ; то государство путемъ запретовъ и угрозой казни полагало предѣлъ подобнымъ дурнымъ обычаямъ. [3] То была мѣра административная, и самая религія здѣсь не при чемъ, ее, какъ такую, не подвергали никакому преслѣдованію или запрету. Не по вѣротерпимости поступало такъ римское государство, ибо ему чуждо было самое это понятіе, какъ чуждо было и понятіе преслѣдованія

[1] Dig. 48, 13, 11, 1 (Paulus).

[2] Tac. Ann. I, 73.

[3] Въ Галліи—Plin. n. h. 30, 1, 13. Suet. Claud. 25. Въ Африкѣ—Tertull. Apolog. 9.

за вѣру. Оно лишь искореняло дурной обычай, или карало ослушника. Такъ и Тиберій распялъ на крестѣ жрецовъ Изиды въ Римѣ, приказалъ разорить ея храмъ и бросить въ Тибръ ея статую;—но эта кара вызвана была преступленіемъ, совершеннымъ въ храмѣ подъ покровомъ религіи. [1]

То же самое свободное равнодушіе къ религіозному вопросу проявилъ Римъ и по отношенію къ той національной религіи, которая одна въ древнемъ мірѣ отличалась самымъ кореннымъ образомъ отъ всѣхъ прочихъ, имѣла совершенно другую природу, совершенно особый характеръ. Разумѣю Іудеевъ и ихъ „Законъ“.

Іегова, какъ истинный Богъ, исключалъ собою всѣхъ боговъ другихъ народовъ и другихъ племенъ. Онъ, въ сознаніи Іудеевъ, единый истинный Богъ, создатель міра и царь его. Никакихъ культовъ, кромѣ культа себѣ, Онъ не допускалъ, ни съ однимъ другимъ онъ не могъ соединиться и слиться воедино, ибо они предъ Нимъ не существовали.

Это исключительное и исключающее единобожіе Іудеевъ и вытекавшее изъ него ихъ отношеніе ко всѣмъ другимъ народамъ создало и опредѣлило исторію этого племени въ судьбахъ міра. Іегова связалъ свой народъ завѣтомъ, завѣтъ создалъ „законъ“, и законъ этотъ опредѣлилъ всѣ стороны жизни людей избраннаго народа. Связанные этимъ „закономъ“ Іудеи представляли теократію какъ во времена судей, такъ и царей изъ рода Давидова, какъ въ эпоху плѣна вавилонскаго, такъ и при Маккавеяхъ. Теократіей оставались они и въ ту пору, когда силой судьбы вошли они въ составъ римской державы. Широко разсѣяны были они въ ту пору по всему греческому и эллинизованному Востоку. Пребывая вѣрны закону и въ своемъ разсѣяніи, черезъ него были они и въ разсѣяніи едины со своимъ центромъ, населеніемъ Палестины. Они признавали единый храмъ Іеговы, и изо всѣхъ концовъ своего разсѣянія ежегодно высылали обязательные для всякаго Іудея взносы на храмъ, оставаясь въ крѣпкомъ единствѣ сознанія своей особности отъ окружающаго ихъ міра.

Римъ узналъ Іудеевъ, какъ особый народъ и царство, въ эпоху Маккавеевъ. Начавшіяся тогда сношенія Іудеевъ съ Римомъ,

[1] Ioseph. Antiq. 18, 3, 4.

какъ двухъ государствъ, превратились подъ вліяніемъ разныхъ причинъ въ другія: Іудея вошла въ предѣлы римской державы. Произошло это еще до появленія христіанства. Организована была она сначала, какъ зависимое царство, выражаясь гордымъ словомъ Тацита [1]: „Древнимъ и обычнымъ искони было у Римлянъ имѣть и царей орудіями порабощенія". Но вскорѣ, а именно въ 6 г. по Р. Х., страна превращена была въ провинцію. Въ ея столицѣ пребывалъ прокураторъ римскаго императора, окруженный военною силой. На его обязанности было блюсти политическіе и финансовые интересы государства. Религіи Іудеевъ и религіозныхъ установленій, какія застала римская власть, не коснулась она. Можно даже утверждать, что первосвященникъ и синедріонъ іерусалимскій получили теперь болѣе свободный и широкій просторъ въ своихъ дѣйствіяхъ, чѣмъ какъ то было при національныхъ царяхъ. Римъ сдѣлалъ еще больше: государственная власть обезпечила свободу іудейства во всѣхъ предѣлахъ израильскаго „разсѣянія".

Въ бурныя десятилѣтія разложенія республики и установленія новой организаціи римской державы Іудеи сумѣли стать на сторону сильнѣйшаго, и побѣдитель римской республики, Юлій Цезарь, властно отблагодарилъ ихъ за это. Онъ обезпечилъ за ними свободу ихъ не только въ родной странѣ, но и повсюду въ городахъ греческаго Востока, гдѣ туземное населеніе часто неблагосклонно относилось къ ихъ обособленности и исключительности, гдѣ часто подвергали сомнѣнію ихъ право субботы, гдѣ требовали отъ нихъ исполненія обязанностей, несовмѣстныхъ съ ихъ установленіями и религіозными предписаніями. До насъ сохранился цѣлый рядъ указовъ Цезаря и вызванныхъ имъ сенатскихъ распоряженій, въ силу которыхъ Іудеямъ предоставлено было право невозбранно жить по своимъ обычаямъ въ средѣ греческихъ политій всего Востока, а равно и въ Римѣ [2]. Римская государственная власть признала несовмѣстимость военной службы съ іудейскимъ „закономъ", и не только Іудеи-туземцы, но и жившіе въ „разсѣяніи" — были освобождены отъ зачисленія въ отряды имперской арміи. Эта льгота простерта была даже на тѣхъ Іудеевъ, которые проникли въ среду римскаго гражданства [3].

---

[1] Tac. Agr. 14.

[2] Ioseph. Antiq. 14, 10.

[3] Ib. § 12—16.

Когда произошла великая катастрофа, и въ страшномъ кровопролитіи сокрушено было іудейское царство, разрушенъ и самый Іерусалимъ и въ груду развалинъ превращенъ единый храмъ единаго Бога, Іудеи исчезли съ лица земли, какъ политическое понятіе. Нѣтъ государства — нѣтъ болѣе и народа. Масса іудейскаго населенія какъ въ Палестинѣ, такъ и во всѣхъ общинахъ разсѣянія, превратились съ точки зрѣнія римскаго закона въ peregrini dediticii, то-есть nullius certae civitatis cives [1]. Въ средѣ этихъ „бывшихъ Іудеевъ“, какъ названы они въ одномъ оффиціальномъ документѣ города Смирны [2], былъ элементъ, успѣвшій разными путями выйти изъ среды своего народа достиженіемъ права римскаго гражданства, какъ непосредственно отъ римской власти, такъ и вслѣдствіе включенія въ число гражданъ отдѣльныхъ городовъ Востока. Открытъ былъ этотъ путь и на будущее время, и прибавимъ, для тѣхъ именно изъ массы Іудеевъ, которые въ этотъ грозный часъ гибели царства попали въ самое худшее положеніе, то-есть проданы были въ рабство. А такихъ было, по всему вѣроятію, десятки тысячъ. Достиженіе освобожденія на волю открывало имъ дверь въ римское гражданство. Но эти исключенія для насъ въ данномъ случаѣ безразличны. Общее же положеніе массы Іудеевъ было, съ точки зрѣнія римскаго закона, самое тяжкое и вполнѣ безправное. Они были пришельцами и чужими вездѣ, гдѣ бъ они ни жили на всемъ просторѣ имперіи. Римскій законъ предоставилъ ихъ самимъ себѣ, и они сумѣли устроиться повсюду на тѣхъ самыхъ условіяхъ своего теократическаго строя, какой они знали искони. Повергнувъ страшному истребленію Іудею, Римъ не провозглашалъ истребленія Іудеевъ въ имперіи. Тотъ самый императоръ, при которомъ Іудея и Іуден перестали быть политическимъ понятіемъ, создалъ ту форму, которая позволяла этой массѣ „бывшихъ Іудеевъ“ остаться Іудеями и въ тогдашнемъ настоящемъ. Установлено было, чтобъ Іуден вносили въ пользу храма Юпитера на Капитоліи тотъ налогъ въ двѣ драхмы съ каждаго, который они прежде платили на храмъ въ Іерусалимѣ. Взиманіе этого налога простиралось на всѣхъ Іудеевъ по всей имперіи [3]. Уплата его обезпечивала право соблюдать іудейскій законъ и

[1] *Gaius. Instit.* I, 14; Ulpianus 20, 14.

[2] Corpus Inscr. Graec. 3148.

[3] Cassius Dio 66, 7, 2. Ioseph. bell. Jud. 7, 6, 6.

дозволяла вмѣстѣ съ тѣмъ уклоняться отъ несенія тѣхъ обязанностей населенія разныхъ городовъ имперіи, которыя находились въ противорѣчіи съ „закономъ“. Взысканіе налога было дѣломъ администраціи. Держащіеся закона обязаны были сами заявлять свои имена (profiteri) полиціи [1]. Назывался онъ fiscus iudaicus. Такимъ образомъ создана была возможность невозбраннаго и повсемѣстнаго, закономъ терпимаго, существованія общинъ іудейскихъ, которыя черезъ свои синедріоны слѣдили за своими сочленами въ дѣлахъ религіи.

„Разсѣяніе“ представляло теперь совершенно новый и единичный фактъ въ жизни Римской имперіи. То были—говоря нашимъ языкомъ — люди безъ рода и племени, живущіе повсюду лишь въ положеніи пришлаго элемента, изъятые въ силу особности своихъ религіозныхъ вѣрованій и обычаевъ отъ дѣйствія общихъ законовъ. Іудеи были какъ бы особымъ сословіемъ среди населенія имперіи. Обложеніе ихъ религіи уплатой дидрахмы было оффиціальнымъ ея признаніемъ, она тѣмъ самымъ была изъята отъ преслѣдованія и узаконена. Признаніе свободы за іудейскою вѣрой возвело эту религію въ положеніе religionis licitae, какъ называетъ іудейство Тертулліанъ [2]. Перевести этотъ терминъ будетъ однако правильнѣе—терпимая религія, нежели позволенная, ибо она была дозволена *для Іудеевъ*, и только для нихъ. Ненависть и вражда, съ которыми относилось къ Іудеямъ населеніе восточныхъ греческихъ городовъ, высокомѣрное презрѣніе, которое проявляли къ нимъ Римляне въ столицѣ имперіи, считались достаточною гарантіей противъ прозелитизма іудейства, хотя и не были таковою на дѣлѣ [3]. Во II вѣкѣ, когда до представителей власти доведены были, вѣроятно, случаи совращенія въ іудейство, появились и карательные на этотъ счетъ законы. Обрѣзаніе язычника подведено было подъ понятіе кастраціи и подлежало суду палаты вѣдавшей убійства [4].

Іудейская религія была разрѣшена лишь для Іудеевъ, и тѣмъ самымъ должна была остаться національною. И такая свобода дана была той религіи, на которую Римляне I и начала II вѣка смотрѣли не только съ презрѣніемъ, но и съ самымъ жесто-

---

[1] Suet. Domit. 12.

[2] Tertull. Apolog. c. 21.

[3] Дѣянія Апостольскія, passim.

[4] Dig. 48, 8, 11, 1 (Modestinus). Paulus, Sentent. V, 22, 3.

кимъ осужденіемъ. Позволю себѣ привести сужденіе и замѣчанія о законѣ Іеговы одного изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего вѣка, глубокомысленнаго историка Тацита. Іудейское вѣроученіе есть по Тациту superstitio и отрицаніе religionis. Основныя черты этого „суевѣрія“ онъ обозначаетъ такъ: вѣра въ единаго Бога, вышняго, вѣчнаго, недопускающаго никакихъ изображеній себѣ; твердая вѣра въ загробную жизнь, особенно для павшихъ въ бою. Законъ и обычаи Іудеевъ, которые въ цѣломъ Тацитъ характеризуетъ словами: безсмысленный и грязный, предстаютъ у него въ такихъ чертахъ: Іудеи не общаются съ другими народами ни въ бракѣ, ни въ пищѣ. Установленіе празднованія субботы и юбилейнаго седьмаго года объясняетъ Тацитъ лѣностью этого племени. Іудеи, по его словамъ, питаютъ ненависть ко всѣмъ другимъ племенамъ и народамъ. Они упрямы, настойчивы, они жалостливы только къ своимъ единовѣрцамъ и держатся крѣпко другъ за друга. Ихъ вѣроученіе чуждо всякаго веселаго и жизнерадостнаго настроенія. Первое, чему они научаютъ обращающихся въ ихъ вѣру, это — презирать боговъ, отрекаться отъ отечества, ненавидѣть всѣхъ другихъ людей.— Установленный Моисеемъ законъ, замѣчаетъ Тацитъ, дѣлаетъ „чуждымъ всякой святости все то, что̀ священно для Римлянъ (nos) и наоборотъ разрѣшеннымъ и дозволеннымъ все то, что̀ у Римлянъ слыветъ нечестивымъ“ [1].

Такъ судилъ объ Іудеяхъ и ихъ вѣроученіи Тацитъ, гуманный и просвѣщенный, который видѣлъ и зналъ Іудеевъ непосредственно въ Римѣ, который собиралъ въ разныхъ литературныхъ источникахъ свѣдѣнія о нихъ для подробнаго повѣствованія о разрушеніи Іерусалима въ своемъ историческомъ трудѣ.

Въ согласіи съ изложенными здѣсь воззрѣніями и свѣдѣніями Тацита стоитъ слѣдующій весьма важный фактъ, имѣющій отношеніе и къ христіанству: переходъ въ іудейство римскаго гражданина разсматривался какъ атеизмъ, безбожіе [2]. Такое воззрѣніе вполнѣ понятно и логично, ибо Іегова исключалъ собою всѣхъ другихъ боговъ и отрицалъ за ними всякое бытіе. А для тѣхъ, для кого онъ самъ не существовалъ, его исповѣдникъ долженъ былъ казаться ничѣмъ инымъ, какъ безбожникомъ.

И въ отношеніи къ этому „безбожному суевѣрію“, по римскимъ

[1] Tac. Hist. V, 4; 5.

[2] Cassius Dio 67, 14, 2.

воззрѣніямъ, къ этой противоположности всякой религіи римская государственная власть отнеслась съ такимъ величавымъ небреженіемъ. За ежегодную плату двухъ драхмъ съ человѣка дозволила она невозбранное его существованіе на всемъ пространствѣ своего владычества, положивъ лишь одно ограниченіе: запретъ распространять его за предѣлы племени, къ нему приверженнаго. Подъ охраной римской полиціи въ самомъ Римѣ свободно совершалось іудейское богослуженіе въ дни субботніе, и нарушеніе отправленія этого богослуженія могло повлечь за собою тяжкую кару виновнаго. Будущій папа римскій, Каллистъ, былъ за такое дѣло подвергнутъ наказанію розгами и сосланъ главой римской полиціи въ каторжныя работы въ рудникахъ Сардиніи [1]. Представителю римской власти были безразличны мотивы и цѣли виновнаго: въ его глазахъ—то былъ нарушитель общественнаго порядка и благочинія.

Относясь съ такимъ высокомѣрнымъ презрѣніемъ къ іудейству и взирая на него съ такимъ осужденіемъ, римская государственная власть пошла дальше простой терпимости: въ уваженіе къ религіи, она взяла тѣхъ, кто исповѣдовалъ ее по наслѣдію отъ отцовъ, отъ разныхъ общественныхъ обязанностей и первой изъ нихъ защиты государства, въ средѣ котораго они жили и порядками котораго пользовались, освободила ихъ отъ службы въ рядахъ арміи. [2]

Позднѣе государственная власть допустила и возстановленіе особаго іудейскаго патріарха, наслѣдника древнихъ первосвященниковъ. Уже отъ начала III вѣка есть у насъ свѣдѣнія объ его существованіи въ Палестинѣ. По-гречески называется онъ древнимъ титуломъ ἐθνάρχης, то-есть начальникъ племени. [3] Допущено было, такимъ образомъ, вновь возникновеніе организованной **теократіи.**

Такъ, подъ покровомъ дидрахмы, сохранялось іудейство въ имперіи на всемъ ея пространствѣ, и какъ особое не преслѣдуемое государствомъ вѣроученіе, и какъ особое племя. Такими пережили Іудеи имперію, такими вступили они въ новый міръ, когда на развалинахъ единой державы зародились новыя государства.

---

[1] Hippolytus, Refectatio omnium haeresium IX. 12.

[2] Слѣдуетъ замѣтить, что въ Римской имперіи въ теченіе первыхъ вѣковъ служба военная есть не только повинность, но и право. Иначе это было въ IV вѣкѣ.

[3] *Origenis epistula ad Africanum*, с. 14.

Подъ покровомъ іудейства вошло въ міръ христіанство. Въ нѣдрахъ Іудейскаго народа оно зародилось. Осуществленіемъ іудейской идеи о пришествіи Мессіи оно началось. Какъ Іудей былъ судимъ и преданъ на казнь Іисусъ Христосъ. Въ глубокомъ единеніи съ идеями іудейства начало свою жизнь христіанство. Къ Іудеямъ была прежде всего обращена и проповѣдь апостоловъ. Въ іудейскихъ синагогахъ Малой Азіи, Ѳракіи, Македоніи, Эллады и Рима раздавалась проповѣдь и того апостола, которому суждено было вынести идеи христіанства изъ этого ограниченія національностью, того апостола, которому принадлежатъ слова „нѣсть Эллинъ, ни Іудей; нѣсть рабъ, ни свободь; нѣсть мужескій полъ, ни женскій; вси бо вы едино есте о Христѣ Іисусѣ“. [1]

Не безъ протеста въ средѣ апостоловъ и насажденной ими первой церкви Христовой въ Іерусалимѣ обошлось это распространеніе благовѣстія на всю вселенную. Но возникшій раздоръ прекращенъ, Петръ соединился съ Павломъ, и будущее было тѣмъ рѣшено. Христіанство предстало, какъ универсальная міровая религія, какъ проповѣдь объ единомъ, истинномъ, дотолѣ однимъ Іудеямъ вѣдомомъ, Богѣ, Творцѣ и Вседержителѣ, Богѣ-Отцѣ, призвавшемъ чрезъ Своего Сына, единороднаго и превѣчнаго, все человѣчество къ общенію, въ единствѣ вѣры, надежды и любви, въ союзѣ благодати...

Но такое расширеніе идеала оказалось недоступно Іудейскому народу. Оно встрѣтило сильный и рѣзкій отпоръ въ самое первое время; оно побудило затѣмъ Іудеевъ еще болѣе замкнуться въ своей особности и исключительности. Въ іудейской общинѣ Рима, куда еще задолго до прибытія апостола Павла, проникло новое ученіе, вышли изъ-за этого препирательства, раздоры и возмущеніе. На этомъ именно моментѣ римская государственная власть впервые, уже внѣ Палестины, была привлечена къ участію въ сужденіи о новомъ фактѣ міровой исторіи, и она проявила себя какъ внѣшняя сила государственнаго порядка и общественнаго благоустройства. Свидѣтельство объ этомъ событіи сохранено намъ римскимъ писателемъ, чуждымъ всякихъ тенденцій, простымъ и объективнымъ, какого не было другаго— разумѣю Светонія. Въ біографіи императора Клавдія есть у него замѣтки такого содержанія: „(Клавдій) изгналъ изъ Рима Іудеевъ

[1] Посланіе къ Галатамъ, 3, 28.

которые непрерывно волновались по наущеніямъ нѣкоего Хреста". [1] Принимая въ соображеніе большую вообще точность сообщеній Свѣтонія, мы имѣемъ полное основаніе отнестись съ довѣріемъ къ его сообщенію, что причиной изгнанія Іудеевъ было волненіе въ ихъ средѣ. Для римскаго правительства были совершенно безразличны раздоры и споры въ нѣдрахъ синагоги. Оно и не вмѣшалось въ это ихъ частное дѣло. Также точно смотрѣли на споры въ средѣ Іудеевъ изъ-за христіанства и представители римской власти въ собственной Іудеѣ и другихъ провинціяхъ Рима, какъ знаемъ мы то изъ Дѣяній Апостольскихъ о Галліонѣ, Клавдіи Лисіи, Феликсѣ и Фестѣ. [2] Но такъ какъ здѣсь, въ столицѣ, изъ-за этихъ споровъ страдало общественное благоустройство, то принята была полицейская мѣра изгнанія этого безпокойнаго чужаго элемента изъ столицы міра. Іудея въ ту пору была еще государственнымъ цѣлымъ и племенемъ. Эти прибывшіе въ Римъ и водворившіеся здѣсь чужестранцы призвали къ себѣ своими безпорядками вниманіе полиціи; дѣло было доложено императору, и тотъ приказалъ ихъ выгнать. О сущности этихъ споровъ полиція не интересовалась узнать ничего точнѣе, и Свѣтоній занесъ, шестьдесятъ лѣтъ спустя, въ свое повѣствованіе такое неправильное указаніе на причину этихъ безпорядковъ, какъ проповѣдь какого-то человѣка по имени Chrestus, котораго онъ, вѣроятно, представлялъ себѣ однимъ изъ членовъ іудейской общины въ Римѣ.

Но римская полиція не отличалась ни особенною строгостью, ни большою бдительностью, и Іудеи скоро опять оказались въ Римѣ. При Неронѣ, преемникѣ Клавдія, лѣтъ двѣнадцать спустя, были они снова въ Римѣ въ составѣ цѣлой общины, и опять въ тревогѣ и волненіи по тому же вопросу о христіанствѣ въ своей средѣ. Безпорядками, происходившими въ ту пору,—то было время, когда апостолъ Павелъ жилъ въ Римѣ.—воспользовался императоръ въ своихъ цѣляхъ, а именно, чтобы снять съ себя обвиненіе въ поджогѣ Рима. Шесть дней длился этотъ знаменитый пожаръ и превратилъ въ груду развалинъ бо́льшую часть города. Это страшное несчастіе, обездолившее огромное большинство римскаго населенія, самымъ живымъ образомъ волновало умы. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, народная молва

[1] *Suet. Claud.* 25.

[2] *Дѣянія Апостольскія.* XVIII, 15; XXIII, 26; XXV, 24—XXVI.

искала виновниковъ общественнаго несчастія. Повинент въ немъ былъ самъ императоръ, народная молва и называла его. Ему нужно было найти поджигателей, чтобъ ихъ казнью утолить народную ярость и потушить эти толки. Въ средѣ вѣчно тревожнаго іудейскаго населенія, волновавшагося тогда, помимо христіанства, слухами и вѣстями о подготовлявшемся всеобщемъ возстаніи Іудеи, нашелъ императоръ виновныхъ. Какъ и почему оказалась возможность признать поджигателей въ христіанахъ— это намъ неизвѣстно. Но самая возможность была найдена, виновность подтверждена показаніями какихъ-то свидѣтелей; и разъ поджигатели были уличены, то для нихъ придумана была кара, соотвѣтственная преступленію: одни были зашиты въ шкуры дикихъ звѣрей и растерзаны псами, другіе преданы сожженію. Изъ краснорѣчиваго разсказа Тацита,[1] описавшаго это событіе чрезъ пятьдесятъ лѣтъ, ясно, что мнимые виновники были судимы, то-есть производилось о нихъ дознаніе, въ которомъ и выяснена была причина ихъ преступленія. Такою оказалась „ненависть къ роду человѣческому“. Мы можемъ лишь гадать о томъ, какія идеи христіанскаго вѣроученія, выяснившіяся въ этомъ вопросѣ, подали поводъ къ такому заключенію. Быть-можетъ, то было пламенное ожиданіе грядущаго пришествія Мессіи въ его славѣ, вѣра въ близость всеобщаго суда надъ міромъ. Христіане ждали этого событія въ недалекомъ будущемъ, и апостолъ Павелъ предрекалъ его въ такихъ словахъ: „Вси бо не уснемъ, вси бо измѣнимся: вскорѣ, во мгновеніи ока, въ послѣдней трубѣ; вострубитъ бо, и мертвіи возстанутъ нетлѣнни, и мы измѣнимся.“ [2]

Какъ бы то ни было, истины не разыскивали и не раскрывали. Искали виновныхъ въ поджогѣ, чтобы свирѣпою казнью надъ ними утолить народную ярость. Тацитъ сохранилъ свидѣтельство, что многіе изъ очевидцевъ этой казни прониклись жалостью къ страдальцамъ, такъ какъ знали, что не они были истинными виновниками народнаго бѣдствія, что было то преступленіе самого императора, совершавшаго при свѣтѣ этихъ новыхъ факеловъ свой роскошный пиръ...

Такимъ образомъ, первые христіанскіе мученики въ Римѣ пострадали по простой случайности. Не за вѣру привлекли ихъ къ отвѣтственности, не за вѣру ихъ казнили, не ея хотѣли

[1] *Annal.* XV. 40, 44.

[2] *Посланіе къ Коринѳянамъ.* Т. 15, 51—52.

уяснить процессомъ, въ которомъ ихъ допрашивали и осудили. Самая форма казни, которой ихъ подвергли, не была предусмотрѣна никакимъ закономъ и опредѣленіемъ: то былъ чистый произволъ верховной власти. Какъ здѣсь проявилъ его глава государства, такъ повсюду въ предѣлахъ имперіи могли проявлять его представители государственной власти въ подобныхъ случаяхъ.

Немного лѣтъ спустя постигла Іудею страшная катастрофа. Послѣ трехлѣтняго кровопролитія во всей странѣ былъ взятъ Іерусалимъ, политическій и религіозный центръ іудейства, погибла въ пламени и великая народная святыня — единый въ мірѣ храмъ единому Богу. Во время этого кризиса яснѣе сознала христіанская община въ Іерусалимѣ свою особность отъ іудейства и опредѣленно ее выразила, удалившись во время осады въ Пеллу, подъ охрану римской силы.[1] Хотя Іудеи и гнали христіанъ съ самаго начала и преслѣдованіе это было уже запечатлѣно кровью архидіакона Стефана и апостола Якова, но тѣмъ не менѣе христіанская община въ Іерусалимѣ не отдѣляла себя отъ іудейства и тяготѣла къ храму. Уничтоженіе храма, разрушеніе этого центра іудейской религіи, отразилось на высвобожденіи христіанства отъ іудейскихъ идей и идеаловъ. Восторжествовало направленіе, которое представлялъ апостолъ Павелъ въ противоположность настроенію большинства непосредственныхъ учениковъ Христа. Съ этихъ поръ Іудеи и христіане—два чуждые другъ другу міра. Но эта раздѣльность не доходила до вниманія представителей римской власти, какъ можно то заключить изъ данныхъ времени Домиціана.

Въ тѣхъ толпахъ рабовъ и военноплѣнныхъ, которыхъ разрушитель Іерусалима переправилъ въ Римъ и Италію, были Іудеи, были и христіане. Подъ вліяніемъ наплыва іудейскихъ плѣнныхъ, умножилась и упрочилась въ Римѣ іудейская община, а вмѣстѣ и рядомъ съ ней и христіанская церковь. Доказательство силы христіанской пропаганды дано въ томъ, что въ правленіе брата Домиціана и преемника, разрушителя Іерусалима, Тита, христіанство проникло въ самый дворецъ. Ближайшій родственникъ императора, отецъ названныхъ наслѣдниковъ его престола Флавій Клеменсъ и его жена, Домитилла, обвинены были въ отступничествѣ отъ отеческихъ боговъ, атеизмѣ. Обвиненіе было доказано: Клеменсъ казненъ, жена его сослана на островъ Понцію.

[1] Euseb. h. c. III, 5, 4.

мѣсто, куда еще Августъ ссылалъ за проступки матронъ императорскаго дома. Историкъ Кассій Діонъ сообщаетъ кратко объ этомъ событіи въ такихъ словахъ: „оба осуждены за безбожіе“, прибавляя къ тому, что въ ту же самую пору осуждены были и „многіе другіе, склонившіеся къ іудейскимъ обычаямъ“. [1] Діону, писавшему болѣе ста лѣтъ послѣ этого событія, осталась не ясна изъ его источниковъ, или его не интересовала, истина этого событія. Историкъ церкви Евсевій зналъ, что Клеменсъ и его жена пострадали за христіанство. [2] А въ сравнительно недавнее время съ очевидностью было это доказано раскопками въ катакомбахъ Рима. Знаменитому изслѣдователю Росси удалось найти въ катакомбахъ мѣсто погребенія жены Клеменса, Домитиллы. Была ли она возвращена изъ своей ссылки, или туда позднѣе привезенъ былъ ея прахъ, это неизвѣстно. Но во всякомъ случаѣ, если она покоилась въ катакомбахъ, то отсюда слѣдуетъ, что ея тѣло предано погребенію христіанами и по христіанскому обычаю. Итакъ, ея атеизмъ былъ христіанство. Надъ спускомъ къ обширному подземелью было устроено большое и отовсюду замѣтное надземное сооруженіе, какъ то констатировано тѣмъ же Росси. [3]

Если христіане въ самомъ центрѣ имперіи могли вести пропаганду своего ученія, и притомъ въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что она дошла до дворца, если они могли воздвигать торжественныя усыпальницы по своему обряду вблизи отъ городской черты и священнаго померія, то отсюда мы съ полнымъ правомъ можемъ заключить, что они пользовались и въ концѣ перваго вѣка въ Римѣ такою же полною свободой, какъ и въ годы пребыванія тамъ апостола Павла. [4] И при Домиціанѣ, какъ и при Неронѣ, не было „гоненія“ на христіанство. Преслѣдованіе Домиціана было вызвано событіемъ, выходящимъ изъ ряда: совращеніемъ того семейства, въ которомъ росли и воспитывались наслѣдники римскаго трона, въ невѣдомую религію, которую Римляне смѣшивали съ презираемымъ и ненавидимымъ іудействомъ. Событіе подобнаго рода во всѣ вѣка и во всякомъ государствѣ явилось бы дѣломъ чрезвычайнымъ и мѣры, которыя бы оно

[1] Cassius Dio 67, 15.

[2] Euseb. h. c. III, 18.

[3] Rossi. *Existence légale des cimetières chrétiens à Rome. Revue archéologique.* N. S. v. XIII, 1866. pp. 225—244.

[4] *Дѣянія Апостольскія,* XXVIII, 31.

собою вызвало, не входили бы въ среду обычнаго теченія жизни и государства.

Тѣмъ не менѣе должно признать, что въ данномъ случаѣ христіанство стало лицомъ къ лицу съ римскою государственною властью и то обстоятельство, что это событіе произошло въ самой высокой сферѣ по лѣстницѣ общественныхъ отношеній, должно было по необходимости имѣть своимъ послѣдствіемъ выясненіе предъ римскою властью самаго существа дѣла. Съ увѣренностью можно сказать, что еслибы правленіе Домиціана продолжилось и закончилось инымъ образомъ, чѣмъ какъ то было въ дѣйствительности, то римская государственная власть должна бы была вникнуть въ новый вопросъ и дать категорическое его рѣшеніе. Но случилось иначе: Домиціанъ былъ убитъ вслѣдствіе заговора, память его была „осуждена“ оффиціальнымъ постановленіемъ сената, и тѣмъ самымъ признаны недѣйствительными его указы и распоряженія. [1]

Такъ и не дошло дѣло до выясненія вопроса и опредѣленія отношеній закона и власти къ христіанству. Клеменсъ пострадалъ за вѣру, за нее пролилъ онъ кровь свою, и мы въ правѣ видѣть въ немъ перваго мученика за Христа. Но выходящія изъ ряда, вполнѣ исключительныя условія этого событія не даютъ никоимъ образомъ права утверждать, что христіанство, какъ такое, было осуждено и признано ученіемъ запрещеннымъ, подлежащимъ, какъ вѣрованіе, строгому взысканію.

Случилось это позднѣе, въ самомъ началѣ II вѣка, во второмъ десятилѣтіи начавшейся, послѣ низверженія дома Флавіевъ въ лицѣ Домиціана, новой эры, за которою утвердилось имя Антониновъ, въ пору обновленія римскаго духа, о которомъ съ такимъ восторгомъ вѣщалъ Тацитъ, переживший тяжкую эпоху Домиціанова деспотизма. При второмъ императорѣ этой новой династіи, который остался въ римской народной памяти въ такомъ ореолѣ величія, ума, доброты и кротости, какъ никто другой послѣ Августа, при императорѣ, который былъ увѣнчанъ эпитетомъ optimus (наилучшій), вошедшимъ въ его оффиціальную титулатуру, при немъ изданъ былъ первый указъ, въ которомъ христіанство признано было ученіемъ вреднымъ и его исповѣдники—подлежащими наказанію. Указъ этотъ изданъ былъ не въ видѣ общаго закона на всю имперію, а какъ личный отвѣтъ

[1] Mommsen. Römisches Staatsrecht. II, 2 p. 1078 (2 изд.).

императора одному изъ намѣстниковъ, столкнувшемуся съ фактомъ широкаго распространенія христіанства въ своей провинціи. Мѣсто это—сѣверо-западъ Малой Азіи, Вифинія, намѣстникъ—Плиній Младшій, время—112 годъ.

Я не имѣю возможности излагать здѣсь объ этомъ событіи съ тою полнотой и обстоятельностью, какихъ оно заслуживаетъ, и укажу только общія его черты. Плиній въ своемъ званіи представителя государственной власти въ этой части римскаго міра объявилъ въ своемъ эдиктѣ къ населенію, ему подчиненному, императорскій запретъ основывать новыя общества. Въ отвѣтъ на него онъ получилъ доносъ на христіанъ, а вслѣдъ затѣмъ и анонимныя сообщенія о нихъ съ цѣлыми списками лицъ, принадлежащихъ къ этому обществу. По произведенному имъ дознанію оказалось, что то были люди, исповѣдующіе особую религію и въ силу ея отвергающіе культъ римскимъ богамъ. Плиній убѣдился, что общества эти не преслѣдуютъ никакихъ преступныхъ цѣлей, что ихъ члены въ своихъ собраніяхъ правятъ лишь свое особое богослуженіе. Убѣдился онъ и въ томъ, что во многихъ мѣстахъ собранія эти прекратились, послѣ обнародованія императорскаго запрета основывать общества. Отрицаніе боговъ, атеизмъ считалъ Плиній дѣломъ преступнымъ. Онъ предлагалъ привлеченнымъ къ дознанію совершить актъ признанія римскихъ боговъ, возженіемъ ѳиміама на ихъ алтаряхъ, или поклоненіемъ генію императора. Многіе исполнили это требованіе, другіе—отказались. нѣкоторыхъ онъ подвергъ за это смертной казни, иныхъ, оказавшихся римскими гражданами, отославъ на судъ императора въ Римъ. Описавъ подробно все это дѣло, Плиній просилъ у императора указаній относительно образа дѣйствій въ этомъ вопросѣ.[1] Императоръ, отказываясь дать общее узаконеніе по вопросу и признавая это даже невозможнымъ, предписалъ Плинію: вопервыхъ, не искать самому христіанъ, вовторыхъ, никимъ образомъ не производить о нихъ дознанія на основаніи анонимныхъ доносовъ, втретьихъ, допускать подобныя дознанія только въ тѣхъ случаяхъ, когда обвинитель лично ведетъ обвиненіе. Что же до приговоровъ надъ тѣми, противъ кого возбуждено обвиненіе, то императоръ полагалъ, что упорствующихъ слѣдуетъ наказывать; но всѣхъ отрекающихся и доказывающихъ свое отреченіе молитвой богамъ надлежитъ оставлять безнаказанными.[2]

[1] Plin. Ep. X, 96.
[2] Ibid. 97.

Таковъ былъ императорскій рескриптъ. Христіанство объявлено было въ немъ ученіемъ, подлежащимъ устраненію, упорство въ немъ могло навлечь наказаніе по усмотрѣнію лица, ведущаго дознаніе. Понимается оно какъ отрицаніе боговъ, атеизмъ, а потому всякій актъ, его опровергающій, служитъ доказательствомъ отреченія отъ него, освобождаетъ привлеченнаго къ суду ото всякой отвѣтственности по данному дѣлу и прекращается самое дѣло. Тутъ мы уже далеки отъ Тиберіева принципа: deorum iniuriae dis curae. Государство признаетъ себя обязаннымъ оберегать традиціонныя формы богопочитанія, но лишь въ принципѣ, ибо императоръ вовсе не вмѣняетъ своему намѣстнику въ обязанность искать нечестивцевъ и казнить ихъ за нечестіе. Государство осудило христіанство устами Траяна за атеизмъ; но оно никакимъ образомъ не взяло на себя обязательства непосредственно слѣдить за вѣрованіями и убѣжденіями всѣхъ своихъ подвластныхъ населеній, различныхъ еще тогда языковъ и племенъ. Рескриптомъ Траяна дана была лишь общая норма для представителей власти, если они будутъ вовлекаемы въ подобныя дѣла, возбужденіе которыхъ принадлежитъ непосредственно и исключительно членамъ общества. Съ тѣхъ поръ и почти до половины III вѣка длится такое именно отношеніе къ христіанству римскаго государства. Время отъ времени въ разныхъ концахъ имперіи начинаются процессы противъ христіанъ; но для этого необходимо, чтобы данный человѣкъ изъ общества предъявилъ обвиненіе противъ даннаго христіанина. Для представителя власти такое дѣло сводится къ необходимости выяснить: дѣйствительно ли не признаетъ обвиняемый боговъ, которыхъ чтитъ государство. Если оказывается, что это такъ и, несмотря на увѣщанія одуматься, на предложеніе срока на это, обвиняемый порствуетъ, то власть караетъ его по своему усмотрѣнію. Бо́льшая или меньшая жестокость самаго наказанія есть всегда и вездѣ дѣло обычаевъ и общественныхъ нравовъ. Въ древнемъ мірѣ того времени казни были вообще жестоки за всякаго рода преступленія, и нравы вообще грубѣли отъ I ко II вѣку, отъ II къ III и далѣе.

Такая форма процесса создавала видимость, что римская власть караетъ самое *имя* „христіанинъ“. Когда началась апологетическая литература, то въ ней съ самаго начала непрерывно повторяется эта жалоба. [1] Такъ оно было по видимости. По

[1] *Iustin. Apol.*, T. 3, 24. *Athenagorae legatio*, c. 2. *Tertull. Apolog.*, c. 2, 3.

существу же дѣла государство карало за сопротивленіе власти. Въ разсмотрѣніе причинъ сопротивленія эта власть не входила. А для самой возможности преслѣдованія необходимо было, чтобы христіанство имѣло противъ себя общество, чтобъ изъ него являлся обвинитель и звалъ на судъ даннаго христіанина. Такъ и было въ дѣйствительности; это доказываютъ намъ апологеты, объ этомъ есть и другія свидѣтельства. Если самые факты этого рода стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія, то необходимо отмѣтить въ этой связи и то, что у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ для рѣшенія, хотя бы и приблизительно, вопроса о томъ, много ли было такихъ процессовъ и такихъ казней за полтора столѣтія со времени рескрипта Траяна? Сотнями ли надо считать мучениковъ, или десятками? [1] Дѣло зависѣло прежде всего отъ настроенія той среды, гдѣ жила и распространялась данная христіанская община, ибо власть относилась безразлично къ самому существованію религіозной пропаганды въ населеніи. Государство не имѣло никакихъ спеціальныхъ органовъ, на обязанности которыхъ лежало бы слѣдить за этимъ дѣломъ, оно никогда не приходило къ мысли о необходимости создать такіе органы. Власть стояла высоко надъ подчиненными и блюла она военные, политическіе, экономическіе интересы государства и лишь отчасти интересы правосудія. Особыхъ религіозныхъ интересовъ, какъ сферы государственной политики, не зналъ языческій Римъ.

Такимъ образомъ, количество процессовъ зависѣло прежде всего отъ общества и уже затѣмъ отъ представителя власти. Христіанскій писатель конца II и начала III вѣковъ даетъ въ одномъ изъ своихъ произведеній цѣлый рядъ интересныхъ фактовъ, характеризующихъ отношенія разныхъ намѣстниковъ императора въ разныхъ провинціяхъ къ подобнымъ процессамъ. [2] Называя имена, говоритъ Тертулліанъ объ одномъ изъ нихъ, что онъ научилъ христіанъ, какъ имъ отвѣчать на его вопросы, чтобъ избѣжать обвиненія и кары; другой отпустилъ обвиняемаго, предоставляя ему сладить свое дѣло со своимъ обвинителемъ част-

---

[1] По утвержденію знаменитаго отца церкви Оригена, родной отецъ котораго претерпѣлъ мученическую кончину при Септиміи Северѣ въ 202 году въ Александріи, мучениковъ было «*очень немного*», но подобное обозначеніе не представляетъ собою цифры. *Orig. Contra celsum*, III, 8; ὑπομνήσεως Χάριν... ὀλίγοι κατὰ καιροὺς καὶ σφόδρα εὐαρίθμητοι ὑπὲρ τῆς Χριστιανῶν εὐσεβείας τεθνήκασι.

[2] *Tertull. Ad. Scapulam*, c. 4, 5.

нымъ образомъ; третій, отпустивъ безъ наказанія обвиняемаго послѣ разныхъ внушеній, публично заявилъ въ засѣданіи, какъ ему тягостно, что его впутываютъ въ подобныя дѣла; четвертый—самъ сорвалъ съ обвиняемаго дощечку, на которой была написана его вина, и заявилъ обвинителю, что не хочетъ продолжать этого дѣла, начатаго при его предшественникѣ по власти. Помнитъ Тертулліанъ и слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто въ Малой Азіи. „Когда въ одномъ городѣ возбуждено было преслѣдованіе противъ христіанъ, и вся тамошняя христіанская община явилась вслѣдъ за обвиняемыми, и всѣ признавали себя виновными въ томъ же преступленіи, проконсулъ Пуденсъ, отобравъ изъ толпы нѣсколько человѣкъ и прогоняя остальныхъ, закричалъ имъ вслѣдъ: „жалкіе люди! если хотите умереть, то есть у васъ на то веревки, чтобы на нихъ повѣситься, и утесы, чтобы, бросившись съ нихъ, расшибиться.“

Всѣ эти факты относятся ко второй половинѣ II вѣка. Само собой разумѣется, что подобные случаи должны были составлять исключеніе, вообще же представители власти принимали обвиненіе и ставили въ подобныхъ дѣлахъ соотвѣтственные приговоры.

Для точнаго представленія о подобныхъ процессахъ есть у насъ драгоцѣнныя современныя данныя. Среди множества свѣдѣній о мученикахъ, которыя въ такой полнотѣ и обиліи собрала въ пору своего могущества христіанская церковь, есть даже такія сообщенія, которыя представляютъ въ своей основѣ не что иное, какъ точный протоколъ судебнаго разбирательства объ отдѣльныхъ христіанахъ. Члены тѣхъ общинъ, изъ среды которыхъ выходили исповѣдники, интересовались имѣть копіи съ документовъ о подобныхъ процессахъ и добывали ихъ за деньги изъ канцелярій намѣстниковъ.[1] Одинъ изъ такихъ документовъ позволю себѣ здѣсь привести въ точномъ переводѣ его важнѣйшей для насъ части.

Дѣло происходило въ Карѳагенѣ 17 іюля 180 года и велъ его проконсулъ П. Випеллій Сатурнинъ. Предъ его трибуналъ предстало шесть человѣкъ: трое мужчинъ: Сператъ, Нарцалъ и Циттинъ, и три женщины: Доната, Секунда и Гестія. Когда ихъ привели, проконсулъ сказалъ, обращаясь къ нимъ: „Императоръ проститъ васъ, если вы образумитесь.“ Сператъ отвѣтилъ: „Мы не сдѣлали ничего дурнаго, никогда никого не проклинали, мы

[1] *Le Blant les Actes des Martyrs* (Mémoires de l'Institut. Paris. 1883). p. 65.

благодарностью воздаемъ даже за притѣсненія и обиды, потому что мы служимъ Господу Богу нашему.“ Проконсулъ Сатурнинъ сказалъ на это: „Но вѣдь и мы почитаемъ бога и наше богопочитаніе просто: мы клянемся геніемъ нашего государя и молимся за него. Вы также должны это исполнить.“ Сператъ сказалъ: „Если ты захочешь меня выслушать, то я тебѣ открою тайну простоты.“ Проконсулъ Сатурнинъ сказалъ: „Не стану я тебя слушать, если ты хочешь говорить противъ нашего богопочитанія. А вотъ лучше присягните геніемъ нашего государя.“ Сператъ отвѣчалъ: „Не признаю я царства вѣка сего. Я служу Богу, Котораго никто изъ людей не видѣлъ, ибо чувственному оку недоступно сіе лицезрѣніе. Я не совершилъ никогда воровства, при всякомъ дѣлѣ плачу я подати и налоги, потому что я признаю государя. Но я поклоняюсь единому Владыкѣ, Царю царей и Господину всѣхъ народовъ.“ Проконсулъ Сатурнинъ сказалъ тогда, обращаясь къ прочимъ обвиняемымъ: „оставьте вы эту вашу вѣру.“ Сператъ сказалъ: „Совершать человѣкоубійство и лжесвидѣтельствовать—это опасная вѣра.“ Проконсулъ Сатурнинъ сказалъ: „Оставьте это и покажите, что вы не раздѣляете этого безумія и безсмыслія.“ Тогда сталъ говорить Цитинъ и сказалъ: „Мы никого не боимся кромѣ Господа Бога нашего, Который живетъ въ небесахъ.“ Доната сказала: „Мы воздаемъ честь кесарю, какъ кесарю, но боимся мы одного только Господа нашего.“

Гестія сказала: „я христіанка“. Затѣмъ сказала Секунда „что я есть, тѣмъ и хочу остаться“. Тогда проконсулъ сказалъ Сперату: „такъ ты настаиваешь, что ты христіанинъ?“ Сператъ сказалъ: „я христіанинъ“. То же сказали и прочіе. Проконсулъ Сатурнинъ сказалъ: „не хотите ли вы имѣть срокъ для размышленія?“ Сператъ сказалъ: „въ правомъ дѣлѣ къ чему отсрочка?“ Проконсулъ Сатурнинъ сказалъ: „что это у васъ за книги въ котомкѣ?“ Сператъ сказалъ: „наше священное писаніе и посланія святаго мужа Павла“. Проконсулъ Сатурнинъ сказалъ: „вотъ вамъ тридцать дней срока, чтобы вы одумались“. Сператъ сказалъ: „я остаюсь неизмѣнно христіаниномъ“. То же воскликнули единогласно и прочіе.

Тогда произнесъ проконсулъ Сатурнинъ свой приговоръ въ такой формѣ: „такъ какъ Сператъ, Нарцалъ, Цитинъ, Доната, Гестія и Секунда сознались, что живутъ по христіанскому обычаю и такъ какъ они, несмотря на предложеніе срока для

возвращенія къ римскому обычаю, неизмѣнно остались въ своихъ мысляхъ, то мы повелѣваемъ казнить ихъ мечомъ."

Когда этотъ приговоръ былъ возвѣщенъ въ написанной формѣ глашатаемъ, Сператъ и бывшіе съ нимъ воскликнули: „благодареніе Господу, который удостоилъ насъ принять сегодня въ небесахъ вѣнецъ мученичества за исповѣданіе Его. Аминь". И когда они возгласили „Аминь", казнь совершена была надъ ними въ семнадцатый день іюля мѣсяца. [1]

Таковъ этотъ драгоцѣнный и интересный, несомнѣнно подлинный, документъ. Предъ нами въ полной точности воспроизведенъ типичный процессъ.

Каковы же характеристичныя черты этого процесса? Во-первыхъ, важно отмѣтить то, что происходитъ онъ предъ лицомъ намѣстника императорскаго, представителя государственной власти. Полномочія, которыми онъ облеченъ, не имѣютъ по существу никакого отношенія къ религіи, какъ таковой. Онъ проявляетъ силу своей власти карой. Но онъ осуществляетъ при этомъ не судебную функцію своей власти, а ту, которая у Римлянъ называлась ius coërcendi, то-есть право магистрата всякимъ образомъ принуждать гражданина исполнять повелѣніе, которое магистратъ дѣлаетъ въ силу своей власти. Если непослушаніе проявлялъ человѣкъ, не имѣющій правъ римскаго гражданства, то право магистрата заставлять себѣ повиноваться свободно обнимаетъ и смертный приговоръ; если же ослушникомъ оказывался римскій гражданинъ, то въ такомъ случаѣ магистратъ пересылаетъ его на судъ императора, или письменно предлагаетъ императору вопросъ объ этомъ ослушникѣ. Это вообще не есть процессъ съ точки зрѣнія римскаго права, а лишь дознаніе (cognitio). Не существуетъ ни опредѣленныхъ нормъ этого дознанія, ни узаконеній относительно размѣра наказанія. Все дѣло сводится къ усмотрѣнію представителя власти, [2] и все рѣшеніе идетъ въ административномъ порядкѣ.—Таковъ этотъ процессъ. Это лишь случайное вмѣшательство, говоря нашимъ языкомъ, полиціи, по вызову ея вниманія къ дѣлу самою публикой, но такой полиціи, которая не передаетъ дѣла въ судъ, а немедленно сама устраняетъ данное правонарушеніе.

---

[1] *Acta Sanctorum Iulii* t. VI p. 214 (Venetiis. 1748). *Acta Martyrum Scilitanorum Gracce edita.* Bonnae. 1881.

[2] *Ruinart, Acta sincera. Passios. Achatii.* p. 154.

Можно ли вообще при такой наличности дѣла говорить о „гоненіяхъ римскаго государства и римскихъ государей противъ христіанства за все то время пока таково было отношеніе власти къ христіанству? Гоненій отъ государства не было за весь второй вѣкъ, какъ не было и въ теченіе перваго. Но если были мученики, если лилась кровь и щедро расточались смерть и казни, то это преслѣдованіе шло изъ самыхъ нѣдръ общества, изъ той среды, гдѣ распространялось христіанство. Тамъ вело оно борьбу за убѣжденія, тамъ прививало оно свои вѣрованія и идеалы; и такъ какъ эти вѣрованія, и эти идеалы были опроверженіемъ и разрушеніемъ стараго міра, были его отрицаніемъ, то старый міръ и отстаивалъ себя, и боролся съ этимъ своимъ смертнымъ врагомъ.

Уже въ нѣдрахъ того племени, среди котораго началось христіанство, встрѣтило оно съ самаго начала вражду и ненависть, а по временамъ и кровавое преслѣдованіе (архидіаконъ Стефанъ и апостолъ Іаковъ). Проявленіе этой вражды не ограничилось Палестиной. Съ распространеніемъ христіанства въ средѣ общинъ разсѣянія, проявилась вражда и тамъ. Въ Коринѳѣ Іудеи привлекли апостола Павла на судъ проконсула; но тотъ не сталъ его судить и не захотѣлъ вмѣшиваться въ частное дѣло Іудеевъ. [1] Проявилась вражда и въ Римѣ, какъ на то указано выше. Весьма возможное дѣло, что Іудеи тамошніе сами указали Нерону виновниковъ пожара римскаго въ христіанахъ. [2] Ненависть Іудеевъ преслѣдовала христіанъ затѣмъ непрерывно въ теченіе дальнѣйшаго времени, какъ мы знаемъ о томъ изъ посланія о мученіи Поликарпа Смирнскаго [3] и писаній апостоловъ II вѣка. Іудеямъ, по всей вѣроятности, принадлежатъ тѣ грубыя искаженія христіанскаго культа, которыя повторялись затѣмъ въ теченіе столѣтій, а именно: обвиненіе въ пожираніи мяса младенцевъ и свальномъ грѣхѣ. [4] Христіанство распространилось первоначально въ низшихъ слояхъ общества, а потому оно и должно было подвергнуться обсужденію сначала именно въ этой средѣ. Это условіе имѣло естественнымъ своимъ послѣдствіемъ грубость искаженій и ложныхъ представленій. Я не могу оста-

[1] *Дѣянія Апостольскія*, XVIII, 15.

[2] *Renan, L'Antechrist.* pp. 156—161 (изд. 1873 г.).

[3] *Martyrium S. Polycarpi* (Opera patr. apost. ed. Funck, I, p. 283–399) c. 13; 17.

[4] *Iustin., Dialog. cum Tryphone*, c. 17. *Origen., Contra Celsum*, VI, 27.

навливаться на приведеніи доказательствъ; достаточно будетъ напомнить о сохранившейся и до нашихъ дней отъ I вѣка карикатурѣ, нацарапанной на стѣнѣ въ помѣщеніи рабовъ Палатинскаго дворца въ Римѣ.

Міросозерцаніе языческаго міра, его религія, образы боговъ и культы извѣстны намъ непосредственно только въ томъ видѣ, какъ отразилось все это въ произведеніяхъ классической литературы. Самая же литература принадлежитъ высшему и просвѣщенному классу общества. Тѣ же самые образы боговъ и культы, составлявшіе содержаніе религіи языческаго міра, имѣли— какъ-то необходимо допустить—совершенно иной видъ въ сознаніи простаго народа и городской черни. Иныя представленія соединялъ со статуей бога Августъ, Тацитъ и философъ на тронѣ, Маркъ Аврелій, и совершенно иныя — простой человѣкъ, имъ современный.

Образованные классы римскаго общества въ II вѣкѣ не были уже такъ чужды религіозности, какъ то было въ I вѣкѣ, и тѣмъ не менѣе его представителямъ остается совершенно невѣдомая истина о христіанствѣ.

Просвѣщенный, гуманный, высокообразованный императоръ Адріанъ, изъѣздившій весь подвластный ему міръ и обнаруживавшій ко всему самый живой интересъ, помпная о христіанахъ въ своемъ письмѣ изъ Александріи, принимаетъ ихъ за почитателей Сераписа. [1] Учитель императора Марка Аврелія, знаменитый риторъ своего времени, стоявшій на высотѣ тогдашняго образованія, Фронтонъ, повторилъ въ одной изъ своихъ рѣчей самые дикіе и грубые толки, ходившіе въ народѣ на счетъ христіанскихъ собраній и братскихъ трапезъ. [2] Блестящій писатель того же времени Апуллей въ своемъ знаменитомъ беллетристическомъ произведеніи, *Метаморфозы*, выводя въ одномъ изъ разсказовъ женщину-христіанку, изображаетъ ее, какъ сосудъ всѣхъ противуестественныхъ пороковъ. [3] Глубокій философъ-моралистъ императоръ Маркъ Аврелій, при которомъ подвергнуто было казни не мало христіанъ, не удостоилъ проявить ни малѣйшаго интереса къ христіанству. Въ своихъ „размышленіяхъ“ обронилъ онъ лишь одинъ разъ замѣчаніе о христіанахъ, выразивъ

[1] *Scr. hist. aug. v. Saturnini*: 8, 2.
[2] *Minutius Felix, Octavius*, c. 9, 6.
[3] *Apull. Metamorph.* IX. 14.

презрительное удивленіе и осужденіе безсмысленному упорству, съ которымъ они идутъ на смерть. [1] Блестящій умъ своего вѣка, философъ-скептикъ, съ безпощадною проніей изобличавшій тщету всякихъ философскихъ построеній и системъ, Лукіанъ Самосатскій, въ своихъ отзывахъ о христіанствѣ не высказалъ ни малѣйшаго желанія вникнуть въ существо дѣла. Выведя въ одномъ изъ своихъ произведеній христіанина, онъ изображаетъ его шарлатаномъ, ловкимъ мошенникомъ и плутомъ. [2] Такъ относились къ христіанству представители власти, знанія, ума и науки того времени.

Большой шагъ впередъ, по сравненію съ указаннымъ невниманіемъ, представляло произведеніе одного изъ философовъ, современника Лукіана, Цельза. Но его трактатъ о христіанствѣ былъ ничѣмъ инымъ, какъ ярымъ обличеніемъ христіанства. То былъ злой памфлетъ, имѣвшій прямою своею цѣлью доказать преступность христіанства и безуміе христіанскаго вѣроученія. Это недошедшее до насъ обличеніе христіанства имѣло такую важность, что знаменитый отецъ и учитель церкви Оригенъ нашелъ нужнымъ, семьдесятъ лѣтъ спустя, писать на него именно подробное и обстоятельное возраженіе, изъ котораго только и знаемъ мы сущность самаго памфлета.

Христіанство было фактомъ жизни общества. Оно распространялось и усиливалось въ средѣ населенія Римской имперіи повсемѣстно, захватывало постепенно все болѣе широкій кругъ и постепенно восходило все выше по общественной лѣстницѣ сословныхъ отношеній. Государственная власть не ставила препонъ его распространенію до времени Септимія Севера, когда изданъ былъ указъ, воспрещавшій принимать вновь христіанство, подобно тому, какъ тогда же повторено было запрещеніе принимать іудейство. [3] Но государство, издавая этотъ законъ, не создавало особыхъ органовъ для наблюденія за своими подданными въ дѣлахъ ихъ религіозныхъ убѣжденій, и потому серьезныхъ преградъ пропагандѣ не поставлено было и при Северѣ.

Съ половины II вѣка начинается литература апологетовъ христіанства. Императорамъ подаются петиціи, въ которыхъ христіане пытаются изъяснить чуждый всякой преступности

---

[1] *M. Antonini Commentarii.* XI, 3.

[2] *De morte Peregrini.*

[3] *Vita Severi*, c. 17, 1.

характеръ своего ученія, чистоту своихъ собраній и жизни. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ тѣхъ же самыхъ апологіяхъ изобличаютъ они тщету языческихъ вѣрованій и культовъ, причемъ изображаютъ ихъ въ томъ видѣ, какой они имѣли въ низшей массѣ населенія. Апологіи эти не достигали своей цѣли. Государственная власть попрежнему относилась съ высокомѣрнымъ невниманіемъ къ этому внутреннему процессу борьбы новыхъ и старыхъ идей и представленій. Просвѣщенное общество не проявляло интереса къ новому вѣроученію, а въ той средѣ, гдѣ распространялось христіанство, борьба идей шла напряженно, въ иныхъ мѣстахъ даже съ яростью и ожесточеніемъ. Она вызвала случаи обвиненія даннымъ лицомъ даннаго христіанина, а подчасъ и крупныя волненія, когда фанатически настроенная чернь бросалась разбивать христіанскіе дома собраній и разорять самыя жилища христіанъ. Событія въ этомъ послѣднемъ родѣ вызвали указъ императора Марка Аврелія, въ которомъ повелѣвалось подвергать наказанію виновныхъ въ распространеніи ученій, которыя волнуютъ народъ и вызываютъ безпорядки. [1] Въ указѣ не названо христіанство. Онъ могъ относиться ко всякой религіи, но въ дѣйствительности изо всѣхъ распространявшихся тогда свободно религій, только христіанство тревожило умы и приводило къ волненіямъ. Самымъ крупнымъ событіемъ, и притомъ хорошо намъ извѣстнымъ, въ этомъ родѣ было волненіе, происшедшее въ Ліонѣ во 177 году. Тамъ разыгрался въ отсутствіе намѣстника цѣлый бунтъ. Преслѣдуемыхъ народною яростью христіанъ спасла отъ смерти военная сила, прекратившая своимъ вмѣшательствомъ эту травлю. Прибывшій на мѣсто императорскій легатъ судилъ и казнилъ христіанъ. [2] Ліонское происшествіе не было исключительнымъ явленіемъ, но о другихъ подобныхъ событіяхъ мы не имѣемъ такихъ точныхъ и полныхъ данныхъ. И повсюду, какъ и здѣсь, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, какъ и въ одиночныхъ дознаніяхъ о христіанахъ, государственная власть разбирала и карала не религіозныя убѣжденія и не христіанство, какъ такое. Она карала виновныхъ по указанію общества, водвореніе порядка въ средѣ котораго было ея единственною прямою обязанностью. Не убѣжденія своихъ подданныхъ и не христіанское вѣроученіе, какъ такое, преслѣдовала

[1] *Paulus, Sentent.* 5, 21; *Modestinus-Dig.* 49, 19, 30.

[2] Euseb. h. c. V, 2.

власть, ибо она допускала свободный просторъ христіанской пропаганды и позволяла укрываться христіанству подъ защиту тѣхъ признанныхъ и законныхъ учрежденій и понятій, которыя дѣйствовали по отношенію ко всѣмъ гражданамъ имперіи. Разумѣю установленія, которыми широко воспользовалась христіанская церковь, особенно въ самомъ центрѣ имперіи, въ Римѣ, для невозбраннаго своего существованія и утвержденія.

Учрежденія, обычаи и понятія эти относятся къ области культа мертвыхъ. Такъ, прежде всего, по римскимъ правовымъ понятіямъ, всякое мѣсто, гдѣ былъ погребенъ человѣкъ, признавалось за locus religiosus, то-есть мѣсто изъятое изъ гражданскаго оборота и подлежавшее охранѣ верховныхъ представителей исконнаго въ Римѣ религіознаго учрежденія, коллегіи понтификовъ. Далѣе, въ Римѣ искони существовалъ обычай созидать гробницы родовыя, а равно и въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, для себя, членовъ своей семьи и своихъ вольноотпущенниковъ обоего пола. Подобныя гробницы, о нихъ у насъ въ одномъ Римѣ есть тысячи свидѣтельствъ въ видѣ надписей, хотя и воздвигались на частной собственности даннаго лица, выходили, по самому своему назначенію, изъ гражданскаго оборота, что̀ и отмѣчалось въ надписи формулой, выражавшеюся обыкновенно въ такомъ сокращеніи: h. m. h. n. s., то-есть: hoc monumentum heredem non sequitur. Погребальное назначеніе подобнаго мѣста, размѣры котораго обозначались въ числѣ футовъ въ обоихъ направленіяхъ въ самой надписи на памятникѣ, ставило его подъ охрану понтификовъ. Наконецъ, во вниманіе къ заботѣ неимущихъ людей изъ низшаго класса общества о мѣстѣ своего упокоенія, признано было и узаконено спеціальнымъ постановленіемъ сената право составлять общества, цѣлью которыхъ было обезпеченіе погребенія для всѣхъ его членовъ на счетъ общихъ ежемѣсячныхъ взносовъ. Отъ усмотрѣнія общества зависѣло пріобрѣсти на общія средства участокъ земли и воздвигнуть на немъ общую усыпальницу, или же выдавать на погребеніе опредѣленную сумму денегъ. Поминаніе почившихъ имѣло характеръ нашихъ поминокъ. Общества такого рода назывались collegia funeraticia. Законъ изданъ былъ первоначально для Рима и Италіи; но съ теченіемъ времени распространенъ былъ и на всю имперію. Многія тысячи римскихъ, итальянскихъ и провинціальныхъ надписей свидѣтельствуютъ о широкомъ и повсемѣстномъ распространеніи обществъ этого рода по всему римскому міру.

Подъ охрану этой законной формы общества и стала христіанская церковь съ раннихъ поръ въ столицѣ имперіи, не позже половины втораго вѣка. Такъ возникли катакомбы, кольцомъ окружившія городъ. Подъ охраной этого закона возникла и составилась коллективная собственность церкви, достигавшая во многихъ мѣстахъ крупныхъ размѣровъ. Мѣстная полиція должна была имѣть свѣдѣнія о существующихъ обществахъ, знать имена избираемыхъ на годъ представителей, а равно ее обязаны были поставлять въ извѣстность организаторы новыхъ обществъ того же типа. Но полицію нисколько не интересовало и нисколько ея не касалось знать о мысляхъ членовъ этихъ обществъ, о характерѣ ихъ вѣроученія и воззрѣній. Такимъ образомъ подъ именемъ погребальнаго общества могла законно организоваться христіанская община и въ своихъ собраніяхъ править невозбранно свой культъ, отправлять свое богослуженіе.

Законность обществъ и общественныхъ собраній, а также и накопленія общественнаго имущества наравнѣ съ безразличіемъ Римскаго государства къ вопросу о мысляхъ гражданина, таковы были условія, дававшія полную возможность свободнаго распространенія и утвержденія христіанской церкви въ предѣлахъ имперіи. Христіанство расло и ширилось, захватывало все болѣе и болѣе широкій кругъ общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно шло развитіе христіанскихъ учрежденій и христіанской общественной администраціи. Когда римская государственная власть должна была придти къ сознанію, что она своимъ попущеніемъ дозволила развиться союзу единомышленниковъ, покрывшему своею сѣтью весь римскій міръ, союзу, который успѣлъ выработать сильную и централизованную внутреннюю организацію, со своею іерархіей, со своими капиталами и съ прочнымъ единствомъ одного вѣроученія; тогда оно должно было взглянуть на христіанство, какъ на фактъ политическаго значенія, признать въ немъ политическую опасность. Тогда-то, уже въ половинѣ III вѣка, начались гоненія на христіанство отъ государства, гоненія, обращавшіяся прежде всего на представителей церкви, на епископовъ и пресвитеровъ. Но гоненія эти не были послѣдовательны, благодаря частой смѣнѣ императоровъ на тронѣ цезарей, кореннымъ недочетамъ системы администраціи и, что̀ еще важнѣе—проявлявшимся уже тогда симптомамъ внутренняго разложенія міровой державы. Гоненія эти закончились провозглашеніемъ эдикта о

вѣротерпимости, [1] а дальнѣйшее историческое развитіе превратило это состояніе имперіи въ господство христіанства и отсутствіе терпимости, какъ по отношенію къ остаткамъ язычества, такъ и ко всѣмъ разномысліямъ съ ученіемъ господствующей церкви. Верховный представитель государственной власти повелѣвалъ въ своихъ эдиктахъ разрушеніе языческихъ храмовъ и смертную казнь противъ упорствующихъ язычниковъ и еретиковъ. [2] Администрація была теперь болѣе и лучше централизована, указы были опредѣленны и ясны, и преслѣдованіе за убѣжденія могло совершаться съ большею послѣдовательностью. Въ иныхъ случаяхъ христіане не отказывались и отъ стараго, общественнаго протеста противъ разномыслящихъ. Такъ, въ 415 году, въ Александріи фанатизованная толпа черни, съ монахами во главѣ, растерзала на улицѣ Гипатію. Таковы были нравы населенія Александріи издавна, какъ сѣтовалъ на нихъ въ свое время императоръ Адріанъ, какъ обнаруживали они себя затѣмъ въ теченіе послѣдующаго времени. [3] И это кровавое преступленіе осталось безнаказаннымъ.

Принципъ религіозной нетерпимости проведенъ былъ въ государственный строй христіанскими, а не языческими императорами древняго Рима. До него не могъ дойти древній міръ, ибо ему была чужда увѣренность и убѣжденность въ томъ, что онъ находится въ обладаніи абсолютною и единою истиной; а въ созданномъ геніемъ Рима міровомъ государствѣ не было особыхъ органовъ духовной власти, особаго суда по дѣламъ религіи и спеціальнаго трибунала, призваннаго вѣдать человѣческую совѣсть.

Юліанъ Кулаковскій.

---

[1] *Euseb.* h. e. X, 5, 2—14.

[2] *Codex Theodosianus* XVI, 5, 9, отъ 382 года; 51—410 года; 56—415 года. Ср. *Rein, Criminalrecht der Römer.* Leipzig. 1844, p. 892.

[3] *R. Hoche, Hypatiy, die Tochter Theons. Philologus.* B. XV, pp. 435—474.

I.

Въ синѣющемъ морѣ,—средь зыбкой пучины,
Гдѣ грезитъ и спитъ ураганъ,—
Раскинулся берегъ—нагія вершины,
Песокъ, и гранитъ, и туманъ.

Давно вечерѣетъ. Прибой безпокойный
Дробится и плещетъ во мглѣ:
Мы встрѣтились снова, съ надеждою знойной,
На близкой къ бурунамъ скалѣ.

И рѣчи несвязны: въ сердцахъ упоенье,
Любовь и огонь на устахъ;
Но что-то застыло, какъ страхъ и сомнѣнье,
Въ согрѣтыхъ блаженствомъ чертахъ.

Откуда-то голосъ,—зловѣщій, прощальный—
Мы въ темное небо глядимъ,
И сводъ безконечный, тяжелый, печальный
Надъ нами нависъ недвижимъ.

Ни лунною лаской, ни звѣздною тайной
Не свѣтитъ угрюмая твердь,
Какъ будто надъ нею съ угрозой случайной
Склонилась бездушная смерть

И безднѣ велѣла разрушить, что̀ было,
Что̀ будетъ и есть унести:
Пусть вѣтеръ пустыни развѣетъ уныло
Жестокое слово „прости!“

Холодное утро. Чуть брежжетъ сіянье.
Усталыя волны вдали.
Въ душѣ омертвѣлой тоска и страданье
Вѣдь море сильнѣе земли!

II.

И ночь, и тьма, и грустный шумъ ненастья:
Въ такую ночь невольно ярки сны
Про зной надеждъ, и блескъ былаго счастья,
И вздохъ весны.

Издалека чарующею рѣчью
Ты шлешь привѣтъ и внятенъ этотъ зовъ
Какъ для бойца, измученнаго сѣчью,
Отбой враговъ.

Я снова жду всего, что̀ невозможно,
Чего ужь нѣтъ, чему не разцвѣсти,
Чему пора давно и непреложно
Сказать прости.

И дни бѣгутъ, и близокъ сонъ могилы,
Любовь и страсть мнѣ памятны едва,
Но все звучатъ и какъ-то вѣчно милы
Твои слова.

Кн. Э. Ухтомскій.

САЛЛИ ДОУЗЪ.

Романъ Бретъ-Гарта, переводъ съ рукописи О. Д.

ПРОЛОГЪ.

Послѣдній выстрѣлъ надъ Змѣиною рѣкой.

То что̀ въ туманной прохладѣ этого лѣтняго утра было влажнымъ отъ росы проселкомъ, намѣченнымъ немногими колеями, никогда не забѣгавшими за его поросшіе травой края, и пересѣченнымъ чуть замѣтными слѣдами лисицъ и енотовъ, то теперь, передъ вечеромъ, оказалось до того измятымъ, избитымъ и истоптаннымъ, что потеряло всякіе признаки своего прежняго одиночества. Тяжелые, рѣзкіе толчки пушечныхъ лафетовъ и зарядныхъ ящиковъ глубоко прорѣзали средину проселка; копыта тѣснившихся рядовъ кавалеріи прибили и искрошили придорожные кустарники и лозы, и погребли ихъ подъ тучами поднятой пыли, а однообразный, ускоренный шагъ пѣхоты растопталъ слѣды этого ужаснаго разрушенія и обратилъ его въ пыльный, ровный хаосъ. По этому, грубо расширенному пути валялись безполезныя ружья, оборванная аммуниція, ранцы, шапки и принадлежности обмундировки, а мѣстами и болѣе замѣтные остатки разбитыхъ повозокъ, сброшенныхъ въ канаву, чтобъ очистить мѣсто для живаго потока. Впродолженіе двухъ часовъ бо̀льшая часть армейскаго корпуса проходила по этой дорогѣ и возвращалась назадъ тѣмъ же путемъ, но какъ при наступленіи, такъ и при отступленіи, всѣ взоры напряженно обращались въ сторону открытаго ската,

параллельнаго дорогѣ. Но тамъ ничего нельзя было разглядѣть. Впродолженіе двухъ часовъ предъ глазами клубилось все то же синевато-сѣрое облако, разрываемое и потрясаемое безпрерывными выстрѣлами, но тотчасъ же смыкавшееся и густѣвшее послѣ каждаго залпа. Все же въ этой зловѣщей мглѣ въ теченіе этого утра растаяли крѣпкія, двпжущіяся массы, сѣрыя и синія, появляясь оттуда только въ видѣ разбросанныхъ остатковъ, которые прокрадывались, ползли, бѣжали по одиночкѣ или группами, преслѣдуемые и перегоняемые клубившимся дымомъ.

За послѣдніе полчаса проселокъ былъ покинутъ и безлюденъ. Пока на скатѣ за нимъ не прерывались взрывы, грохотъ, ревъ, онъ все еще молчалъ. Раза два надъ нимъ прошелестѣли несмѣлыя, поспѣшныя крылья, его пересѣкли испуганные звѣрки, а потомъ появились отставшіе отъ главной колонны, смѣло выступая изъ-за плетней и кустовъ, за которыми они прокрадывались и прятались. Вдругъ ихъ снова заставили скрыться громкіе крики съ окутаннаго дымомъ ската — крики эти раздавались не вдалекѣ отъ этого зловѣщаго мѣста. За кликами послѣдовалъ бѣшеный галопъ лошадей по полю; статный офицеръ въ красной шапкѣ выѣхалъ съ ординарцемъ на проселокъ, повернулъ лошадь, перескочилъ черезъ плетень и остановился на скатѣ. Еще мгновеніе—и вслѣдъ за нимъ прикатилось облако пыли. Изъ него выдѣлились крѣпкія плечи и натянутыя постромки шести бѣшеныхъ лошадей, влекущихъ покачивающееся орудіе, которое одно въ этомъ бурномъ движеніи казалось пассивнымъ и безпомощнымъ, но съ роковымъ предвидѣніемъ своей мощи. Когда, по знаку офицера, оно проломилось чрезъ плетень, внезапный толчокъ сбросилъ одного изъ артиллеристовъ подъ колесо. Ѣздовой, колеблясь, подтянулъ поводья. „Впередъ“, проревѣлъ упавшій, и колесо его переѣхало. Новыя и новыя орудія появлялись изъ облака пыли, и, наконецъ, на гребнѣ ската развернулась цѣлая батарея. Прежде чѣмъ пыль успѣла улечься, тяжело дышавшія лошади, поворачивая назадъ со своими ѣздоками, обнаружили на мгновеніе поставленное уже на позицію ближайшее орудіе и четыре вытянувшіяся около него человѣческія фигуры. Клики, которые, повидимому, вызвали это внезапное появленіе, прозвучали еще разъ и ближе; ослѣпительный огненный снопъ вырвался изъ орудія, которое тотчасъ же скрылось отъ взоровъ за сомкнувшеюся вокругъ него группой, и оглушительный грохотъ съ гулкимъ звономъ металла пронесся по

проселку. Столбъ бѣлаго волнистаго дыма поднялся одновременно со второю вспышкой, блеснувшею рядомъ. Еще вспышки, еще клубы дыма, новые выстрѣлы изъ перваго орудія, и весь скатъ задрожалъ отъ гула и грохота. А дымъ не клубился уже бѣлыми и волнистыми столбами, онъ все темнѣлъ и густѣлъ, смѣшался съ прежнею зловѣщею мглой и, окутавъ проселокъ, скрылъ скатъ совсѣмъ изъ виду.

Крики прекратились, но топотъ и бряцаніе оружія, прорывавшіеся сквозь грохотъ пальбы, казалось, все приближались, и вдругъ съ ближайшихъ къ землѣ вѣтвей каштана, стоявшаго около проломаннаго плетня, посыпался градъ листьевъ и сучьевъ. Дымъ немного порѣдѣлъ, и изъ него на мгновеніе вынырнула подымавшаяся и опускавшаяся масса, гдѣ смѣшались колеблющіяся шапки, закидывающіяся лошадиныя головы и блестящая сталь оружія; въ шумномъ безпорядкѣ эта масса лѣзла вверхъ по скату. Но все тотчасъ же скрылось въ огнѣ двухъ ближайшихъ орудій и растаяло среди дыма и грохота.

Выстрѣлы были такъ мѣтко направлены, и стороны столкнулись такъ близко, что между ними внезапно какъ бы очистилось свободное пространство, на которомъ ясно обрисовалось бѣгство разсѣянныхъ остатковъ атаковавшей кавалеріи и откуда стали доноситься отчетливые, раздѣльные крики и проклятія безвыходно перепутавшейся массы. Тогда канониръ ближайшаго орудія вдругъ отбросилъ банникъ и схватилъ ружье, такъ какъ изъ безпорядочнаго смятенія предъ ними отдѣлился всадникъ и во весь опоръ поскакалъ къ орудіямъ.

Молодой офицеръ въ красной шапкѣ подъѣхалъ къ канониру и саблей выбилъ у него ружье, такъ какъ взглянувъ убѣдился, что поводья у всадника висѣли свободно на шеѣ лошади, которая продолжала скакать въ порывѣ атаки, а юношеская фигура ѣздока — съ нашивками поручика — хотя и держалась прямо въ сѣдлѣ, но не управляла лошадью. Это былъ совсѣмъ юноша бѣлокурый, съ глазами остановившимися, какъ будто стеклянными. Это была сама смерть атакующая орудіе.

Въ нѣсколькихъ футахъ отъ него лошадь бросилась въ сторону отъ взмаха шомпола, и ударившись о бокъ лафета, сбросила своего безжизненнаго ѣздока, упавшаго поперекъ орудія. Съ запахомъ гари задымилась горячая кровь убитаго на раскаленной мѣди, и забрызгала канонира, который машинально продолжалъ чистить запалъ. Когда поднимали тѣло пришло приказаніе „прекратить

огонь". Крики внизу тоже прекратились и вмѣстѣ съ дымомъ перешли дальше влѣво. Зловѣщее центральное облако ненадолго разсѣялось, изъ-за него неожиданно выглянуло солнце и залило своимъ блескомъ весь скатъ и протекавшую вблизи мирную рѣчку.

Статный артиллерійскій офицеръ сошелъ съ лошади и осторожно осмотрѣлъ убитаго. Грудь у него оказалась разбитою осколкомъ гранаты; онъ долженъ былъ умереть мгновенно. Тотъ же осколокъ оборвалъ цѣпочку отъ медальона, который выпалъ изъ разорваннаго мундира. Со страннымъ чувствомъ поднялъ его офицеръ, быть-можетъ, потому что онъ самъ носилъ подобный же медальонъ. Это могло дать ему указаніе для опредѣленія личности убитаго. Въ медальонѣ нашлись только: портретъ хорошенькой дѣвушки, локонъ и одно слово—„Салли". Въ боковомъ карманѣ оказалось запечатанное письмо съ надписью: „Передать миссъ Салли Доузъ, если я буду убитъ". Легкая улыбка появилась на лицѣ офицера и онъ уже собирался передать найденные предметы сержанту, но передумалъ и положилъ ихъ въ карманъ.

Тѣмъ временемъ проселокъ, лѣса за нимъ и даже скатъ наполнились толпой резервовъ и ожидавшихъ войскъ. Батарея все еще стояла на позиціи, ожидая приказаній. На проселкѣ замѣтно было легкое волненіе.

— Прекрасно, капитанъ. Смѣло заняли и ловко отбились, раздался голосъ генерала, проѣзжавшаго вмѣстѣ со своею свитой.

Въ интонаціи слышалась нота пріятнаго успокоенія и на озабоченномъ лицѣ еще не стараго генерала сложилась отеческая улыбка. Молодой капитанъ покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Кажется, у васъ доходило и до рукопашной, добавилъ генералъ, указывая на тѣло убитаго.

Молодой офицеръ наскоро объяснилъ въ чемъ дѣло. Генералъ кивнулъ, приложился къ козырьку и поѣхалъ дальше, но юный и веселый адъютантъ отсталъ отъ свиты.

— Старику полегче теперь, Куртлэндъ, сказалъ онъ.—Мы разбили ихъ по всей линіи. Теперь все кончено. Я думаю, что изъ вашего орудія былъ сдѣланъ послѣдній выстрѣлъ въ настоящей братоубійственной стычкѣ.

Послѣдній выстрѣлъ! Куртлэндъ промолчалъ, разсѣянно глядя внизъ на опустошеніе произведенное этимъ выстрѣломъ.

— И меня не удивитъ, если вы получите награду за сегодняшнее

лѣло. Но кто такой этотъ вашъ крестникъ? Южанинъ? добавилъ онъ, слѣдя за направленіемъ взгляда своего товарища.

Куртлэндъ повторилъ свой разсказъ, нѣсколько сокративъ его, но не произвелъ впечатлѣнія на легкомысленнаго адъютанта.

— Итакъ, онъ рѣшилъ сдѣлаться перебѣжчикомъ, весело прервалъ онъ его. — Но, постойте, — онъ посмотрѣлъ на письмо и портретъ, — что же это такое? „Салли Доузъ“. Да вчера нашли другаго убитаго съ письмомъ къ той же дѣвушкѣ! Оно у До-Мёрфи, точь-въ-точь! такой же портретъ. Что же это? Послушайте, Куртп! Вы могли бы взять письмо у Мёрфи и разыскать ее, когда окончится эта жестокая война. Вы скажете, что „исполняете священное порученіе!“ Не правда ли, хорошая мысль,— старина! Ха-ха! — И онъ скорою рысью поѣхалъ догонять начальство.

Куртлэндъ остался съ письмомъ и портретомъ въ рукахъ, и задумчиво смотрѣлъ еще вслѣдъ! Дымъ отнесло въ сторону и часть поля отъ него очистилась; но на югѣ онъ все еще тяжело клубился и преслѣдовалъ бѣжавшую съ поля кавалерію. Внизу музыкально прозвучалъ продолжительный призывъ рожка. Пробившееся солнце блеснуло на бѣлыхъ флагахъ двухъ полевыхъ госпиталей въ лѣсу и спокойно глянуло на широкую, опоясанную кипарисами, лѣниво текущую, жестокую, но красивую южную рѣку.

I.

Двухчасовой курьерскій поѣздъ изъ Редлэндса въ Форествиль шелъ болѣе двухъ часовъ, слѣдуя съ лѣнивымъ спокойствіемъ полноводной рѣки, по берегамъ которой пролегалъ рельсовый путь. Но онъ, наоборотъ, часто останавливался, иногда на положенныхъ станціяхъ и въ селеніяхъ, иногда же при появленіи туземцевъ въ полотняныхъ платьяхъ и соломенныхъ шляпахъ, въ уединеньи сосновыхъ лѣсовъ, гдѣ, послѣ нѣсколькихъ минутъ остановки для веселой бесѣды съ кондукторомъ или машинистомъ, незнакомцы садились въ вагоны или передавали посылки, карзины, письма, а подчасъ и словесныя порученія, возложенныя на нихъ. Значительная часть пути пролегала по пустыннымъ, болотистымъ лѣсамъ, которые никогда не

очищались и не обрабатывались; другая часть пересѣкала опустошенныя поселенія и разрушенныя деревни, остававшіяся въ томъ же положеніи со времени войны, послѣдній выстрѣлъ которой прогремѣлъ за три года предъ тѣмъ. Замѣчались слѣды тяжелой военной оккупаціи; мѣстами виднѣлись обгорѣлыя бревна желѣзнодорожныхъ мостовъ, еще не исправленныхъ, а по линіи памятнаго наступленія еще не убраны были обломки желѣзныхъ рельсовъ. Эти воспоминанія пораженія не возбуждали, казалось, ни мести, ни энергіи къ уничтоженію ихъ; унылая апатія, послѣдовавшая за днями страстнаго возбужденія и борьбы, все еще продолжалась, а медленное улучшеніе отмѣчено было томительною слабостью выздоравливающихъ. Всюду проглядывала безпомощность племени, зависнвшаго до тѣхъ поръ отъ варварскихъ условій или политическаго положенія и могущества, непзобрѣтательнаго и внезапно поставленнаго лицомъ къ лицу съ необходимостью личнаго труда. Глаза, всего за три недолгіе года предъ тѣмъ съ ненавистью обращавшіеся на сѣверъ, теперь напряженно всматривались въ ту же сторону, ожидая помощи и указаній. Они съ любопытствомъ всматривались въ лица своихъ энергичныхъ и процвѣтающихъ сосѣдей—недавнихъ враговъ—на верандахъ южныхъ отелей и палубахъ южныхъ пароходовъ, даже теперь изъ группы наблюдателей въ лѣсу выглядывали въ окна остановившагося поѣзда, гдѣ появились головы и плечи двухъ человѣкъ совершенно разнородныхъ типовъ, но чуждыхъ странѣ по платью, чертамъ и говору.

Два негра медленно нагружали тендеръ дровами. Густой, коричневый дымъ смолистыхъ полѣньевъ наполнялъ поѣздъ рѣзкимъ ароматомъ. Старѣйшій изъ двухъ сѣверныхъ пассажировъ, съ угловатыми, восточными чертами лица, нетерпѣливо взглянулъ на часы.

— Это уже верхъ небрежности! Развѣ при послѣдней остановкѣ мы не могли нагрузить достаточно дровъ, чтобы хватило еще на десять миль до мѣста назначенія? И почему, чортъ ихъ возьми со всею этою топкой! мы не можемъ идти быстрѣе?

Младшій пассажиръ, чье спокойное, выхоленное лицо и фигура, казалось, указывали на болѣе сдержанный характеръ, спокойно улыбнулся.

— Если это васъ интересуетъ, я вамъ покажу почему. Идите за мной.

Онъ вышелъ изъ вагона на платформу и спрыгнулъ съ нея на путь. Потомъ онъ внушительно указалъ на рельсы. Его спутникъ вдрогнулъ. Металлъ разщепался на тонкія полосы, мѣстами его толщина доходила всего до четверти дюйма, а мѣстами выдающіеся края были сорваны или висѣли желѣзными лоскутьями, такъ что колеса въ сущности катились по узкой центральной полосѣ. Казалось изумительнымъ какъ поѣздъ не слетѣлъ съ рельсовъ.

— *Теперь* вы знаете, спокойно промолвилъ младшій путешественникъ,—почему мы не идемъ по пяти миль въ часъ и должны еще быть благодарными за это.

— Но это вѣдь безсовѣстно и преступно! возбужденно сказалъ другой.

— При такой скорости—нѣтъ, возразилъ младшій.—Преступленіемъ было бы ускорить ходъ. И теперь вы поймете почему и въ значительной части другихъ дѣлъ въ здѣшнемъ штатѣ прогрессъ идетъ тѣмъ же тихимъ ходомъ на разрушающихся и подгнившихъ основахъ. Здѣсь нельзя летѣть на всѣхъ парахъ, какъ на сѣверѣ.

Другой пассажиръ пожалъ плечами, они влѣзли на платформу и поѣздъ двинулся. Уже не въ первый разъ расходились во мнѣніяхъ эти два спутника, хотя у нихъ было общее дѣло. Старшій лѣтами, мистеръ Цирусъ Дрёммондъ, былъ товарищемъ предсѣдателя обширной сѣверной компаніи заводовъ и земельной эксплуатаціи, купившій въ Георгіи значительное количество земли, а младшій—полковникъ Куртлэндъ, былъ инспекторомъ-консультантомъ и инженеромъ той же компаніи. Мнѣнія Дрёммонда находились въ значительной зависимости отъ партійныхъ предразсудковъ и самодовольнаго, откровеннаго незнанія настоящаго состоянія и условій жизни тѣхъ людей, съ которыми ему теперь пришлось имѣть дѣло, тогда какъ младшій по лѣтамъ Куртлэндъ, съ отличіемъ служившій во время войны, соединялъ солдатское уваженіе и почтеніе къ своимъ бывшимъ противникамъ, съ сознательною и вдумчивою наблюдательностью ихъ характера. Хотя онъ и вышелъ въ отставку изъ военной службы, но то обстоятельство, что онъ еще раньше прекрасно окончилъ курсъ въ инженерномъ училищѣ, заставило обусловить его выборъ для занятія этой должности, требовавшей техническихъ знаній, а его знаніе страны и людей дѣлало его цѣннымъ совѣтникомъ. Нельзя отрицать, что

мѣстные обыватели предпочитали воина, съ которымъ они нѣкогда лично боролись, капиталисту, котораго и не видали во время борьбы.

Поѣздъ тихо катился среди лѣса, такъ тихо, что ароматный сосновый дымъ локомотива, не отставая, клубился у оконъ вагона. Постепенно просѣки становились болѣе широкими, мѣстами выглядывали отдаленныя бѣлыя, деревянныя колонны какого-нибудь плантаторскаго дома, съ виду все такого же роскошнаго и претенціознаго, хотя въ усадебномъ заборѣ виднѣлись дыры, а калитка болталась на одной петлѣ.

Мистеръ Дрёммондъ злостно посмѣивался надъ этимъ очевиднымъ доказательствомъ безпечности и небрежности.

— Если даже они и разорены, они все же въ состояніи истратить нѣсколько центовъ на гвозди и колья, чтобы держать свои дома въ приличномъ видѣ и не выставлять своей бѣдности на-показъ предъ сосѣдями, сказалъ онъ.

— Въ этомъ-то какъ разъ вы и не понимаете ихъ, Дрёммондъ, замѣтилъ Куртлэндъ, улыбаясь.—Имъ нѣтъ никакой необходимости поддерживать свое положеніе передъ сосѣдями, которые все еще знаютъ ихъ, какъ „сквайра такого-то“, „полковника“ или „судью“ владѣльцевъ своихъ обширныхъ, хотя и обезображенныхъ помѣстій. Они не стыдятся своей бѣдности, которая просто случайность.

— Но стыдятся рабсты, и это по *убѣжденію*, прервалъ его Дрёммондъ.—Имъ стыдно чинить свои заборы самимъ теперь, когда у нихъ нѣтъ уже рабовъ, чтобы дѣлать это за нихъ.

— Что до этого, я сильно сомнѣваюсь, знаютъ ли иные изъ нихъ, какъ вбиваются гвозди, добродушно возразилъ Куртлэндъ, но это ужь вина системы, установившейся еще задолго до нихъ, системы, которую сохранили основатели республики. Нельзя требовать отъ нихъ, чтобъ они сразу нашлись въ своемъ новомъ положеніи, и, по правдѣ, Дрёммондъ, я думаю, что для нашей задачи и для ихъ блага—я въ этомъ убѣжденъ—мы въ настоящее время должны помочь имъ остаться такими, какъ есть.

— Можетъ-быть, насмѣшливо замѣтилъ Дрёммондъ,—вы не прочь возстановить рабство?

— Нѣтъ. Но мнѣ хотѣлось бы возстановить *хозяина* и не ради однихъ его интересовъ, но въ интересахъ свободы и *насъ самихъ*. Говоря по просту, съ тѣхъ поръ, какъ я занялся дѣлами

компаніи, я убѣдился изъ личныхъ наблюденій, что негру справиться съ новымъ положеніемъ труднѣе даже, чѣмъ ихъ господамъ. Онъ привыкъ къ своему прежнему традиціонному хозяину и сомнѣваюсь, станетъ ли онъ добросовѣстно работать на другаго, особенно на того, который его не понимаетъ. Не перетолкуйте моихъ словъ, я не предлагаю вернуться къ кнуту, этому звѣрскому орудію неотвѣтственнаго надсмотрщика, къ куплѣ и продажѣ, къ раздѣленію семей или иной прежней неправдѣ, но я предлагаю *бывшаго хозяина сдѣлать у насъ надсмотрщикомъ*, отвѣтственнымъ предъ *нами*. Онъ не глупъ и умѣлъ уже понять, что ему выгоднѣе платить жалованье своимъ прежнимъ рабамъ и пользоваться правомъ увольненія, наравнѣ съ другими нанимателями, чѣмъ нести издержки на содержаніе неспособныхъ и лѣнтяевъ, какъ это было при старой системѣ обязательнаго труда и пожизненнаго рабства. Прежнее рабовладыческое чувство исчезло предъ врожденнымъ здравымъ смысломъ и сознаніемъ своихъ интересовъ. Я убѣжденъ, что какимъ-нибудь подобнымъ способомъ, вродѣ пользованія прежними хозяевами и новою свободой, намъ удобнѣе будетъ вести дѣла компаніи, устраивать свои заводы, строить желѣзныя дороги и обрабатывать земли, чѣмъ если мы скупимъ ихъ помѣстья и съ небольшими деньгами въ карманахъ пустимъ ихъ на волю въ видѣ класса недовольныхъ лѣнтяевъ для оживленія старыхъ политическихъ догматовъ, обдумыванія новыхъ исходовъ, а пожалуй и для созданія опасной для насъ оппозиціи.

— Не хотите же вы сказать, что эти проклятые негры дадутъ предпочтеніе своимъ прежнимъ угнетателямъ?

— При одинаковомъ жалованьи, долларъ за долларъ—да! А почему имъ этого и не сдѣлать? Прежніе хозяева лучше понимаютъ ихъ и, вообще, лучше съ ними обращаются. Они знаютъ, что мы интересуемся ими въ силу отвлеченнаго чувства, а не по истинной любви. Мы это постоянно выказываемъ... Однако, мы подходимъ къ Рэдлендсу и майоръ Р. несомнѣнно подтвердитъ мои впечатлѣнія. Онъ настаиваетъ, чтобы мы остановились у него, хотя, я полагаю, бѣдному малому трудно устраивать пріемы. Но онъ будетъ обиженъ, если мы откажемся.

— Развѣ онъ вамъ пріятель? спросилъ Дрёммондъ.

— Я дрался съ его дивизіей при Каменной Бухтѣ, угрюмо отвѣтилъ Куртлэндъ.—Онъ безпрестанно толкуетъ объ этомъ со мной, такъ что, должно-быть, мы съ нимъ пріятели.

Чрезъ нѣсколько минутъ поѣздъ подошелъ къ рэдленской платформѣ. Когда оба путешественника вышли, Куртлэнду на плечо легла чья-то рука и его привѣтствовала дюжая фигура въ самомъ черномъ и самомъ блестящемъ изъ шелковыхъ пиджаковъ и въ самой бѣлой и широчайшей изъ панамскихъ шляпъ на головѣ.

— Радъ видѣть васъ, полковникъ. Рѣшилъ прогуляться сюда и привести этого молодца,—онъ указалъ на кланявшагося имъ сѣдовласаго негра лѣтъ шестидесяти,—онъ перетащитъ ваши вещи лучше, чѣмъ брать извощика. Нельзя сказать, чтобы послѣ войны я много ѣздилъ на лошадяхъ. Что не пошло въ ремонтъ, то поглотилъ вашъ коммиссаріатъ вмѣстѣ съ остальнымъ живымъ инвентаремъ, ха-ха!—Онъ отъ души разсмѣялся, словно это воспоминаніе было только забавнымъ, и снова потрепалъ Куртлэнда по спинѣ.

— Позвольте васъ познакомить съ моимъ другомъ, мистеръ Дрёммондъ, майоръ Ридъ, сказалъ Куртлэнъ улыбаясь.

— И вы участвовали въ войнѣ, сэръ?

— Нѣтъ... Я... отвѣтилъ Дрёммондъ, непзвѣстно почему затрудняясь и досадуя на себя за это.

— Мистеръ Дрёммондъ товарищъ предсѣдателя нашей компаніи, веселымъ тономъ вмѣшался Куртлэндъ, — онъ поставлялъ намъ *нервъ войны*.

Майоръ Ридъ поклонился нѣсколько сдержаннѣе.

— Большинство изъ насъ здѣсь, сэръ, побывало на войнѣ въ то или другое время, и если вы, господа, сдѣлаете мнѣ честь распить со мной стаканъ вина въ гостиницѣ, я познакомлю васъ съ капитаномъ Прендергастомъ, который потерялъ ногу у „Красивыхъ Дубовъ“.

Дрёммондъ готовъ былъ отказаться, но Куртлэндъ многозначительно пожалъ ему руку и это измѣнило его намѣреніе. Онъ послѣдовалъ за ними въ гостиницу, гдѣ былъ одноногій воинъ, оказавшійся хозяиномъ и буфетчикомъ, которому Куртлэндъ былъ представленъ майоромъ Ридомъ, какъ „тотъ человѣкъ, который у „Каменной Бухты“ три часа каталъ по нашей дивизіи картечью!“

Домъ майора Рида находился всего въ нѣсколькихъ минутахъ ходьбы по пыльной дорогѣ и вскорѣ приближеніе къ нему было привѣтствовано лаемъ трехъ или четырехъ борзыхъ, а представленіе о немъ далъ разрушенный заборъ изъ кольевъ и оштукатуренные фасады съ воротами. За нимъ возвышались деревянныя

дорическія колонны обычныхъ южныхъ домовъ, неясно виднѣвшіяся сквозь широкіе листья каштановъ, которые отѣняли ихъ. На верандѣ и у надворныхъ построекъ появились обычныя черныя тѣни — прежніе рабы составлявшіе и до сихъ поръ штатъ прислуги, какъ ящерицы, не дыша окаменѣвшіе въ своихъ позахъ при приближеніи незнакомыхъ шаговъ и державшіе въ неподвижныхъ рукахъ, кто щетку, кто метлу, кто пыльную тряпку или иное орудіе домашняго хозяйства, которыми они еле двигали. Изъ двери кухни, соединенной галлереей съ домомъ, выглядывала кухарка, тетка Марта, съ прижатымъ къ груди соусникомъ и приподнявъ другую руку съ полотенцемъ, остановившуюся очевидно на „мертвой точкѣ“.

Дрёммондъ, у котораго подступила желчь при видѣ этихъ доказательствъ безпомощной неспособности и полнѣйшей непредусмотрительности, ничуть не успокоился при появленіи миссъ Ридъ, раскисшей, недовольной женщины лѣтъ сорока, у которой все еще въ небольшихъ темныхъ глазахъ и тонкихъ красивыхъ губахъ проглядывала доля горечи и враждебности типичной южанки, не утѣшилъ его и выходъ ея двухъ дочерей, Октавіи и Августы, чья томная раздражительность казалась частью все еще носимаго ими траура. Оптимистическая любезность и товарищеское добродушіе майора становились еще замѣтнѣе по контрасту съ похоронными фигурами его семейныхъ и ихъ ядовитыми намеками. Пожалуй подъ его добродушіемъ скрывался легкій оттѣнокъ неискренности южанина.

— Изо всей семьи, сказала Куртлэнду миссъ Октавія съ угрюмою довѣрчивостью, но также и съ красивою улыбкой,—папа, пожалуй, единственный „перестроившійся“ по новому. Такихъ здѣсь не много. Но если вашъ другъ, мистеръ Дрёммондъ, пріѣхалъ сюда „голоса собирать“, то я бы посовѣтовала ему не слишкомъ довѣрять этой папиной „передѣлкѣ“. Она не надежна.

Когда же Куртлэндъ поспѣшилъ увѣрить ее, что Дрёммондъ не „собиратель голосовъ“ и не участвуетъ ни въ какихъ политическихъ интригахъ, подразумѣваемыхъ подъ этимъ названіемъ, а просто капиталистъ-сѣверянинъ, ищущій помѣщенія своимъ деньгамъ, молодая дѣвица казалась не болѣе привѣтливою.

— Вѣроятно онъ разсчитываетъ заплатить папѣ за негровъ, которыхъ вы у него украли? спросила она съ угрюмою насмѣшкой.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Куртлэндъ улыбаясь,—но что̀ еслибъ онъ разсчитывалъ платить этимъ неграмъ за работу на вашего отца и на себя.

— Если папа собирался войти съ *нимъ* въ дѣла, если майоръ Ридъ — если джентльменъ-южанинъ собирается открыть лавку, онъ не такъ глупъ, чтобы повѣрить, что негры будутъ работать, когда ихъ къ этому не принуждаютъ. Это пробуютъ у Миранды Доузъ—меньше пяти миль отсюда—и негры половину времени проводятъ здѣсь ничего не дѣлая. Она построила имъ новыя помѣщенія и старалась заставить ихъ ѣсть всѣхъ вмѣстѣ за длиннымъ столомъ, какъ рабочіе на сѣверѣ, уничтожила ихъ хижины и огороды съ дынями и сладкимъ картофелемъ, разсчитывая, что это удержитъ ихъ отъ лѣни и заставитъ больше работать и получать бо́льшую плату.

Въ результатѣ всю работу исполняетъ она сама съ племянницей и партіей бѣлыхъ бѣдняковъ-Ирландцевъ и Шотландцевъ, которыхъ пришлось навербовать на рѣкѣ. А ея племянница Салли во время войны была на половину сторонницей союза, сочувствовала всѣмъ этимъ сѣвернымъ розказнямъ и глупостямъ, бредила ими и все-таки, несмотря на это, дѣло у нихъ не идетъ.

— Но не въ этомъ ли отчасти и причина? Не вызвана ли ея неудача въ значительной степени недостаткомъ симпатіи со стороны сосѣдей? Недовольство посѣять очень легко, а негры до сихъ поръ еще находятся подъ гнетомъ предразсудковъ.

— Да, но это ей ни-почемъ. Если есть на свѣтѣ женщина увѣренная, что она рождена управлять всѣмъ и всѣми, такъ это Салли Доузъ!

— Салли Доузъ! повторилъ Куртлэндъ съ легкимъ удивленіемъ.

— Да, Салли Доузъ, изъ Пинвиля!

— Вы сказали, что она на половину была сторонницей союза, но не было ли у ней родныхъ... или... или... друзей на войнѣ въ вашихъ рядахъ? И... и... не убитъ ли кто-нибудь изъ нихъ?

— Всѣ убиты, насколько я помню, мрачно отвѣтила миссъ Ридъ,—начиная съ ея двоюроднаго брата Джефкарта, котораго застрѣлили на кладбищѣ, потомъ Четъ Бруксъ и Джойсъ Мёстертонъ, которые оба за ней ухаживали и оба убиты, а самъ старикъ, капитанъ Доузъ—онъ такъ и не подымалъ головы послѣ

Ричмонда, и допился до смерти. Въ тѣ времена нездорово было приходиться съ родни миссъ Салли, или даже стремиться къ этому.

Полковникъ Куртлэндъ не отвѣчалъ. Лицо юнаго офицера, направлявшагося къ нему изъ синяго дыма, появилось предъ нимъ такъ же ясно, какъ въ тотъ памятный день. Портретъ и письмо, находившіеся на груди у убитаго, которые онъ взялъ и продолжалъ хранить, романтическіе и безплодные розыски красавицы, предпринятые имъ впослѣдствіи, и необъяснимое влеченіе къ ней, все возраставшее у него въ сердцѣ съ тѣхъ поръ,—все это было только погружено въ сонъ усиленными занятіями послѣднихъ шести мѣсяцевъ и теперь вернулось къ нему съ удвоенною силой. Его настоящая миссія и ея практическая задача, добросовѣстное рвеніе, съ которымъ онъ преслѣдовалъ эту задачу; осмотрительность, искусство и опытность приложенныя имъ къ дѣлу,—все уступило мѣсто этой романтической не реальной фантазіи. И странно, она-то и представлялась ему теперь единственнымъ реальнымъ въ его жизни -- все остальное было безсвязнымъ, безцѣльнымъ сномъ.

— Что̀ миссъ Салли замужемъ? съ успѣхомъ спросилъ онъ.

— Замужемъ? Да, за теткиною фермой! Думаю, что это единственная вещь, которою она дорожитъ.

Куртлэндъ посмотрѣлъ на нее, къ нему возвратилось его обычное веселое спокойствіе, и онъ промолвилъ:

— Прекрасно: думаю, что послѣ завтрака я отправлюсь представиться *ея супругу?* Изъ вашихъ словъ видно, что эта ферма такой экспериментъ, который конечно сто́итъ посмотрѣть. Полагаю, что вашъ отецъ не откажется дать мнѣ письмо къ миссъ Доузъ.

II.

Однако, пока полковникъ Куртлэндъ, не спѣша, ѣхалъ въ *Доузовское Безуміе* —мѣстное прозваніе новаго эксперимента; онъ не сожалѣлъ, что ему представилась возможность посѣтить ферму подъ практическимъ предлогомъ, хотя романтическая восторженность у него ни мало не уменьшилась. Теперь пожалуй было уже нѣсколько поздно разыскивать миссъ Салли Доузъ подъ предлогомъ отдать ей письмо отъ обожателя, умершаго три года тому назадъ, о которомъ и воспоминаніе она вѣроятно похоронила.

Безтактнымъ было бы тоже вызывать вновь чувство, бывшее можетъ-быть слабостью, которой она стыдилась. Будучи въ своихъ обычныхъ дѣлахъ логичнымъ и здравомыслящимъ, Куртлэндъ все же не былъ совершенно свободенъ отъ тѣхъ особенныхъ предразсудковъ, которыми сопровождаются романы всѣхъ людей. Онъ вѣрилъ, что было нѣчто большее, чѣмъ простая случайность въ такъ неожиданно благопріятно сложившихся условіяхъ, при которыхъ онъ съ нею знакомится. Что до остальнаго—если было что-либо остальное—онъ просто довѣрится судьбѣ. Итакъ, воображая себя хладнокровнымъ и разсудительнымъ, а будучи въ дѣйствительности—поскольку это касалось миссъ Доузъ—такимъ же слѣпымъ, самонадѣяннымъ и неразсудительнымъ, какъ любой изъ ея предшествовавшихъ обожателей, онъ съ радостью ѣхалъ впередъ, пока не достигъ дороги, ведущей къ Доузовской плантаціи.

Здѣсь лучше содержимая въѣздная дорога и заборъ, заботливо исправляемый, привели бы въ восторгъ мистера Дрёммонда и подкупили въ пользу новаго предпріятія. Даже старомодная, мѣстная форма заборовъ, змѣившихся зигзагами, уступала свое мѣсто болѣе прямой линіи изъ столбовъ съ перекладинами изъ рельсовъ по сѣверному образцу. За нею вскорѣ появились длинные, низкіе фасады новѣйшихъ построекъ, которыя, къ удивленію Куртлэнда, были совершенно оригинальны и по архитектурѣ, и по назначенію. Не было никакого намека на обычные южные портики и веранды съ коллонами, но это были и не сѣверныя строенія, фестонообразные фасады частью скрывались подъ розами и жасминомъ. Длинная крытая галлерея соединяла постройки другъ съ другомъ и одной изъ нихъ служила верандой. Широкій, хорошо укатанный въѣздъ отъ открытыхъ воротъ велъ къ строенію недавно возведенному и служившему, повидимому, конторой: болѣе узкая дорога отдѣлялась отъ въѣзда и вела къ угловому дому, который, несмотря на свою строгую простоту, имѣлъ болѣе жилой видъ. Тутъ не было видно праздной прислуги и рабочихъ, какъ въ усадьбѣ у Рида, очевидно они были заняты своимъ дѣломъ. Сойдя съ лошади, Куртлэндъ привязалъ ее къ столбу у конторской двери и пошелъ по узкой дорогѣ къ угловому дому.

Дверь была открыта и въ нее свободно врывался сквозь розы и жасмины вечерній, душистый вѣтерокъ. Открыта была и боковая дверь въ длинную пріемную, или гостиную, устроенную

во всю ширину дома. Куртлэндъ вошелъ въ нее. Она была красиво обставлена, но все въ ней носило отпечатокъ свѣжести и какой-то особенной новизны. Она была пуста, но изъ двухъ открытыхъ оконъ-дверей, въ задней стѣнѣ оттѣненныхъ трельяжемъ изъ виноградныхъ лозъ и выходившихъ на залитый солнцемъ дворъ, доносились звуки легкихъ ударовъ молотка. Куртлэндъ подошелъ къ одному изъ оконъ. Какъ разъ предъ нимъ на землѣ стояла небольшая переносная лѣстница, которую онъ слегка отодвинулъ, чтобъ открыть себѣ лучшій видъ изъ окна во дворъ.

Въ этомъ положеніи онъ вдругъ почувствовалъ легкій толчокъ по шляпѣ, отъ чего она свалилась у него съ головы, за ней почти тотчасъ же послѣдовали падающая туфля и ясное прикосновеніе очень маленькой ноги, наступившей ему на темя. У него мелькнуло какое-то неописуемое ощущеніе и онъ спѣшно отступилъ назадъ отъ окна, въ ту минуту, когда обутая въ полосатый чулокъ нога также спѣшно отдернута была кверху, и раздался женскій голосъ: „Боже мой!“

Подождавъ одно мгновеніе, чтобъ убѣдиться, что говорившая нашла опору и не рискуетъ упасть, Куртлэндъ схватилъ шляпу, свалившуюся къ счастью въ комнату, и безмолвно отступилъ на другой конецъ гостиной. Изъ-за окна опять послышался тотъ же голосъ; онъ поразилъ его чистотой и мягкостью.

— Софи, это вы?

Куртлэндъ скромно удалился въ залу. Къ большому его облегченію, другой голосъ снаружи отвѣтилъ:

— Гдѣ, миссъ Салли?

— Зачѣмъ вы отодвинули лѣстницу? Вы могли убить меня!

— Что вы, миссъ Салли! Я никакой лѣстницы не трогала.

— Не разговаривайте, а сойдите и подайте мнѣ туфлю. И принесите еще гвоздей.

Куртлэндъ молча ожидалъ въ залѣ. Вскорѣ онъ услышалъ тяжелые шаги у задняго окна. Онъ воспользовался случаемъ. Входя опять въ гостиную нѣсколько демонстративно, онъ встрѣтился съ высокою дѣвушкой, негритянкой, проходившею по комнатѣ съ маленькою туфлей въ рукѣ.

— Виноватъ, вѣжливо сказалъ онъ,—но я не нашелъ никого доложить обо мнѣ. Что миссъ Доузъ дома?

Дѣвушка тотчасъ же спрятала туфлю за спиной.

— Вамъ кого угодно? спросила она съ большимъ достоин-

ствомъ;—миссъ Миранду Доузъ, или миссъ Салли Доузъ, ея племянницу? Миссъ Миранда уѣхала въ Аталанту на недѣлю.

— У меня письмо къ миссъ Мирандѣ; но я буду очень радъ, если миссъ Салли Доузъ меня приметъ, отвѣтилъ Куртлэндъ, передавая дѣвушкѣ письмо и свою карточку.

Она взяла ихъ съ еще бо́льшимъ достоинствомъ и замѣтною нерѣшительностью.

— У меня совсѣмъ изъ головы вонъ, сэръ, принимаетъ ли миссъ Салли въ эти часы. По правдѣ говоря, продолжала она съ усиленною важностью и какъ будто соображая что-то въ то время, какъ удары молотка миссъ Салли беззастѣнчиво раздавались изъ-за стѣны,—я не знаю навѣрное—занята ли она игрой на арфѣ, практикой языковъ, или живописью, или принимаетъ служащихъ по дѣламъ. Этотъ часъ можетъ служить и для того, и для другаго. Но я пойду въ будуаръ, на верхъ и доложу ей. Она ловко отступала, не оборачиваясь къ нему спиной, за которою скрывалась туфля, и съ тѣмъ же достоинствомъ вышла въ боковую дверь. Въ слѣдующую минуту удары молотка прекратились, снаружи донесся шепотъ, на землю посыпались мелкіе сучки и листья, и затѣмъ наступила полная тишина. Онъ опять рѣшился подойти къ окну.

Вскорѣ онъ услышалъ легкое шуршанье въ другомъ концѣ комнаты и обернулся. Онъ почувствовалъ внезапный трепетъ, затѣмъ ему показалось, что сердце его перестало биться; онъ тяжело перевелъ дыханіе, что̀ почти равнялось вздоху, и замеръ безъ движенія.

Ему и въ голову не приходило влюбиться въ миссъ Салли съ перваго взгляда, ему и во снѣ не снилось, что это могло случиться. Даже дѣвичье лицо, которое онъ увидѣлъ въ медальонѣ, хотя и вызвало въ немъ странное волненіе, но не внушало этой мысли. А идеалъ, сложившійся по этому портрету, никогда въ дѣйствительности не представлялся ему. Но изящно красивое лицо и фигура, появившіяся предъ нимъ, хотя и могли бы быть нарисованы его воображеніемъ, однако были чѣмъ-то еще бо́льшимъ и неожиданнымъ. Изо всего случившагося раньше ничто не могло подготовить его ко встрѣчѣ съ восхитительною дѣвушкой, которая стояла предъ нимъ. Мало было бы сказать, что миссъ Салли была года на четыре или лѣтъ на пять старше своего портрета, и что позднѣйшій опытъ, развившіяся

способности, другая жизнь и новыя стремленія придали ея юному лицу отпечатокъ утонченнаго благородства; слишкомъ фантастично предположить, что кровь убитыхъ изъ-за нея какимъ-то неопредѣленно таинственнымъ путемъ придала ей настоящую обворожительность, но вѣрно, что даже такая привычная свидѣтельница, какъ Софи, находила свою молодую хозяйку очень хорошенькою барышней съ самымъ нѣжно розовымъ цвѣтомъ лица, самыми шелковистыми вьющимися волосами, съ блестящими сѣрыми глазами, вполнѣ гармонировавшими съ тѣмъ и другимъ, что платье изъ индійской кисеи, хотя и дома сшитое, прекрасно сидѣло на фигурѣ миссъ Салли, отъ голубыхъ бантиковъ на плечахъ до ленты вокругъ пояса и что изъ-подъ края волнистой оборки выглядывала ножка, которая—всѣ это знали—была самою маленькою къ югу отъ Мезана и вплоть до Дикксенсъ-Лайнъ. Но нѣчто, менѣе осязательное, лишало Куртлэнда дыханія и рѣчи.

— Я не миссъ Миранда Доузъ, сказало видѣніе съ откровенностью полуребяческою и полудѣловою, и протянуло маленькую руку,—но я могу съ вами говорить о хозяйствѣ почти такъ же хорошо, какъ тётя, и я вижу, майоръ Ридъ говоритъ здѣсь,—она показала письмо,—что лишь бы добраться до плодовъ, а вамъ все равно какою палкой ихъ сбивать.

Голосъ, которымъ была сказана эта рѣчь, былъ такой чистый и пріятный, что Куртлэндъ едва ли задумался надъ ея странностью и діалектическими погрѣшностями, но она вернула ему даръ слова и онъ спокойно промолвилъ:

— Не знаю, что̀ написано въ этомъ письмѣ, миссъ Доузъ, но едва ли майоръ Ридъ такимъ образомъ объясняетъ сегодняшнюю удачу выпавшую на мою долю.

Миссъ Салли засмѣялась. Затѣмъ съ очаровательною любезностью она указала рукой на диванъ.

— Вотъ! Вамъ конечно нужно было мѣсто, чтобы все это выразить, полковникъ, но теперь, когда вы это сдѣлали—и вышло очень мило, теперь вы можете сѣсть.—Съ этими словами она опустилась на диванъ, красиво отбросила бѣлую волну оборокъ, чтобъ оставить достаточно мѣста для Куртлэнда и сложивъ руки на колѣняхъ, приняла спокойно выжидательный видъ.

— Позвольте мнѣ надѣяться, что я не безпокою васъ, сказалъ Куртлэндъ, замѣтивъ знакомую маленькую туфлю подъ оборкой и вспомнивъ окно.—Я увлекся думая о вашей тетушкѣ,

какъ о хозяйкѣ этихъ помѣстій и совсѣмъ забылъ, что у ней, какъ у дамы, могутъ быть назначены свои часы для пріемовъ.

— Пріемныхъ часовъ у насъ нѣтъ, сказала миссъ Салли,—и у насъ теперь слишкомъ мало прислуги для свѣтскихъ пріемовъ; въ полѣ и на гумнѣ рукъ не хватаетъ. Когда вы пріѣхали, я приколачивала трельяжъ для лозъ, потому что всѣ плотники заняты. Но вы вѣдь пріѣхали говорить о хозяйствѣ, добавила она съ легкою насмѣшкой въ тонѣ.

— Да, отвѣтилъ Куртлэндъ, вставая, но не для того, чтобы прерывать хозяйственныя работы. Не позволите ли вы мнѣ помочь вамъ приколачивать трельяжъ къ стѣнѣ. У меня есть кое-какая опытность по этой части и работая мы можемъ разговаривать. Доставьте мнѣ это удовольствіе!

Дѣвушка взглянула на него.

— Вотъ это попросту! И вы это серьезно?

— Совершенно. Мнѣ не будетъ тогда казаться, что я наслаждаюсь вашимъ обществомъ подъ выдуманнымъ предлогомъ.

— Такъ подождите меня здѣсь.

Она вскочила съ дивана, выбѣжала изъ комнаты и вскорѣ вернулась завязывая за спиной шнурки длинной полосатой блузы—очевидно изъ гардероба Софи. Блуза была собрана тесемкой тоже завязанною сзади, а красивые волосы спрятаны были подъ простой красный платокъ горничной-негритянки. Едва ли нужно прибавлять, что впечатлѣніе получалось обворожительное.

— Но вы навѣрно испортите свое красивое платье, сказала миссъ Салли, оглядывая фракъ ловко облегавшій фигуру ея гостя.—Снимите фракъ, не обращайте на меня вниманія. и работайте безъ него.

Куртлэндъ послушно сбросилъ съ себя фракъ и вслѣдъ за дѣятельною хозяйкой вышелъ на балконъ чрезъ стеклянную дверь. Надъ ними, выдаваясь на нѣсколько дюймовъ кругомъ всего дома, шелъ деревянный карнизъ. На немъ очевидно миссъ Салли нашла себѣ точку опоры, когда приколачивала трельяжъ изъ планокъ между нимъ и окнами втораго этажа. Куртлэндъ отыскалъ лѣстницу и влѣзъ на карнизъ; за нимъ слѣдомъ взобралась туда же и молодая дѣвушка, съ улыбкой отклонивъ протянутую. чтобы помочь ей, руку, и оба серьезно принялись за работу. Но въ промежуткахъ между ударами молотка и подвязываніемъ лозъ языкъ у миссъ Салли не оставался безъ дѣла. Ея бесѣда была такъ же странна и такъ же оригинальна, какъ она сама, и вмѣстѣ съ

тѣмъ такъ практична и подходяща къ цѣлямъ визита Куртлэнда, что служила извиненіемъ его восхищенью чарующею близостью миссъ Салли. Когда останавливалась она, чтобы вынуть гвозди, которые держала своими хорошенькими зубками, или говорила съ нимъ, или, еле держась одною рукой за трельяжъ, жестикулировала молоткомъ, указывая на отдѣльныя части плантаціи, ея слова были настолько же ясны и дѣйствовали настолько же убѣдительно на его разумъ, насколько сама она смущала его чувства.

Она разсказала ему, какъ война разстроила ихъ прежнюю семейную жизнь въ Виргиніи: отецъ поѣхалъ на службу въ союзный совѣтъ, въ Ричмондѣ, а она съ теткой осталась одна управлять имѣніемъ; какъ усадьба ихъ была разграблена и домъ уничтоженъ, а у нихъ едва достало времени спасти часть цѣнностей; какъ она не поѣхала на сѣверъ, хотя всегда стояла противъ раздѣла и войны, а предпочла остаться со своими земляками и вынести вмѣстѣ съ ними предвидѣнную ею кару за безуміе. Какъ послѣ войны и смерти ея отца, они съ теткой рѣшили „передѣлать себя“ по своему, на этомъ клочкѣ земли, который пережилъ ихъ несчастіе, потому что его всегда считали не имѣющимъ цѣны и невыгоднымъ для эксплуатаціи трудомъ негровъ, какъ сначала они переносили серьезныя затрудненія вслѣдствіе неспособности и невѣжества освобожденныхъ земледѣльцевъ и апатіи и предубѣжденія сосѣдей; какъ постепенно они начали успѣвать благодаря примѣненію новыхъ методовъ и идей задуманныхъ ею и которые она ему ясно и кратко изложила.

Куртлэндъ слушалъ, затаивъ дыханіе, съ новымъ почти суевѣрнымъ интересомъ: это были *его собственныя* теоріи—усовершенствованныя и доказанныя.

— Но для этого у васъ долженъ быть капиталъ.

„Ахъ, да! въ этомъ, какъ разъ, онѣ были счастливы. У нихъ были родственники Французы, у которыхъ она когда-то жила въ Парижѣ, они доставили средство пустить дѣло въ ходъ. У ея отца были друзья Англичане, которые вошли въ долю, доставили имъ капиталъ, опытныхъ рабочихъ и въ родѣ управляющаго или агента—представителя ихъ. Теперь дѣло у нихъ идетъ и пожалуй лучше для ихъ репутаціи въ глазахъ сосѣдей, что онѣ не обязывались „сѣверянамъ“. Видя, что лицо у Куртлэнда затуманилось, молодая барышня добавила съ притворнымъ вздохомъ и первымъ намекомъ на женское кокетство, которое вмѣшалось въ ихъ товарищескія отношенія:

— Вамъ слѣдовало бы раньше отыскать насъ, полковникъ!

На одно мгновеніе Куртлэндъ почувствовалъ неодолимое желаніе разсказать сейчасъ же и здѣсь исторіи своихъ романтическихъ поисковъ; но его остановило соображеніе, что они стоятъ на узкой доскѣ, гдѣ нѣтъ мѣста для волненія и что миссъ Салли только-что взяла гвоздь въ ротъ и удивленіе могло быть опаснымъ. Къ этому можно бы прибавить новую ревность къ ея прежнимъ опытамъ, которой онъ раньше не чувствовалъ. Однако ему удалось высказать даже съ горячностью.

— Но я надѣюсь, что и *теперь* еще не поздно. Думаю, что мои довѣрители готовы и имѣютъ средства купить любаго изобрѣтателя, и Англичанина, и Француза, и теперь, и въ будущемъ.

— Вы могли бы попробовать вонъ съ этимъ, сказала миссъ Салли, указывая на молодаго человѣка, который только-что вышелъ изъ конторы и переходилъ дворъ.—Это англійскій агентъ.

Онъ былъ приземистъ, широкоплечъ и круглолицъ, казался свѣжимъ и чистымъ въ своей бѣлой фланели, но имѣлъ видъ существа, совершенно отличающагося ото всего окружающаго его, посторонняго всему этому и непримиримаго, какъ по убѣжденію, такъ и по чувству. Проходя мимо дома, онъ застѣнчиво взглянулъ въ его сторону; при видѣ молодой дѣвушки, его глаза блеснули и манеры стали самонадѣянными, но все измѣнилось, когда онъ замѣтилъ ея собесѣдника. Куртлэндъ тоже почувствовалъ нѣкоторую неловкость; одно дѣло—помогать миссъ Салли *наединѣ*, но, конечно, другое—дѣлать это на глазахъ у посторонняго, и невозмутимый взглядъ Англичанина онъ встрѣтилъ одинаково холоднымъ взглядомъ. Одна миссъ Салли сохранила свое спокойствіе и самообладаніе. Она крикнула ему:

— Обождите минуту, мистеръ Чампней, легко соскользнула по лѣстницѣ и прислонившись къ ней спиной, съ одною ногой на нижней ступени, она ждала его приближенія.

— Я думала, что вы пройдете мимо, сказала она, когда онъ подошелъ,—полковникъ Куртлэндъ,—добавила она, съ пояснительнымъ взмахомъ молотка по направленію своего собесѣдника, выпрямившагося и какъ бы застывшаго на карнизѣ,—онъ не родственникъ тѣмъ фигурамъ на фризѣ палаты въ Редлендсѣ, но офицеръ-сѣверянинъ, другъ майора Рида и пріѣхалъ сюда скупать земли южанъ для сѣверныхъ капиталистовъ. Мистеръ Чампней, продолжала она, оборачиваясь къ Куртлэнду, возвысивъ голосъ и указывая на Чампнея молоткомъ,—когда онъ не

говоритъ по-англійски, не глядитъ по-англійски, не думаетъ по-англійски, не одѣвается по-англійски и не удивляется, почему Господь не сдѣлалъ всего міра—англійскимъ, онъ старается самъ это сдѣлать для своихъ земляковъ. Мистеръ Чампней, полковникъ Куртлэндъ. Полковникъ Куртлэндъ, мистеръ Чампней!—Они обмѣнялись формальными поклонами.—А теперь, полковникъ, если вы сойдете, мистеръ Чампней покажетъ вамъ хозяйство! Когда вы кончите, найдете меня здѣсь за работой.

Куртлэндъ предпочелъ бы ея общество и разъясненія при этомъ инспекторскомъ осмотрѣ, а отчасти и ожидалъ этого, но скрылъ свое разочарованіе и спустился съ карниза. Ему не совсѣмъ нравилось, что Чампней, повидимому, успокоился и смотрѣлъ на него, какъ на посторонняго, не имѣвшаго заднихъ мыслей и не способнаго помѣшать конфиденціальнымъ отношеніямъ, которыя быть-можетъ установились между нимъ и миссъ Салли. Онъ, однако, съ вѣжливою благодарностью принялъ приглашеніе Англичанина сопровождать его, и они вмѣстѣ вышли изъ дому.

Менѣе чѣмъ черезъ часъ они вернулись. Еще меньше времени потребовалось Куртлэнду для открытія, что авторомъ дѣйствительныхъ улучшеній и новыхъ методовъ была миссъ Салли, что въ сущности ея вліяніе чувствовалось во всемъ и что вѣроятно ей было больше хлопотъ чѣмъ помощи отъ старомоднаго, традиціоннаго консерватизма компаніи, представителемъ которой былъ Чампней. Однако выяснилось тоже, что это сознавалъ и молодой человѣкъ, откровенно объ этомъ бесѣдовавшій.

— Видите ли, тамъ у себя они ведутъ дѣло по иному и не могутъ понять, знаете, что есть другой способъ. Они все пристаютъ ко мнѣ, какъ будто я этому могу помочь, хоть я и старался объяснить имъ, какъ ведется дѣло съ неграми, знаете, и все такое. Они хотятъ, чтобы миссъ Доузъ сообщала свои планы мнѣ, и ждутъ, что я буду доносить о нихъ, а они предложутъ ихъ на обсужденіе правленія и будутъ ожидать его рѣшенія. И подумать, чтобы миссъ Доузъ стала это дѣлать! Но, по совѣсти, они тамъ совсѣмъ, знаете, не понимаютъ ея.

— Которую миссъ Доузъ подразумѣваете вы, спросилъ Куртлэндъ сухо.

— Миссъ Салли, конечно, быстро отвѣтилъ молодой человѣкъ.—*Она* управляетъ всѣмъ съ теткой включительно. Она можетъ заставить этихъ негровъ работать, когда никто этого не сдѣлаетъ,

слова или улыбки ея достаточно. Она можетъ заключать договоры съ торговцами и контрагентами и притомъ на предложенныхъ ею условіяхъ, когда они и не хотятъ смотрѣть на мои цифры. По совѣсти, она обходитъ этихъ путешествующихъ агентовъ и изобрѣтателей, знаете, которые рыскаютъ по дорогамъ съ образцами и патентами, а одного изъ тѣхъ, что̀ ставятъ шпицы отъ грома и проволочные заборы, она заставила показать себѣ, какъ устроить бесѣдку изъ вьющихся розъ. Когда я васъ увидалъ на карнизѣ, я подумалъ, что вы тоже въ другомъ родѣ, знаете,—что она попросила, то-есть, при первомъ взглядѣ, конечно, вы понимаете, что я хочу сказать—хе! по совѣсти! прежде, знаете, чѣмъ насъ познакомили...

— Я самъ предложилъ помочь миссъ Салли, возразилъ Куртлэндъ такъ быстро, что тотчасъ же пожалѣлъ объ этомъ.

— Такъ и съ тѣмъ было, знаете! Миссъ Салли никого не проситъ. Видите ли, никто не согласится стоять и смотрѣть, когда молодая барышня, такая какъ она и дѣлаетъ такое дѣло! Смутно сознавая, что онъ говоритъ то, что̀ не слѣдуетъ, онъ невольно перемѣнилъ тему разговора.

— Не думаю, чтобъ я остался здѣсь надолго.

— Вы собираетесь вернуться въ Англію? спросилъ Куртлэндъ.

— О, нѣтъ! Но я оставлю службу въ компаніи и попробую самъ устроиться. Миляхъ въ трехъ отсюда продается добрый кусокъ земли и я думаю, что мнѣ удастся что-нибудь изъ него сдѣлать. Человѣку слѣдуетъ основаться и быть самому себѣ хозяиномъ, добавилъ онъ вопросительно,—не такъ ли?

— Но какъ же миссъ Доузъ будетъ обходиться безъ васъ? спросилъ Куртлэндъ, съ безпокойствомъ сознавая, что онъ переигрываетъ свое равнодушіе.

— О, знаете, я не особенно ей полезенъ, по крайней мѣрѣ *здѣсь*. Но я могъ бы приносить ей пользу, еслибъ имѣлъ собственную землю и мы были бы сосѣдями. Я говорилъ вамъ, что *она* здѣсь орудуетъ всѣмъ, чьи бы деньги въ дѣло ни были вложены.

— Полагаю, что вы и теперь говорите о молодой миссъ Доузъ, сказалъ Куртлэндъ сухо.

— Миссъ Салли, конечно, всегда, просто отвѣтилъ Чампней.—Она ведетъ дѣло.

— Были вѣдь французскіе капиталисты родственники миссъ Доузъ? Кто ихъ представляетъ? съ удареніемъ спросилъ Куртлэндъ.

Однако онъ не былъ подготовленъ къ внезапной перемѣнѣ въ лицѣ своего компаніона.

— Нѣтъ. Былъ кто-то вродѣ французскаго кузена, который много тутъ бѣгалъ, но, знаете, я скорѣе думаю, что онъ пріѣзжалъ сюда не за имѣніемъ смотрѣть, отвѣтилъ Чампней съ ироническою усмѣшкой.—Полагаю, тетка должно-быть написала его друзьямъ, потому что они отозвали его и не думаю, чтобъ у миссъ Салли было разбито сердце изъ-за него. Она не того сорта дѣвушка, а? Она могла бы выбирать изо всего штата, еслибы пошла на это. А? хотя это было какъ разъ то, что̀ думалъ самъ Куртлэндъ, онъ нашелъ нужнымъ отвѣтить съ разсѣяннымъ видомъ:

— Конечно, очень можетъ быть, и погрузился, повидимому, въ чисто дѣловыя соображенія.

— Мнѣ кажется лучше не входить, продолжалъ Чампней, когда они приблизились опять къ дому.—Вамъ, вѣроятно, нужно еще о чемъ-нибудь переговорить съ миссъ Доузъ. Если вамъ будетъ надобность во *мнѣ*, зайдите въ контору. Но *она* это узнаетъ. И-и, если вы пробудете еще въ этой части графства, заѣзжайте, знаете, ко мнѣ; мы покуримъ и выпьемъ пуншу. У меня умѣютъ его варить и мнѣ прислали хорошую водку съ той стороны. Прощайте.

Болѣе неловкій въ своей любезности, чѣмъ въ простой дѣловой бесѣдѣ, но, повидимому, одинаково искренній и въ томъ, и въ другомъ, онъ пожалъ руку Куртлэнда и ушелъ. Куртлэндъ повернулся къ дому. Онъ осмотрѣлъ ферму и ея улучшенія и нашелъ нѣкоторыя изъ своихъ идей примѣненными на практикѣ; очевидно здѣсь ему нечего больше дѣлать, какъ поблагодарить хозяйку и проститься съ нею. Но онъ чувствовалъ себя далеко не такъ спокойно, какъ въ то время, когда пріѣхалъ, и въ его посѣщеніи оставалось что-то страннымъ образомъ недоконченное, въ чемъ онъ не могъ себѣ отдать яснаго отчета. Его бесѣда съ Чампнеемъ усложнила, неизвѣстно почему, его предшествовавшія представленія о миссъ Доузъ, и хотя онъ отчасти сознавалъ, что это не имѣетъ никакого отношенія къ дѣлу, которое привело его сюда, но старался думать наоборотъ. Если дѣйствительно миссъ Салли была въ нѣкоторомъ родѣ смущающимъ элементомъ для приближающихся къ ней мужчинъ, то это слѣдовало принять во вниманіе въ дѣловыхъ отношеніяхъ, гдѣ ей предстоитъ играть главную роль. Правда, Чампней сказалъ,

что она „не того сорта дѣвушка“, но это было свидѣтельствомъ лица, очевидно находившагося подъ ея вліяніемъ! Онъ вошелъ въ домъ чрезъ открытую стеклянную дверь. Ни въ залѣ, ни въ передней онъ никого не нашелъ. Онъ колебался нѣсколько времени, къ его безпокойству стало примѣшиваться легкое разочарованіе; она могла бы его подождать, она или Софи должны были замѣтить его возвращеніе. Онъ позвонитъ Софи и поручитъ ей передать хозяйкѣ свою благодарность и сожалѣнія. Онъ отыскалъ звонокъ, позвонилъ, но, увидѣвъ Софи, измѣнилъ свое намѣреніе и пожелалъ повидаться съ миссъ Доузъ. Въ промежуткѣ, между уходомъ Софи и появленіемъ миссъ Салли, онъ рѣшилъ исполнить какъ разъ то самое намѣреніе, которое за часъ передъ тѣмъ выбросилъ изъ головы, какъ несвоевременное и сомнительное.

Она вошла, приподнявъ красивыя брови и выражая на лицѣ удивленіе.

— Право же я думала вы поѣхали въ красную ригу и оттуда отправились домой. Я справилась съ лозами раньше, чѣмъ думала; одинъ изъ племянниковъ судьи Гаррета подошелъ какъ разъ вовремя, чтобы помочь мнѣ управиться съ послѣднимъ рядомъ. Вамъ не стоило безпокоиться посылать за мной ради однихъ свѣтскихъ приличій, но Софи говоритъ, что вы казались чѣмъ-то озабоченнымъ, какимъ-то „особеннымъ“, когда спрашивали меня, такъ что я думаю вамъ надо переговорить со мной о чемъ-нибудь.

Мысленно проклиная Софи и съ непріятнымъ чувствомъ къ неизвѣстному сосѣду, помогавшему миссъ Салли вмѣсто него, онъ тѣмъ не менѣе постарался быть любезнымъ.

— Не знаю, что̀ мое лицо подсказало Софи, съ улыбкой началъ онъ,—но я надѣюсь то, что̀ мнѣ надо передать вамъ, покажется достаточно интереснымъ, чтобы заставить забыть мое вторичное вторженіе. Онъ помолчалъ и затѣмъ продолжалъ съ разстановкой:—вы, миссъ Доузъ, болѣе или менѣе занимали мои мысли въ продолженіе болѣе трехъ лѣтъ и хотя сегодня я встрѣтился съ вами въ первый разъ, но все это время я постоянно носилъ при себѣ ваше изображеніе. Даже этого свиданія, которое устроилось случайно, я ждалъ три года, все время безъ устали разыскивая васъ. Я нашелъ васъ здѣсь, подъ вашими мирными лозами и смоковницей, и, однако, три года тому назадъ вы явились мнѣ въ огнѣ и громѣ битвы.

— О, Боже мой! сказала миссъ Салли.

Сначала она сидѣла, сложивъ руки на колѣняхъ, а теперь отклонилась назадъ съ притворнымъ удивленіемъ и веселымъ выраженіемъ въ свѣтлыхъ сѣрыхъ глазахъ. Куртлэндъ замѣтилъ, что онъ ошибся тономъ, но теперь уже было поздно исправить это. Онъ передалъ ей медальонъ и письмо, и кратко, но можетъ-быть съ большею серьезностью разсказалъ, какъ они достались. Но онъ совершенно опустилъ болѣе драматическія и таинственныя подробности, свое собственное суевѣріе и странное предрасположеніе въ ея пользу.

Миссъ Салли приняла вещи безъ волненія, безъ малѣйшаго признака румянца или блѣдности, который измѣнилъ бы ея нѣжный цвѣтъ лица. Просмотрѣвъ письмо, повидимому, довольно короткое, она сказала съ улыбающеюся, отчасти жалостливою невозмутимостью:

— Да! Это былъ бѣдный Четъ Бруксъ! Конечно! Я слышала, что его убили у Змѣиной рѣки. Это похоже на него—броситься впередъ въ первую свалку и дать себя убить. И все это ради чего? Чистое сумашествіе!

Куртлэнда покоробило, но у него отлегло отъ сердца, хотя онъ чувствовалъ себя неловко отъ обоихъ впечатлѣній; въ ослѣпленіи своемъ онъ продолжалъ:

— Но это былъ не единственный, миссъ Доузъ. Нашли еще одного убитаго, у котораго тоже былъ вашъ портретъ.

— Да; Джойсъ Мёстертонъ. Портретъ они прислали ко мнѣ. Но развѣ вы убили и его тоже?

— Не думаю, чтобы лично я убилъ котораго-либо изъ нихъ, холодно возразилъ онъ.

Онъ помолчалъ и продолжалъ съ серьезностью, которая, онъ безотчетно чувствовалъ, была неумѣстною и даже смѣшною:

— Они были храбрецами, миссъ Доузъ.

— Потому что носили на себѣ мой портретъ, быстро замѣтила миссъ Салли.

— Потому что *думали*, что у нихъ есть много ради чего жить и все-таки охотно отдали жизнь за то, что̀ считали правымъ дѣломъ.

— Не искали же вы меня три года, чтобы сказать *мнѣ*, южанкѣ, что южане умѣютъ драться? Не такъ ли, полковникъ? возразила молодая дѣвушка съ невыразимымъ достоинствомъ, слегка приподнявъ голову и опустивъ глаза.—Они всегда были готовы

на это, даже между собой. Для нихъ, бѣдныхъ, было гораздо легче подраться изъ-за чего-нибудь, чѣмъ его заработать. Вы же тамъ на сѣверѣ выучились дѣлать и то, и другое, и третье; вотъ почему вы насъ и побили. Васъ это удивляетъ, полковникъ?

— Я не ожидалъ, что вы взглянете на это съ такой... такой... точки зрѣнія, неловко промолвилъ Куртлэндъ.

— Сожалѣю, что разочаровала васъ, послѣ того, какъ причинила вамъ столько безпокойства, отвѣтила она, съ выраженіемъ загадочной скромности, вставая съ мѣста и приглаживая оборки, — но не вижу ясно, чего же вы могли ожидать послѣ трехъ лѣтъ; я бы могла надѣть трауръ, еслибъ онъ у меня былъ. Она пріостановилась и острымъ угломъ письма поправила отдѣлившійся локонъ на головѣ.—Но все равно, благодарю васъ, полковникъ. Право, съ вашей стороны было очень любезно доставить эти вещи сюда. И она искреннимъ движеніемъ протянула ему руку.

Куртлэндъ пожалъ ее съ убійственнымъ сознаніемъ, что послѣднія пять минутъ онъ безсознательно разыгрывалъ осла. Послѣ того, какъ она такъ многозначительно встала, ему нельзя уже было продлить свиданія. Еслибъ онъ только простился и приберегъ медальонъ и письмо до другаго визита, тогда можетъ-быть они стали бы друзьями! Теперь было слишкомъ поздно. Онъ одно мгновеніе склонился надъ ея рукой, еще разъ поблагодарилъ *ее* за любезность и ушелъ. Минутой позже она услышала по дорогѣ стукъ копытъ удалявшейся лошади.

Она открыла ящикъ въ своей конторкѣ, критически посмотрѣла на свой портретъ въ медальонѣ убитаго, и его и письмо бросила въ глубину ящика. Потомъ нагнулась, сняла съ ноги маленькую туфлю, задумчиво взглянула на нее и позвала:

— Софи!

— Миссъ Салли? спросила дѣвушка, появляясь у дверп.

— Увѣрены ли вы, что не отодвигали лѣстницы?

— Повѣрьте совѣсти, миссъ Салли, я и не трогала ея!

Миссъ Салли направила испытующій взглядъ на голову своей горничной, покрытую краснымъ платкомъ.

— Нѣтъ, тихо промолвила она,—во всякомъ случаѣ, это было не похоже на шерсть.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПАМЯТИ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА.

Этотъ замѣчательный писатель и хорошій человѣкъ, недавно умершій въ Сергіевомъ Посадѣ, не былъ очень извѣстенъ при жизни—да навѣрное не будетъ и послѣ смерти. Но его имя останется въ умственной исторіи Россіи. Въ общей картинѣ русской жизни за послѣднія два десятилѣтія эта оригинальная и яркая фигура займетъ хотя и небольшое, но замѣтное мѣсто.

О Леонтьевѣ, какъ художественномъ писателѣ—авторѣ романтическихъ повѣстей и этнографическихъ разсказовъ—я говорить не берусь. Самъ онъ впрочемъ считалъ это второстепеннымъ въ своей дѣятельности. Если онъ желалъ популярности и мечталъ о славѣ, то лишь какъ соціальный мыслитель, идейный проповѣдникъ, публицистъ. Но въ этой области большое вліяніе и значеніе достигаются только двумя путями: нужно или удовлетворять наличнымъ вкусамъ и инстинктамъ толпы, служить ближайшимъ интересамъ той (болѣе или менѣе широкой) соціальной группы, къ которой принадлежишь, или нужно служить вѣчной правдѣ, ставя ея осуществленіе, какъ идеалъ и задачу для человѣчества. Писатель оппортунистъ, если онъ достаточно чутко воспринимаетъ господствующія въ его соціальной средѣ настроенія и достаточно сильно ихъ выражаетъ, пользуется обыкновенно немедленнымъ успѣхомъ, пріобрѣтаетъ при жизни знаменитость и богатство, но по смерти слово его все болѣе и болѣе тускнѣетъ, онъ перестаетъ быть исторической силой и всецѣло причисляется къ историческому матеріалу. Что касается до предваряющихъ будущность служителей идеала, то ихъ при жизни обыкновенно пилятъ деревянными пилами (если не въ

буквальномъ смыслѣ, какъ ветхозавѣтнаго пророка, то въ переносномъ), поносятъ и преслѣдуютъ; за то послѣ смерти (а иногда и подъ конецъ жизни, какъ Магометъ) они пріобрѣтаютъ великую силу и славу, и остаются въ исторіи какъ дѣятельные духи, а не какъ мертвые факты.

Нашъ писатель не принадлежалъ ни къ той, ни къ другой категоріи. Популярность перваго рода была для него недоступна по богатству и своеобразію его мыслей; а также по нѣкоторой эстетической прихотливости. Удачный оппортунистъ не можетъ имѣть и во всякомъ случаѣ не долженъ пускать въ оборотъ большаго умственнаго капитала; притомъ ему непремѣнно нужно быть или стать до нѣкоторой степени плоскимъ, похожимъ на всѣхъ; а именно этого Леонтьевъ боялся и избѣгалъ пуще всего. Онъ даже слишкомъ много настаивалъ на своемъ враждебномъ отношеніи къ толпѣ, на своей ненависти къ демократизму или, какъ онъ выражался, къ *хамству*. Но дѣйствовать на толпу можно или угождая ей, или забывая про нее, а никакъ не питая къ ней ненависти. Была, правда, толпа, которую Леонтьевъ любилъ по-своему и признавалъ — простой народъ, поскольку онъ сохраняетъ свою бытовую обособленность; но для *этой* толпы нашъ писатель вовсе не существовалъ.

Если умственныя достоинства Леонтьева мѣшали ему сдѣлаться популярнымъ публицистомъ, угодникомъ толпы, то дѣйствовать на умы силою высшей правды онъ не могъ по другимъ причинамъ. Лично, какъ православный христіанинъ, онъ исповѣдывалъ, конечно, абсолютную истину; но его соціально-политическіе и историческіе взгляды не были ни простымъ и прямымъ отраженіемъ этой истины, ни ея логическимъ и органическимъ развитіемъ, а скорѣе какими-то оригинальными придатками къ ней. Общее направленіе его мыслей было крайне односторонне, а въ частностяхъ онѣ были слишкомъ пестры и неуравновѣшены. Одного идеальнаго средоточія, изъ котораго бы выходили и къ которому бы сходились, какъ радіусы, всѣ частныя мысли,—въ міросозерцаніи Леонтьева не было. У него не было одной господствующей и объединяющей любви, но была одна главная ненависть—къ современной европейской цивилизаціи, которая впрочемъ была ему извѣстна не въ своемъ западномъ подлинникѣ, а только въ неполномъ русскомъ и карикатурномъ греко-славянскомъ переводѣ. Этой ненавистной ему Европѣ онъ противупоставлялъ то старый византизмъ, то еще несуществующую и

невѣдомую культуру будущаго. „Я вѣрю, писалъ онъ, что Россія, имѣющая стать во главѣ какой-то ново-восточной государственности, должна дать міру и *новую культуру*, замѣнить этою новою славяно-восточною цивилизаціей отходящую цивилизацію романо-германской Европы.“ [1] Но эта новая культура по мысли Леонтьева сводится въ сущности къ тому же византизму, въ которомъ вся внутренняя сила Россіи не только прошедшей, но и будущей. „Византійскій духъ, византійскія начала и вліянія, какъ сложная ткань нервной системы, проникаютъ насквозь весь великорусскій общественный организмъ.“ [2]

„Съ какой бы стороны мы ни взглянули на великорусскую жизнь и государство, мы увидимъ, что византизмъ, то-есть Церковь и царь, прямо или косвенно, но во всякомъ случаѣ глубоко проникаютъ въ самыя нѣдра нашего общественнаго организма. Сила наша, дисциплина, исторія просвѣщенія, поэзія, однимъ словомъ, все живое у насъ сопряжено органически съ родовою монархіей нашей, освященною православіемъ, котораго мы естественные наслѣдники и представители во вселенной. Византизмъ организовалъ насъ, система византійскихъ идей создала величіе наше, сопрягаясь съ нашими патріархальными, простыми началами, съ нашимъ еще сырымъ и грубымъ въ началѣ славянскимъ матеріаломъ.“ [3]

Византизмъ, по убѣжденію Леонтьева, имѣетъ для насъ не одно историческое, но и пребывающее жизненное значеніе, онъ на вѣки для насъ обязателенъ. „Измѣняя, *даже въ тайныхъ помыслахъ нашихъ*, этому византизму, мы погубимъ Россію. Ибо тайные помыслы рано или поздно могутъ найти себѣ случай для практическаго выраженія.“ [4] „Византійскія идеи и чувство сплотили въ одно тѣло полудикую Русь. Византизмъ далъ намъ силу перенести татарскій погромъ и долгое данничество. . Византизмъ далъ намъ силу нашу въ борьбѣ съ Польшей, со Шведами, съ Франціей и съ Турціей. Подъ его знаменемъ, если мы будемъ ему вѣрны, мы конечно будемъ въ силахъ выдержать натискъ и цѣлой интернаціональной Европы, еслибъ она, разрушивъ у себя все благородное, осмѣлилась когда-нибудь и намъ предписать

[1] *Россія, Востокъ и Славянство*, сборникъ статей К. Леонтьева. М. 1875. Т. I., стр. 76.

[2] Тамъ же, стр. 100.

[3] Тамъ же, стр. 104.

[4] Тамъ же.

гниль и смрадъ своихъ новыхъ законовъ о мелкомъ земномъ всеблаженствѣ (?), о земной радикальной всепошлости.“ [1]

Вся живая сила прошедшаго и будущаго въ одномъ византизмѣ, но въ чемъ же внутреннее единство самого этого византизма? Не только какъ историческое явленіе, но и какъ идея — въ міровоззрѣніи нашего автора это есть что-то *мозаичное*, составленное изъ многихъ элементовъ, органически между собою несвязанныхъ. „Эта общая идея, говоритъ Леонтьевъ, слагается изъ нѣсколькихъ частныхъ идей религіозныхъ, государственныхъ, нравственныхъ, философскихъ и художественныхъ... Мы знаемъ, напримѣръ, что византизмъ въ государствѣ значитъ самодержавіе. Въ религіи онъ значитъ христіанство съ опредѣленными чертами, отличающими его отъ западныхъ церквей, отъ ересей и расколовъ.“ [2] Въ нравственномъ мірѣ византизмъ характеризуется какъ отрицаніе высокаго значенія человѣческой личности, а такъ же какъ отрицаніе идеи единаго человѣчества. Такимъ образомъ христіанство есть лишь одинъ изъ элементовъ византизма наряду съ другими, а эти другіе и по происхожденію, и по значенію своему принадлежатъ частію римскому, частію восточному язычеству. Христіанство является даже какъ будто служебнымъ орудіемъ другихъ византійскихъ началъ. Упомянувъ о томъ, что послѣдній языческій кесарь, Діоклетіанъ, былъ вынужденъ для укрѣпленія дисциплины государственной систематически организовать новое чиновничество, новую лѣстницу властей, исходящихъ отъ императора, Леонтьевъ продолжаетъ такъ: „Съ воцареніемъ христіанскихъ императоровъ къ этимъ новымъ чиновническимъ властямъ прибавилось еще другое несравненно болѣе сильное средство общественной дисциплины — власть церкви, власть и привилегіи епископовъ. Этого орудія древній Римъ не имѣлъ: у него не было такого сильнаго жреческаго привилегированнаго сословія. У христіанской Византіи явилось это новое и чрезвычайно спасительное орудіе дисциплины. Итакъ, повторяю, кесаризмъ византійскій имѣлъ въ себѣ, какъ извѣстно, много жизненности и естественности, сообразной съ обстоятельствами и потребностями времени. Онъ опирался на двѣ силы: на новую религію, которую даже и бо́льшая часть не христіанъ (то-есть атеистовъ и деистовъ) нашего времени признаетъ

[1] Тамъ же, 98.
[2] Тамъ же, 81.

наилучшею изо всѣхъ дотолѣ бывшихъ религій, и на древнее государственное право, формулированное такъ хорошо, какъ ни одно до него формулировано не было... Это счастливое сочетаніе очень древняго привычнаго (то-есть римской диктатуры и муниципальности) съ самымъ новымъ и увлекательнымъ (то-есть съ христіанствомъ) и дало возможность первому христіанскому государству устоять такъ долго на почвѣ расшатанной, полусгнившей, среди самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ." [1]

Если такимъ образомъ „наилучшая религія" пригодилась вмѣстѣ съ римскимъ правомъ для укрѣпленія политическаго византизма, то самъ византизмъ во всемъ своемъ составѣ есть наилучшее и даже единственно-пригодное *средство* для *охраненія* Россіи и Славянства. Таково заключеніе Леонтьева:

„Для существованія Славянъ необходима мощь Россіи.

„Для силы Россіи необходимъ византизмъ.

„Тотъ, кто потрясаетъ авторитетъ византизма, подкапывается, самъ быть-можетъ и не понимая того, подъ основы Русскаго государства.

„Тотъ, кто воюетъ противъ византизма, воюетъ, самъ не зная того, косвенно и противъ всего Славянства...

„Другаго крѣпкаго дисциплинирующаго начала у Славянъ разбросанныхъ мы не видимъ. Нравится ли намъ это, или нѣтъ, худо ли это византійское начало, или хорошо оно, но оно единственный надежный якорь нашего, не только русскаго, но и всеславянскаго охраненія." [2]

Въ этой политической философіи религіозный элементъ, очевидно, не имѣлъ того безусловнаго значенія и не занималъ того центральнаго мѣста, какое принадлежало ему въ личномъ чувствѣ автора, половину жизни мечтавшаго о монашествѣ и осуществившаго эту мечту не задолго до своей смерти. Такое раздвоеніе между простою субъективною религіозностью и объективнымъ культурнымъ идеаломъ смѣшаннаго характера съ преобладаніемъ мірскихъ элементовъ—отнимало всю силу у проповѣди Леонтьева. Если я утверждаю (какъ это дѣлалъ Леонтьевъ), что единственное существенное и важное есть отреченіе отъ міра и забота о душеспасеніи, а все остальное—суета суетъ и „частію тяжелое, частію очень сладкое, но во всякомъ случаѣ скоро преходящее

[1] Тамъ же, 86, 87.

[2] Тамъ же, 119.

сновидѣніе“,[1] — то какъ я могу тутъ же съ убѣдительностью проповѣдывать такой идеалъ, въ которомъ главное значеніе принадлежитъ этимъ суетнымъ и „соннымъ“ интересамъ? Идеалъ долженъ быть *одноцентреннымъ*. Довольно того, что наша реальная жизнь и исторія разрываются разнородными и противоборствующими началами и интересами. Это есть лишь фактическое несовершенство, а назначеніе идеала не въ томъ, чтобы воспроизводить такія несовершенства дѣйствительности, а въ томъ, чтобъ исправлять ихъ. Если мы въ свой высшій идеалъ перенесемъ хаотическую сложность реальной жизни, ея раздробленность и ея компромиссы, то не будетъ ли такой идеалъ „обуявшею солью“, которую уже нечѣмъ осолить?

Если все земное, все историческое есть только преходящее сновидѣніе, то такимъ же преходящимъ сновидѣніемъ нужно признать и идеалъ сложной ново-византійской или ново-восточной культуры. Это также есть сновидѣніе и притомъ только *предполагаемое*, слѣдовательно, самое пустое изо всѣхъ сновидѣній. Истинный идеалъ долженъ относиться къ тому, что̀ вѣчно. Но вѣчно для насъ, по мнѣнію Леонтьева, только личное существованіе за гробомъ, а оно вѣдь нисколько не связано ни съ какими культурными элементами—политическими, экономическими или художественными. Спасать свою душу можно при всякихъ условіяхъ, и для того, кто этимъ занятъ, такіе вопросы, какъ взятіе Царьграда, возрожденіе русскаго дворянства и основаніе новой охранительной цивилизаціи,—совершенно ненужны и неинтересны. Кому охота охранять преходящія сновидѣнія, а непреходящее въ охраненіи не нуждается.

Чтобы съ успѣхомъ проповѣдывать какой-нибудь идеалъ, нужно всецѣло, всею душой ему отдаться. Но нельзя, психологически невозможно отдаться такимъ предметамъ, которые ни высшаго блаженства, ни низшаго природнаго удовлетворенія не доставляютъ. Или по разуму истины и религіозному чувству я отдаюсь тому, что̀ вѣчно и безусловно, или по естественной необходимости тому, что̀ даетъ мнѣ хотя преходящее, но тѣмъ не менѣе реальное удовлетвореніе. Но проповѣдуемый Леонтьевымъ идеалъ сложной принудительной организаціи общества не имѣетъ ни вѣчнаго достоинства, ни минутной пріятности. О немъ можно разсуждать съ точки зрѣнія историческихъ вѣроятностей, но

[1] Томъ II, стр. 94.

жить и умирать ради него рѣшительно невозможно. Самъ Леонтьевъ, конечно, забылъ о немъ, когда какъ искренно вѣрующій христіанинъ готовился къ смерти. Ему тогда понадобились не Царьградъ, не дворянская идея и не византійская культура, а просто священникъ со Св. Дарами, то-есть нѣчто такое, что̀ по нашей вѣрѣ сохранится и при Антихристѣ и никакого охраненія не требуетъ.

Въ смыслѣ высшаго жизненнаго идеала взгляды Леонтьева на ново-византійскую культуру и т. д. совершенно несостоятельны; но въ нихъ есть много интереснаго съ точки зрѣнія философіи исторіи. Съ этой стороны они заслуживаютъ особаго разбора, къ которому я и намѣренъ приступить. А теперь, указавъ на коренной недостатокъ въ проповѣди Леонтьева, я долженъ, чтобы быть справедливымъ, упомянуть и о томъ, что̀ было у него существенно хорошаго.

Хорошо было, вопервыхъ, то, что свои крайне охранительные и благочестивые взгляды Леонтьевъ сталъ исповѣдывать еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, то-есть тогда, когда кромѣ недоумѣнія, насмѣшекъ и поношеній они ничего ему дать не могли. Все, что̀ онъ проповѣдывалъ, онъ самостоятельно продумалъ, пережилъ мыслью и чувствомъ. Каковы бы ни были его идеи сами по себѣ, это во всякомъ случаѣ были *его идеи*, а не чужія слова, повторяемыя по разсчету, или по стадному внушенію.

А вовторыхъ, хорошо было въ Леонтьевѣ то, что односторонность, исключительность и фанатизмъ его взглядовъ не выходили изъ предѣловъ теоріи и не имѣли вліянія ни на его жизненныя отношенія, ни даже на его литературныя сужденія. Этотъ проповѣдникъ силы и сильныхъ мѣръ менѣе всего былъ склоненъ обижать и оскорблять кого-нибудь и въ частной жизни и въ литературѣ. Онъ, какъ писатель, никогда не кривилъ душой изъ-за личнаго самолюбія или партійнаго интереса и всегда въ полной мѣрѣ отдавалъ справедливость и личнымъ, и идейнымъ врагамъ своимъ.

Отдадимъ же и мы ему полную справедливость. При всѣхъ своихъ недостаткахъ и заблужденіяхъ, это былъ замѣчательно самостоятельный и своеобразный мыслитель, писатель рѣдкаго таланта, глубоко преданный умственнымъ интересамъ, сердечно религіозный, а, главное, добрый человѣкъ.

Владиміръ Соловьевъ.

С.-Петербургъ, 14 декабря 1891 г.

НЕДОСЯГАЕМЫЯ ЗВѢЗДЫ.

Какъ? Вы уже хотите звонить, чтобы подали лампу? За что вы такъ жестоко наказываете меня? Будьте добры, милый другъ; мы оба уже можемъ позволить себѣ роскошь посидѣть вдвоемъ въ сумерки при мерцаніи звѣздъ... Вашъ пульсъ отъ этого не забьется быстрѣе, на вашихъ щекахъ не появится предательскаго румянца, стыдливо таящагося въ темнотѣ... Что до меня... то вѣдь вы знаете, что я вполнѣ благовоспитанъ... Къ сожалѣнію, я прошелъ чрезъ вашу школу!

Этотъ вздохъ уже самъ по себѣ кажется вамъ признакомъ дурнаго воспитанія... Но онъ отнюдь относится не къ вамъ;— какъ посмѣлъ бы я?—Я вздохнулъ о той звѣздѣ, упавшей какъ разъ въ эту минуту. Вы, конечно, видѣли ее? Замѣтили вы, какъ она сорвалась съ холоднаго темносиняго неба и, описавъ сверкающую дугу, утонула въ пурпурѣ вечерней зари, словно въ огненномъ морѣ страсти?

Знаете ли вы, что̀ предвѣщаетъ намъ, мужчинамъ, это огненное предзнаменованіе? Не удивляйтесь же, если вдругъ я протяну руки къ звѣздному небу и обращусь съ громкимъ воззваніемъ въ эѳиръ:

„Здѣсь, внизу, сидитъ бѣдный грѣховный сынъ земли. Онъ умоляетъ васъ, далекія звѣзды: пусть одна изъ васъ, только одна, снисходительно склонитъ ко мнѣ свой сіяющій ликъ и милостиво падетъ въ мои объятья... Быть - можетъ, ты такъ необходима мнѣ, прекрасная, предназначенная мнѣ, но невѣдомая звѣзда; хотя ни ты, ни я еще не сознаемъ этого; твоимъ горячимъ дыханіемъ я хочу согрѣть мое одинокое сердце; я хочу заняться

высшею астрономіей, изучая твой сверкающій взоръ, и единственный вопросъ, отвѣтъ на который я хочу въ немъ прочесть, конечно, съ помощью надежнаго телескопа—этотъ единственный великій достойный Коперника вопросъ: любишь ли ты меня?"

Какъ! не успѣлъ я произнести этой высоко-поэтической тирады, а вы уже поднимаете меня на смѣхъ и еще цитируете стихъ:

„А звѣзды...—Звѣздъ желать нельзя!"

Почему же нельзя? Все зависитъ отъ смѣлости. Отчего у людей нѣтъ этой смѣлости.

Вы возражаете мнѣ: потому что каждому хорошо извѣстно, что звѣзды, согласно законамъ неба, безстрастно совершаютъ предначертанные имъ вѣчные пути, и если гдѣ-нибудь на землѣ какой-нибудь дуракъ томится по нимъ, онѣ отвѣчаютъ ему лишь ледянымъ смѣхомъ!

Подъ дуракомъ вы, конечно, подразумѣваете не меня. И, наконецъ, та звѣзда, паденіе которой мы оба видѣли, неужели не служитъ достаточнымъ доказательствомъ того, какъ мало значатъ небесные законы, которымъ вы приписываете силу вѣчности. Развѣ мы не видѣли, какъ она ни съ того ни съ сего, вопреки закону Кеплера, стремглавъ кинулась внизъ въ объятья тоскующаго по ней сына земли? Само собою разумѣется, что тамъ на вечерней зарѣ сидѣлъ одинъ изъ тѣхъ дураковъ, о которыхъ вы отзываетесь съ такимъ презрѣніемъ; конечно, онъ простиралъ руки кверху, устремивъ страстный взоръ къ звѣздамъ.

Одна провансальская легенда говоритъ, что каждая падучая звѣзда есть блуждающая душа женщины, входящая въ рай. Въ рай любви, прибавлю я отъ себя, куда она попадаетъ, благодаря смѣлой волѣ мужчины, волѣ настолько всемогущей, что даже законы неба подчиняются ей. Вы и теперь скажете мнѣ: „А звѣзды... Звѣздъ желать нельзя!"

Но если вы будете хранить молчаніе и въ видѣ залога передадите мнѣ звонокъ, я разскажу вамъ исторію, которая послужитъ къ поясненію приведенной вами цитаты; она... но вы увидите въ чемъ дѣло.

Маркизъ Лагри написалъ оперу. Она называется: „Le nozze del bandito" и ничуть не лучше, но пожалуй и не хуже десятковъ оперъ съ подобнымъ сюжетомъ, которыми итальянскіе композиторы осчастливили міръ. Для знатнаго amatore она во всякомъ случаѣ достаточно хороша; а бо́льшаго молодой маркизъ и не

требовалъ, такъ какъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ выѣзжать въ большой свѣтъ, гдѣ, какъ свѣтскій человѣкъ, пользовался извѣстнымъ успѣхомъ, его музыкальное честолюбіе мало-по-малу остыло.

Онъ считался однимъ изъ самыхъ элегантныхъ кавалеровъ среди римской молодежи; въ его роскошной холостой квартирѣ, у подошвы Монте-Пинчіо, устраивались небольшія таинственныя вечеринки, о которыхъ на другой день знатнѣйшія дамы сообщали другъ другу на ухо удивительныя вещи, а когда онъ ѣхалъ черезъ Корсо, не одинъ сіяющій взоръ, невольно любуясь имъ, останавливался на его гордой юношеской фигурѣ, на его красивомъ чернобородомъ лицѣ, интересная блѣдность котораго, повидимому, скрывала много нѣжнаго и таинственнаго.

Еслибы только онъ захотѣлъ проговориться!—но онъ не проговаривался. Его уста были нѣмы, какъ могила, и предшествовавшій ему слухъ объ его безусловной молчаливости еще болѣе способствовалъ его успѣхамъ.

Да, нашъ маркизъ былъ счастливѣйшимъ человѣкомъ, и, вспоминая о немъ, я едва удерживаюсь отъ вздоха зависти.

Но и у него были тяжелыя минуты. Бывало утромъ, наканунѣ блестящаго пира, сидитъ онъ, опустивъ тяжелую голову на худыя блѣдныя руки, весь отдавшись печальнымъ думамъ.—Безцѣльное существованіе, разбитые идеалы, день ото дня увеличивающаяся пустота въ душѣ, непоставленная опера и нестерпимая головная боль—все это весьма понятно!

Въ одну изъ такихъ минутъ, это было въ концѣ апрѣля, онъ получилъ письмо отъ своего друга капельмейстера, исполнявшаго должность дирижера въ одномъ изъ городовъ дальнаго сѣвера; назовемъ этотъ городъ Стокгольмомъ. Письмо было написано съ жаромъ, присущимъ только Итальянцу:

Дорогой маркизъ!

Побѣда! Придите въ мои объятія, да, побѣда! восклицаю я. Мнѣ удалось добиться, чтобы на одномъ большомъ праздникѣ, который будетъ данъ въ самомъ непродолжительномъ времени, были исполнены большія сцены втораго акта изъ вашей „N. d. B.“ Маркизъ, ничто не привязываетъ васъ къ Риму: что еслибы вы сѣли въ вагонъ и прилетѣли сюда, чтобы самому руководить постановкой своего произведенія? И если вы еще колеблетесь—маркизъ,—блондинки, блондинки! Вы не знаете ихъ, вы не можете

ихъ себѣ вообразить; Англичанки, карабкающіяся на развалины форума, въ сравненіи съ ними—привидѣнія. Цѣлыми тысячами снуютъ здѣсь по улицамъ богини, волосы которыхъ какъ будто сотканы изъ солнечныхъ лучей, а глаза — цвѣта неба нашей Кампаніи. Здѣсь звѣзда нашей оперы. Эту плѣнительнѣйшую изо всѣхъ дочерей варваровъ зовутъ Фрёкенъ Дагмаръ. Маркизъ, что̀ это за женщина!—Она будетъ пѣть вашу Віолу; она видѣла вашъ портретъ; она назвала васъ красивымъ мужчиной. Пріѣзжайте; молодые брюнеты имѣютъ здѣсь нѣкоторые шансы! Пріѣзжайте скорѣй!

Маркизъ, блондинки!

Покорнѣйшій слуга вашей свѣтлости

Мартинуччіо.

PS. Не забудьте захватить съ собою шубу.

Маркизъ воспрянулъ духомъ. Именно этого ему и не доставало, чтобы вывести его изъ овладѣвшей имъ апатіи.

Онъ уложилъ свои вещи, написалъ полдюжины трогательныхъ прощальныхъ писемъ и съ легкимъ сердцемъ отправился въ путь. Даже мысль, что онъ второпяхъ легко могъ перепутать адресы этихъ писемъ, не была въ состояніи омрачить его свѣтлаго настроенія.

Путешествіе кончилось скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Четыре дня спустя, увидя предъ собою чудеса сѣверной Венеціи и чуть не замерзнувъ отъ нестерпимаго холода, онъ жалѣлъ только объ одномъ, что не можетъ поджечь это варварское гнѣздо разомъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, чтобы хоть немного согрѣться на огнѣ пожара. Бѣдный Мартино! Длинный и сухой, какъ щепка, съ развѣвающимися черными, какъ смоль, волосами, стоялъ онъ на пристани, привѣтливо протягивая худыя руки къ приближающемуся другу. Но онъ потерпѣлъ заслуженное. Привѣтствіе, съ которымъ тотъ обратился къ нему, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало состоянію температуры.

Но уже полчаса спустя, когда друзья сидѣли за ужиномъ въ уютной, теплой комнатѣ гостиницы Ридбергъ и на звонъ Мартино въ дверь съ застѣнчивымъ взоромъ и кроткою улыбкой вошла бѣлокурая, полногрудая Брунгильда, чтобы спросить, что̀ прикажутъ господа, маркизъ сталъ надѣяться, что скоро примирится со своею судьбой.

— И много здѣсь въ такомъ родѣ? спросилъ онъ, провожая разгорѣвшимся взоромъ высокую, граціозно покачивавшуюся фигуру дѣвушки.

Сердце его подозрительно забилось.

Капельмейстеръ на этотъ вопросъ отвѣчалъ съ одушевленіемъ.

— O padrone, carissime! воскликнулъ онъ,—всѣ здѣшнія дѣвушки таковы. А еслибы вашей свѣтлости было угодно познакомиться съ Элитой. Маркизъ,—блондинки, блондинки!

И въ припадкѣ восторга онъ сталъ теребить свои косматые волосы.

— Но, продолжалъ онъ страстнымъ шепотомъ,—для моего дорогаго покровителя я избралъ прекраснѣйшую изъ прекрасныхъ, неприступную царицу сѣвера!

— Эту, какъ бишь вы называли ее?

— Да, да, эту самую! Завтра предъ репетиціей вашей оперы вы увидите ее.

Сердце маркиза забилось еще сильнѣе.

На слѣдующее утро онъ употребилъ цѣлые два часа на свой туалетъ. Еще ни разу въ жизни изъ-за женщины не допускалъ онъ такой безполезной траты времени.

— Не эта ли? Не эта ли? тихо спрашивалъ онъ своего друга при видѣ каждой высокой блондинки, мимо которой тотъ велъ его и которую привѣтствовалъ легкимъ, дружескимъ кивкомъ.

Но Мартино отвѣчалъ ему только пожиманіемъ плечъ.

Наконецъ онъ постучался въ маленькую, завѣшенную ковромъ дверь, находившуюся въ концѣ узкаго, тускло освѣщеннаго коридора.

— Это ея уборная, шепнулъ онъ трепещущему маркизу и тотчасъ же крикнулъ въ замочную скважину:—это я, синьора, я и мой другъ—вы знаете.

— Прошу, отозвался густой, звучный голосъ.

Изъ отворенной двери вырвался цѣлый потокъ свѣта. Тамъ, гордо выпрямившись, стояла она, эта дива, во всемъ блескѣ своей красоты, правда, какая-то тѣнь омрачала ея лицо, но за то оно было окружено какъ бы яркими лучами славы, которые тысячью огоньковъ сіяли въ ея матовыхъ, бѣлокурыхъ локонахъ.

И какъ спокойно и величественно она двинулась ему на встрѣчу, какъ просто и сердечно протянула ему руку!

Маркизъ былъ ослѣпленъ. Онъ долженъ былъ припомнить всѣ

свои успѣхи, прежде чѣмъ собрался съ силами и началъ съ ней свѣтски изысканную бесѣду.

Пять минутъ спустя, онъ сидѣлъ противъ нея у крошечнаго окна съ опущенною бѣлою шторой и восторженно говорилъ ей о прелестяхъ итальянской весны.

Она оперлась локтями о колѣна и опустила подбородокъ на руки, какъ Дездемона, слушающая разсказъ Отелло объ его похожденіяхъ, и ея глаза—о маркизъ, эти голубые, отуманенные слезами, чудные глаза—въ безмятежномъ самозабвеніи покоились на его лицѣ. Иногда, не успѣвая слѣдовать за потокомъ его рѣчи, она съ улыбкой прерывала его словами: пожалуста говорите не такъ скоро.

Между тѣмъ капельмейстеръ, стоя въ самомъ темномъ углу, время отъ времени поглядывалъ на часы и съ удовольствіемъ потиралъ свои костлявыя руки.

Наконецъ и она заговорила, но на какомъ курьезномъ языкѣ: запинаясь, она примѣшивала къ lingua toscana разныя поэтическія фигуры и итальянскія слова, которыя оперныя пѣвицы заимствуютъ изъ либретто. И несмотря на это, какъ мелодично, какъ обольстительно звучали въ ея устахъ эти чуждыя для нея слова!

Она говорила о своемъ страстномъ желаніи посѣтить чудную страну, которую онъ называлъ своею родиной. Уже три года тому назадъ онѣ вмѣстѣ съ сестрой строили планы поѣздки въ Римъ, но—и она вздохнула.

— О еслибы только вы пріѣхали, восторженно воскликнулъ онъ,—мы устроили бы вамъ царскую встрѣчу.

Она погрозила ему пальцемъ, и по ея разгорѣвшемуся лицу скользнуло выраженіе дѣтскаго лукавства.

Затѣмъ она поднялась и, прощаясь съ нимъ, сказала:

— Итакъ, до завтра, маэстро, я надѣюсь, что вы останетесь довольны.

Онъ дважды поцѣловалъ ея руку и вышелъ отъ нея словно пьяный, не замѣтивъ даже своего друга.

. . . . . .

Когда послѣ двухчасовой ѣзды по незнакомому городу онъ вернулся въ свою гостиницу, ему казалось, что его возили по римскому Corso, такъ мало обращали на себя его вниманіе окружающіе его чуждые предметы. Все время онъ видѣлъ только ее.

Очутившись, наконецъ, у себя въ комнатѣ, онъ обратился къ самому себѣ со слѣдующими словами:

— Ты, Антоніо,— оселъ. На твоей родинѣ есть полдюжины прекраснѣйшихъ женщинъ, которыя ждутъ не дождутся твоего возвращенія: маленькая графиня Ротти въ кремовомъ пеньюарѣ, ярко красныя ленты котораго ты такъ часто завязывалъ въ красивый узелъ.—Нѣжная Аннина съ бѣлыми зубами и чернымъ пушкомъ на верхней губѣ,—Гіудетта, героиня, въ распущенныхъ волосахъ которой, словно въ морской пучинѣ, такъ часто утопалъ твой взоръ,—Маргариту, Лупгію и Лидію не стоитъ и считать,—всѣ онѣ покорены тобою, а ты сидишь здѣсь, словно запуганный пажъ и вздыхаешь о женщинѣ для тебя совсѣмъ чужой, какъ будто она недосягаема, какъ звѣзда. Ну не оселъ ли ты, Антоніо!

Тутъ онъ вспомнилъ болѣзненно-блаженное воззваніе Мартино: маркизъ, блондинки, блондинки!

Но развѣ не такія же женщины какъ и всѣ, эти блондинки! Женщины, изъ плоти и крови, съ теплымъ сердцемъ и сильнымъ воображеніемъ? Слѣдуетъ ли робѣть здѣсь, будучи смѣлымъ тамъ?

И онъ рѣшилъ во что бы то ни стало овладѣть блондинкой Дагмарой. Но въ то же время какой-то трепетъ пробѣгалъ по его жиламъ, трепетъ, овладѣвающій монахомъ, который съ преступнымъ желаніемъ простираетъ руки къ изображенію Мадонны.

На слѣдующій день онъ вмѣстѣ съ Мартино поѣхалъ въ Грандъ-Отель, чтобъ управлять первою оркестровою репетиціей своего произведенія.

Появленіе молодаго человѣка, который съ краснвымъ поклономъ взошелъ на дирижерское мѣсто, обратило на себя вниманіе чуть ли не всей залы. Въ хорѣ разбойничьихъ невѣстъ, состоявшемъ изъ бѣлокурыхъ дочерей разныхъ сановниковъ, поднялся многозначительный шепотъ, а изъ кучки бандитовъ на него устремился не одинъ взоръ ненависти.

Отыскивая взоромъ Дагмару онъ быстро оглянулъ ряды женщинъ, но ея еще не было. Онъ чувствовалъ, что имъ начинаетъ овладѣвать какая-то мучительная робость. Какъ выступитъ онъ со своимъ кропаніемъ предъ нею, музыкальныя способности которой развивались на произведеніяхъ величайшихъ композиторовъ.

Что, если ей въ послѣднюю минуту придетъ на умъ прислать обратно свою партію? При этой мысли на его лицѣ выступилъ холодный потъ.

Но, слава Богу, вотъ она стоитъ предъ нимъ съ нотами и дружески киваетъ ему головой.

Палочка въ его рукѣ дрогнула, каракули партитуры расплылись въ туманъ.

— Не смѣнить ли мнѣ васъ, маркизъ? шепнулъ ему стоявшій позади его Мартино, отъ котораго не ускользнуло его волненіе.

Но маркизъ отрицательно покачалъ головой и репетиція началась.

Благодаря прекрасной школѣ Мартино, все шло гораздо лучше чѣмъ можно было ожидать.

А когда она начала пѣть... Какой огонь, какое увлеченіе! Развѣ могли они не зажечь соревнованіе въ другихъ.

Никогда въ жизни не думалъ онъ, чтобы написанное имъ было такъ прекрасно. Сердце его переполнилось благодарностью, глаза утопали въ слезахъ.

Она это хорошо замѣтила и съ тихимъ вздохомъ опустила глаза.

Онъ былъ готовъ бросить дирижерскую палочку и тутъ же, на глазахъ у всѣхъ, заключить ее въ свои объятія.—Будь я старикъ, какъ Вагнеръ или Верди, думалъ онъ,—видитъ Богъ, я сдѣлалъ бы это. Въ эту минуту сознаніе разницы въ лѣтахъ съ этими двумя геніями было для него вдвое мучительнѣе сознанія разности въ талантахъ.

Еще ни разу въ жизни не былъ онъ такъ гордъ и такъ счастливъ.

Провожая Дагмаръ къ ея экипажу, онъ въ горячихъ и страстныхъ словахъ говорилъ ей о тѣхъ чувствахъ, которыя она пробудила въ немъ.

Она ничуть не потерялась, даже не покраснѣла ни разу; съ лукавою улыбкой она сбоку смотрѣла ему въ лицо. Можно было подумать, что она понимаетъ едва третью долю того, что онъ говоритъ ей.

Она слегка пожала ему руку и порхнула въ экипажъ. И что обѣщалъ ея взглядъ!

Когда опьяненный надеждой любви и удовлетвореннаго тщеславія, блуждая по незнакомымъ улицамъ, онъ случайно увидѣлъ въ окнѣ цвѣточнаго магазина букетъ ослѣпительно бѣлыхъ лилій, которымъ искусно примѣшанные къ нимъ листы бегоніи придавали видъ несвойственной имъ гибкости, торжествующая улыбка озарила его лицо. Онъ купилъ букетъ и велѣлъ отослать его къ

ближайшему ювелиру. Онъ приказалъ осторожно вырѣзать тычинки изъ чашечекъ цвѣтовъ и вмѣсто нихъ укрѣпить въ небольшіе брилліанты на золотой проволокѣ.

„Нельзя придумать болѣе милаго и краснорѣчиваго подношенія“, подумалъ онъ и, гордый своею изобрѣтательностью, вышелъ изъ магазина.

Эта шутка стоила маленькаго состоянія.

Утромъ его разбудилъ разсыльный, вручившій ему маленькій пакетъ, не больше коробочки для пилюль. И дѣйствительно въ пакетѣ оказалась какъ разъ такая коробочка. Она была обернута листомъ почтовой бумаги, на которомъ были написаны слѣдующія строки:

„Господинъ маркизъ!

„Лилін, присланныя вами въ знакъ вашего ко мнѣ вниманія, я приняла съ радостью, какъ это бываетъ съ каждымъ, кто видитъ себя оцѣненнымъ по достоинству. Но слезы обо мнѣ, которыя вы выплакали въ чашечки цвѣтовъ, я съ признательностью посылаю вамъ обратно, такъ какъ для меня далеко неутѣшительно видѣть скорбь своихъ друзей, когда я не въ состояніи имъ помочь.

„Дагмара.“

Прочитавъ это письмо, маркизъ осыпалъ себя всевозможными ласкательными именами, которыми такъ богатъ языкъ этого страстнаго народа.

Чѣмъ выше поднималась въ его глазахъ эта очаровательная чужестранка, тѣмъ сильнѣе разгоралось въ немъ страстное желаніе овладѣть ею.

— Ее нужно сразу усмирить. Это была его первая мысль.

Еще не наступилъ часъ визитовъ, а уже экипажъ гостиницы увозилъ его къ сѣверной окраинѣ города, гдѣ вблизи Хомлегардена находилась квартира пѣвицы. Это была маленькая окруженная деревьями вилла, чуть-чуть больше игрушки, съ ярко-сверкающими зеркальными окнами и красивою террасой, украшенною искусственною клумбой, составленною изъ яркихъ рядовъ крокуса и гіацинтовъ.

Колокольчикъ, за который онъ дернулъ, зазвенѣлъ громко и отчетливо внутри дома.

„Домъ съ такими окнами и съ такимъ звонкомъ не можетъ быть монастыремъ“, вздохнувъ подумалъ онъ, дожидаясь пока ему отворятъ.

Горничная, отворившая ему дверь, конечно, высокая, бѣлокурая и голубоглазая, съ застѣнчивою улыбкой взяла его визитную карточку, пробормотала нѣсколько словъ на незнакомомъ ему языкѣ и захлопнула дверь подъ самымъ его носомъ.

Нѣсколько минутъ прошло въ ожиданіи; онъ думалъ, что грубая дочь сѣвера вернется къ нему съ порученіемъ отъ лица своей госпожи, но нѣтъ, въ домѣ все какъ будто умерло, и только въ ту минуту, когда, дрожа отъ стыда и гнѣва, онъ повернулся спиной къ двери негостепріимнаго жилища, изнутри до его ушей, какъ признакъ жизни, долетѣлъ серебристый, задорный смѣхъ, подобный колокольчику Pulcinella.

Этотъ смѣхъ провожалъ его, пока онъ спускался по ступенямъ террасы, онъ звенѣлъ у него въ головѣ, когда онъ съ силой захлопнулъ за собою калитку.

Садясь въ экипажъ, онъ еще разъ кинулъ угрюмый взглядъ на противоположную сторону улицы. Его отъѣздъ, казалось, служилъ тамъ сигналомъ. Изо всѣхъ оконъ выглядывали головы любопытныхъ, а у дверей одной булочной стояла толпа болтающихъ женщинъ, собравшихся здѣсь, повидимому, единственно для того, чтобы засмѣяться ему вслѣдъ и указывать на него пальцами.

И это дѣлаютъ съ нимъ, Антоніо Лагри, любимцемъ Corso!

Всю ночь его безостановочно преслѣдовалъ смѣхъ, раздававшійся во всѣхъ углахъ его спальной.

Утромъ онъ всталъ съ головною болью и шумомъ въ ушахъ и рѣшилъ, не прощаясь съ жестокою, немедленно уѣхать отсюда.

Въ такомъ состояніи его засталъ Мартино, передавшій ему, что синьора Дагмаръ непремѣнно желаетъ поговорить съ нимъ. Пять минутъ спустя, онъ стоялъ у ея уборной.

Она поспѣшила къ нему навстрѣчу, протянула ему обѣ руки, щеки ея горѣли яркимъ румянцемъ.

— Простите, другъ мой, тихо сказала она,—простите, что вчера съ вами такъ оскорбительно поступили на порогѣ моего дома. Но увѣряю васъ, я здѣсь не при чемъ. Моей горничной разъ навсегда дано приказаніе не впускать ко мнѣ никого изъ мужчинъ, кто-бъ онъ ни былъ — и вотъ она сказала вамъ то же, что говорятъ всѣмъ, что меня нѣтъ дома. Къ сожалѣнію, она не знала, что вы не могли понять ея словъ. Остальное само собою ясно.

— Такъ это не было наказаніемъ? пробормоталъ онъ со вздохомъ.

— Наказываютъ за проступокъ, а не за ошибку, тихо отвѣчала она, покраснѣвъ еще сильнѣе.

Его мгновенно охватило желаніе упасть къ ея ногамъ и спрятать въ складкахъ ея дѣвственной одежды свое лицо, предательски горѣвшее любовью и сознаніемъ своей вины.

— Простите меня, прошепталъ онъ, хватая ея руку, и она не отняла у него этой руки, но съ легкимъ пожатіемъ отвела его къ тому мѣсту, гдѣ они сидѣли три дня тому назадъ.

— Видите ли, другъ мой, сказала она,—я уже привыкла къ подобнымъ обидамъ: онѣ, повидимому, связаны съ тѣмъ положеніемъ, которое я занимаю; вашъ поступокъ я прощаю тѣмъ охотнѣе, что до сихъ поръ еще никто въ такой милой формѣ не искалъ сближенія со мною.

Въ его сердцѣ шевельнулась наивная гордость, какъ это бываетъ со школьникомъ, который въ порицаніи учителя слышитъ тайную похвалу. Но эта гордость такъ же скоро исчезла.

— Вы, знатные господа, продолжала Дагмаръ,—считаете вполнѣ естественнымъ съ нами, пѣвицами, обращаться какъ съ товаромъ, и къ нашему стыду, я должна признаться, что вы имѣете достаточный поводъ къ этому. Поэтому тѣ изъ насъ, которыя обладаютъ хоть нѣкоторымъ самолюбіемъ, не должны слишкомъ строго осуждать васъ за это. Но тѣмъ строже должны мы слѣдить, чтобы ни малѣйшая тѣнь, ни малѣйшее подозрѣніе не омрачили того уваженія, котораго мы требуемъ отъ васъ. Вы поймете меня, если я скажу вамъ, что цѣлый городъ, отъ мала до велика, относится ко мнѣ съ самымъ искреннимъ участіемъ, что я не могу сдѣлать ни шагу безъ того, чтобы за мной не слѣдила тысяча наблюдательныхъ глазъ, и что мои сосѣди знаютъ самымъ точнымъ образомъ, кто и когда былъ у меня въ гостяхъ... Еще никто изъ мужскаго общества Стокгольма не можетъ похвастаться тѣмъ, что побывалъ въ моемъ домѣ, такъ какъ я чувствую, что при такихъ исключительныхъ условіяхъ, въ какихъ живу я, самая невинная вольность можетъ быть поставлена въ вину.

— Конечно не мнѣ, продолжала она съ внезапнымъ испугомъ, почувствовавъ, что ошиблась въ словѣ;—разумѣется не мнѣ: я сумѣю держать себя, не роняя своего достоинства, достоинства женщины, я знаю, что̀ я могу позволить себѣ, не подвер-

гаясь опасности потерять голову и пасть въ прикрытую цвѣтами пропасть, но... она запнулась и ея глаза засвѣтились необыкновенною нѣжностью.

— Но? маркизъ дрожалъ отъ ревности.

— Да, почему бы мнѣ не разсказать вамъ все. У меня есть сестра, сестра, которая живетъ со мною, которую я выростила и которую оберегаю съ боязливою заботливостью матери. До сихъ поръ ея еще не коснулось дыханіе свѣта, она чиста, какъ въ тотъ день, когда я взяла ее изъ рукъ умирающаго отца, но она черезчуръ легкомысленна и жаждетъ удовольствій жизни. Подобно мнѣ, она избрала поприще пѣвицы, и я увѣрена въ томъ, что она будетъ имѣть успѣхъ: это замѣчательное дарованіе, но я дрожу за нее, думая о тѣхъ опасностяхъ, которымъ она необдуманно рвется навстрѣчу. Чѣмъ могу я вѣрнѣе предотвратить эти опасности, какъ не строгимъ, даже черезчуръ строгимъ собственнымъ примѣромъ, который въ минуту колебанія укажетъ ей путь и послужитъ опорой.

Маркизъ почувствовалъ, что внезапно въ немъ пробудился какой-то благоговѣйный интересъ къ этому милому незнакомому ему существу.

— И неужели я никогда не увижу этой счастливицы, спросилъ онъ,—на которую такая женщина, какъ вы, расточаетъ всю свою любовь?

— Не расточаетъ, господинъ маркизъ, отвѣчала Дагмаръ съ дружескимъ упрекомъ.—Дѣйствительно, вы скоро увидите ее. На праздникѣ въ замкѣ, гдѣ мы обѣ примемъ участіе, она должна выступить въ одной изъ живыхъ картинъ; это будетъ, такъ сказать, ея первый шагъ на порогѣ большаго свѣта. Признаюсь, мнѣ страшно за нее, но долѣе я не могу держать ее взаперти, вѣдь ей уже семнадцать лѣтъ.

— Похожа она на васъ?

Она покачала головой.—Во всякомъ случаѣ въ ней вы будете имѣть доброжелательницу, будете имѣть...

Она, улыбаясь, замолчала и покраснѣла, потомъ вдругъ быстро поднялась:

— Прощайте, другъ мой, я слышу звонокъ режиссера, призывающій на репетицію.

— Вы позволите мнѣ посѣщать васъ?

— Почему же нѣтъ? Эта уборная—нейтральный пунктъ, гдѣ я въ гостяхъ такъ же, какъ и вы. Но тамъ есть хозяйка. —

И она указала ему на сосѣднюю комнату, гдѣ, полузакрытая зеленою занавѣской, сидѣла старая сморщенная старушонка, прилежно согнувшись надъ работой.

— Ахъ, въ смущеніи воскликнулъ онъ, такъ какъ былъ въ полной увѣренности, что они одни. Она съ удивленіемъ посмотрѣла на него, и онъ виновато потупилъ глаза.

Съ минуты на минуту онъ чувствовалъ себя все скромнѣе.

Проходя по плохо освѣщенному коррндору, онъ вдругъ вспомнилъ тотъ загадочный смѣхъ. Онъ прислушался. Что̀ если и теперь она точно такъ же смѣется во слѣдъ ему? Но все было тихо.

— Нѣтъ, это смѣялась не она,—конечно не она! утѣшалъ онъ себя, продолжая путь, я былъ бы дуракомъ, еслибъ это была она.

Въ этотъ день онъ нашелъ звѣзду, которой нельзя желать.

Большой праздникъ съ благотворительною цѣлью приближался.

Весь Стокгольмъ былъ въ движеніи. Въ этотъ вечеръ старый рыцарскій за́мокъ долженъ былъ открыть свои священныя двери избранной публикѣ.

Громадный гранитный фасадъ за́мка, подобно уснувшему великану угрюмо склонившагося надъ темною бездной Меларнскаго озера, теперь утопалъ въ морѣ свѣта. Безконечныя вереницы экипажей тянулись къ нему со всѣхъ сторонъ; кругомъ, не жалѣя боковъ, тѣснилась самодовольная толпа праздныхъ зѣвакъ.

Въ обширной рыцарской залѣ, съ почернѣвшаго отъ времени потолка которой удивленно смотрѣли внизъ на новое поколѣніе гигантскія изображенія королей въ запыленныхъ горностаевыхъ мантіяхъ и затканныхъ паутиной коронахъ, тѣснилась пестрая ярко-освѣщенная электрическимъ свѣтомъ толпа.

Глаза, голубые какъ зеркальная поверхность глетчеровъ, плечи, бѣлыя, какъ вершины покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, волосы, золотые, какъ струны волшебной лютни короля Артура!

А мущины! Какія славныя лица! Какъ сверкаютъ ихъ глаза, какъ горда ихъ осанка, какъ нѣжно и вмѣстѣ съ тѣмъ больно ихъ рукопожатіе.

Въ оркестрѣ между скрипками сидѣлъ маркизъ, готовый каждую минуту смѣнить дирижировавшаго Мартино. Онъ ничуть не робѣлъ. Гордость римскаго вельможи брала въ немъ верхъ надъ застѣнчивостью.

За увертюрой Гадэ слѣдовалъ свадебный маршъ такой, какъ его поютъ шведскія крестьянскія дѣвушки въ своихъ горахъ.—Вдохновенное произведеніе Мартино! Послѣ этихъ ровныхъ, выдер-

жанныхъ аккордовъ быстрый ритмъ итальянской музыки долженъ былъ произвести ободряющее дѣйствіе на слушателей.

Такъ это и вышло на самомъ дѣлѣ.

Надо сказать правду, успѣхъ былъ наполовину обезпеченъ уже въ тотъ моментъ, когда вынырнувшій изъ оркестра молодой человѣкъ вооружился дирижерскою палочкой.

— Такъ вотъ онъ, этотъ римскій князь, послышалось среди мужчинъ.

— Какая красивая орденская лента, говорили женщины.

— Какіе чудные, черные глаза, вздыхали дѣвицы.

Его опера только увеличила его успѣхъ.

Дагмаръ!

Завернутая въ великолѣпныя кружева, устремивъ на него наивный улыбающійся взоръ, вышла она на сцену.

Фея, сошедшая на землю!

Шумное одобреніе привѣтствовало любимицу публики. Она кланялась, но глаза ея не переставали смотрѣть на него.

Она довершила его побѣду!

И когда въ пятый разъ вызываемый публикой, онъ благоговѣйно прикоснулся горячими губами къ ея перчаткѣ, всѣ женщины остались довольны, потому что видѣли въ этомъ только выраженіе почтенія чужеземца.

Держась за руки, они сошли въ ряды зрителей, оба гордые и сіяющіе, осыпаемые привѣтствіями, словно они были женихомъ и невѣстой.

Они сѣли рядомъ. Концертъ продолжался.

— Чувствуете ли вы себя счастливою? — шепотомъ спросилъ онъ у нея.

— Я такъ счастлива, тихо отвѣтила она,—что забываю свои обязанности.

— Какія обязанности?

— Тамъ за кулисами моя сестра дрожитъ предъ выходомъ, и меня нѣтъ съ нею.

— Ради Бога... Вы хотите...

— Вы видите, я не трогаюсь съ мѣста.—И она изъ-за вѣера устремила на него взоръ полный очаровательной безпомощности.

Сейчасъ должны были начаться живыя картины.

Какой-то господинъ, задыхаясь, декламировалъ нескончаемый прологъ.

Маркизъ чувствовалъ, какъ робѣла Дагмаръ.—Я такъ боюсь, шептала она, такъ боюсь, какъ никогда въ жизни.

Въ какой картинѣ она участвуетъ? Въ первой.—Королю Густаву Ваза она отъ имени патриціевъ...

Въ эту минуту занавѣсъ взвился. Ропотъ восторга пробѣжалъ по залѣ. Посреди многолюдной картины, сверкающей роскошными красками эпохи Возрожденія, у подножія золотаго трона стояла прелестная дѣвочка, въ короткомъ голубомъ платьицѣ, которое, несмотря на дѣтскій покрой, плотно охватывало ея станъ и обнаруживало прекрасныя очертанія. Одною ногой она смѣло оперлась на нижнюю ступеньку трона и съ хитрою улыбкой и поднятымъ кверху носикомъ протягивала королю лавровый вѣнокъ, какъ будто желая сказать ему:

— Благодари за честь, господинъ король.

— Это она? спросилъ маркизъ, встрепенувшись.

Дагмаръ утвердительно кивнула и спрятала за вѣеромъ покраснѣвшее отъ радости лицо.

А носикъ поднялся еще выше, еще веселѣе смотрѣли глаза изъ-подъ широкополой рембрандтской шляпы.

— Ну врядъ ли она страдаетъ излишнею робостью, подумалъ онъ.

А когда занавѣсъ поднялся въ третій разъ, она взглянула внизъ на публику съ такою гримаской, что всѣ пришли въ восторгъ.

— Слава Богу, шептала между тѣмъ Дагмаръ,—я чуть не умерла за дитя.

Пестрый потокъ участвовавшихъ въ живыхъ картинахъ устремился со сцены въ публику. Мужчины и дамы должны были остаться въ своихъ костюмахъ, чтобы среди танцующихъ не было недостатка въ яркихъ цвѣтахъ.

Дагмаръ поспѣшила имъ навстрѣчу. „Дитя“, болтая какъ сорока, спускалось внизъ подъ руку съ длинновязымъ Мартино. Увидя сестру, она сдѣлала невинное лицо; когда же та подозвала ее и поцѣловала, она кокетливо покосилась на маркиза.

Когда ее представили ему, она сдѣлала ему дѣтскій книксенъ и лукаво и дружелюбно улыбалась.

Эта улыбка каждый разъ озаряла ея лицо, когда за ужиномъ, сидя противъ него, она останавливала на немъ взглядъ.

— Чего она отъ меня хочетъ? думалъ маркизъ.

Чѣмъ застѣнчивѣе и короче отвѣчала она на его вопросы,

тѣмъ краснорѣчивѣе былъ ея взоръ. Это былъ взоръ, который онъ чувствовалъ, такъ сказать, до глубины костей, какъ будто она подъ столомъ касалась его ноги.

Они такъ и остались вчетверомъ.

Мартино, какъ кавалеръ, сопровождавшій дамъ на балъ, сидѣлъ рядомъ съ „дитя“, маркизъ рядомъ съ Дагмаръ.

Она была молчалива, пила воду и не дотрогивалась ни до одного блюда.

Маркизъ боялся, что онъ виною ея молчанія. Онъ нагнулся къ ней и прошепталъ ей нѣсколько успокоительныхъ словъ.

— Оставьте меня, отвѣчала она, горько улыбаясь.

Когда появилось шампанское, на другой сторонѣ, гдѣ до того времени „дитя“ громко и развязно болтала съ Мартино, стало замѣтно тише. Капельмейстеръ положилъ подбородокъ на ладони и сквозь длинные пальцы что-то шепталъ своей сосѣдкѣ. Время отъ времени въ ихъ глазахъ вспыхивало выраженіе плутовскаго заговора — и тогда они глядѣли черезъ столъ на маркиза, но стопло ему замѣтить это, и они тотчасъ же съ виноватою улыбкой отворачивались въ сторону, какъ пойманные на мѣстѣ преступленія.

Онъ только-что хотѣлъ спросить ихъ, что̀ умышляютъ они противъ него, какъ вдругъ Дагмаръ, со вздохомъ, походившимъ скорѣе на крикъ, подняла пустой бокалъ и граціозно-порывистымъ движеніемъ протянула къ нему:

— Налейте,—я хочу пить, сказала она.

Ихъ бокалы зазвенѣли — ихъ взоры встрѣтились какъ бы въ поцѣлуѣ.

Онъ снова нагнулся къ ея уху:

— Prego qu'appeghe il cor, vera beatrice, шепнулъ онъ.

— Чей это стихъ?

— Такъ Петрарка молитъ Пресвятую Дѣву, такъ я молю васъ.

Она загадочно засмѣялась; бокалъ задрожалъ въ ея рукѣ.

— И вы ничего не скажете мнѣ?

— Мнѣ нечего вамъ сказать.

— Нравится вамъ, что васъ умоляютъ?

Она молчала.

— Вы, образъ, не знающій милосердія, у васъ никогда не являлось желанія сойти со своего алтаря, и, снисходя къ мольбѣ богомольца, прильнуть къ его дрожащимъ устамъ?

Она продолжала молчать, вся ушла въ себя, и взоръ ея остановился на сестрѣ, какъ будто ища тамъ помощи.

Имъ овладѣла та гордость, которая вызывается парами шампанскаго.

— О чемъ тутъ говорить, бормоталъ онъ про себя.—Еслибъ она была женщина! Но она только святая!

Только!

. . . . . .

Балъ подходилъ къ концу. Мартино еще раньше долженъ былъ оставить его. Не говоря уже о томъ, что онъ, судя по его виду, выпилъ не въ мѣру много, онъ пришелъ въ состояніе полнѣйшаго безразсудства.

Его глаза блуждали, волосы торчали, онъ стоналъ и зѣвался.

— Такъ всегда бываетъ у насъ на балахъ, сказалъ музыкантъ, котораго маркизъ позвалъ къ нему на помощь.—Онъ не выноситъ общества блондинокъ, въ концѣ концовъ онъ непремѣнно напивается.

Когда его увѣдили въ уборную, его послѣднія слова были:

— Маркизъ, блондинки, блондинки!

„Дитя“ жадно пила первый кубокъ свѣтской радости, какъ будто онъ былъ и послѣднимъ. Она танцовала, какъ сумашедшая. Въ дикой толкотнѣ, то здѣсь, то тамъ развѣвалась словно большая пестрая птица, собирающаяся летѣть, ея широкополая шляпа, которую она на лентѣ таскала за собой.

Время отъ времени она бросала маркизу кокетливо-таинственный взглядъ, но до сихъ поръ еще не рѣшалась заговорить съ нимъ.

Въ четыре часа Дагмаръ, успѣвшая удалить толпу своихъ поклонниковъ на почтительное разстояніе, остановила „дитя“.

— Мы должны ѣхать, сказала она, обращаясь къ маркизу, заступившему при нихъ мѣсто Мартино.—Кажется, уже свѣтаетъ.

— Итакъ конецъ, со вздохомъ проговорилъ онъ.

Она два-три раза кивнула ему, и тотчасъ же съ улыбкой отвернулась въ сторону, словно ей стало стыдно за себя. Тайное увлеченіе и сдержанная жажда любви, казалось, овладѣли всѣмъ ея существомъ.

Онъ проводилъ дамъ до гардероба, накинулъ имъ на обнаженныя плечи легкія накидки и самъ, дрожа отъ холода, закутался въ свою шубу, такъ какъ изъ сѣней на изнѣженнаго южанина пахнула чисто-сѣверная майская прохлада.

Когда они втроемъ вышли на высокую лѣстницу, то невольно остановились, словно ослѣпленные.

На встрѣчу имъ свѣтилась яркая утренняя заря, въ огромныхъ окнахъ пылали пурпурныя облака съ золотыми краями, мраморныя колонны, въ которыхъ они отражались, стояли точно прозрачныя. Гладкія, какъ зеркало, ступени, по бокамъ которыхъ красныя азаліи сыпали огненными искрами, и стройныя пальмы, переплетаясь своими красивыми листьями, казались водопадомъ цвѣтовъ, который волшебнымъ словомъ превращенъ въ камень. Круглыя матовыя стекла въ рукахъ бронзовыхъ нимфъ, возвышавшихся у перилъ, походили на потухающую луну. Они свѣтили тускло и блѣдно, и ихъ свѣтъ ежеминутно грозилъ утонуть въ морѣ утреннихъ лучей.

— Какъ это грустно, сказала Дагмаръ, слегка опираясь на руку своего кавалера:—еще одно мгновеніе—и всему конецъ!

— Возможно ли? спросилъ онъ, съ мольбой наклоняясь къ ней.

— А какъ же?

— Насладимся до конца имъ, этимъ мгновеніемъ счастья. Зачѣмъ вамъ ѣхать домой, туда, гдѣ такъ строго предо мной затворяются двери? Поѣдемте лучше моремъ въ вашъ прелестный Джургардъ и тамъ, окруженные свѣжею зеленью, послушаемъ пѣсню зябликовъ.

— Это было бы такъ хорошо, проговорила она, мечтательно глядя въ даль:—теперь въ травѣ уже должны цвѣсти анемоны. Еще никогда я не позволила себѣ ни одного безразсуднаго поступка, и мнѣ такъ хотѣлось бы разрѣшить себѣ хоть маленькую вольность.

— Такъ рѣшитесь же!

— Я рѣшилась!.. Но вдругъ она словно испугалась чего-то и растерянно обернулась къ сестрѣ, которую онъ велъ подъ руку съ другой стороны. Та, казалось, ничего не видѣла и не слышала; она прижала къ губамъ свой платокъ и вся дрожала отъ холода.

— Не будемъ больше говорить объ этомъ, шепнула ему Дагмаръ,— „дитя“ ничего не должно знать о подобныхъ вещахъ.

„Дитя“ дрожало между тѣмъ еще сильнѣе.

Когда они вышли на улицу, первый солнечный лучъ озолотилъ зубцы стараго замка, который на своемъ угрюмомъ гранитномъ

утесѣ напоминалъ героя Викинга, на берегу моря мечтающаго о страшныхъ морскихъ набѣгахъ.

Улицы были еще безлюдны, но на голубыхъ водахъ Меларна, между островами, тамъ и сямъ уже сновали маленькія, проворныя шлюпки, оставляя за собой длинныя, словно перламутровыя, борозды, а тамъ, по „Соленому озеру“, величественно скользилъ могучій пароходъ, давая глухіе свистки, громко раздававшіеся надъ безмолвнымъ городомъ.

На террасѣ модной кондитерской, служившей сборнымъ пунктомъ для избраннаго стокгольмскаго общества, царило обычное оживленіе. Очевидно многія изъ лицъ, присутствовавшихъ на праздникѣ, устроили здѣсь новое rendez vous. Слышался звонъ стакановъ, прерываемый веселыми голосами.

— Пойдемте пѣшкомъ, сказала Дагмаръ,—было бы жалко потерять хоть одну такую минуту.

И она устремила восторженный взоръ вдаль, на бѣлые ряды домовъ, направо и налѣво подымавшіеся изъ воды и бросавшіе трепещущія отраженія въ ея зеркальную гладь.

— Смотри, дитя, смотри...

Но „дитя“ ничего не слышала. Она закрыла глаза и съ томнымъ вздохомъ опустила головку на плечо маркиза.

— Ради Бога... что съ тобой?

Она молчала и продолжала идти неровными, слабыми шагами.

— Тебѣ нездоровится?

„Дитя“ не отвѣчала ни слова, но въ ту же минуту ноги ея словно подкосились. Не успѣй маркизъ поддержать ее, она упала бы на мостовую.

Дагмаръ громко вскрикнула и стала обнимать сестру, осыпая испуганными поцѣлуями ея глаза и губы.

Къ счастью не вдалекѣ стояли извозчичьи кареты.

Маркизъ махнулъ первой попавшейся, поднялъ дѣвушку и на рукахъ внесъ ее въ карету. Затѣмъ онъ сунулъ въ руку кучера пятикроновую монету и быстро назвалъ ему адресъ виллы.

Ѣхали они печально и молча. Дагмаръ тихо плакала и ласково гладила голову сестры, лежавшую у нея на колѣнахъ.

Маркизъ прервалъ молчаніе, стараясь ее успокоить.

— Какая тутъ можетъ быть опасность? сказалъ онъ.—Взгляните только, ея лицо ни на минуту не утратило своего румянца!

И такъ это было на самомъ дѣлѣ! Странно... но это было.

Когда экипажъ остановился у виллы, залитой розовыми лучами утренняго солнца, онъ снова взялъ дитя на руки.

— Какъ? Вы хотите нести ее на верхъ? И одни? воскликнула Дагмаръ.

Онъ утвердительно кивнулъ ей.

— Я достаточно силенъ, отвѣчалъ онъ съ суровою гордостью, которая овладѣваетъ даже самымъ сдержаннымъ мужчиной, когда ему представляется случай похвастаться предъ женщинами своею физическою силой.

Живая ноша тихо качалась въ его рукахъ. Онъ чувствовалъ біеніе ея сердца, частое, бурное біеніе, между тѣмъ какъ ея горячее дыханіе, ожигавшее его лицо, походило скорѣе на вздохи.

— Удивительно, удивительно, думалъ онъ про себя.

Но и его сердце застучало, и стукъ этотъ еще усилился, когда онъ услышалъ какъ Дагмаръ щелкнула ключемъ въ замкѣ.

Рай, о которомъ онъ такъ мечталъ, теперь былъ открытъ для него.

Они вошли въ полутемную залу, стѣны которой были украшены лавровыми вѣнками, висѣвшими надъ большими гардеробными шкафами.

— Сюда, сказала Дагмаръ, отворяя одну дверь.

Навстрѣчу ему пахнулъ какой-то особенно свѣжій запахъ; пахло фіалками, мятой и свѣжимъ бѣльемъ.

При слабомъ свѣтѣ, проникавшемъ сюда сквозь спущенныя жалюзи, онъ увидѣлъ предъ собою словно два бѣлыя облака.

— Положите ее здѣсь, сказала Дагмаръ, указывая ему на одно изъ этихъ облаковъ.

Онъ сдѣлалъ, какъ ему приказывали. Дѣвушка облегченно вздохнула и вытянулась на подушкахъ.

Дагмаръ указала ему на одну изъ боковыхъ дверей.—Только пожалуста тише, проспла она.—Прислуга ничего не должна знать о вашемъ присутствіи.

Маркизъ очутился въ небольшой комнатѣ, простой и чистой, какъ алтарь сельской церкви. На стѣнахъ висѣли большіе гравированные портреты извѣстнѣйшихъ композиторовъ; у одного изъ оконъ, завѣшенныхъ блѣдно-желтыми тюлевыми гардинами, стоялъ маленькій рабочій столикъ съ начатою работой, по бокамъ дивана возвышались этажерки для нотъ, а въ углу стояла раскрытая эрардовская рояль.

На пультѣ лежало фортепіанное изданіе „Nozze del banditto“.

Онъ сбросилъ шубу, сѣлъ на табуретъ передъ роялью и съ

внезапнымъ порывомъ прикоснулся губами къ бѣлой клавіатурѣ, по которой такъ часто пробѣгали ея бѣлые пальцы. Потомъ онъ прижался горячимъ лбомъ къ нотамъ и закрылъ глаза. Въ его вискахъ стучало, предъ глазами то и дѣло вспыхивали молніи. Напрасно старался онъ собраться съ мыслями.

Изъ этого полузабытья, какъ долго оно продолжалось, онъ не зналъ, его разбудило легкое прикосновеніе опустившейся ему на плечо руки.

Онъ вскочилъ. За его спиной стояла улыбающаяся Дагмаръ.

— Слава Богу, заговорила она,—все кончилось благополучно. Она черезчуръ туго зашнуровалась, вотъ и все. Теперь она спитъ и во снѣ улыбается. Я такъ рада, такъ рада!

И она въ порывѣ радости протянула къ нему обнаженныя руки.

Онъ весь задрожалъ и уставился въ полъ. Въ волненіи она, конечно, забыла, что на ней все еще бальное платье. Ея шея сверкала матовою бѣлизной, а на плечахъ, словно разрисованныхъ синими жилками, каждый разъ, какъ ихъ касался солнечный лучъ, вспыхивали блѣдные, нѣжные огоньки.

Она замѣтила овладѣвшее имъ волненіе и покраснѣла, хотя и не могла объяснить его себѣ.

— Но уходите скорѣе, другъ мой, сказала она, чувствуя, что робѣетъ все болѣе и болѣе. — Скоро шесть часовъ. Что если проснется прислуга!

Онъ молча кивнулъ головой, но не трогался съ мѣста.

— Вотъ ваша шляпа... Торопитесь же... Я помогу вамъ надѣть шубу.

Онъ дѣлалъ все, что она отъ него требовала. Онъ былъ словно пьяный.

Но вдругъ она, испуганная какою-то мыслью, подбѣжала къ окну.

— Боже мой, воскликнула она.—Теперь вамъ уже нельзя идти. Лавочки напротивъ уже открылись. Булочница стоитъ у своего порога и смотритъ сюда. Я пропала.

Невыразимое чувство овладѣло имъ; словно море счастья сомкнуло надъ нимъ свои волны.

— Итакъ, я могу остаться?

— Не можете, а должны!

Онъ торопливо снялъ съ себя шубу, бросилъ ее на табуретъ и сѣлъ на нее, послушно сложивъ руки на груди, какъ дитя, которое ждетъ отъ матери рѣшенія своей судьбы.

Она глядѣла на него и не могла удержаться отъ смѣха.

— Что же мнѣ теперь дѣлать съ вами?

— Садитесь на диванъ и давайте болтать.

Она сѣла, словно что-то соображая.

— Погодите, сказала она, видимо собираясь сдѣлать какую-то попытку.—Знаете что я сдѣлаю—я сварю для насъ кофе.

— Браво!

— Тс... и она на цыпочкахъ вышла въ спальню. Нѣсколько минутъ спустя она воротилась оттуда, неся подносъ съ маленькимъ мѣднымъ кофейникомъ.

Проходя мимо зеркала, она случайно взглянула на себя. Лицо ея измѣнилось. Подносъ задрожалъ въ ея рукахъ и чуть не упалъ на полъ.

— Боже мой, воскликнула она,—да вѣдь я... Она опустила подносъ на столъ и въ избыткѣ мучительнаго стыда обѣими руками закрыла разгорѣвшееся лицо. Но это продолжалось не больше секунды. Потомъ она подбѣжала къ окну, схватила кружевной платокъ, лежавшій рядомъ съ работой, и торопливо накинула его на плечи и грудь.

Затѣмъ она кинулась въ уголъ софы и стала кусать нижнюю губу.

Онъ тихо поднялся съ мѣста и въ волненіи опустился въ уголъ дивана рядомъ съ ней.

Въ комнатѣ воцарилось глубокое мучительное молчаніе. Ничего не было слышно кромѣ ихъ быстраго дыханія.

— Дагмаръ!

— Что вамъ угодно? Она не рѣшалась поднять на него глаза.

— Вы сердитесь на меня?

Теперь она взглянула на него, и этотъ взглядъ проникъ до глубины его души. Стыдливость, мольба о пощадѣ и безграничное увлеченіе—все это отразилось въ ея долгомъ, любящемъ взорѣ.

Онъ схватился за спинку кресла, чтобы не упасть къ ея ногамъ. Онъ хотѣлъ владѣть собой ради ея, ради самого себя.

Снова настало молчаніе.

Затѣмъ, дѣлая послѣднюю, неудачную попытку казаться спокойною, она спросила:

— Когда вы ѣдете?

Голосъ ея звучалъ глухо.

— Когда прикажете?

— Значитъ сегодня!

— Сегодня... Дагмаръ... сегодня?

Она прикусила губы, какъ-будто сдерживая слезы, и потупилась.

— И я долженъ повиноваться?

— Должны повиноваться.

— Дагмаръ?

— Что?

— Вы еще должны отвѣтить мнѣ на одинъ вопросъ.

— Я? Испуганно спросила она.

— Развѣ вы забыли о чемъ я сегодня спрашивалъ васъ?

— Да!

— Дагмаръ, нравится вамъ, когда васъ умоляютъ?

И онъ сталъ предъ ней на колѣни.

— Дагмаръ... вотъ я у ногъ твоихъ, благоговѣйно и покорно... еще не предъ одною женщиной я не стоялъ такъ. Что бы вы... что бы ты ни рѣшила, я покоряюсь. Но склонись хоть разъ надо мной, хоть разъ прикоснись своими губами къ моему лбу... бо́льшаго я не требую... ничего не требую. Я буду въ отчаяніи, если мнѣ такъ... придется уйти отсюда.

Не получая никакого отвѣта, онъ опустилъ голову и закрылъ лицо руками. Ему казалось, что онъ на страшномъ судѣ, и долженъ идти въ адъ.

— У васъ нѣтъ ни плоти, ни крови, стоналъ онъ: — вы не женщина, Дагмаръ!

И вдругъ онъ почувствовалъ прикосновеніе нѣжной руки, почувствовалъ на себѣ ея горячее дыханіе и надъ самымъ ухомъ услышалъ шепотъ, легкій, какъ дуновеніе вѣтра.

— О, нѣтъ, я женщина, другъ мой,—слабая и жаждущая любви женщина. Я признаюсь вамъ въ эту минуту, такъ какъ это свыше моихъ силъ, что сейчасъ бросилась бы къ вамъ на грудь, залилась бы слезами и никогда бы не отпустила васъ отъ себя.

— Дагмаръ!

— Не прикасайтесь ко мнѣ—во имя всего, что есть для васъ святаго,— и выслушайте меня до конца. Это уже не первое искушеніе въ моей жизни—и я не стыдясь признаюсь вамъ, что мои глаза не разъ съ удовольствіемъ останавливались на искусителѣ. Я говорила себѣ: ты молода и обладаешь нѣжною душой... принадлежи ему. Но тутъ я глядѣла на сестру, дитя, которое только становилось дѣвушкой, прижимала ея бѣлокурую головку къ своей

груди и говорила себѣ: ради ея побереги себя! Если ты допустишь себя до паденія, ты непремѣнно увлечешь и ее за собою,—и можно себѣ представить, какъ глубоко погрузилась бы она въ ужасный омутъ: она такъ дика, легкомысленна и обладаетъ такимъ горячимъ воображеніемъ, хотя,—я еще надѣюсь на это,—пока все это еще дремлетъ въ ней. Ради нея я до нынѣшняго дня сохранила свою чистоту. И теперь, когда искушеніе больше, чѣмъ когда-либо, когда любовь и страсть такъ овладѣли мной, что я сама себя не узнаю... когда я чувствую себя совсѣмъ беззащитною... въ эту минуту я умоляю васъ: пощади меня, ради этого невиннаго ребенка, пощади меня!—Не оскверняй дома, гдѣ она спитъ, чтобъ я виновато не покраснѣла, когда она проснется и взглянетъ мнѣ въ глаза... Уходи, мой другъ, и да будетъ надъ тобою вѣчное благословеніе.

И со слезами на глазахъ она поцѣловала его въ голову.

Онъ всталъ... Въ его лицѣ не было ни кровинки.

Молча надѣлъ онъ шубу. Потомъ вопросительно указалъ на улицу.

Она кивнула головой. Это значило: иди, все же это лучше.

И онъ ушелъ.

Выйдя въ сѣни, онъ ждалъ, что вотъ-вотъ ея голосъ вернетъ его. Но она молчала. Когда же онъ захлопнулъ за собою дверь, ему послышалось... послышалось, что за его спиной раздается тихій, сдержанный смѣхъ.

Это былъ тотъ самый загадочный смѣхъ, который сопровождалъ его первое посѣщеніе, только тогда онъ звучалъ не такъ насмѣшливо.

Что бы это было? Можетъ-быть въ его душѣ воскресло непріятное воспоминаніе? Или это ему только почудилось?

Въ какомъ-то полузабытьѣ шагалъ онъ по улицѣ, пока неожиданно не увидѣлъ предъ собою террасу кофейной.

Онъ машинально подошелъ ближе. Ему хотѣлось сѣсть гдѣ-нибудь въ темномъ углу и отдаться своимъ грезамъ.

На встрѣчу ему несся громкій смѣхъ. У большаго стола сидѣла компанія полупьяныхъ гулякъ во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, и между ними—Мартино.

Какъ ни былъ удрученъ маркизъ, онъ все же удивился, видя его здѣсь.

Что касается Мартино, то онъ съ громкимъ восклицаніемъ бросился къ нему на встрѣчу, схватилъ его за рукавъ и пота-

щилъ за собой въ сторону. Его худое, раскраснѣвшееся отъ вина лицо сложилось въ циничную усмѣшку.

— Ну, ваша свѣтлость, бормоталъ онъ, какую награду получу я теперь? Вѣдь это я научилъ маленькую. И хорошо же она притворилась, можно было голову отдать на отсѣченіе, что ей правда—дурно. Corpo di bacco, вотъ понятливая дѣвочка!

Словно лучъ свѣта озарилъ маркиза.

Дитя, чистотой и невинностью котораго она заклинала его, которому отдала всю свою любовь, это—предавало сестру!

— И что же, удалось вамъ?

Брезгливымъ движеніемъ онъ оттолкнулъ отъ себя негодяя и поспѣшилъ на улицу. Еще бы немного—и онъ избилъ бы его.

Очутившись на берегу озера, надъ которымъ сіяло чистое голубое небо, онъ скрестилъ на груди руки и взглянулъ наверхъ.

Съ тѣхъ поръ какъ онъ видѣлъ звѣзду готовою упасть, она въ его глазахъ поднялась только еще выше.

. . . . . .

Что было дальше, я не знаю, но недавно разсказывали мнѣ, что Дагмаръ послѣ бѣгства своей сестры живетъ еще уединеннѣе, что она отказалась отъ ангажемента и идетъ на югъ.

Говорятъ про какое-то таинственное письмо, но никто объ этомъ не знаетъ ничего вѣрнаго.

* * *

Вы спросите меня, для чего я разсказалъ вамъ эту длинную исторію, которая, собственно говоря, ничего не доказываетъ.

Мой уважаемый другъ, можно желать обладанія звѣздой, но только какъ женой.

Литературная собственность въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

«No property is so entirely and «purely and religiously a man's own «as what comes to him immediatly «from God, without intervention or «participation.»

Walter Savage Landor (The Question of Copyright, стр. 17).

Конецъ XIX столѣтія ознаменовывается поворотомъ въ дѣятельности человѣческихъ обществъ къ достиженію высшихъ умственныхъ благъ въ смыслѣ идеальномъ. Послѣ матеріальныхъ улучшеній быта, благодаря цѣлому ряду открытій и изобрѣтеній въ сферѣ прикладныхъ искусствъ,—паръ, электричество и т. п.,—замѣчается стремленіе къ художественному, умственному, въ смыслѣ научномъ и литературномъ, развитію. Это стремленіе нашло свое выраженіе въ законодательствѣ страны, до сихъ поръ исключительно направлявшей свои усилія на достиженіе возможныхъ успѣховъ въ области прикладныхъ искусствъ,—въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Здѣсь изданный въ мартѣ 1891 года законъ о литературной собственности,—*the Platt-Simonds Copyright Act, of March, 1891*,—имѣетъ въ виду возсоздать обширную и самостоятельную, научную и художественную литературу, отсутствіе которой придавало за-атлантической республикѣ одностороннее практическое направленіе.

Указанное идеальное направленіе имѣетъ своихъ представителей также въ области науки права. Упомянемъ здѣсь недавно

вышедшее на нѣмецкомъ языкѣ изслѣдованіе Колера—*Идеалы въ правѣ*,[1] гдѣ приводится обширная литература современныхъ юристовъ всѣхъ образованныхъ странъ Европы и Америки, работающихъ въ этомъ же направленіи.

По степени вліянія на отношенія дѣйствительной жизни, новый законъ о литературной собственности въ Соединенныхъ Штатахъ обращаетъ на себя вниманіе тѣхъ, кому дороги успѣхи въ сферѣ умственнаго творчества, научнаго и художественнаго, видя въ нихъ высшую силу человѣка: „Vernunft und Wissenschaft des Menschen allerhöchste Kraft!“

Если въ сферѣ экономическихъ отношеній Соединенные Штаты Сѣверной Америки стали въ 1890 году, съ принятіемъ билля Макъ-Кинлея, на путь строгаго охраненія главнѣйшихъ отраслей своего народнаго производства и воспрещенія ввоза иностранныхъ издѣлій, то въ области умственнаго и художественнаго творчества политика центральнаго правительства Штатовъ держится прямо противоположнаго направленія. Въ 1891 году принятъ въ мартѣ мѣсяцѣ палатами и вступилъ въ дѣйствіе 1 іюля новый законъ о литературной собственности въ Соединенныхъ Штатахъ, носящій названіе по имени его составителей *закона Платтъ-Симонда—The Platt-Simonds Copyright Act, of March*, 1891.

Въ одномъ изъ засѣданій международнаго экономическаго конгресса, засѣдавшаго въ Парижѣ въ іюлѣ 1889 года, извѣстнаго подъ именемъ „congrès international de la participation aux bénéfices“, делегатъ отъ Соединенныхъ Штатовъ высказывалъ мысль, что Американцы желали бы сдѣлать Атлантическій океанъ „огненнымъ“ океаномъ въ томъ смыслѣ, чтобы черезъ него не могли проникнуть въ Америку произведенія европейскихъ мануфактуръ. Билль Макъ-Кинлея осуществилъ энергично выраженную мысль американскаго делегата, запретивъ ввозъ въ Америку издѣлій изъ за-атлантическихъ странъ. Окруживъ себя „огненнымъ“ океаномъ для матеріальныхъ произведеній Европы, Соединенные Штаты въ 1891 году открываютъ у себя широкій доступъ умственному и художественному творчеству для лицъ всѣхъ національностей, признавая за ними въ законѣ о литературной собственности Платтъ-Симонда такія же права, какъ за собственными своими гражданами.

[1] Dr. I. Kohler, *Die Ideale im Recht, Berlin, Carl Heymanns Verlag*, 1892.

Что же побудило законодателей Соединенныхъ Штатовъ стать, повидимому, въ столь явное противорѣчіе съ самими собой, запретивъ ввозъ иностранныхъ издѣлій въ 1890 году (билль Макъ-Кинлея)? Они въ 1891 году стремятся привлечь въ свою страну произведенія иностранныхъ авторовъ и художниковъ (законъ Платтъ-Симонда).

Отвѣтъ на этотъ вопросъ лежитъ въ сознаніи, проникшемъ въ законодательныя сферы Америки, того, что одни матеріальные успѣхи недостаточны для обезпеченія за молодымъ народомъ всемірно-историческаго значенія. Для этого нужно еще достигнуть высокаго умственнаго и художественнаго развитія. Въ этомъ отношеніи Американцы разсуждаютъ такъ: если законъ о патентахъ на изобрѣтенія далъ безпримѣрное въ исторіи развитіе въ Соединенныхъ Штатахъ „прикладнымъ искусствамъ“,—достаточно вспомнить Эдисона, чтобы согласиться съ этимъ,—то соотвѣтственнымъ образомъ составленный законъ о литературной и художественной собственности долженъ освободить населеніе Америки отъ „безпримѣрнаго въ исторіи мысли умственнаго порабощенія“, какъ характеризуетъ сэръ-Генри Сумнеръ Мэнъ теперешнее состояніе умственнаго и художественнаго развитія Соединенныхъ Штатовъ.

Нелегкую задачу *умственнаго и художественнаго возрожденія въ концѣ XIX* столѣтія въ обширной за-атлантической республикѣ думаютъ разрѣшить посредствомъ закона Платтъ-Симонда, вступившаго въ силу полгода тому назадъ, 1 іюля 1891 г.

Привлечь иностранныхъ авторовъ и художниковъ въ Америку, раскрыть ихъ твореніямъ этотъ громадный рынокъ, гдѣ они найдутъ и славу, и матеріальныя выгоды, перенести центръ книгоиздательской дѣятельности изъ Лондона въ Нью-Іоркъ—вотъ въ чемъ состоятъ обширные замыслы, руководившіе составителями новаго закона о литературной собственности въ Америкѣ.

Таковы въ общихъ чертахъ сила и значеніе новаго законодательнаго акта, примѣняя который, великая за-атлантическая республика дѣлаетъ современными пріемами и орудіями то же, что дѣлали и дѣлаютъ мудрые монархи, оказывая милости художникамъ и писателямъ.

Для облегченія русскому читателю ознакомленія со столь важнымъ законодательнымъ памятникомъ конца XIX столѣтія, мы дальнѣйшее наше изложеніе посвятимъ сперва изученію общихъ

основаній и цѣли закона Платтъ-Симонда (гл. I), а затѣмъ перейдемъ къ подробному анализу отдѣльныхъ его постановленій (гл. II), наконецъ окончимъ нашъ трудъ указаніемъ на идеальную сторону этого закона (гл. III).

Глава I.

Основаніе и цѣль закона Платтъ-Симонда.

Основная мысль изданнаго въ мартѣ 1891 года закона о литературной, художественной и музыкальной собственности для Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ выражена въ рѣчи, произнесенной сенаторомъ *Платтъ* (Platt), предложившимъ названный билль и защищавшимъ его положенія въ засѣданіи сената Соединенныхъ Штатовъ отъ 10 февраля 1891 г. Сенаторъ Платтъ говорилъ: „Пятьдесятъ три года ждали мы настоящей минуты, когда можетъ быть узаконено международное авторское право. Пятьдесятъ три года тому назадъ Генри Клей (Henry Clay) представилъ докладъ, въ которомъ, по мнѣнію достовѣрныхъ лицъ, убѣдительно доказывалъ не только умѣстность, но обязанность распространить на иностранцевъ право литературной собственности при составленіи международнаго закона объ авторскомъ правѣ. Я просто хочу сказать, что билль основанъ на слѣдующемъ широкомъ началѣ, въ силу котораго произведенное разумомъ, геніемъ, воображеніемъ или изобрѣтательностью человѣка составляетъ его собственность, столько же, какъ то, что онъ производитъ своими руками, или пріобрѣтаетъ физическимъ или инымъ трудомъ. Будучи собственностью, литературная собственность должна быть собственностью всюду на свѣтѣ (the world over) и должна быть признана таковою. Когда Американецъ сочинитъ книгу, право на изданіе этой книги должно быть признано, въ значеніи собственности, не только въ этой странѣ, какъ это существуетъ теперь въ силу дѣйствующей конституціи, но эта собственность должна быть признана всюду. Когда гражданинъ другаго государства напишетъ книгу, право издать эту книгу должно признаваться за право собственности въ этой странѣ точно такъ же, какъ въ его отечествѣ. Таково широкое начало, на которомъ опирается настоящій билль – охраненіе собственности, для чего существуетъ правительственная власть въ государствѣ.“

Исходя изъ такого широкаго начала о признаніи права литературной, художественной, музыкальной собственности за авторами безъ различія ихъ національности, законъ 4 марта 1891 года примиряетъ авторское право, стоящее внѣ національностей, съ требованіями изданія ихъ произведеній. При этомъ американское право на литературную собственность признается за иностраннымъ авторомъ въ томъ случаѣ, когда его произведеніе издается *одновременно* въ Соединенныхъ Штатахъ и въ другомъ государствѣ, къ которому авторъ принадлежитъ по своему подданству. *Одновременное изданіе*—существенное требованіе для предоставленія въ Америкѣ автору иностранцу права литературной собственности на его произведеніе. Это требованіе не распространяется на собственность художественную и музыкальную. Объясненіе этого мы найдемъ въ упомянутой рѣчи сенатора Платта: „Основная мысль литературнаго права собственности состоитъ въ исключительномъ правѣ продажи, и запрещеніе ввоза изъ иностраннаго государства изданной въ Америкѣ книги необходимо для огражденія этого права. Право продажи внутри страны, гдѣ предоставлена автору литературная собственность, даетъ цѣнность произведенію автора... Я говорилъ, *что дѣйствительная сущность права литературной собственности заключается въ привилегіи контролировать книжную продажу*“...

Для осуществленія этой привилегіи американскій законъ 4 марта 1891 года установилъ требованіе *одновременнаго изданія* иностраннымъ авторомъ своего произведенія за границей и въ Соединенныхъ Штатахъ и обезпечилъ дальнѣйшій контроль за сбытомъ въ Америкѣ сдѣланнаго здѣсь изданія *запрещеніемъ* ввоза сюда иностранныхъ изданій книги, пользующейся признаніемъ за ней американскаго права литературной собственности. Иностранный авторъ, издавъ свою книгу въ Американскихъ Штатахъ, огражденъ, въ силу закона 4 марта 1891 года, отъ недозволенной перепечатки въ Америкѣ его произведенія (контрафакціи) и огражденъ отъ заграничныхъ изданій его книги запрещеніемъ ввоза ея въ Соединенные Штаты.

Ближайшему разсмотрѣнію столь важнаго законодательнаго акта посвящена настоящая статья. Но прежде нежели мы перейдемъ къ передачѣ содержанія главнѣйшихъ положеній новаго закона о литературной, художественной и музыкальной собственности, имѣющаго, какъ видно изъ вышеизложеннаго, не только мѣстное значеніе для Соединенныхъ Штатовъ, но международный

характеръ, на что̀ указывалъ въ своей рѣчи сенату предлагавшій билль сенаторъ Платтъ,—интересно познакомиться съ тѣми источниками, на которыхъ основывается настоящій нашъ очеркъ.

Въ Нью-Іоркѣ и Лондонѣ „одновременно“ издается—это въ силу новаго литературнаго закона 4 марта 1891 года—повременный сборникъ статей, посвященныхъ важнѣйшимъ вопросамъ современной жизни, *Вопросы дня*—„Questions of the day“. Въ декабрѣ 1891 года вышла новая книга этого сборника, посвященная праву литературной собственности, которое считается такимъ образомъ издателями повременнаго сборника „вопросомъ дня“, вслѣдствіе новаго интереса ему даннаго закономъ о литературной собственности отъ 4 марта 1891 г. для Соединенныхъ Штатовъ.

„Вопросъ о литературной собственности“ (the question of copyright),—такъ озаглавленъ новый томъ сборника „Вопросы дня“,—состоитъ изъ нѣсколькихъ главъ, принадлежащихъ разнымъ авторамъ. Природа и происхожденіе правъ литературной собственности составляетъ первую главу книги и принадлежитъ Р. Р. Бокеру (R. R. Bowker); эволюція этого права написана Брандеръ Матью (Brander Matthews); историческій очеркъ права литературной собственности даетъ Путнамъ (G. H. Putnam); развитіе статутарнаго права литературной собственности въ Англіи составлено опять Р. Р. Бокеромъ.

„Вопросъ о литературной собственности“ имѣетъ значеніе не по однѣмъ научнымъ работамъ по этому предмету, но представляетъ большой интересъ подробнымъ и дословнымъ приведеніемъ важнѣйшихъ законодательныхъ актовъ, опредѣляющихъ право автора на его произведеніе.

Мы остановимся главнымъ образомъ на главѣ X названнаго сборника, [1] посвященной разбору интересующаго насъ новаго американскаго закона о литературной, художественной и музыкальной собственности. Мы думаемъ, что русскій читатель составитъ себѣ по предлагаемому очерку ясное представленіе о новомъ законодательномъ актѣ, которому суждено внести много новаго въ область имъ регулируемыхъ отношеній.

---

[1] *Questions of the day*, New-Iork, London, 1891, *The question of copiright*, Analysisof the Copyright Act, of March 1891, by G. H. Putnam, стр. 176—186.

Новый законъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ о литературной, художественной и музыкальной собственности носитъ названіе „акта Платтъ-Симонда о литературной собственности, марта 1891 года“ (The Platt-Simonds Copyright, Act of march, 1891). Названіе дано по имени депутата Симонда, поддерживавшаго билль въ палатѣ депутатовъ, гдѣ онъ былъ принятъ 3 декабря 1890 года большинствомъ 139 голосовъ противъ 95, и по имени сенатора Платта, проведшаго актъ въ сенатѣ 4 марта 1891 года, принявшемъ его большинствомъ 27 голосовъ противъ 19.

Цѣль закона состоитъ просто въ томъ, чтобы дозволить иностранцамъ пріобрѣсти право литературной собственности въ Америкѣ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ это право пріобрѣтаютъ сами американскіе граждане. Иностранецъ можетъ пріобрѣсти въ Америкѣ право литературной собственности въ слѣдующихъ трехъ случаяхъ: вопервыхъ, если государство, къ которому принадлежитъ иностранецъ по своему подданству, дозволяетъ американскому гражданину пріобрѣсти право литературной собственности по существу на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ, какъ для своихъ подданныхъ. Вовторыхъ, если государство, къ которому принадлежитъ иностранецъ, предоставляетъ американскимъ гражданамъ подобныя же привилегіи относительно правъ литературной собственности, какъ это признано въ новомъ законѣ объ авторскомъ правѣ для Соединенныхъ Штатовъ. Наконецъ, втретьихъ, если государство, къ которому принадлежитъ иностранецъ, является одною изъ договаривающихся сторонъ въ международномъ соглашеніи, устанавливающемъ начало взаимности въ отношеніи правъ литературной собственности, то Соединенные Штаты, по своему усмотрѣнію, въ правѣ принять участіе въ этомъ соглашеніи.

Трудно далѣе провести заботливость объ интересахъ авторовъ, американскихъ гражданъ, раскрывая иностраннымъ писателямъ признаніе ихъ правъ литературной собственности въ предѣлахъ Соединенныхъ Штатовъ, какъ это сдѣлано въ вышеуказанной постепенности тѣхъ трехъ требованій, которымъ должны удовлетворить государства иностранныхъ авторовъ, желающихъ воспользоваться защитой американскаго закона ихъ правъ литературной собственности. Дѣйствительно, американскій писатель въ иностранномъ государствѣ долженъ пользоваться тою же защитой, какъ прирожденные граждане, при этомъ его право не должно быть въ чужой странѣ менѣе того, что̀ ему даетъ американскій

законъ у себя дома; наконецъ, американскій писатель за границей долженъ пользоваться тѣми преимуществами, которыя обезпечены международными трактатами за иностранными авторами.

Ограждая такимъ образомъ авторовъ, американскихъ гражданъ, въ сбытѣ ихъ произведеній внѣ предѣловъ ихъ страны, новый законъ Соединенныхъ Штатовъ о литературной собственности имѣетъ главнымъ образомъ въ виду привлечь въ Америку литературныя произведенія иностранцевъ, съ цѣлью подъема умственнаго уровня въ странѣ, гдѣ замѣчается одностороннее развитіе „прикладныхъ искусствъ“ и упадокъ художественнаго и философскаго образованія. Въ извѣстномъ смыслѣ американскіе законодатели задались мыслью совершить, при посредствѣ новаго закона о литературной собственности, своего рода *возрожденіе наукъ и искусствъ въ концѣ XIX ст.* Эта идеальная черта составляетъ основной принципъ закона 4 марта 1891 года, такъ называемаго „Платтъ-Симондовскаго Акта о литературной собственности“.

Но идеальная цѣль облеклась въ высшей степени реалистическую аргументацію, при обсужденіи въ представительныхъ учрежденіяхъ Соединенныхъ Штатовъ внесеннаго на ихъ рѣшеніе билля.

Вотъ образецъ подобной аргументаціи:

Мистеръ Оатесъ. „Почему билль столь благопріятенъ къ типографамъ?“

Мистеръ Кеннеди. „По многимъ основаніямъ. Первая и главная причина имѣетъ характеръ эгоистическій.“

„Какъ рѣдко случается, чтобы дѣйствія человѣческія не имѣли эгоизма своимъ побудительнымъ основаніемъ! Дѣйствіе билля, какъ закона, будетъ прежде всего состоять въ томъ, что онъ дастъ значительный толчокъ книгопечатанію въ Соединенныхъ Штатахъ. Громадное количество печатнаго матеріала, который естественно принадлежитъ Америкѣ (потому что онъ главнымъ образомъ приготовляется для этого рынка), теперь производящійся по ту сторону Атлантики, перейдетъ къ намъ домой. Дѣйствительно, газета *London Times* до очевидности доказала, что если настоящій билль станетъ закономъ, то литературный и книгопечатный центръ англійскаго владычества перейдетъ на западъ отъ Лондона и изберетъ своимъ пребываніемъ Нью-Іоркъ. Это будетъ такое зрѣлище, которымъ всякій истинный американскій патріотъ будетъ наслаждаться съ чувствомъ удовлетворенія и гордости.“

„Англичанинъ, пишущій для пріобрѣтенія денегъ и славы,—я думаю, что большинство авторовъ руководятся этими двумя побужденіями,—признаетъ, что здѣсь находится богатѣйшій рынокъ, и онъ не будетъ думать, что трудно исполнить требованіе предлагаемаго закона, главная выгода отъ котораго выпадаетъ ему, и типографы не будутъ считать затрудненіемъ требованіе оставить въ нашей странѣ изъ своего дохода только то, что̀ будетъ стоить его изданіе.“ [1]

Познакомившись съ общими основаніями и цѣлью Платтъ-Симондовскаго Акта о литературной собственности для Соединенныхъ Штатовъ, перейдемъ къ разсмотрѣнію его содержанія.

Глава II.

Анализъ постановленій закона отъ 4 марта 1891 года о литературной собственности въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

A) Произведенія литературныя.

1) Право литературной собственности признается за авторомъ. американскимъ гражданиномъ или иностранцемъ, въ теченіе двадцати восьми лѣтъ. Но если авторъ находится въ живыхъ по истеченіи этого двадцативосьмилѣтняго срока, или если послѣ его смерти остались вдова и дѣти, то къ первоначальному періоду времени, въ двадцать восемь лѣтъ, присоединяется дополнительный срокъ въ четырнадцать лѣтъ. Такъ что право литературной собственности въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ продолжается въ общей сложности въ теченіе 42 лѣтъ. Но этотъ срокъ сокращается на 28 лѣтъ, если авторъ не находится въ живыхъ, или послѣ него не осталось пережившихъ его супруги и дѣтей.

2) Для пользованія въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ защитой закона о литературной собственности, авторъ, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ, долженъ свое произведеніе всецѣло обнародовать въ Америкѣ, то-есть онъ долженъ наблюсти, чтобы здѣсь оно было набрано въ типографіи, отпечатано, сброшюровано въ книгу.

Послѣднее постановленіе закона 4 марта 1891 года о литературной собственности въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ было

[1] Testimony of I. L. Kennedy, given before the House Judiciary Committee, January, 30, 1890. См. *The Question of Copyright*, стр. 116.

включено вслѣдствіе настояній Типографскихъ Союзовъ (Typographical Unions) и ему дано значеніе существеннаго (essential) требованія для предоставленія литературному произведенію защиты закона о литературной собственности въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.

Типографскіе Союзы руководствовались въ своемъ ходатайствѣ тѣмъ соображеніемъ, что если въ Штатахъ будетъ признано международное право литературной собственности, то безъ означеннаго выше существеннаго условія большая часть книгъ, выдѣлываемыхъ (the book manufacturing) въ Америкѣ въ настоящее время, будетъ привозиться изъ-за Атлантическаго океана, къ прямой невыгодѣ американскихъ наборщиковъ и печатниковъ, а также другихъ лицъ, занятыхъ въ торговлѣ книгами.

3) Дальнѣйшее условіе для признанія правъ литературной собственности за авторомъ другой національности состоитъ въ томъ, чтобъ иностранное государство, къ которому онъ принадлежитъ, признавало бы за американскимъ авторомъ по существу такое же право на его литературное произведеніе, какое это государство признаетъ за своими собственными гражданами.

4) Законъ 4 марта 1891 года требуетъ, чтобы книга, пользующаяся въ Штатахъ защитой закона о литературной собственности, была бы издана въ Америкѣ не позже того, какъ она издана въ другихъ государствахъ. Въ силу дѣйствующаго въ настоящее время закона въ Англіи, сочиненіе англійскаго писателя, для пользованія охраной англійскаго права, должно быть издано въ Великобританіи не позже того, какъ оно издано въ другомъ государствѣ. Поэтому англійскіе авторы должны будутъ необходимо заключать условія со своими англійскими и американскими издателями относительно одновременнаго изданія ихъ литературныхъ произведеній по обѣ стороны Атлантическаго океана,—въ Англіи и въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.

Американскій комментаторъ приведенной статьи новаго закона отъ 4 марта 1891 года о литературной собственности въ Штатахъ, Георгъ Гавенъ Путнамъ, находитъ, что требованіе закона относительно одновременнаго литературнаго изданія въ Америкѣ и въ другихъ за-атлантическихъ государствахъ не представляетъ никакихъ особенныхъ трудностей. „Для большинства книгъ, подлежащихъ такой перепечаткѣ, нѣтъ матеріальныхъ затрудненій относительно одновременнаго изданія (simultaneous publication), такъ какъ теперешніе легкіе способы размноженія и ремингто-

нированія рукописей даютъ возможность въ теченіе недѣли переслать черезъ Атлантику корректурные листы книги и заключить окончательныя соглашенія при помощи трансъ-атлантическаго телеграфнаго кабеля.

Противъ одновременнаго изданія (simultaneous publication) книгъ въ Американскихъ Штатахъ и въ другихъ за-атлантическихъ государствахъ представлялись возраженія, указывавшія на то, что это требованіе закона клонится къ тому, чтобы всѣ книги, которыя будутъ пользоваться защитой американскаго закона о литературной собственности, были бы издаваемы въ Америкѣ. Между прочимъ, дѣлали замѣчаніе, что если иностранному автору предоставить шесть или двѣнадцать мѣсяцевъ сроку на совершеніе окончательныхъ мѣропріятій для изданія въ Америкѣ своего произведенія, то въ теченіе этого времени ввозъ иностраннаго изданія этого сочиненія въ Америку долженъ быть или воспрещенъ, или дозволенъ. Въ первомъ случаѣ американскій читатель будетъ на неопредѣленное время лишенъ возможности достать вновь появившуюся книгу въ Англіи, что̀, конечно, вызоветъ сильное общественное негодованіе. Во второмъ случаѣ американскій книжный рынокъ будетъ переполненъ книгами изданными въ Англіи ранѣе чѣмъ американскія изданія будутъ готовы, а затѣмъ, когда англійское изданіе будетъ распродано, американскій издатель останется съ книгами, имѣющими весьма незначительную рыночную цѣнность.

Требованіе *одновременнаго изданія* книги въ Американскихъ Штатахъ и въ за-атлантическихъ государствахъ является лучшею гарантіей противъ недозволенной перепечатки (контрафакціи) сочиненія, изданнаго въ одномъ государствѣ, книгопродавцами въ другой странѣ.

По мнѣнію комментатора новаго американскаго закона отъ 4 марта 1891 года о литературной собственности Георга Гавена Путнама, предписаніе объ „одновременномъ изданіи“ (simultaneous publication) неизбѣжно, пока сохраняются въ законѣ другія ограниченія. Когда послѣднія будутъ отстранены, то международное право о литературной собственности въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ можетъ быть подведено къ постановленіямъ Бернской литературной конвенціи 1886 года, 9 сентября. [1]

---

[1] Questions of the day. The question of copyright by Geo. Haven Putnam. *New York-London*, 1891, стр. 179.

5) Въ новомъ законѣ 4 марта 1891 года удержано существовавшее до сихъ поръ правило *о регистраціи* вновь изданной книги, которая съ этою цѣлью должна быть представлена наканунѣ или въ день выхода изъ типографіи въ *книгопродавческій департаментъ конгресса* (the office of the Librarian of congress), гдѣ за регистрацію взимается сборъ 50 центовъ съ авторовъ Американцевъ и одинъ долларъ съ авторовъ иностранныхъ.

6) Такъ какъ ввозъ въ Америку изданій книги такимъ образомъ огражденной въ правѣ на нее литературной собственности воспрещенъ до тѣхъ поръ, пока существуетъ на нее право американской литературной собственности, то дозволяется пересылать въ Америку подобныя книги не болѣе двухъ экземпляровъ въ одной посылкѣ, причемъ должно быть оговорено, что эти два экземпляра посылаются „для пользованія, а не для продажи“ („for use and not for sale“). На основаніи этого правила лица, предпочитающія пріобрѣсти иностранное изданіе книги, пользующейся защитой со стороны американскаго права литературной собственности, могутъ непосредственно или чрезъ коммиссіонера-книгопродавца выписать себѣ изъ-за границы не болѣе двухъ экземпляровъ этой книги. Коммиссіонеры-книгопродавцы стѣснены здѣсь въ томъ отношеніи, что они не могутъ выписывать въ одной посылкѣ болѣе двухъ экземпляровъ книги, пользующейся защитой со стороны американскаго права литературной собственности.

7) *Иностранныя повременныя изданія*, не имѣющія американскаго изданія, „напечатаннаго по набору, сдѣланному въ Соединенныхъ Штатахъ“ („printed from type set in the United State“), не могутъ пользоваться защитой американской литературной собственности. Ввозъ такихъ повременныхъ изданій дозволенъ безо всякихъ стѣсненій, кромѣ тѣхъ нумеровъ, гдѣ содержится недозволенная перепечатка произведеній, пользующихся защитой американскаго права литературной собственности.

Если англійскій писатель пріобрѣлъ право американской литературной собственности на всю изданную имъ книгу, то это не гарантируетъ его отъ ввоза въ Америку тѣхъ нумеровъ повременнаго изданія, вышедшаго за границей, въ которомъ помѣщены только „нѣкоторыя главы“, а не вся книга подобнаго автора. Право американской литературной собственности не даетъ

защиты автору на часть его книги. [1] Только тогда право американской литературной собственности можетъ считаться нарушеннымъ, если въ повременномъ иностранномъ изданіи были напечатаны всѣ главы книги, пользующейся защитой въ Америкѣ. Такіе нумера не дозволяется ввозить въ Соединенные Штаты.

8) Съ цѣлью сдѣлать запрещеніе ввоза въ Америку книгъ, пользующихся защитой права американской литературной собственности, болѣе дѣйствительнымъ, еженедѣльно доставляется списокъ книгъ, за которыми признано право литературной собственности, изъ департамента книгопродавцевъ въ конгрессѣ (the office of the Librarian of Congress) секретарю казначейства (the Secretary of the Treasury), который передаетъ этотъ списокъ подлежащимъ таможеннымъ должностнымъ лицамъ (the customs officers).

Запрещеніе ввоза въ Соединенные Штаты (the non—importation provision) книги иностраннаго автора, пользующагося защитой права американской литературной собственности, даетъ имъ дѣйствительное, а не мнимое только право на свое произведеніе. *Вся теорія литературнаго права собственности сводится къ праву автора имѣть исключительный контроль за своимъ произведеніемъ, въ специфической власти надъ этимъ произведеніемъ.* — Авторъ, которому, въ силу международнаго права или по законамъ, дѣйствующимъ внутри извѣстнаго государства, предоставленъ такой контроль, такая специфическая власть, имѣетъ нѣчто, что онъ можетъ продать, на что онъ можетъ уступить другому лицу точное право, за которое онъ имѣетъ возможность назначить опредѣленную цѣну, представляющую рыночную цѣну его произведенія. Такой же авторъ, который можетъ предоставить своему издателю, вмѣсто исключительнаго права, одну лишь возможность соперничать съ безчисленнымъ множествомъ другихъ издателей того же сочиненія, не располагаетъ дѣйствительнымъ литературнымъ правомъ собственности, и вознагражденіе, которое онъ можетъ разсчитывать получить, будетъ конечно весьма незначительно.

9) Иностранный авторъ пользуется въ силу закона 4 марта

---

[1] Geo. Haven Putnam, the question of copyright, стр. 181: «For this portion of his volume no American copyright can, under the present act, be secured.»

1891 года о литературномъ правѣ собственности въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ такимъ же контролемъ относительно перевода его книги, какъ прежде это признавалось за американскимъ авторомъ, поэтому такой переводъ можетъ быть напечатанъ только съ согласія автора. Настоящее правило ограждаетъ нѣмецкихъ и французскихъ авторовъ, имѣющихъ право слѣдить за изданіями въ Соединенныхъ Штатахъ недозволенныхъ ими переводовъ ихъ сочиненій на англійскій языкъ, а равно англійскимъ авторамъ даетъ право контроля за перепечаткой ихъ книгъ не только на англійскомъ языкѣ, но также, напримѣръ, на нѣмецкомъ. Но запрещеніе перевода ограничивается предѣлами Штатовъ. Поэтому дозволяется ввозить изъ-за границы изданія книгъ, напечатанныхъ на иномъ языкѣ, нежели тотъ, для коего за сочиненіемъ признано американское право литературной собственности (American copyright).

Б) Художественная собственность.

Иностранные художники и артисты пріобрѣтаютъ въ силу закона 4 марта 1891 года о художественной собственности въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ исключительное право на свои произведенія въ теченіе того же срока, какъ Американцы-художники.

Мало того, новый законъ Штатовъ признаетъ за иностранными художниками исключительное право воспроизводить свои художественныя созданія путемъ хромо-фото или литографіи, причемъ, гдѣ бы эти повторенія ни были *сфабрикованы* („manufactured“), въ Европѣ или въ Соединенныхъ Штатахъ, они пользуются защитой со стороны закона 4 марта 1891 года о художественной собственности въ Америкѣ. Настоящее постановленіе имѣетъ особенное значеніе для тѣхъ художниковъ и спеціальныхъ издателей во Франціи, которые въ прошломъ году жаловались на вредъ, имъ причиняемый всевозможными „заимствованіями“ (appropriation) ихъ произведеній со стороны Американцевъ.

В) Музыкальная собственность.

Музыкальныя произведенія иностраннаго композитора пользуются исключительнымъ правомъ собственности въ теченіе того же срока, какъ признается вообще въ Сѣверо-Американскихъ

Штатахъ право литературной собственности, то-есть въ теченіе 28 лѣтъ и дополнительныхъ еще 14 лѣтъ. — Для пользованія этимъ правомъ музыкальной собственности не требуется соблюденія условій для пріобрѣтенія американскаго права литературной собственности: одновременность изданія въ Америкѣ и за границей, регистрація и т. д.

Глава III.

Идеальная сторона закона о литературной собственности въ Соединенныхъ Штатахъ.

Окончивъ разсмотрѣніе, анализъ главнѣйшихъ постановленій новаго законодательнаго акта о литературной, художественной и музыкальной собственности въ Соединенныхъ Штатахъ, намъ остается указать, въ заключеніе нашего изслѣдованія, на общее его значеніе и на то вліяніе, которое онъ долженъ оказать на населеніе за-антлантической республики.

Новый законъ 4 марта 1891 года имѣетъ въ виду предоставить иностраннымъ авторамъ защиту въ Соединенныхъ Штатахъ ихъ права литературной, художественной и музыкальной собственности. Новый законодательный актъ удовлетворяетъ не одному только требованію справедливости, столь краснорѣчиво выраженному въ изреченіи, поставленномъ нами эпиграфомъ настоящей статьи, [1] но онъ направленъ, главнымъ образомъ, на поднятіе умственнаго уровня въ населеніи страны. Мысль объ этомъ подъемѣ духовныхъ силъ народа давно заботила людей, привыкшихъ вдумываться въ явленія окружающей жизни, они же указали вѣрнѣйшія къ тому средства. *Сёръ-Генри Сумнеръ Мэнъ*, въ своей книгѣ *Popular Government* (стр. 247) говоритъ: „Власть союзнаго правительства утверждать патенты на изобрѣтенія сдѣлала Американскій народъ первымъ въ мірѣ по числу и совершенству изобрѣтеній, которыми онъ развилъ „прикладныя искусства“ (useful arts); но, съ другой стороны, пренебреженіе въ примѣненіи этой власти къ выгодѣ иностранныхъ авторовъ принизило все населеніе Америки къ литературному порабощенію, не имѣющему себѣ подобнаго въ исторіи мысли.“

[1] «No property is so entirely and purely and religiously a man's own as «what comes to him immediatly from God, without intervention or partici-«pation».—Walter Savage Landor (Questions of the day. Copyright, стр. 17).

Достигнетъ ли законъ 4 марта 1891 года о литературной собственности въ Соединенныхъ Штатахъ тѣхъ великихъ цѣлей, которыя имѣли въ виду его составители, избавитъ ли онъ населеніе Америки отъ „безпримѣрнаго въ исторіи мысли литературнаго порабощенія“, поставитъ ли онъ въ области духовнаго творчества великую за-атлантическую республику на одинаковый уровень съ ея созданіями въ области „прикладныхъ искусствъ“? На эти вопросы отвѣтитъ будущее, такъ какъ особый законодательный актъ о правѣ литературной собственности въ Соединенныхъ Штатахъ вступилъ въ силу съ 1 іюля 1891 года. Остается подождать результатовъ отъ примѣненія новаго законодательнаго акта, который по степени значенія для страны и по цѣли своей—направить духовную дѣятельность великой націи къ самостоятельному творчеству въ области художественной—можетъ быть сравненъ съ другимъ великимъ актомъ Соединенныхъ Штатовъ—уничтоженіемъ рабства.

Для мыслящаго человѣка въ высшей степени завлекательнымъ, для наблюденія и изученія, является слѣдить за результатами законодательнаго акта, составленнаго съ указанною цѣлью. Въ состояніи ли законъ, опредѣляющій правила для внѣшнихъ дѣйствій человѣка въ обществѣ, воздѣйствовать на его духовную природу въ той степени, какъ это ожидается отъ новаго законодательнаго акта Соединенныхъ Штатовъ о литературной, художественной и музыкальной собственности?

Хотѣлось бы вѣрить въ подобное всемогущество закона!..

Скептически относящіеся къ такому воздѣйствію закона могутъ найти подкрѣпленіе своимъ сомнѣніямъ въ положеніи литературнаго творчества въ Китаѣ. [1] Здѣсь, несмотря на широкое развитіе національной литературы, не существуетъ законовъ, ограждающихъ право литературной собственности. Примѣръ Китая имѣетъ отъ того большое значеніе, что здѣсь литературное развитіе страны и литературное творчество обошлось безо всякаго содѣйствія со стороны нормъ закона. Правда, кромѣ Китая, только въ Аргентинской республикѣ, въ Уругваѣ, Парагваѣ, Чили, Перу и въ Египтѣ не существуетъ законовъ, ограждающихъ право литературной собственности, но въ этихъ странахъ не замѣчается значительнаго литературнаго развитія. [2] Въ Турціи

[1] *The Question of Copyright*, стр. 51.

[2] *Ib.*, стр. 375.

право автора ограждено закономъ и государство имѣетъ право само издавать сочиненія, признанныя полезными, вознаградивъ сперва ихъ авторовъ. [1] Здѣсь авторское право подвергается экспропріаціи со стороны государства, въ виду общеполезнаго значенія извѣстнаго литературнаго произведенія. Государство становится издателемъ сочиненія, полезность котораго признана для населенія страны. Но только Китай даетъ примѣръ широкаго литературнаго развитія безъ законодательнаго признанія и защиты правъ автора на его произведеніе.

Во время печатанія настоящей статьи я прочелъ во французской газетѣ *Figaro*, отъ 9 января 1892 года, замѣтку о литературномъ процессѣ, разбирающемся въ гражданскомъ отдѣленіи Сенскаго трибунала. Французскій писатель Фоко де-Мондіонъ (Faucault de Mondion) предъявилъ искъ къ китайскому генералу Ченгъ-Кп-Тонгу о признаніи за нимъ права литературной собственности на двѣ книги, подписанныя именемъ генерала Ченгъ-Кп-Тонга: *Les Chinois peints par eux-mêmes* и *Le Théâtre des Chinois*, но которыя въ дѣйствительности написаны Фоко де-Мондіономъ. Не приходятъ ли здѣсь, въ этомъ дѣлѣ, подлежащемъ разбирательству Сенскаго гражданскаго трибунала въ Парижѣ, въ столкновеніе два прямо противоположныя воззрѣнія на авторское право? Въ Китаѣ этого права не существуетъ, во Франціи оно признано въ законѣ и охраняется судебною властью. Генералъ Ченгъ-Кп-Тонгъ проявилъ воззрѣнія своей страны на литературную собственность, допуская даже, что̀ еще подлежитъ доказательству, что онъ поставилъ свое имя подъ литературнымъ произведеніемъ Фоко де-Мондіона. Конечно, это не избавляетъ китайскаго генерала отъ отвѣтственности за совершенное имъ нарушеніе закона въ той странѣ, гдѣ авторское право ограждено, но сами судьи не могутъ остаться безучастны къ тому понятію о правѣ литературной собственности, которымъ проникнутъ Ченгъ-Кп-Тонгъ, какъ гражданинъ Небесной Имперіи. Эта мысль не чужда хроникеру газеты *Figaro*, который кончаетъ свою замѣтку словами: „le procés ne sera plaidé contradictoirement que dans un avenir lointain, peut-être jamais.“

Въ научной литературѣ существуетъ мнѣніе, высказанное извѣстнымъ американскимъ писателемъ Генри Кэри (Henry C. Carey), отрицающее возможность примѣненія къ литературнымъ

[1] *Ib.*, стр. 374.

произведеніямъ права собственности. „Идеи являются общимъ достояніемъ всего человѣчества. Факты для каждаго человѣка суть факты. Слова свободно доступны всѣмъ... Взгляните на *Исторію Англіи* Маколея и вы найдете, что ея содержаніе составлено изъ того, что̀ является общимъ достояніемъ.“ [1] Поэтому авторъ сочиненія не имѣетъ права собственности на книгу, имъ написанную. Онъ пользуется идеями, составляющими общественное достояніе, и если авторъ заявляетъ право собственности на свое литературное произведеніе, то онъ тѣмъ самымъ лишаетъ всѣхъ того, что̀ имъ принадлежитъ наравнѣ съ авторомъ. Короче говоря, теорія Генри Кэри о литературной собственности сводится къ тому, что „право собственности на литературныя произведенія есть кража“. „Property in books is robbery, какъ говоритъ американскій писатель Гавенъ Путнамъ (Geo. Haven Putnam), полемизируя съ Кэри и парафразируя съ этою цѣлью извѣстное изреченіе Прудона: „la proprété c'est le vol“. [2]

Лучшимъ опроверженіемъ воззрѣній Генри Кэри, высказанныхъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, на литературную собственность, является приведенная нами въ началѣ первой главы настоящаго изслѣдованія рѣчь Платта, сказанная имъ 10 февраля 1891 года въ сенатѣ Соединенныхъ Штатовъ, при обсужденіи предложеннаго имъ закона о литературной собственности.

Но американскіе законодатели конца XIX столѣтія думаютъ изъ признанія ими въ новомъ законѣ о литературной собственности правъ автора на его произведенія сдѣлать орудіе общаго блага, основывая на этомъ правѣ развитіе художественнаго и литературнаго творчества въ Соединенныхъ Штатахъ, населеніе которыхъ жаждетъ новыхъ созданій въ области не только прикладныхъ искусствъ, развитыхъ въ Америкѣ до высокаго совершенства, благодаря законамъ о патентахъ на изобрѣтенія, но въ сферѣ художественнаго творчества, философскаго пониманія явленій окружающей жизни. Идеальное теченіе въ области мышленія современнаго общества Соединенныхъ Штатовъ отразилось въ законѣ о литературной собственности, долженствующемъ удовлетворить этимъ идеальнымъ запросамъ, создавъ соотвѣтственную литературу, къ развитію которой громко призываются дѣятели, какой бы они ни были національности. За ними признается автор-

[1] Henri C. Carey, Letters on Copyright, Philadelphia, 1854.

[2] *The Question of Copyright*, стр. 38.

ское право на ихъ литературныя произведенія, не какъ узаконенное похищеніе части изъ общественнаго достоянія, но какъ средство пріумножить это достояніе новыми художественными твореніями.

Такимъ идеальнымъ направленіемъ въ законодательствѣ заканчиваютъ Соединенные Штаты настоящее XIX столѣтіе, сознавъ всю необходимость для великаго народа не только однихъ успѣховъ въ области матеріальныхъ отношеній, но также поднятія его умственнаго и художественнаго развитія.

„Право, говоритъ профессоръ Берлинскаго университета, Dr I. Колеръ (Kohler) въ своей книгѣ *Die Ideale im Recht*, должно такъ развиваться, чтобъ оно всегда высоко ставило культурные идеалы, чтобъ оно всегда выражало, что человѣчество живетъ не для однихъ только реальныхъ наслажденій, и вообще, что оно существуетъ не для одного только своего благополучія; есть высшія блага, имѣющія могущественное вліяніе на теченіе земныхъ отношеній, волнуя человѣчество.“ [1]

Нѣмецкій юристъ и законодатели Соединенныхъ Штатовъ думаютъ согласно о значеніи для человѣческаго общества идеальныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ закономъ. Мы вполнѣ присоединяемся къ ихъ воззрѣніямъ!..

Въ преслѣдованіи идеальныхъ стремленій законъ является выразителемъ этихъ стремленій, какъ они сознаются въ томъ обществѣ, для котораго издаются его предписанія. Какъ чужды современному обществу нравственные идеалы Парса, считавшаго въ VI, IX и даже въ XIV столѣтіи высоконравственнымъ брачное сожитіе родныхъ брата и сестры и преступнымъ супружество съ чужестранцемъ, [2] такъ точно можно, примѣнительно къ различнымъ пониманіямъ авторскаго права, сказать, что правовое сознаніе одного народа не признаетъ вовсе этого права (Китай), у другихъ же народовъ это право является существеннымъ орудіемъ дальнѣйшаго умственнаго и художественнаго возрожденія (Соединенные Штаты). Достигаемое въ послѣднемъ случаѣ идеальное благо столь значительно, что служащее для его осуществленія право литературной собственности имѣетъ всѣ основанія для признанія его дѣйствительности, при наличныхъ условіяхъ быта современнаго образованнаго человѣческаго общества.

---

[1] Dr I. Kohler, *Die Ideale im Recht*, Berlin. *Heymann's Verlad.* 1891, стр. 104—5.

[2] Kohler, *ib.*, стр. 1.

Открываемое новымъ закономъ о литературной собственности направленіе умственнаго движенія въ Соединенныхъ Штатахъ даетъ практическое признаніе того преимущественнаго значенія, которое имѣетъ въ человѣческомъ обществѣ умственное и художественное развитіе надъ прикладными знаніями. Слово Гёте находитъ здѣсь свое подтвержденіе: „Vernunft und Wissenschaft, des Menschen allerhöchste Kraft“...

Американцы надѣются, что новый законъ о литературной собственности создастъ въ ихъ странѣ такихъ писателей, которыхъ могъ бы включить въ свой списокъ лучшихъ авторовъ сэръ Джонъ Лёббокъ.

Лёббокъ составилъ каталогъ ста лучшихъ авторовъ, куда вошли только два американскіе и двѣнадцать новѣйшихъ англійскихъ писателей. Остальные восемьдесятъ шесть авторовъ относятся къ классикамъ: греческимъ, латинскимъ, итальянскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ. Сознавая свою отсталость въ области литературы, столь наглядно выступающую изъ каталога Лёббока, Американцы рѣшились побороть ее. Для этого они приняли законъ о литературной собственности всѣхъ авторовъ, безъ различія ихъ національностей, подъ условіемъ изданія въ Соединенныхъ Штатахъ ихъ произведеній. Привлекая въ свою страну иностранныхъ авторовъ, Американцы разсчитываютъ произвести такой подъемъ умственныхъ силъ въ своемъ населеніи, что оно въ состояніи будетъ подарить міру первостепенныхъ классическихъ писателей. Таковы идеальныя стремленія до сихъ поръ отличавшихся своею практичностью Американцевъ въ концѣ XIX вѣка! Это—желаніе имѣть своихъ классиковъ, пріобрѣсти міровое первенство въ отношеніи умственнаго и художественнаго развитія! Это—желаніе, чтобы будущій составитель списка классическихъ писателей отнесъ сюда изъ числа американскихъ авторовъ не двухъ только, какъ это теперь сдѣлалъ Лёббокъ, но преобладающее большинство надъ писателями другихъ странъ. Если справедливо изреченіе „*Leben ist Wille zur Macht*“, [1] то Американцы исполнены жизненности, проявляя непреклонную волю достигнуть умственнаго господства.

А. Борзенко.

Москва.
Январь 1892 года.

[1] *Friedrich Nietzsche*. «Jenseits von Gut und Böse», стр. 229.

ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА.

Письмо I.

Бросая бѣглый взглядъ на истекшій годъ, я замѣчаю среди главнѣйшихъ событій, которыя интересуютъ Францію, пополненіе сената, происходящее въ три года разъ и уменьшившее большинство въ верхней палатѣ; переворотъ въ церкви по отношенію къ республикѣ, охарактеризовавшійся достопамятнымъ тостомъ кардинала Лавижери; составленіе конституціонной группы, которая, принимая форму существующаго образа правленія, служитъ знаменіемъ времени; подавленіе соціалистскихъ агитацій; горячія чествованія президента Карно во время его путешествія по различнымъ департаментамъ; незабвенный пріемъ, оказанный нашей эскадрѣ съ Кронштадтѣ; значительное вліяніе этого пріема на нашу внѣшнюю политику и на еще болѣе тѣсное сближеніе между Франціей и Россіей; большіе восточные маневры, въ которыхъ французская армія показала, что она въ состояніи сдѣлать въ минуту опасности; твердо-миролюбивыя намѣренія Франціи; самоубійство генерала Буланже, которое положило конецъ предпріятію, опасному для Франціи; важныя пренія въ сенатѣ и палатѣ депутатовъ касательно новаго таможеннаго тарифа и утвержденіе чисто протекціонистской экономической политики.

* * *

У насъ всѣ были удивлены сообщеніемъ, напечатаннымъ въ *New York Herold* касательно сближенія, состоявшагося между императоромъ Вильгельмомъ и княземъ Бисмаркомъ. Американская

газета сообщила, будто князь Бисмаркъ вернулся послѣ своихъ прогулокъ подъ елями Фридрихсру весьма спокойнымъ и успокоеннымъ, съ планами, обезпечивающими всеобщій миръ. Дай Богъ, чтобъ это было такъ!

А пока президентъ республики отвѣчалъ слѣдующими словами на благопожеланія нунція, представлявшаго ему дипломатическій корпусъ:

„1892 годъ, мы всѣ этого желаемъ и всѣ на это надѣемся, будетъ годомъ миролюбивымъ и плодотворнымъ, въ теченіе котораго различныя правительства будутъ въ состояніи посвятить свои силы и свою дѣятельность на разсмотрѣніе экономическихъ интересовъ и соціальныхъ задачъ, которые все болѣе настоятельно представляются ихъ просвѣщенному вниманію. Если республика сознаетъ права и традиціи Франціи, то не менѣе твердо привязана она и къ политикѣ мира и международнаго согласія. Повторите, мм. гг., это увѣреніе правительствамъ, представителями коихъ вы состоите.“

Въ декабрѣ мѣсяцѣ въ Парижѣ скончался бывшій императоръ Бразильскій домъ-Педро, которому правительство устроило торжественныя похороны; торжественности этой въ значительной мѣрѣ способствовало присутствіе на нихъ восьми линейныхъ полковъ, двухъ кирасирскихъ и двухъ артиллерійскихъ. Кончина этого государя съ широкимъ умомъ, этого великаго ученаго, этого знаменитаго филантропа, произвела у насъ глубокое впечатлѣніе. Онъ перенесъ со стоицизмомъ философа революцію, устранившую его отъ престола.

Вскорѣ послѣ домъ-Педро скончался еще и тотъ, кого называли королемъ Парижа, г. Альфанъ, который пересоздалъ весь городъ, сдѣлалъ его единственною столицей съ широкими бульварами и обширными прогулками, украсилъ его великолѣпными памятниками, содѣйствуя своею геніальною практичностью смѣлымъ предпріятіямъ г. Госмана. Его шедёвромъ была выставка 1889 года. Г. Альфану обязаны мы очаровательными прогулками въ Булонскомъ лѣсу, въ Венсенскомъ лѣсу, въ паркѣ Монсо, преобразованіемъ Елисейскихъ Полей и Шомонскаго вала. Энергія этого удивительнаго человѣка не поддается описанію.

Мы лишились также славнаго епископа, смерть котораго, по произведенному ею шуму, заставляетъ вспомнить смерть монсиньёра Дюпанлу. Я разумѣю монсиньёра Фрепиеля. Я имѣлъ честь быть съ нимъ знакомымъ. Будучи, подобно ему, уроженцемъ Альзаса, я

былъ еще ребенкомъ, когда онъ уже пользовался извѣстностью въ качествѣ капеллана церкви св. Женевьевы. Краснорѣчіе его было неутомимо. Докторъ теологіи, профессоръ духовнаго краснорѣчія въ Сорбоннѣ, неподражаемый проповѣдникъ, онъ всюду убѣждалъ, просвѣщалъ, трогалъ своихъ слушателей. Онъ былъ выдающимся полемистомъ и экзегетомъ и его полемическіе труды будутъ служить замѣчательнымъ памятникомъ. Его двѣ книги, отвѣтъ на *Жизнь Іисуса Христа* Ренана, переведены почти на всѣ языки. Что до его рѣчей въ палатѣ депутатовъ, то съ 1885 г. до 1891 г. онъ произнесъ ихъ около двухсотъ, и всѣ эти рѣчи поразительны по своей ясности и возвышенности взглядовъ. Графъ де Мёнъ написалъ объ этомъ великомъ епископѣ превосходное письмо, изъ котораго я и привожу вамъ небольшую выдержку:

„...Мы его слышали съ трибуны и въ разговорахъ въ корридорахъ палаты депутатовъ, говоритъ графъ де-Мёнъ,—онъ всегда мастерски говорилъ по всѣмъ предметамъ, будучи одинаково силенъ, какъ въ церковномъ, такъ и въ гражданскомъ правѣ, какъ къ юридическихъ наукахъ, такъ и въ нравственныхъ ученіяхъ. Сколько разъ во время преній касательно колоніальной политики, въ которыхъ онъ обнаруживалъ столько смѣлости и талантливости вмѣстѣ съ такимъ вѣрнымъ сознаніемъ національнаго величія, поражалъ онъ насъ удивительнымъ знаніемъ географіи самыхъ отдаленнѣйшихъ странъ, своею безошибочною памятью самыхъ варварскихъ названій въ Индійскомъ Океанѣ или Китайскомъ морѣ!“

Президентъ палаты депутатовъ сказалъ въ память монсиньёра Фреппеля слово въ такихъ трогательныхъ выраженіяхъ, что всѣ члены палаты покрыли его вполнѣ заслуженными горячими рукоплесканіями. Графъ Парижскій написалъ по поводу этой кончины графу д'Оссонвиллю весьма теплое письмо, гдѣ говорится:

„Развитіе религіозныхъ чувствъ въ нашихъ современныхъ обществахъ только одно и можетъ сдерживать или успокаивать пламенныя страсти, грозящія этимъ обществамъ разрушеніемъ. Чтобы трудиться надъ этимъ развитіемъ и выполнять свое божественное назначеніе для церкви, съ одной стороны, необходимо пользоваться тою истинною свободой, которой, какъ они могутъ этимъ похвалиться, монархисты были всегда вѣрными, хотя и не всегда признанными защитниками, а съ другой стороны, для нея необходимо встрѣчать въ политической власти уваженіе, сочув-

ствіе и лойяльное содѣйствіе, внушаемое вѣрною оцѣнкой роли каждаго. Монсиньёръ Фрешпель понялъ, что для христіанской Франціи необходима національная монархія. И онъ очень хорошо зналъ, что монархія даетъ католикамъ дѣйствительное обезпеченіе противъ поддержанія или возвращенія угнетающихъ ихъ законовъ, нашему превосходному духовенству помощь и покровительство противъ преслѣдованій ожесточенной секты...“

Письмо это подверглось сильной критикѣ, и графу Парижскому напомнили о томъ, что при іюльскомъ правительствѣ отношенія между духовенствомъ и государствомъ, по крайней мѣрѣ, были такъ же затруднительны, какъ и при республикѣ.

Но однимъ изъ наиболѣе озабочивающихъ политическіе круги вопросовъ, является вопросъ о томъ, кто будетъ преемникомъ монсиньёра Фреппеля въ парламентѣ. Выставлялось уже очень много именъ, но повидимому остановились на монсиньёрѣ Гюльстѣ, ученомъ ректорѣ католическаго института. Выборъ этотъ представляетъ то преимущество, что монсиньёръ Гюльстъ не исполняетъ никакихъ обязанностей, находящихся въ зависимости отъ министерства вѣроисповѣданій и слѣдовательно его вмѣшательство не можетъ обострять отношеній между церковью и государствомъ. Какъ свободный священнослужитель, онъ свободно будетъ защищать дѣло религіи съ французской трибуны. Думали было также объ отцѣ Монсабре. Этотъ умный доминиканецъ отвѣтилъ: „Въ эту львиную яму слѣдуетъ бросить какого-нибудь юнаго Даніила, а не такого престарѣлаго Іеремію, какъ я.“ Все даетъ основаніе полагать, что Брестскій консервативный комитетъ изберетъ своимъ кандидатомъ монсиньёра Гюльста, которому вполнѣ подъ силу энергически вести борьбу во имя религіозныхъ интересовъ.

* * *

Лордъ Дэфферинъ назначенъ англійскимъ посломъ въ Парижѣ. Выборъ этотъ былъ встрѣченъ въ Парижѣ съ большимъ удовольствіемъ, такъ какъ лордъ Дэфферинъ не только *grand seigneur*, но также человѣкъ ученый и либеральный. Въ Парижѣ онъ будетъ слѣдовать счастливымъ традиціямъ лорда Литтона.

Французскій корреспондентъ *Агентства Гаваса* по приказанію г. Стамбулова былъ недавно арестованъ и препровожденъ на сербскую границу. Почему? Потому что г. Шадурнъ осмѣлился повѣдать міру о злодѣйскихъ поступкахъ г. Стамбулова относи-

тельно своихъ противниковъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ г. Рибо прекратилъ всякія сношенія съ Болгаріей до тѣхъ поръ пока не будетъ оказано удовлетворенія г. Шадурну. Г. Стамбулова кажется называютъ болгарскимъ Бисмаркомъ. Было бы вѣрнѣе называть его болгарскимъ Криспи. и я опасаюсь, чтобы съ нимъ не случилось такихъ же злоключеній, какъ и съ бывшимъ итальянскимъ премьеромъ.

За предложеніе эвакуировать Тонкинъ въ палатѣ депутатовъ высказалось самое незначительное меньшинство, что̀ доказываетъ, что по этому поводу систематическая оппозиція изчезла. Предложеніе объ амнистіи, внесенное новымъ соціалистскимъ депутатомъ Сѣвернаго департамента, имѣло весьма посредственный успѣхъ. Президентъ совѣта министровъ воспротивился этому предложенію, заявивъ, что хотя онъ заботится о вопросахъ человѣколюбія, но прежде всего онъ требуетъ для правительства права поддержанія порядка.

Въ сенатѣ происходили жаркія пренія по поводу послѣднихъ манифестацій епископовъ. Пренія эти закончились постановленіемъ, приглашающимъ епископовъ замкнуться въ чисто религіозныхъ вопросахъ, если они не желаютъ быть къ тому принужденными силой законовъ. Президентъ совѣта министровъ говорилъ съ необыкновеннымъ для него жаромъ и заявилъ, что не потерпитъ притязаній со стороны извѣстной части епископовъ, которые вздумали бы оспаривать у государства его власть въ дѣлахъ свѣтскихъ. Недавно я вамъ писалъ, что письмо Экскаго архіепископа, можетъ-быть, возбудитъ сильное политическое волненіе, и я въ этомъ не ошибся. Можетъ-быть начнется *Kultur Kampf*, послѣдствія котораго могутъ оказаться одинаково опасными, какъ для государства, такъ и для церкви. Точка отправленія этого затруднительнаго, но еще не отчаяннаго положенія, на мой взглядъ, кроется въ послѣднихъ римскихъ инцидентахъ, одинаково раздражившихъ, какъ католическихъ паломниковъ, такъ и радикаловъ.

Я склоненъ полагать, что рѣчь министра юстиціи, говорившаго о миролюбіи, и теперь является лучшею политикой, которой надобно слѣдовать. Всѣ истинные патріоты, безъ сомнѣнія, будутъ того же мнѣнія. Гг. Шенлонъ и Бюффе произнесли весьма краснорѣчивыя рѣчи при сенатскихъ преніяхъ. Заключенія ихъ сводятся къ тому, что они желаютъ мира, но если миръ этотъ будетъ данъ лишь при условіи, чтобы служители церкви отказались

отъ исполненія своихъ самыхъ важныхъ обязанностей, то-есть отказались бы отъ того, чтобъ указывать христіанскому народу на все то, что̀ можетъ угрожать его вѣрѣ, то миръ этотъ не можетъ осуществиться. Постоянное нарушеніе законныхъ правъ противными конкордатамъ законами превратило бы мирный договоръ въ орудіе войны. Вступившій снова въ сенатъ г. Гобле говорилъ о раздѣленіи церкви и государства, какъ о лучшемъ разрѣшеніи этого вопроса. Нашлось весьма мало членовъ, высказавшихъ ему свое одобреніе.

Тѣ же пренія были возбуждены и въ палатѣ депутатовъ, и г. Деруледъ, желавшій при самомъ началѣ положить конецъ этимъ преніямъ, былъ совершенно правъ, такъ какъ пренія были чрезвычайно шумны и окончились тѣмъ же самымъ постановленіемъ, какимъ они окончились наканунѣ въ сенатѣ. Президентъ палаты депутатовъ заявилъ, что Пій IX былъ франкмассонъ и это вызвало весьма шумныя сцены среди членовъ правой. Монсиньёръ Фреппель, говорившій въ послѣдній разъ въ своей жизни, безъ труда доказалъ, что обвиненіе, направленное противъ памяти почтеннаго первосвященника, не имѣло никакого основанія. Вѣрно только то, что одинъ изъ братьевъ папы, Михаилъ Мастай, присоединился къ сектѣ *карбонаріевъ*. И вотъ какимъ образомъ дошло дѣло до того, что и самого Пія XI произвели во франкмассоны!.. Членъ правой г. Поль де-Кассаньякъ горячо ратовалъ въ пользу отдѣленія церкви отъ государства, но огромное большинство его сотоварищей не послѣдовали за нимъ на эту опасную почву. Вполнѣ очевидно, что католики не желаютъ разрыва, который вызвалъ бы самыя горькія сожалѣнія.

Президентъ совѣта министровъ, впрочемъ, объявилъ себя противникомъ раздѣленія. Онъ сказалъ, что еслибы въ палатѣ депутатовъ состоялось большинство въ этомъ смыслѣ, то онъ отказался бы отъ своей должности, не будучи въ состояніи принимать на себя задачу подобнаго раздѣленія. Большинство, одобрившее его заявленія, было незначительно: двѣсти сорокъ три голоса противъ двухсотъ двадцати трехъ. Радикалы недовольны этимъ голосованіемъ, потому что они воображаютъ, что палата сдѣлалась только помощницей сената. Они говорятъ въ шутку, будто г. Фрейсине отнесся къ палатѣ такъ, какъ еслибъ она была второю Академіей. Вотъ множество безплодныхъ волненій и раздѣленій! Мы немножко удалились отъ успокоительной

политики, которая такъ хорошо высказывалась во время путешествій г. Карно.

Но, по правдѣ говоря, волненіе это только поверхностное. Оно есть въ палатѣ депутатовъ, но его нѣтъ въ странѣ. Депутаты въ религіозныхъ вопросахъ возбуждены несравненно больше своихъ избирателей. Дѣло въ томъ, что радикалы, сознавая себя отдаленными отъ рабочихъ, стараются вернуть то время, когда имъ удавалось спекулировать на счетъ клерикализма. Но этотъ призракъ уже устарѣлъ. Онъ сдѣлался однимъ изъ тѣхъ страшилищъ, которымъ можно пугать теперь только однихъ дѣтей. Если вѣрить словамъ одного, имѣющаго значительный успѣхъ соціалиста, то теперь война ведется не противъ священниковъ, а противъ работодателей. Теперь рабочихъ интересуетъ уже не вопросъ о раздѣленіи церкви и государства, а вопросъ о жалованіи.

Но что бы ни случилось, все-таки крайне прискорбенъ тотъ фактъ, что неожиданный запросъ раздѣлилъ парламентское большинство на двое, и что 1891 годъ закончился нѣкоторымъ смятеніемъ. Однако, можно надѣяться, что политика непримиримости не такъ еще скоро замѣститъ политику умѣренности. Да еслибъ это и случилось, то подобная политика просуществовала бы не долго.

Люди, стремящіеся устранить церковь отъ современныхъ вопросовъ, ошибаются. Само собою разумѣется, рѣчь идетъ не о томъ, чтобы возвратить церкви извѣстное преобладаніе въ гражданскихъ дѣлахъ, но, подобно прочимъ учрежденіямъ, она имѣетъ право интересоваться общественными вопросами. Это вполнѣ разъяснилъ г. Анатоль Леруа Больэ въ превосходной статьѣ о *Развитіи Святѣйшаго Престола*, и эта статья, какъ я слышалъ отъ самого автора, является лишь введеніемъ къ книгѣ о папствѣ. Г. Анатоль Леруа Больэ, одинъ изъ самыхъ проницательныхъ и глубокихъ умовъ нашего времени, заявляетъ, что XIX вѣкъ тщетно стремился исключить церковь изъ дѣлъ сего міра: „...XIX-му столѣтію казалось, что религія, созданная для дѣлъ небесныхъ, не должна вовсе помышлять о дѣлахъ земныхъ. Либерализмъ, проповѣдуя будто онъ уважаетъ религіозную свободу, позаботился о томъ, чтобы заключить духовенство въ стѣнахъ храмовъ, семинарій и монастырей. XIX вѣкъ поступилъ какъ тѣ меры или подпрефекты, которые, опираясь на законы, воспрещаютъ Христу появляться на улицѣ. Кресты можно было

только водружать въ уединеніи кладбищъ, на могилахъ умершихъ, или же далеко отъ взоровъ живыхъ на стрѣлкѣ башенъ, затерявшихся вершиной высоко въ воздухѣ. Многимъ лицамъ даже и въ этомъ представлялось служеніе религіи: допускать ее выступать изъ ея двойственной области храмовъ и святилища совѣсти—значило компрометтировать религію. Заключить же ее въ этой области, закрывая ее дверями храма, значило возвращать ее къ ея назначенію."

Правительство заставило парламентъ вотировать законъ, уполномочивающій его временно продолжить *не* таможенныя конвенціи съ Бельгіей, Испаніей, Нидерландами, Португаліей, Швеціей и Швейцаріей и даровать минимальные тарифы тѣмъ странамъ, которыя сами уступятъ намъ положеніе наиболѣе благопріятствуемой націи. Министръ иностранныхъ дѣлъ сдѣлалъ важныя заявленія, вызвавшія нѣкоторое возбужденіе и болѣе удовлетворившія сторонниковъ свободной торговли, чѣмъ протекціонистовъ. Онъ сказалъ, что было бы противно конституціи, еслибы палата депутатовъ выразила свою волю связать правительство и лишить его всякой инпціативы, еслибъ оно со своей стороны считало нужнымъ пользоваться ею, спуститься даже ниже извѣстныхъ цифръ тарифа и войти въ торговые переговоры. Возможно, что въ будущемъ самъ парламентъ признаетъ, что есть нѣкоторыя выгоды не замыкаться въ извѣстныхъ формулахъ, признаетъ, что полезно уступать правительству право заключать торговые договоры. Правительство надѣется, что Швейцарія и Бельгія, Швеція и Норвегія примутъ минимальный тарифъ. Что же до Испаніи, то положеніе является болѣе затруднительнымъ вслѣдствіе того, что тарифъ 1882 года былъ весьма низкимъ тарифомъ касательно вина. Онъ былъ всего въ два франка. Но даже и повышенный этотъ тарифъ все-таки выгоденъ для Испаніи. Тѣмъ не менѣе правительство, въ силу дружественныхъ связывающихъ обѣ націи узъ, считаетъ, что не слѣдуетъ исключительно принимать во вниманіе экономическія соображенія и не желаетъ идти до конца въ томъ, что̀ называютъ нашимъ правомъ и нашею выгодой. „Я заявилъ, прибавилъ г. Рибо, что послѣднее слово еще не сказано. Я сдѣлалъ это заявленіе отъ имени правительства. Само собой разумѣется, что окончательное рѣшеніе будетъ принадлежать лишь обѣимъ палатамъ; но я желаю сказать это послѣднее слово, чтобы за Пиренеями знали, какія чувства Испанцы найдутъ съ нашей стороны: чувства дружбы и глубокое желаніе не

допускать чтобъ отношенія наши испортились изъ-за ссоры, которая не принесетъ никакой выгоды обѣимъ странамъ, Испаніи еще менѣе, чѣмъ Франціи. Но, однако, необходимо, чтобы слово это было услышано по ту сторону горъ и чтобы тамъ желали предложить намъ на наши произведенія уступки, такое отношеніе, которое, не будучи свободною торговлей, тѣмъ не менѣе позволило бы нашей промышленности продолжать свой ввозъ." Министру на это возразили, что онъ протягиваетъ руку помощи иностранцамъ. Онъ отвѣтилъ, что онъ смотритъ на положеніе съ тѣми данными, какія можетъ имѣть только членъ правительства, которое обязано день за день слѣдить за подобнаго рода дѣлами и смотрѣть на все съ нѣкоторой высоты. Онъ принимаетъ въ данномъ случаѣ отвѣтственность на себя, такъ какъ считаетъ, что тѣмъ самымъ соблюдаетъ главнѣйшіе интересы страны. Министръ иностранныхъ дѣлъ повторилъ тѣ же заявленія въ сенатѣ, который ихъ и одобрилъ. Въ заключеніе можно сказать, что и права правительства, и права парламента остались неприкосновенными. Правительство ведетъ переговоры. Парламентъ ратификуетъ или не ратификуетъ ихъ. Такимъ образомъ, ничто въ будущемъ не нарушено.

Сенатъ закончилъ обсужденіе общаго таможеннаго тарифа и передалъ измѣненный проектъ въ палату депутатовъ. Палата приняла большую часть поправокъ и вернула проектъ съ нѣкоторыми новыми измѣненіями въ сенатъ. Сенатъ принялъ все, за исключеніемъ пошлинъ на керосинъ и муку. Палата снова поддержала тѣ же пошлины и проектъ еще разъ вернулся въ сенатъ, который вотировалъ назначенныя палатой депутатовъ пошлины на муку, но не принялъ уменьшенія пошлинъ на керосинъ. Предложена сдѣлка. Начиная съ 1 октября 1892 года правительство будетъ обязано представить новыя пошлины на керосинъ. По всей вѣроятности палата депутатовъ согласится на эту сдѣлку. Потому что, если бы въ настоящее время было принято предложенное ею уменьшеніе пошлины, то въ бюджетныхъ поступленіяхъ оказался бы недочетъ.

Палата депутатовъ заключила разсмотрѣніе бюджета лишь 16 декабря, внеся въ него важныя преобразованія, какъ напримѣръ относительно расходовъ по веденію судебныхъ дѣлъ. Финансовая коммиссія сената разсмотрѣла въ наивозможно болѣе быстрый срокъ этотъ огромный проектъ и уже 27 декабря раздала членамъ сената докладъ о немъ. Общее обсужденіе началось и

закончилось 29 декабря послѣ двухъ рѣчей главнаго докладчика и весьма свѣдущаго въ дѣлѣ сенатора г. Блавье. Докладчикъ объяснилъ, что этотъ бюджетъ отмѣчаетъ собою новый поворотъ по пути отмѣны государственныхъ займовъ. Государство старается укрѣпить свой кредитъ, предупредить всякую новую возможность обращенія къ Большой книгѣ и благодаря твердому плану общественные фонды поднялись, проценты на капитуляцію цѣнностей понизились, страна обогатилась. Въ настоящее время достигнуто преобразованіе въ 474 милліона въ расходахъ объединеннаго бюджета. Г. Блавье констатировалъ это съ чувствомъ патріотическаго довольства. Въ бюджетѣ 1892 года являются двѣ характерныя черты, уменьшеніе налога на передвиженіе большою скоростью на желѣзныхъ дорогахъ и уменьшеніе расходовъ по веденію судебныхъ дѣлъ. Сокращать налоги хорошо, но необходимо также погашать долгъ и обезпечивать себя относительно возможности возвращенія дефицитовъ. Необходима крайняя осторожность и это выясняется изъ продолженія преній, которыя отложены до 31 декабря за недостаткомъ времени. Сенатъ не захотѣлъ отказаться отъ своего права контроля и потребовалъ бо́льшаго количества засѣданій, чѣмъ, повидимому, была склонна предоставить палата депутатовъ. Тѣмъ не менѣе можно надѣяться, что къ концу января бюджетъ будетъ окончательно вотированъ и что обѣ палаты придутъ къ согласію относительно преобразованія расходовъ по веденію судебныхъ дѣлъ. Сенатъ въ принципѣ принимаетъ сокращеніе расходовъ, но предложенныя палатой депутатовъ пошлины представляются ему плохо выбранными и онъ желаетъ добиться лучшаго. И это ему удастся.

Еслибъ онъ вотировалъ все огульно, какъ придется, то показалъ бы себя лишнимъ колесомъ. Очевидно, что еслибъ палата стала дѣлать измѣненія въ бюджетѣ голосованіемъ и отказывала бы сенату въ возможности полнаго существеннаго разсмотрѣнія бюджета, то содѣйствіе сената не могло бы быть полезнымъ. Но сенатъ совершенно иначе смотритъ на свое значеніе и заявилъ объ этомъ къ удовольствію всѣхъ, кто желаетъ, чтобы конституція уважалась.

* * *

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ г. Фрейсине вступилъ во Французскую Академію. Г. Фрейсине, по странному совпаденію, читавшій академическую рѣчь между двумя парламентскими рѣчами, обратилъ

особенное вниманіе на нравственную сторону театра Ожье, на его взгляды на жизнь и на общество. Онъ говорилъ весьма точно и ясно, но не трудно было видѣть, что онъ чувствуетъ себя несравненно болѣе по себѣ въ парламентѣ. Г. Грearъ очертилъ образъ Ожье, прибавивъ къ нему нѣсколько искусныхъ штриховъ. Но оба академическіе оратора до нѣкоторой степени злоупотребляли риторическими фигурами, что̀ мѣстами казалось нѣсколько устарѣлымъ.

Въ числѣ новопоявившихся романовъ есть очень хорошенькій романъ г. Фердинанда Фабра подъ названіемъ *Жерми*. Героиней этого романа является бѣдная павшая дѣвушка, которую добрый хорошій священникъ возвращаетъ на путь истинный. Это простая и трогательная исторія. Тотъ же авторъ напечаталъ иллюстрированный рождественскій разсказъ, прелестный по своей простотѣ. Говорятъ также о небольшомъ романѣ Франсуа Коппе, озаглавленномъ *Отдаютъ деньги;* романъ этотъ скоро появится въ печати и судя по тому, что̀ я о немъ слышалъ, долженъ быть очарователенъ.

Изъ цѣлой серіи живо схваченныхъ и ярко обрисованныхъ г. Франсисомъ Шевассю портретовъ подъ привлекательнымъ названіемъ *Парижане*, я беру портретъ Александра Дюма.

„Г. Александръ Дюма нисколько не представляетъ собою ни дилеттанта, ни человѣка разочарованнаго: это человѣкъ убѣжденный и грубый. На него нужно посмотрѣть на улицѣ, во время одной изъ его прогулокъ по Парижу, къ которымъ онъ на практикѣ примѣняетъ гигіеническіе совѣты своихъ Предисловій.

„Въ настоящее время мало найдется людей, которые были бы способны переносить бесѣду только со своими собственными мыслями, или которые, по крайней мѣрѣ, не испытывали бы потребности говорить сами съ собою, идя подъ руку съ человѣкомъ равнодушнымъ. Г. Дюма ходитъ всегда одинъ. Держась прямо, заложивъ руки за спину, съ энергическимъ видомъ слѣдуетъ онъ размѣреннымъ шагомъ по прямой дорогѣ, никогда не сворачивая въ сторону съ назначеннаго себѣ пути, никогда не допуская праздной фантазіи разгуливать разными нерѣшительными зигзагами. Его сѣрые глаза, попеременно то выражающіе тревожное настроеніе при внутреннемъ преслѣдованіи невидимыхъ образовъ, то дѣлающіеся холодными, какъ сталь, при наблюденіи драмъ изъ-за честолюбія, или изъ-за денегъ на лицахъ торопливо идущихъ прохожихъ, смотрятъ прямо въ лицо жизни,

какъ смотрятъ глаза человѣка, который не страшится ни своихъ мыслей, ни своихъ мечтаній...

„Это совершенно цѣльный человѣкъ. Онъ силой входитъ въ убѣжденія. Даже его благотворительность, которая, что̀ бы тамъ ни говорили, весьма дѣйствительна, у него грубая. Его благотворительность не знаетъ ни забывчивости, ни капризовъ, ни даже непослѣдовательности, ни разумныхъ или неразумныхъ вспышекъ, столь свойственныхъ человѣческому сердцу. Его благотворительность идетъ прямо впередъ съ безстрастнымъ видомъ и не теряя времени.

„— Вы желаете получить луидоръ, отвѣтилъ однажды авторъ *Денежнаго Вопроса* одной вдовѣ-офицершѣ. — Я отлично васъ понимаю: вы вернетесь еще разъ пять. Вотъ вамъ пять луидоровъ: не возвращайтесь болѣе.“

Въ интересной книгѣ, озаглавленной *Въкъ Микробовъ*, собрано тридцать семь посмертныхъ произведеній Альфонса Карра, составляющихъ полную сатиру самыхъ современныхъ людей. Сатира эта можетъ быть выражена извѣстною поговоркой: „Чѣмъ больше перемѣнъ, тѣмъ болѣе однообразія!“ Г. Феликсъ Рейссье въ *Юности Ламартина* помѣстилъ нѣсколько неизданныхъ писемъ, которыя рисуютъ намъ Ламартина энергичнымъ, мощнымъ въ смѣломъ полетѣ, вовсе не похожимъ на того робкаго херувима, какимъ намъ его обыкновенно изображаютъ. Это былъ красивый, полный жизни и силы юноша, который только, скрѣпя сердце, уступалъ нѣжнымъ призывамъ своей матери. Книга г. Рейссье доводитъ юность Ламартина до нѣсколько далекаго предѣла, а именно авторъ разстается съ нимъ лишь тогда, когда Ламартинъ достигаетъ 35-тилѣтняго возраста, достигаетъ славы, уже послѣ появленія его *Nouvelles Modetations*. Но какъ бы то ни было, произведеніе г. Рейссье заставляетъ любить Ламартина, а такъ какъ я принадлежу къ самымъ пламеннымъ поклонникамъ нашего перваго поэта, то и книгу эту рекомендую весьма охотно.

Недавно составилось общество протеста противъ распущенности на улицахъ и обратилось съ горячимъ воззваніемъ къ отцамъ семействъ относительно безнравственнаго соблазна являющагося прохожимъ. Это воззваніе исполнено здраваго смысла и честности. Уже правосудіе съ большимъ жаромъ говоритъ противъ порнографическихъ изданій. Пора намъ избавиться отъ этого бича. Нѣсколько дней тому назадъ г. Жюль Симонъ гово-

рилъ: „Мы полагаемъ, что будетъ трудно пріучить то, что̀ было цивилизованною и вѣжливою Франціей, къ этой грубой рѣчи, къ этимъ грязнымъ картинкамъ. Но мы особенно желаемъ начать борьбу противъ нравственной распущенности, противъ тѣхъ хитростей, которыми порокъ превращается въ изящество, а преступленіе въ высокія дѣянія. Мы желаемъ имѣть судей, которые умѣли бы судить и карать, адвокатовъ, которые обсуждали бы сущность фактовъ и для ихъ оцѣнки обращались бы къ истинной нравственности, признанной честными людьми всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ; мы желаемъ романистовъ, которые изучали бы человѣческія страсти не въ той средѣ, гдѣ онѣ извращены и испорчены, которые не принимали бы нашихъ физическихъ и нравственныхъ болѣзней за наше нормальное состояніе. Довольно съ насъ этихъ больныхъ, этихъ разслабляющихъ и растлѣвающихъ болѣзней, этихъ полныхъ гнусныхъ мерзостей каталоговъ. Насъ желаютъ вернуть къ *Фоблазу*. Мы громко требуемъ Альсеста. Мы ратуемъ за здравый смыслъ.“

Въ числѣ интересныхъ появившихся у насъ на горизонтѣ книгъ я назову вамъ *Вопросъ о дѣтяхъ* сочиненія г. Альфонса Додэ, *Соціалистическое движеніе въ Европѣ* сочиненія г. Визева и *Деньги* Толстаго, съ предисловіемъ Эмиля Зола.

* * *

Театральныя представленія за послѣдній мѣсяцъ были довольно бѣдны. На сценѣ *Théâtre Français* возобновлена піеса *La Cigüe* Ожье. Вы безъ сомнѣнія знакомы съ этою первою піесой великаго драматическаго писателя. Стихи въ ней весьма недурны, но при своемъ возобновленіи сама піеса показалась крайне холодною. Въ тотъ же вечеръ давалась піеса *Зять г. Перье* и хоть я смотрѣлъ ее въ шестой разъ, но тѣмъ не менѣе съ огромнымъ удовольствіемъ. Я невольно смѣюсь, когда слышу, какъ молодые новаторы говорятъ о какихъ-то новыхъ драматическихъ формахъ. Пускай бы они хоть немножко изучили школу Ожье!

Театръ *Vaudeville* далъ намъ піесу Ибсена *Hedda Gabler;* въ ней есть хорошенькіе эпизоды, но много неяснаго. Публика видѣла въ ней только одинъ блескъ, но піеса эта не изъ тѣхъ, которыя въ состояніи сдѣлать у насъ имя Ибсена популярнымъ. Я уже видѣлъ *Дикую Утку* въ меню *Théâtre Libre* и, признаюсь,

мнѣ трудно было переварить эту утку... *Théatre des Arts*, представляющій собою театръ символистовъ, доставилъ намъ вечеръ, на которомъ мы хохотали до слезъ.

Въ Открытомъ Театрѣ къ концу года была поставлена двухъактная опера г. Бурго-Дюкудре *Тамара*, содержаніе которой я, кажется, вамъ уже сообщалъ. Композиторъ — серьезный музыкантъ, который составилъ себѣ репутацію своими учеными изслѣдованіями о древнемъ искусствѣ. Его новая опера изобилуетъ прекрасными и разнообразными музыкальными мыслями. Инструментовка серьезна, въ ней много замысловатыхъ и подчасъ даже черезчуръ замысловатыхъ гармоній. Вторая картина — лучшая часть всего произведенія. Надо надѣяться, что публика своими постоянными вызовами обезпечитъ *Тамарѣ* успѣхъ. Съ другой стороны новая дирекція обѣщаетъ намъ чудеса, и я полагаю, что она сдержитъ свое слово.

Только-что скончавшійся графъ д'Османъ былъ знаменитымъ дилеттанттомъ и другомъ Рихарда Вагнера. Онъ защищалъ его противъ безумцевъ, освиставшихъ его *Тангейзера*, и выражалъ ему свой восторгъ. На другой день послѣ провала оперы онъ получилъ слѣдующее любопытное письмо отъ Вагнера:

„Г. графъ, тысячу разъ благодарю васъ за благодѣтельный сюрпризъ, который вы мнѣ сдѣлали! Какъ не гордиться мнѣ и не быть довольнымъ своею судьбой, когда я чувствую такую превосходную поддержку въ вашемъ великодушномъ заявленіи сочувствія.

„Впрочемъ, вѣрьте мнѣ, больше всего я огорченъ тѣмъ, что улетучилась моя надежда на прекрасное исполненіе моего произведенія, потому что это было единственнымъ пунктомъ, благодаря которому я рѣшился рискнуть на весьма посредственное и жалко веденное представленіе; къ малочисленности публики я остался довольно равнодушенъ. Но чему я никакъ не могъ воспрепятствовать, такъ это тому, чтобы публика слышала мою подло исполняемую музыку, абоненты театра, болѣе могущественные, чѣмъ я, сумѣли достигнуть этого. Для меня это было любопытнымъ и весьма назидательнымъ зрѣлищемъ... За то, когда критики говорили о моей оперѣ и обо мнѣ, то я былъ увѣренъ въ томъ, что они разумѣли нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ я и мое произведеніе.“

* * *

Скульпторъ г. Антокольскій, иностранный членъ Академіи Изящныхъ Искусствъ, выставилъ нѣсколько своихъ произведеній, между прочимъ, *Христіанскую мученицу*, величественную статую. Поразило меня еще и другое произведеніе; это голова человѣка умершаго, покоящаяся на подушкѣ, въ ней столько спокойствія и кротости, что это невольно заставляетъ думать о возвышенности мыслей ея творца. Виконтъ де-Вогюэ написалъ объ этомъ художникѣ статью, отдающую ему высокую честь, а знаменитый критикъ г. Поль Манцъ выразилъ ему вполнѣ заслуженныя похвалы. Русскій художникъ является идейнымъ скульпторомъ и это-то и составляетъ его глубокое своеобразіе.

Мы лишились превосходнаго художника и неутомимаго труженика Эмиля Баяра. Вы вѣроятно знаете его небольшую картину *Дѣло чести*, имѣвшую большой успѣхъ въ салонѣ въ 1884 г. Баяръ былъ излюбленнымъ рисовальщикомъ журнала *Illustration*.

Говорили будто вдова Мейссонье согласна уступить правительству все, что̀ у нея осталось изъ произведеній ея знаменитаго супруга. Дѣти покойнаго художника предпочли публичную продажу, но сама вдова заявляетъ, что если они откажутся отъ этой продажи, то она желала бы основать „Музей Мейссонье". Общая выставка его картинъ не состоится ранѣе 1893 г.

Нашъ луврскій музей обогатился нѣсколькими драгоцѣнными пріобрѣтеніями. Музей пріобрѣлъ картины Верне, Раффе, Ондекотера, Веникса, Рюисдаля, Давида Тенье, Милле и проч. Превосходный портретъ г-жи Шальгренъ работы Давида фигурируетъ въ числѣ картинъ, пожертвованныхъ музею любителями.

Въ заключеніе рекомендую прекрасное сочиненіе г. Поля Манца о Ватто, которое можно поставить наравнѣ съ книгой того же автора о Буше. Книга написана весьма талантливо, въ ней находится множество превосходныхъ гравюръ, точно передающихъ многіе рисунки знаменитаго маэстро. Ватто, исторію котораго разсказываетъ г. Манцъ, не является празднымъ искателемъ приключеній легкаго характера, а рьянымъ и изящнымъ труженикомъ-меланхоликомъ.

Городъ Парижъ введенъ во владѣніе музеемъ, завѣщаннымъ ему герцогиней Галліера и стоившимъ шесть милліоновъ. Въ этомъ музеѣ уже находятся прекрасныя статуи Шато, Тома Кавелье. Онъ будетъ состоять изъ большой залы для картинъ, изъ галлереи для произведеній скульптуры и различныхъ залъ для

рисунковъ, гравюръ и медалей. Его окружаетъ великолѣпный выходящій на Трокадеръ садъ.

Послѣдніе дни ходили толки о третьемъ салонѣ картинъ въ придачу къ салонамъ въ Елисейскихъ Поляхъ и на Марсовомъ Полѣ. Я думаю, что это не болѣе какъ шутка, потому что съ насъ болѣе чѣмъ достаточно уже имѣющихся у насъ двухъ салоновъ для ежегодныхъ картинныхъ выставокъ.

Еще два слова о г. де-Мопассанѣ. Вамъ небезъизвѣстно, что знаменитый романистъ очень боленъ. У него манія и манія неизлѣчимая, манія преслѣдованія и величія. Это та же болѣзнь, которая недавно убила актера Маре. Его пристрастіе къ мрачнымъ и циничнымъ сюжетамъ указывало на нѣсколько уже ненормальныя умственныя способности. Это, однако, нисколько не мѣшаетъ мнѣ признавать въ немъ огромный писательскій талантъ.

А. Вельшингеръ.

5 января 1892 г.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

5 января.

Вслѣдствіе выпаденія нѣсколькихъ дней спектакля передъ праздниками и послѣдовавшаго затѣмъ праздничнаго репертуара, декабрь мѣсяцъ былъ особенно скуденъ театральными новостями. На Маломъ Театрѣ дали комедію графа Л. Толстаго *Плоды просвѣщенія*. На театрѣ г. Корша поставлена новая пятпактная комедія г. Ѳедотова подъ названіемъ *Братья Одоевы*.

Мнѣ уже ранѣе пришлось говорить на этихъ страницахъ о комедіи *Плоды просвѣщенія*. Не предстоитъ ни малѣйшей надобности снова возвращаться къ ея анализу и оцѣнкѣ, ибо я не имѣлъ бы ничего прибавить къ сказанному прежде. За то нельзя обойти вопроса, невольно возбудившагося въ публикѣ и живо ее заинтересовавшаго, вопроса о томъ, гдѣ *лучше исполняется* комедія графа Л. Толстаго: на любительскомъ ли, или же на настоящемъ театрѣ. Дѣло въ томъ, что, какъ вы припомните, цѣлые *два* кружка любителей разъ 6—8 въ продолженіе одного мѣсяца играли въ прошломъ году эту пьесу на сценѣ Нѣмецкаго клуба. Спектакли давались съ благотворительною цѣлью, а пьеса представляла весь интересъ *перваго* представленія, интересъ, какого она уже не имѣла при постановкѣ ея на Маломъ Театрѣ. Большинство публики уже видѣло комедію *Плоды просвѣщенія* „у любителей“. Теперь это большинство интересовалось не столько самою пьесой, сколько ея исполненіемъ. Не внесутъ ли „настоящіе“ актеры, на „настоящемъ“ театрѣ, чего-нибудь новаго въ комедію графа Л. Толстаго? Не откроется ли, благодаря ихъ исполненію, въ этой пьесѣ чего-нибудь такого, о чемъ мы и не подозрѣвали? Вѣдь бываетъ же, что давно извѣстная всѣмъ симфонія внезапно является

намъ въ совершенно иномъ свѣтѣ, благодаря новому, образцовому оркестру и новому дирижеру.

Исполненіе „настоящихъ“ актеровъ не внесло ничего новаго въ *Плоды просвѣщенія*. И это совершенно понятно. Ибо если образцовый оркестръ можетъ дать совершенно новую интерпретацію *симфоніи*, то онъ безсиленъ сдѣлать то же самое по отношенію къ такъ-называемому *potpourri*, которое все состоитъ изъ отдѣльныхъ мотивовъ, лишь внѣшнимъ образомъ связанныхъ между собою. Такое драматическое *potpourri* представляетъ комедія *Плоды просвѣщенія*. Всѣ ея характеры—внѣшніе. Это не пьеса. Это костюмированная процессія, разыгрывающая интермедію о томъ, какъ Коломбина устраиваетъ свой бракъ съ Піерро. Мнѣ случилось прочитать печатно высказанное мнѣніе будто бы русская дворянская молодежь комедіи графа Л. Толстаго представляетъ современную намъ „эволюцію“ мольеровскихъ *marquis ridicules*, между тѣмъ какъ старшее поколѣніе той же комедіи представляетъ такую же современную эволюцію аристократическаго общества временъ Людовика XV. Три мужика и вся прислуга приравнивались къ Фигаро комедіи Бомаршé. Они должны изображать эмансипирующійся народъ въ противоположность разлагающимся верхнимъ слоямъ общества. Въ этомъ усматривалось *глубокое* значеніе комедіи графа Л. Толстаго. Нѣтъ ничего легче, какъ дѣлать сравненія. Нельзя только сравнивать между собою несоизмѣримые предметы, Французскій народъ, утѣсняемый дворянствомъ, и русскихъ мужиковъ, никѣмъ не утѣсняемыхъ. И если уже непремѣнно нужно сравнивать съ чѣмъ-нибудь *Плоды просвѣщенія*, то само собою напрашивается сравненіе со старинною итальянскою комедіей и ея постоянными типами. Та же наивность завязки, то же множество маленькихъ фигурокъ, всѣ дѣйствующія параллельно и не имѣющія никакого вліянія на ходъ и развитіе самой фабулы. И вотъ почему „настоящіе“ актеры, играющіе пьесу графа Л. Толстаго на „настоящемъ“ театрѣ, не могутъ вложить въ ея исполненіе ничего такого, что̀ отличаетъ „артистовъ“ отъ дилеттантовъ. Нельзя создавать извнутри эти характеры, ибо авторъ не даетъ никакого матеріала, чтобъ уяснить себѣ ихъ душевный строй. Всѣ эти фигуры и фигурки можно играть только внѣшнимъ образомъ, болѣе или менѣе удачно воспроизводя ихъ внѣшній видъ, манеры, костюмы. Само собою разумѣется, что дилеттанты изъ „общества“, близкіе къ средѣ изображаемой въ *Плодахъ просвѣщенія*, имѣютъ болѣе

шансовъ къ характерному внѣшнему воспроизведенію той или другой фигурки этой комедіи, между тѣмъ какъ на сторонѣ дѣйствительныхъ актеровъ находится преимущество техническаго умѣнія. Такимъ образомъ, шансы исполненія уравниваются, а вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ и самый вопросъ о томъ, кто *лучше* исполняетъ комедію графа Л. Толстаго: любители или настоящіе актеры.

Пьеса *Плоды просвѣщенія* была поставлена на Маломъ Театрѣ для *прощальнаго* бенефиса Надежды Васильевны Рыкаловой. Увольненіе почтенной артистки, или, что то же самое, невозобновленіе съ нею контракта, послѣдовало еще лѣтомъ. Но такъ какъ въ афишахъ не сообщается о перемѣнахъ, происшедшихъ въ составѣ труппы и до свѣдѣнія публики не доводится, кто приглашенъ вновь и кто уволенъ, то общество узнало объ уходѣ г-жи Рыкаловой лишь когда появился анонсъ объ ея *прощальномъ* бенефисѣ. Сначала всѣ полагали, что Н. В. Рыкалова сама покидаетъ службу, ибо никому не могла придти на умъ мысль о томъ, чтобы можно было удалить изъ состава образцовой труппы артистку-ветеранку, безупречно прослужившую 45 лѣтъ, участницу славнѣйшей эпохи нашего театра. Такихъ артистовъ-ветерановъ обыкновенно берегутъ, какъ украшеніе труппы, какъ ея *titre de noblesse*. Только *два* театра на всю Россію, Московскій Малый и Петербургскій Александринскій, государственные русскіе художественные институты, могутъ имѣть своихъ артистовъ-ветерановъ, всю жизнь неизмѣнно служившихъ на какой-либо изъ этихъ двухъ сценъ и, вслѣдствіе этого, ставшихъ живою страницей исторіи, носителями традицій, живою связью между прошедшимъ и настоящимъ. Вотъ соображенія, по которымъ публика полагала первоначально, что Н. В. Рыкалова сама оставляетъ сцену. Лишь за два или за три дня до *прощальнаго* бенефиса сдѣлалось извѣстнымъ, что артистка—уволена. Публика хлынула въ театръ, чтобы выразить свое сочувствіе г-жѣ Рыкаловой. Не было конца удивленіямъ и разговорамъ, когда почтенная артистка, уволенная, какъ увѣряли, по старости, поразила всѣхъ своею бодростью въ роли Кабанихи. Театръ дрожалъ отъ рукоплесканій. Артисты, при открытой сценѣ, до земли кланялись Н. В. Рыкаловой. Сколько уваженія со стороны товарищей! Сколько уваженія со стороны публики! Но чѣмъ нагляднѣе выражали товарищи и публика свое сочувствіе г-жѣ Рыкаловой, тѣмъ болѣзненнѣе ощущался всѣми самый фактъ: вынужденное прощаніе,

необъяснимое увольненіе, неуваженіе дирекціи къ ходатайству образцовой труппы за товарища-ветерана. Ибо не можетъ подлежать сомнѣнію, что режиссеръ Малаго Театра, какъ представитель драматической труппы, почтительнѣйше докладывалъ начальству о неудобствѣ увольнять артистку, безпорочно прослужившую 45 лѣтъ на Маломъ Театрѣ и столь же безпорочно продолжающую нести свою службу и въ настоящее время. Если ходатайство режиссера не было уважено, то это очень печально Но еще печальнѣе было бы предположить, что режиссеръ совсѣмъ не ходатайствовалъ за Н. В. Рыкалову. Ибо здѣсь дѣло не въ лицѣ, но въ принципѣ, а кому же оберегать художественные принципы и достоинство труппы, какъ не режиссеру, являющемуся передъ начальствомъ „спикеромъ“ за своихъ товарищей?

На театрѣ г. Корша поставлена пятиактная комедія г. Ѳедотова, подъ названіемъ *Братья Одоевы*. Говорили, что комедія эта предназначалась авторомъ для Малаго Театра и должна была идти въ бенефисъ г-жи Никулиной, но не была одобрена нашимъ новымъ московскимъ театрально-литературнымъ комитетомъ. Такимъ образомъ, еще до перваго представленія, вокругъ піесы г. Ѳедотова сгруппировались ожиданія, которыя, въ сущности, только мѣшали прямому и безпристрастному отношенію къ произведенію: однимъ хотѣлось, чтобъ оказался правымъ г. Ѳедотовъ, другіе заранѣе стояли на сторонѣ литературно-театральнаго комитета. По счастію, всѣ эти волненія ограничивались весьма небольшимъ кружкомъ завзятыхъ театраловъ, минуя публику и не оказывая вліянія на непосредственность ея сужденія. Пьеса не имѣла успѣха. Тѣмъ не менѣе, она содержитъ въ себѣ, если можно такъ выразиться, много интереснаго матеріала. Бѣда въ томъ, что авторъ не подвергъ этотъ матеріалъ болѣе тщательной обработкѣ и не обратилъ достаточнаго вниманія на конструктивную сторону пьесы. Говоря по правдѣ, отъ новой комедіи получается впечатлѣніе, какъ будто бы авторъ торопился съ нею.

Какъ видно уже изъ самаго заглавія, предметомъ изображенія должны быть *братья*. Этихъ братьевъ двое. Одинъ живетъ въ столицѣ, другой постоянно занимается сельскимъ хозяйствомъ въ своей деревнѣ. Двѣ противоположности. Помните вы Лафонтена? Autrefois un rat de ville invitait un rat des champs .. Такъ и здѣсь. Сельскій Одоевъ, пріѣхавъ въ столицу по дѣламъ, совершенно растерянъ при видѣ тѣхъ порядковъ, какіе онъ застаетъ у Одоева городскаго.

Какіе же порядки застаетъ онъ здѣсь? Его братъ, женатый человѣкъ, открыто живетъ съ другою женщиной, молодою вдовой, богатою, вліятельною и также принадлежащею къ обществу. Эта молодая женщина поселилась въ одномъ домѣ съ Одоевымъ и хотя квартира ея имѣетъ особый подъѣздъ, но за то въ ней устроено также и внутреннее сообщеніе съ его квартирой. Связь до такой степени открыта и всѣмъ извѣстна, что знакомые продолжаютъ ѣздить къ Одоеву, какъ въ семейный домъ, и нисколько не удивляются, когда посторонняя женщина встрѣчаетъ ихъ на всѣхъ правахъ, со всею обстановкой законной жены. Вотъ этого-то и не можетъ понять сельскій Одоевъ. Авторъ необыкновенно удачно подмѣтилъ въ этомъ случаѣ психологическую черту, весьма характерную для порядочнаго человѣка, внезапно очутившагося въ непристойной обстановкѣ. Сельскій Одоевъ прежде всего сконфуженъ тѣмъ, что онъ застаетъ у брата. Онъ не знаетъ, какъ ему относиться къ той полу-женѣ, которая такъ смѣло и открыто исполняетъ роль дѣйствительной, настоящей жены. Гдѣ же она, эта дѣйствительная, вѣнчанная жена и мать? Можетъ-быть, она скончалась? Можетъ-быть, она измѣнила мужу, уѣхала къ новому избраннику своего сердца и живетъ съ нимъ? Ничуть не бывало. Жена городскаго Одоева не думала измѣнять мужу. Она живехонька. Она превосходная женщина, образованная, любящая, разсудительная, умная. Она хороша собой. Она молода. Она отличная мать. Она просто уѣхала отъ мужа, послѣ того, какъ слышала его разговоръ съ молодою вдовой, разговоръ, не допускавшій никакихъ сомнѣній. Сельскому Одоеву не только конфузно, но и смѣшно. Онъ точно попалъ въ какой-то особый міръ, гдѣ люди, сами того не замѣчая, ходятъ на головахъ. И въ то же время ему противно. Онъ испытываетъ нѣкоторое чувство брезгливости, но не можетъ отдѣлаться отъ извѣстной доли любопытства, того любопытства, какое невольно задерживаетъ посѣтителя сумашедшаго дома во внезапно открывшемся ему новомъ мірѣ душевно-больныхъ. Да, всѣ эти люди считаютъ себя здоровыми, двигаются и разсуждаютъ, какъ ни въ чемъ не бывало. А между тѣмъ всѣ они, несомнѣнно, больны. Нельзя только съ перваго раза опредѣлить грань между областями здраваго смысла и психопатіи.

Такъ и съ городскимъ Одоевымъ. Онъ служитъ, онъ домовладѣлецъ, онъ хлопочетъ о полученіи какого-то выгоднаго мѣста, онъ принимаетъ участіе во всѣхъ развлеченіяхъ свѣтской жизни.

А между тѣмъ это одинъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ въ русскомъ языкѣ сложилось удивительно мѣткое прозвище „чумные“. Онъ кажется здоровымъ только по виду, на самомъ же дѣлѣ онъ глубоко боленъ нравственно. Въ то же время онъ сознаетъ всѣ мерзости, какія заставляетъ его дѣлать разнузданный эгоизмъ, старается подавить это сознаніе и невольно впадаетъ въ ту „чумную“ жизнь, гдѣ, подъ видомъ проявленія свободной дѣятельности, выступаютъ наружу лишь конвульсивныя движенія, гдѣ клики удовольствія звучатъ для чуткаго уха тѣмъ, что̀ они есть, кликами заглушаемой боли.

Таковы два брата Одоевы. Сельскій Одоевъ не читаетъ городскому Одоеву ни морали, ни наставленій. Онъ только смотритъ, удивляется, дѣлаетъ по временамъ остроумныя или комическія замѣчанія. Въ сущности эту роль могло бы исполнять всякое другое лицо помимо брата, ибо сельскій Одоевъ, какъ братъ, совершенно не при чемъ. Дѣйствительнымъ героемъ пьесы является лишь городской Одоевъ. Интересна ли эта фигура? Представляетъ ли она собой яркій, характерный, современный типъ? Въ этомъ весьма позволительно сомнѣваться. Предъ нашими глазами прошелъ за послѣднее время такой длинный рядъ мужей, влюбляющихся въ постороннихъ женщинъ и бросающихъ ради ихъ своихъ законныхъ женъ, обыкновенно украшенныхъ всѣми преимуществами ума и сердца, а потомъ снова возвращающихся къ этимъ женамъ, которыя встрѣчаютъ ихъ всегда съ отверстыми объятіями, что выведенная предъ нами исторія Одоева ничего не прибавляетъ къ типу, какъ таковому, ибо Одоевъ, бросивъ жену свою въ первомъ актѣ, благополучно сходится съ нею въ послѣднемъ, послѣ того, какъ ему надоѣла временная сожительница. Впрочемъ, позвольте мнѣ оговориться, — тутъ есть варіантъ. Одоевъ сходится со своею женой не потому, что онъ созналъ свою несправедливость къ ней, а потому, что увидавъ ее послѣ трехъ мѣсяцевъ разлуки, снова влюбляется въ нее. Какъ бы то ни было, но, думается мнѣ, интересъ типа, представляемаго Одоевымъ, въ настоящее время уже исчерпанъ въ смыслѣ внѣшняго его воспроизведенія на сценѣ. Было бы пора изучить и описать генезисъ такого рода людей, вывести предъ нами исторію болѣзни, вмѣсто изображенія клинической ея картины. Во всякомъ случаѣ, было бы необходимо, чтобы наши драматическіе писатели, если только они серьезно изучаютъ „чумныхъ“ людей, объяснили намъ тѣ основанія, по

которымъ они полагаютъ, что мужъ, вторично сошедшійся со своею женой, внезапно измѣняетъ свой характеръ, становится другимъ человѣкомъ, наслаждается супружескимъ счастіемъ и, въ свою очередь, доставляетъ такое же своей женѣ. Такъ, напримѣръ, пьеса г. Ѳедотова кончается тѣмъ, что сельскій Одоевъ соединяетъ руки своего брата и вернувшейся его жены, а затѣмъ бѣжитъ въ другую комнату, приноситъ оттуда маленькаго сына Одоева и заканчиваетъ піесу восклицаніемъ: *вотъ залогъ вашего счастія*, причемъ ребенокъ, играющій роль малолѣтняго сына, обнимаетъ отца и мать, а занавѣсъ медленно опускается. Это прекрасный и очень трогательный конецъ, только я, зритель, ему не вѣрю. Мнѣ кажется, что чрезъ мѣсяцъ, а можетъ-быть и ранѣе, доброе согласіе между супругами Одоевыми опять нарушится. Одоевъ опять зажитъ по старому, по „чумному", а вмѣстѣ съ тѣмъ все возвратится къ прежнему положенію. Ничто не даетъ мнѣ увѣренности, чтобъ Одоевъ могъ сдѣлаться другимъ, чѣмъ онъ есть. Ибо одно изъ двухъ. Или Одоевы представляютъ собою современныхъ Репетиловыхъ, цѣльные характеры, послѣдовательные въ своей непослѣдовательности, и тогда они не могутъ измѣняться. Еще старуха Хлестова говорила Репетилову, что онъ непзлѣчимъ, хоть брось. Или же предъ нами одно лишь острое явленіе соціальной жизни, возможное при всякаго рода характерахъ, одинъ изъ тѣхъ кризисовъ супружескаго сожитія, безъ которыхъ не обходится ни одинъ бракъ, которые составляютъ одно изъ столь же непзбѣжныхъ патологическихъ явленій супружества, какъ скарлатина и корь непзбѣжны въ дѣтскомъ возрастѣ. Тогда предъ нами является уже не особый типъ мужа, а изображеніе психолого-патологическаго процесса, которому подвергается супружеская жизнь, какъ таковая.

Нездоровье, отъ котораго я едва началъ оправляться, вынудило меня приняться за эти строки лишь въ послѣдніе часы предоставленнаго мнѣ времени. Вотъ почему я долженъ отложить до слѣдующей хроники обѣщанную мной ранѣе бесѣду о *Норѣ* Ибсена и г-жѣ Дузе.

С. Васильевъ.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Наиболѣе выдающимся музыкальнымъ событіемъ въ московской жизни за январь мѣсяцъ былъ концертъ А. Г. Рубинштейна въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Не одну сотню тысячъ рублей уже ранѣе удѣлилъ знаменитый артистъ на различныя дѣла благотворенія. Тяжелый нынѣшній годъ нашелъ въ немъ откликъ какъ въ человѣкѣ и въ русскомъ; великодушный артистъ, покинувъ свои дѣла, ради которыхъ онъ поселился за границей, явился оказать свою посильную помощь бѣдствующимъ. Два концерта, данные имъ въ Петербургѣ и Москвѣ, доставили около 20.000 р. сбора. Программы обоихъ концертовъ состояли исключительно изъ сочиненій самого концертанта, причемъ имъ исполнены были нижеслѣдующія произведенія: 5-й концертъ Es-dur, фантазія C-dur и Caprice russe, всѣ три съ аккомпанементомъ оркестра, которымъ въ Москвѣ дирижировалъ В. И. Сафоновъ; въ концертѣ принимали участіе Е. А. Лавровская и М. И. Махарина, спѣвшія два дуэта, потомъ Е. А. Лавровская со свойственнымъ ей мастерствомъ спѣла нѣсколько романсовъ. Аккомпанировалъ на фортепьяно самъ А. Г. Рубинштейнъ неподражаемо хорошо. Безконечные вызовы и апплодисменты заставили концертанта играть еще два раза сверхъ программы, въ первый разъ имъ были исполнены двѣ собственныя пьесы для фортепьяно: Prélude и новый вальсъ, а во второй—два этюда и Impromptu Ges-dur Шопена. Несравненный піанистъ не утратилъ ничего изъ своихъ обаятельныхъ качествъ и остается такимъ же недостижимо великимъ исполнителемъ, какимъ былъ и прежде. Остается желать и надѣяться, что онъ дастъ еще возможность публикѣ не разъ обно-

вить то высокое художественное наслажденіе, какое она испытала въ концертѣ 8 января; для подобныхъ артистовъ нѣтъ возраста и полетъ времени оставляетъ неприкосновеннымъ ихъ давный талантъ.

Общедоступные концерты начались 21 декабря. Публика принимала восторженно всѣхъ исполнителей и дирижера В. И. Сафонова, но благодаря предпраздничному времени циркъ былъ не совсѣмъ полонъ.

Въ Большомъ Театрѣ усердно готовятъ *Зигфрида* Вагнера, но пойдетъ ли онъ въ настоящемъ сезонѣ, пока еще неизвѣстно; люди прикосновенные къ театру говорятъ, что пойдетъ непремѣнно. *Пиковая Дама* продолжаетъ дѣлать полные сборы и, кажется, долго будетъ привлекать публику. Въ оперѣ Глинки *Руслань и Людмила* партію Людмилы стала пѣть г-жа Фостремъ, къ голосовымъ средствамъ которой она весьма подходитъ; артистка имѣетъ большой успѣхъ въ этой оперѣ. *Руслану* 27 ноября настоящаго года исполнится 50 лѣтъ со дня первой постановки; слѣдовало бы къ этому дню возстановить высочайшее созданіе русской школы въ его первоначальной неприкосновенности.

Н. Кашкинъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Кончина Великаго Князя Константина Николаевича.—Общественныя работы, какъ помощь голодающимъ.—*Новое Время* и г. Дрейфусъ.—*Московскія Вѣдомости* и православіе.—Отчетъ оберъ-прокурора Св. Синода.—Переходъ въ православіе пр. Кобургскаго.—Инцидентъ гг. Констана и Лора.

Въ ночь на 13 января скончался Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

Великій Князь принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ реформахъ минувшаго царствованія. Его дѣятельность, какъ генералъ-адмирала, какъ намѣстника въ Царствѣ Польскомъ и предсѣдателя Государственнаго Совѣта, принадлежатъ исторіи.

Послѣднее время тяжкая болѣзнь лишала его возможности не только принимать какое бы то ни было участіе въ государственныхъ дѣлахъ, но и слѣдить за тѣми вопросами науки и искусства, которыми онъ такъ живо интересовался.

Не только въ печати, но и въ правительственныхъ распоряженіяхъ не разъ уже обращалось вниманіе на вредную и даже опасную сторону продовольственныхъ ссудъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тамъ, гдѣ есть какая-нибудь возможность замѣнить эти ссуды доставленіемъ заработковъ мѣстному населенію, необходимо сдѣлать въ этомъ направленіи все, что̀ только возможно.

Устройство общественныхъ и государственныхъ работъ представляется, безъ сомнѣнія, одною изъ самыхъ цѣлесообразныхъ мѣръ въ этомъ отношеніи. Но одна изъ главныхъ трудностей въ ихъ организаціи состоитъ въ томъ, что необходимость ихъ явилась настолько внезапно, что работы эти приходится почти

выдумывать сразу и нѣтъ времени дѣлать тѣ предварительныя изысканія, которыя обусловливаютъ ихъ производительность.

Тѣмъ болѣе казалось бы необходимо воспользоваться для доставленія голодающему населенію заработковъ такими работами, польза и необходимость которыхъ опредѣлена уже предварительными изысканіями. Къ числу такихъ работъ, безъ сомнѣнія, относится сооруженіе желѣзнодорожныхъ путей, направленіе которыхъ уже утверждено и которые проходятъ черезъ мѣстности, потерпѣвшія отъ неурожая. Правда, что строителями въ большинствѣ случаевъ являются частныя компаніи, которыя предпочитаютъ имѣть дѣло съ подрядчиками, чѣмъ непосредственно съ рабочими, но намъ кажется, что земства и администраціи могли бы взять на себя, въ виду исключительности нынѣшняго года, организацію рабочихъ артелей или вообще посредничество между рабочими и строителями. Если бы въ распоряженіи мѣстной администраціи не оказалось для этого достаточно лицъ компетентныхъ, то почему бы высшее правительство не могло придти къ ней на помощь?

Проектированные желѣзнодорожные пути пролегаютъ по мѣстностямъ, потерпѣвшимъ отъ неурожая, на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ; стоимость работъ, которыя могутъ быть поручены мѣстному населенію, равняется десяти, двѣнадцати тысячамъ на версту; такимъ образомъ, общая сумма заработка по сооруженію этихъ дорогъ для мѣстнаго населенія могла бы равняться нѣсколькимъ милліонамъ. На это можно возразить, конечно, что этотъ заработокъ отъ мѣстнаго населенія ни въ какомъ случаѣ не уйдетъ, однако едва ли это такъ. Конечно, большинство работъ само собой попадетъ въ руки мѣстнаго населенія, но куда попадетъ плата за эти работы, другой вопросъ. Разумѣется, для правленій желѣзнодорожныхъ обществъ это болѣе или менѣе безразлично, только бы работы были выполнены къ сроку, но оно далеко не безразлично не только для самихъ рабочихъ и для ихъ семей, но и для правительства, и для земства.

Дѣло въ томъ, что если въ данномъ вопросѣ администрація и земство будутъ держаться системы невмѣшательства, изъ общей суммы, расходуемой на работы, едва ли и пятьдесятъ процентовъ достанется на дѣйствительныя нужды рабочихъ, остальныя пойдутъ частью въ пользу подрядчиковъ, частью въ кабакъ, такъ какъ будутъ получены рабочими на руки вдали отъ семей и вблизи отъ кабаковъ. И, дѣйствительно, теперь уже случается

слышать жалобы совершенно противоположнаго характера: съ одной стороны инженеры говорятъ, что мѣстное населеніе отказывается идти на работы, а съ другой стороны рабочіе возвращаются съ этихъ работъ въ худшемъ положеніи, чѣмъ шли на нихъ, не только не принося ничего въ семью, но оставляя тамъ иногда послѣднюю одежду. Ясно, что тутъ есть нѣчто ненормальное, и было бы въ высшей степени желательно, чтобы компетентныя власти приняли на себя опредѣленіе и устраненіе причинъ этого нежелательнаго явленія. Въ тѣхъ уѣздахъ Тамбовской губерніи, черезъ которые проходитъ Рязанско-Казанская желѣзная дорога, на земляныхъ работахъ, по свѣдѣніямъ полученнымъ нами отъ вполнѣ компетентныхъ лицъ, рабочій могъ заработать до семидесяти копѣекъ въ день въ теченіе минувшей осени, тогда какъ въ тѣхъ же мѣстностяхъ даже въ рабочую пору цѣны на рабочія руки почти никогда не поднимаются выше полтинника. Какимъ же образомъ въ голодный годъ и при безработицѣ можетъ населеніе отказываться отъ возможности получить заработную плату высшую, чѣмъ та, которую оно получаетъ въ рабочую пору и въ хорошіе годы? Невольно являются нѣкоторыя сомнѣнія, такъ ли дѣйствительно дѣло, какъ оно на первый взглядъ представляется? Дѣйствительно ли та плата, которую могутъ получить рабочіе, получается ими, а если да, то дѣйствительно ли они отказываются отъ работъ? Рабочіе утверждаютъ, что за штрафами и вычетами у нихъ не хватаетъ и на собственное содержаніе, а не только ничего не остается для семьи. Отъ инженеровъ приходится слышать, что иногда это дѣйствительно такъ, но это объясняется неопытностью или пьянствомъ самихъ рабочихъ.

Какъ бы то ни было, неужели это неустранимыя препятствія? Нельзя вполнѣ довѣрять тѣмъ слухамъ, которые объясняютъ нежеланіемъ рабочихъ выходить на работы исключительно разсчетомъ на ссуду. Продовольственныя ссуды тридцать фунтовъ на ѣдока настолько ограничены, что ими можно питаться только впроголодь. Причиной подобныхъ отказовъ, если только не признать, что отказы эти составляютъ болѣе или менѣе рѣдкія исключенія, обусловленныя какими-нибудь случайными обстоятельствами, можетъ быть только неувѣренность рабочихъ въ своевременномъ полученіи справедливаго разсчета.

Нельзя, конечно, допустить возможности систематическихъ злоупотребленій въ этомъ отношеніи со стороны правленій

обществъ или главныхъ строителей, но совсѣмъ другое дѣло относительно подрядчиковъ, которые имѣютъ не только возможность, но и право заботиться исключительно о своихъ собственныхъ интересахъ и не связаны никакими высшими соображеніями. Для нихъ очевидно прежде всего нужно получить съ желѣзнодорожнаго общества какъ можно бо́льшую сумму и израсходовать какъ можно меньшую. Не только требовать, но ожидать отъ нихъ другой точки зрѣнія было бы странно, потому что это точка зрѣнія всѣхъ частныхъ предпріятій или торговыхъ оборотовъ. Но какъ мы уже не разъ имѣли случай замѣтить, нельзя разсматривать сооруженія желѣзной дороги, какъ частное предпріятіе, а въ такое время, когда нѣкоторыми поднимался даже вопросъ объ экспропріаціи движимаго имущества, вполнѣ естественно было бы, чтобы тамъ, гдѣ это возможно, государство, которое въ настоящее время придумываетъ работы для голодающихъ и беретъ на себя руководство или, по крайней мѣрѣ, верховный надзоръ, сдѣлало то же самое относительно тѣхъ работъ, необходимость которыхъ уже признана, но по финансовымъ соображеніямъ предоставлена частнымъ компаніямъ, которыя при обычныхъ условіяхъ можетъ-быть дѣйствительно исполнили бы вполнѣ успѣшно свою прямую задачу.

Въ данномъ случаѣ рядомъ съ этою задачей является другая не менѣе, а можетъ-быть болѣе важная, но лежащая совершенно внѣ сферы интересовъ и обязанностей желѣзнодорожныхъ обществъ: нельзя не пожалѣть въ виду этого, что желѣзнодорожные пути, проходящіе черезъ мѣстности потерпѣвшія отъ неурожая, не правительственные, и вмѣстѣ съ тѣмъ невольно является вопросъ, неужели это непоправимо и правительство не можетъ, вознаградивъ желѣзнодорожныя общества за сдѣланныя ими издержки, такъ же какъ они вознаграждаютъ владѣльцевъ за отчуждаемыя земли, взять постройку въ свои руки?

Если же теперь это уже невозможно, то слѣдовало бы озаботиться по крайней мѣрѣ о томъ, чтобы населеніе потерпѣвшихъ мѣстностей получило отъ сооруженія дорогъ ту пользу, которую можно ожидать для него при веденіи этого дѣла частными компаніями, а для этого, какъ намъ кажется, необходимо бы учредить болѣе или менѣе правильную и однообразную организацію дѣла.

При настоящихъ условіяхъ въ высшей степени важно для рабочаго не возможно высокая заработная плата, а полученіе ея

какъ можно скорѣе; для него важнѣе получить тридцать или сорокъ копѣекъ въ февралѣ или въ мартѣ, чѣмъ семьдесятъ или рубль въ августѣ или въ сентябрѣ. Между тѣмъ, бо́льшая часть работъ можетъ производиться только лѣтомъ и осенью, поэтому для рабочихъ было бы очень важно получить задатки, но дороги не находятъ нужнымъ ихъ давать, такъ какъ съ одной стороны увѣрены, что найдутъ рабочихъ, когда понадобится, а съ другой—совсѣмъ не увѣрены, что рабочіе, получивъ задатокъ, выполнятъ принятыя на себя обязательства. Другое дѣло подрядчики, которые, нанимая рабочихъ за полцѣны, могутъ такимъ образомъ съ избыткомъ возмѣстить ущербъ отъ неисправности однихъ рабочихъ дешевизной другихъ.

Итакъ, при системѣ невмѣшательства правительственныхъ и общественныхъ учрежденій подрядчики, которые могутъ на свой страхъ выдавать нѣкоторые авансы голодающему населенію, являются желательными въ интересахъ самаго этого населенія, какъ бы ни были невыгодны условія, на которыхъ имъ выдаются ссуды, потому что за то ссуды эти получаются именно тогда, когда нужно. Но повторяемъ, неужели такое положеніе нормально и неужели изъ него нѣтъ исхода?

Намъ кажется, что то что̀ теперь могутъ дѣлать подрядчики, то же могло бы дѣлать земство или правительство черезъ особыхъ своихъ агентовъ. Отчего бы земству, войдя въ соглашенія со строителями, не объявить о цѣнахъ на работы и о количествѣ потребныхъ рабочихъ? Желающіе всѣ или, въ случаѣ избытка, извѣстный процентъ съ каждаго сельскаго общества вносились бы въ списки артелей, составляемыхъ подъ руководствомъ земскихъ начальниковъ, и могли бы по предъявленіи удостовѣренія земскаго начальника получать изъ земской управы ссуды въ размѣрѣ третьей доли или половины причитающейся имъ заработной платы, но не иначе, какъ хлѣбомъ.

Такимъ образомъ, подспорье отъ заработка получилось бы какъ разъ тогда, когда нужно, причемъ правленіямъ желѣзныхъ дорогъ нѣтъ надобности принимать на себя не только никакихъ убытковъ, но и никакого риску, а для правительства и для земства важно было бы уже то, что ссуды выдавались бы подъ нѣкоторое сколько-нибудь опредѣленное обезпеченіе.

Несмотря на то, что, казалось бы, нечего возразить противъ такой комбинаціи съ точки зрѣнія интересовъ желѣзныхъ дорогъ, лица, близко стоящія къ дѣлу, съ которыми намъ

приходилось говорить о ней, большею частью относились къ ней несочувственно. Указывали главнымъ образомъ на то, что рабочіе, получивъ заработную плату или часть ея впередъ, затѣмъ работаютъ уже не такъ охотно. Это отчасти справедливо, но почему же они работали бы менѣе охотно, получивъ ее отъ правительства или отъ земства, чѣмъ отъ подрядчика? А не можетъ же строитель запретить своимъ подрядчикамъ выдавать задатки рабочимъ и не можетъ предполагать, что всѣ рабочіе идутъ къ такимъ подрядчикамъ, не получивъ съ нихъ предварительно задатковъ, и слѣдовательно, это обстоятельство само по себѣ не мѣшаетъ еще исполненію работъ.

Для того, чтобы бо́льшая часть заработка не пропадала совершенно непроизводительно, достаточно было бы, чтобы разсчеты съ рабочими дѣлались тѣми лицами или учрежденіями, при посредствѣ которыхъ заключаются рабочія условія.

Готовится новое громкое дѣло изъ области нашихъ общественныхъ нравовъ. Фирма Дрейфусъ заявила о своемъ намѣреніи привлечь редакцію *Новаго Времени* къ уголовной отвѣтственности за клевету въ печати. Намъ неизвѣстны подробности этого дѣла и только судъ можетъ окончательно выяснить, въ какой мѣрѣ помянутая фирма виновна въ приписываемыхъ ей злоупотребленіяхъ: но если сообщенія *Новаго Времени* подтвердятся, редакціи будетъ принадлежать честь не часто достающаяся газетамъ, такъ какъ она обратитъ тогда общественное вниманіе на дѣйствительное и возмутительное злоупотребленіе, и, можетъ-быть, тѣмъ самымъ окажетъ содѣйствіе къ его прекращенію.

Нѣкоторые органы печати выразили негодованіе по поводу намѣренія фирмы начать судебное преслѣдованіе, намъ кажется наоборотъ, что намѣреніе это можно только привѣтствовать и пожелать, чтобы представители фирмы почему-либо не отказались отъ него до суда. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы признать виновнымъ, или невиновнымъ А. С. Суворина, необходимо прежде всего опредѣлить степень основательности его обвиненія фирмы Дрейфусъ, и слѣдовательно судъ долженъ, а общество можетъ ознакомиться съ порядкомъ доставки продовольствія голодающимъ, что̀ во всякомъ случаѣ далеко не лишнее. Въ интересахъ правосудія желательно было бы, конечно, чтобы выступающая въ роли обвинителя фирма, со своей стороны, не оста-

валась какою-то абстрактною величиной, чисто юридическимъ лицомъ, имѣющимъ право только получать прибыли отъ своихъ предпріятій и преслѣдовать тѣхъ, кто можетъ такъ или иначе повредить ей, но отнюдь не неся никакой отвѣтственности, такъ какъ для этого есть персоналъ мелкихъ служащихъ.

Въ дѣлахъ уголовныхъ каждый несетъ отвѣтственность лишь самъ за себя, это не только дѣйствующій законъ, но и основной принципъ уголовнаго права, обусловливающій наказуемость, такъ какъ въ случаѣ нарушенія его всякое наказаніе превращается въ судебную ошибку, или въ возмутительное насиліе.

Даже въ Китаѣ, гдѣ за преступленіе дѣтей наказываются родители, основаніе этого наказанія заключается не въ томъ преступленіи, которое совершено ихъ дѣтьми и слѣдовательно не могло быть совершено ими самими, а въ томъ, что они дали дѣтямъ такое воспитаніе, которое довело ихъ до преступленія.

Въ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ связь между поступками подчиненныхъ и намѣреніями руководителей дѣла конечно ближе, чѣмъ между воспитаніемъ дѣтей и тѣми злодѣяніями, которыя они могутъ совершить впослѣдствіи; было бы однако несогласно съ европейскими обычаями переносить всю отвѣтственность, не только гражданскую, но и уголовную, съ ближайшихъ виновныхъ на тѣхъ, кто руководитъ ихъ дѣятельностью, такъ какъ могутъ быть случаи, когда неправильныя дѣйствія подчиненныхъ не только не вытекаютъ изъ предписаній лицъ начальствующихъ, но даже прямо противорѣчатъ приказаніямъ и интересамъ послѣднихъ, и въ послѣднемъ случаѣ очевидно эти начальствующія лица не могутъ не только обижаться на раскрытіе такихъ злоупотребленій, но, наоборотъ, должны быть рады имъ, такъ какъ подобныя разоблаченія очевидно въ ихъ интересахъ.

Поэтому если лица, стоящія во главѣ извѣстнаго учрежденія или предпріятія, возбуждаютъ дѣло по поводу тѣхъ или другихъ частныхъ злоупотребленій въ этомъ дѣлѣ, то есть основаніе предполагать, что либо злоупотребленія этого дѣйствительно не было, либо сами они заинтересованы въ его сокрытіи. Въ подобныхъ случаяхъ сваливаніе вины на подчиненныхъ агентовъ является мало вѣроятнымъ.

А. С. Суворинъ призналъ себя авторомъ инкриминированной статьи, въ противномъ случаѣ получилось бы довольно любопытное положеніе: торговая фирма обвиняла бы редакцію газеты въ

уголовномъ преступленіи, а такъ какъ юридическія лица и обвиняемыми, и обвинителями могутъ являться только въ лицѣ своихъ представителей, то на судѣ явились бы лица, не имѣющія вообще или, по крайней мѣрѣ, въ данномъ случаѣ, ничего общаго со злоупотребленіями въ хлѣбной торговлѣ, или въ печати.

Мы уже не разъ говорили о несообразностяхъ, которыя вытекаютъ изъ такого порядка вещей. Вѣчный маскарадъ, при которомъ подносятся публикѣ всевозможныя свѣдѣнія, лишаетъ ее возможности судить не только о степени достовѣрности этихъ свѣдѣній, но и о степени довѣрія, которую заслуживаютъ сообщающія ихъ маски.

Нельзя, конечно, требовать, чтобы въ газетахъ каждое сообщаемое свѣдѣніе появлялось за подписью сообщившаго его, при данныхъ условіяхъ. Но необходимо, чтобы въ случаяхъ имѣющихъ какую-нибудь важность въ общественномъ отношеніи, или для частныхъ лицъ редакція опредѣляла свое отношеніе къ сообщаемымъ свѣдѣніямъ, чтобъ она принимала на себя не только юридическую возложенную на нее закономъ, но и нравственную отвѣтственность.

Въ данномъ случаѣ такъ и поступилъ г. Суворинъ. Какъ бы ни кончилось возникающее дѣло, принятое имъ положеніе нельзя не признать правильнымъ.

Статья г. Суворина о злоупотребленіяхъ фирмы Дрейфусъ, по поставкѣ ею муки въ Самарскую губернію, написана, конечно, на основаніи свѣдѣній, имѣющихся объ этомъ въ редакціи; вѣрны или нѣтъ эти свѣдѣнія, кѣмъ они доставлены въ редакцію, этого не можетъ знать публика, да ей до этого и нѣтъ никакого дѣла, для нея важно то, что свѣдѣнія эти появились въ *Новомъ Времени*. Но для дѣйствительно или мнимопотерпѣвшаго важно знать имя дѣйствительнаго автора инкриминируемой статьи, такъ какъ въ случаѣ ложности приписываемыхъ потерпѣвшему дѣяній только обвиненіе судомъ дѣйствительнаго автора, а не подставнаго лица можетъ имѣть характеръ нравственнаго удовлетворенія.

Какъ бы ни было возмутительно то дѣяніе, которое вызываетъ публичное обличеніе, одной этой возмутительности недостаточно, чтобъ оправдать невѣрное или бездоказательное обвиненіе въ немъ; наоборотъ, чѣмъ тяжеле то обвиненіе, съ которымъ выступаетъ обвинитель, тѣмъ болѣе оно должно быть обдумано и тѣмъ болѣе онъ долженъ имѣть возможность доказать его. Если у частнаго лица подъ впечатлѣніемъ минуты можетъ

вырваться выраженіе негодованія прежде, чѣмъ онъ успѣетъ или подумаетъ провѣрить факты, на которыхъ основана его нравственная оцѣнка того или другаго лица, подобное оправданіе не можетъ имѣть мѣста въ публичной дѣятельности.

Но если обвиняемый въ клеветѣ въ печати не имѣетъ права ссылаться на то, что онъ легкомысленно повѣрилъ слухамъ и введенъ былъ въ заблужденіе, то онъ несомнѣнно имѣетъ право доказывать справедливость своего утвержденія, если дѣло идетъ о клеветѣ, а не о диффамаціи, такъ какъ клевета предполагаетъ прежде всего *ложное* обвиненіе въ дѣяніи безчестномъ или преступномъ и, слѣдовательно, при справедливости обвиненія не можетъ быть рѣчи о клеветѣ. Но если обвиняемый въ клеветѣ именно этимъ способомъ докажетъ свою невиновность, то онъ, очевидно, тѣмъ самымъ докажетъ свое обвиненіе противъ обвинителя.

Въ виду этого, когда дѣло идетъ не о частной жизни, а о дѣятельности, имѣющей общественное значеніе, обвиненія въ диффамаціи не должны бы допускаться, тѣмъ болѣе, что лица себя уважающія почти никогда не рѣшатся воспользоваться этою статьей.

Въ прошломъ нумерѣ нашей лѣтописи мы спросили *Московскія Вѣдомости*, считаютъ ли онѣ наше дѣйствующее законодательство относительно преступленій противъ вѣры вполнѣ удовлетворительнымъ, а если нѣтъ, то признаютъ ли желательнымъ измѣненіе 178 и 179 стт. Улож. о Наказ., или только обходъ ихъ?

Вопросъ этотъ мы считаемъ весьма серьезнымъ, и потому въ нумерѣ 9 *Московскихъ Вѣдомостей* съ удовольствіемъ увидѣли статью, озаглавленную: „Отвѣтъ князю Д. Н. Цертелеву“, но дочитавъ ее до конца, къ сожалѣнію, должны были убѣдиться, что въ ней нѣтъ не только „отвѣта“, но даже упомпнанья о нашемъ вопросѣ. Въ своемъ „отвѣтѣ“ *Московскія Вѣдомости* только усердно опровергаютъ имп самими выдуманные аргументы, причемъ ставятъ даже въ ковычки свои собственныя выраженія.

„Редакторъ *Русскаго Обозрѣнія* снова и снова настаиваетъ, будто мы хотѣли подвести г. Соловьева „подъ уголовщину“, говорятъ *Московскія Вѣдомости*, „редактору *Русскаго Обозрѣнія* слѣдовало бы вспомнить, что кричать объ „уголовщинѣ“, отлично зная, что г. Соловьевъ не подвергся и ни въ какомъ

случаѣ *не мог*ъ подвергнуться ни самой даже малѣйшей непріятности,—по малой мѣрѣ неблаговидно".

Мы не только не настаивали на намѣреніи *Московскихъ Вѣдомостей* подвести кого бы то ни было подъ „уголовщину", но уже въ прошломъ нумерѣ, отвѣчая на это собственное измышленіе *Московскихъ Вѣдомостей*, высказанное ими въ отвѣтѣ редактору *Русскаго Обозрѣнія*, замѣтили:

„Ничего подобнаго мы не только не говорили, но и не думали, такъ какъ вполнѣ убѣждены, что гораздо легче привлечь къ уголовной отвѣтственности сообщившихъ невѣрныя свѣдѣнія о содержаніи реферата Вл. Соловьева, чѣмъ самого Соловьева, за предусмотрѣнныя 178 и 179 стт. Улож. о Нак., но не совершенныя имъ преступленія. Если мы цитировали текстъ помянутыхъ статей, то совсѣмъ не для того, чтобъ инсинуировать жестокіе и коварные умыслы *Московскихъ Вѣдомостей* противъ Соловьева, а для того, чтобы показать, что редакція напрасно довѣряетъ опытнымъ юристамъ, не всегда умѣющимъ или желающимъ найти подходящія къ дѣлу статьи закона".

Понятно, что при системѣ такой вольной передачи мыслей, благодаря которой утвержденія превращаются въ отрицанія, или наоборотъ, никогда не сказанныя выраженія появляются въ ковычкахъ, доказать или опровергнуть можно все, что̀ угодно, но для того, кто не привыкъ пользоваться такими вольностями, споръ становится затруднительнымъ.

Въ прошломъ нумерѣ мы указали также редакціи *Московскихъ Вѣдомостей* на простой способъ убѣдиться въ своей фактической ошибкѣ, сличивъ изложенія своихъ „постоянныхъ сотрудниковъ" съ протоколомъ засѣданія Психологическаго Общества; не знаемъ, послѣдовали ли онѣ этому совѣту, но вотъ что̀ онѣ отвѣчаютъ:

„Онъ (редакторъ *Русскаго Обозрѣнія*) и теперь повторяетъ, что содержаніе реферата г. Соловьева было передано у насъ невѣрно, что мы въ этомъ случаѣ были введены въ заблужденіе нашими постоянными сотрудниками. Пріемъ, хотя претендующій на макіавелизмъ, но весьма незамысловатый, и только забавный. Когда редакторъ *Русскаго Обозрѣнія* употребилъ этотъ пріемъ въ первый разъ, мы подумали, что онъ, можетъ-быть, тугъ на ухо, и не хорошо разслышалъ рефератъ г. Соловьева при публичномъ его прочтеніи; теперь же, когда онъ, подобно намъ, вѣроятно успѣлъ ознакомиться съ этимъ рефератомъ и все-таки продол-

жаетъ утверждать, будто содержаніе его было передано у насъ невѣрно, намъ ничего болѣе не остается подумать, какъ то, что редакторъ *Русскаго Обозрѣнія* тугъ на пониманіе."

Намъ кажется, однако, что почтенная редакція *Московскихъ Вѣдомостей* обладаетъ такимъ утонченнымъ слухомъ и пониманіемъ, что она едва ли въ правѣ требовать такой же тонкости отъ всѣхъ остальныхъ, по крайней мѣрѣ въ засѣданіи 19 октября слышали то же, что̀ и мы, *всѣ* подписавшіе протоколъ этого засѣданія.

Въ засѣданіи 13 ноября князь С. Н. Трубецкой обратился къ предсѣдателю и совѣту Общества съ вопросомъ, какія мѣры они предполагаютъ принять въ виду дерзости и упорной настойчивости, съ которою повторяется клевета *Московскихъ Вѣдомостей*?

Предсѣдатель отвѣтилъ на это, что „совѣтъ Общества уже входилъ въ разсмотрѣніе означеннаго вопроса и пришелъ къ тому заключенію, что Психологическое Общество должно считать ниже своего достоинства отвѣчать на подобныя клеветы и инсинуаціи. Единственная мѣра, которую можно считать цѣлесообразною, состоитъ въ напечатаніи реферата Вл. С. Соловьева и протокола послѣдовавшихъ затѣмъ преній". Въ засѣданіи совѣта, пришедшаго къ такому заключенію присутствовали Н. А. Звѣревъ, Л. М. Лопатинъ, Н. А. Иванцовъ, С. С. Корсаковъ, Н. А. Абрикосовъ, Я. Н. Колубовскій. [1]

Въ виду этого мы продолжаемъ думать, что слышаннаго „постоянными сотрудниками" *Московскихъ Вѣдомостей* нельзя было слышать безъ того дара проникновенія, о которомъ такъ кстати упоминаютъ онѣ сами и котораго, конечно, не приписываютъ себѣ изъ одной только скромности, хотя и цитируютъ стихи Майкова:

Тотчасъ видно въ человѣкѣ
Чѣмъ онъ дышетъ, чѣмъ напитанъ,
Изъ того ужь какъ онъ смотритъ,
Изъ того ужь какъ молчитъ онъ.

Даръ проникновенія *Московскихъ Вѣдомостей* идетъ весьма далеко:

Въ отвѣтъ на благосклонно выраженную намъ признательность *Московскихъ Вѣдомостей* за защиту православія, мы замѣтили, что, „къ сожалѣнію, не считаемъ себя въ правѣ принять эту

[1] Общество согласилось съ мнѣніемъ совѣта.

благодарность, такъ какъ некомпетентность наша въ церковныхъ вопросахъ настолько велика, что мы не знаемъ даже, съ какихъ поръ *Московскія Вѣдомости* стали органомъ святой православной церкви, вмѣсто нея выражающимъ одобреніе или неодобреніе въ дѣлахъ вѣры".

Вотъ какой выводъ дѣлаютъ отсюда *Московскія Вѣдомости*: „Мы боимся, что читатели не поймутъ въ чемъ тутъ заключается иронія (?), а потому считаемъ нужнымъ объяснить въ чемъ дѣло. Иные у насъ думаютъ, что заниматься и интересоваться религіозными вопросами есть признакъ „дурнаго тона", непросвѣщеннаго образа мыслей и недостатка культурности. Вотъ почему, кажется намъ, и редакторъ *Русскаго Обозрѣнія*, безо всякаго стыда, а совершенно напротивъ, съ полнымъ спокойствіемъ и какъ бы самодовольствомъ, настаиваетъ на томъ, что онъ не компетентенъ въ богословскихъ вопросахъ, что онъ совершенный невѣжда въ своей религіи. У насъ не рѣдкость такое отношеніе къ религіи." Нѣтъ надобности быть богословомъ, чтобъ убѣдиться, что въ данномъ случаѣ пріемъ *Московскихъ Вѣдомостей* не только не православный, но даже совсѣмъ не христіанскій, такъ какъ не только въ Ветхомъ Завѣтѣ сказано: не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна, но и въ Евангеліи говорится, что отецъ лжи есть діаволъ. Намъ кажется, что становясь на стражѣ православія, *Московскія Вѣдомости* должны бы воздерживаться отъ такихъ пріемовъ, которые одобряются даже не всѣми язычниками.

Указавъ на всѣ мысли нашей статьи, *Московскія Вѣдомости* любезно обращаютъ вниманіе на то, что въ ней, кромѣ мыслей, есть еще и остроуміе; къ сожалѣнію, не можемъ имъ отвѣтить тѣмъ же. Правда, что басня Крылова о львѣ, кошкѣ и крысѣ остроумна, но роль льва, иногда бываетъ опасною, а старанія нагнать священный трепетъ на своихъ противниковъ напоминаютъ другую басню, гдѣ въ львиную шкуру нарядилось какое-то другое животное и пыталось своимъ страшнымъ ревомъ навести ужасъ на всю окрестность, что̀, дѣйствительно, удавалось ему нѣкоторое время, но кончилось все-таки довольно печально.

Московскія Вѣдомости продолжаютъ увѣрять кого-то, что мы вмѣшались въ богословскій споръ, въ которомъ мы некомпетентны, хотя мы не только сами этого не дѣлали, но и имъ не совѣтовали. Такъ какъ онѣ продолжаютъ однако не понимать,

или дѣлать видъ, что не понимаютъ въ чемъ дѣло, то мы еще разъ въ самыхъ простыхъ словахъ повторимъ сущность нашего перваго замѣчанія. *Московскія Вѣдомости* передали *невѣрно* происходившее 19 октября въ засѣданіи Психологическаго Общества, въ которомъ мы присутствовали, а такъ какъ онѣ продолжаютъ настаивать на вѣрности этой передачи, несмотря на то, что имѣли случай убѣдиться въ своей ошибкѣ, то онѣ передали его *ложно*.

Впрочемъ, хотя *Московскія Вѣдомости* послѣдній отвѣтъ свой адресуютъ намъ лично, нашъ отвѣтъ къ С. А. Петровскому не относится, какъ потому, что въ засѣданіи Психологическаго Общества онъ не присутствовалъ, такъ и потому, что давно зная его лично, мы считаемъ его неспособнымъ на умышленное искаженіе чужихъ словъ и мыслей.

Что же касается тѣхъ постоянныхъ сотрудниковъ *Московскихъ Вѣдомостей*, которые обладаютъ такимъ тонкимъ слухомъ, что слышатъ то, что для другихъ неуловимо,— спорить съ ними нельзя потому что не только ихъ убѣжденія, но и сами они представляютъ нѣчто совсѣмъ неуловимое. Хотя они теперь и избрали для себя временное помѣщеніе въ редакціи *Московскихъ Вѣдомостей*, но имя имъ *легіонъ*, и окончательный отвѣтъ на всѣ свои возраженія они могутъ найти въ универсальной антикритикѣ Шопенгауэра, которая уже помѣщена нами въ прошломъ году въ нумерѣ 8 *Русскаго Обозрѣнія*. (См. стр. 735—738.)

Не стоитъ разсуждать о религіи и философіи съ литературными оборотами, убѣжденія которыхъ могутъ мѣняться такъ же легко, какъ и формы. Совсѣмъ другое дѣло, когда мысли свои высказываетъ человѣкъ убѣжденный и самъ отвѣчающій за нихъ.

Вотъ почему мы позволимъ себѣ остановиться на статьѣ А. Павлова, помѣщенной въ нумерѣ 8 *Московскихъ Вѣдомостей*, хотя она еще разъ подтверждаетъ уже высказанное нами и кажется раздѣляемое имъ самимъ мнѣніе, что газетные столбцы неудобное мѣсто для обсужденія богословскихъ вопросовъ. Этимъ объясняется вѣроятно то противорѣчіе, благодаря которому, вмѣсто того, чтобъ опровергнуть противника, онъ даетъ ему въ руки новое оружіе.

„Дѣло шло о пыткахъ, членовредительныхъ наказаніяхъ и *смертной* казни еретиковъ, говоритъ А. Павловъ. Всѣ эти жестокости несомнѣнно осуждались митрополитами Іоанномъ и Фотіемъ *по принципу: „этого не допускаетъ церковное ученіе и дисциплина“*,

писалъ первый. Конечно, въ силу того же самаго мотива и митрополитъ Фотій два раза наказывалъ Псковичамъ „благоувѣтнѣ всяко“ приводить еретиковъ-стригольниковъ въ познаніе истины, а упорныхъ въ своихъ заблужденіяхъ наказывать заточеніями (въ тюрьму) и другими казнями, „*точію смерть и кровь да не будетъ на таковыхъ*“. Противъ такихъ именно казней принципіально возставали и всѣ „универсально-церковные авторитеты“, начиная съ Іоанна Златоустаго и оканчивая Ѳеодоромъ Студитомъ. Но никто изъ отцовъ церкви никогда не училъ, что противъ нераскаянныхъ еретиковъ не должно принимать *никакихъ мѣръ строгости*, способныхъ привести ихъ „въ познаніе истины“. Такое ученіе было бы выраженіемъ не принципіальной вѣротерпимости, а принципіальнаго религіознаго индефферентизма“.

Мы до сихъ поръ полагали, что православная церковь, какъ таковая, не можетъ одобрить самаго принципа инквизиціи, указаннаго А. Павловымъ въ началѣ его статьи Non est crudelitas crimina pro Deo punire, sed pietas.

Принципъ этотъ всегда казался намъ не только жестокимъ, но и нелѣпымъ, а систематическое развитіе его на Западѣ однимъ изъ самыхъ возмутительныхъ злоупотребленій именемъ Христа. Судя по началу статьи г. Павлова намъ казалось, что и самъ онъ держится того же мнѣнія, но изъ приведенныхъ строкъ слѣдуетъ, повидимому, что онъ допускаетъ возможность принятія противъ еретиковъ всѣхъ мѣръ строгости, *кромѣ смертной казни, пытокъ и членовредительства*, какъ-будто этимъ исчерпывается понятіе pro Deo punire. Какъ-будто дѣло здѣсь въ степени, а не въ принципѣ? Какъ-будто важно не самое насиліе надъ человѣческою совѣстью, а только формы его проявленія, и вынужденное заключеніемъ отреченіе Галилея менѣе возмутительно, чѣмъ костры Бруно или Ванини?

Попытки обращенія въ истинную вѣру не посредствомъ убѣжденія, а посредствомъ внѣшняго насилія всегда казались намъ нелѣпыми и возмутительными, потому что онѣ предполагаютъ неуваженіе и недовѣріе ко внутренней силѣ истины.

Но если согласиться съ г. Павловымъ, пришлось бы признать, что римская церковь была права и что Хомяковъ, Аксаковъ, Самаринъ, отстаивая принципъ свободы совѣсти, доказывали только свой религіозный индифферентизмъ.

Года три тому назадъ, когда редакція *Московскихъ Вѣдомостей* не успѣла еще убѣдиться въ нашемъ невѣжествѣ, тугости пони-

манія и неблагонамѣренности, она безо всякихъ оговорокъ печатала слѣдующее:

„Если въ исторіи мы встрѣчаемся иногда съ самыми чудовищными попытками проникнуть во внутренній міръ человѣка, попытки эти всегда исходятъ не изъ государственныхъ и юридическихъ началъ, а изъ ошибочно понятыхъ религіозныхъ — изъ религіознаго фанатизма.

„Свобода совѣсти — вещь настолько сама собой понятная, что она не требовала бы никакихъ объясненій и доказательствъ, еслибы до нашего времени усердные не по разуму любители старины не продолжали иногда доказывать возможность и пользу ея ограниченія ради высшихъ цѣлей. Для государства нѣтъ и не можетъ быть высшихъ цѣлей, ради которыхъ оно могло бы жертвовать неотъемлемымъ правомъ каждаго. Другое дѣло для религіи, но и здѣсь давно пора убѣдиться, что религіозныя цѣли не достигаются насиліемъ и что

Никого не вгонишь въ рай дубиной.

„Безразсудное вторженіе въ сферу внутренней свободы человѣка, стремленіе вырвать посредствомъ страха то, что̀ можетъ вытекать только изъ любви,—это стремленіе вызвало неизбѣжную реакцію XVIII вѣка и до сихъ поръ нерѣдко заставляетъ лучшіе умы возставать не только противъ церковныхъ злоупотребленій, но и противъ самой церкви.

„Никто не въ правѣ требовать у человѣка отчета въ томъ, что̀ онъ думаетъ, а тѣмъ болѣе преслѣдовать его за невысказанныя убѣжденія. Помимо другихъ соображеній, преслѣдованіе убѣжденій безцѣльно и возмутительно уже потому, что человѣкъ, у кокотораго они дѣйствительно есть, не въ состояніи измѣнить ихъ, даже еслибъ и хотѣлъ, пока самъ не увидитъ ихъ ошибочности.“

Итакъ, уваженіе къ свободѣ совѣсти и религіозный индифферентизмъ — вещи различныя, а тѣ мѣры строгости которыя будто бы необходимы для обращенія еретиковъ или раскольниковъ, по нашему мнѣнію, могутъ быть объяснены только условіями времени уже прошедшаго, и чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно познакомиться со всеподданнѣйшимъ отчетомъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, котораго и теперь еще *Московскія Вѣдомости* вѣроятно не заподозрятъ въ индифферентизмѣ къ дѣламъ православія, и гдѣ мы не находимъ никакихъ указаній на тѣ мѣры строгости, отсутствіе которыхъ свидѣтельствуетъ, по мнѣнію А. Павлова, объ индифферентизмѣ.

Всеподданнѣйшій отчетъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода за 1888 и 1889 годы въ высшей степени интересенъ, такъ какъ онъ не только представляетъ множество фактовъ и данныхъ, но и указанія на отношеніе правительства къ этимъ фактамъ, на его цѣли и взгляды относительно нѣкоторыхъ изъ самыхъ серьезныхъ религіозныхъ и церковныхъ вопросовъ.

Церковь имѣла всегда и продолжаетъ имѣть для Русскаго народа не только религіозное, но и просвѣтительное значеніе.

„Около церкви, говоритъ К. П. Побѣдоносцевъ, возникаетъ естественное и первоначальное обученіе дѣтей молитвамъ и грамотѣ, принимающее постепенно, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, организованную форму церковно-приходской школы. Гдѣ нѣтъ церкви, тамъ населеніе, и взрослое и возрастающее, глохнетъ въ невѣжествѣ и грубости нравовъ. Гдѣ нѣтъ церкви, тамъ религіозное чувство ищетъ себѣ удовлетворенія въ самочинномъ богослуженіи и уклоняется при содѣйствіи самозванныхъ и невѣжественныхъ учителей въ секты и толки, принимающіе грубыя формы и достигающіе иногда опасныхъ размѣровъ.

„Но при громадныхъ пространствахъ, на коихъ разсѣяно сельское населеніе Россіи, при его бѣдности, при неустройствѣ или отсутствіи путей сообщенія удовлетворенія этой первой потребности духовной сопряжено съ величайшими затрудненіями.

„Для удовлетворенія религіозныхъ потребностей населенія недостаточно церквей, въ которыхъ отъ времени до времени совершается богослуженіе пріѣзжающимъ изъ другаго села священникомъ; въ виду этого необходимо, чтобы число священно- и церковно-служителей соотвѣтствовало числу церквей. Среднимъ числомъ приходится, приблизительно, одинъ православный пастырь на 1.500 пасомыхъ и на 2.500 окружающаго его населенія. Вообще же численнаго избытка въ духовенствѣ нѣтъ, прежній опытъ сокращенія причтовъ показалъ несостоятельность этой мѣры. Потребовалось возстановлять и пополнять сокращенное.

„Нельзя не согласиться съ необходимостью такого возстановленія. особенно если принять въ соображеніе громадность того пространства, на которомъ раскинуты 70 милліоновъ православнаго населенія.

„Вникая ближе и глубже въ духовное состояніе нашего простаго народа, нельзя не признать, что онъ носитъ въ себѣ твердые зачатки истиннаго христіанскаго просвѣщенія, говорится въ *Отчетѣ;* наша народная масса, въ особенности земледѣльче-

ская, въ земныхъ своихъ заботахъ, въ потѣ лица пріобрѣтаетъ себѣ хлѣбъ и, такимъ образомъ, слѣдуетъ первоначальной заповѣди Божіей, а со стороны духовной—стремится къ высшимъ идеаламъ жизни, убѣжденная въ томъ, что цѣль ея земнаго существованія находится по ту сторону гроба, что она живетъ для вѣчности.

„Въ связи съ религіозными воззрѣніями на личную свою жизнь, народъ нашъ въ гражданской и государственной своей жизни разумѣетъ источникомъ порядка одного Помазанника Божія на землѣ. Навязываемое Русскому народу просвѣщеніе съ его современными европейскими воззрѣніями и задачами, далекими отъ Бога, онъ воспринимаетъ неохотно, ища въ наукѣ или школѣ только одного, что̀ близко къ его религіознымъ идеаламъ и стремленіямъ.“

Едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что таково дѣйствительно настроеніе нашего народа вообще, и что въ этомъ заключается главная причина полнаго неуспѣха въ Россіи, пропаганды шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, но съ другой стороны, въ настоящее время уже едва ли народъ нашъ всегда ищетъ въ школѣ только удовлетворенія своего религіознаго идеала; несомнѣнно, что сознаніе тѣхъ практическихъ преимуществъ, которыя связаны съ грамотностью, все глубже проникаетъ въ народъ; но это можетъ служить только новымъ аргументомъ въ пользу церковныхъ школъ, такъ какъ не только для религіи, но и для государства въ высшей степени важно, чтобы первоначальное обученіе даже тогда, когда при немъ имѣются въ виду не столько высшія духовныя потребности, сколько матеріальныя выгоды, чтобъ образованіе это находилось въ рукахъ лицъ вполнѣ благонадежныхъ; но трудно разсчитывать въ этомъ отношеніи на людей полуобразованныхъ, которые нерѣдко вынуждены бываютъ избрать профессію сельскихъ учителей, какъ средство существованія и не имѣютъ ничего общаго съ окружающею ихъ средой.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ данномъ случаѣ вполнѣ сходятся церковныя и государственныя задачи; было бы однако не только ошибочно, но и опасно отождествлять ихъ или ставить въ зависимости одну отъ другой; насколько нежелательно *раздѣленіе* церкви и государства, ставящее ихъ въ положеніе двухъ борющихся сторонъ, настолько же необходимо ясное *различеніе* ихъ, которое одно дѣлаетъ возможнымъ и для церкви, и для государства мирное выполненіе собственныхъ задачъ.

Между истинною вѣрой и истиннымъ пониманіемъ государственныхъ задачъ противорѣчія быть не можетъ; потому что отношеніе церкви и государства опредѣляется словами Евангелія: „Царство мое не отъ міра сего“ и „Воздадите кесарево кесареви“.

Смѣшеніе же земнаго и небеснаго, права и религіи неизбѣжно ведетъ къ столкновеніямъ и одинаково вредитъ интересамъ государства и церкви.

Несмотря однако на трансцендентный характеръ своей задачи, церковь дѣйствуя на землѣ не можетъ не нуждаться въ нѣкоторыхъ вещественныхъ средствахъ, и это можетъ поставить ее въ нѣкоторую зависимость отъ государства, но такая зависимость отнюдь не желательна.

Русская православная церковь находится, говоритъ *Отчетъ*, въ семъ отношеніи въ слѣдующемъ положеніи:

Исконный и главный источникъ для матеріальной поддержки нашей церкви составляютъ добровольныя даянія благочестиваго Русскаго народа. На эти даянія строится, содержится и украшается большинство церквей и монастырей, живетъ бо́льшая часть духовенства и изъ сего народнаго источника образовались въ прежнее время, образуются и теперь, капиталы и доходы составляющіе епархіальныя и такъ называемыя спеціальныя средства Синода, коими содержатся учрежденія и лица русской православной церкви, такъ что даже отпускъ на церковныя нужды суммы изъ казны можно считать лишь пособіемъ къ собственнымъ средствамъ духовнаго вѣдомства, каковое пособіе притомъ въ большей своей части отпускается въ возмѣщеніе доходовъ съ церковныхъ имѣній, перешедшихъ въ разное время въ распоряженіе государства.

Послѣднее обстоятельство, по нашему мнѣнію, чрезвычайно важно, такъ какъ суммы, отпускаемыя изъ Государственнаго Казначейства духовному вѣдомству, являются уже не столько казенною субсидіей, сколько доходами, на которые церковь имѣетъ право въ силу общаго понятія о собственности, которая отчуждается не иначе, какъ съ возмѣщеніемъ его собственнику стоимости имущества.

Весьма интересно также то отношеніе къ православію иныхъ иностранныхъ исповѣданій, на которое указываетъ *Отчетъ*.

Указывая на римско-католическую пропаганду, приносящую особенный вредъ на нашей западной окраинѣ, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода въ то же время отмѣчаетъ фактъ, что возникшее

въ 1870 годахъ старокатолпчество, отрекаясь отъ латинскаго пга, обращаетъ свои взоры къ православному Востоку, хранящему завѣты первобытной Христовой церкви.

Но особенно интересны мотивы, которые вызвали извѣстный отвѣтъ оберъ-прокурора на адресъ Евангелическаго общества въ 1888 году.

„Мнѣ казалось необходимымъ“, говоритъ К. П. Побѣдоносцевъ, „разъ на всегда отразить рѣшительно не разъ уже повторявшіяся попытки перенести вопросы внутренней церковной и государственной политики Россіи на почву международныхъ отношеній и разъяснить представителямъ крайняго протестантства истинную причину лицемѣрныхъ воплей на мнимую религіозную нетерпимость Русской церкви и Русскаго правительства. Настаивая на допущеніи въ Россіи свободной пропаганды въ Русскомъ народѣ всякаго вѣроученія, они сознаютъ, хотя прямо и не высказываютъ, что эта пропаганда независимо отъ религіозныхъ цѣлей всегда неразлучна съ цѣлью политическою, — оторвать отъ Русской церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ русской національности сыновъ нашего народа и пріобщить ихъ къ духу чуждаго и враждебнаго намъ умственнаго и нравственнаго сознанія.“

Ясно, такимъ образомъ, что въ данномъ случаѣ главную роль играютъ не столько религіозныя, сколько государственныя соображенія. Въ самомъ дѣлѣ, какихъ бы мнѣній мы ни держались относительно свободы слова вообще, странно было бы допустить возможность для иностранцевъ дѣйствовать въ ущербъ нашимъ національнымъ интересамъ, и возможность вмѣшательства иностранныхъ державъ или обществъ въ наши внутреннія дѣла.

Вотъ почему въ ограниченіи свободы пропаганды невозможно видѣть стѣсненіе свободы совѣсти или религіозной нетерпимости.

„Нельзя не скорбѣть“, говорится въ *Отчетѣ*, „по поводу ожесточенныхъ выходокъ противъ Россіи нѣкоторыхъ лютеранскихъ писателей, о такомъ ослѣпленіи представителей христіанства разныхъ исповѣданій въ такую пору, когда, кажется, надлежало бы имъ соединиться для защиты основныхъ началъ вѣры въ духѣ взаимной терпимости, оставивъ споры и наѣзды въ чужія границы, соединиться для защиты основныхъ началъ вѣры противъ наступающаго отовсюду невѣрія.“

Въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ искреннимъ представителямъ христіанства, выступающимъ въ печати, къ какому бы вѣроисповѣданію они ни принадлежали, слѣдовало бы помнить, что не время

теперь раздувать религіозные споры, что ни одно изъ исповѣданій отъ этого не выиграетъ, а воспользуются внутреннимъ раздоромъ только враги всякой религіи.

Ходили слухи о переходѣ принца Кобургскаго въ православіе. Съ точки зрѣнія политической, самъ по себѣ этотъ переходъ, совершится онъ или нѣтъ, едва ли имѣетъ особенно серьезное значеніе, такъ какъ какую бы религію ни исповѣдывалъ онъ самъ и его помощники, едва ли политическія тенденціи и политическія стремленія теперешнихъ болгарскихъ правителей отъ этого существенно измѣнятся.

Но переходъ этотъ или даже толки о немъ представляютъ интересъ, какъ попытка перенести интригу на почву православія. Римская церковь издавна пріучила всѣ государства къ своему вмѣшательству во внутреннія и внѣшнія дѣла не только римско-католическихъ, но и иновѣрныхъ странъ; смѣшеніе чисто земныхъ интересовъ съ интересами высшаго духовнаго порядка заставило намѣстника св. Петра стремиться къ распространенію своего наслѣдія, въ такую сферу, которая даже съ его точки зрѣнія не могла относиться къ завѣщанному ему наслѣдію. Будучи вытѣснено изъ несвойственной ему сферы, папство дѣлаетъ теперь попытку войти въ нее чрезъ другую дверь, посредствомъ соціальныхъ вопросовъ. Римская церковь всегда была и до сихъ поръ остается значительною политическою силой, и папы, несмотря на потерю свѣтской власти, продолжаютъ вести дипломатическія сношенія съ католическими и не католическими державами.

Ничего подобнаго не было до сихъ поръ въ православныхъ восточныхъ церквахъ, которыя почти всегда оставались чужды политической борьбѣ, предоставляя кесарево кесареви, памятуя, что нѣсть власть, аще не отъ Бога.

Къ сожалѣнію, Сербіи и Болгаріи суждено было вывести нѣкоторыхъ изъ представителей православной церкви изъ такого истинно христіанскаго отношенія къ политическимъ вопросамъ, какъ будто нарочно для того, чтобы доказать несостоятельность ученій, ставящихъ религіозныя истины въ связь съ національными и государственными вопросами именно въ славянскихъ земляхъ, суждено было начаться этимъ политическимъ интригамъ на почвѣ православія.

„Впрочемъ“, говоритъ петербургскій корреспондентъ *Московскихъ Вѣдомостей*, „здѣшніе болгарскіе эмигранты не придаютъ большаго значенія этой новой интригѣ на почвѣ православія Кобурга. По словамъ Д. Цанкова и П. Станчева, того самаго, которому удалось укрыться въ Россіи отъ приготовленной ему Стамбуловымъ петли, явнаго доброжелателя Россіи, показавшаго неоднократно это доброжелательство на дѣлѣ, митрополитъ Григорій, всегда служа Австріи и содѣйствуя теперь, солидарно со Стамбуловымъ, Начевичемъ, Грековымъ и Буріаномъ, Кобургу, не пользуется расположеніемъ Болгарскаго народа, которому трудно забыть, что тотъ же Григорій, издавъ въ свое время знаменитое посланіе къ православному Болгарскому народу, приглашалъ его возстать противъ общаго врага Оттоманской имперіи — Россіи. Что касается самого Кобурга, способнаго, по мнѣнію болгарскихъ эмигрантовъ, принять даже мусульманство, лишь бы удержаться на болгарскомъ престолѣ, то его православіе врядъ ли можетъ подкупить Болгаръ, какъ не подкупитъ и Русскихъ. Удивительно какъ мало понимаютъ Россію въ Берлинѣ и Вѣнѣ, если тамъ надѣялись на православіе Кобурга.“

Въ данномъ случаѣ важна не новая Кобургская интрига, а участіе въ ней православныхъ духовныхъ лицъ и примѣшиваніе къ политическимъ интригамъ имени православной церкви. Если съ точки зрѣнія дипломатіи можно допустить, что всѣ средства хороши для достиженія цѣли и потому дозволительно ради государственныхъ интересовъ пользоваться, какъ средствомъ, даже религіознымъ догматами и чувствами, то съ точки зрѣнія религіозной смѣшеніе духовныхъ интересовъ съ чисто мірскими и временными является тяжкимъ грѣхомъ, если не отрицаніемъ самой сущности религіи; это во всякомъ случаѣ особый видъ симоніи.

Чѣмъ меньше у религіи общаго съ политикой, тѣмъ лучше для обѣихъ.

Въ палатѣ депутатовъ г. Констанъ одержалъ недавно побѣду, которая едва ли будетъ содѣйствовать увеличенію престижа республики. Одинъ изъ представителей самодержавнаго народа получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ нѣсколько пощечинъ при громкихъ рукоплесканіяхъ большинства палаты. Это можетъ послужить полезнымъ указаніемъ для будущихъ выборовъ, избиратели должны будутъ принять въ соображеніе, что

могутъ встрѣтиться случаи, когда вопросы будутъ рѣшаться не большинствомъ голосовъ, а большинствомъ кулаковъ и когда искусство боксировать можетъ оказаться полезнѣе краснорѣчія.

Каково бы ни было продолженіе исторіи Констана и Лора, главный актъ ея, имѣющій общественное и государственное значеніе, уже сыгранъ, если въ палатѣ допускаются такого рода возраженія и большинство не только не возмущается ими, но даже рукоплещетъ имъ и готово принять дѣятельное участіе въ спорѣ, то можетъ-быть дойдетъ и до того, что депутаты станутъ ходить стѣна на стѣну.

Легко себѣ представить насколько всесторонне и серьезно будетъ обсужденіе законовъ при подобныхъ условіяхъ. День пощечинъ во французской палатѣ депутатовъ служитъ наглядnымъ доказательствомъ того, чего можно ожидать при парламентскомъ режимѣ даже въ самомъ новѣйшемъ усовершенствованномъ его видѣ.

Г. Констанъ извинился предъ палатой и палата еще разъ рукоплескала ему. Инцидентъ законченъ.

И если справедливо утвержденіе нѣкоторыхъ республиканскихъ газетъ и самого Констана, что онъ не имѣлъ никакой возможности закончить иначе инцидентъ съ Ломъ, то нельзя согласиться съ замѣчаніемъ *Figaro*, что пощечина не есть еще аргументъ. Правда, это не есть аргументъ ad hominem или даже ad personam, но за то это аргументъ и притомъ же весьма сильный ad rem publicam.

Инцидентъ законченъ, но палата еще не есть Франція. Г. Констанъ оказалъ, правда, значительную услугу и всей Франціи, избавивъ ее отъ Буланже, но та энергія, которую онъ проявилъ относительно Лора, едва ли послужитъ къ успокоенію умовъ.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Государственная роспись доходовъ и расходовъ на текущій годъ. Исполненіе бюджета за 1890 годъ. Экономическое положеніе Россіи въ 1890 году.

Давно Россія не переживала столь труднаго времени, давно не приходилось ей считаться съ такими тяжелыми экономическими обстоятельствами какъ нынѣ, когда треть губерній Европейской Россіи, наиболѣе хлѣбородныя мѣстности ея, постигнуты тяжкимъ для земледѣльческой страны бѣдствіемъ неурожая. Такія обстоятельства не могли пройти безслѣдно для государственнаго хозяйства и потому неудивительно, что въ предположенія росписи введенъ довольно крупный дефицитъ, какъ по чрезвычайному, такъ и по обыкновенному бюджету.

Государственная роспись состоитъ изъ двухъ частей: обыкновеннаго бюджета, предназначаемаго для удовлетворенія обычныхъ текущихъ потребностей государственнаго хозяйства, и чрезвычайнаго бюджета, удовлетворяющаго экстренныя нужды. Правда, очень трудно провести рѣзкую грань между этими бюджетами, ибо они очень тѣсно связаны между собой. Такъ, напримѣръ, расходы по сооруженію желѣзныхъ дорогъ относятся къ чрезвычайному бюджету, а между тѣмъ доставляемые этими дорогами доходы, равно какъ и проценты на затраченный капиталъ входятъ въ обыкновенный бюджетъ.

Чрезвычайный бюджетъ имѣетъ характеръ смѣты экстренныхъ расходовъ, производимыхъ сообразно имѣющимся свободнымъ средствамъ. Онъ отличается отъ обыкновеннаго бюджета гораздо большею эластичностью и выполняется преимущественно на счетъ

кредитныхъ операцій или остатковъ отъ нихъ, которымъ обыкновенно присвоивается наименованіе „свободной наличности Государственнаго Казначейства“.

Обращаясь къ чрезвычайному бюджету нынѣшняго года наблюдаемъ, что расходы исчислены во 53.635.000 рублей [1] тогда какъ доходы достигаютъ только 4.490.366 руб. [2] Получается превышеніе расходовъ надъ доходами въ 49.144.634 руб., покрываемое выручкой отъ реализаціи 3% золотаго займа 1891 года, заключеннаго на нарицательный капиталъ во 125.000.000 рублей металлическихъ. Въ свободныхъ средствахъ нѣтъ недостатка и, слѣдовательно, не можетъ быть затрудненій въ ассигнованіи суммъ для выполненія предположенныхъ въ нынѣшнемъ году строительныхъ расходовъ, имѣющихъ, кромѣ непосредственнаго экономическаго, важное значеніе въ качествѣ помощи нуждающемуся населенію. Не можетъ быть задержки и по перевооруженію арміи. Вообще, чрезвычайный бюджетъ оказывается вполнѣ удовлетворительнымъ и исполненіе его не можетъ встрѣтить никакихъ препятствій.

Переходя къ обыкновенному бюджету наблюдаемъ и здѣсь довольно крупное превышеніе расходовъ надъ доходами; доходы исчислены въ 886.544.325 руб., расходы въ 911.668.066 руб. Балансъ сведенъ съ дефицитомъ въ 25.123.741 рублей, который предполагается покрыть изъ суммъ, оставшихся отъ ранѣе выполненныхъ кредитныхъ операцій. По вопросу о дефицитѣ министръ финансовъ даетъ въ предшествующемъ росписи всеподданнѣйшемъ докладѣ слѣдующее пространное объясненіе:

„Министръ финансовъ пріемлетъ долгъ всеподданнѣйше доложить, что обыкновенный бюджетъ на предстоящій 1892 годъ заключенъ съ крупнымъ дефицитомъ, составляющимъ 25.123.741 рубль.

„Такой результатъ явился послѣдствіемъ крайне неудовлетворительной жатвы во многихъ поволжскихъ и центральныхъ губерніяхъ Россіи. Бѣдствіе это самымъ серьезнымъ образомъ было принято во вниманіе при опредѣленіи ожидаемыхъ на 1892 годъ поступленій. Въ предыдущемъ указаны тѣ соображенія, которыми

---

[1] На сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ 33.495.000 руб. и на расходы по перевооруженію 20.140.000 руб.

[2] Военное вознагражденіе 3.337.139 руб.; вклады въ Государственный Банкъ на вѣчное время 712.000 руб.; спеціальные капиталы, обращаемые въ оборотныя средства Государственнаго Казначейства 441.227 рублей.

руководился департаментъ государственной экономіи при опредѣленіи размѣра каждаго вида доходовъ. Не повторяя этихъ соображеній, я позволю себѣ ограничиться здѣсь лишь общимъ обозрѣніемъ доходной смѣты 1892 года.

„Государственные доходы на 1892 годъ исчислены въ суммѣ 886,544 милліона, вмѣсто 900,734, исчисленныхъ по росписи 1891 года, и слѣдовательно общее уменьшеніе составляетъ 14 милліоновъ рублей.

„На первый взглядъ уменьшеніе сіе представляется слишкомъ малымъ по сравненію съ размѣрами бѣдствія, постигшаго наше отечество въ настоящемъ году.

„Но чтобы получить правильное понятіе о значеніи сего уменьшенія, необходимо имѣть въ виду, что на бюджетъ 1892 года оказали большое вліяніе нѣкоторые источники государственныхъ доходовъ, которые не входили въ соображенія по бюджету 1891 года.

„Сюда относятся прежде всего значительное увеличеніе сборовъ по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ: сборы сіи были исчислены на 1891 годъ въ размѣрѣ 54,873 милл. руб., а на 1892 годъ исчисляются въ суммѣ 75,417 милл. руб., то-есть съ превышеніемъ почти на 21 милл. руб. Это превышеніе имѣетъ главною своею причиной переходъ въ собственность казны двухъ весьма значительныхъ линій: Курско-Харьково Азовской и Либаво-Роменской, общимъ протяженіемъ въ 1.955 верстъ, вслѣдствіе чего, начиная съ 1 января 1892 года, весь валовой сборъ по этимъ линіямъ первый разъ включается въ государственные доходы, — равно какъ и первый же разъ входятъ въ составъ государственныхъ расходовъ всѣ издержки по ихъ эксплуатаціи, а равно полная сумма платежей по ихъ облигаціямъ, и наконецъ опредѣлившіеся расходы по ихъ выкупу.

„Затѣмъ весьма крупное увеличеніе на 11 слишкомъ милліоновъ рублей исчислено по прибылямъ отъ принадлежащихъ казнѣ капиталовъ и отъ банковыхъ операцій; сумма эта имѣетъ своею главною составною частью 9.000.000 р. прибылей Государственнаго Банка за 1891 годъ. Относительно сего должно замѣтить, что, начиная съ 1887 года, въ бюджетъ государственныхъ доходовъ вносятся прибыли Банка за годъ, предшествующій году составленія росписи, такимъ образомъ (по бюджету 1891 года причислены къ государственнымъ доходамъ прибыли Государственнаго Банка только за 1889 годъ, прибыли же за 1890 годъ оста-

ются до сихъ поръ въ балансѣ Банка, и будутъ перечислены въ государственные доходы только въ 1892 году. Годовая отстрочка перечисленія въ доходы казны прибылей Государственнаго Банка была допущена въ благопріятные для исполненія росписей годы и чрезъ это образовался запасъ, которымъ возможно единовременно воспользоваться, дабы пополнить доходный бюджетъ въ такой годъ, когда ослабѣваютъ поступленія изъ другихъ источниковъ; — будущій 1892 годъ несомнѣнно представляетъ собою давно небывалыя неблагопріятныя для поступленій условія, а потому департаментъ государственной экономіи призналъ правильнымъ обратиться къ этому запасенному въ хорошіе годы резерву и зачислить въ государственные доходы 1892 года прибыль Банка не только за 1890, но и за текущій 1891 годъ. Размѣръ прибыли за 1890 годъ выведенъ съ точностью въ 4.869.368 руб. по представленному уже отчету Банка; прибыль же за 1891 г. опредѣлена по предварительнымъ разсчетамъ, которые показываютъ, что она будетъ не менѣе девяти милліоновъ рублей;—столь значительное приращеніе дохода отъ банковыхъ операцій въ 1891 году получилось главнѣйшимъ образомъ отъ произведенной въ семъ году по высокимъ цѣнамъ продажи небольшой части золота, купленнаго прежде по гораздо болѣе низкимъ цѣнамъ.

„Вслѣдствіе изъясненныхъ двухъ причинъ явилось увеличеніе государственныхъ доходовъ на 32 милліона; сверхъ того, по нѣкоторымъ другимъ менѣе важнымъ статьямъ, мало находящимся въ зависимости отъ урожая, доходы на предстоящій годъ исчислены въ суммѣ почти на семь милліоновъ рублей большей по сравненію съ текущимъ годомъ; а какъ, согласно вышеизложенному, общая сумма доходовъ на 1892 г. исчисляется на 14 милліоновъ рублей менѣе, чѣмъ предположенная на 1891 годъ, то въ общемъ и цѣломъ департаментѣ государственной экономіи бюджетное вліяніе нынѣшняго неурожая оцѣнено уменьшеніемъ государственныхъ доходовъ, круглымъ числомъ, на 53 милліона рублей по сравненію съ бюджетомъ текущаго года. По сравненію съ дѣйствительнымъ поступленіемъ обыкновенныхъ доходовъ за истекшій 1890 годъ, составившимъ по отчету Государственнаго Контроля 943.685.770 р., поступленія, исчисленныя на 1892 годъ, представляютъ уменьшеніе въ 57.141.445 р. Если же принять въ соображеніе указанные выше 32 милліона, ожидаемые къ поступленію въ 1892 году изъ источниковъ, не входившихъ въ счетъ 1890 года, то окажется, что предположенныя по бюджету

1892 года обыкновенныя поступленія меньше дѣйствительныхъ обыкновенныхъ доходовъ 1890 г. на сумму нѣсколько превышающую 89 милл. р.

„Сіи сопоставленія показываютъ, что при назначеніи цифръ доходовъ на 1892 г. департаментъ государственной экономіи дѣйствовалъ съ тою же осторожностью, съ какою были назначены размѣры доходовъ на 1891 г. Опытъ теперь уже показалъ все значеніе этой осторожности. Несмотря на бѣдствіе, поразившее значительную часть Россіи въ семъ году, несмотря на всѣ возможныя смягченія во взысканіяхъ налоговъ, примѣненныя вездѣ, гдѣ того требовала дѣйствительная нужда населенія, поступленія за 1891 г. не чрезвычайно отстали отъ поступленій 1890 года.“

Приведенныя соображенія выясняютъ устойчивость бюджетныхъ предположеній относительно смѣты доходовъ. Что касается расходовъ, исчисленныхъ въ 911.668.066 рублей, болѣе противъ смѣты предыдущаго 1891 года на 12.779.045 рублей. При этомъ въ число расходовъ введена крупная цифра въ 12 милл. руб. „на покрытіе расходовъ по случаю предусматриваемаго возвышенія цѣнъ на провіантъ и фуражъ“, а также 6 милл. руб. на „расходы, непредусмотрѣнные смѣтами на экстренныя въ теченіе года надобности“. Въ виду такой предусмотрительности едва ли можно ожидать превышенія расходовъ противъ смѣтныхъ предположеній, особенно если принять во вниманіе, что за послѣднее трехлѣтіе, съ 1888 по 1890 годъ, дѣйствительное исполненіе расходовъ было ниже смѣтнаго ассигнованія на $9^1/_2$ милл. руб. въ годъ. Хотя исполненіе бюджета въ Россіи находится въ зависимости отъ результатовъ ея хлѣбной производительности и, пока не выяснится урожай текущаго года, трудно сдѣлать какіе-либо точные выводы относительно правильности смѣтныхъ предположеній, тѣмъ не менѣе примѣры предыдущихъ лѣтъ, свидѣтельствуя о большой осторожности финансоваго управленія въ составленіи росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ, являются вѣскимъ прецедентомъ и для текущаго года.

Дефицитъ въ 25.123.741 руб. нельзя, конечно, признать явленіемъ благопріятнымъ для нашего финансоваго хозяйства. Но едва ли было бы основательно и преувеличивать его значеніе, приписывая ему большее вліяніе, противъ дѣйствительнаго. Государственное хозяйство не можетъ придти въ разстройство отъ случайнаго, обусловливаемаго неблагопріятными обстоятельствами дефицита, хотя бы онъ былъ даже въ десять разъ обширнѣе

нынѣшняго. Бѣда заключается не во временномъ затрудненіи, а въ томъ, чтобы недостатокъ въ доходахъ на покрытіе расходовъ не сдѣлался постояннымъ и хроническимъ, какъ это приходилось наблюдать въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Хронической недугъ гораздо опаснѣе случайной болѣзни.

Для характеристики той осторожности, съ которою составляются у насъ въ настоящее время бюджетныя предположенія не лишнимъ будетъ остановиться на исполненіи государственной росписи доходовъ и расходовъ за 1890 годъ. Притомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что этотъ годъ былъ въ экономическомъ отношеніи далеко не изъ удовлетворительныхъ и слѣдовалъ за годомъ съ плохимъ урожаемъ. Этотъ примѣръ не будетъ лишенъ значенія и для настоящаго времени, хотя нынѣ экономическое положеніе Россіи представляетъ значительное пониженіе противъ 1890 года, когда еще сохранялись нѣкоторые остатки отъ благодатныхъ урожаевъ 1887 и 1888 годовъ. Впрочемъ, это обстоятельство уже принято въ соображеніе при назначеніи смѣтныхъ предположеній какъ на текущій, такъ и на минувшій 1891 годъ.

По росписи 1890 года обыкновенные доходы были исчислены въ 891.491.308 рублей. Дѣйствительное поступленіе ихъ достигло 943.685.770 руб. 2 коп., болѣе противъ росписи на 52.194.462 руб. 2 коп. Что касается расходовъ, исчисленныхъ въ 890.050.539 руб., то дѣйствительное исполненіе ихъ достигло лишь 877.779.550 руб. 23 коп. Такимъ образомъ, въ окончательномъ результатѣ оказывается по обыкновенному бюджету избытокъ доходовъ надъ расходами въ 65.906.219 рублей 79 коп. Блестящіе результаты столь крупнаго превышенія доходовъ надъ расходами имѣли бы несомнѣнно еще большее значеніе, еслибы нѣсколько не ослаблялись тѣмъ обстоятельствомъ, что поступленіе выкупныхъ платежей съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ понизилось противъ смѣтныхъ исчисленій на 6.292.849 руб. 64 коп. и съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ на 1.277.042 руб. 7 коп. Это пониженіе, возмѣщаемое съ громаднымъ избыткомъ увеличеніемъ поступленій по другимъ статьямъ бюджета, нарушаетъ однако общую гармонію благоустройства финансоваго хозяйства страны, свидѣтельствуя объ оскудѣніи платежныхъ средствъ ея населенія.

Объяснительная Записка къ Отчету Государственнаго Контроля (стр. 20) указываетъ, что „недоборъ этотъ объясняется неудовлетворительными урожаями 1889 и въ особенности 1890 года

въ губерніяхъ восточной полосы (приволжскихъ и двухъ приуральскихъ), ослабившими платежныя силы сельскаго населенія тѣхъ мѣстностей". Она поясняетъ, что „изъ приложенныхъ къ *Отчету* свѣдѣній о движеніи недоимокъ въ окладныхъ сборахъ по губерніямъ видно, что положеніе плательщиковъ особенно ухудшилось въ губерніяхъ Самарской и Казанской. Самарская губернія, которая уже съ давнихъ поръ была неисправна въ платежахъ окладныхъ сборовъ, вслѣдствіе частыхъ неурожаевъ, въ послѣдніе годы пришла въ этомъ отношеніи въ положеніе по истинѣ бѣдственное. Недоимки въ окладныхъ сборахъ по сей губерніи, составляя къ 1889 году 8.126.000 руб., возросли до 9.358.000 руб. къ 1890 году и до 11.375.000 руб. къ 1891 году, превысивъ въ три раза ежегодный окладъ названныхъ сборовъ (3.700.000 руб.). Платежныя силы сельскаго населенія Казанской губерніи, подвергшагося неурожаямъ въ 1889 и 1890 годахъ и пострадавшаго отъ пожаровъ, также значительно ухудшились, угрожая придти въ то же положеніе, въ какомъ находятся платежныя силы Самарской губерніи. Недоимки въ окладныхъ сборахъ по Казанской губерніи уже къ 1889 году достигли цифры 5.948.000 р., превысившей ежегодный окладъ (3.907.000 р.) слишкомъ на 2.000.000 руб.; къ 1890 году недоимки нѣсколько уменьшились (на 100.000 руб.), но къ 1891 году онѣ возросли до небывалой до того времени суммы 7.901.000 руб., которая слишкомъ вдвое превысила ежегодный окладъ."

Отчетъ Государственнаго Контроля указываетъ, что „послѣдствіемъ неурожаевъ было также значительное увеличеніе недоимокъ въ окладныхъ сборахъ по губерніямъ: Симбирской, Пензенской, Нижегородской, Оренбургской, Пермской, Саратовской и Уфимской. Къ неисправнымъ въ платежномъ отношеніи слѣдуетъ причислить изъ центральныхъ земледѣльческихъ губерній—Тамбовскую. Хотя урожай 1890 года въ этой губерніи и превысилъ урожай 1889 года, но платежныя силы населенія ея были подорваны недородами 1888 и 1889 годовъ. Этимъ объясняется, что недоимки въ окладныхъ сборахъ по сей губерніи, составляя къ 1889 году 1.853.000 р., возросли къ 1890 году до 2.939.000 р., а къ 1891 году до 3.194.000 руб., увеличившись такимъ образомъ противъ 1889 года на 1.341.000 рублей, или слишкомъ на 72%."

Но если поступленіе окладныхъ сборовъ дало весьма плохіе результаты въ приволжскихъ губерніяхъ, то „въ совершенно

иномъ положеніи относительно уплаты окладныхъ сборовъ въ 1890 году находятся остальныя мѣстности Имперіи. Такъ, по центральнымъ земледѣльческимъ губерніямъ (кромѣ Тамбовской), въ коихъ урожай 1890 года превысилъ урожай 1889 года, хотя и былъ ниже 1888 года, общее количество недоимокъ понизилось въ теченіе 1890 года на $^1/_5$ часть. Подобное же явленіе замѣчается въ губерніяхъ московско-промышленныхъ, малороссійскихъ, бѣлорусскихъ, пріозерныхъ и отчасти въ юго-западныхъ. Но особою исправностью въ платежѣ окладныхъ сборовъ за послѣдніе годы отличаются губерніи крайняго сѣвера, Привислинскаго и отчасти Прибалтійскаго края. Количество недоимокъ въ окладныхъ сборахъ по симъ мѣстностямъ относительно столь не велико, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ губерній названныхъ мѣстностей могутъ считаться почти свободными отъ недоимокъ."

Таковы краткія свѣдѣнія, которыя сообщаетъ *Отчетъ Государственнаго Контроля* объ экономическомъ положеніи сельскаго населенія въ 1890 году. Болѣе подробныя указанія по этому первостепенной важности вопросу даетъ *Отчетъ Департамента Неокладныхъ Сборовъ*, гдѣ, на основаніи донесеній управляющихъ акцизными сборами, приведены довольно подробныя свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи каждой губерніи. Считаемъ не лишнимъ воспользоваться указаніями акцизнаго вѣдомства, стоящаго въ близкомъ соприкосновеніи съ народомъ, дополнивъ ихъ данными Государственнаго Контроля о движеніи недоимокъ по окладнымъ сборамъ.

Начнемъ съ губерній, находившихся въ 1890 году въ болѣе благопріятныхъ экономическихъ обстоятельствахъ.

Отчетъ Департамента Неокладныхъ Сборовъ сообщаетъ, что „урожай озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ С.-Петербургской губерніи получился въ 1890 году по большей части удовлетворительный. Но этого нельзя сказать объ урожаѣ картофеля: стоявшіе въ началѣ лѣта холода препятствовали правильному его росту, а дождливый конецъ лѣта затянулъ его уборку, такъ что во многихъ мѣстностяхъ морозы застали еще значительную часть невыкопаннаго картофеля. Однако, благодаря удовлетворительному урожаю другихъ хлѣбовъ и тому, что платежныя средства мѣстнаго населенія зависятъ не исключительно отъ результатовъ земледѣлія, отчетный годъ въ отношеніи экономическаго положенія губерніи можно отнести къ числу удовлетворительныхъ". „Въ

состоящихъ въ вѣдѣніи С.-Петербургскаго Акцизнаго Управленія четырехъ сѣверозападныхъ уѣздахъ Псковской губерніи (Псковскомъ, Порховскомъ, Опочецкомъ и Островскомъ) урожай всѣхъ вообще хлѣбовъ и льна, составляющаго одинъ изъ главныхъ предметовъ сельскаго хозяйства губерніи, получился въ 1890 году удовлетворительный. Цѣны на ленъ, упавшія въ 1889 году, хотя не поднялись и въ 1890 году, но значительный урожай льна далъ возможность покрыть ущербъ, вызванный паденіемъ цѣнъ. Въ общемъ экономическое положеніе четырехъ сѣверозападныхъ уѣздовъ Псковской губерніи слѣдуетъ признать удовлетворительнымъ, во всякомъ случаѣ болѣе удовлетворительнымъ, чѣмъ въ 1889 году." (Прилож. къ *Отчету* ч. I, стр. 8). Въ другой части Псковской губерніи, принадлежащей къ району витебскаго акцизнаго управленія, „хлѣба уродились вообще удовлетворительно, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, именно въ Великолуцкомъ и Новоржевскомъ уѣздахъ, дали даже хорошій урожай" (стр. 121). Въ Калужской губерніи „благопріятные результаты отхожихъ промысловъ, въ связи съ лучшимъ урожаемъ хлѣбовъ, подняли въ отчетномъ году экономическое благосостояніе населенія и способствовали увеличенію поступленія акцизныхъ доходовъ" (стр. 26). Что касается Новгородской губерніи, то „въ южной части урожай озимыхъ хлѣбовъ въ отчетномъ году получился средній, въ сѣверныхъ же выше средняго" (стр. 22). Въ Тверской губерніи „урожай озимой ржи, въ общемъ, получился выше средняго, а во многихъ мѣстностяхъ Бѣжецкаго, Кашинскаго и Корчевскаго уѣздовъ даже очень хорошій. Изъ яровыхъ лучше всего уродились ячмень и горохъ, давшіе сборы выше средняго, а мѣстами очень хорошій, но овесъ и греча принесли лишь средній урожай. Ленъ почти повсемѣстно уродился хорошо. Травы были прекрасны и сѣна собрано много" (стр. 33). Въ Ярославской губерніи „средства къ существованію даетъ сельскому населенію не столько земледѣліе и скотоводство, сколько отхожіе промыслы и отчасти кустарное дѣло, и если въ отчетномъ году экономическое положеніе Ярославской губерніи оказалось удовлетворительнымъ, то это надо приписать предпріимчивости и изворотливости мѣстнаго населенія" (стр. 35). Что касается Московской губерніи, то „1890 годъ въ экономическомъ отношеніи можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ по урожаю хлѣбовъ и кормовыхъ травъ. Внѣземледѣльческіе промыслы, дающіе населенію Московской губерніи главные и наиболѣе прочные заработки, не представляли за

отчетный годъ рѣзкихъ измѣненій сравнительно съ предшествующимъ годомъ; только рано выпавшій зимой 1890—91 года снѣгъ и установившійся санный путь значительно оживили извозный и лѣсной промыслы, прочіе же отхожіе промыслы не дали населенію большихъ заработковъ вслѣдствіе полнаго неурожая во многихъ сосѣднихъ губерніяхъ. Въ общемъ итогѣ объ отчетномъ годѣ можно сказать, что онъ не понизилъ экономическаго благосостоянія населенія Московской губерніи, какъ это подтверждается также и ходомъ производствъ, обложенныхъ акцизомъ" (стр. 1). Въ Смоленской губерніи „въ общемъ итогѣ, урожай получился достаточно удовлетворительный и не возымѣлъ неблагопріятнаго вліянія на благосостояніе крестьянскаго населенія; лишь въ льноводныхъ уѣздахъ, вслѣдствіе сократившихся посѣвовъ льна и пониженія на него цѣнъ, населеніе оказалось нѣсколько въ худшемъ положеніи сравнительно съ прежнимъ" (стр. 31). Что касается Архангельской губерніи, то, „принимая въ соображеніе результаты урожая 1890 года и подвозъ хлѣба въ навигацію этого года съ верховьевъ рѣки Двины, можно считать, что населеніе губерніи вполнѣ имъ обезпечено до осени 1891 года. Результаты морскаго и рѣчнаго рыболовства въ 1890 году оказались удовлетворительными, а для нѣкоторыхъ артелей, промышлявшихъ рыбу на Муромскомъ берегу, даже хорошими" (стр. 16). Въ Олонецкой губерніи „урожай озимаго и яроваго хлѣбовъ и травъ былъ вообще удовлетворительный; онъ пострадалъ лишь нѣсколько отъ градобитія въ нѣкоторыхъ уѣздахъ" (стр. 21). „Экономическое положеніе населенія Орловской губерніи не обнаруживало въ отчетномъ году признаковъ улучшенія" (стр. 42). „Экономическое положеніе Лифляндской губерніи въ отчетномъ 1890 г. было вполнѣ удовлетворительно" (стр. 103). Въ земледѣльческой Воронежской губерніи, хотя „заработки мѣстнаго крестьянства оказались въ отчетномъ году неудачными", но „урожай, въ общемъ, за немногими исключеніями, получился средній или даже нѣсколько выше средняго" (стр. 37). Въ Курской губерніи „урожай хлѣбовъ, удовлетворительный въ количественномъ отношеніи, въ качественномъ вышелъ значительно ниже урожая 1889 года, ибо зерно получилось легковѣсное, такъ что въ общемъ урожай 1890 года оказался среднимъ. Судя по среднему урожаю хлѣбовъ, казалось бы, экономическое положеніе населенія должно улучшиться, а между тѣмъ поворота къ лучшему въ немъ не произошло" (стр. 39).

Подводя итоги, получимъ, что экономическое положеніе населенія въ перечисленныхъ 14 губерніяхъ слѣдуетъ признать „удовлетворительнымъ“. Такой выводъ подтверждается справкой въ *Отчетахъ Государственнаго Контроля* объ уменьшеніи недоимокъ, которыя достигали слѣдующихъ размѣровъ:

	Къ 1890 году.	Къ 1891 году.
Архангельская	12.165 р. 14 к.	2.536 р. 2 к.
Воронежская	1.824.269 „ 21 „	1.578.447 „ 58 „
Калужская	32.110 „ 48 „	31.796 „ 47 „
Курская	258.813 „ 34 „	138.500 „ 70 „
Лифляндская	247.667 „ 61 „	224.385 „ 37 „
Московская	4.083.254 „ 1 „	4.033.909 „ 81 „
Новгородская	656.692 „ 89 „	589.015 „ 68 „
Олонецкая	49.779 „ 45 „	49.007 „ 40 „
Орловская.....	2.226.465 „ 41 „	1.744.996 „ 84 „
Псковская.....	255.178 „ 89 „	225.733 „ 85 „
Петербургская.....	458.740 „ 4 „	377.869 „ 25 „
Смоленская	428.953 „ 17 „	359.795 „ 42 „
Тверская	193.587 „ 65 „	168.521 „ 98 „
Ярославкая.....	106.123 „ 28 „	94.450 „ 44 „
Итого.....10.833.800 р. 57 к.		9.618.967 р. 1 к.

Недоимка въ податяхъ и выкупныхъ платежахъ по этой группѣ губерній понизилась въ теченіе отчетнаго года на 1.214.833 руб. 56 коп. или на 11%.

Перейдемъ теперь къ губерніямъ съ менѣе удовлетворительнымъ экономическимъ положеніемъ.

„Несмотря на значительный урожай озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ въ количественномъ отношеніи, экономическое положеніе населенія Подольской губерніи въ 1890 году было не вполнѣ удовлетворительно, вопервыхъ, потому что пришлось считаться съ рядомъ неблагопріятныхъ послѣдствій полнаго неурожая предшествовавшаго года, и, вовторыхъ, потому что въ качественномъ отношеніи оказался ниже средняго, такъ какъ, вслѣдствіе засухи, зерно не успѣло налиться и хлѣба вышли мелкозернистыми“ (стр. 141). „Отчетный годъ прошелъ для Волынской губерніи неблагопріятно... въ виду неудовлетворительнаго урожая хлѣбовъ въ теченіе двухъ лѣтъ кряду матеріальное благосостояніе населенія въ 1890 году ухудшилось“ (стр. 137). „1890 годъ для области Войска Донскаго, какъ края по преимуществу земле-

дѣльческаго, должно признать въ экономическомъ отношеніи неудовлетворительнымъ“ (стр. 162). Что касается Тульской губерніи, то „особеннаго ухудшенія экономическаго положенія губерніи въ отчетномъ году въ сравненіи съ 1889 годомъ замѣтно не было, но нѣсколько худшій урожай хлѣбовъ и травъ долженъ былъ отозваться неблагопріятно на экономическомъ положеніи населенія въ первой половинѣ 1891 года“ (стр. 58). Въ Витебской губерніи „въ первой половинѣ отчетнаго года экономическое положеніе края было довольно удовлетворительно, благодаря хорошему урожаю предшествовавшаго года и возобновившимся тогда заработкамъ по лѣсной промышленности“. Но со второй половины года совокупность неблагопріятныхъ обстоятельствъ „вызвала уменьшеніе денежныхъ средствъ населенія и общій застой въ промышленности“ (стр. 121). Что касается экономическаго положенія Ковенской губерніи, обусловливаемаго главнымъ образомъ результатами земледѣлія, то „въ общемъ урожай отчетнаго 1890 года надо признать благопріятнымъ, такъ какъ онъ вполнѣ обезпечивалъ нужды населенія до урожая будущаго года“ (стр. 117). „Экономическое положеніе населенія Минской губерніи въ отчетномъ 1890 году ухудшилось по сравненію съ предшествовавшимъ годомъ“ (стр. 124). Для Могилевской губерніи „отчетный годъ нельзя отнести къ числу особенно благопріятныхъ“ (стр. 127). Въ Виленской губерніи, гдѣ главнымъ занятіемъ населенія является земледѣліе и лѣсоводство, „урожай хлѣбовъ вышелъ такимъ, что явилось даже опасеніе за недостатокъ ихъ на продовольствіе и обсѣмененіе полей“ (стр. 110). Относительно Черниговской губерніи *Отчетъ* указываетъ, что „въ общемъ экономическое положеніе губерніи за отчетный годъ нельзя назвать благопріятнымъ, хотя сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ оно нѣсколько улучшилось“ (стр. 83). „Экономическое положеніе Курляндской губерніи за 1890 годъ, по сравненію съ 1889 годомъ, въ отношеніи урожая хлѣбовъ и травъ оказалось болѣе благопріятнымъ. Только картофель, подъ вліяніемъ наступившихъ въ лѣтніе мѣсяцы безпрерывныхъ дождей, или почти не уродился, или далъ крайне плохой сборъ, отчего и цѣны на него поднялись очень высоко“. Указывая далѣе на сокращеніе потребленія вина, *Отчетъ* поясняетъ, что „это уменьшеніе объясняется неблагопріятнымъ экономическимъ положеніемъ населенія во второй половинѣ отчетнаго года, когда окончательно выяснился неурожай картофеля, имѣющаго боль-

шое значеніе какъ въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ и въ мѣстномъ винокуреніи" (стр. 99). „Въ первой половинѣ отчетнаго года экономическое положеніе жителей Эстляндской губерніи было вполнѣ удовлетворительно, благодаря хорошему урожаю 1889 года. Но когда выяснились результаты урожая 1890 года оно замѣтно ухудшилось" (стр. 107). Что касается Вологодской губерніи, то „положеніе населенія во многихъ мѣстностяхъ губерніи оказалось крайне безотрадно: въ первой половинѣ года, вслѣдствіе неурожая 1889 года, крестьяне покупали хлѣбъ по фунтамъ, сбывая въ то же время за безцѣнокъ все, что̀ представлялось возможнымъ сбыть—скотъ, сѣно, дрова и проч." (стр. 18). „Въ истекшемъ году матеріальное состояніе населенія Астраханской губерніи много ухудшилось" (стр. 166). Въ Костромской губерніи „вслѣдствіе неблагопріятнаго урожая хлѣбовъ, крестьяне многихъ мѣстностей стали покупать хлѣбъ уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ, а неурожай травъ вызвалъ усиленную продажу скота по крайне низкимъ цѣнамъ" (стр. 28).

Итакъ, въ 15 губерніяхъ экономическое положеніе населенія оказывалось „не вполнѣ удовлетворительнымъ". *Отчетъ Государственнаго Контроля* дополняетъ свѣдѣнія Департамента Неокладныхъ Сборовъ слѣдующими справками о движеніи недоимокъ по этимъ мѣстностямъ:

	Къ 1890 году.	Къ 1891 году.
Астраханская.....	31.801 р. 29 к.	18.518 р. 85 к.
Виленская.....	223.834 „ 84 „	210.431 „ 55 „
Витебская.....	208.068 „ 29 „	153.003 „ 38 „
Вологодская.....	226.605 „ 96 „	129.676 „ 61 „
Волынская.....	708.903 „ 48 „	522.330 „ 75 „
Ковенская.....	1.035.355 „ 88 „	1.079.365 „ 80 „
Костромская.....	235.590 „ 5 „	231.899 „ 10 „
Курляндская.....	377.942 „ 37 „	595.423 „ 41 „
Минская.....	480.312 „ 99 „	417.597 „ 52 „
Могилевская.....	83.601 „ 20 „	70.703 „ 4 „
Область Донская..	443.859 „ 98 „	388.729 „ 48 „
Подольская.....	345.707 „ 3 „	341.046 „ 6 „
Тульская.....	479.202 „ 50 „	408.517 „ 92 „
Черниговская.....	36.499 „ 48 „	41.094 „ 78 „
Эстляндская.....	12.450 „ 10 „	10.926 „ 16 „
Итого	4.929.735 „ 44 „	4.619.264 „ 41 „

Хотя экономическое положеніе перечисленныхъ губерній и не было вполнѣ удовлетворительно, тѣмъ не менѣе при небольшомъ размѣрѣ недоимки отъ предыдущихъ лѣтъ она понизилась въ отчетномъ году на 310.470 руб. 3 коп., или на 6%.

Обращаясь къ дальнѣйшей характеристикѣ экономическаго положенія населенія, замѣтимъ, что „отчетный годъ въ экономическомъ отношеніи былъ для Бессарабіи какъ бы продолженіемъ предшествовавшаго со всѣми его отрицательными результатами“ (стр. 146). Въ Кіевской губерніи „результаты урожая оказались не таковы, чтобъ обезпечить вполнѣ населеніе послѣ неурожайнаго 1889 года. Подспорныя хозяйства, какъ-то: садоводство, огородничество, пчеловодство, за исключеніемъ перваго, находились въ неудовлетворительномъ состояніи. Промыслы, кромѣ извознаго, мало развитые въ губерніи, въ отчетномъ году пришли еще въ большій упадокъ“ (стр. 130). Въ Полтавской губерніи „съ весны ожидался урожай превосходный, но отъ наступившихъ съ мая мѣсяца жаровъ и отсутствія дождей общій урожай по губерніи вышелъ неудовлетворительный. Къ тому же отсутствіе спроса и низкія цѣны на хлѣбъ поставили населеніе большей части губерніи въ положеніе совсѣмъ неудовлетворительное. Сѣна собрано едва третья часть обыкновеннаго средняго урожая, а отсутствіе подножныхъ кормовъ осенью и затѣмъ ранняя зима заставили поставить скотъ на сухой кормъ на цѣлый мѣсяцъ ранѣе обыкновеннаго“ (стр. 80). „Въ экономическомъ отношеніи отчетный годъ для Екатеринославской губерніи былъ весьма неблагопріятенъ: сборъ хлѣба, въ общемъ, оказался гораздо ниже средняго, сборъ же травъ совсѣмъ плохимъ; затѣмъ, падежъ скота и обезцѣненіе его вслѣдствіе усиленной продажи въ зависимости отъ недостаточности кормовъ, низкія цѣны на хлѣбъ за отсутствіемъ спроса на него извнѣ, уменьшеніе сбыта каменнаго угля изъ мѣстныхъ рудниковъ и, наконецъ, безработица, вслѣдствіе неурожая, всѣ эти неблагопріятныя явленія отозвались очень тяжело на положеніи мѣстнаго населенія, которое, истощивъ еще въ началѣ 1889 года запасы хлѣба отъ прежнихъ урожайныхъ годовъ—1887 и 1888, при весьма слабомъ урожаѣ въ 1889 году, со второй половины отчетнаго года было поставлено въ необходимость испытывать большія лишенія, что, естественно, повело къ уменьшенію поступленія акцизныхъ доходовъ, особенно же питейнаго“ (стр. 144). Въ Херсонской губерніи „въ отношеніи урожая хлѣбовъ отчетный годъ приходится признать весьма

неблагопріятнымъ; всѣ надежды на результаты хлѣбопашества были разрушены и урожай хлѣбовъ получился ниже средняго. Неурожай хлѣбовъ вызвалъ паденіе цѣнъ на рабочія руки и лишилъ заработковъ не только мѣстныхъ крестьянъ, но и пришлыхъ изъ другихъ губерній" (стр. 153). „Отчетный годъ въ экономическомъ отношеніи былъ весьма тяжелъ для Таврической губерніи; неблагопріятный урожай повлекъ за собой сильное разстройство хозяйства поселянъ, на помощь которому прибѣгло земство выдачей изъ продовольственнаго капитала болѣе 80 тысячъ рублей" (стр. 159). „Отчетный годъ отразился на экономическомъ положеніи населенія Харьковской губерніи крайне неблагопріятнымъ образомъ. Неудовлетворительный урожай заставилъ сельское населеніе усиленно искать заработковъ на сторонѣ, между тѣмъ требованія на рабочія руки оказались незначительными не только въ самой Харьковской губерніи, но и въ Новороссійскомъ краѣ, гдѣ надежды на урожай также не оправдались. Въ довершеніе всего недостатокъ сѣна побудилъ крестьянъ обратиться къ распродажѣ за безцѣнокъ скота" (стр. 91). Что касается Гродненской губерніи, „то положеніе ея въ экономическомъ отношеніи въ отчетномъ году слѣдуетъ признать неудовлетворительнымъ" (стр. 113). Относительно Рязанской губерніи слѣдуетъ замѣтить, что „1890 годъ въ экономическомъ отношеніи былъ весьма неблагопріятенъ для населенія Рязанской губерніи, по недороду, вслѣдствіе жары и засухъ хлѣбовъ, особенно яровыхъ, соломы и сѣна. Къ тому же губернію постигли значительные сельскіе, лѣсные и торфяные пожары. Отъ недостаточнаго урожая кормовъ населеніе къ осени поставлено было въ необходимость продавать скотъ, цѣна на который понизилась до такой степени, что нерѣдко онъ сбывался за стоимость одной шкуры" (стр. 48). „Экономическое положеніе населенія Владимірской губерніи въ 1890 году было неудовлетворительно" (стр. 23). „Экономическое состояніе населенія Витебской губеніи, неудовлетворительное уже въ предшествовавшемъ году, въ отчетномъ ухудшилось еще болѣе" (стр. 61).

Въ перечисленныхъ 11 губерніяхъ экономическое положеніе населенія представляетъ ухудшеніе противъ предыдущаго года и оказывается „неудовлетворительнымъ". *Отчетъ Государственнаго Контроля* сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о движеніи недоимокъ по этимъ губерніямъ:

	Къ 1890 году.	Къ 1891 году.
Бессарабская.	421.398 р. 42 к.	423.742 р. 89 к.
Владимірская.	382.738 „ 7 „	467.625 „ 39 „
Вятская.	577.301 „ 11 „	467.366 „ 70 „
Гродненская	186.622 „ 3 „	169.296 „ 86 „
Екатеринославская	1.197.716 „ 87 „	1.341,865 „ 25 „
Кіевская	229.523 „ 64 „	225.512 „ 29 „
Полтавская.	25.867 „ 39 „	38.676 „ 8 „
Рязанская.	582.772 „ 62 „	574.942 „ 82 „
Таврическая.	104.260 „ 58 „	142.881 „ 39 „
Харьковская.	1.541.593 „ 32 „	1.506.022 „ 93 „
Херсонская.	740.539 „ — „	558.436 „ 5 „
Итого. . .	5.990.333 „ 05 „	5.916.368 „ 65 „

Хотя экономическое положеніе этихъ губерній признается неудовлетворительнымъ, недоимки въ податныхъ платежахъ понизились однако на 73.964 руб. 40 коп., или на 1%. Быть-можетъ пониженіе недоимокъ обусловливается примѣненіемъ болѣе энергическихъ способовъ взиманія окладныхъ сборовъ?

Перейдемъ теперь къ характеристикѣ послѣднихъ десяти губерній Европейской Россіи.

„Отчетный годъ, какъ и предыдущій, отразился на экономическомъ положеніи населенія Нижегородской губерніи весьма неблагопріятнымъ образомъ. Урожай озимаго хлѣба по всходамъ ожидался хорошій, но ранняя и сухая весна и жаркое лѣто, при полномъ отсутствіи дождей, совершенно испортили озимыя поля, и урожай озимаго хлѣба вышелъ ниже средняго, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ едва собраны были сѣмена. Вслѣдствіе тѣхъ же неблагопріятныхъ условій и яровые хлѣба почти совсѣмъ не уродились, особенно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ. Травы тоже высохли, а пропшедшая оттого безкормица понизила до крайности цѣны на скотъ; вмѣстѣ съ тѣмъ почти повсемѣстно распространился падежъ скота отъ сибирской язвы и другихъ болѣзней. Подъ вліяніемъ этихъ неблагопріятныхъ условій, а равно и сильныхъ опустошительныхъ пожаровъ, населеніе губерніи во многихъ мѣстностяхъ пришло въ полное обѣднѣніе, въ виду чего губернскимъ земскимъ собраніемъ были выданы ему значительныя ссуды изъ продовольственнаго капитала“ (стр. 29). „Экономическое положеніе населенія Казанской губерніи въ 1890 году было совершенно неудовлетворительно. По причинѣ сухаго лѣта

и разнаго рода неблагопріятствовавшихъ сельскому хозяйству случайностей, урожай хлѣбовъ и травъ былъ очень скуденъ, вслѣдствіе чего населеніе большей части мѣстностей Казанской губерніи терпѣло сильную нужду". „Экономическое положеніе населенія Пермской губерніи въ отчетномъ 1890 году было крайне неблагопріятно; созванное въ ноябрѣ 1890 года экстренное губернское земское собраніе признало необходимымъ ходатайствовать объ ассигнованіи заимообразно 1 милліона рублей изъ общаго по Имперіи продовольственнаго капитала" (стр. 73). Относительно Уфимской и Оренбургской губерній сообщается, что „урожай хлѣбовъ и травъ въ 1890 году былъ крайне неудовлетворителенъ. При отсутствіи въ краѣ постороннихъ заработковъ, почти повсемѣстный неурожай 1890 года привелъ населеніе въ крайне бѣдственное положеніе. Собраннаго хлѣба не хватило не только для пропитанія жителей, но и для посѣвовъ на 1891 годъ. Къ этому присоединилось другое бѣдствіе: столь же неудовлетворительный урожай травъ и отсутствіе корма для скота вызвало усиленную продажу его по самымъ низкимъ цѣнамъ" (стр. 68). „Населеніе Саратовской губерніи, значительно пострадавшее отъ неурожаевъ 1888 и 1889 годовъ, претерпѣло еще большее экономическое разстройство вслѣдствіе неурожая хлѣбовъ и травъ въ отчетномъ 1890 году" (стр. 50). „Экономическое положеніе населенія Пензенской губерніи въ 1890 году было крайне неудовлетворительно. Губернія эта по преимуществу земледѣльческая и благосостояніе ея зависитъ почти исключительно отъ результатовъ хлѣбопашества, а между тѣмъ въ отчетномъ году только озимые посѣвы дали средній урожай, яровые же и травы совершенно погибли отъ засухи. Населеніе поставлено было въ столь бѣдственное положеніе, что наличнаго хлѣба не хватало не только на обсѣмененіе полей, но зачастую и на продовольствіе. Неурожай травъ вызвалъ безкормицу скота и усиленную продажу его по самымъ дешевымъ цѣнамъ" (стр. 45). „Въ 1890 году населеніе Тамбовской губерніи было поставлено въ весьма неблагопріятныя экономическія условія" (стр. 55). „Результаты урожая 1890 года для Самарской губерніи оказались весьма неблагопріятными. Имѣющее неразрывную связь съ полеводствомъ скотоводство находилось въ 1890 году также въ безотрадномъ положеніи" (стр. 76). „Экономическое положеніе Симбирской губерніи дошло въ отчетномъ году до такой степени упадка, что для поддержанія населенія оказалась необходимою не

только усиленная земская, но и государственная помощь. Засѣянныя осенью 1889 года озими взошли неудовлетворительно, а ранняя весна съ холодами, вѣтрами и засухой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, почти совсѣмъ ихъ уничтожила. Всходы яровыхъ подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ были плохи. Еще болѣе пострадали хлѣба отъ сильной засухи и бездождія, а кое-гдѣ отъ мороза, градобитія, червя и бурь въ срединѣ лѣта. Неурожай травъ увеличилъ неудовлетворительность положенія населенія. За невозможностью прокормить скотъ крестьяне принуждены были продавать его за безцѣнокъ, а это, въ свою очередь, должно было повести къ значительному сокращенію посѣвовъ, составляющихъ главный источникъ благосостоянія населенія Симбирской губерніи. Даже выданныя ссуды, отъ земства весной и отъ правительства осенью, не могли привести губернію въ экономическомъ отношеніи въ сколько-нибудь нормальное состояніе“ (стр 53).

Экономическое положеніе послѣднихъ 10 губерній признается „крайне неудовлетворительнымъ“. Это подтверждается и *Отчетомъ Государственнаго Контроля*, которыя опредѣлялись слѣдующими размѣрами о движеніи недоимокъ:

	Къ 1890 году.	Къ 1891 году.
Казанская.....	5.821.229 р. 99 к.	7.901.976 р. 83 к.
Нижегородская...	1.613.125 „ 63 „	2.504.231 „ 81 „
Оренбургская....	1.736.605 „ 56 „	2.243.498 „ 69 „
Пензенская.....	864.870 „ 48 „	1.674.165 „ 3 „
Пермская.....	1.104.867 „ 44 „	1.606.140 „ 98 „
Самарская	9.358.121 „ 82 „	11.375.889 „ 6 „
Саратовская.....	1.914.300 „ 15 „	2.292.900 „ 64 „
Симбирская.....	790.232 „ 93 „	1.448.247 „ 47 „
Тамбовская.....	2.939.105 „ 99 „	3.194.557 „ 14 „
Уфимская.....	2.169.503 „ 44 „	2.514.388 „ 87 „
Итого	28.311.963 „ 43 „	36.755.997 „ 12 „

Накопившіяся къ 1890 году громадныя недоимки увеличились въ теченіе отчетнаго года еще на 8.444.033 р. 69 к., или на 30%. Недоимки по этимъ губерніямъ превысили ежегодный окладъ, исчисленный для 1890 года въ 30.571.025 р. 30 к., на 6.184.971 р. 82 коп., или на 20%. Такія справки ясно свидѣтельствуютъ о крайне-тяжеломъ экономическомъ положеніи этихъ мѣстностей къ началу 1891 года. А между тѣмъ минувшій годъ оказался

для нихъ гораздо болѣе худшимъ, чѣмъ предыдущій тяжелый 1890 годъ.

Благосостояніе населенія въ губерніяхъ послѣдней группы обусловливается успѣхами земледѣлія и скотоводства. Причина ихъ бѣдственнаго положенія въ отчетномъ году заключалась въ плохомъ урожаѣ хлѣбовъ и травъ. Но 1891 годъ оказался въ этомъ отношеніи еще менѣе благопріятнымъ, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ слѣдующія данныя Центральнаго Статистическаго Комитета о сравненіи по этимъ губерніямъ урожаевъ послѣднихъ двухъ лѣтъ:

	Въ 1890 году.	Въ 1891 году.
Озимые хлѣба четвертей.....	31.106.200	18.731.900
Яровые хлѣба „	38.668.900	26.163.600
Картофель „	6.104.200	3.996.200
Сѣна пудовъ.....	425.564.071	259.054.089

Это сопоставленіе показываетъ, что сборъ озимыхъ доставилъ въ 1891 году только 60%, яровыхъ 67,6%, картофеля 65,4% и сѣна 60,9% урожая 1890 года, недостаточность котораго для удовлетворенія потребностей населенія и была причиной упадка экономическаго состоянія губерній. Если тяжело было положеніе крестьянскаго хозяйства въ 1890 году, то въ минувшемъ году оно значительно ухудшилось, и едва ли удастся въ скоромъ времени поправить пошатнувшееся благосостояніе этихъ земледѣльческихъ губерній.

Благодаря обширной правительственной поддержкѣ, населеніе еще перебьется до новаго урожая. Но что̀ будетъ со скотомъ когда запасъ корма достигаетъ только половины требующагося количества? Какъ обработать землю, потерявъ значительную часть животной рабочей силы? Можетъ ли при подобномъ условіи прогрессировать наше сельское хозяйство, составляющее главный промыселъ громаднаго большинства населенія. Полагаемъ, что на этотъ вопросъ слѣдовало бы обратить особенное вниманіе, ибо благоустройство всего государственнаго хозяйства Россіи находится въ прямой зависимости отъ благосостоянія ея населенія.

Л. Вороновъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

А. Рубинштейнъ. *Музыка и ея представители.* (Разговоръ о музыкѣ.) М. изд. П. И. Юргенсона. 185 стр.

Нѣтъ надобности говорить о томъ интересѣ, какой представляетъ книга о музыкѣ, написанная величайшимъ изъ современныхъ виртуозовъ-исполнителей и замѣчательнымъ композиторомъ. Книга написана по-нѣмецки, русскій переводъ сдѣланъ самимъ авторомъ, а переводы на французскій и англійскій языки сдѣланы другими лицами; во всѣхъ четырехъ видахъ книга поступила въ продажу въ одинъ и тотъ же день, въ концѣ ноября, въ Европѣ и Америкѣ. А. Г. Рубинштейну рѣдко приходилось браться за перо для литературной работы, но за то въ такихъ случаяхъ онъ всегда высказывалъ что-нибудь вѣское, содержательное. Ни одна изъ его прежнихъ немногихъ статей не имѣла такого значительнаго объема, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не захватывала такой массы художественныхъ вопросовъ, какъ занимающая насъ въ настоящее время книга, составляющая какъ бы артистическое исповѣданіе вѣры ея знаменитаго автора. Одну изъ лучшихъ сторонъ сочиненія составляетъ полнѣйшая искренность, съ которою авторъ высказываетъ свои убѣжденія. Здѣсь нѣтъ мѣста ни туманной неопредѣленности выраженія, ни тѣни колебаній въ сужденіяхъ; А. Г. Рубинштейнъ языкомъ чуждымъ всякой изысканности высказываетъ взгляды, выработавшіеся въ немъ въ продолженіе его полувѣковой дѣятельности, причемъ онъ тщательно выбираетъ наиболѣе сжатыя, простыя выраженія своихъ мыслей, что̀ дѣлаетъ его книгу одинаково интересною и доступною для посвященныхъ и непосвященныхъ въ дѣло лицъ. Напи-

сана она въ формѣ разговора между двумя лицами, допускающей рядъ короткихъ опредѣленій, не особенно нуждающихся во внѣшней, формальной связности. Мы постараемся прослѣдить ходъ мысли автора и указать особенно цѣнныя ея проявленія, а также и тѣ случаи, когда мы съ нимъ не согласимся, преимущественно относительно оцѣнки историческаго значенія тѣхъ или другихъ фактовъ въ жизни музыкальнаго искусства, которыхъ онъ касается.

Разговоръ между А. Г. Рубинштейномъ и г-жей фонъ *** начинается по поводу пяти бюстовъ Баха, Бетховена, Шуберта, Шопена и Глинки, поставленныхъ въ музыкальной залѣ на дачѣ у Антона Григорьевича въ Петергофѣ. На вопросъ г-жи фонъ *** почему находятся тамъ эти бюсты, а нѣтъ другихъ, Антонъ Григорьевичъ отвѣчаетъ, что онъ этихъ композиторовъ чтитъ болѣе другихъ въ искусствѣ. Это заявленіе составляетъ основное положеніе разсужденія, а все остальное служитъ его разъясненіемъ и доказательствомъ. Въ началѣ Антонъ Григорьевичъ говоритъ, что онъ считаетъ оперу второстепеннымъ родомъ и вообще музыкѣ инструментальной отводитъ мѣсто впереди вокальной, какъ болѣе чистой и совершенной формѣ искусства. Музыкѣ инструментальной онъ приписываетъ несравненно бо́льшую силу выраженія, нежели вокальной. Это положеніе, при томъ изумительномъ богатствѣ красокъ, какимъ обладаетъ новѣйшій оркестръ, едва ли можетъ быть оспариваемо. Уже въ симфоніяхъ Бетховена звучность оркестра такъ могущественна и разнообразна, что въ этомъ отношеніи съ ней не можетъ спорить никакой хоръ. Авторъ *Музыки и ея представителей* беретъ, впрочемъ вопросъ не съ этой стороны; онъ отдаетъ инструментамъ предпочтеніе потому, что они богаче средствами и не нуждаются въ помощи слова для музыки. Дальше говорится о непосредственной зависимости музыки отъ состоянія общества, его культуры и даже различныхъ сравнительныхъ мелкихъ фактовъ его жизни. Конечно, эта связь не подлежитъ сомнѣнію, но едва ли ее возможно прослѣдить до такой степени, чтобы видѣть въ ней не только отраженіе общаго состоянія общества и господствующихъ въ немъ идеаловъ, но даже сравнительно мелкихъ и случайныхъ фактовъ, какъ провозглашеніе Наполеона III императоромъ. Говорится въ книгѣ, между прочимъ, что въ музыкѣ можно даже узнавать костюмы и моды современной сочинителю эпохи. Пожалуй, если припомнить менуэты въ симфоніяхъ Гайдна,

Моцарта, Бетховена и др., то въ нихъ можно различить характеръ танца въ средѣ бюргеровъ или въ знатномъ кругу, а вмѣстѣ съ характеромъ танца невольно представляются и фигуры участниковъ, съ ихъ костюмами и обстановкой. Впрочемъ, по нашему мнѣнію, музыка рѣдко воспринимаетъ свои образы непосредственно изъ окружающей жизни; гораздо легче можно прослѣдить вліяніе на нее выдающихся поэтовъ и писателей эпохи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ нашъ извѣстный музыкальный критикъ Г. А. Ларошъ въ одной изъ своихъ статей остроумно намѣтилъ нѣсколько параллелей между поэтами и музыкантами, какъ напримѣръ Байрономъ и Шуманомъ, В. Гюго и Листомъ и т. п. Несомнѣнно также напримѣръ вліяніе Шопенгауэра на Вагнера, въ послѣднемъ періодѣ его дѣятельности. Конечно, въ большинствѣ случаевъ на музыкантѣ-композиторѣ отражались не одинъ поэтъ или писатель, а какое-либо изъ господствовавшихъ теченій въ литературѣ.

Чрезвычайно любопытенъ взглядъ геніальнаго исполнителя на пониманіе художественныхъ произведеній имъ исполняемыхъ. Антонъ Григорьевичъ въ своей композиторской дѣятельности, рѣдко касавшійся области программной музыки, въ дѣлѣ исполненія какихъ бы то ни было произведеній оказывается рѣшительнымъ сторонникомъ программы. Впрочемъ въ этомъ отношеніи знаменитый піанистъ высказывается не вполнѣ послѣдовательно; такъ онъ говоритъ: „Я стою за угадываніе и вкладываніе въ музыкальное сочиненіе программы, а не за опредѣленную, данную программу.—Я убѣжденъ, что всякій сочинитель пишетъ не только въ какомъ-нибудь тонѣ, размѣрѣ, ритмѣ, но вкладываетъ извѣстное душевное настроеніе, то-есть программу, въ свое сочиненіе, съ увѣренностью, что исполнитель и слушатель сумѣютъ ее угадать.“ Начало этого положенія какъ-то неясно; ужь если искать программу, то чѣмъ она опредѣленнѣе, тѣмъ, казалось бы, лучше. Что же касается до угадыванія программы, то едва ли изъ сотни толкователей какого-либо музыкальнаго произведенія, болѣе или менѣе сложнаго, найдутся двое согласныхъ между собой. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ самъ даетъ болѣе или менѣе опредѣленныя указанія на характеръ и содержаніе пьесы, какъ, напримѣръ, въ названіяхъ „героическая симфонія“ и „патетическая соната“ Бетховена, и тогда исполнителю далеко еще не все ясно. Антонъ Григорьевичъ прямо несогласенъ съ обоими вышеприведенными заглавіями, какъ неотвѣчаю-

щими характеру сочиненій. Самый фактъ подобнаго несогласія между авторомъ и его исполнителемъ могъ бы служить доказательствомъ, что угадать программу музыкальнаго сочиненія, если она дѣйствительно должна существовать,—совсѣмъ не легко. Еще болѣе убѣдительнымъ въ этомъ отношеніи можетъ служить другой примѣръ изъ книги, гдѣ авторъ ея, вполнѣ соглашаясь съ названіемъ сонаты Бетховена op. 81 *Les adieux, L'absence et le retour*, приводитъ (стр. 15—16) болѣе детально распространенное объясненіе содержанія сонаты. Но приведенное заглавіе едва ли принадлежитъ самому Бетховену, болѣе вѣроятно, что его сочинилъ издатель; въ сохранившемся автографѣ Бетховена на первой части стоитъ: *Прощаніе при отъѣздѣ его высочества эрцгерцога Рудольфа 4 мая 1809*, а на послѣдней *Прибытіе его высочества эрцгерцога Рудольфа 30 января 1810 года*. На основаніи этаго указанія характеръ сонаты выходитъ совсѣмъ не тотъ какой въ немъ видитъ Антонъ Григорьевичъ на основаніи ея печатнаго заглавія. Этотъ примѣръ показываетъ, какъ легко можетъ явиться недоразумѣніе даже въ тѣхъ случаяхъ, когда самъ авторъ даетъ нѣкоторыя указанія относительно содержанія музыкальнаго произведенія, а тамъ, гдѣ такія указанія совсѣмъ отсутствуютъ, просторъ произволу въ толкованіяхъ является, конечно, еще большій. Авторъ „Музыки и ея представителей“ почти умалчиваетъ о главномъ и надежнѣйшемъ средствѣ для пониманія музыкальныхъ произведеній, то-есть объ ихъ технически-музыкальномъ анализѣ, дающемъ безусловно вѣрныя и логичныя указанія для пониманія и исполненія. Умѣющій сдѣлать такой анализъ можетъ подставлять подъ него какую угодно программу, ибо она будетъ имѣть совершенно второстепенное значеніе. Но если программу начнетъ угадывать человѣкъ не имѣющій достаточныхъ свѣдѣній въ музыкѣ, то кромѣ дилеттантской аффектаціи въ результатѣ ничего не получится. Примѣромъ можетъ служить самъ А. Г. Рубинштейнъ; программа сонаты op. 81 Бетховена оказывается невѣрною, но тѣ, кому удалось слышать эту сонату въ его исполненіи, должны только преклониться предъ его геніальностью, ибо программа тутъ не имѣетъ никакого вліянія. Въ сущности старанія подыскать для музыкальнаго произведенія опредѣленную программу суть только опыты перевода музыкальнаго языка на обыкновенный, которые музыкантъ дѣлаетъ, чтобы какъ-нибудь стать понятнымъ для немузыканта, но самъ онъ такими переводами никогда не руководствуется.

Трудно, или, лучше сказать, невозможно согласиться съ дѣленіемъ музыки на такіе періоды, какіе указаны въ *Музыкѣ и ея представителяхъ*. По этому дѣленію первый періодъ начинается съ Палестрины и кончается Генделемъ и Бахомъ; вся эпоха развитія музыки до второй половины XVI вѣка называется *доисторическою*, потому что памятниковъ этой музыки—какъ и музыки древнихъ Грековъ, Римлянъ и Евреевъ – будто бы не существуетъ. Эти опредѣленія страдаютъ большими неточностями. Во-первыхъ, памятниковъ западно-европейской музыки съ XVI вѣка, и даже гораздо раньше, существуетъ необозримое множество: они разсѣяны по всѣмъ значительнымъ библіотекамъ Западной Европы. Во-вторыхъ, Палестрина никоимъ образомъ не можетъ служить началомъ періода въ исторіи музыки, ибо онъ есть завершеніе огромной эпохи развитія строгаго контрапункта, въ формахъ вокальныхъ сочиненій a capella, построенныхъ на системѣ церковныхъ ладовъ. Литература этой эпохи громадна и заключаетъ въ себѣ безчисленное множество образцовъ, въ которыхъ строгій стиль достигаетъ высшей степени законченности и совершенства. Почти непосредственно за Палестриной совершается крутой поворотъ въ музыкѣ, приводящій къ развитію гомофонныхъ мелодическихъ формъ и гармоніи, къ разрушенію системы церковныхъ ладовъ и возникновенію нашихъ мажора и минора, и, наконецъ, къ сочетанію гармоніи и новыхъ контрапунктическихъ формъ, выработавшихся главнымъ образомъ на почвѣ инструментальной музыки и достигшихъ своего завершенія въ сочиненіяхъ І. С. Баха.

Можно счесть простою обмолвкой то мѣсто книги, гдѣ говорится, что фуга—сухая, схоластическая форма у всѣхъ кромѣ Баха. Быть-можетъ для многихъ современныхъ музыкантовъ фуга дѣйствительно стала отвлеченною, а потому и сухою формой, но и то далеко не для всѣхъ; два столѣтія назадъ было совсѣмъ иначе, форма фуги обладала наибольшею жизненностію и гибкостію изо всѣхъ тогда употребительныхъ; фуга подготовила и основной пріемъ всей послѣдующей музыки: тематическую работу.

Не останавливаясь на различныхъ мелочахъ, противъ которыхъ можно бы возразить кое-что, мы возвратимся къ общему содержанію книги. Всего лучше въ ней отдѣльныя характеристики различныхъ композиторовъ, сдѣланныя сжато, образнымъ, живымъ языкомъ. Эти характеристики не составляютъ результата холоднаго анализа, онѣ заключаютъ въ себѣ отраженіе цѣлой жизни

великаго артиста, для котораго музыка и ея литература были повседневнымъ хлѣбомъ насущнымъ въ теченіе слишкомъ полувѣковой дѣятельности. Для примѣра приведу только эпитетъ, данный Глюку, о которомъ упоминается въ книгѣ по поводу Моцарта (стр. 47). „Хотя до него (то-есть до Моцарта) Глюкъ творилъ великое въ операхъ, даже открылъ новые пути, но въ сравненіи съ Моцартомъ онъ какой-то каменный.“

Знакомый съ произведеніями Глюка поймете сколько мѣткости и правдивости заключается въ одномъ этомъ словѣ.

Давъ живую картину новой музыки въ ея разнообразныхъ отрасляхъ, авторъ книги заканчиваетъ грустнымъ заявленіемъ о томъ, что для него музыка уже кончилась и вмѣстѣ съ Шопеномъ и Шуманомъ умерли послѣдніе великіе ея представители. Такой пессимистическій взглядъ составляетъ, конечно, преувеличеніе; всегда въ исторіи искусства являлись моменты относительнаго покоя, которые нельзя было считать за моменты паденія. Сверхъ того, взглядъ А. Г. Рубинштейна если и справедливъ, то развѣ по отношенію къ Германіи, гдѣ увлеченіе милитаризмомъ отодвинуло на задній планъ все, и гдѣ въ музыкѣ держится только безплодный культъ Вагнера. Что касается Россіи или же Франціи, то здѣсь идетъ оживленная работа, особенно въ Россіи, и намъ можно не оплакивать конецъ музыки, а ждать ея близкаго и новаго разцвѣта въ произведеніяхъ русской школы.

Н. Кашкинъ.

Гей Лестренджъ: *Палестина подъ владычествомъ мусульманъ. Описаніе Сиріи и Святой Земли въ 650—1500 гг. по средневѣковымъ арабскимъ географамъ.*—(Guy Lestrange's. *Palestine under the Moslemsetc with maps and illustrations, published for the commitee of the Palestine Exploration Bund.* London. 1890).

Книга г. Лестренджа входитъ въ составъ изданій, посвященныхъ фактическому изученію Святой Земли, которое поставило себѣ цѣлью Англійское Палестинское Общество Palestine Exploration Bund. Это своеобразное учрежденіе, возникшее тридцать лѣтъ тому назадъ, предприняло изучить Палестину, при соблюденіи строжайшей объективности, представляя своимъ читателямъ только строго констатированные факты, стоящіе независимо отъ религіозныхъ и политическихъ тенденцій, или научныхъ гипотезъ. Оно успѣло издать нѣсколько сочиненій о геологіи и ботаникѣ Палестины, прекрасную географическую карту, нѣсколько цѣнныхъ археологическихъ изслѣдованій, и въ этомъ главная заслуга общества, положило начало раскопкамъ въ Іерусалимѣ капитальными работами Вильсона въ 1865 году. Насколько общество достигло своего объективно-научнаго идеала въ археологическихъ трудахъ, конечно, представляется вопросомъ. Командируя разныхъ спеціалистовъ для изученія Палестины, общество, разумѣется, не можетъ ручаться, что каждый изъ нихъ не вноситъ въ свои изслѣдованія своей излюбленной гипотезы и способенъ относиться къ предмету наблюденія съ безчувствіемъ фотографическаго аппарата. Въ послѣднихъ изданіяхъ общества, въ трудахъ г. Кондера, напримѣръ, недовѣріе къ преданіямъ, которыя тоже, вѣдь, фактъ, составляетъ одну изъ тѣхъ предвзятыхъ идей, отъ которыхъ общество желало освободить свои изданія.

Изученіе наличныхъ памятниковъ Святой Земли за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ сдѣлало въ Западной Европѣ такіе успѣхи, что на поверхности Галилеи и Іудеи почти нечего дѣлать. Изслѣдованія должны коснуться области подземной, погребенной подъ тысячелѣтнимъ мусоромъ, притомъ главный интересъ, конечно, сосредоточенъ на Іерусалимѣ. Въ этомъ отношеніи, однако, населенныя мѣста мусульманскаго государства представляютъ неодолимыя трудности. Англійское Палестинское Общество восполняетъ книгой г. Лестренджа тотъ историческій пробѣлъ, который

не могъ быть изслѣдованъ археологическимъ изученіемъ монументальныхъ памятниковъ.

Исторія Палестины со времени введенія христіанства еще не написана. 14 сентября 629 года императоръ Ираклій торжественно воздвигалъ на Голгоѳѣ Животворящій Крестъ, отбитый у Персовъ, а въ концѣ сентября уже Арабы двинулись тучей на Палестину и въ нѣсколько лѣтъ окончательно оторвали отъ имперіи ея богатѣйшія провинціи, къ югу отъ Тавра. Съ тѣхъ поръ, за исключеніемъ короткой эпохи іерусалимскихъ королей-крестоносцевъ, эти страны остаются подъ властью мусульманъ. Начиная съ третьяго столѣтія мусульманской эры, девятаго по нашему лѣтосчисленію, географія стала особеннымъ предметомъ изученія мусульманскихъ ученыхъ. Обязательное для каждаго магометанина посѣщеніе Мекки, хотя единожды въ жизни, вызвало множество арабскихъ „дорожниковъ“. Такіе дневники пилигримовъ, ходившихъ изъ Испаніи и Персіи чрезъ Сирію и Іерусалимъ, или изъ Геджаса, содержатъ въ себѣ подробныя описанія видѣнныхъ ими мѣстъ и составляютъ иногда единственные источники для знакомства съ состояніемъ Палестины въ Средніе Вѣка. Таковы путешествія Перса Назпръ-и-Хусраву, Испанца Ибнъ-Джубанра, или бербера Ибнъ-Батуты. Г. Лестренджъ пользовался сочиненіями 24 арабскихъ географовъ, извлекая изъ нихъ всѣ данныя, могущія послужить историческимъ матеріаломъ, и дополняя ихъ свѣдѣніями изъ арабскихъ историковъ. Онъ останавливается на 1516 г., эпохѣ турецкаго владычества. Трудъ г. Лестренджа имѣетъ компилятивный характеръ, представляя хронологическій сводъ извѣстій, относящихся къ каждому географическому названію. Мусульманскіе писатели начинаются въ то время, когда въ Сиріи и Палестинѣ исламъ и арабскій элементъ заняли уже господствующее положеніе. Извѣстія о христіанахъ и христіанскихъ святыняхъ рѣдки и скудны, хотя очень любопытны. Пилигримы (ходжи) обращаютъ попутно исключительное вниманіе на свои мечети, единовѣрцевъ, на состояніе городовъ, климатъ и произведенія страны. Арабскіе географы единогласно свидѣтельствуютъ о цвѣтущемъ состояніи этой страны, которая, повидимому, только подъ турецкимъ правленіемъ низошла до одичанія, поражающаго современныхъ европейскихъ путешественниковъ. Какъ тяжела была потеря Сиріи для восточной имперіи, можно судить по количеству доходовъ, поступавшихъ въ казну халифата. Около 800 года Гарунъ-

ар-Рашидъ получалъ изъ Сиріи ежегодно 1.616.000 золотыхъ динаровъ, или 800 тысячъ фунтовъ стерлинговъ; доходы въ 864 г. составляли 1990 т. динаровъ (1 милліонъ ф.), въ 891 г.—920 т. динаровъ, въ 985 г.—1189 т. динаровъ (600 т. ф. ст.); замѣтимъ, что тогдашній фунтъ стерлинговъ равняется почти тремъ нынѣшнимъ. До Крестовыхъ походовъ страна раздѣлялась на пять военныхъ округовъ, которые пользовались почти полною независимостью и управлялись наслѣдственными эмирами; послѣ изгнанія крестоносцевъ, при египетскихъ султанахъ Сирія и Палестина распалась на девять царствъ (mamlakât) подъ управленіемъ потомковъ Саладина. Границы этихъ владѣній, вслѣдствіе постоянныхъ междуусобій, были очень шатки и измѣнчивы. Не взирая на быструю арабизацію населенія, христіане оказывали вліяніе на мусульманъ во многихъ отношеніяхъ. Уроженецъ Іерусалима, Мукаддаси (985 г.) сообщаетъ, что мусульмане вмѣстѣ съ христіанами соблюдаютъ праздники, имѣющіе отношеніе къ смѣнамъ временъ года и полевымъ работамъ: Воскресеніе Христово, Рождество, Варваринъ день, 1 января, Воздвиженіе Креста и Егорьевъ день—23 апрѣля, въ Лиддѣ. Далѣе онъ говоритъ, что „очень рѣдко изъ Сиріи появляется что-нибудь новое въ законовѣдѣніи: мусульманскіе ученые не пользуются значеніемъ, кромѣ тиверіадскихъ: сирійскіе и даже египетскіе писатели всѣ изъ христіанъ: мусульмане предоставили это занятіе вполнѣ христіанамъ, не считая его для себя достаточно выгоднымъ, равно какъ и медицину. Евреи занимаются ювелирнымъ, краснильнымъ и кожевеннымъ дѣломъ и банкирскіе обороты въ ихъ рукахъ, какъ и повсюду“. Значительная часть книги посвящена Іерусалиму (53—223 стр.), который считается священнымъ городомъ и у мусульманъ, благодаря знаменитой мечети, осѣняющей священную скалу ветхозавѣтнаго храма. Съ воспоминаніемъ о вознесеніи Магомета на небеса съ этой скалы, мусульмане соединяли много воспоминаній о ветхо- и новозавѣтныхъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто на площади Харама: напримѣръ, они показывали въ мечети, внутри юго-восточной башни Харама—ясли Іисуса Христа. Описывая Іерусалимъ, они, конечно, не могли обойти храма Воскресенія. Впервые упоминаетъ о немъ историкъ Масуди въ 943 году, причемъ онъ скептически сообщаетъ о чудесномъ огнѣ, нисходящемъ въ часовню Св. Гроба на Пасхѣ. Первое извѣстіе объ этомъ записано паломникомъ Бернардомъ въ 867 году. Храмъ Воскресенія былъ разру-

шенъ въ 1008 г. по повелѣнію египетскаго халифа Хакима. Только черезъ сорокъ лѣтъ (въ 1048 г.) онъ былъ возстановленъ греческимъ императоромъ Константиномъ Мономахомъ подъ наблюденіемъ патріарха Никифора, но свидѣтельство Макризи не совсѣмъ вяжется съ показаніемъ Назира Хусрау, который посѣтилъ Іерусалимъ въ 1047 г. и, разсказавъ о разореніи храма при Хакимѣ, говоритъ, что онъ былъ возобновленъ „чрезъ нѣкоторое время“ (some time), а затѣмъ сообщаетъ, что „теперь“ церковь занимаетъ огромное мѣсто, способное вмѣстить до 8.000 ч.; выстроена она съ удивительнымъ искусствомъ изъ разноцвѣтнаго мрамора съ украшеніями и изваяніями, а внутри украшена византійскою золотою парчей. „Онъ видѣлъ изображенія Христа на ослятѣ, пророковъ и патріарховъ. Эти изображенія покрыты лакомъ и стекломъ въ огражденіе отъ пыли. Тамъ же находятся картины *Рая* и *Ада*, подобныхъ которымъ онъ не видѣлъ нигдѣ. Храмъ Воскресенія былъ расширенъ пристройками во времена крестоносцевъ. Идризи (1154 г.) говоритъ о немъ, какъ объ одномъ изъ чудесъ свѣта. Огромный куполъ Воскресенія былъ сверху открытый; внутри его находились изображенія Христа, Богоматери, Іоанна Предтечи и пророковъ. Въ 1187 году Саладинъ изгналъ крестоносцевъ изъ Іерусалима и при этомъ храмъ былъ ограбленъ и отчасти поврежденъ. Послѣ Идризи упоминаютъ о храмѣ Али Гератскій (XII в.), Ибкъ-Якута (XIII в.), но не сообщаютъ никакихъ интересныхъ подробностей. Не менѣе важны извѣстія о зданіяхъ Дамаска—столицы Сиріи, и объ Антіохіи. Описывая страну, арабскіе географы сообщаютъ много подробностей о нравахъ и бытѣ населенія и нерѣдко разсказываютъ мѣстныя преданія религіознаго и историческаго содержанія.

Книга г. Лестренджа представляется первымъ опытомъ соединить, хотя механически, всѣ мусульманскія извѣстія о Святой Землѣ. Было бы, конечно, желательнымъ, чтобы сборникъ его не ограничился однимъ арабскимъ періодомъ, но захватилъ бы и турецкую эпоху, хотя, начиная съ XVI вѣка, начинается уже рядъ обстоятельныхъ описаній Палестины христіанскими путешественниками. Русское Палестинское Общество въ настоящее время поручило составить сводъ мусульманскихъ сказаній о Палестинѣ одному изъ нашихъ оріенталистовъ, а есть основаніе полагать, что русское изданіе будетъ полнѣе и систематичнѣе англійской книги.

А. фонъ-Фрикенъ: *Итальянское искусство въ эпоху Возрожденія.* Часть первая. Москва. 1891 г.

Авторъ названнаго сочиненія не впервые выступаетъ въ нашей художественной литературѣ: ему принадлежитъ обстоятельный сводъ изслѣдованій о римскихъ катакомбахъ, единственное сочиненіе по этому предмету на русскомъ языкѣ, кромѣ труда археолога Христофора о христіанскомъ искусствѣ въ катакомбахъ, разсматриваемомъ какъ выраженіе тогдашнихъ богословскихъ представленій. Изученіе древне-христіанскаго искусства въ катакомбахъ привело г. фонъ-Фрикена къ изложенію дальнѣйшаго развитія новоевропейскаго искусства. Долгое пребываніе въ Италіи, среди чудесъ художественнаго генія великой эпохи Возрожденія, нарушило духовное равновѣсіе и чувство безпристрастія въ нашемъ авторѣ. На той же почвѣ онъ видѣлъ и первые, наивно-трогательные опыты древне-христіанскихъ художниковъ и величайшія созданія новѣйшаго искусства. Промежуточный періодъ не представлялъ ему ни искренности и глубины героическаго періода христіанской церкви, ни пышнаго разцвѣта свободно задуманныхъ и блистательно исполненныхъ художественныхъ формъ эпохи Возрожденія. Сложная, тяжкая работа поколѣній, трудившихся надъ созиданіемъ новоевропейскихъ общественныхъ формъ, надъ развитіемъ церковнаго устройства, систематизаціей философскихъ представленій, происходившей въ этотъ промежутокъ, о страшномъ напряженіи которой остались свидѣтелями готическіе храмы, схоластическія системы, поэма Данта, великія идеи о папствѣ и имперіи, о церкви и государствѣ, представляется автору лишенною положительнаго значенія для искусства, губительною задержкой для его развитія. Чтобы придать какой-нибудь смыслъ этому періоду и чѣмъ-нибудь объяснить его наступленіе, авторъ обращается къ нѣмецкой исторіи, весьма устарѣвшей, о борьбѣ арійско-западнаго и восточно-семитическаго началъ. Христіанство, по его мнѣнію, совершенно неправильному, въ первые вѣка отличалось на почвѣ Италіи арійскимъ характеромъ, придавшемъ такую привлекательность древнѣйшему искусству. Затѣмъ, побѣдивъ язычество, оно все болѣе и болѣе проникается семитическимъ мистицизмомъ, аскетизмомъ и догматизмомъ, и въ этомъ испорченномъ видѣ воздѣйствуетъ на художественную дѣятельность. Новые народы знако-

мятся съ искусствомъ, сошедшимъ уже на ложный путь. Освобожденіе отъ тлетворнаго церковно-семитическаго духа, возвращеніе къ арійскому свободному творчеству составляютъ основную идею исторіи искусства. „Протестантизмъ можно считать однимъ изъ видовъ освобожденія арійскаго ума отъ семитическихъ вліяній". „Реформа—явленіе чисто арійское". „Реформація вышла изъ расшатаннаго католицизма, какъ измѣненное въ арійскомъ смыслѣ христіанское ученіе". Правда, что торжество реформаціи среди германскихъ народовъ всего менѣе было торжествомъ искусства, правда, что германскіе народы, сохранившіе свою арійскую чистоту болѣе нежели Греки и романскіе народы, вовсе не прославились въ области художественнаго творчества и значительно уступаютъ Грекамъ и Романцамъ, но г. фонъ-Фрикенъ закрываетъ глаза на эти противорѣчія его теоріи. Кельты, о которыхъ онъ забылъ, менѣе чѣмъ кто-либо изъ обитателей Европы, подвергались вліяніямъ востока, и однако менѣе всѣхъ показали наклонностей къ художественному пластическому творчеству. Въ противоположность семитическому символизму и идеализму, авторъ ставитъ арійскій натурализмъ, понимая его, кажется, въ смыслѣ Курбе и новѣйшихъ художниковъ-натуралистовъ. Его не смущаетъ то, что онъ самъ признаетъ преобладаніе натурализма въ искусствѣ древнихъ Египтянъ и Ассирійцевъ, Неарійцевъ. Философскими блужданіями, въ которыхъ сквозятъ германофильскія пристрастія автора, наполнена добрая половина книги: остальное содержитъ въ себѣ сжатую біографическую исторію итальянской живописи отъ Чимабуе до Беноццо Гоццоли и заключается главой о Данте. Говоря о вліяніи великаго поэта на художниковъ, нашъ авторъ почему-то имѣетъ въ виду только Адъ и потому не видитъ воздѣйствія Данта на Рафаэля, выразившееся въ яркихъ чертахъ на геніальной фрескѣ Disputa и въ аллегорическихъ фигурахъ Станцъ: на свѣтлую душу Рафаэля болѣе дѣйствовали картины Рая и Чистилища, чѣмъ Ада. Вторая половина книги не прибавляетъ ничего новаго къ сочиненіямъ г. Вышеславцева, [1] хотя, появившись значительно позже, могла бы во многомъ восполнить ихъ по новѣйшимъ трудамъ западныхъ ученыхъ.

М. Соловьевъ.

---

[1] Джіотто и джіоттисты. Итальянское искусство въ XV в.. Умбрія и школы Сѣверной Италіи.

Edouard Lockroy. *M. de Moltke, ses mémoires et la guerre future.* Paris. 1892. (Sixième edition). Эдуардъ Локруа. *Мольтке, его мемуары и будущая война.* Парижъ. 1892. (Шестое изданіе.)

Недавно появившаяся книга г. Локруа выдержала уже шесть изданій. Книга написана въ патріотическо-республиканскомъ духѣ и, разбирая мемуары графа Мольтке, авторъ постоянно полемизируетъ съ нимъ, доказывая, что не Франція, не ея армія и народъ, а тогдашнее правительство, вторая Имперія, Наполеонъ III и его клика отвѣтственны за пораженіе.

Даже искусство молчаливаго стратега г. Локруа объясняетъ отчасти урокомъ, полученнымъ графомъ Мольтке отъ французскаго полковника Сельвъ во время войны за отдѣленіе Египта отъ Турціи въ 1839 году, въ сраженіи при Незибѣ.

„Эта кампанія, говоритъ онъ, замѣчательна и интересна для насъ тѣмъ, что армія падишаха, руководимая по совѣтамъ Мольтке, впадаетъ въ тѣ же ошибки, дѣлаетъ тѣ же промахи, которые черезъ тридцать два года должны были повести къ постыдному пораженію и капитуляціи Рейнскую армію. Тѣ же эволюціи, которыя должны были привести къ паденію Меца и сдачѣ корпуса Макъ-Магона исполняются по указаніямъ французскаго полковника на миніатюрномъ полѣ битвы при Незибѣ. Будущій начальникъ германскаго главнаго штаба пораженъ тѣми же ударами, которые впослѣдствіи должны были обезпечить ему побѣду, и которые въ то время онъ оказался неспособнымъ отразить“ (стр. 17).

Полковникъ Сельвъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Солиманапаши, командовалъ въ то время арміей хедива и разбилъ при Незибѣ турецкія войска, къ которымъ въ качествѣ руководителя прикомандированъ былъ Мольтке, тогда еще не графъ и не фельдмаршалъ.

Стремленіе уменьшить славу нѣмецкаго оружія проявляется и въ отзывахъ автора о степени подготовленности Франціи къ борьбѣ съ Германіей.

Опровергая мнѣніе Мольтке о подготовленности французской арміи, авторъ находитъ что:

„Это немного уменьшаетъ славу Мольтке и оправдываетъ оцѣнку его, сдѣланную г. де-Фрейсине, который говоритъ, что его считали стратегомъ, вдохновляемымъ геніемъ Наполеона и Александра, тогда какъ онъ былъ просто терпѣливымъ кальку-

латоромъ и упорнымъ труженикомъ, полагавшимъ и нашедшимъ успѣхъ въ заботливомъ отношеніи къ дѣлу и въ точномъ выясненіи подробностей" (стр. 86).

Дальше авторъ начинаетъ соглашаться съ Мольтке, когда тотъ противополагаетъ взаимную солидарность нѣмецкихъ генераловъ — взаимной зависти и раздорамъ генераловъ французскихъ:

„Дѣйствительно", говоритъ г. Локруа: „зависть, раздѣляющая вождей, составляетъ какъ бы спеціальную болѣзнь французской арміи. Испанская кампанія, кампанія 1806 года, многія изъ революціонныхъ войнъ и, между прочимъ, война въ Вандеѣ, а также и ближайшая по времени война 1859 года въ Италіи доказали это самымъ ужаснымъ образомъ. Однако, никогда она еще не доходила до такой степени, какъ въ 1870 году. Острое слово Базена въ то время, какъ Фросара разбивали при Форбахѣ: — *профессору даютъ урокъ;* медлительность Фальи, который, несмотря на приказанія, не шелъ на соединеніе съ Макъ-Магономъ; ссоры между генералами въ Мецѣ; раздоры не прекращавшіеся несмотря на нашествіе непріятеля, борьба самолюбій, продолжающаяся во время крушенія; старые счеты, сводящіеся во время народнаго бѣдствія — все это предвѣщаетъ и объясняетъ пораженіе" (стр. 87—88).

„Быть-можетъ, еслибы Макъ-Магонъ, несмотря на Паликао, несмотря на императора, вернулся въ Парижъ, Франція могла бы быть спасена; еслибы только онъ отказался отъ командованія, объявивъ, что не беретъ на себя отвѣтственности за неудачу, никого бы не нашлось занять его мѣсто, чтобы вести армію къ Седану.

„Но въ Шалонѣ, такъ же какъ позднѣе въ Мецѣ, боялись революціи и республики. Враговъ внутреннихъ опасались больше внѣшнихъ. Стояли лицомъ къ лицу съ Прусаками, а слѣдили за тѣмъ, что̀ дѣлалось за спиной. Предъ глазами находился Мецъ, а взоры обращались къ Парижу. Тѣснимые королевскимъ принцемъ и Фридрихомъ Карломъ, боялись одного только Жюль-Фавра. Думали не о побѣжденной Франціи, а о скомпрометтированномъ Наполеонѣ III.

„Это дѣлаетъ сраженіе подъ Седаномъ—событіемъ политическимъ, а не военнымъ. Оно выходитъ изъ области стратегической и тактической критики. Человѣка, который по выходѣ изъ Шалона, ведетъ армію къ сѣверу, нельзя считать генераломъ; онъ просто покорный и неловкій партизанъ имперіи. Кровь,

заливавшая путь нашихъ солдатъ, пролита была не для защиты Франціи" (стр. 136).

Такія разсужденія приводятъ автора къ слѣдующему заключенію:

„Имперіи Франція обязана не только своимъ пораженіемъ, но и безпримѣрнымъ нравственнымъ униженіемъ, послѣ котораго она не поднялась еще и до сихъ поръ и которое причинило ей больше вреда, чѣмъ пораженіе и капитуляція ея армій" (стр. 138).

Г. Локруа съ особеннымъ удовольствіемъ указываетъ на дѣятельность временнаго правительства и противополагаетъ ее предшествовавшей неурядицѣ, онъ говоритъ: „Заслуга республики заключается въ доказательствѣ того, что несмотря на пораженіе нашу страну нельзя было считать окончательно погибшею. На полѣ битвы при Седанѣ Бисмаркъ сказалъ: „Звѣрь убитъ". Онъ ошибался. Въ послѣднюю минуту къ Франціи должно было вернуться сознаніе силы, и въ своемъ паденіи она видѣла приближающееся возрожденіе."

Характеризуя графа Мольтке въ началѣ своей книги, авторъ отмѣчаетъ его спокойствіе и сосредоточенность, онъ говоритъ: „Силой Мольтке было то, что онъ былъ человѣкомъ идеи. Повидимому, еще съ молоду онъ понялъ роль, которую ему предстояло играть въ мірѣ, и ни единой минуты не уклонялся отъ своего пути. Внутреннее сосредоточеніе составляетъ силу спеціалистовъ, а болѣе строгаго спеціалиста, чѣмъ графъ Мольтке, не существовало. Съ извѣстной точки зрѣнія на него можно смотрѣть какъ на рабочаго. Одинъ изъ зарейнскихъ сатирическихъ журналовъ назвалъ его „кабинетнымъ фабрикантомъ побѣдъ". Онъ ограничивается изученіемъ своего искусства и, соблюдая принципъ раздѣленія труда, не желаетъ вмѣшиваться ни во что̀ больше. Послѣ своихъ побѣдъ, онъ возвращается къ себѣ домой, какъ поденщикъ по окончаніи дневнаго труда" (стр. 38).

Другое дѣло князь Бисмаркъ. Сравнивая этихъ двухъ выдающихся дѣятелей, авторъ указываетъ рѣзкій контрастъ между ними; контрастъ, выражающійся въ ихъ жизни, привычкахъ и даже въ мелочахъ костюма и манеръ.

Приведенныя выше выдержки изъ книги г. Локруа достаточны для того, чтобы прослѣдить основную его мысль: Германія и Мольтке побѣдили Наполеона, а не Францію.

Ѳ. Духовецкій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПЕЧАТАЕТСЯ

и въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ

ВТОРОЙ ВЫПУСКЪ

СТИХОТВОРЕНІЙ КНЯЗЯ Д. И. ЦЕРТЕЛЕВА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1892** ГОДЪ

(3-й годъ изданія)

НА ЖУРНАЛЪ

НАУКА и ЖИЗНЬ.

Отъ редакціи: Выпуская № 1 журнала за 1890 годъ, при самомъ возникновеніи его, мы писали: „Отъ новыхъ изданій всѣ привыкли требовать „исповѣдь“ редакціи. Но мы предпочитаемъ стоять на почвѣ фактовъ, а потому, воздерживаясь отъ громкихъ обѣщаній, скажемъ лишь немного словъ: **смотрите и прочтите**. Каждый такимъ образомъ лучше опредѣлитъ, пригоденъ-ли и интересенъ-ли для него нашъ журналъ. Добавимъ, что такого изданія въ Россіи еще не было, а потому дѣло сопряжено съ огромными затрудненіями.“

Въ настоящее время читатели уже имѣютъ возможность точно судить о томъ, въ какой мѣрѣ наше предпріятіе имѣло успѣхъ. Послѣ перваго же года своего существованія журналъ удостоился одобренія Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ (старшаго возраста) библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній сего Министерства. Уже одно это одобреніе, смѣемъ думать, въ большей или меньшей мѣрѣ, свидѣтельствуетъ о нѣкоторой научной компетентности журнала, а также и о томъ, что мы не вдались въ популярничанье, несмотря на всѣ затрудненія. Люди науки, сначала относившіеся съ опасеніемъ и подозрительно, нынѣ относятся иначе; это видно уже изъ того, что нашего журнала теперь не избѣгаютъ извѣстнѣйшіе русскіе ученые, дающіе свои статьи для печатанія въ журналѣ, напр.. проф. А. Г. Столѣтовъ, проф. И. П. Скворцовъ, проф. К. Э. Линдеманъ, проф. Р. А. Колли (†) и т. д.

Открывая подписку на третій годъ, мы будемъ преслѣдовать ту же цѣль—популяризацію знанія и сообщеніе всѣхъ выдающихся научно-практическихъ новостей, въ возможно-популярной формѣ, но не впадая въ бульварный тонъ и стоя въ сторонѣ отъ всякой тенденціозности и политиканства.

Программа изданія остается прежней, а именно: 1) Общепонятныя статьи по всѣмъ отраслямъ естественныхъ и физико-математическихъ наукъ; приложенія наукъ къ практической жизни и промышленности, открытія, изобрѣтенія, усовершенствованія. 2) Медицина (особенно гигіена), сельское и домашнее хозяйство, лѣсоводство. 3) Статьи по исторіи наукъ и промышленности; научная хроника и смѣсь; библіографія. 4) Научныя игры и развлеченія; задачи, почтовый ящикъ. 5) Всякіе рисунки, относящіеся къ тексту. 6) Объявленія.

ЦѢНА: съ перес. и дост. въ годъ **пять** руб., на полгода **три** руб.

АДРЕСЪ: Москва, Мал. Дмитровка, д. Шильдбахъ.

Редакторъ-издатель **М. Глубоковскій.**

3—2

24-й годъ изданія.

Открыта подписка на 1892 г.

НА СТАРѢЙШІЙ РУССКІЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ"

съ приложеніемъ 12 книжекъ литературно-научнаго журнала

„ТРУДЪ"

и разными художественными и литературными приложеніями, среди которыхъ первое мѣсто займетъ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ А. В. КОЛЬЦОВА.

Подписчики на роскошное изданіе получаютъ томъ стихотвореній Кольцова въ изящномъ переплетѣ и, кромѣ того, большой

АЛЬБОМЪ СКУЛЬПТУРНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ

наиболѣе извѣстныхъ, переданныхъ въ образцовыхъ гравюрахъ.

Роскошное изданіе журнала „Всемірная Иллюстрація" печатается на веленевой бумагѣ и разсылается по почтѣ безъ сгибанія.

Цѣна годовому изданію:

Въ С.-Петербургѣ *) безъ доставки . . . . . 12 р.
Въ С.-Петербургѣ съ доставкой . . . . . 14 „
Въ Москвѣ **) безъ дост. 14 р.
Съ пер. во всѣ гор. Росс. имперіи . . . . . 15 „
За границу . . . . . 18 „

*) При подпискѣ въ главной конторѣ, Садовая, № 22. **) Въ отдѣленіяхъ конторы: 1) въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, на Кузнецкомъ Мосту; 2) въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи.

Для гг. служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ допускается подписка съ разсрочкою (непосредственно въ редакціи), съ ручательствомъ гг. казначеевъ.

Цѣна роскошному изданію:

безъ доставки 20 руб., съ дост. и пер. по всей Россіи 25 руб. въ Москвѣ безъ доставки 22 руб., за границу 30 руб.

Подробное объявленіе высылается безплатно.

Главная контора журнала „Всемірная Иллюстрація": С.-Петербургъ, Садовая, 22.

Вышелъ № 18 (декабрь 1891 г.) журнала

АРТИСТЪ

Содержаніе: Письма А. Н. Островскаго къ Ѳ. А. Бурдину. „Братъ и сестра“, пьеса В. Гёте; „3-я лекція о сценич. искус.“ П. Д. Боборыкина; „Самородокъ“, пов. И. Н. Потапенко (оконч.); „Очеркъ развитія рус. сцен. искус.“ А. Н. Сиротинина (съ портретами); „Не то...“, пов. Д. Н. Мамина (Сибиряка) (оконч.). „Техника драмы“. Г. Фрейтага: „Інцедѳи“, оч. П. М. Свободина: „Французская живопись“, ст. А. Кп—лева. „Современное. обозрѣніе“. ст. П. И Иванова, С. Н Кругликова и др. „Богатѣй“. ком. въ 4 д. Е. П. Гославскаго: „Компаньоны“, ком. П. М. Невѣжина: Дуэтъ изъ оп. „L'Amico Fritz“, Масканьи: „Успокоеніе“. для ф. п. Альбанэзи. Приложенія: „Турчанка“, карт. К. Е. Маковскаго (ГЕЛІОГРАВЮРА); „Охота“. карт. худ. Самокиша (фототипія); порт. Н. В. Рыкаловой (фототипія).

Открыта подписка на 1892 г. Съ января 1892 года „Артистъ“ съ приложеніемъ „Дневника Артиста“ (съ апрѣля по сентябрь) будетъ выходить ЕЖЕМѢСЯЧНО, 12 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ. Подписная цѣна НА ГОДЪ **10** р., съ пересылкой **12** руб.

Подписная цѣна на сезонъ (7 книгъ „Артиста“) **9** руб.. съ пересылкой **10** руб. На веленевой бумагѣ (100 нумерованныхъ экз.) **16** руб.. съ пересылкой **18** руб. Допускается разсрочка. Отдѣльные №№ **2** руб.

Подписка принимается въ редакціи (Москва, Кудрино, д. Бартельсъ). въ конторѣ Печковской. музыкальномъ магазинѣ В. В. Бессель, книжн. магазин.: „Новаго Времени“, Вольфа и другихъ.

Вышелъ № 8 журнала

«ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА.»

Содержаніе: „На своихъ мѣстахъ“. ком. Н. В. Казанцева; „Заяцъ“. фарсъ И. И. Мясницкаго; „Въ лунную ночь“, этюдъ А. Степановой.

Отдѣльные №№ по **1** руб. съ пересылкой. Цѣна за томъ (4 книжки)— **3** руб. съ пересылкой. Подписка **3** руб. въ годъ. съ пересылкой **4** руб., принимается только отъ подписчиковъ на „Артистъ“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ.

ЦАРЬ-КОЛОКОЛЪ

на 1892 годъ

СЪ БЕЗПЛАТНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

„БИБЛІОТЕКИ ДЛЯ ЧТЕНІЯ“.

Дешевизна.	За 3 руб. въ годъ, съ пересылкой и доставкой 4 руб., подписчики получатъ 52 нумера иллюстр. журнала „Царь-Колоколъ“, въ объемѣ 2 - 2½ листовъ каждый
Приложеніе 12 томовъ.	и 12 ежемѣсячныхъ большихъ книгъ безплатнаго приложенія романовъ, повѣстей и разсказовъ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей подъ названіемъ „Библіотека для чтенія“.
Объемъ.	Каждый нумеръ „Царь-Колокола“ выйдетъ въ объемѣ 2—2½ листовъ in 4⁰ иллюстрированнаго текста. Книги „Библіотека для чтенія“ будутъ содержать въ себѣ отъ 12—14 листовъ in 8⁰.
Н. В. Гоголь.	Въ числѣ 12 томовъ „Библіотеки для чтенія“ выйдутъ не появлявшіяся еще въ печати сочиненія **Н. В. ГОГОЛЯ**. Эти сочиненія составятъ дополнительный томъ ко всѣмъ предшествовавшимъ изданіямъ сочиненій **Н. В. ГОГОЛЯ** подъ редакціей академика **Н. С. Тихонравова.**
Ревизоръ и Мертвыя души.	Въ „Библіотекѣ для чтенія“ будутъ напечатаны неизданные еще тексты „Ревизоръ“ и „Мертвыхъ душъ“ подъ редакціей академика **Н. С. Тихонравова.**
50,000 рублей.	Пріобрѣтеніе права обнародованія и печатаніе неизданныхъ сочиненій и текстовъ **Н. В. ГОГОЛЯ** обошлось редакціи „Царь Колокола“ въ 50,000 руб.
Литературн. отд. и иллюстраціи.	**ВЪ КАЧЕСТВѢ СОТРУДНИКОВЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРИГЛАШЕНЫ ЛУЧШІЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ СИЛЫ И ПЕРВОКЛАССНЫЕ ХУДОЖНИКИ.**
Распространенность.	10 ноября 1890 подписчик. насчитывал. 32893. 1 декабря 1890 „ „ 55776. 1 января 1891 „ „ 81783. 1 февраля 1891 „ „ 108676. 1 марта 1891 „ „ 113308.
Подписная цѣна.	Безъ доставки въ Москвѣ на годъ 3 руб., 6 мѣс. 2 руб. 3 мѣс. 1 руб. Съ доставк. и пересылк. на 3 мѣсяца 1 руб. 25 коп „ 6 „ 2 „ 25 „ „ 12 „ 4 „ — „
Разсрочка платежа.	Допускается разсрочка: При подпискѣ вносится..... 2 руб. 1 мая ..... 1 „ 1 августа ..... 1 „
Наложенный платежъ.	Во избѣжаніе перес. денегъ „Царь Колокола“ съ „Библіотекой для чтенія“ высыл. съ наложен. плат., съ надбавкой 20 коп. почт. издержекъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Росс. Имперіи. **Въ Москвѣ: въ конторѣ редакціи.** Кузнецкій Мостъ, д. Попова, и у **Н. Печковской**, Петровскія Линіи. **Въ Петербургѣ у Н. Фену и К⁰**, Невскій 40.

Неизданныя сочиненія **Н. В. ГОГОЛЯ** будутъ отпечатаны въ ограниченномъ количествѣ, не болѣе 120,000 экземплярахъ. Удовлетвореніе подписчиковъ будетъ производиться по очереди, по мѣрѣ поступленія требованій на журналъ „Царь-Колокола“. Отдѣльно изданіе это въ продажу не поступитъ. 3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„СѢВЕРЪ“.

Журналъ „СѢВЕРЪ“, при **новомъ издательствѣ** и подъ **новою редакціей**, будетъ издаваться въ значительно измѣненномъ видѣ.

Подписчики „СѢВЕРА“ въ 1892 году получатъ:

52 №№ прекрасно иллюстрир. журнала въ 56—64 столбца каждый, въ изящной цвѣтной обложкѣ. Въ литературномъ отдѣлѣ „СѢВЕРА“ принимаютъ участіе лучшія силы нашей литературы.

12 отдѣльныхъ иллюстрированныхъ №№ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“, составленныхъ по лучшимъ парижскимъ журналамъ.

Стѣнной календарь, отпечатанный красками.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ:

„БИБЛІОТЕКА СѢВЕРА“

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО
Н. М. КАРАМЗИНА.

СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ.

12 томовъ художественно иллюстрированныхъ, подъ редакціей профессора **П. Н. Полевого**. Первый томъ будетъ разосланъ при первомъ № журнала.

Въ видѣ БЕЗПЛАТНАГО ПРИЛОЖЕНІЯ къ журналу:

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ
ФАНТАСТИЧЕСКІЯ ПОВѢСТИ Н. В. ГОГОЛЯ.

12 художественно выполненныхъ картинъ большаго формата, въ изящной обложкѣ, исполнен. **красками** (акварель) исключительно для „СѢВЕРА“ нашими лучшими художниками. **Портретъ Н. В. Гоголя**—рис. академика *И. Е. Рѣпина*. „Сорочинская ярмарка“—рис. академика *И. Е. Рѣпина*. „Заколдованное мѣсто“—три рисунка профессора академика *М. П. Клодта*. „Пропавшая грамота“—два рисунка придворнаго художника академика *М. А. Зичи* и художника *К. И. Тихомирова*. „Страшная месть“—два рисунка академика *М. О. Микѣшина*. „Майская ночь“—два рисунка художника *Г. П. Кондратенко* и *М. И. Зощенко*. „Ночь передъ Рождествомъ“—два рисунка художника *Н. П. Загорскаго*. Рисунки будутъ снабжены соотвѣтствующимъ объяснительнымъ текстомъ изъ повѣстей *Н. В. Гоголя*.

Для напечатанія въ будущемъ 1892 году въ журналѣ „СѢВЕРЪ“ редакція уже располагаетъ слѣдующими произведеніями:

А. Н. Бѣжецкаго—„Фокусники“, очеркъ. Кн. *М. Н. Волконскаго*—„Забытыя хоромы“, историческая повѣсть. *П. П. Гнѣдича*—„Комета“, повѣсть. Кн. *Д. П. Голицына (Дм. Муравлина)*—„Домовой“, повѣсть. *Вл. Дьдлова*—„25.000“, разсказъ. *Н. Н. Каразина*—„Даудка-караванъ-башъ“, повѣсть-легенда (иллюстрир. авторомъ). *Вл. С. Лихачева*—„Вечерняя заря“, разсказъ. *Е. Л. Маркова*—„Героическій день“, разсказъ „Изъ учебныхъ годовъ“. *Н. П. Мердеръ (П. Северинъ)*—„Подъ своимъ крыломъ“, повѣсть. *Вас. П. Немировича-Данченко*—„Козырная масть“, романъ. *П. П. Полевого*: „Невѣрный посолъ“, историческая повѣсть,

„Воръ-докащикъ“, бытовой очеркъ, „Призракъ смерти“, разсказъ. *И. Н. Потапенко*—„Настенька“, повѣсть. *М. И. Пыляева*—„Бульварныя лица и столичные фланеры“ историческіе очерки. *Вл. А. Тихонова*—„Свѣтлыя грезы“, романъ. Кн. *Э. Э. Ухтомскаго*—„Утро въ Бенаресѣ“, изъ путевыхъ очерковъ „По Индіи“. *Ант. П. Чехова*—„Обыватели“, разсказъ.—*В. В. Чуйко*—„Гарибальдійцы“, восп. о Франко-Прусской войнѣ 1870 г. *И. Щеглова*—„Признаніе“, разсказъ. *І. І. Ясинскаго*—„Полевые цвѣты“, повѣсть.

Издатель **Е. А. Евдокимовъ.** Редакторъ **Вл. А. Тихоновъ.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годовое изданіе со всѣми приложеніями безъ доставки въ С.-Петербургѣ **6 р.**

Безъ доставки въ Москвѣ въ конторѣ Печковской **6 р. 50 к.**

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россійской имперіи **7 р.**

За упаковку и пересылку всѣхъ приложеній къ журналу „СѢВЕРЪ“ съ гг. подписчиковъ **никакой добавочной платы не взимается.**

Для гг. служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка, за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи „СѢВЕРЪ“. Екатерининская, № 4. 2—1.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ.

НА ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННУЮ ГАЗЕТУ

ПРИ АЗОВСКАГО КРАЯ

„ТАГАНРОГСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(ГОДЪ XI).

Въ 1892 году газета будетъ выходить въ форматѣ обыкновеннаго печатнаго листа, три раза въ недѣлю—по воскресеньямъ, середамъ, и пятницамъ, по слѣдующей программѣ:

1. Мѣстный отдѣлъ: Руководящія статьи по вопросамъ мѣстной экономической и общественной жизни. Городская хроника и мѣстныя извѣстія. 2. Внутренній отдѣлъ: Телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“, корреспонденціи и извѣстія изъ разныхъ мѣстъ при-Азовскаго края и Донской Области. 3. Иностранный отдѣлъ. Свѣдѣнія о наиболѣе выдающихся событіяхъ иностранной жизни. 4. Судебная хроника. 5. Смѣсь. 6. Фельетоны: Статьи беллетристическаго характера, оригинальныя и переводныя. Исторія края. 7. Справочный отдѣлъ. 8. Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На 12м.	11м.	10м.	9м.	8м.	7м.	6м.	5м.	4м.	3м.	2м.	1м.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Безъ доставки	6 —	5 50	5 25	4 75	4 50	4 —	3 50	3 —	2 75	2 25	1 50	—75
Съ дост. и пересылк.	7 —	6 50	6 —	5 50	5 —	4 50	4 —	3 50	3 —	2 50	1 70	—85

Подписка принимается въ Таганрогѣ исключительно въ конторѣ Редакціи, Николаевская улица, № 5-й.

Редакторъ М. И. Красновъ. Издатель А. М. Мироновъ.

3—0

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
Казанскаго Университета.
НА 1892 ГОДЪ.

Въ **Ученыхъ Запискахъ** помѣщаются:

I. въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому Университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 р. 50 к. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

3—0 Редакторъ **Ѳ. Мищенко.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1892 г.

НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ, НАУЧНУЮ ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ПРАВДА“

съ ежемѣсячными литературными приложеніями — книгами.

(2-й годъ изданія).

„Правда“, вступая во второй годъ изданія, не нуждается въ рекламахъ. Значительный успѣхъ и уваженіе, которыми она пользуется въ Россіи, во всѣхъ слояхъ общества, и за границей, въ особенности въ славянскихъ земляхъ, служатъ ея лучшею рекламой.

„Правда“ по своему строго выдержанному направленію, серьезному характеру и разнообразному содержанію попрежнему занимаетъ совершенно особое мѣсто въ русской печати.

„Правда“—органъ исключительно политическій, истинно русскаго направленія и свято служитъ національнымъ интересамъ Россіи и Славянъ.

„Правда“ во всѣхъ случаяхъ и при всѣхъ обстоятельствахъ остается вѣрной своему названію. Только все высокое, честное и независимое находитъ себѣ мѣсто на ея страницахъ.

„Правда“ по обилію тщательно разработаннаго и разнообразнаго матеріала для чтенія незамѣнима; она издается по самой широкой и разнообразной программѣ, даетъ читателямъ возможность своевременно слѣдить за всѣмъ совершающимся на земномъ шарѣ и вполнѣ замѣняетъ дорогіе по цѣнѣ газеты и журналы.

„Правда“ попрежнему состоитъ изъ большой газеты и литературныхъ приложеній—книгъ. Каждый № газеты попрежнему состоитъ изъ 2 -3 и болѣе листовъ большаго формата въ 8—12 и болѣе страницъ, и каждая страница изъ 3 столбцовъ, такъ что въ нумерѣ 24—30 и болѣе столбцовъ сплошнаго текста убористой печати. Въ годъ свыше 500 оригинальныхъ статей.

Литературныя приложенія выходятъ ежемѣсячно, каждое 15 число, книгой большаго формата, въ годъ двѣнадцать толстыхъ книгъ. Каждая книга въ роскошной обложкѣ состоитъ изъ 8—12 и болѣе листовъ большаго формата въ 140—200 и болѣе страницъ убористой печати и содержитъ цѣлый законченный романъ выдающагося писателя, поэму, стихотворенія, басни, эпиграммы, литературный этюдъ и проч., проч., проч. Въ литературныхъ приложеніяхъ въ теченіе 1892 г. будутъ напечатаны еще не вышедшія въ свѣтъ новыя произведенія иностранныхъ европейскихъ корифеевъ-писателей: Э. Зола „Война“. „La guerre“. А. Додэ—„Современный Разводъ“. „Enfants dans le Divorce“. А. Додэ –„Походъ“, „La Caravane“. Русскихъ писателей: Сочиненія Грибоѣдова. Сочиненія Полежаева. Сочиненія Кольцова. Сочиненія гр. Л. Н. Толстого (новѣйшія произведенія). Кромѣ того еще будетъ напечатанъ цѣлый рядъ другихъ выдающихся произведеній, причемъ всѣ новые романы помѣщаются въ „Правдѣ“ раньше всѣхъ другихъ изданій. Такимъ образомъ подписчики газеты „Правда“ за шесть рублей въ годъ получатъ: Большую политико-

научную газету и цѣнную библіотеку извѣстнѣйшихъ писателей-корифеевъ, причемъ одна стоимость книгъ (въ отдѣльной продажѣ каждая книга стоитъ не менѣе 1 р.) значительно превыситъ невысокую подписную цѣну газеты.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

Въ С.-Петербургъ и во всѣ мѣста Имперіи на годъ **6** р., на полгода **4** р.
За-границу..... „ „ **10** р., „ „ **6** р.

NB. Выписывающіе 10 экземпляровъ газеты получаютъ одинъ экземпляръ безплатно. Подписка принимается исключительно въ главной конторѣ газеты „Правда", С.-Петербургъ, Невскій пр., 67.

Издатель-редакторъ газеты „Правда" **П. Н. Подлигайловъ.**

3—2.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 (СЕДЬМОЙ) ГОДЪ.

Съ 1 ноября 1891 г. по 1 ноября 1892 г.

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ".

Журналъ выходитъ безъ предварительной цензуры, подъ прежнею редакціей К. И. Масляникова (землевладѣльца Рязанской губ., сельца Рюмки), при участіи тѣхъ же сотрудниковъ и по той же программѣ:

Правительственныя распоряженія.—Экономія.—Полеводство и луговодство.—Садоводство и огородничество.—Лѣсоводство.—Животноводство.—Пчеловодство и шелководство.—Рыбоводство.—Спортъ.—Сельское хозяйство.—Технологія, архитектура, механика.—Корреспонденція.—Внутрен. и иностр. хроника.—Сельско-хозяйственный фельетонъ.—Вопросы и отвѣты.—Библіографія.—Торговля.—Домоводство.—Спросъ и предлож. и полезн. адресы.—Объявленія.

Много рисунковъ. Безплатные отвѣты на вопросы. Безплатно прилагаются **разныя сѣмена**, архитектурные проекты **красками.** При самой подпискѣ **безплатное** приложеніе: V-й вып. **„Альбома типовъ домашнихъ животныхъ".**

Предположены, между прочими, слѣдующіе проекты:

I. Двухъэтажная комнатная печь съ однимъ затопомъ (складная модель). II. Упрощен. вѣтрен. двигатель. III. Двухъэтажный загородный домъ съ подвалами. IV. Скотно-конный дворъ съ жилыми помѣщеніями и сараемъ для кормовъ. V. Зерносушилка. VI. Большой деревянный мостъ.

6 рублей въ годъ съ пересылкой и 21 коп на укопорку и пересылку альбома.

С.-Петербургъ, Надеждинская, № 43.

3—0.

Открыта подписка на **1892** годъ на

ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

на годъ . . **5** р.
на 8 мѣс . **4** р.
на 6 мѣс . **3** р.

За границу
на годъ **10** р.

ДЕНЬ

на 4 мѣс . **2** р.
на 2 мѣс . **1** р.
на 1 мѣс . **50** к.

Объявленія по **10** коп. за строку.

Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій просп., д. 20.

(360 нум. въ годъ). 12 кн. романовъ, разсказовъ и очерковъ.

Редакторъ *П. В. Скворцовъ*
Издатель *А. А. Греве.*

При подпискѣ на годъ допускается разсрочка—первый взносъ **2** или **1** р., послѣдующіе по 1 р. 3—0

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ,

подъ редакціей

ординарнаго профессора С.-Петербургскаго Университета **Н. Д. Сергѣевскаго.**

„Юридическая Лѣтопись“ заключаетъ въ себѣ:
I. Научныя статьи по вопросамъ права и государствовѣдѣнія. II. Хроники: законодательную, судебную и научную. III. Обзоръ кассаціонной практики въ формѣ тезисовъ, извлеченныхъ изъ рѣшеній Правительствующаго Сената. IV. Указатель вновь выходящихъ книгъ и журнальныхъ статей русской и иностранной юридической литературы. V. Указатель узаконеній и распоряженій правительства съ изложеніемъ содержанія важнѣйшихъ законовъ.

„Юридическая Лѣтопись“ выходитъ въ началѣ каждаго мѣсяца книжками отъ четырехъ до шести листовъ. Каждыя шесть книжекъ образуютъ собой одинъ томъ, къ которому прилагается общее оглавленіе.

Подписная цѣна **5 РУБЛЕЙ** въ годъ съ доставкой и пересылкой.

Подписка принимается **въ Главной конторѣ** „Юридической Лѣтописи“, С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, по пятой линіи, д. № 28, **книжный складъ М. Стасюлевича**, и въ другихъ книжныхъ магазинахъ.
3—0

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1892 ГОДУ ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, до 20 листовъ каждая.

Цѣна за годовое изданіе:

въ С.-Петерб. безъ доставки 8 р.	съ перес. въ другіе города 9 р.
съ доставкой въ С.-Петерб. 8 р. 50 к.	за-границей ..... 12 р.

Отдѣльно книга журнала 2 руб.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкой въ С. Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города **13 руб. 50 коп.**

Рѣш. касс. деп. сената выходятъ и разсылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 5 руб. съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 руб. съ кассац. рѣш. 8 руб. и въ іюнѣ остальная до подписной цѣны, сумма. **Гг. дѣйствительные члены С.-Петербургскаго Юридическаго Общества** пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну, то-есть 4 руб. 50 коп., а съ кас. рѣш. 9 руб. 50 коп. Тоже право предоставляется студентамъ университетовъ и кандидатамъ на суд. долж., удостовѣрившимъ свое званіе.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться со своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“, С.-Петербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

Подписка принимается: въ конторахъ журнала—при книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ: Анисимова, рядомъ съ Публичной Библіотекой, Мартынова, Б. Морская, 30; въ Москвѣ: Анисимова, на Никольской улицѣ, а равно въ конторѣ редакціи. Контора редакціи открыта разъ въ недѣлю, по субботамъ, отъ 2 до 4 часовъ.

Оставшіеся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1881, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 гг. по 9 р., за каждый годъ, съ пересылкой, и по 7 руб. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала за означенные годы, 2 руб. съ пересылкой.

3—0

„МОСКОВСКАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА“

(изданія годъ 3-й).

Открыта подписка на 1892 годъ.

ЕДИНСТВЕННОЕ ВЪ РОССІИ

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

Въ „М. И. Г.“, помимо беллетристическаго матеріала, даваемаго ежедневно, идутъ статьи подъ слѣдующими разнообразными рубриками: **Мѣсяцесловъ. Хроника общ. жизни, Дѣйствія правительства, По чужимъ краямъ, Телеграммы Сѣв. Т. Агентства и соб. корреспонд.. Московская жизнь, Театръ и музыка, Фельетонъ общ. жизни, Корреспонденціи, Смѣсь и большой Справоч. отдѣлъ.** Въ газетѣ принимаютъ участіе любимые публикой писатели и публицисты.

Рисунки и иллюстраціи исполняются извѣстными художниками.

СО ВРЕМЕНИ ПЕРЕХОДА ГАЗЕТЫ ВЪ РУКИ НОВЫХЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

она дала цѣлый рядъ крупныхъ романовъ и повѣстей.

Для 1892 года имѣются въ портфелѣ слѣдующіе большіе романы и повѣсти: **Апраксина** „Кувыркомъ“, **Назарьевой** „Саламандра“, **Дубровиной** „Убійца“. **Пазухина** два романа: „Наканунѣ счастья“, и большой историческій романъ изъ временъ царя Алексѣя Михайловича „Посолъ-Дѣвица“, **Соколинскаго** „Карьера“, **Голозина** „Женское сердце“ и „Поздно“, **Риттера** „Двѣ разбитыя жизни“, **Богатырева** „Соколиное гнѣздо“. Кромѣ этого, имѣется множество небольшихъ разсказовъ **Немировича-Данченко, Гѳ, Гурлянда, Пальмина, Осипова, Соколинскаго, Невѣжина, Шуфа** и т. д.

Кромѣ всего вышесказаннаго, „**Московская Иллюстрированная Газета**“ всѣмъ годовымъ подписчикамъ даетъ безплатно, въ видѣ приложенія къ газетѣ, **ТРИ КНИГИ СБОРНИКА,** заключающія въ себѣ по нѣсколько выдающихся произведеній извѣстныхъ авторовъ и иллюстрированныхъ лучшими художниками,

Въ 1891 году вышло **ТРИ КНИЖКИ СБОРНИКА**, въ которыхъ, между прочимъ, помѣщена юмористическая поэма Я. П. Полонскаго **„СОБАКИ“.**

Оставшіяся въ небольшомъ количествѣ книги поступили въ продажу по 1 р. съ пересылкой. Подписчики „М. И. Газ.“ пользуются уступкой въ размѣрѣ 40%.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ пересылкой **8** р.; на 6 м. **5** р.; на 3 м. **3** р.; на 1 м. **1** р.
Съ доставкой въ Москвѣ **7** р.; на 6 м. **4** р.; на 3 м. **2** р.; на 1 м. **75** к.

Для годовыхъ и полугодовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка по 1 руб. въ мѣсяцъ до уплаты всей подписной суммы.

Редакторъ **А. П. Григоровъ.**
Издатели **Алексѣй и Влад. Семеновъ. Вишняковы.**

Адресъ редакціи: Москва, Петровка, Салтыков. пер., д. № 2.
Адресъ издателей: Москва, Якиманка, собственный домъ.

3—0

ОБЪ ИЗДАНІИ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНАГО ЖУРНАЛА

РУССКОЕ БОГАТСТВО

въ 1892 году

(десятый годъ изданія Л. Е. ОБОЛЕНСКАГО).

Журналъ нашъ выходитъ въ концѣ каждаго мѣсяца (исключая май и іюнь, когда выходитъ двойная книжка) и **отличается отъ другихъ** тѣмъ, что наибольшая часть его посвящена общедоступному изложенію **науки** въ Западной Европѣ и Россіи. Въ виду этого, въ журналѣ имѣются **три отдѣла для научныхъ статей:**

1 отдѣлъ состоитъ изъ большихъ, вполнѣ обработанныхъ статей по наиболѣе общеинтереснымъ вопросамъ наукъ.

2 отдѣлъ состоитъ изъ обширныхъ переводныхъ и оригинальныхъ сочиненій, печатающихся въ формѣ приложеній, съ отдѣльною нумераціей страницъ, такъ что подписчики могутъ въ концѣ года выдѣлить ихъ и получать цѣльные томы, наиболѣе выдающихся сочиненій.

3 отдѣлъ состоитъ изъ небольшихъ, но цѣльныхъ рефератовъ по текущимъ вопросамъ всѣхъ наукъ. Въ этомъ отдѣлѣ даются сжатыя изложенія особенно интересныхъ научныхъ сочиненій и статей въ иностранныхъ научныхъ журналахъ, а также обзоры научныхъ журналовъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ.

Послѣ этихъ трехъ отдѣловъ самое важное мѣсто въ журналѣ занимаетъ отдѣлъ **критическій**, въ которомъ разбираются выдающіяся русскія беллетристическія произведенія, а также русская журналистика.

ВЪ ГОДЪ:

Съ перес. и доставкой **9** руб. Безъ доставки **8** руб. За-границу **10** руб.
на полгода **4** руб. **50** коп.

Можно подписываться и на полугодіи, и съ разсрочкой подписной платы, внося деньги по мѣрѣ возможности. Кромѣ того, для учителей народныхъ школъ, а также сельскаго духовенства, студентовъ и студентокъ допускается уменьшенная плата, по соглашенію съ редакціей.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Слоновая ул., д. № 52. Можно адресовать и просто: въ С.-Петербургъ, въ редакцію „Русскаго Богатства“, такъ какъ почтамту извѣстенъ адресъ редакціи.

Для петербургскихъ подписчиковъ открыто отдѣленіе конторы при книжномъ магазинѣ Цинзерлинга, Невскій 20, близъ Полицейскаго моста.

Издатель **Л. Е. Оболенскій.**

3—0

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1892 годъ

на издаваемые при С.-Петербургской Духовной Академіи

ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ

и

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ

(съ толкованіями на Ветхій Завѣтъ).

Въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ будутъ печататься: 1) передовыя статьи, посвященныя обсужденію различныхъ церквавныхъ вопросовъ; 2) мнѣнія печати свѣтской и духовной по церковцымъ вопросамъ; 3) статьи и сообщенія, посвященныя изученію и частнѣйшей разработкѣ церковныхъ вопросовъ; 4) обозрѣніе духовныхъ журналовъ; 5) обозрѣніе свѣтскихъ журналовъ со стороны статей, представляющихъ церковный интересъ; 6) библіографическія замѣтки, или обозрѣніе и оцѣнка вновь выходящихъ богословскихъ сочиненій; 7) корреспонденціи изъ епархій и изъ-за границы и выдающихся явленіяхъ мѣстной жизни; 8) „въ области церковно-приходской практики“—отдѣлъ, въ которомъ редакція даетъ разрѣшеніе недоумѣнныхъ вопросовъ пастырской практики; 9) постановленія и распоряженія правительства; 10) лѣтопись церковной и общественной жизни въ Россіи, представляющая обозрѣніе всѣхъ важнѣйшихъ событій и движеній въ нашемъ отечествѣ; 11) лѣтопись церковной и общественной жизни за-границей, сообщающая свѣдѣнія о всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ и движеніяхъ за предѣлами нашего отечества; 12) разныя извѣстія и замѣтки, содержащія разнообразныя интересныя свѣдѣнія, не укладывающіяся въ вышеозначенныхъ отдѣлахъ. Для облегченія возложенной на епархіальныя учрежденія и церковные причты отвѣтственной обязанности—наблюдать за выходомъ въ тиражъ принадлежащихъ имъ процентныхъ бумагъ, будутъ печататься тиражныя таблицы всѣхъ процентныхъ бумагъ, въ которыхъ помѣщены церковные капиталы.

Въ „Христіанское Чтеніе“ войдутъ оригинальныя и переводныя статьи, преимущественно историческаго, апологетическаго и назидательнаго содержанія, въ которыхъ съ серьезностью научной постановки дѣла соединена будетъ и общедоступность изложенія. Въ частности въ „Христіанскомъ Чтеніи“ будутъ по-прежнему печататься толкованія на разныя книги Ветхаго Завѣта, а также неизданные памятники минувшей жизни отечественной церкви и матеріалы для біографій съ замѣчательнѣйшихъ представителей и дѣятелей.

Условія подписки.—Годовая цѣна въ Россіи: за оба журнала **7** р. съ пересылкой; отдѣльно за „Церковный Вѣстникъ“ **5** р., за „Христіанское Чтеніе“ съ „Толкованіями“ **5** р. За-границей, для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала **9** р., за каждый отдѣльно **7** р. съ перес. Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: „Въ редакцію „Церковнаго Вѣстника“ и „Христіанскаго Чтенія“, въ С.-Петербургѣ. *Подписывающіеся* въ Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (Невскій Проспектъ, д. № 172, кварт. № 12), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакція и гдѣ принимаются объявленія для печатанія и разсылки при „Церк. Вѣст.“ 3—0

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„СТРАННИКЪ“

НА **1892** ГОДЪ.

(ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПОДЪ НОВОЮ РЕДАКЦІЕЙ.)

Журналъ „Странникъ“ съ октября 1880 года издается новою редакціей по слѣдующей программѣ:

1) Богословскія статьи и изслѣдованія по разнымъ отраслямъ общей церковной исторіи и историко-литературнаго знанія,—преимущественно въ отдѣлахъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ православной восточной и русской жизни. 2) Статьи, изслѣдованія и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ русской церковной исторіи. 3) Бесѣды, поученія, слова и рѣчи извѣстнѣйшихъ проповѣдниковъ. 4) Статьи философскаго содержанія по вопросамъ современной богословской мысли. 5) Статьи публицистическаго содержанія по выдающимся явленіямъ церковной жизни. 6) Очерки, разсказы, описанія, знакомящія съ укладомъ и строемъ церковной жизни вообще христіанскихъ исповѣданій, особенно — съ жизнью пастырства и преимущественно у Славянъ. 7) Бытовые очерки, разсказы и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего духовенства, общества и простаго народа. 8) Внутреннее церковное обозрѣніе и хроника епархіальной жизни. 9) Иностранное обозрѣніе: важнѣйшія явленія текущей церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на востокѣ и западѣ, особенно у Славянъ. 10) Обзоръ русскихъ духовныхъ журналовъ и епархіальныхъ вѣдомостей. 11) Обзоръ свѣтскихъ журналовъ, газетъ и книгъ; отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ журнала. 12) Библіографическія и критическія статьи о новыхъ русскихъ книгахъ духовнаго содержанія, а также и о важнѣйшихъ произведеніяхъ иностранной богословской литературы. 13) Книжная лѣтопись: ежемѣсячный указатель всѣхъ вновь выходящихъ русскихъ книгъ духовнаго содержанія; краткіе отзывы о новыхъ книгахъ. 14) Хроника важнѣйшихъ церковно-административныхъ распоряженій и указовъ. 15) Разныя отрывочныя извѣстія и замѣтки; корреспонденціи; объявленія.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ 10 до 12 и болѣе листовъ. Подписная цѣна: съ пересылкой въ Россіи и доставкой въ С.-Петербургѣ шесть руб.; съ пересылкой за границу восемь руб. Адресоваться: въ редакцію журнала „Странникъ“, въ С.-Петербургѣ (Невскій Просп., д. № 173).

3—0. Редакторы-издатели: *А. Васильковъ.—А. Пономаревъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1892 годъ

(6-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

„ДОНСКАЯ РѢЧЬ“

ГАЗЕТА ДОНСКАГО КРАЯ.

Выходитъ **три раза** въ недѣлю и **четыре** — въ исключительныхъ случаяхъ.

ПРОГРАММА: правительственныя распоряженія, статьи по вопросамъ мѣстной жизни, телеграммы, корреспонденціи, новости Донского края и сосѣднихъ губерній, фельетоны, очерки, разсказы, стихотворенія, смѣсь, юмористическій отдѣлъ, справочныя свѣдѣнія и проч.

Въ газетѣ „Донская Рѣчь“ читатели найдутъ свѣдѣнія о всѣхъ болѣе или менѣе интересныхъ фактахъ и явленіяхъ жизни Донской области. Редакція въ настоящее время имѣетъ постоянныхъ корреспондентовъ въ каждомъ городѣ и каждой болѣе населенной станицѣ и волости области. Держась вышеприведенной программы, Редакція въ настоящемъ году помѣститъ, между прочимъ, рядъ статей, касающихся военнаго быта казаковъ, экономическаго положенія края, рядъ очерковъ, разсказовъ и набросковъ изъ современной и прошлой жизни области и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ.	**5** руб.
На ½ года	**3** „
На 1 мѣсяцъ	**1** „

Адресъ: *Новочеркасскъ, въ Редакцію „Донской Рѣчи“.*

3—2 Редакторъ-издатель **Ив. Поповъ.**

„БЛАГОВѢСТЪ“

повременное изданіе, имѣющее цѣлью выясненіе духовно-нравственныхъ стремленій и задачъ и бытовыхъ условій жизни Россіи и остальнаго Славянства, издается съ 15 августа 1890 года, подъ руководствомъ **Аѳ. Васильева.** Сотрудники **Н. П.** и **Ѳ П. Аксаковы, С. Ѳ. Шараповъ. А. Г. Сахарова, Н. Н. Филипповъ, К. И. Одынецъ, Л. М. Медвѣдевъ А. А. Коринфскій** и др. Выходитъ два раза въ мѣсяцъ. Цѣна: за годъ съ дост. и пересыл. **пять** руб. Подписка принимается: съ 1 авг. 1891 по 1 авг. 1892 г. ц. пять р. и съ 1 авг. по конецъ года ц. два руб. **Благовѣсть** за 1890 г. съ руководящими статьями: **Аѳ. Васильева. Задачи и стремленія Славянофильства** и **Н. Аксакова.—Причины невѣрія** высылается за 2 р. *Кормчій (редакція) изданія: Петроградъ, Пет. стор. Большой пр. д. 1. Отдѣленіе при русско-славянскомъ книжномъ складѣ: Невскій, 74.* Подписка принимается также въ книжныхъ лавкахъ „Новаго Времени“ и кромѣ того, въ Москвѣ: у Н. Печковской, Петровскія линіи и у И. Ф. Папкова, Тверская, Чернышевскій переулокъ.

3—0 Кормчій **Ѳ. В. Четыркинъ.** Издательница **А. В. Васильева**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1892** ГОДЪ

на еженедѣльный иллюстрированный популярно-научный журналъ

для семейнаго чтенія

„ПРИРОДА и ЛЮДИ".

Подписной годъ съ 1 ноября 1891 г. по 1 ноября 1892 г.

52 еженедѣльныхъ номера. Каждый № украшенъ 8 — 12 рисунками первоклассныхъ иллюстраторовъ и содержитъ въ себѣ 6 — 8 большихъ статей: популярно-научныхъ очерковъ по всѣмъ отраслямъ естествознанія, разсказовъ изъ путешествій и жизни различныхъ народовъ, живописныхъ очерковъ и картинъ, чудесъ природы, біографій ученыхъ, путешественниковъ и изобрѣтателей, романовъ, повѣстей и разсказовъ и т. д., и т. д. Кромѣ того, въ каждомъ № помѣщается масса мелкихъ замѣтокъ о новѣйшихъ путешествіяхъ, изобрѣтеніяхъ, открытіяхъ въ области естественной науки, полезныхъ совѣтовъ и рецептовъ, научныхъ развлеченій и занятій и пр.

Въ будущемъ году въ журналѣ будутъ помѣщены: „Картины изъ жизни первобытнаго человѣка"—д-ра А. В. Елисѣева, съ ориг. иллюстраціями А. М. Котляревскаго, статьи о свѣтящихся растеніяхъ и животныхъ, о пигмеяхъ, о дикаряхъ-землѣдахъ, о предкахъ нашихъ животныхъ (съ рисунками, изображающими сцены изъ жизни вымершихъ животныхъ), о падающихъ звѣздахъ, о прошедшемъ и будущемъ нашей планеты, о кровавомъ дождѣ, „Въ Новый Свѣтъ" — большой разсказъ В. Ю. Дружинина, иллюстрированный худ. А. А. Наумовымъ, „Японія и японцы"—послѣднее произведеніе † путешественника П. И. Пашино, „Индійскіе кудесники"—разсказъ В. П. Желиховской, „Месть шамана" — разсказъ В. Я. Максимова, „За святую Русь" - историч. романъ Е. Ѳ. Шрекника и мн. др.

12 ежемѣсячныхъ художественныхъ приложеній, которыя составятъ великолѣпный альбомъ подъ общимъ заглавіемъ:

„ПРИРОДА и ЛЮДИ РОССІИ".

Альбомъ будетъ состоять изъ **48** (по 4 ежемѣсячно) фототипическихъ снимковъ съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ: И. К. Айвазовскаго, проф. А. П. Боголюбова, В. А. Голынскаго, акад. Ѳ. С. Горшельта, В. Г. Казанцева, акад. А. Д. Кившенко, Г. П. Кондратенко, А. И. Куинджи, проф. А. Ф. Лагоріо, проф. А. И. Мещерскаго, акад. И. Е. Рѣпина, Н. А. Сергѣева, † акад. Р. Г. Судковскаго, акад. П. А. Черкасова, акад. И. И. Шишкина и мн. др.

Снимки будутъ отпечатаны на слоновой бумагѣ въ форматѣ журнала, выполненіе ихъ поручено фототипу Императорской Академіи Художествъ В. И. Штейну.

Въ качествѣ оригиналовъ редакція получила разрѣшеніе воспользоваться картинами, находящимися во дворцѣ Его Императорскаго Высо-

чества Великаго Князя Владимира Александровича, въ Императорскомъ Эрмитажѣ и Картинной Галлереѣ Императорской Академіи Художествъ.

Изъ картинъ этихъ выбраны тѣ, которыя изображаютъ природу нашей родины: русскіе моря, рѣки, водопады, горы, города, фауну, флору и т. д.— и жизнь ея разноплеменныхъ обитателей.

При первомъ выпускѣ альбома (въ ноябрѣ мѣсяцѣ) всѣмъ подписчикамъ будетъ безплатно разослана художественно исполненная обложка изъ бристольскаго картона.

Цѣна журнала со всѣми приложеніями, съ пер. и дост., **на годъ 5 рублей**.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 апрѣля 2 руб. и къ 1 іюля—1 руб.

За 1889—1890 г. журналъ весь разошелся, за 1891 г. осталось небольшое количество.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., 47.

Редакторъ **С. Груздевъ**. Издатель **П. Сойкинъ**.

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1892 годъ.

на ежедневную общественную, литературную и политическую газету

безъ предварительной цензуры.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“

Основная задача газеты—оставаться вѣрной своему названію, то-есть посвящать свои силы возможно полному изученію нуждъ родной земли.

Подписная цѣна для иногородныхъ съ пересылкой:

на годъ—**9** р., полгода—**5** р., три мѣсяца—**3** р., одинъ мѣсяцъ—**1** р.

Разсрочка допускается со взносомъ не менѣе **1** рубля ежемѣсячно впередъ.

Новымъ подписчикамъ, которые внесутъ до ноября мѣсяца полную подписную сумму за годъ „Русская Жизнь“ за ноябрь и декабрь текущаго года будетъ высылаться безплатно. Полугодовымъ подписчикамъ газеты будетъ высылаться безплатно лишь за декабрь мѣсяцъ.

Лицамъ, желающимъ ознакомиться съ „Русскою Жизнью“, газета высылается въ теченіе мѣсяца за шесть семикопѣечныхъ марокъ.

Требованія на газету адресуются:

Въ С.-Петербургъ, въ контору „Русской Жизни“, Невскій Пр., д. 65.

Редакторъ-издатель **А. Пороховщиковъ**.

3—0

ГОДЪ XI. ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ. **ГОДЪ XI.**

„РЕБУСЪ“.

Еженедѣльный журналъ.

Вступая въ новое десятилѣтіе своего существованія, журналъ нашъ сохранитъ прежнее направленіе, хорошо извѣстное нашимъ читателямъ. Для желающихъ же ознакомиться съ нимъ мы скажемъ нѣсколько словъ о нашей дѣятельности въ истекшемъ десятилѣтіи. Въ дни основанія нашего журнала не только русская, но и иностранная пресса, исключая спеціальной, не говорила почти ни слова о самой важнѣйшей области человѣческаго знанія: о психическихъ, сверхчувственныхъ явленіяхъ. Мы отвели обширное мѣсто въ журналѣ обзору фактовъ и наблюденій въ этой области. Помѣщенныя нами статьи о **гипнотизмѣ**, **магнетизмѣ**, **ясновидѣніи** и **медіумизмѣ** (спиритизмѣ) даютъ полную картину современнаго взгляда на эти таинственныя явленія. Журналъ нашъ единственный изъ всей русской прессы шагъ за шагомъ слѣдилъ за энергическою дѣятельностью „Лондонскаго Общества для психическихъ изслѣдованій“, руководимаго извѣстными англійскими учеными. Мы заимствовали изъ его „Трудовъ“ статьи о передачѣ мысли на разстояніи (телепатія), описанія тщательно провѣренныхъ членами Общества случаевъ явленія призраковъ: прижизненныхъ, предсмертныхъ и посмертныхъ. Статьи извѣстныхъ дѣятелей и ученыхъ по всѣмъ вопросамъ этой мало еще изслѣдованной области тоже нашли мѣсто въ нашемъ журналѣ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и противорѣчатъ нашимъ взглядамъ, какъ, напримѣръ, сочиненіе извѣстнаго нѣмецкаго философа Эд. Гартмана—„Спиритизмъ“, стремящееся нанести спиритизму смертельный ударъ.

Существующая уже нынѣ обширная литература неопровержимо свидѣтельствуетъ, что интересъ къ психизму все болѣе и болѣе растетъ: факты и наблюденія въ этой области накопляются съ поразительною быстротой и даютъ намъ богатый матеріалъ для нашей дальнѣйшей дѣятельности.

Въ теченіе года будетъ печататься **отвѣтъ А. Н. Аксакова** на сочиненіе Гартмана „Спиритизмъ“.

Въ **беллетристическомъ отдѣлѣ** помѣщаются романы, повѣсти и разсказы, а подъ рубрикою **смѣсь** извѣстія о новѣйшихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, и также выдающіяся событія ежедневной жизни.

Цѣна на годъ 5 р., на полгода 3 р. съ дост., а безъ дост. 4 р. и 2 р. 50 к. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 1 р. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи книж. магаз. Мартынова.—Невскій, 46; въ книж. магаз. Вольфа, Мелье, „Новаго Времени“, и др. **Чрезъ почту** деньги высылаются по адресу: С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „РЕБУСЪ“.

Можно получить журналъ 1884—1889 гг. по 3 руб. за годъ, 1890 г.—4 р. 1891 г.—5 руб.

Редакторъ-Издатель **В. Прибытковъ.**

3—0

Открыта подписка на 1892 г.

(третій годъ изданія.)

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“,

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ПРЕДНАЗНАЧАЕМЫЙ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ И ВОСПИТАТЕЛЕЙ.

Цѣль журнала—возможно широкое распространеніе среди русскаго общества разумныхъ свѣдѣній о возможно правильномъ установленіи вопросовъ воспитанія въ семьѣ и школѣ. Съ этою же цѣлью въ теченіе 1892 года, кромѣ ряда общепедагогическихъ статей, предполагается дать рядъ очерковъ педагогическихъ взглядовъ лучшихъ русскихъ педагоговъ, а для систематическаго знакомства съ воззрѣніями иностранныхъ педагоговъ предполагается въ Приложеніяхъ напечатать переводъ книги англійскаго педагога Quick'a, подъ заглавіемъ: „Реформаторы воспитанія“.

Программа журнала слѣдующая:

1) Оригинальныя и переводныя статьи.
2) Критика и библіографія.
3) Мелкія сообщенія—(рефераты).
4) Хроника.
5) Приложенія—(литературно-педагогическіе очерки, разсказы, воспоминанія и т. д.)
6) Объявленія.

Къ журналу будутъ прилагаться рисунки.

Срокъ выхода восемь разъ въ годъ (первые и послѣдніе мѣсяцы года, а въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ выходить не будетъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

въ годъ безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 р., съ пересылкой за границу 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей плата съ подписной цѣны уменьшается на 1 р.; кромѣ того, допускается разсрочка уплаты въ два срока.

Подписка и объявленія принимаются: въ конторѣ редакціи (Москва, Кудринская Садовая, Софійская Лѣтская больница, кварт. Главн. Д-ра) и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногородныхъ просятъ обращаться прямо въ редакцію журнала.

3—0. Редакторъ-издатель д-ръ **Е. А. Покровскій**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ

ПАНТЕОНЪ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Пятый годъ).

За годъ **6** р. (**Редакція СПБ., Николаевская, 16**). За полгода **3** р.

ТРЕХМѢСЯЧНЫЙ историко-литературный журналъ.

Въ портфелѣ редакціи на 1892 г. имѣются слѣдующія произведенія: 1) Аріосто, „Неистовый Роландъ", пер. въ стихахъ С. Уварова; 2) Сочиненія В. П. Боткина (статьи объ искусствахъ; 3) Эразмъ Роттердамскій, „Похвала глупости"; 4) Письма темныхъ людей, пер. проф. А. И. Кирпичникова; 5) „Персидскія письма" Монтескьё; 6) Сочиненія Людвига Берне; 7) Сильвіо Пеллико; 8) Комедіи Шеридана; 9) Шелли, этюдъ Г. Брандеса; 10) „Homunculus", поэма Р. Гаммерлинга; 11) Народные свадебные обряды и пѣсни на Волыни; 12) Критич. статьи Ж. Леметра о франц. писателяхъ, 13) Эннекенъ, Теорія научной критики; 14) Монтэнъ, Опыты; 15) Руссо, Сочиненія и др.

Выписывающіе журналъ за 1890, 1891 и 1892 гг. платятъ 18 руб.

СЕМЕЙНАЯ БИБЛІОТЕКА.

(Третій годъ.)

За годъ **2** р. ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ. За полгода **1** р.

„Семейн. Библ." имѣетъ своею задачей—дать читателямъ возможность составить себѣ библіотеку изъ произведеній избранныхъ русскихъ и иностранныхъ авторовъ, исключительно по изящной литературѣ.

За два года существованія, „Сем. Библ." успѣла дать, между прочимъ, слѣдующія произведенія: Г. П. Данилевскаго, „Потемкинъ на Дунаѣ"; Искандера, „Кто виноватъ?"; Ѳ. Толстого, „Болѣзни воли"; стих. Батюшкова и Козлова; Смирновой, „Огонекъ"; Сальяновой, „Законный исходъ" (пов.); Филиппова, „Истор. разсказы"; Нарѣжнаго, „Два Ивана"; Шамиссо, „Чудесная исторія"; Гюго, „Послѣдній день осужденнаго" и „Шпіонъ"; Шатобріана, „Атала", и др.

Оставшіеся годовые экземпляры за 1890 и 1891 года могутъ быть выписаны, съ уплатой 2 руб. за каждый годъ.

КОЛОСЬЯ.

(Девятый годъ).

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ журналъ литературы, науки, искусствъ и общественной жизни (съ рисунками и картинами).

За годъ 8 р., полгода 4 р., за три мѣсяца 2 р.

Гг. годовые подписчики „Колосьевъ" получатъ томъ избранныхъ произведеній графа Л. Н. ТОЛСТОГО, съ біографіей, портретомъ и иллюстраціями—спеціально изготовленнаго для нашего изданія извѣстнымъ академикомъ П. П. СОКОЛОВЫМЪ.

Гг. подписчики, выписывающіе на 1892 годъ всѣ **ТРИ** журнала, уплачиваютъ съ пересылкой и доставкой **14** руб.

З.—О.

„РУССКІЙ ЛИСТОКЪ“

ЕДИНСТВЕННАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ БОЛЬШАЯ ДЕШЕВАЯ ГАЗЕТА.

Открыта подписка на 1892 годъ.

Громадный наплывъ читателей „Русскаго Листка“ далъ редакціи возможность, не возвышая подписной цѣны, увеличить форматъ газеты и уже съ декабря текущаго года, съ прибытіемъ изъ-за границы новой ротаціонной машины, газета будетъ печататься въ СЕМЬ СТОЛБЦОВЪ убористаго шрифта.

Въ изданіи участвуютъ: С. Ѳ. Рыскинъ, А. М. Пазухинъ, И. А. Вашковъ, В. А. Риваль, Н. А. Хлоповъ, Д. С. Дмитріевъ, И. К. Кондратьевъ, М. А. Козыревъ, А. А. Риттеръ, А. П. Андріевскій, Е. О. Дубровина, М. С. Сковронская, Елизавета Г., Я. Д. Земскій, Л. И. Ретюнская, В. С. Карцовъ, Л. А. Фейгинъ, В. В. Васильевъ, С. С. Будченко, Р. А. Менделевичъ, Н. Н. Кельшъ и мног. др.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

годъ 5 р., полгода 3 р., мѣсяцъ 60 к.

Почтовыя марки вмѣсто денегъ безусловно не принимаются.

Съ января начнется печатаніе большаго романа изъ исторіи раскола С. Ѳ. РЫСКИНА

„КУПЛЕННЫЙ МИТРОПОЛИТЪ

или

РОГОЖСКІЕ МИЛЛІОНЫ“.

Адресъ: Москва. Бол. Лубянка, Варсонофьевскій пер., д. Рябушинскаго.

3—0

КОНТРАКТЪ

„БУДИЛЬНИКА“ СЪ ПОДПИСЧИКОМЪ на 1892 ГОДЪ.

Мы, заслуженный юмористическій журналъ „Будильникъ“ и россійскій подписчикъ заключаемъ сей контрактъ на 1892 г. въ нижеслѣдующемъ: 1) Я, подписчикъ, обязуюсь въ видахъ собственныхъ выгодъ какъ можно скорѣе подписаться на „Будильникъ“. 2) Я, „Будильникъ“, обязуюсь выдавать подписчику въ теченіе года 50 нумеровъ журнала разнообразнаго серьезно-юмористическаго и веселаго содержанія съ карикатурами и рисунками въ краскахъ. 3) Въ каждомъ, нумерѣ, уловивъ „злобу дня“, еще злѣе оную нарисовать и описать. 4) Слѣдить за политикой и не допускать въ оной никакихъ упущеній. 5) Не давать спуска провинціи. Забраться во всѣ города и городишки и вывести на свѣжую воду всѣхъ ея сомнительныхъ дѣльцовъ. 6) Я, подписчикъ, обязуюсь читать все отъ строки до строки и даже между строкъ. 7) Я, „Будильникъ“, за такое примѣрное поведеніе обязуюсь въ награду подписчику: 8) Напечатать библіографическую рѣдкость—одинъ изъ первыхъ русскихъ юмористическихъ журналовъ, Екатерининскихъ временъ.—„Всякая всячина“. 9) Я, „Будильникъ“, обязуюсь дать вторую награду—напечатать нѣкоторыя „веселыя“ пьесы, имѣвшія успѣхъ на столичныхъ сценахъ. 10) Я, „Будильникъ“, получивъ со всѣхъ концовъ Россіи отзывы о докторахъ и адвокатахъ, обязанъ, въ видѣ третьей награды, дѣлиться съ подписчиками этими отзывами. 11) Кромѣ всего этого, я „Будильникъ“, обязуюсь выдать подписчикамъ небывалую премію:

БАСНИ КРЫЛОВА ВЪ ЛИЦАХЪ.

Для сего я долженъ: а) Избрать 10 лучшихъ басенъ дѣдушки Крылова. б) Дать полный текстъ оныхъ. в) Иллюстрировать каждую басню примѣнительно къ нашей общественной жизни и составить изъ 10 басенъ и 10 иллюстрацій изящнѣйшій альбомъ. г) Заключить его въ обложку, съ портретомъ дѣдушки Крылова и аллегорически-ехидныхъ изображеніемъ его любимыхъ персонажей.

12) Я, годовой подписчикъ, обязуюсь съ душевнымъ прискорбіемъ доплатить за оную премію, сверхъ подписной платы, еще одинъ рубль.

Адресъ редакціи, по которому слѣдуетъ пересылать деньги:

Москва, Тверская, д. Гинцбурга, редакція журнала „Будильникъ.“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ, въ Москвѣ, безъ преміи—**8** р., съ преміей—**9** р., для иногород., безъ преміи **9** р., съ преміей **10** руб., на полгода въ Москвѣ **4** р. **50** к., для иногород. **5** р., безъ права на премію.)

Примѣчаніе. Кому трудно внести всю годовую плату, тотъ можетъ (съ правомъ на премію подписаться съ разсрочкой, внеся при подпискѣ пять рублей, а остальные уплатить до іюня.

3—0

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1858—92.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1892 годъ

на еженедѣльный политическій, литературно-художественный и юмористическій журналъ съ каррикатурами

„РАЗВЛЕЧЕНІЕ".

Журналъ даетъ въ годъ пятьдесятъ №№, въ которыхъ помѣщается болѣе восьмисотъ прекрасно исполненныхъ рисунковъ извѣстныхъ каррикатуристовъ-художниковъ, причемъ въ каждомъ нумерѣ многіе изъ каррикатуръ являются въ раскрашенномъ видѣ. Литературный отдѣлъ вмѣщаетъ въ себѣ массу художественныхъ разсказовъ, сценъ, очерковъ, стихотвореній и всякаго рода юмористическихъ мелочей, трактующихъ злобу дня. Въ то же время редакція, проникнутая горячимъ стремленіемъ стоять на стражѣ общественныхъ интересовъ и рисовать полную картину нравовъ современнаго общества, даетъ въ журналѣ мѣсто различнымъ статьямъ и фельстонамъ, обсуждающимъ въ серьезномъ и сатирическомъ тонѣ всѣ общественныя дѣла столицъ и провинціи, а также помѣщаетъ большіе романы, повѣсти и драматическія произведенія нравоописательнаго характера.

Ради возможно хорошаго и изящнаго изготовленія литографскихъ работъ по печатанію и раскрашиванію рисунковъ, редакція поручила эти работы лучшей въ Москвѣ литографіи—художника В. А. Симова.

Въ виду значительно увеличивающейся подписки,—въ наступающемъ 1882 году издательница нашла возможнымъ дать всѣмъ годовымъ подписчикамъ ТРИ ПРЕМІИ, изъ которыхъ двѣ главныя—гравюры съ картинъ знаменитыхъ французскихъ художниковъ Котта и Фэрье:

Первая премія: **ОФЕЛІЯ и ГАМЛЕТЪ**. Вторая премія: **ВЪ БУРЮ**, каждая въ размѣрѣ около $^{14}/_{9}$ вершковъ. Третья премія представляетъ изъ себя художественно исполненный альбомъ портретовъ знаменитыхъ артистовъ, съ ихъ автографами, подъ названіемъ: **НАШИ ТАЛАНТЫ**.

Эти портреты будутъ разсылаться, по мѣрѣ ихъ отпечатанія, въ видѣ приложеній къ журналу. Двѣ главныя преміи высылаются немедленно по подпискѣ. Для ознакомленія публики съ выдающимися достоинствами нашихъ премій, какихъ не выдавало подписчикамъ еще ни одно изданіе, они выставлены въ окнахъ извѣстныхъ книжныхъ, эстампныхъ и писчебумажныхъ магазиновъ столицъ и провинцій.

Условія подписки (съ доставкой и пересылкой): На годъ **6** р., полгода **3** р., три мѣсяца **1** р. **50** к., одинъ мѣсяцъ **50** к.

За преміи годовые подписчики уплачиваютъ **1** р. Уплата подписныхъ денегъ марками не принимается. Пробный № высылается за три семикопѣечныя марки.

Подписка принимается въ главной конторѣ журнала: Москва, Цвѣтной бульваръ, Знаменскій пер., домъ Соѣдовой, въ конторѣ Н. Печковской (Петровскія линіи), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинціи.

Издательница **А. Соѣдова**. Редакторъ **Н. Соѣдовъ**.

3—0

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 Г.

(четырнадцатый годъ изданія)

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ.

(50 №№ въ годъ.)

ВЫХОДИТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

(Четырнадцатый годъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ. . . . . 6 р. | На полгода. . . . **3 р. 50 к.**

Лица, подписавшіяся не менѣе, какъ на полгода, со дня подписки по 1 января 1892 г., получатъ газету *безплатно.* Учителя и учительницы городскихъ и сельскихъ *начальныхъ* училищъ, а также воспитанники учебныхъ заведеній могутъ получать газету *по уменьшенной цѣнѣ,* именно: за годъ 4 рубля, за полгода 2 р. 50 к.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства". 2) Хроника мѣстной жизни. 3) Корреспонденціи собственныхъ корреспондентовъ изъ Приуралья и Сибири. 4) Статьи научнаго и политическаго содержанія. 5) Статьи по вопросамъ, текущимъ нуждамъ и потребностямъ Приуралья и Зауралья. 6) По Россіи. 7) За границей. 8) Изъ газетъ. 9) Къ изученію Пермской губерніи. 10) Критика и библіографія. 11) Отчеты о засѣданіяхъ земскихъ и городскихъ учрежденій и ученыхъ обществъ Пермской губерніи. 12) Фельетонъ. 13) Литературный отдѣлъ (повѣсти, разсказы—оригинальные и переводные—и стихотворенія). 14) Смѣсь. 15) Справочный отдѣлъ: списокъ дѣлъ, назначаемыхъ къ слушанію въ Екатеринбургскомъ окружномъ судѣ и резолюціи этого суда; коммерческія телеграммы; цѣны хлѣбовъ на главнѣйшихъ русскихъ рынкахъ; бюллетени метеорологическихъ станцій на Уралѣ; календарныя, желѣзнодорожныя, почтовыя, телеграфныя и друг. свѣдѣнія. 16) Объявленія. 17) Приложеніе: „Записки Уральскаго общества любителей естествознанія".

Въ теченіе 1891 года въ беллетристическомъ отдѣлѣ „Екатеринбургской Недѣли", по примѣру прошлаго года, не помѣщено ни одной перепечатки: все напечатанное было написано или переведено съ иностраннаго спеціально для „Екатеринбургской Недѣли."

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ г. Екатеринбургѣ (Вознесенскій проспектъ, домъ № 44).

Редакторъ-издатель **А. М. Симоновъ.**

Редакторъ **П. Н. Галинъ.**

3—0

„ЛУЧЪ“.

Не увеличивая подписной цѣны, за прежніе **6** руб. въ годъ и **3** руб. за полгода,

ГАЗЕТА „**ЛУЧЪ**“ БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ

съ 1892 года,

ТРИ раза въ недѣлю: по **ВТОРНИКАМЪ, ЧЕТВЕРГАМЪ и СУББОТАМЪ.**

Содержаніе каждаго нумера: передовыя статьи (С. С. Окрейца), телеграммы, политическія обозрѣнія, фельетоны, судебные отчеты и другія рубрики, какъ во всѣхъ большихъ газетахъ.

„ЛУЧЪ“ издается безъ предварительной цензуры.

Безплатныя приложенія къ газетѣ „ЛУЧЪ“.

1) „**Иллюстрированный Міръ**“, большой иллюстрированный журналъ (52 нумера въ годъ), выходитъ по **Воскресеньямъ**, со множествомъ политипажей, оригинальными статьями и беллетристикой.

2) **Романы**. Ежемѣсячно большая книга (15 печатныхъ листовъ—240 страницъ); двѣнадцать книгъ въ годъ, преимущественно **оригинальныхъ** романовъ и повѣстей.

3) **Моды**. Ежемѣсячно нумеръ модъ, дамскихъ рукодѣлій, рецептовъ и совѣтовъ по хозяйству.

ПРЕМІЯ:

4) **Жигулевскія горы на Волгѣ.** Большая олеографія (длина 1 арш. 6 верш., ширина 12 вершк.), исполненная въ Берлинѣ, домомъ Трейче и К°. По тонкости и отчетливости работы, можетъ вполнѣ замѣнить живопись.

Редакція сдѣлала все отъ нея зависящее, чтобы ея изданія, по цѣнѣ (6 р. въ годъ) и полнотѣ, были наиболѣе полны и интересны: не увеличивая подписной цѣны, превратила еженедѣльное изданіе „ЛУЧЪ“ въ изданіе, выходящее ч е т ы р е раза въ недѣлю (во Вторникъ, Четвергъ и Субботу газета „ЛУЧЪ“, а въ **Воскресенье**—„Иллюстрированный Міръ“).

Наши **12** книгъ романовъ составятъ порядочную библіотеку за годъ.

Въ портфелѣ редакціи имѣются романы: „Мыканіе“, романъ С. С. Окрейца, составляющій прололженіе напечатаннаго въ 1891 году романа „Кто виноватъ?“; романы Соколовой, Николаевой, Назарьевой, Цѣхановича и друг.

Наши ежемѣсячныя моды, рукодѣлья, совѣты по хозяйству и рецепты, гигіена и техника вполнѣ удовлетворятъ требованія нашихъ читательницъ.

ПРЕМІЯ: „Жигулевскія горы“—**цѣнная** и великолѣпная премія.

Теперь просимъ сообразить—насколько прочіе газеты и журналы дороже „ЛУЧА“ съ его безплатными приложеніями. По части дешевизны, разнообразія и полноты, редакція сдѣлала безспорно все отъ нея зависящее.

Надѣемся—наши подписчики не оставятъ насъ и постараются распространить наше изданіе между своими знакомыми.

Редакторъ-издатель **О. Окрейцъ.**

3.—0.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 Г.

на еженедѣльную газету

„ЗЕМСКІЙ ВРАЧЪ“

(Пятый годъ изданія).

изданіе, посвященное вопросамъ земской медицины.

Выходитъ въ г. Черниговѣ въ объемѣ отъ 1 до 2 печатныхъ листовъ въ недѣлю по слѣдующей программѣ:

1. Руководящія статьи по общимъ вопросамъ земской медицины; статьи по медицинской статистикѣ и медикотопографическіе очерки. Фабричная медицина.
2. Оригинальныя и переводныя статьи по гигіенѣ и профилактикѣ. Казуистика.
3. Популярныя статьи (въ видѣ приложеній) по вопросамъ гигіены и профилактики.
4. Рефераты, хроника, смѣсь.
5. Корреспонденціи. Отчеты о врачебныхъ съѣздахъ.
6. Объявленія.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой въ годъ: **6 р.** (для фельдшеровъ, фельдшерицъ и акушерокъ—**4 р.**). На полгода—**3 р.** (для фельдшеровъ, фельдшерицъ и акушерокъ—**2 р.**).

Подписка принимается: **г. Черниговъ, Евгенію Владиміровичу Святловскому.**

3—2 Редакторъ-Издатель д-ръ *Е. Святловскій.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ГАЗЕТУ

общественной жизни, политики, литературы, промышленности и торговли

„КУРСКІЙ ЛИСТОКЪ“

на 1892 годъ

(14-й годъ изданія).

Выходитъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ пересылкой и доставкой: за 12 мѣс.—5 р., 6 мѣс.—2 р. 50 к. 3 мѣс.—1 р. 25 к., 2 мѣс.—1 р., 1 мѣс.—60 к.

Безъ доставки: на 12 мѣс.—4 р., на 6 мѣс.—2 р., на 3 мѣс.—1 р. Отдѣльные №№ *Курскаго Листка*—5 к. Подписка принимается съ 1 числа каждаго мѣсяца.

Курскъ, Можаевская улица, домъ Фесенко, а также въ отдѣленіяхъ конторы въ уѣздныхъ городахъ Курской губерніи. 3—0

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 Г.

(ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему возстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три главные отдѣла журнала: I, **оригинальныя статьи**; II, **документы, извѣстія и замѣтки**; III, **критика и библіографія**. Сверхъ того, редакція постарается расширить отдѣлъ библіографическихъ справокъ и отдѣлъ приложеній, въ который войдутъ: а) **рисунки**, исполненные фототипіей; б) **не менѣе одного печатнаго листа** въ каждомъ номерѣ цѣнныхъ **научныхъ матеріаловъ**; в) **библіографическій указатель** всѣхъ статей, документовъ, извѣстій, замѣтокъ и проч., помѣщенныхъ въ „КІЕВСКОЙ СТАРИНѢ“ въ теченіе **перваго десятилѣтія** ея существованія (1882—1891 гг.).

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

	на годъ.
Съ пересылкой и доставкой.....	10 руб. — коп.
Безъ доставки и пересылки.....	8 „ 50 „
За границу	12 „ — „

Разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за всѣ прежніе годы, кромѣ 1882-го, по **8 руб.** годъ, а отдѣльныя книжки журнала по **1 руб.**

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Кіевъ, Кузнечная ул., 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

3—0

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

на 1892-й годъ.

(ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Газета будетъ выходить въ прежнемъ объемѣ, постоянно пополняясь различными отдѣлами, согласно своей обширной программы.

Главное вниманіе редакціи обращено на возможно широкое развитіе областнаго отдѣла, сельскохозяйственнаго и торгово-промышленнаго.

Въ газетѣ постоянно печатаются обстоятельныя торговыя свѣдѣнія и цѣны Орловскаго, Елецкаго и другихъ ближайшихъ къ Орлу рынковъ и мѣстностей.

На вѣрность торговыхъ сообщеній обращается особое вниманіе. Во всѣхъ уѣздныхъ городахъ орловской и смежныхъ губерній редакція имѣетъ своихъ корреспондентовъ.

ПОДПИСКА ОТКРЫТА на прежнихъ условіяхъ: съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города на годъ 7 руб. на одиннадцать мѣс. 6 р. 50 к., десять мѣс. 6 р., девять мѣс. 5 р. 50 к., восемь мѣс. 5 р., семь мѣс. 4 р. 50 к., шесть мѣс. 4 р., пять мѣс. 3 р. 50 к., четыре мѣс. 3 р., три мѣс. 2 р. 40 к., два мѣс. 1 р. 70 к., одинъ мѣс. 90 к., полмѣсяца 50 к.

Для удобства подписчиковъ подписка принимается и съ разсрочкой на слѣдующихъ условіяхъ: по полугодіямъ—въ Январѣ и Іюнѣ по 3 р. 50 к., по третямъ года—въ Январѣ, Апрѣлѣ и Іюлѣ по 2 р. 35 к., помѣсячно—по 1 р. и на другихъ, удобныхъ для подписчиковъ и конторы, условіяхъ.

Для ознакомленія газета высылается безплатно.

Подписка также принимается на всѣ сроки и съ КАЖДАГО ЧИСЛА ТЕКУЩАГО МѢСЯЦА, но тогда къ подписной цѣнѣ срока приплачивается только иногородными, за первый мѣсяцъ 15 к. почтовыхъ. За перемѣну адреса иногородные уплачиваютъ 25 к., причемъ необходимо сообщать прежній адресъ. Копѣйки могутъ быть высылаемы марками.

Плата за объявленія: за каждую строку петита въ 40 буквъ въ одинъ столбецъ или за занимаемое строкой мѣсто, позади текста, въ первый разъ уплачивается 10 к. и 5 коп. со строки въ слѣдующіе разы. На первой страницѣ, впереди текста, плата вдвое дороже. За объявленія, печатаемыя отъ 10 до 100 разъ, дѣлается уступка отъ 10% до 40%. За годовыя объявленія, не менѣе 100—150 разъ, уступка 50%.

Подписка на газету и пріемъ объявленій.

Въ Орлѣ: въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ и публичной библіотекѣ „Орлов. Вѣстн.“, Болховская. д. 17. Въ книжн. маг. Кашкина, Шемаева и Хализева. Въ конторѣ редакціи и типографіи газеты, на Зиновьевской, д. № 2, близъ корпуса. **Въ Ельцѣ:** въ конторѣ компаніи „Надежда“ у г. Рощупкина и въ книжной лавкѣ Давыдова, на Торговой улицѣ. **Въ Москвѣ и Петербургѣ** во всѣхъ конторахъ объявленій. **Въ Курскѣ:** книжные магазины Кашкина и Переплетенко. **Въ Варшавѣ:** въ агентствѣ объявленій Райхмана. **Въ Парижѣ:** въ агентствѣ объявленій и телеграммъ Гаваса и К°, Place de la Bourse, 8. 3—0.

Открыта подписка на 1892 г.

(XII ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ“

ДЛЯ ДѢТЕЙ ШКОЛЬНАГО ВОЗРАСТА.

„Дѣтскій Отдыхъ“ особенно рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, городскихъ и начальныхъ народныхъ училищъ, Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ допущенъ къ пріобрѣтенію для фундаментальныхъ библіотекъ духовныхъ училищъ. Учебнымъ Комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи допущенъ въ четыре класса среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства.

Въ 1892 году „Дѣтскій Отдыхъ“ будетъ выходить ежемѣсячно, въ объемѣ отъ 8 до 10 листовъ печатнаго текста, со многими рисунками, по той же программѣ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Н. П. Аксаковъ, А. А. Бахтіаровъ, Н. П. Боголюбовъ, П. В. Безобразовъ, П. Вольногорскій, Н. И. Ге, А. Н. Догановичъ, В. Е. Ермиловъ, В. П. Желиховская, Н. А. Иваницкій, А. В. Кругловъ, М. В. Кпселева, Ап. Коринфскій, Н. В. Красноселовъ, П. М. Невѣжинъ, Вас. Ив. Немировичъ-Данченко, Ольга N, Н. Н. Островская, В. Острогорскій, Л. В. Постникова, А. П. Смирновъ, В. А. Сысоевъ, С. В. Сѣриковъ, Евгенія Туръ, М. Юрьева, И. В. Юркевичъ, А. В. Щепкина и многіе другіе.

Условія подписки на 1892 годъ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ **6** руб. На полгода **3** руб. **50** коп. Безъ доставки въ Москвѣ (конт. Н. Печковской) **5** руб. **50** коп.

Оставшіеся экземпляры журнала за 1881 до 1887 гг. включительно продаются въ конторѣ редакціи по 3 р. 50 к. съ пересылкой.

Подписка принимается: въ Москвѣ въ конторѣ объявленій **Н. ПЕЧКОВСКОЙ** (Петровскія линіи); въ Петербургѣ—въ книжныхъ магазинахъ **ФЕНУ, „НОВАГО ВРЕМЕНИ“, МАРТЫНОВА и ВОЛЬФА.**

Господъ иногородныхъ подписчиковъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи журнала „Дѣтскій Отдыхъ“.

Москва, Сивцевъ Вражекъ, домъ князя Туркестанова.

Редакторы-издательницы { **Е. Сарачева-Фрейбергъ.**
Е. Напалкова.

3—0

САРАТОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ

(НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ)

имѣютъ характеръ газеты для народнаго чтенія.

Въ 1891 году подписчикамъ разосланъ стѣнной календарь съ портретомъ Царской Фамиліи, карта тѣхъ частей свѣта, по которымъ совершено путешествіе Его Императорскимъ Высочествомъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, портретъ о. Іоанна Кронштадтскаго, ноты для пѣнія стих. А. Плещеева—„Садъ Христа“—муз. Чайковскаго и особый пасхальный №.

Въ теченіе года помѣщено много мелкихъ разсказовъ, легенда „Мученица Сира“, Е. Н. Некрасовой, переводъ изъ финляндск. писателя Пейверинта „Какъ живетъ финляндскій крестьянинъ“, отрывки изъ „Семейной Хроники“ (по случаю 100-лѣтія рожденія С. Т. Аксакова), стихотворенія М. Ю. Лермонтова, его разсказъ „Бэла“, „Прохожій“, Д. Григоровича, „Старый звонарь“, В. Г. Короленко, „Больной житель“ Каронина и проч.

Въ каждомъ № помѣщается религіозно-нравственный отдѣлъ, статьи о нуждахъ крестьянскаго хозяйства, очерки селъ, корреспонденціи, газетныя извѣстія и проч. Въ 1891 году напечатанъ рядъ популярныхъ бесѣдъ по сельскому хозяйству.

Изданіе два раза въ недѣлю: болѣе 100 листовъ въ годъ. Цѣна для крестьянъ, сельскихъ управленій, сельскихъ школъ и сельскихъ священниковъ 2 руб. въ годъ. Для прочихъ лицъ и частныхъ учрежденій „Вѣдомости“ высылаются вмѣстѣ съ оффиціальною частью за 6 руб. въ годъ, 3 руб. 50 коп. за полгода, 2 руб. 25 коп. за 3 мѣсяца и 1 руб. за 1 мѣсяцъ.

Подписка на 1892 годъ принимается въ Саратовѣ—въ Губернскомъ Правленіи.

3—0

19-й годъ изданія. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1892 ГОДЪ** 19-й годъ изданія.

НА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ЖУРНАЛЫ

„ПРИРОДА И ОХОТА“ И „ОХОТНИЧЬЯ ГАЗЕТА“,

Съ 1892 года журналы „Природа и Охота“ и „Охотничья Газета“ издаются вмѣстѣ, причемъ сроки выходовъ (ежемѣсячный—для „Природы и Охоты“ и еженедѣльный—для „Охотничьей Газеты“), объемъ, содержаніе, характеръ и форма обоихъ изданій остаются безъ всякихъ измѣненій.

Оба журнала будутъ попрежнему иллюстрироваться рисунками русскихъ и иностранныхъ художниковъ, портретами сотрудниковъ и выдающихся охотниковъ, а также портретами собакъ, поясните льными къ тексту чертежами, заставками, виньетками и пр.

Подписчики получатъ въ теченіе года: 12 книгъ журнала „Природа и Охота“ (выходъ ежемѣсячно) и 50 нумеровъ „Охотничьей Газеты“ (выходъ еженедѣльно).

ПРЕМІЯ: восемь олеографическихъ картинъ, представляющихъ типы собакъ—**гончихъ и борзыхъ**, превосходно исполненныхъ красками въ Берлинѣ, въ художественномъ заведеніи Кауфмана.

Лица, желающія получить премію на 1892 годъ, благоволятъ сверхъ подписной **годовой** цѣны на журналы прилагать **одинъ** рубль.

Лица, которыя пришлютъ въ контору редакціи до 20 декабря 1891 года, сверхъ подписной годовой платы,—**два рубля**, получаютъ, кромѣ преміи на 1892 годъ, также восемь олеографическихъ картинъ—(**пойнтера** и **сеттера**)—премію журнала „Природа и Охота“ за 1891 годъ, которая будетъ высылаться **немедленно** по полученіи денегъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ОБА СОЕДИНЕННЫЯ ИЗДАНІЯ:

На годъ съ доставкой и пересылкой..... **15 руб.**
„ „ безъ доставки..... **14** „

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПО ТРЕТЯМЪ ГОДА.

Адресъ редакціи: *Москва, Большая Дмитровка, д. Денисовой.*

Редакторы-Издатели журналовъ „Природа и Охота“ и „Охотничья Газета“ { **Л. П. Сабанѣевъ.** **Н. В. Туркинъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„КАЗАНСКІЙ БИРЖЕВОЙ ЛИСТОКЪ“

на 1892 годъ.

Газета вступаетъ въ **ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ** годъ изданія. Въ программу входятъ: правительственныя распоряженія, телеграммы—циркулярныя „Сѣвернаго Агентства“ и спеціальныя—отъ своихъ корреспондентовъ; статьи по общественнымъ вопросамъ, городская и областная хроника, критика и библіографія, фельетоны, политическое обозрѣніе и друг. отдѣлы, составляющіе принадлежность газетъ съ широкою программою.

Газета имѣетъ въ своей программѣ и **торговый отдѣлъ**, въ которомъ помѣщаются свѣдѣнія съ Казанской биржи и другихъ главныхъ торговыхъ центровъ Камско-Волжскаго края, болѣе чѣмъ изъ ста пунктовъ чрезъ своихъ корреспондентовъ.

Въ газетѣ, кромѣ телеграммъ „Сѣвернаго Агентства“ о главныхъ выигрышахъ по билетамъ 1 и 2 внутрен. займа будутъ **одновременно** помѣщаются **телеграммм** и о выигрышахъ на билеты по **пяти сотъ** рублей; кромѣ обычно печатающихся **торговыхъ** телеграммъ, которыя по прежнему будутъ помѣщаться въ текстѣ газеты, желающимъ, за незначительную приплату, въ особомъ приложеніи, будутъ достовляться **телеграммы** съ С.-Петерб. биржи, Одессы (пшен., сахаръ, фрахты), Баку (нефт. рын.), Берлина, Нью-Іорка (пшен.) и многихъ торговыхъ пунктахъ Камско-Волжскаго края **о цѣнахъ**. Приложенія эти со 2-й половины Декабря до новаго года будутъ доставляться всѣмъ подписчикамъ **безплатно**.

Въ составѣ редакціи и сотрудниковъ находятся:

Н. Ѳ. Акаемовъ, А. Н. Барановъ, Н. Н. Блиновъ, М. П. Бородинъ, Н. А. Бухаловъ, П. А. Голубевъ, В. А. Гольцевъ, Н. П. Загоскинъ, А. И. Звѣздинъ, Ивановичъ, Каронинъ, А. А. Карелинъ, Н. М. Кисляковъ, В. А. Кулинченко, К. В. Лаврскій, Д. Е. Лаппо, Г. А. Мачтетъ, А. П. Мирольскій, П. П. Неволинъ, Ф. Д. Нефедовъ, А. П. Полякъ, А. Д. Рузскій. П. А. Серебряковъ, К. М. Станюковичъ, В. Старостинъ (псевдонимъ), Е. Н. Чириковъ, П. Г. Ширяевъ, Н. Ѳ. Юшковъ и другіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ:

Съ приложеніемъ коммерческихъ телеграммъ:	10 р.	½ г. 6 р.,	3 м. 3 р. 40 к.	1 м. 1 р. 40 к.
Безъ приложеній:	8 р. —	4 р. —	2 р. 20 к. —	1 р. —

Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 руб. и затѣмъ по 1 рублю ежемѣсячно 1 числа до уплаты всей суммы.

Всѣ новые годовые подписчики, не исключая и по разсрочкѣ, т. е. не выписывавшіе газеты въ 1891 году получаютъ газету со дня подписки **безплатно**.

Издатель **С. А. ГИССИ**.

ТРЕБОВАНІЯ АДРЕСУЮТЪ:

Казань. Редакція „Казанскаго Биржеваго Листка“.

3—0.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА

„ВРАЧЪ“,

посвященная всѣмъ отраслямъ клинической медицины и гигіены и всѣмъ вопросамъ врачебнаго быта, будетъ выходить и въ будущемъ 1892 году подъ тою же редакціею и по той-же программѣ, какъ и въ истекающемъ году, а именно:

1) Статьи по всѣмъ отраслямъ клинической медицины и по такимъ вопросамъ неклиническихъ медицинскихъ наукъ, которые имѣютъ практическій интересъ.

2) Статьи по общественной и частной гигіенѣ.

3) Статьи объ образованіи, бытовыхъ условіяхъ и общественной дѣятельности зрачей.

5) Біографіи и некрологи врачей и статьи по исторіи медицины, преимущественно русской.

4) Критическія статьи и рецензіи нѣкоторыхъ иностранныхъ и русскихъ книгъ, касающихся программы *Врача*.

6) Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ и другихъ обществъ, могущихъ интересовать врачей.

7) Рефераты о главнѣйшихъ работахъ изъ текущей журнальной печати, какъ иностранной, такъ и русской.

8) Хроника всѣхъ явленій русской и заграничной жизни, по скольку эти явленія представляютъ тотъ или иной интересъ для врачей; слухи, правительственныя сообщенія.

9) Всякаго рода объявленія, за исключеніемъ рекламъ и объявленій о тайныхъ средствахъ.

Статьи (въ заказныхъ письмахъ) высылаются на имя редактора *Вячеслава Авксентьевича Манассеина* (Петербургъ, Симбирская, д 12, кв. 6).

Цѣна за годовое изданіе, какъ съ пересылкой въ другіе города, такъ и съ доставкой въ Петербургѣ, 9 р.. за полгода 4 р. 50 к., за 3 мѣсяца 2 р. 25 к. Подписка принимается у издателя—*Карла Леопольдовича Рикера* (Петербургъ, Невскій, 14). Къ нему же исключительно слѣдуетъ обращаться и по всѣмъ хозяйственнымъ вопросамъ вообще (относительно вытылки гонорара, отдѣльныхъ оттисковъ, неполученныхъ №№ и т, д.).

3—2

Открыта подписка на 1892 годъ

на издающуюся въ г. Ставрополѣ-Кавказск. общественно-литературную газету

„СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ“,

VIII годъ изданія,

выходящую два раза въ недѣлю и посвященную выясненію нуждъ края, названіе котораго носитъ газета.

Подписная цѣна: Безъ доставки и пересылки: на годъ 4 р. 50 к., полгода 2 р. 50 к., три мѣсяца 1 р. 50 к. Съ доставкой и пересылкой: На годъ 5 р. 50 к., полгода 3 р., три мѣсяца 1 р. 75 к. (Суммы менѣе рубля можно высылать почтовыми марками). Допускается разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей. Адресъ: *Ставрополь-Кавказскій, редакція* „Сѣвернаго Кавказа“. Съ декабря сего года изд. будетъ печат. въ собственной типографіи. 3—0

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ.

Двѣнадцатый годъ изданія.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Правительственныя распоряженія. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Сѣвернаго телеграфнаго агентства“. V. Послѣднія извѣстія. VI. Городская и земская хроника. VII. Вѣсти съ Юга: корреспонденціи „Южнаго Края“. VIII. Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ). IX. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. X. Наука и искусство. XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библіографія. XIV. Смѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа Харьковской судебной палаты. XVIII. Сторонніе сообщенія. XIX. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющія отношенія къ текущимъ событіямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	на годъ.	на 6 м.	на 3 м.	на 1 м.
Безъ доставки.....	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою.....	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногородн.	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ — въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Николаевской площади, въ домѣ Питры.

Редакторъ-издатель *А. А. Іозефовичъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ

(XI годъ изд.)

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста

„РОДНИКЪ“

и педагогическій листокъ

„ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ“.

«**Родникъ**» въ **1892** году будетъ издаваться подъ тою же редакціею, въ томъ же духѣ и направленіи, что и въ минувшія 10 лѣтъ.

«Родникъ» выходитъ перваго числа каждаго мѣсяца книжками большаго формата, со многими рисунками въ текстѣ, портретами и отдѣльными картинками.

Содержаніе «**Родника**» составляетъ: I. Стихотворенія, повѣсти, разсказы и сказки. II. Біографіи замѣчательныхъ людей. III. Историческіе очерки. IV. Статьи научнаго содержанія, по различнымъ областямъ знанія. V. Очерки изъ современной жизни. VI. Смѣсь (мелкія статьи). VII. Игры, занятія, загадки и проч.

«**РОДНИКЪ**» **рекомендованъ и одобренъ** учеными и учебнымъ Комитетами Мин. Нар. Просв., Святѣйшаго Синода, Собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и Главн. Управл. военно-учебныхъ заведеній. **Удостоенъ** почетнаго диплома на педагогической выставкѣ Общества Трудолюбія въ Москвѣ, въ 1888 г.

Вмѣстѣ съ «**Родникомъ**» можно получать ежемѣсячный педагогическій листокъ «**Воспитаніе и Обученіе**».

Условія подписки на 1892 годъ прежнія:

Съ доставкой и пересылкой:	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.
На одинъ «Родникъ»	5 р.	2 р. 50 к.	1 р. 25 к.
На «Родникъ» и педагогическій листокъ «Воспитаніе и Обученіе»	6 »	3 » — »	1 » 50 »
За границу	8 »	4 » — »	2 » — »
Отдѣльно на педагогическій листокъ «Воспитаніе и Обученіе»	2 »	1 » — »	— 50 »

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Фурштатская, 27.

Адресъ конторы: С.-Петербургъ, Невскій пр. 106, при „Русскомъ книжномъ магазинѣ“ Н. Н. Морева.

Редакторъ-издательница **Е. СЫСОЕВА.**
Редакторъ **АЛЕКСѢЙ АЛЬМЕДИНГЕНЪ.**

Отъ Редакціи.

Для «**Родника**» **1892** года въ распоряженіи редакціи, между прочимъ, имѣются слѣдующія рукописи:

«**Жизнь Франклина**» А. Аннепской.—«**Овенъ или фея ручья**», кельтская повѣсть, переводъ съ подлинника Е. Балабановой.—«**Мачиха**», повѣсть М. Колоколовой.—«**Пэдэръ и Одэ**», повѣсть А. В. Круглова (съ рисунками Т. Никитина).—«**Миша Шумкинъ**», повѣсть Г. Куделли (съ 6 картинками Т. Никитина).—«**Замѣнитъ ли**», повѣсть С. Лаврентьевой.—«**Товарищъ**», повѣсть Н. Познякова (съ рисунками худ. О. Кочетовой).—«**Сказки сибирскихъ инородцевъ**» А. Потаниной и проч. Затѣмъ будутъ продолжаться научные очерки А. Никольскаго (доктора зоологіи), Н. Знойко, К. Абазы.

Обѣщаны историческіе очерки Н. Чечулина, географическіе С. Меча; переводы съ кельтскаго, голландскаго, шведскаго, норвежскаго и испанскаго языковъ Е. Балабановой и О. Петерсонъ.

«**Родникъ**» за старые годы имѣется въ продажѣ за 1882, 1883, 1884, 1885, 1888, 1889, 1990 и 1891 гг. Каждый годъ, сброшюрованный въ 2-хъ томахъ, продается по **5** рублей безъ пересылки. 3—2

„БИБЛІОГРАФЪ“.

1892. ИЗДАНІЕ ПЕРІОДИЧЕСКОЕ **Годъ VIII**

(12 №№ въ годъ).

Ученымъ Комитет. М-ства Народн. Просв. рекомендованъ для основныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.—Учебнымъ Комит. при Св. Синодѣ одобренъ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ семинарій и училищъ.—По распоряженію Военно-Ученаго Комитета помѣщенъ въ основной каталогъ для офицерскихъ библіотекъ.

Отд. 1-й. Историческіе, историко-литературные и библіографическіе матеріалы, статьи и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; исторія, теорія и практика книговѣдѣнія; библіотечное, издательское и книжно-торговое дѣло прежде и теперь; хроника книговѣдѣнія. Вопросы и отвѣты.

Отд. 2-й (справочный). Лѣтопись книгопечатанія: 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей въ періодическихъ изданіяхъ: 3) Rossica; (указатель иностранныхъ сочиненій о Россіи); 4) правительственныя распоряженія по дѣламъ печати; 5) библіографическія извѣстія и объявленія.

Съ основанія „Библіографа“ въ немъ принимали участіе: В. А. Алексѣевъ, И. Ѳ. Анненскій, А. И. Барбашевъ, проф. Н. И. Барсовъ, Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ, профессоръ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, В. Ѳ. Боцяновскій, С. Н. Брайловскій, С. К. Буличъ, П. В. Быковъ, Е. А. Бѣловъ, Н. Н. Вакуловскій, А. Васильевъ, К. П. Галлеръ, Н. В. Губерти, И. В. Дмитровскій, В. Г. Дружининъ, проф. М. А. Дьяконовъ, І. І. Змигродзскій, К. А. Ивановъ, Е. П. Кавелина, профессоръ Н. И. Карѣевъ, Д. Ѳ. Кобеко, И. А. Козеко, М. А. Куплетскій, проф. А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. Ф. Леонтьевъ, И. А. Линниченко, Н. П. Лихачевъ, Х. М. Лопаревъ, акад. Л. Н. Майковъ, А. І. Маленинъ, В. И. Межовъ, графъ Г. А. Милорадовичъ, А. Е. Молчановъ, И. Я. Морошкинъ, Н. Н. Оглоблинъ, профессоръ С. Ѳ. Платоновъ, Н. И. Позняковъ, С. И. Пономаревъ, С. Л. Пташицкій, Э. Л. Радловъ, А. И. Савельевъ, А. А. Савичъ, А. Ѳ. Селивановъ, С. М. Середонинъ, проф. А. И. Соболевскій, С. Л. Степановъ, В. Н. Сторожевъ А. А. Титовъ, И. Ѳ. Токмаковъ, П. М. Устимовичъ, Н. Д. Чечулинъ, И. А. Шляпкинъ, проф. Е. Ф. Шмурло, Д. Д. Языковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: за годъ съ доставкой и перес. въ Россіи **5** р., за границу **6** р.; отдѣльно нумеръ—**50** коп., съ перес. **60** к.

Плата за объявленія: страница — 8 р., $^3/_4$ стран. — 6 р. 50 к., $^1/_2$ стран.—4 р. 50 к., $^1/_4$ стран.—2 р. 50 к., $^1/_8$ стран.—1 р. 50 к.

О новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются безплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

Подписка и объявленія принимаются въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“—А. Суворина (Спб., Невскій Просп., д. № 38), и въ редакціи. Кромѣ того, подписка принимается во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.—Гг. иногородные подписчики и заказчики объявленій благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію.

Адресъ редакціи: Спб., Забалканскій (Обуховскій) просп., д. № 7, кв. № 13.

Оставшіеся въ ограниченномъ числѣ полные комплекты „Библіографа“ за прошлое время съ 1885 г. продаются по 5 р. (съ дост. и перес.) за годовой экземпляръ. Также имѣются въ продажѣ изданныя редакціею брошюры: 1) Сборникъ рецензій и отзывовъ о книгахъ по русской исторіи, №№ 1, 2 и 3 ц. по 60 коп. 2) Библіографич. указатель книгъ и статей о свв. Кириллѣ и Меѳодіи. Ц. 40 к. 3) Александръ Николаевичъ Сѣровъ I) Библіографич. указатель произведеній Сѣрова. II) Библіографич. указатель литературы о Сѣровѣ и его произведеніяхъ. Вып. I и II. Сост. А. Е. Молчановъ. Ц. по 1 руб. за вып. 4) Библіограф. списокъ литературныхъ трудовъ К. Н. Бестужева-Рюмина. Сост. И. А. Козеко. Цѣна 75 коп.—Книгопродавцамъ обычная уступка.

Редакторъ **Н. М. Лисовскій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ

НА

„ВОЛЫНЬ,“

ГАЗЕТУ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Годъ четырнадцатый.

Съ будущаго 1892 года *Волынь* будетъ выходить по прежнему, *ежедневно*, за исключеніемъ воскресныхъ и послѣпраздничныхъ дней, по прежней программѣ.

1) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности Волынской губерніи. 2) Телеграммы. 3) Городская хроника. 4) Хроника Волыни и Западнаго Края: текущія событія и статьи научнаго содержанія 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ по остальной Россіи. 6) Политическое обозрѣніе иностранныхъ Государствъ. 7) Новыя открытія и изобрѣтенія. 8) Библіографическій отдѣлъ. 9) Разныя извѣстія. 10) Биржевыя свѣдѣнія. 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ, по преимуществу въ предѣлахъ Волынской губерніи. 12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій и 13) Фельетонъ.

Подписка принимается въ г. Житомірѣ въ конторѣ редакціи, б. Бердичевская ул., домъ Духовнаго училища.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

12 мѣсяцевъ 5 руб., 11 м. 4 р. 75 к., 10 м. 4 р. 40 к., 9 м. 4 р., 8 м. 3 р. 50 к., 7 м. 3 р., 6 м. 2 р. 60 к., 5 м. 2 р. 10 к., 4 м. 1 р. 80 к., 3 м. 1 р. 50 к., 2 м. 1 р. 1 м. 75 коп.

Вмѣсто мелкихъ денегъ допускается приложеніе почтовыхъ марокъ. Иногородніе подписчики за перемѣну адреса прилачиваютъ къ подписной цѣнѣ 20 копѣекъ.

Издатель И. И. Коровицкій. **Редакторъ К. И. Коровицкій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ.

ТЕХНИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

и ВѢСТНИКЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ,

(3-й годъ изданія).

Ежемѣсячный журналъ открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій по всѣмъ отраслямъ промышленности.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1. Правительственныя распоряженія и узаконенія, касающіяся фабрично-заводской промышленности, желѣзныхъ дорогъ и т. п. промышленныхъ предпріятій. 2. Машиностроеніе и механическое дѣло. 3. Механическія производства, ручная и машинная обработка металловъ, дерева, волокнистыхъ матеріаловъ и проч. 4. Химическія производства. 5. Желѣзнодорожный отдѣлъ. 6. Архитектура.—Инженерное и строительное искусства. 7. Электро-техническій отдѣлъ. 8. Санитарное дѣло. 9. Кустарный отдѣлъ. 10. Графическія искусства. 11. Техническое образованіе. 12. Обозрѣніе дѣятельности торгово-промышленныхъ учрежденій и техническихъ обществъ. Біографіи съ портретами выдающихся дѣятелей техники и промышленности. 13. Критика и библіографія. 14. Смѣсь: Техническія замѣтки о новостяхъ техники, рецепты, совѣты, описанія различныхъ новыхъ составовъ и средствъ, патентованныя и секретныя средства и пр.—Для выполненія упомянутыхъ выше отдѣловъ программы, Редакція обезпечила себя солиднымъ контингентомъ постоянныхъ сотрудниковъ изъ числа профессоровъ и преподавателей техническихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, а также практическихъ дѣятелей, занимающихся на русскихъ и заграничныхъ фабрикахъ, заводахъ и въ др. промышленныхъ учрежденіяхъ. 15. Справочный отдѣлъ: вопросы и отвѣты на запросы гг. подписчиковъ, относящіеся до ихъ спеціальности. Торговыя и статистическія свѣдѣнія; данныя о спросѣ и предложеніи. Свѣдѣнія о новыхъ привилегіяхъ. 16 Объявленія въ текстѣ и въ видѣ особыхъ приложеній.

Получая всѣ извѣстнѣйшія иностранныя изданія по различнымъ фабрично-заводскимъ производствамъ, Редакція располагаетъ лучшими изъ помѣщаемыхъ въ нихъ статей и даетъ возможность своимъ читателямъ пользоваться массою полезнаго, необходимаго и дорогаго, многимъ недоступнаго матеріала.

Контора изданія (коммерческій отдѣлъ) оказываетъ всѣмъ гг. подписчикамъ возможное содѣйствіе по различнымъ справкамъ, по выпискѣ книгъ, образцовъ разныхъ издѣлій, машинъ, инструментовъ и пр.

Къ журналу прилагаются: чертежи, книги и брошюры спеціальнаго характера.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой—16 руб.; на полгода 9 рублей.

Учащіеся въ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ пользуются скидкой въ 25%.

Допускается разсрочка подписной платы по соглашенію съ Редакціей.

Пробные №№ высылаются по первому требованію, съ наложеннымъ платежомъ, по 1 р. 50 к.

Адресъ Редакціи: Москва, Малая Дмитровка, д. № 12.

Редакторъ-Издатель: Ученый Инженеръ-Механикъ **К. А. Казначеевъ.**

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1892 г.
НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ
ЖУРНАЛЪ
„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	На годъ.	По полугодіямъ.		По четвертямъ года.			
		Январь.	Іюль.	Январь.	Апрѣль.	Іюль.	Окт.
Безъ доставки въ конторѣ журнала . .	12 р.—к.	6 р.—к.	6 р.—к.	3 р.—к.	3 р.—к.	3 р.—к.	3 р.
Съ доставкой въ Спб.	12 „ 50 „	6 „ 50 „	6 „ — „	3 „ 50 „	3 „ — „	3 „ — „	3 „
Съ пересылкой въ предѣлахъ Имперіи.	13 „ 50 „	7 „ — „	6 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „
За границей. . . .	15 „ — „	8 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	3 „

Вмѣсто разсрочки годовой цѣны на журналъ, подписка по полугодіямъ въ январѣ и іюлѣ и по четвертямъ года, въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается безъ повышенія годовой цѣны подписки.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: Въ Главной Конторѣ журнала, Троицкая ул., д. 9 и въ отдѣленіяхъ Конторы—въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Цинзерлинга, бывш. Мелье, Невскій пр. 20 и въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Кар. басникова: въ С.-Петербургѣ—Литейная, д. 46; Москва—Моховая, д. Кохъ; Варшава—Новый свѣтъ, д. 67; а также въ книжн. магаз. И. А. Розова: въ Кіевѣ—Крещатикъ, д. Марръ; въ Одессѣ—Дерибасовская ул.; въ Казани въ книжномъ магазинѣ А. А. Дубровина—Гостиный дворъ, № 1.—Книгопродавцамъ уступка 50 коп. съ годовой цѣны экземпляра.

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ

на ежемѣсячный общепедагогическій журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Въ теченіе 1891 года въ „Русской Школѣ“ напечатаны между прочимъ слѣд. статьи: 1) Страничка изъ исторіи воспитанія въ Россіи конца прошлаго вѣка. Изъ воспоминаній *А. П. Степанова*; 2) Изъ моихъ школьныхъ воспоминаній *А. А. Фета:* 3) Забытый міръ (изъ пансіонскихъ воспоминаній). *П. В. Засодимскаго:* 5) Начальное образованіе и народныя училища въ Зап. Европѣ и въ Россіи въ XIX вѣкѣ. *Н. Х. Весселя:* 5) Импер. Марія Ѳеодоровна въ ея заботахъ о Смольномъ институтѣ. *М. П. Радомской;* 6) О мѣрахъ къ ограниченію распространенія заразныхъ болѣзней въ школахъ. Проф. *Н. П. Быстрова:* 7) Душа ребенка въ первые годы жизни. Проф. *Н. Н. Ланге;* 8) Механизмъ вниманія. *Его-же;* 9) Что такое общее образованіе? Проф. *Н. П. Карѣева;* 10) Педагогическая и философская подготовка учителей среднихъ учебныхъ заведеній. *М. И. Демкова;* 11) Современныя французскія идеи о воспитаніи, *П. Ѳ. Каптерева:* 12) Картинки семейнаго воспитанія. *А. К. Молотова;* 13) Что такое дѣтская книга и дѣтскій журналъ и чѣмъ они должны быть. *К. Н. Модзалевскаго:* 14) Дѣти и птицы. Проф. *Д. Н. Кайгородова;* 15) Отношеніе семьи и школы къ вопросу о репетиторствѣ. *М. И. Крылова;* 16) Къ вопросу объ обремененіи учениковъ нашихъ гимназій. *Я. Г. Мора;* 17) Къ вопросу о переутомленіи учащихся. *С. А. Будаевскаго;* 18) Профессіональная школа и подъемъ отечественной промышленности *М. Л. Песковскаго:* 19) Цѣль и средства преподаванія низшей математики. *С. И. Шохоръ-Троцкаго;* 20) Къ вопросу о преподаваніи естественныхъ наукъ въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Проф. *П. Ф. Лесгафта;* 21) Преподаваніе географіи въ послѣднее пятидесятилѣтіе и желательная постановка этого предмета въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ. *А. П. Пуликовскаго;* 22) Очерки частной иниціативы въ дѣлѣ народнаго образованія въ Россіи *Я. В. Абрамова:* 23) Народное образованіе въ Московской губерніи. *П. Ш. Бѣлоконскаго;* 24) Народное образованіе въ Восточной Сибири. *Его-же;* 25 Къ вопросу о значеніи и задачахъ русской народной школы. *А. М. Тютрюмова;* 26) Спеціальныя практическія задачи русской народной школы. *Н. А. Феликсова;* 27) Какія училища нужны для Петербурга *К. К. Сентъ-Илера,* 28) Къ вопросу о журналѣ для народа и народной школы. *А. М. Калмыковой;* 29) Къ вопросу о книгѣ въ жизни нашихъ дѣтей и юношества (Разборъ девяти новыхъ книгъ для дѣтскаго чтенія). *Ея-же.*

Въ вышедшихъ книжкахъ помѣщены также рецензіи на педагогическія сочиненія, брошюры и руководства, дано обозрѣніе нѣсколькихъ педагогическихъ журналовъ, иностранныхъ и русскихъ, за 1890 г., рядъ статей по хроникѣ школьной жизни въ Германіи и въ Россіи и наконецъ библіографическій указатель педагогическихъ сочиненій, учебниковъ и книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія, вышедшихъ съ 1-го ноября 1890 г. по 1 е іюня 1891 года.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (уголъ Лиговки и Бассейной, гимназіи Гуревича) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы:

въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова, „Новаго Времени“, а также и въ книжномъ складѣ А. М. Калмыковой. Подписная цѣна въ Петербургѣ безъ доставки — *шесть рублей* въ годъ: съ доставкою *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ;* для иногородныхъ съ пересылкою — *семь рублей.* Гг учителямъ и учительницамъ сельскихъ и начальныхъ городскихъ школъ дѣлается съ подписной платы одинъ рубль уступки.

Въ „Русской Школѣ“ принимаютъ участіе слѣд. лица: Я. В. Абрамовъ, И. Ѳ. Анненскій, М. А. Антоновичъ, В. Л. Бернштаммъ, Н. И. Билибинъ, С. К. Буличъ, И. П. Бѣлокопскій, проф. Н. И. Быстровъ, проф. Н. П. Вагнеръ, проф. В. Г. Васильевскій. П. И. Вейнбергъ, Н. Х. Весселъ, Е. Н. Водовозова, В. А. Воскресенскій, З. Б. Вулихъ, Е. М. Гаршинъ, В. П. Геннингъ, М. Ю. Гольдштейнъ, Н. Г. Дебольскій, М. И. Демковъ, П. В. Засодимскій, проф. Д. Н. Кайгородовъ, А. М. Калмыкова, П. Ѳ. Каптеревъ, проф. Н. И. Карѣевъ, проф. А. И. Кирпичниковъ, Я. И. Ковальскій, проф. Ю. А. Кулаковскій, проф. А. Н. Ланге, проф. П. Ф. Лесгафтъ, І. Э. Мандельштаммъ, В. В. Михайловъ, К. Н. Модзалевскій, проф. В. И. Модестовъ. П. О. Морозовъ, Л. Е. Оболенскій, проф. Н. А. Осокинъ. А. Н. Острогорскій, В. П. Острогорскій, І. И. Паульсонъ, М. Л. Песковскій, Н. И. Позняковъ, В. И. Роговъ, Д. Д. Семеновъ, В. Д. Спиовскій, К. К. Сентъ-Иллеръ, В. И. Срезневскій, А. Н. Страннолюбскій, проф. А. С. Трачевскій, К. Ю. Цпруль, Вл. А. Шидловскій, проф. В. А. Шидловскій, С. И. Шохоръ-Троцкій, проф. Эрисманъ и нѣкоторые другіе.

3—2. Редакторъ-Издатель **Я. Г. Гуревичъ.**

Открыта подписка на 1892 г.

НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ:

Годъ XI. **„НАБЛЮДАТЕЛЬ“** Годъ XI.

Вступая во **второе десятилѣтіе** своего существованія, журналъ будетъ выходить по прежнему ежемѣсячно, **перваго числа,** книгами отъ 25—30 печатныхъ листовъ **безъ предварительной цензуры.**

Въ журналѣ за 1892 годъ будутъ напечатаны романы: 1) **„Изъ трясины на дорогу“**, *А. К. Шеллера (А. Михайлова);* 2) **„Петербургскіе туманы“**, *І. І. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго);* 3) **„Итоги“**, *Н. Ѳ. Бажина;* 4) **„Вмѣсто хлѣба — камень“**, *П. Лѣтнева;* 5) **„При пиковомъ интересѣ“**, *А. В. Круглова;* 6) **„По призванію“**, *В. Свѣтлова;* 7) **„Ораторы“**, *К. В. Назарьевой* и пр.—**Фельетоны изъ общественной жизни („И смѣхъ, и горе“)** *Ефима Простосердова* **будутъ по прежнему помѣщаться въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ нумеровъ.**

Годовая цѣна: 12 р. безъ доставки; 13 р. съ дост.; 14 р. съ пересылкой иногороднымъ; за границу—17 р. За полгода 7 р. съ перес. Условія разсрочки иногороднымъ подписчикамъ: 6 р. при подпискѣ (черезъ гл. контору), къ 1-му мая—5 р., къ 1-му сент. 3 р. Частныя библіотеки пользуются разсрочкой платы, **если выписываютъ не менѣе 15-ти годов. экземпляровъ. Подписка принимается** въ СПБ., въ Главной конторѣ журнала (Владимірская ул., д. № 1—6), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

3—2. Редакторъ-издатель **А. П. Пятковскій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВЫЙ, СПЕЦІАЛЬНЫЙ,

иллюстрированный журналъ

„БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ".

Журналъ будетъ выходить съ начала 1892 г. ежемѣсячно (каждое 15-е число) книжками in 8°, въ размѣрѣ отъ 4-хъ до 8-ми печатныхъ листовъ.

Программа журнала состоитъ изъ слѣдующихъ 5-ти отдѣловъ:

1) Библіографія, ея исторія и обозрѣніе книгохранилищъ. 2) Критика 3) Книжное и типографское дѣло прежде и теперь. 4) Извѣстія и замѣтки изъ книжнаго и ученаго міра. 5) Вопросы и отвѣты по библіографіи. Смѣсь.—**Приложенія:** 1) Капитальныя изслѣдованія по библіографіи. 2 Лѣтопись русскаго книгопечатанія. 3) Книжныя новости антикварнаго магазина Шибанова и другихъ книгопродавцевъ.

Иллюстраціи на отдѣльныхъ листахъ и въ текстѣ: портреты, рисунки, снимки съ рукописей, книгъ, гравюръ, древнихъ картъ и т. п.

Объявленія о книгахъ и предметахъ, имѣющихъ отношеніе къ печати.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

За годъ съ доставкой и пересылкою. .	6 р.	— к.
За границу.	7 „	— „
На другіе сроки подписка не принимается.		
Цѣна нумера въ отдѣльной продажѣ. .	— „	75 „
Съ доставкою и пересылкою.	1 „	— „
Кромѣ того для любителей будетъ печататься 50 нумерованныхъ экземпляровъ на лучшей бумагѣ. Цѣна такому годовому изданію съ дост. и пер.	15 „	— „

Плата за объявленія.

Полная страница	20 р.
Половина страницы, или одинъ полный столбецъ. .	12 „
Четверть страницы, или половина одного столбца. .	7 „
$^1/_8$ страницы или $^1/_4$ столбца.	4 „

Редакторъ **А. Н. Соловьевъ.**

Издатель **П. П. Шибановъ.**

Подписка и объявленія принимаются въ Главной конторѣ Редакціи (Москва, Петровскія линіи, Антикварная книжная торговля П. Шибанова), и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы. Гг. иногородные благоволятъ обращаться исключительно въ Москву въ Главную контору Редакціи. 3—2.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 Г. НА

РЕМЕСЛЕННУЮ ГАЗЕТУ.

8-й годъ изданія.

Еженедѣльное общеполезное изданіе съ рисунками въ текстѣ и приложеніемъ сверхъ того, при каждомъ нумерѣ не менѣе двухъ листовъ исполнительныхъ чертежей и образцовыхъ рисунковъ новыхъ издѣлій, инструментовъ, станковъ, приспособленій и пр. предметовъ по различнымъ ремесламъ, а также кустарнымъ и мелкимъ фабрично-заводскимъ производствамъ, съ подробными описаніями и наставленіями, къ нимъ относящимися.

„Ремесленная Газета“ необходима спеціальнымъ школамъ, технику, ремесленнику, кустарю, торговцу, сельскому хозяину, любителю ремеслъ и потребителямъ ремесленныхъ издѣлій, т.-е. во всякомъ семействѣ.

Для того, чтобы выбрать или заказать нужный предметъ, полезно и необходимо знать, какимъ современнымъ требованіямъ онъ долженъ удовлетворять. Въ этомъ отношеніи „Ремесленная Газета“ оказываетъ необходимое содѣйствіе и потребителю, и производителю ремесленныхъ издѣлій.—Въ ней постоянно помѣщаются рисунки и чертежи самыхъ модныхъ образцовъ по слѣдующимъ ремесламъ: столярному, драпировочному, портновскому (моды Русселя), сапожно-башмачному, кузнечному, слесарному, токарному и пр. При этомъ въ общепонятномъ изложеніи даются надлежащія описанія, указанія и рецепты практическаго свойства.

Кромѣ множества разнообразнѣйшихъ чертежей и рисунковъ, въ «Ремесл. Газетѣ» будетъ помѣщенъ рядъ описаній: ремесленныхъ производствъ, новѣйшихъ изобрѣтеній, усовершенствованій, выставокъ, музеевъ, образцовыхъ ремесленныхъ и техническихъ школъ, частныхъ промышленныхъ мастерскихъ и пр.

Кромѣ еженедѣльныхъ сообщеній о различныхъ заграничныхъ новостяхъ, редакція будетъ давать безплатно отвѣты и совѣты на запросы гг. подписчиковъ, относящіеся до ихъ спеціальности.

Получая всѣ извѣстнѣйшія иностранныя изданія по различнымъ ремесламъ, Редакція располагаетъ лучшими изъ помѣщенныхъ въ нихъ статей и рисунковъ, даетъ возможность своимъ подписчикамъ пользоваться массою полезнаго, необходимаго и дорогаго (многимъ недоступнаго) матеріала за крайне дешевую цѣну.

Редакція имѣетъ спеціальныхъ корреспондентовъ за границей въ большихъ промышленныхъ центрахъ, получаетъ отъ нихъ лучшіе образцы новѣйшихъ издѣлій и множество рисунковъ съ описаніями.

Контора изданія оказываетъ гг. иногороднимъ подписчикамъ безплатно всевозможное содѣйствіе по различнымъ справкамъ, также по выпискѣ книгъ, инструментовъ и др. предметовъ, которые высылаются по первому требованію немедленно съ наложеннымъ платежомъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА остается прежняя: **6** руб. въ годъ съ пересылкой и доставкой (за полгода **4** руб.)

ПОЛНЫЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ „Ремесленной Газеты“ со всѣми приложеніями за 1886 г. по **10** руб., а за 1887, 1889, 1890 и 1891 г. (безъ книгъ) по **5** руб., высылаются по первому требованію съ наложеннымъ платежомъ.

Экземпляры за 1885 и 1888 гг. всѣ разошлись.

„Ремесленная Газета“ ОДОБРЕНА Учен. Комит. Мин. Нар. Просвѣщенія: 1) для техническихъ и ремесленныхъ училищъ—мужскихъ и женскихъ; 2) для городскихъ и сельскихъ училищъ; 3) для учительскихъ институтовъ и семинарій, а также 4) для библіотекъ реальныхъ училищъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Малая Дмитровка, домъ № 12. 3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ.

на

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“,

ГАЗЕТУ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ,

самую большую и распространенную на югѣ Россіи между русскимъ населеніемъ

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ).

„**Новороссійскій Телеграфъ**“. по примѣру большихъ столичныхъ газетъ,

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

не исключая понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ.

(**НЕ МЕНѢЕ 330 №№ ВЪ ГОДЪ,** и во всякомъ случаѣ такое-же количество, какое выпустятъ другія Одесскія газеты).

Наша семнадцатилѣтняя редакторская дѣятельность (не фиктивная) позволяетъ намъ, не прибѣгая къ обычнымъ рекламамъ и обѣщаніямъ, заявить, что, ежегодно улучшая нашу газету и постепенно увеличивая ея форматъ, мы достигли того, что „Новороссійскій Телеграфъ“ пользуется лестнымъ вниманіемъ большинства **русскаго** населенія края.

Главныя литеретурныя силы газеты нашей остаются въ томъ же составѣ. что и въ прежнее время. Изъ *столичныхъ* литературныхъ дѣятелей приметъ участіе извѣстный петербургскій фельетонистъ **Буква** (г. Василевскій), украшающій страницы „Нов. Телеграфа“ четырнадцать лѣтъ) Изъ *мѣстныхъ* литературныхъ силъ будутъ принимать участіе: профессоръ **В. И. Шерцль, М. В. Неручевъ, Зео** (по беллетристическому отдѣлу и др. Обзоръ иностранной литературы будетъ вестись доцентомъ всеобщей литературы, **Л. Ю. Шепелевичемъ.**

Въ Парижѣ, Лондонѣ. Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ у насъ имѣются постоянные корреспонденты.

Въ будущемъ году редакція будетъ по прежнему **помѣщать рисунки, касающіеся современныхъ событій, и портреты выдающихся дѣятелей.**

Подписка принимается: въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ. домъ Либмана, и въ отдѣленіяхъ газеты: при типографіи, Новая улица, домъ г. Озмидова, и на Молдованкѣ, Петропавловская улица, домъ г. Озмидова.

Кромѣ того, подписка принимается: въ **Кишиневѣ,** въ библіотекѣ А. Т. Гришенко (Губернская улица, домъ Шилькреда), въ книжномъ магазинѣ М. О. Шаха. Въ **Николаевѣ.** въ книжномъ магазинѣ г. Шаха, въ **Херсонѣ**, въ библіотекѣ г. Михайлова.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ достав. и пересылки	Съ достав. и пересыл.		Безъ дослав. и пересылки	Съ доставк. и пересылк.
На 1 мѣс.	1 р. 20 к.	1 р. 20 к.	На 7 мѣс.	7 р. 50 к.	9 р. — к.
„ 2 „	2 „ 50 „	2 „ 75 „	„ 8 „	8 „ 50 „	10 „ — „
„ 3 „	3 „ 50 „	4 „ — „	„ 9 „	9 „ 50 „	11 „ — „
„ 4 „	4 „ 50 „	5 „ 50 „	„ 10 „	10 „ 50 „	12 „ — „
„ 5 „	5 „ 50 „	6 „ 50 „	„ 11 „	11 „ — „	13 „ — „
„ 6 „	6 „ 50 „	7 „ 50 „	„ 12 „	12 „ — „	14 „ — „

За-границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 60 коп., въ годъ 7 руб. 20 коп.

Для **годовыхъ** подписчиковъ **допускается разсрочка** въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ, при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или **полугодовые** (по 7 р. къ 1-му января и къ 1-му іюня), или по **четвертямъ** года (по 3 р. 50 к. къ 1-му января, 1-му марта, 1-му іюня и 1-му сентября), т. е., всегда за **мѣсяцъ впередъ** до наступленія срока разсрочки.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ, служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, **допускается подписка въ кредитъ**, по письменнымъ оффиціальнымъ бумагамъ чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіи первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1892 года.

3—2. Редакторъ-Издатель **М. Озмидовъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ГАЗЕТУ

„ДОНЪ“

(ВЪ ВОРОНЕЖѢ)

на 1892 годъ,

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ).

Въ наступающемъ году газета „Донъ“ будетъ держаться того-же направленія, какого держалась и въ предыдущіе **Двадцать четыре года** своего существованія. Оставаясь, по преимуществу, мѣстнымъ органомъ, газета будетъ по прежнему давать мѣсто для разработки вопросовъ общей жизни и этой стороной своего содержанія, какъ надѣется редакція, удовлетворитъ своихъ иногородныхъ подписчиковъ. Что касается программы газеты, то въ наступающемъ году она остается та же, съ тою только разницею, что нѣкоторые изъ отдѣловъ ея дѣлаются болѣе полными и будутъ появляться въ строго опредѣленные сроки. Такъ: передовыя статьи по вопросамъ мѣстной и общей жизни будутъ появляться въ каждомъ номерѣ; разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ) читатели будутъ имѣть игривый фельетонъ изъ мѣстной жизни, къ которому публика уже привыкла; разъ въ мѣсяцъ буетъ помѣщаться литературный фельетонъ (обозрѣніе толстыхъ журналовъ), два раза въ мѣсяцъ, по одному фельетону, посвященному московской и петербургской жизни. Отдѣлъ корреспонденцій изъ воронежской губерніи и другихъ мѣстъ имперіи будетъ расширенъ. Цѣна газеты остается та-же.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	На годъ.	На полг.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Съ доставкою въ Воронежѣ.	6 руб.	3 р. 50 к.	2 р. — „	— „ 75 к.
Съ перес. въ другіе города.	7 руб.	4 „ — „	2 „ 50 „	1 р — „

Подписка можетъ быть принята въ разсрочку по полугодіямъ.

Иногородніе подписчики взносятъ за 1-е полугодіе при подпискѣ 4 руб. и къ 1 іюля 3 руб. 3—2.

ЗАРЯ

БОЛЬШАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

будетъ выходить съ 1-го января 1892 года по *два раза въ недѣлю*, въ объемѣ 2-хъ—3-хъ листовъ въ каждомъ №, съ рисунками, портретами и картинами,

съ ежемѣсячными

ЛИТЕРАТУРНЫМИ и ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Цѣль изданія—соединить въ себѣ политическую газету и литературный журналъ. Въ ежедневныхъ газетахъ читатели получаютъ массу сыраго матеріала, въ которомъ не легко разобраться, въ особенности вслѣдствіе постоянно встрѣчающихся противорѣчій. Общественная и политическая жизнь приняла сложныя формы и въ своемъ быстромъ теченіи осложняется все болѣе и болѣе; въ нее входятъ новые факторы, новыя силы, съ которыми уже приходится считаться. Въ настоящее время уже не любознательность, а необходимость требуетъ отъ каждаго гражданина ориентироваться въ томъ, что совершается въ его отечествѣ и въ мірѣ, и эта необходимость сознательнаго отношенія къ общимъ вопросамъ жизни становится все настоятельнѣе, все полнѣе, распространяется все далѣе и далѣе въ глубь народной массы.

Этими соображеніями выясняются задачи изданія, подобнаго газетѣ „ЗАРЯ“. Выполненіе этихъ задачъ — трудъ тяжелый, въ особенности у насъ, гдѣ печать поставлена въ совершенно исключительныя условія, являясь единственной почти выразительницей общественныхъ и народныхъ нуждъ. И мы не беремъ на себя смѣлости утверждать, что „ЗАРЯ“ всецѣло выполнитъ намѣченную нами программу. Мы считаемъ достаточнымъ сказать, что „ЗАРЯ“ будетъ всѣми силами и средствами стремиться къ тому, чтобы внести въ жизнь русской семьи общечеловѣческія идеи правды, добра и красоты и ясное, сознательное, справедливое отношеніе ко всѣмъ выдвигаемымъ текущею жизнью вопросамъ. Говорить только правду, снимать маску со всякой лжи, ратовать противъ всякаго угнетенія, произвола и насилія, радоваться каждому проявленію свѣтлой мысли, свѣтлаго и честнаго чувства, всецѣло и беззавѣтно служить тому, чтобы приблизился часъ разсвѣта, — вотъ все, что мы можемъ обѣщать нашимъ читателямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

на газету „ЗАРЯ“ со всѣми приложеніями,

съ пересылкой во всѣ города Россіи и доставкой:

На годъ **6 руб.**, на полгода **3 руб.** на 3 мѣсяца **1 руб. 50 коп.**

Газета можетъ быть выслана съ наложнымъ платежемъ, съ прибавленіемъ 30 коп. на почтовые расходы.

Допускается **разсрочка платежа** на всякихъ условіяхъ, которыя подписывающійся признаетъ для себя возможными.

За границу: на годъ—**10 руб.**, на полгода—**5 руб.**

Требованія адресуются: въ Главную Контору газеты **„Заря“**—Москва, Петровка, домъ Кредитнаго Общества, при типографіи И. И. Родзевича.

3—2.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ

На еженедѣльный религіозно-нравственный, иллюстрированный

народный журналъ

3 рубля за годъ съ пересыл. **„КОРМЧІЙ“** **2** рубля за полгода съ пересыл.

(ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

„Кормчій“ одобренъ Его Императорскимъ Высочествомъ, Государемъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, какъ полезное чтеніе для солдатъ и рекомендованъ Имъ къ выпискѣ по Россійской Артиллеріи.

Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Сунодѣ допущенъ въ библіотеки церковно-приходскихъ школъ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ въ библіотеки народныхъ училищъ для внѣ-класснаго чтенія учащихся и взрослыхъ.

Адресъ редакціи: Москва, Ордынка, д. Жучкова, кв. № 3.

Въ 1892 году въ журналѣ **„Кормчій“** по прежнему будетъ принимать участіе своими литературными трудами

ИЗВѢСТНЫЙ КРОНШТАДТСКІЙ ПАСТЫРЬ

ОТЕЦЪ ІОАННЪ.

Въ 1892 году въ журналѣ **„Кормчій“** по желанію бывшаго въ Москвѣ миссіонерскаго съѣзда будутъ печататься статьи и сообщенія по миссіонерскому дѣлу въ Россіи.

Редакторы-Издатели:

Протоіерей *С. П. Ляпидевскій.*

Священники *І. Н. Бухаревъ.* *В. П. Гурьевъ.*

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ видахъ большихъ удобствъ для Гг. желающихъ подписаться на журналъ, редакція нашла возможнымъ для себя устроить слѣдующее:

1. Гг. Московскіе подписчики кромѣ Редакціи могутъ записываться на журналъ: 1) въ Складѣ при Петровскомъ монастырѣ; 2) въ Конторѣ Печковской (Петр. Лин.), и 3) во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ столицы, или просто заявлять въ редакцію открытымъ письмомъ о своемъ желаніи подписаться на журналъ, по полученіи коего, вышедшіе №№ вмѣстѣ съ квитанціей, доставятся имъ на домъ, гдѣ и можетъ быть произведена уплата.

2. Гг. Иногородные обращаются исключительно въ Редакцію по выше указанному адресу. Или могутъ заявлять о своемъ желаніи открытымъ письмомъ, по полученіи коего, журналъ тотчасъ же вышлется имъ Наложеннымъ платежемъ, причемъ къ подписной цѣнѣ 3 р. прибавляется 20 к. за почтовые расходы.

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АРХИВЪ".

Программа изданія: 1) Статьи по исторіи русскаго искусства (архитектура, скульптура, живопись и гравюра). 2) Матеріалы къ исторіи русскаго искусства: письма художниковъ, ихъ мемуары, записки, дневники, воспоминанія о нихъ, или о ихъ произведеніяхъ. 3) Матеріалы по исторіи искусства другихъ странъ, насколько это отразилось на русскомъ искусствѣ. 4) Описаніе галлерей и другихъ собраній произведеній русскаго искусства. 5) Современная лѣтопись: краткія сообщенія о событіяхъ въ художественной жизни Россіи. 6) Библіографія. Книги по исторіи искусства, выходящія въ Россіи и по исторіи русскаго искусства, выходящія за границей. 7) Снимки съ произведеній русскихъ художниковъ и съ ихъ портретовъ. 8) Объявленія.

Журналъ будетъ выходить съ начала 1892 г.

Всѣхъ выпусковъ въ году будетъ шесть, по одному выпуску въ два мѣсяца, тетрадями in 4°, въ 10 печатныхъ листовъ текста и 10 таблицъ фототипическихъ снимковъ. Такъ что годовое изданіе дастъ 60 листовъ текста и роскошный альбомъ въ 60 листовъ фототипій [1].

Цѣна безъ пересылки и доставки въ Москвѣ 10 руб.
„ съ пересылкою во всѣ города Россіи и
„ съ доставкою въ Москвѣ .... 12 „

Для желающихъ дѣлается разсрочка: при подпискѣ вносится 4 руб., затѣмъ при полученіи втораго и третьяго выпуска по 3 руб. и при полученіи четвертаго выпуска, въ случаѣ подписки съ пересылкою и доставкою—2 руб.

Кромѣ того для любителей печатается всего 25 экземпляровъ особенно роскошнаго изданія, изъ котораго въ продажу поступитъ только 20 экземпляровъ.

Цѣна такому экземпляру съ пересылкой и доставкой 25 руб.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

И. Н. Божеряновъ, Ѳ. А. Бронниковъ, О. И. Булгаковъ, К. М. Быковскій, Дм. Вас. Григоровичъ, М. Г. Деммени, И. Е. Забѣлинъ, Б. И. Иверсенъ, Д. И. Иловайскій, М. Ѳ. Каменская (рожд. гр. Толстая), А. М. Мироновъ, И. Н. Остроглазовъ, А. И. Сомовъ, К. А. Трутовскій, И. В. Цвѣтаевъ, М. А. Чижовъ, К. Д. Чичаговъ, С. С. Шайкевичъ, Е. Ѳ. Юнгэ, (рожд. гр. Толстая).

Первый выпускъ (январскій) выйдетъ въ половинѣ декабря текущаго года.

Редакторъ **А. П. Новицкій.**
Издатель **В. А. Головинъ.**

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Пречистенка, Полуэктовскій пер., д. Рожкова, въ отдѣленіи конторы: Москва, Петровскія линіи антикварный магазинъ П. П. Шибанова, во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ и эстампныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга и въ фотографіи К. А. Фишеръ (бывш. Дьяговченко), Москва, Кузнецкій мостъ.

---

[1] Въ концѣ года будетъ разослано гг. подписчикамъ приложеніе „Письма **Н. А. Рамазанова изъ-за границы**" съ рисунками автора въ текстѣ.

Для гг. заграничныхъ подписчиковъ будетъ прилагаться объяснительный текстъ къ рисункамъ на французскомъ языкѣ. 3—2.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1892 годъ
НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ВѢСТНИКЪ
РУССКАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.
ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Сотрудники журнала: русскіе сельскіе хозяева-практики, профессора и спеціалисты по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства.

Въ „Вѣстникѣ“ помѣщаются статьи: руководящія по текущимъ вопросамъ хозяйства, сельскохозяйственная экономія, полеводство и луговодство, молочное хозяйство и скотоводство (главный сотрудникъ Николай Васильевичъ Верещагинъ), сельскохозяйственныя машины и орудія, техническія производства, садоводство, огородничество, коневодство, овцеводство, птицеводство, пчеловодство и статьи по мн. друг. отраслямъ.

Редакція даетъ **безплатныя приложенія** (сѣмена) и помѣщаетъ въ журналѣ **безплатно** отвѣты на вопросы хозяевъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Статьи по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства. — II. Корреспонденція.—III. Хроника.—IV. Замѣтки по хозяйству.—V. Библіографія.—VI. Вопросы и отвѣты.—VII. Торговыя извѣстія.—VIII. Объявленія.

Журналъ выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна: На годъ, съ 1-го января, съ пересылкою **5** рублей, безъ пересылки **4** рубля. На годъ съ доставкою за границу **6** рублей.

Цѣна полнаго экземпляра (№№ 1 — 24) „Вѣстника“ за 1891 годъ **5 рублей** съ пересылкою; за 1890 годъ **3 рубля** съ пересылкою; за полный экземпляръ 1889 года **2 рубля** съ пересылкою.

Подписка и объявленія принимаются въ редакціи журнала: Москва. Леонтьевскій пер., домъ бывшій Корфа, № 2, а также и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

За напечатаніе объявленій платится за строку мелкаго шрифта **по 10 копѣекъ** за каждый разъ. (Длина строки=$2^1/_4$ верш.).

За пересылку при журналѣ „прейсъ-курантовъ, каталоговъ, объявленій“ взимается по 70 коп. отъ каждой сотни экземпляровъ, вѣсомъ не тяжелѣе 1 лота экземпляръ; за каждый добавочный лотъ по 30 коп. съ сотни экземпляровъ.

О новыхъ книгахъ по сельскому хозяйству, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются безплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

3—2. Редакторъ-издатель **И. П. Петровъ.**

Открыта подписка на 1892 годъ.

„ТЕАТРАЛЬНЫЙ МІРОКЪ“.

Еженедѣльное иллюстрированное изданіе литературы, искусства и общественной жизни. Подъ редакціей П. Ф. Левдика.

Программа: литература, искусство, театръ, музыка, беллетристика, фельетонъ и хроника.

52 еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ нумера;

12 выпусковъ „ЛИТЕРАТУРНАГО АЛЬМАНАХА“,

въ томъ числѣ:

«ТЕАТРЪ ЛЬВА ТОЛСТАГО.»

съ портретомъ Л. Толстаго, художественными виньетками и пр.

Въ первыхъ нумерахъ: „бесѣды“ съ писателями, художниками и артистами, „интервью“, автографы, факсимиле и пр.—„Бесѣды съ Толстымъ и о Толстомъ“; „Характеристики провинціальныхъ дѣятелей“ и пр.

Годъ **6** руб., съ дост. **7** руб., съ пер. **8** руб. Разсрочка: при подпискѣ три рубля, къ 1 апрѣля—3 руб., остальные къ 1 іюня.

Пріемъ подписки въ конторѣ редакціи, въ С.-Петербургѣ, Загородный пр., № 13, при книжномъ магазинѣ Н. Ѳ. Розанова. 3—2

БРЯНСКЪ, Орловской губ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ.

(3-й годъ изданія)

НА АКУШЕРСКО-ФЕЛЬДШЕРСКІЙ ОБЩЕДОСТУПНЫЙ МЕДИЦИНСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„АКУШЕРКА“,

посвященный всѣмъ отраслямъ медицины, обнимающимъ кругъ дѣятельности *акушерокъ, фельдшерицъ и фельдшеровъ.* Выходитъ два раза въ мѣсяцъ.

Подписная цѣна съ пересылкой на годъ **3** р., 6 мѣс.—**1** р. **50** к., 4 мѣс.—**1** р.

Мелкія деньги могутъ быть высылаемы почтовыми марками.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ редакціи журн. „АКУШЕРКА“, Брянскъ, Орловск. губ.; въ книжныхъ магазинахъ: въ С.-Петербургѣ, К. Риккеръ, Невскій проспектъ, 14; въ Москвѣ, А. Лангъ, Кузнецкій мостъ.

Экземпляры „АКУШЕРКИ“ за 1890 г. высылаются за ТРИ р., подписчикамъ же 1891 или 1892 гг. за ДВА руб.

3—2 Редакторъ-издатель АМБРОЖЕВИЧЪ.

ПОДПИСКА
НА
„ВОРОНЕЖСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“
НА 1892 ГОДЪ.

Съ доставкой въ Воронежѣ:		Съ перес. въ др. города:	
На годъ . . .	5 р. — к.	На годъ . . .	6 р. — к.
„ полгода . .	2 „ 75 „	„ полгода . .	3 „ — „
„ 3 мѣсяца . .	2 „ — „	„ 3 мѣсяца . .	2 „ 75 „
„ 1 мѣсяцъ . .	— „ 75 „	„ 1 мѣсяцъ . .	1 „ — „

Подписка на „Воронежскій Телеграфъ“ принимается въ конторѣ Редакціи, при типографіи Исаева, въ Воронежѣ, въ д. доктора Столль, на Большой Дворянской улицѣ. 3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ.

Газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

Выходитъ ежедневно, не исключая и понедѣльниковъ (около 330 нумеровъ въ годъ и во всякомъ случаѣ не менѣе того количества, какое выпустятъ другія одесскія газеты).

Въ 1892 году газета „Одесскія Новости“ будетъ печататься на спеціально заказанной въ Парижѣ у Маринони ротаціонной машинѣ, способной выдавать 20.000 оттисковъ въ часъ, въ 8-ми столбцовомъ форматѣ, и такимъ образомъ сдѣлается самою большой изъ южныхъ газетъ и притомъ самою дешевой. Вмѣстѣ съ тѣмъ огромное распространеніе газеты дало возможность пригласить новыя литературныя силы и спеціальныхъ корреспондентовъ за границей.

Въ 1892 году въ газетѣ „Одесскія Новости“ будутъ помѣщаться портреты и иллюстраціи.

Подписная цѣна на 1892 годъ остается таже, а именно:

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкой и пересылкой въ другіе города:	
На 1 мѣсяцъ. .	— р. 90 к.	На 1 мѣсяцъ. .	1 р. — к.
„ 3 „ . .	2 „ 50 „	„ 3 „ . .	2 „ 75 „
„ 6 „ . .	4 „ 50 „	„ 6 „ . .	5 „ — „
„ годъ . . .	7 „ 20 „	„ годъ. . . .	8 „ — „

За границу доплачивается къ подписной цѣнѣ по 60 коп. въ мѣсяцъ. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка во взносѣ подписной платы.

Новые подписчики на 1892 годъ получаютъ газету со дня подписки безъ всякой особой приплаты.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ **ОДЕССѢ:** въ главной конторѣ, Ланжероновская ул. (въ Пале-Роялѣ), собств. домъ; въ отдѣленіи конторы—Пушкинская ул., д. № 11; въ отдѣленіи конторы на Молдаванкѣ—Прохоровская ул., домъ № 11; въ отдѣленіи конторы на Пересыпи—Московская, домъ № 37.

СЛѢПЕЦЪ.

журналъ для обсужденія вопросовъ, касающихся улучшенія быта слѣпыхъ,

будетъ издаваться въ 1892 году на прежнемъ основаніи ежемѣсячно.

Подписная цѣна за годовое изданіе: съ доставкою и пересылкою внутри Имперіи 1 р.; съ перес. за границу 1 р. 50 к.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Аптекарскій островъ, Песочная улица, домъ № 37, Александро-Маріинское училище слѣпыхъ.

Подписка принимается въ Канцеляріи Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ (Большая Конюшенная ул., д. № 1, кв. 24), въ присутственные дни отъ 10—12 час. утра.

Редакторъ-издатель: д. с. с. *Германъ Павловичъ Недлеръ.*

1812 ОТКРЫТА ПОДПИСКА **1892**

Большая ежедневная, политическая и литературная газета

(ВЫХОДЯЩАЯ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

„СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“.

(Годъ изданія восьмидесятый).

Первое (съ приложеніями) изданіе съ пересылкою **НА ГОДЪ 8 р.**
Второе (безъ приложеній) изданіе съ пересылкою **НА ГОДЪ 4 р.**

Съ 1 января 1892 года будетъ выходить ежедневно въ двухъ изданіяхъ:

Первое изданіе въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ съ ежемѣсячными, еженедѣльными приложеніями и книжками

„РОМАНЫ и ПОВѢСТИ“.

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ газеты подписчики перваго (большаго) изданія получаютъ:

1) по воскресеньямъ особое приложеніе, отпечатан. на веленевой бумагѣ, въ видѣ еженедѣльнаго

ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА.

2) Книжки „Романы и Повѣсти“. Каждая книжка содержитъ отъ 160 до 200 стран., что въ теченіе года составитъ интересную „Домашнюю Библіотеку“. Въ числѣ книгъ будетъ выдано: „Собраніе сочиненій А. В. Кольцова“.
3) 12 нумеровъ „Моды и Рукодѣлія“, замѣняющія для семейства модный журналъ.
4) **Стѣнной Календарь**, отпечатанный въ три краски (разсылаемый при № 1).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

1) На первое (большое) ежедневное изданіе газеты „Сынъ Отечества“ съ ежемѣсячными, еженедѣльными прилож. и книжками „Романы и Повѣсти“:

На годъ (съ доставкою въ Спб. и пересылкою по Имперіи) **8** р. На полгода **4** р. На три мѣсяца **2** р. За границу **14** р.

2) На второе ежедневное изданіе газ. „Сынъ Отечества“ безъ приложеній: На годъ съ доставк. въ Спб. и перес. по Имперіи **4** руб. На полгода съ доставк. въ Спб. и перес. по Имперіи **2** р. На три мѣсяца съ доставк. въ Спб. и перес. по Имперіи **1** р.

Гг. годовые подписчики перваго или втораго изданія газеты „Сынъ Отечества“, выславшіе сполна подписную сумму, имѣютъ право получить на выборъ одно изъ четырехъ новыхъ художественныхъ изданій, предназначенныхъ къ журналу „Живописное Обозрѣніе“, а именно:

1) Большая картина, отпечатанная въ 22 краски, съ знаменитаго произведенія Профессора Императорской Академіи Художествъ *Ѳ. Бруни*:

„МОЛЕНІЕ О ЧАШѢ“.

Двѣ большія картины, отпечатанныя въ 28 красокъ, съ оригиналовъ извѣстнаго пейзажиста, Профессора Императорской Академіи Художествъ Ю. Ю. Клевера:

2) ЛУННАЯ НОЧЬ НА РѢКѢ и 3) ЗАКАТЪ СОЛНЦА ЗИМОЮ ВЪ ЛѢСУ.

Обѣ картины были на выставкѣ 1891 года.

4) Художественный альбомъ, состоящій изъ пятнадцати акварелей, извѣстнаго художника Николая Николаевича Каразина:

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ и ПРИРОДА ВЪ КАРТИНАХЪ".

Картины эти отпечатаны въ 17—20 красокъ, наклеены на японскій картонъ съ золотою каемкою и вложены въ папку съ изящною оберткою, отпечатанною въ 20 красокъ и золотомъ.

Гг. годовые подписчики перваго (большаго) и втораго изданія газеты „Сынъ Отечества", желающіе получить на выборъ одно изъ выше предлагаемыхъ художественныхъ изданій, уплачиваютъ за пересылку выбранной ими картины или альбома—одинъ рубль, а за остальныя доплачиваютъ по два р. за каждый экземпляръ.

Разсрочка на оба изданія допускается, исключительно чрезъ Главную Контору:

СПБ., Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68 — 40.

Подробное иллюстрированное объявленіе высылается по требованію безплатно. 3—2

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ЖУРНАЛЪ АКУШЕРСТВА И ЖЕНСКИХЪ БОЛѢЗНЕЙ.

ОРГАНЪ АКУШЕРСКО-ГИНЕКОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Предсѣдателя и Секретаря Общества

и

Академика **А. Я. Крассовскаго**, профессора **К. Ф. Славянскаго** и доцента **И. И. Смольскаго.**

Будетъ выходить въ 1892 году ежемѣсячно книжками въ 4—6 печатныхъ листовъ. Программа: 1) Оригинальныя статьи, лекціи и казуистика (русскія и переводныя), 2) Рефераты, 3) Критика и библіографія, 4) Протоколы засѣданій Акушерско-гинекологическаго Общества въ С.-Петербургѣ, 5) Корреспонденціи, 6) Объявленія.

Подписная цѣна для иногородныхъ съ доставкою 8 р. за годъ, для городскихъ—7 р. 50 к., безъ доставки 7 руб. Подписка принимается въ редакціи: С.-Петербургъ, Пушкинская ул., 10, кв. 32, у д-ра А. К. Гермоніуса. Отдѣленіе конторы при книжномъ магазинѣ Н. П. Петрова (Нижегородская ул., 15). Статьи присылаются, обязательно за подписью авторовъ, въ редакцію или на имя одного изъ редакторовъ: А. Я. Крассовскаго (Надеждинская, д. № 5), или К. Ф. Славянскаго (Литейный пр., д. № 24, кв. № 15). Объявленія принимаются по соглашенію съ редакціею. О поступленіи въ редакцію книгъ и брошюръ, присылаемыхъ авторами, будетъ заявляемо въ ближайшемъ номерѣ журнала. Подписка принимается только на годъ. Разсрочка и коммиссіонерская уступка не допускаются. Оставшіеся экземпляры журнала за 1887, 1888, 1889 и 1890 года можно получать въ редакціи по 5 рублей за годъ.

0—0

ПЕЧАТАЕТСЯ III ТОМЪ НОВОЙ КНИГИ

КРИТИКО - БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ И УЧЕНЫХЪ

(отъ начала русской образованности до нашихъ дней).

С. А. ВЕНГЕРОВА.

Словарь состоитъ изъ краткихъ замѣтокъ о писателяхъ, отмѣчаемыхъ лишь ради полноты, или (если они наши современники) недостаточно еще опредѣлившихся, и изъ пространныхъ этюдовъ и монографій о писателяхъ, имѣющихъ литературное значеніе.

Кромѣ С. А. Венгерова, которому принадлежатъ статьи критическаго и историко-литературнаго характера, въ Словарѣ принимаютъ участіе спеціалисты по разнымъ отраслямъ знанія. Въ вышедшихъ 2 томахъ приняли участіе слѣдующія лица: проф. В. Александренко. проф. П. П. Алексѣевъ, проф. Д. И. Багалѣй, проф. А. И. Бодуенъ-де-Куртенэ, А. К. Бороздинъ, проф. Н. П. Вагнеръ, акад. В. Г. Васильевскій, академикъ В. П. Васильевъ, В. В., проф. П. В. Владиміровъ, прив. доц. Г. М. Герценштейнъ, проф. Н. Х. Гоби, прив. доц. М. Ю. Гольдштейнъ, В. А. Гольцевъ, проф. И. М. Догель, проф. В. С. Икопниковъ, проф. Н. И. Карѣевъ, проф. А. И. Кирпичниковъ, проф. Н. О. Ковалевскій, проф. Д. А. Корсаковъ, проф. П. Ф. Лесгафтъ, М. О. Меньшиковъ, проф. Н. А. Меншуткинъ, проф. Ѳ. Г. Мищенко, проф. И. В. Мушкетовъ, проф. В. В. Пашутинъ, А. Н. Петровъ, П. Н. Петровъ, проф. К. Н. Поссе, Э. К. Радловъ, Л. З. Слонимскій, Владиміръ Соловьевъ, А. А. Титовъ, проф. С. И. Чирьевъ, проф. В. А. Яковлевъ.

Словарь прежде выходилъ выпусками въ 3 печатн. листа (48 страницъ). Теперь-же выходитъ томами въ 30 печ. листовъ (480 страницъ). Ц. 2 р. 50 к., и 3 р. съ пересылкою.

Въ теченіе 1892 года предположено выпустить III и IV томъ.

Цѣна I тома (вып. 1—21) 5 р. 25 к. съ пересылкою 6 р. 30 к.; II тома—2 р. 25 к., съ пересылкою—2 р. 70 к.

Для служащихъ, представляющихъ ручательство казначеевъ, допускается разсрочка по 1 р. въ мѣсяцъ.

Иногородные обращаются исключительно по адресу:

С.-Петербургъ, Сергіуховская, 2. Семену Афанасьевичу Венгерову.

Открыта подписка на III и IV томъ

по 2 р. 50 к. за томъ и по 3 р. съ пересылкою.

0—0

„ХАРЬКОВСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Постоянныя рубрики газеты слѣдующія:

1. Передовыя статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики.
2. Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію мѣстныхъ и общихъ вопросовъ.
3. Мѣстныя извѣстія (городскія и изъ уѣздовъ).
4. Послѣднія извѣстія (мѣропріятія, слухи, проэкты и т. п.).
5. Телеграммы.
6. Обзоръ періодической печати (столичной и провинціальной).
7. Корреспонденціи.
8. Новости науки, литературы и искусства.
9. Внутреннія извѣстія.
10. Внѣшнія извѣстія.
11. Фельетонъ (беллетристика оригинальная и переводная, критика и разборъ журналовъ, очерки научные, историческіе и т. п.).
12. Библіографическія замѣтки.
13. Смѣсь.
14. Справочный отдѣлъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Съ пересылкой	10 —	9 50	9 —	8 —	7 —	6 20
Съ доставкою въ Харьковѣ .	9 25	8 50	8 —	7 —	6 50	5 50
Безъ доставки.	8 25	8 —	7 50	6 50	6 —	5 25

	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Съ пересылкой.	5 75	5 —	4 —	3 —	2 10	1 20
Съ доставкою въ Харьковѣ .	5 —	4 —	3 50	2 50	2 —	1 —
Безъ доставки.	4 50	3 75	3 —	2 25	1 50	— 80

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ путешествій и приключеній на сушѣ и на морѣ

„ВОКРУГЪ СВѢТА“

Съ іюня 1891 года изданіе „**ВОКРУГЪ СВѢТА**“ перешло въ собственность **И. Д. СЫТИНА.** Въ 1892 году исполнится семь лѣтъ со дня выпуска въ свѣтъ перваго нумера журнала „**ВОКРУГЪ СВѢТА**“. Въ теченіе семилѣтняго своего существованія журналъ нашъ успѣлъ завоевать прочное довѣріе и симпатіи читающей публики. **Дешевизна журнала,** въ высшей степени **интересный текстъ,** хорошій выборъ романовъ, **полные жизни рисунки,** безукоризненная печать и бумага—давно уже выдѣлили журналъ „**ВОКРУГЪ СВѢТА**“ изъ среды другихъ иллюстрированныхъ изданій. Мы держимся того мнѣнія, что рисунокъ имѣетъ огромное значеніе: а потому мы никогда не жалѣли затратъ на пріобрѣтеніе рисунковъ самыхъ лучшихъ художниковъ. Въ этомъ отношеніи мы смѣло можемъ сказать, что журналъ „**ВОКРУГЪ СВѢТА**“ идетъ впереди всѣхъ дешевыхъ иллюстрированныхъ изданій.

Въ 1892 году журналъ будетъ выходить въ форматѣ **двухъ печатныхъ листовъ,** со множествомъ отдѣльныхъ рисунковъ и иллюстрацій.

При журналѣ подписчики получатъ **двѣнадцать ежемѣсячныхъ иллюстрированныхъ приложеній.** Въ первыхъ шести приложеніяхъ будетъ начатъ и оконченъ новый оригинальный романъ изъ міра будущаго *Н. Н. Шаломскаго.*

Изъ разсказовъ и очерковъ, имѣющихся въ распоряженіи редакціи, мы можемъ отмѣтить произведенія **Н. Н. Каразина,** съ рисунками автора, и **К. М. Станюковича,** съ иллюстраціями художника *В. В. Игнатіуса.* Въ отдѣлѣ путешествій: описаніе путешествій, поѣздокъ и экспедицій русскихъ и иностранныхъ путешественниковъ и туристовъ, какъ напримѣръ: *Э. Р. Циммермана,* имя котораго давно извѣстно русской читающей публикѣ. *Фритіофа Нансена, Бонвало, Кудро, Громбчевскаго, Ядринцева, Пѣвцова* и др. Въ числѣ романовъ будутъ помѣщены: новѣйшій романъ *Жюля Верна,* еще неизданный посмертный романъ *Майнъ-Рида* и нѣсколько оригинальныхъ русскихъ романовъ. Кромѣ того, будутъ печататься произведенія *Жаколіо, Буссенара, Жюля Грю, Карла Мая* и др.

Подписная цѣна на журналъ ВОКРУГЪ СВѢТА съ доставкой и пересылкой во всѣ города и ежемѣсячными иллюстрированными приложеніями:

4 руб. въ годъ. | 2 р. 50 коп. на 1/2 г. | РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 2 р. 1 апр. и 1 іюля по 1 р.

Гг. годовымъ подписчикамъ на журналъ „**ВОКРУГЪ СВѢТА**“ въ 1892 г. редакція имѣетъ возможность предложить въ премію двѣ художественныя олеографіи: „**Лунная ночь въ Венеціи**“ и „**Дворецъ Кробалло при закатѣ солнца**“. Картины исполнены въ одномъ изъ лучшихъ олеографическихъ заведеній за границей, размѣромъ каждая $11^3/_4 \times 16^1/_2$ вершковъ и стоящія въ отдѣльной продажѣ шесть рублей. Желающіе получить преміи благоволятъ приплатить къ подписной цѣнѣ журнала 1 рубль.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ Редакціи журнала, Москва, Валовая ул., д. Сытина и во всѣхъ книжн. магаз. Москвы, С.-Петербурга и друг. город, Россіи. 3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ.

ЖУРНАЛЪ

РУССКАГО ОБЩЕСТВА

ОХРАНЕНІЯ НАРОДНАГО ЗДРАВІЯ.

II годъ изданія.

«Журналъ» имѣетъ цѣлью своевременно сообщать о ходѣ работъ въ «Р. Обществѣ охраненіе народнаго здравія», во всѣхъ его отдѣлахъ и комиссіяхъ, и помѣщать труды и отчеты всѣхъ находящихся въ вѣдѣніи Общества учрежденій. Отводя должное мѣсто для самостоятельныхъ научныхъ сообщеній и для рефератовъ русской и иностранной литературы, «Журналъ» въ 1892 г. постарается своевременно знакомить съ новѣйшими успѣхами науки здравоохраненія.

«Журналъ» выходитъ ежемѣсячно книжками, въ размѣрѣ отъ 5 до 7 печатныхъ листовъ, по слѣдующей программѣ:

I. Самостоятельныя статьи, научныя сообщенія и отчеты о засѣданіяхъ всѣхъ секцій Общества: 1)—біологической, 2)—статистической, эпидеміологической и медицинской географіи, 3)—общественной и частной гигіены, 4)—гигіены дѣтскаго и школьнаго возрастовъ, 5)—бальнеологіи и климатологіи.—II. Научныя корреспонденціи. — III. Рефераты о главнѣйшихъ работахъ изъ русской и иностранной литературы по біологіи, статистикѣ, эпидеміологіи, гигіенѣ, бальнеологіи и климатологіи. – IV. Критика и библіографія.—V. Хроника.—VI Приложенія.—VII. Частныя объявленія и публикаціи,—за исключеніемъ рекламъ.

Въ 1892 году въ ПРИЛОЖЕНІИ будетъ печататься новый трудъ

профессора Ю. Э. Янсона.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ СТАТИСТИКА НАСЕЛЕНІЯ.

(Составъ населенія; брачность; рождаемость; смертность; механическое движеніе населенія).

Въ 1891 году въ «Журналѣ» были помѣщены, между прочимъ, статьи слѣдующихъ лицъ: А. Д. Абуткова, проф. И. Е. Андреевскаго, проф. С. В. Ведрова, А. С. Виреніуса, П. А. Дюссиметьера, П. Д. Енько, А. К. Жучинскаго, проф. Н. Ѳ. Здекауера, А. А. Калантара, проф. В. М. Карловича проф. Д. П. Коновалова, А. Г. Кулябко-Корецкаго, Д. В. Лещинскаго, пр.-доц. А. А. Липскаго, проф. К. Е. Мерклина, Д. П. Никольскаго, проф. Ѳ. П. Пастернацкаго, пр.-доц. С. А. Попова, М. П. Порцеля, К. Н. Пурица, проф. А. В. Репрева, В. Е. Рудакова, П. Саблина, П. О. Смоленскаго, В. В. Святловскаго, П. Н. Тарновской, В. Топорова, проф. Д. Хвольсона, Л. О. Финкельштейна, К. П. Шидловскаго, А. С. Щербакова, Г. Ю. Явейна, С. С. Яновича-Чаинскаго, проф. Ю. Э. Янсона.

Въ «Приложеніи» въ 1891 г. было помѣщено: «О леченіи бугорчатки по способу проф. R. Koch'a въ СПБ. городскихъ больницахъ» (стенографическій отчетъ совѣщанія гг. врачей въ залѣ Городской Думы), «Врачебно-санитарный отчетъ СПБ. Арестнаго дома», «Отчеты СПБ. городской санитарной больничной комиссіи». «Отчетныя (ежемѣсячныя) вѣдомости СПБ. гор. санитарн. комиссіи».

Подписная цѣна: съ достав. и пересыл. 3 р. 50 к. въ годъ.

Подписка принимается: Въ С.-Петербургѣ: въ редакціи (Литовка, д. № 26) и въ книжныхъ магазинахъ К. Л. Риккера (Невскій, д. № 14), Н. П. Карбасникова (Литейный, д. № 46), Н. П. Петрова (Выб. ст., Нижегородская ул., д. № 17): въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова. (Моховая, д. Коха).

Желающіе получать «Журналъ» могутъ извѣщать о томъ редакцію простымъ письмомъ, съ точнымъ обозначеніемъ своего адреса, и «Журналъ» будетъ имъ высланъ наложеннымъ платежемъ. Экземпляры за 1891 г. высылаются за **три** руб.

Плата за объявленія: страница **8** руб., ½ стр. **4** руб., ⅓ стр. **3** руб.

О всякой книгѣ, присланной въ редакцію, печатается объявленіе.

Редакторъ приватъ-доцентъ **А. А. Липскій.**

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1892 года.

(Годъ тридцатый).

Въ 1892 году «Русскій Архивъ» останется вѣренъ многолѣтнему своему назначенію исторіографическаго изданія—сохранять для потомства существенныя черты минувшаго, тщательно собирая живыя и яркія свидѣтельства о судьбахъ нашего отечества, преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, и при томъ отдавая предпочтеніе содержательнымъ и вѣскимъ свидѣтельствамъ, какъ отдаленной, такъ и недавней старины, передъ легкимъ анекдотомъ.

Въ «Русскомъ Архивѣ» 1892 года, кромѣ продолженія записокъ Н. Н. Муравьева-Карскаго и Ф. Ф. Вигеля, бумагъ императрицы Екатерины Второй, Пушкина, Жуковскаго, Хомякова, Языкова, появятся: путевыя записки князя Шаховскаго (временъ Елисаветы Петровны), бумаги посла нашего при Европейскихъ дворахъ Гросса, большая оправдательная записка Сперанскаго, воспоминанія П. Н. Обнинскаго, записки князя Н. В. Долгорукова, извлеченія изъ записокъ Меттерниха и Талейрана и проч. и проч.

«Русскій Архивъ» въ 1892 году будетъ издаваться **двѣнадцатью тетрадями** въ годъ, составляющими три отдѣльныя книги, съ приложеніями.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1892 году съ пересылкою и доставкою—**девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ.

Въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Цечковской.

Въ **Петербургѣ**, Вознесенскій проспектъ, домъ 22-й, кв. 18. у В. А. Чумикова: Колокольная, въ книжномъ складѣ Березовскаго, и въ книжномъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Составитель и издатель «Русскаго Архива» **Петръ Бартеневъ.**

3—1

О ПОДПИСКѢ НА 1892 ГОДЪ

НА

литературно-политическій и научный журналъ

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ выходитъ безъ предварительной цензуры, 15 числа каждаго мѣсяца, книжками по тридцати листовъ, по слѣдующей программѣ: 1) **Изящная словесность:** оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, драматическія произведенія, стихотворенія и т. д. 2) **Науки**: философія, исторія, естествознаніе, военныя науки и проч. 3) **Обозрѣніе:** внутреннее, экономическое и иностранное. 4) **Хроника:** литературная, научная, музыкальная, театральная и художественная. 5) **Критика,** библіографія. 6) **Корреспонденціи.**

БЛИЖАЙШЕЕ УЧАСТІЕ ПРИНИМАЮТЪ:

Въ литературномъ отдѣлѣ: **А. Н. Апухтинъ, Н. Д. Ахшарумовъ, кн. М. Н. Волконскій, П. И. Вейнбергъ, В. П. Желиховская, В. П. Клюшниковъ, М. В. Крестовская, Котъ-Мурлыка, гр. А. А. Кутузовъ, Н. С. Лѣсковъ, К. Орловскій, Я. П. Полонскій, гр. Е. А. Саліасъ, А. А. Смирновъ, Д. И. Стахѣевъ, А. Стернъ, А. А. Фетъ, А. П. Чеховъ, І. І. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій)** и др.

Въ научно-политическомъ отдѣлѣ: **П. В. Безобразовъ, Л. Б. Бертенсонъ, А. А. Борзенко, Ѳ. И. Буслаевъ, Н. П. Вагнеръ, С. Васильевъ, А. Н. Веселовскій, А. И. Воейковъ Л. Н. Вороновъ, С. М. Георгіевскій, Н. М. Горбовъ, В. А. Грингмутъ, Н. Я. Гротъ, И. И. Дубасовъ, Н. А. Звѣревъ, Н. Ю. Зографъ, гр. П. А. Капнистъ, Н. Д. Кашкинъ, А. И. Кирпичниковъ, А. А. Кирѣевъ, Д. А. Коропчевскій, Н. А. Любимовъ, Л. Н. Майковъ, Е. Л. Марковъ, А. И. Незеленовъ, Э. Л. Радловъ, С. А. Рачинскій, В. И. Сафоновъ, В. В. Святловскій, Вл. С. Соловьевъ, М. П. Соловьевъ, Н. Н. Страховъ** и др.

ИНОСТРАННЫЕ СОТРУДНИКИ:

Бретъ-Гартъ (Bret-Harte), **П. Бурже** (Paul Bourget), **М. де-Вогюэ** (Melchior de-Vogüé), **Г. Вельшингеръ** (Henri Welschinger), **Г. Аликсъ** (Gabriel Alix), **П. Леруа-Больэ** (Paul Leroy-Beaulieu), **Э. Гартманъ** (Eduard von Hartmann), **Г. Джемсъ** (Henry James), **Ж. Симонъ** (Jules Simon), **В. Стэдъ** (William Stead) и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.
Съ пересылкой и доставкой во всѣ города Россійской Имперіи	15 р. 50 к.	8 р. — к.
За границу.....	19 „ — „	10 „ — „

Подписка принимается въ конторѣ журнала: **Москва, Тверской бульваръ, домъ Зыкова, № 46,** въ книжныхъ магазинахъ: *Новаго Времени*, Вольфа, Оглоблина (въ Кіевѣ), въ конторѣ Н. Печковской и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Для подписывающихся въ конторѣ журнала допускается разсрочка.

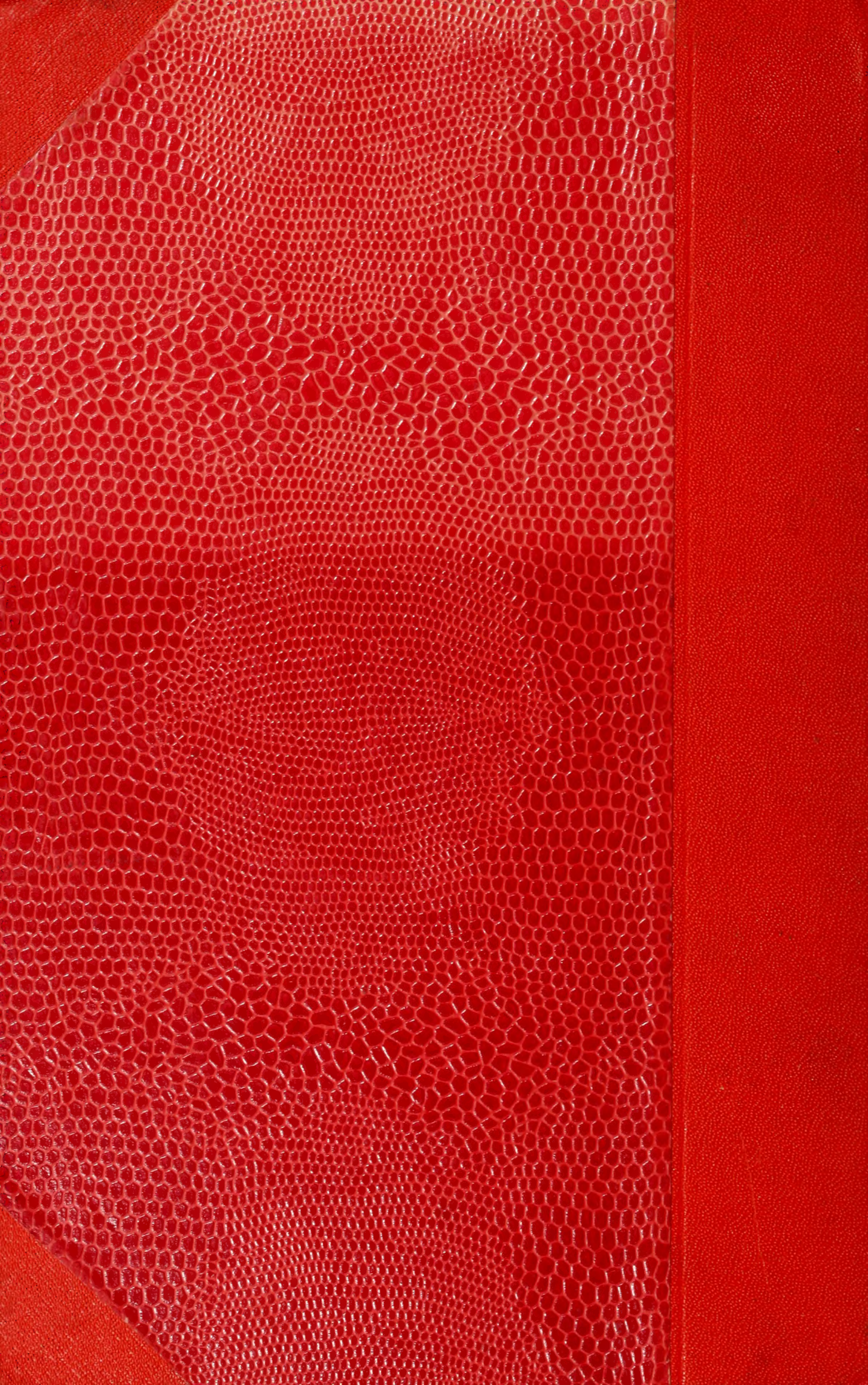
При перемѣнѣ адреса городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.

Заявленія о неисправности доставки сообщаются въ редакцію журнала не позже, какъ по полученіи слѣдующей книги.

Издатель Н. Боборыкинъ. Редакторъ **князь Д. Цертелевъ.**

AP
50
R86
g.3
Jan.

Russkoe obozrîènie

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY